

*Министерство культуры Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный мемориальный историко-литературный
и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина
«Михайловское» (Пушкинский Заповедник)*

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 63

«Когда б я был царь...»

МАТЕРИАЛЫ

Михайловских Пушкинских чтений

«Когда б я был царь...». Художник и власть»

(21 – 25 августа 2013 года)

и научно-практических чтений «Библиотека в усадьбе»

«...На их полях она встречает

Черты его карандаша...»

(23 – 27 апреля 2014 года)

Сельцо Михайловское
Пушкинский Заповедник
2014

Серия основана в 1996 году.

К 57   **«Когда б я был царь...»** : Материалы Михайловских Пушкинских чтений «Когда б я был царь...». Художник и власть» (21—25 августа 2013 года) и научно-практических чтений «Библиотека в усадьбе» «...На их полях она встречает / Черты его карандаша...» (23—27 апреля 2014 года) : [сб. ст.]. — Сельцо Михайловское : Пушкинский Заповедник, 2014. — 464 с. — (Серия «Михайловская пушкиниана»; вып. 63).

ISBN 978-5-94595- 081-8

В очередной выпуск «Михайловской пушкинианы» вошли материалы двух конференций, участие в которых принимали исследователи литературы и искусства, историки и культурологи, сотрудники музеев и библиотек, преподаватели и литераторы из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Челябинска, Воронежа, Ярославля, Пскова, Пушкинских Гор, а также из Нарвы (Эстония) и Минска (Белоруссия). Кроме того, в отдельном разделе здесь размещены статьи, подготовленные по результатам научных изысканий сотрудников Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское».

ББК 83.3 (2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-94595-081-8
(Пушкинский Заповедник)

Уважаемые читатели! Представленный вашему вниманию очередной, 63-й выпуск «Михайловской пушкинианы» содержит материалы двух конференций, которые состоялись в Пушкинском Заповеднике в 2013 и 2014 годах.

Одна из них, августовская, традиционно приурочена к дате «невольного» приезда А.С. Пушкина в родовое имение — 189-й годовщине его михайловской ссылки. Тематика Михайловских Пушкинских чтений в 2013 году была связана со знаменательной датой — 400-летием Дома Романовых. Темы «Поэт и царь», «Поэт и вельможа», «Независимость писателя перед лицом сильных мира» всегда волновали Пушкина (всё это актуально и по сей день). Неслучайно названием конференции стала пушкинская строка «Когда б я был царь...» из «Воображаемого разговора с Александром I» 1826 года.

Другая конференция — «Библиотека в усадьбе» — уже третий год собирает тех, кто не равнодушен к проблеме изучения истории книги XVIII — начала XIX века, истории русской усадьбы как неотъемлемой части русской культуры, истории литературы и литературоведения. Тема чтений 2014 года — «...На их полях она встречает / Черты его карандаша...» — позволила не только говорить об общих проблемах изучения, сохранения и работы с коллекциями дворянских усадебных библиотек, но и ближе познакомиться с отдельными изданиями, замечательными владельческими и авторскими пометами, экслибрисами, дарственными надписями — всем тем, что делает книгу живым свидетелем и участником истории владельца, семьи, рода, страны.

Во всех докладах, тексты которых опубликованы в этом сборнике, присутствует некая яркая нота, своего рода пушкинская доминанта. И это позволит каждому совершить увлекательное и полезное путешествие в творческий мир поэта. Ведь, как говорил сам Пушкин, «следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная».

*Людмила Тихонова,
заместитель директора Пушкинского Заповедника
по музейной, научной и экскурсионной работе*

Список сокращений в сборнике «Михайловская пушкиниана»

БАН НИОР — Библиотека Академии наук России, научно-исследовательский отдел рукописей.

ВГБИЛ — Всесоюзная (ныне Всероссийская) государственная библиотека иностранной литературы.

ВИМ — Военно-исторический музей.

ГАЯО — Государственный архив Ярославской области.

ГИМ — Государственный исторический музей.

ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина.

ГМУА — Государственный музей-усадьба «Архангельское».

ИРЛИ (ПД) или ИРЛИ РАН — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук.

ЛТИ ЦБП — Ленинградский технологический институт целлюлозно-бумажной промышленности.

МГАМИД — Московский главный архив Министерства иностранных дел.

НВА ГИМ — Научно-ведомственный архив Государственного исторического музея.

НИОР РГБ — научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея.

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

ПГИАХМЗ. ОР и РК — Псковский государственный объединённый историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Отдел рукописей и редкой книги.

ПЗ-КП — Книга поступлений Пушкинского Заповедника.

ПМЗ — Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское» (Пушкинский Заповедник).

ПОУНБ — Псковская областная универсальная научная библиотека.

РАН — Российская Академия наук.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.

РГГУ — Российский государственный гуманитарный университет.

РГИА — Российский государственный исторический архив.

РНБ — Российская национальная библиотека.

РО ИРЛИ РАН или РОПД — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук.

СПб ГТУРП — Санкт-Петербургский государственный технологический университет растительных полимеров.

СПб ИИ РАН (СПб ИИ) — Санкт-Петербургский Институт истории Российской Академии наук.

СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет.

ЧГПУ — Челябинский государственный педагогический университет.

ЯГПУ — Ярославский государственный педагогический университет.

І. Материалы научных Михайловских Пушкинских чтений «КОГДА Б Я БЫЛ ЦАРЬ...». ХУДОЖНИК И ВЛАСТЬ»

Жанна Грачёва

О «ВЛАСТИ» ВООБЩЕ И О «ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ» В ЧАСТНОСТИ: КОГНИТИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Власть — это сложный социальный конструкт, который может отражать далеко не простые отношения в обществе, как видимые, так и невидимые.

Согласно «Историко-этимологическому словарю современного русского языка»¹, слово «власть» старославянского происхождения; оно соотносится с русским «волость», то есть этимологически связано с категорией пространства, чрезвычайно важной для русского смыслополагания (как замечает академик Д.С. Лихачёв, «широкое пространство всегда владело сердцами русских», «оно выливалось в понятия и представления, которых нет в других языках»²; абстрактные понятия в русском языке часто осмысливаются через пространственные категории: так, слава — это когда многие территории тебя знают³). Таким образом, властвовать для русского человека — это, прежде всего, обладать возможностью овладевать и владеть пространствами, что, на наш взгляд, является следствием способности реализовывать потенцию силы.

В древнегреческом языке слово *αρχή* имело значение «власть» наряду с другими семантемами: «начало», «происхождение», «доминирование» (ср. русское «начальник»), косвенно указывающими на семантическую структуру слова «власть».

¹ Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 2001.

² Лихачёв Д.С. Заметки о русском // Избранные работы : в 3 т. Т. 2. Л., 1987. С. 420.

³ Лихачёв Д.С. «Слово о полку Игореве» — героический пролог русской литературы. М., 1967. С. 79—82.

Английское *power*, французское *pouvoir*, итальянское *potere* восходят к латинским словам *potestas* и *potentia*, образованным от латинского *potere* и имеющим, наряду со значением «власть», семантемы «сила», «мощь», «возможность», «способность», «влияние»¹.

Немецкое *macht* (однокоренное с глаголом *machen* — делать, изготовлять, производить) также означает «сила», «мощь», «могущество». При этом в немецком языке разделены понятия «власть» как могущество (*macht*) и «власть» как насилие и подавление (*gewalt*). Таким образом, в ряде языков романо-германской группы лексема «власть» семантизируется, прежде всего, как «возможность», «потенциал», «мощь», «энергия»; сема «владение» выявляется как периферийная. В русском языке наоборот: прежде всего актуализуется сема «территориальное обладание», сема «способность к действию» выступает в качестве периферийной.

Опираясь на дефиниции значений в толковых словарях и энциклопедиях, можно убедиться, что слово «власть» носит пропозитивный характер, то есть объективирует свёрнутую ситуацию, которая имеет следующие составляющие:

- субъект (тот, кто управляет);
- объект (то, чем управляют);
- прямые связи (от субъекта к объекту);
- обратные связи (от объекта к субъекту);
- внешняя среда (совокупность внешних факторов, оказывающих воздействие на процесс управления)².

Специфика прямых и обратных связей определяется целевыми установками объекта и субъекта.

Для выявления семантической структуры концепта «власть» в русском языке обратимся непосредственно к толковым словарям и справочникам³, где представлены три-пять значений слова «власть».

¹ Подосинов А.В., Козлова Г.Г., Глухов А.А. LINGUA LATINA. Латинско-русский словарь. М., 2001.

² Солонько И.В. Феномен концептуальной власти: социально-философский анализ : монография. М., 2011. С. 32.

³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1994; Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 1986; Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981—1984; Новый энциклопедический словарь. М., 2007; Словарь русской идиоматики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://idiomatika.academic.ru>; Русская энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://enc-dic.com/enc_ru; Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 2005.

В ходе анализа были выделены следующие компоненты пропозиции.

1) Компонент «связь субъекта с объектом» реализуется в первом значении слова и репрезентируется пересекающимися семемами «воздействие», «подчинение», «господство»; этот компонент может иметь в разных источниках дополнительные коннотации, указывающие на особенности этой связи:

- власть есть право, возможность, способность осуществлять воздействие (то есть подчёркивается легитимность власти и её модальность, ориентированность на полномочия и законный характер);

- её воздействие интенсивно, мощно, безгранично (так, в словаре под редакцией Евгеньевой указывается на «могущественное влияние чего-л.», «неодолимую силу»; в «Словаре русской идиоматики» этот признак репрезентируется через эпитеты «всесильная, всепокоряющая, громадная, безграничная, беспредельная, колоссальная, абсолютная»);

- власть предполагает свободу действий и распоряжений (согласно словарю В.И. Даля);

- она имеет метафизическую природу («Всякая власть от Бога»; в «Словаре русской идиоматики» определяется как «божественная», «волшебная», «магическая», «магнетическая»);

- её действия насильственны (согласно «Словарю русской идиоматики», власть «губительная», «железная», «жестокая», «грозная»; в словаре Д.Н. Ушакова прямо указывается на то, что это «принудительная сила»).

2) Компонент «субъект власти» представлен во всех словарях прототипическими субъектами — наиболее устойчивыми и древними; ими являются образы отца, царя и Бога (Отец Небесный, Царь-батюшка)¹; кроме того, это, согласно словарю С.И. Ожегова, «лица, облечённые правительственными, административными полномочиями», которые могут именоваться по-разному: «властодержец» — «верховный властелин, государь, правитель, наместник» (в соответствии со словарём В.И. Даля); а также «властная элита», «власть имущие, власти предержажшие»; народ как субъект власти в дефинициях не репрезентируется и выявляется только в примерах словарных статей — «власть народа»; субъект власти

---

¹ Михайлов А.П. Моделирование концепта «власть» в русской языковой картине мира [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/modelirovanie-kontsepta-vlast-v-russkoi-yazykovoii-kartine-mira#ixzz2hEQly1xJ>.

может также мыслиться неопределённо (*власть кого-нибудь*); в некоторых случаях субъектом власти могут становиться знаковые предметы и явления, воплощающие человеческие привязанности: *власть денег, золота, любви, тьмы, страстей*.

3) В ряде источников актуализируется ещё один двунаправленный смысловой вектор: от Бога — наделяющего властью, дарующего её — к субъекту (в этом случае тот становится орудием в руках Бога) и от субъекта власти — к Богу как высшему судье, дающему оценку его действиям («великая власть от Бога; всякая власть от Бога; всякая власть Богу ответ даёт; Бог даёт тому власть, кому похочет» — согласно словарю В.И. Даля).

4) Компонент «объект власти» в дефинициях либо не представлен вовсе, либо обозначен понятием «люди», либо репрезентирован неопределёнными местоимениями (*«подчинять кого-что-н. своей воле», «распоряжаться действиями кого-н.»*).

5) Власть как психологическое явление может порождать своеобразное совмещение субъекта и объекта в процессе личностного раздвоения: *власть над собой*.

6) Компонент «связь объекта с субъектом», как правило, в словарях не репрезентируется; исключение составляет словарь В.И. Даля, в котором представлено устаревшее слово «властонавидец» — «ненавистник», «возмутитель; своевольник, не терпящий властей».

7) В некоторых словарях, в частности в Большом энциклопедическом словаре, представлено также *орудие* власти: воля, авторитет, право, насилие, традиции, закон, техники манипуляции сознанием и так далее.

8) Слово «власть» способно образовывать объёмное метафорическое поле, представленное как перцептивными (отражающими восприятие через чувственные образы), так и когнитивными метафорами (выполняющими гносеологическую (познавательную) функцию); в этом случае «власть» предстаёт как физический объект, имеющий разного рода характеристики:

- зрительные (*показать, проявить, продемонстрировать власть*);
- пространственные (*вертикаль, пирамида, закоулки, стены, лабиринты, этажи, треугольник, вершина власти*); в этом случае власть чаще всего выступает как артефакт и осмысливается как:

а) сооружение: власть строят, возводят; она имеет свои этажи; её фундамент и стены укрепляют; во власть входят, в ней остаются; в коридорах и лабиринтах власти идёт скрытая от постороннего глаза жизнь;

субъект власти стремится подняться на вершину этого здания, пирамиды или горы (быть на вершине власти), с которой его можно свергнуть или низвергнуть (книжн.), скинуть (прост.), а на это место возвести другого;

б) поезд (*эшелоны власти*);

в) сложный механизм (*механизмы власти, технология власти, устройство власти*);

в) ценный и обременительный предмет, который нужно держать в руках (*держат в своих руках, (не) выпустить из своих рук, упустить, передавать из рук в руки, завоевать власть; тяжкое бремя власти*);

- вкусовые: власть как пища и вода (*упиваться властью, власть всласть, сладкое чувство власти, вкусить власть, жаждать власти*);

- антропологические (*паралич власти, старая/молодая власть, сильная/слабая*); заметим, что власть морфологизируется как существо женского рода и становится своеобразной сублимацией любви и страсти: *любить власть и обладать ею; страсть к господству, властвованию; властолюбец, властолюбивый*; при этом сама власть может становиться субъектом действия с агрессивными наклонностями: *власть давит, подавляет, прессует, нажимает, эксплуатирует, принуждает, уничтожает*.

Таким образом, 1) в диахронном аспекте сценарий-фрейм «власть» реализуется (согласно определению А.П. Михайлова¹) в виде формулы: «Данное Богом избранному человеку полное и безграничное право управления и владения территорией и всеми, кто на ней проживает»;

2) концепт «включает в себя два противоположных и взаимоисключающих начала — «господство» и «подчинение», поэтому является сущностью синкретичной, дуальной, амбивалентной, построенной по энантиосемичной модели»²;

3) при этом «власть» предстаёт как пропозитивное ментальное образование, в котором ситуация, как правило, мыслится как одновекторное, подчиняющее, мощное, порой фатальное и мистическое движение от доминирующего субъекта к объекту, который вербализуется обобщённо или неопределённо;

---

¹ Михайлов А.П. Моделирование концепта «власть» в русской языковой картине мира.

² Касаткина Е.А. Концепт «власть» в русской лингвокультуре [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/kontsept-vlast-v-russkoj-lingvokulture/>.

---

4) языковой анализ показывает, что предполагаемое взаимопроникновение и взаимопревращение в социальной системе «субъект — объект», когда субъект становится объектом, а объект — субъектом, то есть управляемые становятся управляющими (о котором пишет философ-евразиец С.Н. Булгаков), в словарных дефинициях не фиксируется;

5) метафорическое поле концепта отражает процесс материализации власти (она выступает как артефакт — строение, эшелон, предмет — или одухотворённое лицо).

Одним из наиболее древних субъектов власти в русском сознании, как указывалось выше, стал царь. Лексема «царь», как правило, соотносится с семемами: 1) единовластный государь, монарх, а также официальный титул монарха; лицо, носящее этот титул; 2) тот, кто безраздельно обладает чем-н., властитель (устар. и книжн.) — *царь своей судьбы, моей души*; 3) тот, кто (что) является первым, лучшим, выдающимся.

Слово «царь» возникло в древнерусскую эпоху из «цесарь» (*цѣсарь* — лат. *caesar*, «цезарь», римский политик, диктатор и полководец). С правления Октавиана слово «цезарь» стало титулом императора. Синонимами слова «царь» являются слова «государь», «монарх», «император».

Обратимся к фразеологизмам и паремиям, выявленным из толкового словаря В.И. Даля, для когнитивной интерпретации концепта «царь».

1) Есть Царь небесный — «царь царствующих» (Бог) и земной, который является заместителем Бога на земле: *у царя царствующих (у Бога) много царей; царь земной под Царём небесным ходит (под Богом); До милосердного царя и Бог милостив; царь от Бога пристав; царский гнев и милость в руке Божьей*; как видим, большинство пословиц построены по принципу оппозиции: Бог/царь (*Бог помилует, а царь пожалует; Бог помилует, так и царь пожалует; виноватого Бог простит, правого царь пожалует; никто против Бога да против царя*).

2) Царь — основа порядка на земле, воплощение правды и справедливости: *без Бога свет не стоит — без царя земля не правится; где царь, тут и правда; виноватого Бог простит, правого царь пожалует*.

3) На плечах царя лежит бремя колоссальной ответственности, поскольку за его просчёты расплачивается народ: *за царское согрешение Бог всю землю казнит, за угодность милует*.

4) Между царём и народом существуют отношения взаимозависимости:

- царь — отец народа: *без царя народ сирота; царь-батюшка;*
- царь способен замолиť грехи народа, народ же не властен над судьбой царя: *народ согрешит — царь умолит, а царь согрешит — народ не умолит;*

- царь должен «слышать дыхание» и предчувствовать мысли своего народа: *народ думает, а царь ведает; как весь народ вздохнёт, до царя дойдёт.*

5) Царь всё видит и знает: *всякая вещь перед царём не утаится; царский глаз далеке сягает,* — но он не знает, что делают его прислужники: *жалует царь, да не жалует псарь; не ведает царь, что делает псарь.*

6) Он далеко, недоступен: *до Бога высоко, до царя далеко.*

7) Милостив и жесток одновременно: *Бог помилует, а царь пожалует; Бог помилует, так и царь пожалует; виноватого Бог простит, правого царь пожалует; царь не огонь, а ходя близ него опалишься.*

8) Находиться около царя почётно, но опасно: *близ царя, близ чести, близ царя, близ смерти; где царь, там и страх (или и гроза).*

9) Он живёт роскошно: *живёт царь-царём; не диво, что у царя жена хороша* (от древнего обычая избирать), но одинок, как нищий: *царь да нищий — без товарищей.*

Как видим, русский мир властечентричен, причём во властной позиции присутствуют два «ступенчатых» субъекта — Бог и царь, который по отношению к Богу становится объектом власти, а к народу — субъектом. Архетипический «царский комплекс» в русском национальном сознании выстраивается на основе антиномий: Бог на небе — царь на земле; Бог над царём — царь над народом; царь — отец народа, он справедлив, вездесущ, всезнающ, но до него далеко, а до его слуг-исполнителей близко; царь милостив, но и жесток; он притягателен и опасен; богат, но беден. Власть для русского сознания — явление, прежде всего, сакральное, выведенное из зоны фамильярного контакта. Трансцендентное узаконивание власти задаёт смысловой контекст существования общества, напрямую связывая причастность к высшей ценности с причастностью к власти.

О ДВУХ «НИКОЛАЕВСКИХ» СТИХОТВОРЕНИЯХ ПУШКИНА

Историко-литературные и текстологические заметки

У Пушкина есть три стихотворения, в которых воздаётся хвала императору Николаю I: «Стансы», «Друзьям» и «Герой». В настоящей статье речь пойдёт о первых двух.

22 декабря 1826 года, на третий день после возвращения из Псковской губернии в Москву, Пушкин в гостях у своего недавнего московского приятеля В.П. Зубкова на небольшом клочке бумаги набросал черновые строки своего стихотворения, в печатной публикации получившего название «Стансы» и начинавшегося афористичными строками: «В надежде славы и добра / Гляжу вперёд я без боязни...» (III, 40). Когда было завершено это стихотворение, мы — за отсутствием других авторско-рукописных источников текста — сказать точно не можем. Его датировка в Большом академическом собрании сочинений Пушкина (III, 1134) совпадает с датой написания черновика, однако это представляется излишне жёстким решением. В июле следующего, 1827 года Пушкин послал это стихотворение — наряду с другими своими текстами — Бенкендорфу на царскую цензуру; в свете этого написание белого текста может быть отнесено к весьма обширному периоду: 20-е числа декабря 1826 года — июль 1827-го. Всё же наиболее вероятно, что завершил стихотворение Пушкин в течение нескольких недель после упомянутого чернового наброска.

Вот транскрипция этого единственного рукописного источника стихотворения. Пояснение к транскрипции: 1) подчёркивание пробела между словами в первой строке означает небрежно-слитное написание слов в скорописи; 2) строки помечены в нижних индексах перед ними

Работа выполнена в рамках проекта «Разработка информационной системы мультимедийного представления текстологической информации (Проект «Видеотекст»)», № 13-04-12029, по гранту, поддержанному Российским гуманитарным научным фондом (период 2013—2015 гг.). Автор признателен Н.Н. Перцовой за придирчивую и нелицеприятную критику первоначальной версии настоящей статьи, повлёкшую ряд существенных коррекций.

двойными номерами, данными в квадратных скобках через косую черту: сначала номер в соответствии с верхним слоем черновика, затем — в соответствии с последовательностью его заполнения.

[1/1] Во_все~~мь~~ будь прашуру подобень

[2/2] Какъ онъ рѣшительнъ и твердъ

[3/3] Но памятью, какъ онъ, незлобень —

[4/4] Самодержавною рукой
смѣло

[5/5] Онъ ~~везде~~ съяль просвѣщенъе

[6/10] Не презираль страны родной
Академикъ , то Герой

[7/11] И зрѣль ея [8/6] То ~~вождь~~ ,
предназначенье

[9/7] То мореплавателъ , то плотникъ
всеобъемлющей

[10/8] ~~Неутомимъ~~ онъ душо<й>

[11/9] На тронѣ вѣчный былъ работникъ
22 Декабря.

1826 годъ. Москва у Зуб.¹

Справа от черновика — перпендикулярно к нему — набросок зачёркнутой фразы, начинающей, по-видимому, записку, обращённую к некоей даме; эта фраза в справочном издании Л.Б. Модзалевского и Б.В. Томашевского² расшифровывается как «начало письма к неизвестной»: «<Madam>e» je vous avois — parlé de» — «Мадам, я вам сказал о» (от слова *Madame* осталась лишь последняя буква *e*, то есть оно восстанавливается предположительно, хотя и высоковероятно). Очевидно, что фраза была написана до черновика. Пушкин её зачёркнул, повернул листок и стал в другом направлении набрасывать стихотворение. Сверху и снизу по отношению к тексту черновика листок неровно оборван; можно предположить, что на уничтоженной поверхности страницы находились какие-то другие записи.

¹ РОПД. Ф. 244, оп. 1, № 86.

² Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. Научное описание / сост. Л.Б. Модзалевский и Б.В. Томашевский. М. ; Л., 1937. С. 36.

Как явствует из записи внизу, черновик был набросан в доме московского приятеля Пушкина Василия Петровича Зубкова. Он был сверстником Пушкина и выступал как посредник в его отношениях с дальней родственницей поэта Софьей Фёдоровной Пушкиной, к которой тот сватался осенью 1826 года (Зубков был женат на её сестре Анне Фёдоровне). Вероятно, именно от Зубкова Пушкин и узнал об отказе своей тогдашней избранницы (вскоре вышедшей замуж за другого). Однако в те же дни он услышал не только эту огорчительную весть. Не исключено, что именно Зубков рассказал ему о комитете, основанном императором совсем незадолго до возвращения Пушкина в Москву, — так называемом Секретном комитете 6 декабря, нацеленном на преобразование государственного аппарата в России¹. Может быть, Зубков сказал об этом в конфиденциальном разговоре в тот же день — и оживил надежды поэта на преобразовательную деятельность нового царя, столь милостиво освободившего его от плена изгнания². И вот, прервав писание начатой записки, поэт стал торопливо набрасывать поэтические строки.

Последние две строки внизу — указание даты и места — были, как кажется, вписаны после обрыва листа: расстояние между строками (как

---

¹ Об этом комитете в связи с «николаевскими» стихотворениями пишет Б.В. Томашевский: «Слухи о деятельности секретного комитета 6 декабря 1826 г. давали основания Пушкину и его кругу ожидать важных изменений в направлении внутренней политики» (*Томашевский Б.В.* Из пушкинских рукописей // Литературное наследство. Вып. 16—18. М., 1934. С. 304—305). В книге Д.Д. Благого осведомлённость поэта об учреждении секретного комитета и её связь со «Стансами» утверждаются уверенно: «По приезде в Москву (вечером 19 декабря) Пушкина встретило горестное известие... «Нина» — С.Ф. Пушкина — во время его затянувшегося отсутствия отдала свою руку другому. Но одновременно он узнал и о важной политической новости. 6 декабря Николаем I был учреждён... особый секретный комитет для пересмотра всего государственного устройства и управления России. Это произвело громадное впечатление на Пушкина... Воодушевлённый услышанным, он создаёт впервые после декабрьской катастрофы новое программно-политическое стихотворение, обращённое к царю, — «Стансы»...» (*Благой Д.Д.* Творческий путь Пушкина (1826—1830). М., 1967. С. 115—116).

² Вести о благодеяниях царя по отношению к первому русскому поэту в осенне-зимние месяцы 1826 года распространялись по России. Характерно свидетельство Н.М. Языкова в письме к брату Петру, написанному в те же декабрьские дни (29-го числа): «Пушкинь въ большой милости у Государя: его будеть имѣть благодѣтельное дѣйствие на нашу литературу. Онъ хочет напечатать свою трагедію Борисъ Годуновъ; она лучше всего, что онъ сочинилъ доселѣ, удивительно вѣрно изображаетъ нравы тогдашняго времени — и вообще подвигъ знаменитый» (Языковский архив. Вып. 1. Письма Н.М. Языкова родным за дерптский период жизни (1822—1829). СПб., 1913. С. 290).

сказали бы ныне — интерлиньяж) и почерк здесь мельче, чем выше в стихотворном наброске. Скорее всего, записи на оборванной части страницы отношения к стихам не имели, и Пушкин посчитал нужным от них избавиться. Законченного поэтического текста черновик в его верхнем слое не даёт: если говорить о формальном аспекте, то нет рифмы у второй строки (со словом «твердь»); если же о содержании — не разъяснено, о ком же идёт речь (хотя это и вычитывается — даже при отсутствии знания печатного текста стихотворения): трижды повторенное местоимение «онь» как бы повисает в воздухе. Сравнительно с печатным текстом — из пяти строф здесь намечены лишь последние три: пятая, третья и четвертая строфа — именно в такой последовательности. Из одиннадцати строк верхнего слоя черновика в печатный текст семь перешли без изменений, одна строфа черновика (последняя в нём) — сохранилась в печатном тексте полностью.

Надо сказать, этот черновик принадлежит к той области черновых пушкинских рукописей, относительно немногочисленной, когда последовательность построкового заполнения может быть достаточно правдоподобно восстановлена: сначала были записаны строки, в транскрипции данные более крупным кеглем, а затем вписаны две, данные в ней меньшим. Относительно же последовательности выполнения трёх замен и вписывания двух строк трудно — если не невозможно — сделать достаточно вероятные утверждения¹.

Пушкин не торопился печатать своё первое «николаевское» стихотворение: оно было направлено в царскую цензуру через Бенкендорфа лишь 20 июля 1827 года, то есть через несколько месяцев после написания. Спустя месяц Плетнёву, на которого поэт, уехавший в Михайловское, оставил свои издательские дела, было сообщено о разрешении на печатание «Стансов», а Пушкин узнал об этом в самом конце августа. Нет сомнений, однако, в том, что стихотворение в обществе стало широко известно ещё до его опубликования в начале 1828 года в первом номере «Московского Вестника»: поэт справедливо полагал, что, несмотря на упрёки Бенкендорфа в чтении не прошедших ещё цензуру сочинений (в связи с многочисленными чтениями «Бориса Годунова» в Москве осенью 1826 года), на эти явно хвалебные «николаевские» «Стансы» недовольство царя и его администрации распространяться не должно. Надо сказать, что конкретных неодобритель-

---

¹ Вариант для строки 10/8 «Неутомимой он душой» (III, 584) представляет ошибку: в концовке первого слова буквы *й* нет.

ных откликов на «Стансы» до их публикации известно немного: мне известен лишь один — в письме поэта Языкова к брату Александру от 20 ноября 1827 года: «Письмо твое, съ приложениемъ двухъ пьесъ Пушкина, я получилъ съ большимъ удовольствіемъ, потому что мнѣ давно хотѣлось знать, что именно написалъ нашъ Байронъ къ Государю. Между нами будь сказано, стансы его слишкомъ холодны; солдат[ская] пѣсня въ своемъ родѣ лучше, но и въ ней есть кое-что неприличное: стихи для рифмы, выраженія неумѣстныя (имеется в виду грубовато-непристойная «Рефугация Беранжера». — *Н.П.*). Правда ли, что Пушкинъ сочиняетъ исторію Петра I-го? Не тиснетъ ли онъ Годунова?»¹ Замечу, что здесь явного упрека в лести мы не видим — скорее наоборот: Языков полагает «градус» восхваления недостаточно высоким. При этом есть основания предполагать такие упреки со стороны, скажем, Вяземского, Раевского-младшего, Чаадаева или Катенина². Скорее всего, в большинстве случаев неодобрение и осуждение со стороны близкого круга людей (и не только близкого) поэт узнавал изустным путём — из разговоров³.

По существу, самым ярким известным нам свидетельством неодобрения близкого круга поэта по отношению к «Стансам», вызванным

---

¹ См.: Языковский архив. Вып. I. С. 343. В двух справочных изданиях, описывающих жизнь и творчество Пушкина в период 1826—1827 годов (Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина : в 4 т. Т. II (1825—1828). М., 1999; Хроника жизни и творчества А.С. Пушкина : в 3 т. Т. 1, кн. 1. 1826—1828. М., 2000), других неодобрительных откликов на «Стансы», тогда ещё не напечатанные, мы не находим.

² Д.Д. Благой, называя среди первоначальных адресатов стихотворения «Друзьям» П.А. Катенина, Н.М. Языкова, П.Я. Чаадаева, Н.Н. Раевского, относительно последнего пронизательно сопоставляет наброски черновика стихотворения — «Когда я жертвой клеветы», «Презрѣвъ ты знаешь клеветы» — со строкой из посвящения Раевскому в «Кавказском пленнике»: «Я жертва клеветы и мстительных неведж» (*Благой Д.Д.* Творческий путь Пушкина. С. 160).

³ Ряд сведений об общественном неодобрении «никалаевских» стихотворений и вообще тогдашнего поведения Пушкина по отношению к власти относится к более позднему времени, уже после смерти поэта. Так, весьма выразительно записанное в начале 1850-х годов свидетельство С.П. Шевырёва: «Москва неблагородно поступила съ нимъ: послѣ неумѣренныхъ похвалъ и лестныхъ пріемовъ охладѣли къ нему, начали даже клеветать на него, взводить на него обвиненія въ ласкательствѣ и наущничествѣ и шпіонствѣ передъ государемъ. Это и было причиной того, что онъ оставилъ Москву» (*Майков Л.* Воспоминания Шевырёва о Пушкине // Русское обозрение. 1893. № 4. С. 623; Пушкин в воспоминаниях современников : в 2 т. Т. 2. СПб., 1998. С. 46).

восхвалением царя, служит другое его «николаевское» стихотворение — «Друзьям». Транскрипция черновика выглядит так¹:

- [1] Нѣтъ , я не льстець — когда
Царю
свободную
- [2] Хвалу ~~правдивую~~ слогаю —
правды ~~рѣбе~~
- [3] Я ~~миѣннй~~ ~~рабеки~~ не скрываю
- [4] Языкомъ сердца говорю —

- [5a] ~~Мне ль не любить~~ ~~его~~
царя <онъ> съ высоты
- [5b] ~~Люблю его — не онъ ли мнѣ~~
ь мнѣ
- [6] ~~Простерни~~ Царствен<н>ую руку

ты
знаешь

- [7a] ~~Могучей жертва~~ ложной
[7b] ~~Когда я жертвой~~ клеветы

- [8] ~~Я не~~ Когда изгнанья муку

Мою

- [9] ~~Онъ мысль освободилъ мою~~

- [10] ~~Не даромъ~~

- [11] ~~Онъ — меня~~

- [12] ~~Онъ не купилъ хвалы~~

Черновой набросок этого стихотворения при широкой ориентации датировки следует отнести к периоду от 6 ноября 1827 года до февраля 1828-го, а при узкой — к первой половине ноября 1827-го. Так определяет его датировку Б.В. Томашевский: «...стихотворение можно отнести к ноябрю 1827 г. А в таком случае упоминание войны особенно знаменательно:

¹ РОПД. Ф. 244, оп. 1, № 94 об. Фоном выделен фрагмент, читающийся предположительно; выделенный фоном квадратик отмечает неразобранную букву.

именно в это время политика России по отношению к греческому вопросу изменилась. Россия примкнула к либеральной позиции Каннинга, и в результате соглашения произошло вмешательство в греко-турецкие дела, ознаменовавшееся наваринским сражением 12/20 октября¹.

Черновик находится на обороте листа с белой концовкой стихотворения «Талисман», датированной «6 ноября ночью». «Талисман» был в 1829 году напечатан во второй части «Стихотворений Александра Пушкина» в отделе стихотворений 1827 года; тем самым определяется год — 1827-й.

Место написания не указано; скорее всего, это был номер в гостинице Демута, где Пушкин — по своему обыкновению — поселился после своего возвращения в Петербург за три недели до этого, и на этот раз тоже из Михайловского (по пути на станции Залазы и произошла его знаменитая случайная встреча с другом Кюхельбекером, арестантом, перевозимым из Шлиссельбургской в Динабургскую крепость).

Попытаюсь наметить — весьма предположительно — непосредственные импульсы, побудившие поэта обратиться к этой рискованной для его репутации теме. Здесь примечательны три записки управляющего третьим отделением М.Я. Фон-Фока для Бенкендорфа; одна относится к 31 августа 1827 года (Пушкин тогда был в Михайловском), две другие — ко второй половине октября. В первой записке, названной «О началъ Собраній Литературныхъ», сообщается о вечеринке у О.М. Сомова по случаю его новоселья, на которой были А.А. Дельвиг, К.С. Сербинович, Н.А. Полевой: «За ужиномъ, при рюмкѣ вина, вспыхнула веселость, пѣли куллеты и читали стихи Пушкина, пропущенные Государемъ къ напечатанію. Баронъ Дельвиг подобралъ музыку къ Стансамъ Пушкина, въ коихъ Государь сравнивается съ Петромъ. Начали говорить о ненависти Государя къ злоупотребленіямъ и взяточникамъ, объ откровенности его характера, о желаніи дать Россіи законы, и наконецъ литераторы до того воспламенились, что какъ-бы порывомъ вскочили со стульевъ съ рюмками шампанскаго и выпили за здоровье Государя. Одинъ изъ нихъ весьма деликатно предложилъ здоровье *Ц е н с о р а П у ш к и н а*, чтобъ провозглашеніе имени Государя не показалось лестью, и всѣ выпили до дна, обмакивая *С т а н с ы П у ш к и н а* въ вино»².

¹ *Томашевский Б.В.* Из пушкинских рукописей. С. 305. Позволю себе не согласиться с жесткой привязкой стихотворения к февралю 1828 года у Д.Д. Благого (см.: *Благой Д.Д.* Творческий путь Пушкина. С. 160, 273).

² *Модзалевский Б.* Пушкин в донесениях агентов тайного надзора. 1826—1830 // *Былое.* 1918. № 1 (29). С. 37—38.

Из этого следует, что рукописные экземпляры «Стансов» были у нескольких участников вечеринки; скорее всего, до публикации стихотворения его списки свободно «гуляли» в обществе.

Во второй записке (первой октябрьской) Фок пишет о Пушкине, что он «ведет себя весьма благоразумно в отношении политическом»¹.

Особенно выразительна третья (вторая октябрьская) записка Фока: «Поэт Пушкинъ ведетъ себя отлично хорошо въ политическомъ отношеніи. Онъ непритворно любитъ Государя² и даже говорить, что Ему обязанъ жизнью, ибо жизнь такъ ему наскутила въ изгнаніи и вѣчныхъ привязкахъ, что онъ хотѣлъ умереть. Недавно былъ Литературный обѣдъ, гдѣ шампанское и венгерское вино пробудили во всѣхъ искренность. Шутили много и смѣялись и, къ удивленію, въ это время, когда прежде подшучивали надъ Правительствомъ, нынѣ хвалили Государя откровенно и чистосердечно. Пушкинъ сказалъ: «Меня должно прозвать или Николаевымъ, или Николаевичемъ, ибо безъ Него я бы не жилъ. Онъ далъ мнѣ жизнь и, что гораздо болѣе, — свободу:³ вивать!»⁴. Не выглядят ли два фрагмента из записки Фока (отмеченные в сносках к только что приведённой цитате) своего рода прообразами будущих строк стихотворения «Друзьям», набросок которого столь недалеко отстоит по времени от описываемых в ней событий? (Напомню, что этот черновой набросок скорее всего относится к ноябрю 1827-го.)

Вынужден констатировать: последняя записка Фока представляет собой едва ли не самое откровенное выражение тогдашних «процарских» мыслей и настроений Пушкина. Именно так это и могло восприниматься многими в петербургском — и не только в петербургском — обществе, как в среде друзей Пушкина, так и среди далёких от него людей. Именно в те октябрьские и ноябрьские дни 1827 года поэт мог слышать рой осуждения; до него могли долетать слухи о такого рода неодобрительных высказываниях. И вот на обороте концовки «Галисмана» он начинает набрасывать оправдательно-объясняющие строки.

Черновик стихотворения «Друзьям» гораздо более сложен в текстологическом аспекте. Дело вовсе не в трудностях расшифровки: почти всё читается, в чём значительно помогает раздел «Другие редакции и ва-

---

¹ Там же. С. 39.

² Вспомним строку из стихотворения «Друзьям»: «Его я просто полюбил...» (III, 89).

³ Это перекликается со строкой стихотворения «Друзьям»: «Освободил он мысль мою» (III, 89).

⁴ *Модзалевский Б.* Пушкин в донесениях агентов тайного надзора. С. 39.

рианты» в 17-томном академическом собрании сочинений. Не вызывает особых трудностей в этом черновике и установление последовательности построкового заполнения.

Черновик «Друзьям» ещё менее далёк от «законченности», нежели черновик «Стансов». Начать с того, что, чисто формально, тот верхний слой, который остаётся после изъятия всех зачёркиваний и подстановки в соответствующих случаях заменяющих фрагментов, представляет собой ритмически и синтаксически дефектный, обрывочный текст — во второй строфе, в интервале строк от пятой до восьмой: «...сь высоты / Простеръ мнѣ Царственную руку / Презрѣвъ ты знаешь клеветы / Когда изгнанья муку <...>»¹; то же относится к последующим наброскам в строках 9—12. Отмечу, что в строке 5b следует ввести конъектуру, а именно — пропущенною ошибкою местоимение «онъ» перед концовкой строки «сь высоты»; такую конъектуру мы видим в Большом академическом собрании (III, 643) — правда, без указания конъектурного статуса этой вставки. Следует признать, что здесь поэт лишь набирает текстовый материал, ещё не приходя к какому-либо (пусть и промежуточному) результату, корректному с точки зрения ритмического и синтаксического построения.

Не представляется возможным установить в некоторых случаях комбинации промежуточных вариантов не только между разными строками, но и в пределах одной. Рассмотрим, например, ситуацию со строкой 3. Из описания вариантов для неё в Большом академическом собрании получается такая последовательность вариантов: «Я мнѣній рабски не скрываю» → «Я мнѣній робко не скрываю» → «Я мнѣній рабски не скрываю» (возвращение к первому варианту) → «Я правды рабски не скрываю»; тем самым вариант «Я правды робко не скрываю» исключается. В описании черновика у Б.В. Томашевского² возможность этого варианта также не предусмотрена.

В черновике в этой строке мы (с учётом восстанавливающего подчёркивания слова «рабски») видим три замены: (1) «мнѣній» → «правды», (2) «рабски» → «робко», (3) «робко» → «рабски»; при этом неясен

---

¹ Окончательное «ты знаешь» дало основание Б.В. Томашевскому утверждать, что «первоначальные стансы были обращены не к коллективному адресату «Друзьям», а к кому-то одному и, следовательно, являются не отзывом на дошедшие до Пушкина слухи, а ответом на какие-то определённые и прямые обвинения. Не был ли Вяземский полемистом Пушкина?» (*Томашевский Б.В. Из пушкинских рукописей. С. 306*).

² *Томашевский Б.В. Из пушкинских рукописей. С. 305.*

статус подчёркивания слова «мнѣній», не согласованного с оставшимся незачёркнутым словом «правды», из-за чего даже окончательный вид этой строки черновика остаётся под вопросом (возможно, автор не дошёл до конца подразумевавшийся им возврат: «правды» → «мнѣній»). Из трёх указанных замен относительно второй и третьей мы можем указать точно их относительный порядок: замена некоего фрагмента с зачёркиванием предшествует его восстановлению с помощью подчёркивания. А вот относительно порядка замен (1) и (2) мы ничего определённого сказать не можем; академическое же издание, исключая этот вариант, жёстко предписывает такую последовательность замен: (2) → (3) → (1), для чего черновик оснований не даёт.

Обратимся к строкам 5b—6. Здесь обнаруживаются три замены: в строке 5b две: (1) «его» → «царя», (2) «не онъ ли мнѣ» → «<онъ> съ высоты»; в строке 6 одна: (3) «Простерши» → «Простеръ мнѣ». При этом окончательного варианта нет: начало строки 5b — первые два слова — зачёркнуты без замены. С учётом синтаксиса из восьми возможных комбинаций здесь допустимы только шесть промежуточных вариантов: (I) «Люблю его — не онъ ли мнѣ / Простерши Царственную руку» (исходный); (II) «Люблю царя — не онъ ли мнѣ / Простерши Царственную руку»; (III) «Люблю его — <онъ> съ высоты / Простерши Царственную руку»; (IV) «Люблю Царя — <онъ> съ высоты / Простерши Царственную руку»; (V) «Люблю его — <онъ> съ высоты / Простеръ мнѣ Царственную руку»; (VI) «Люблю царя — <онъ> съ высоты / Простеръ мнѣ Царственную руку». В Большом академическом собрании здесь отмечено только три варианта: первые два соответствуют двум указанным выше — (I) и (V), а последний синтаксически дефектен — «Люблю царя — не он ли мне / Простеръ мне Царственную руку».

В моей совместной с И.А. Пильщиковым статье¹ для такого рода вариантной рукописной текстологической неопределённости в черновике, при которой нет возможности категорично указывать возможные промежуточные варианты, предложена особая нотация, с помощью которой ситуацию в строках 5b и 6 можно отразить следующим образом:

Люблю { его | царя } { не онъ ли мнѣ | <онъ> съ высоты } / Простер { ши | ѣ мнѣ } Царственную руку

¹ *Перцов Н.В., Пильщиков И.А. О лингвистических аспектах текстологии // Вопросы языкознания. 2011. № 5. С. 13—14, 25—26.*

При этом нужно специально отметить, что комбинация вариантов «не онъ ли мнѣ» + «Простеръ мнѣ» исключается из-за их синтаксической несовместимости (повторение местоимения «мнѣ»).

Стихотворение «Друзьям» в феврале 1828 года — вскоре после опубликования «Стансов» — Пушкин передал Бенкендорфу для императора, резолюция которого была двойственной: с одной стороны, Бенкендорф сообщил (в письме от 5 марта 1828 года), что «Государь совершенно доволен» сочинением, с другой — что он не желает его публикации. При этом Бенкендорф утаил в письме царское добавление: «Cela peut courir, mais pas être imprimé» — «Это можно распространять, но не печатать». Сомневаться в том, что Пушкину оно стало известно, не приходится: стихотворение стало распространяться в многочисленных списках. Академическое издание отмечает двадцать копий; среди них — копия третьего отделения, по которой оно и печатается. В четырёх копиях заглавия нет, в шестнадцати стихотворение озаглавлено, причём по-разному; всего отмечено десять заглавий, среди которых такие «колючие», как «Льстец» и «Оправдание» (III, 1154—1155)¹. В шести копиях заглавие «Друзьям», и среди них — копия III отделения; так же названо стихотворение в письме Бенкендорфа Пушкину. Впервые стихотворение было опубликовано спустя почти 30 лет после написания, в 1857 году, в седьмом, дополнительном, томе анненковского собрания сочинений Пушкина.

Мне представляется, что списки стихотворения могли появиться ещё до публикации первого «николаевского» стихотворения «Стансы» в «Московском Вестнике» в январе 1828 года — и что эти списки могли ещё более сгустить неодобрительный туман вокруг Пушкина. В письме от 10 января, предположительно атрибутируемом А.М. Тургеневу и обращённом к историку А.И. Михайловскому-Данилевскому, автор пишет перед текстом «Стансов»: «Прилагаю вамъ стихи Пушкина, impromptu², написанные авторомъ въ присутствіи государя, въ кабинетѣ его величества»³. Здесь, правда, говорится не о втором, а о первом

¹ «...даже заглавия, которые были приданы стансам 1828 года в некоторых из списков, показывают, какую не только резко отрицательную, но и прямо обидную, оскорбительную для поэта реакцию вызвали они у ряда читателей» (*Благой Д.Д.* Творческий путь Пушкина. С. 170).

² Экспромт.

³ Русская старина. 1890. Т. 68, № 12. С. 747—748. В этом приложенном тексте в двадцати строках мы обнаруживаем восемь расхождений (не считая

«николаевском» стихотворении; однако не мог ли это слух распространиться под влиянием хождения в обществе текста второго?¹ 17 апреля П.А. Катенин в письме литературному критику Н.И. Бахтину говорит о связи пародийной окраски образа певца-эллина в своём стихотворении «Старая быль» с намёком на «Стансы» Пушкина, опубликованные за три месяца до этого, и отзываясь о них так: «О «Стансах» С.П. (то есть «Саши Пушкина». — *Н.П.*) скажу Вамъ, что онъ, какъ многія вѣщи въ немъ, плутовскія...»²

Если обратиться к эпистолярным свидетельствам, касающимся второго «николаевского» стихотворения, то здесь следует отметить письмо жены Баратынского Анастасии Львовны, которая в мае 1828-го пишет в Мару В.А. Баратынской: «Пушкин сочинил новые стихи к Государю, которые ещё не напечатаны; говорят, он получил пенсия в десять тысяч рублей»³. Здесь уже определённо имеется в виду стихотворение «Друзьям». Через несколько месяцев, 20 сентября, Языков в письме к брату Петру отзываясь очень резко: «Стихи Пушкина «Къ друзьямъ» — просто дрянъ: такими стихами никого не выхвалишь, никому не польстишь, и доказательством тонкаго вкуса литературнаго въ нынѣ дѣйствующемъ Государѣ есть то, что онъ не позволилъ ихъ напечатать!»⁴ Это выглядит странно и не вполне последовательно — в свете процитированного выше отзыва Языкова в письме к другому брату, Александру, о «Стансах», которые поэту показались недостаточно хвалебными. В письме же к А.Н. Вульффу, написанному 1 ноября, спустя месяц с небольшим после только что процитированного, Языков проявляет новую непоследовательность (на этот раз — хорошего толка), отзываясь о «Стансах» так: «Стихи Пушкина къ Государю я зналъ давно. Радуюсь сердечно, что наконецъ Петръ, Мазепа и Полтава нашли себѣ

пунктуационных и связанных с регистром букв — строчных/прописных) с первопечатным текстом стихотворения в «Московском вестнике», появившемся через несколько дней после написания письма. При этом два варианта в этом тексте близки к тем, которые фигурируют в пушкинском автографе: «Онъ всюду сѣялъ просвѣщенъе» (в автографе «всюду» заменено на «смѣло»); «Какъ онъ — рѣшителенъ и бодръ» (в автографе «Какъ онъ рѣшителенъ и твердъ»; в печатном тексте — «Какъ Онъ неутомимъ и твердъ»).

¹ Версия о месте написания «Стансов» («въ кабинетѣ государя») представляется абсолютно нереальной.

² Письма П.А. Катенина к Н.И. Бахтину. (Материалы для истории русской литературы 20-х и 30-х годов XIX века). СПб., 1911. С. 114—115.

³ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. II. С. 391.

⁴ Языковский архив. Вып. 1. С. 371.

достойного воспѣвателя. Желаю Пушкину долготерпенія для этого труда божественнаго: больше желать ему нечего; его викторія на Парнасъ такъ вѣрна, какъ на небѣ луна»¹.

Прошло три года после первой публикации «Стансов» — и вот в Лондоне А.И. Тургенев, получив из России две части «Стихотворений Александра Пушкина» (1829), заносит в дневник осуждающий отзыв о «Стансах»: «В нём (Николае I. — *Н.П.*) они видят Петра Великого? Зачем сравнивать бывших друзей сибирских с стрельцами? Стрельцы были запоздалые в веке Петра: эта ли черта отличает бунт <Петер>бургский?»²

В связи с «николаевскими» стихотворениями можно вспомнить и о других аналогичных случаях: в 1830 году великое стихотворение «К вельможе», вызвавшее злобный фельетон Полевого; в 1831-м — два стихотворения, связанные с польским восстанием, — «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», о которых резко и неодобрительно отозвался — среди прочих — Вяземский; в 1836-м — блестящая бурлескная сатира «На выздоровление Лукулла» — с осмеянием высокого вельможи министра Уварова, повлѣкшая вызов к Бенкендорфу и другие неприятности; в том же году — глубокое стихотворение «Полководец», одно из проникновенных созданий пушкинского гения, вызвавшее критику в связи с неверно понятым пафосом, якобы принижающим заслуги Кутузова.

Первые два «николаевских» стихотворения принесли Пушкину серьёзные неприятности: удельный вес осуждения явно превосходил одобрение. Может быть, именно поэтому авторство «Героя» — третьего «николаевского» стихотворения (написанного знаменитой Болдинской осенью 1830 года) — поэт тщательно скрывал и опубликовал его анонимно.

---

¹ Языковский архив. Вып. 1. С. 414.

² Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина : в 4 т. Т. III (1829—1832). М., 1999. С. 313. По поводу этой дневниковой записи Тургенева верно сказано в статье М. Максимова: «В отзыве Александра Ивановича на «Стансы» обнажается трагизм положения Пушкина; даже такой его доброжелательный друг, у которого не было и тени сомнения в чистоте его нравственного облика, считал это стихотворное обращение ошибкой. Тот, чья рука не дрогнула благословить приговор декабристам — передовым людям своего поколения, — не станет вровень с Петром I — таково было твёрдое убеждение Александра Ивановича» (*Максимов М.* По страницам дневника и писем А.И. Тургенева (Пушкин и А.И. Тургенев) // Прометей. Т. 10. М., 1974. С. 364).

ПУШКИН И ВЛАСТЬ

От истоков «Гавриилиады» до «диплома рогоносца»

В ноябре 1817 года Пушкин пишет оду «Вольность», в которой содержится грозное предсказание:

Самовластительный Злодей,
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу.

(II, 47)

Попытки отнести эту строфу непосредственно к Александру I или к Наполеону критики, увы, не выдерживают: официально признанных *детей* (во множественном числе) у них не было, а Наполеон к тому времени уже два года как был на Святой Елене. Более того, даже для 18-летнего Пушкина такая запредельно жестокая адресация какому бы то ни было живому современнику и его детям просто невысказана. (Эта догадка впервые высказана Виктором Коркия в его статье «Три завета Пушкина»¹.) Однако, помимо этого пророчества, в двух предпоследних строфах стихотворения описывалось ещё и убийство Павла I и фактически содержался намёк на вину царя как злодея-отцеубийцы, что заведомо предопределило ответную царскую месть.

Так началось пушкинское противостояние с властью. К 1820 году он написал и пустил по рукам ещё и сатирическую «Ноэль», стихотворение «Деревня», эпиграммы на Стурдзю и на Карамзина (с его «Истории» «прелестями кнута») и пару убийственных эпиграмм на Аракчеева. Даже без ходивших в списках под именем Пушкина строк перевода с французского:

Мы добрых граждан позабавим
И у позорного столпа
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим

(II, 488) —

---

¹ *Коркия В.П.* Три завета Пушкина [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.facebook.com/dayofru>.

этого было более чем достаточно, чтобы вызвать зlobу и у первого министра, и у императора.

Аракчеев потребовал самого сурового наказания, Александр I был с ним солидарен. Друзьями Пушкина немедленно были оповещены все, кто мог хоть сколько-нибудь смягчить предстоящий удар. За поэта вступились граф И.А. Каподистриа, под началом которого Пушкин служил в Иностранной коллегии, и Н.М. Карамзин. В результате, несмотря на присущие ему мстительность и злопамятность, Александр I вынужден был отступить: приняв позу благородного милосердия, он ограничился служебным переводом Пушкина в южные колонии, под начало И.Н. Инзова.

Хотя Пушкин понимал, что избежал гораздо худшего, он всё-таки чувствовал себя несправедливо обиженным, полагая, что царскому снисхождению следовало бы быть бóльшим, поскольку он всего лишь сказал царю правду в глаза. Свидетельством такого понимания случившегося с ним стал осуществлённый им через два года акт мести обидчикам.

Весной 1822 года Пушкин пишет очевидно кощунственную с религиозной точки зрения «Гавриилиаду», в которой Дева Мария «Досталась... в один и тот же день / Лукавому, архангелу и богу» (IV, 135). Пушкинистика по существу содержания поэмы молчаливо обходит её стороной: цель написания до сих пор не выяснена, а сказать, что это кощунственная пустышка, — серьёзно принизить образ Пушкина. Даже Лотман, в главе о Пушкине на Юге коснувшийся всех сколько-нибудь значимых произведений Пушкина этого периода, о «Гавриилиаде» не сказал ни слова. Но мог ли поэт написать эту большую вещь исключительно из богохульственных соображений — да и так ли это вообще?

Пересылая П.А. Вяземскому текст поэмы, Пушкин писал ему в письме от 1 сентября 1822 года: «Посылаю тебе поэму в мистическом роде. Я стал придворным» (XIII, 44). «Чем придворным? — задался вопросом пушкинист Александр Лацис. — Подставьте любое слово: хроникёром. Летописцем. Наконец, иронически — одописцем. Потомки утратили ключ к поэме. Её главная мишень — не религия, а придворные нравы. Архангел Гавриил — всего лишь псевдоним флигель-адъютанта Брозина»¹.

---

¹Лацис А. Верните лошадь! М., 2003. С. 264.

Однако дело здесь не только в названии поэмы. Лацис имел в виду, что Пушкин использовал в сюжете историю, в то время многими ещё не забытую. Жена обер-егермейстера двора Дмитрия Львовича Нарышкина *Мария* Антоновна была первой красавицей своего времени и в течение многих лет — наложницей Александра I, при этом любила она — и не платонической любовью — флигель-адъютанта П.И. Брозина. С ним она в 1817 году и сбежала в Париж — и от высочайшего любовника, и от мужа, которого таким образом сделала дважды рогоносцем. Поскольку в этой адюльтерной истории был «замешан» ещё и первый министр, Аракчеев, становится понятным ход мысли Пушкина: он счёл, что адекватной передачей такого сюжета с верховной земной властью и может быть только сюжет с верховной властью божественной.

Видимо, особенное наслаждение Пушкину доставило сознание того, что ему удалось осуществить двойную месть: и царю, и Аракчееву. Столь прозрачный намёк на интимную связь императора с Марией Нарышкиной был сильным ударом: хотя подобные связи не осуждались двором, об этом нельзя было говорить громко — «моральный облик» императора не мог быть подвергнут насмешке, тем более в стихах, ходивших по рукам. Что же до главного негативного образа в поэме, Сатаны, то во всех свободолюбивых пирушках, разговорах и беседах всесильного первого министра величали не иначе как Коварным или Змием. Все действующие лица поэмы были узнаваемы.

Пушкин переписывать её давал только друзьям, а беловик впоследствии был уничтожен. Меры предосторожности позволили «Гавриилиаде» гулять на свободе целых шесть лет. Так Пушкин поэмой «рассчитался» за свою ссылку.

Незадолго до второй ссылки Пушкин узнаёт, что его переписка перлюстрируется. С этого момента он всегда делает на это поправку, а иногда использует и для предупреждения опасности. С той же целью вскоре по прибытии в Михайловское им был написан и «Воображаемый разговор с Александром I» — как впоследствии назвали пушкинисты эту реконструированную из черновика миниатюру. Из переписки с Александром Раевским поэт узнает, что одной из причин его высылки с юга стало письмо к Кюхельбекеру об атеизме, а другой — ложные доносы, организованные Воронцовым. (Последнее нашло косвенное подтверждение: когда через четыре года аналогичные доносы послужили

для очернения Александра Раевского, генерал Н.Н. Раевский-старший предпринял расследование и доказал, что доносы инициированы и оплачены Воронцовым.) Пушкин выстраивает «Разговор» таким образом, чтобы заранее отвести обвинения как в антиправительственной направленности оды «Вольность», так и в атеизме, предлагая считать злополучное письмо «школьнической шуткой», а львиной долей содержания «Разговора» «переводит стрелки» на свои личные взаимоотношения с Воронцовым. (Эта сторона «Разговора» подробно рассмотрена мной в книге «Тайна Пушкина»¹.)

Судя по последней, явно ёрнической фразе («Тут бы П.<ушкин> разгорячился и наговорил мне много лишнего, я бы рассердился и сослал его в Сибирь, где бы он написал поэму *Ермак* или *Кочум*, русским <?> размером с рифмами»; XI, 24), Пушкин не собирался «Разговор» озвучивать: расчёт был на то, чтобы сохранить этот текст на случай обыска: тогда он должен был попасть к царю и по меньшей мере смягчить царское предубеждение. Как мы знаем, профилактика не понадобилась и «Разговор» не попал в поле зрения ни Александра I, ни Николая I.

Зато к началу не воображаемого, а действительного разговора с Николаем I, когда Пушкин был вызван из Михайловского в Москву, у царя на столе уже лежали вырезанные цензурой строки стихотворения «Андрей Шенье» с произвольно поставленным над ними названием «На 14 декабря». Нетрудно представить раздражение Николая, незадолго до этого познакомившегося с письмом Пушкина, в котором тот писал:

«...С надеждой на великодушие Вашего императорского величества, с истинным раскаянием и с твёрдым намерением не противуречить моими мнениями общепринятому порядку (в чём и готов обязаться подпискою и честным словом) решился я прибегнуть к Вашему императорскому величеству со всеподданнейшею моею просьбою.

Здоровье моё, расстроенное в первой молодости, и род аневризма давно уже требуют постоянного лечения, в чём и представляю свидетельство медиков: осмеливаюсь всеподданнейше просить позволения ехать для сего или в Москву, или в Петербург, или в чужие края» (XIII, 283—284).

Пушкину в долгом первом разговоре с царём пришлось объяснять, что к названию «На 14 декабря» он отношения не имеет и что в контексте уже опубликованного стихотворения эти строки не имеют противоправительственного смысла. Этот разговор поэта с царём пытались

---

¹ *Козаровецкий В.* Тайна Пушкина. «Диплом рогоносца» и другие мистификации». М., 2012.

реконструировать неоднократно. Из него и о нём известно очень мало, в то время как он продолжался два часа. Фраза Николая, что он разговаривал с умнейшим человеком в России, не должна нас обмануть: вряд ли удалось бы удивить монарха чем-то из того, что предполагали Эйдельман или Лотман, и даже подтверждением Пушкиным наконец-то обретенной властью легитимности, впервые после серии дворцовых переворотов. Эта фраза об «умнейшем человеке», сказанная Д.Н. Блудову, скорее всего, была предназначена для передачи Пушкину, чтобы усыпить его недоверие, которое, как не без оснований полагал царь, у поэта после разговора осталось. Но, как бы ни старался в этом разговоре быть искренним сам Пушкин, и ему не удалось снять подозрительность царя. Не изменили ситуации с обоюдным недоверием и стихотворения «Стансы» (1826) и «Друзьям» (1828), а вскоре возникшее дело о «Гавриилиаде» не могло не напомнить Николаю, что Пушкин и непредсказуем, и неуправляем.

В июне 1828 года три дворовых человека отставного штабс-капитана Митькова подали Петербургскому митрополиту Серафиму жалобу о том, что «Господин их развращает их в понятиях православной ими исповедуемой Христианской Веры, прочитывая им из книги его рукописи некоторое развратное сочинение под заглавием: Гавриилиада»¹, а уже в начале июля делом «Гавриилиады» занялась Временная верховная комиссия (по случаю отъезда царя на войну с Турцией — высший орган управления страной). Пушкин дважды от авторства отказывался, но был припёрт к стенке и на очередном заседании был поставлен перед необходимостью отвечать напрямую царю, принявшему в рассмотрении этого дела личное участие:

«Г. Толстому призвать Пушкина к себе и сказать ему моим именем, что, зная лично Пушкина, я его слову верю. Но желаю, чтоб он помог правительству открыть, кто мог сочинить подобную мерзость и обидеть Пушкина, выпуская оную под его именем»², — с издёвкой писал Николай, явно желая Пушкина «дожать».

Скорее всего, линия поведения на этот случай Пушкиным была продумана заранее. Во всяком случае, он не выказал растерянности, попросил разрешения написать непосредственно государю-императору, сложил письмо и отдал его для передачи царю — судя по все-

---

¹ Пушкин. Документы к биографии. 1799—1829. СПб., 2007. С. 771.

² Там же. С. 836—837.

му, заметив при этом, что истцам следовало бы передать письмо, не раскрывая его, поскольку оно конфиденциальное, и у него есть основания полагать, что Его Величество будет недоволен, если письмо будет прочтено кем бы то ни было ещё.

Эта «рекомендация» Пушкина поставила членов комиссии в двусмысленное положение: с одной стороны, они не могли вынести собственного суждения по делу, не ознакомившись с пушкинским письмом Николаю; с другой стороны, в случае если Пушкин сказал правду, ознакомление членов комиссии с письмом может вызвать неудовольствие, а то и гнев царя. Одновременное прочтение этого письма несколькими членами комиссии не давало возможности и сохранить это в тайне, и в тот момент никто не захотел рисковать, оставив дело на усмотрение царя и отметив в своём решении, что письмо Пушкина члены комиссии не читали: «Комиссия положила, не раскрывая письма сего, представить оное его величеству...»¹

Такое поведение Пушкина на комиссии подтверждают и воспоминания П.В. Нащокина (в записи Бартенева):

«Пушкин сказал, что он не может отвечать на этот допрос, но так как Государь позволил ему писать к себе... то он просит, чтобы ему дали объясниться с самим царём. Пушкину дали бумаги, и он у самого губернатора написал письмо к царю. Вследствие этого письма государь прислал приказ прекратить преследование, ибо он сам знает, кто виновник этих стихов»².

Что же мог написать в письме императору Пушкин, коли тот мгновенно «закрыв дело»? Значит, в пушкинском письме было нечто такое, что не могло быть предано гласности? Чья же честь была задета в поэме, если для дальнейшего расследования и наказания было мало «задетой чести» Господа и Архангела Гавриила, но зато чьей-то задетой оказалось более чем достаточно, чтобы Пушкину понадобилось письмо складывать, а царю — расследование прекратить? Уж не царской ли фамилии?

Попробуем реконструировать и пушкинское письмо Николаю I.

Оказавшись в этом малоприятном положении, Пушкин написал признание в авторстве с объяснением, по какому поводу и о ком конкретно была написана поэма и почему поэт на допросах от своего

---

¹ Пушкин. Документы к биографии. 1799—1829. СПб, 2007. С. 839.

² Бартнев П.И. О Пушкине. М., 1992. С. 358.

авторства отказывается: он не имеет права озвучивать имена «прото-типов действующих лиц». Далее Пушкин должен был высказать уверение, что он раскаивается в грехе молодости, совершенном задолго до его разговора с царём в сентябре 1826 года, когда он обещал не писать ничего против власти или религии, и что он всеми силами стремится уничтожить любые списки поэмы, имеющие быть в обращении, закончив письмо формальным извинением:

«Будучи вопрошаем Правительством, я не почитал себя обязанным признаться в шалости, столь же постыдной, как и преступной. — Но теперь, вопрошаемый прямо от лица моего Государя, объявляю, что Гавриилада сочинена мною в 1817 году.

Повергая себя милосердию и великодушию царскому есмь
Вашего Императорского Величества верноподданный

Александр Пушкин.

2 октября 1828. С. Петербург»¹.

До нас дошла только эта, вторая часть письма Пушкина, скопированного при пересылке царю А.Н. Бахметевым, родственником и секретарём графа П.А. Толстого (который и вёл дело «Гавриилиады»); верхняя же, которую нам и пришлось воссоздавать, либо отрезана самим Бахметевым, либо утеряна. Я склоняюсь к первому: какое бы то ни было упоминание адюльтеров Романовых было табуировано вплоть до 1917 года. Уничтоженная часть письма давала возможность Пушкину закончить его приведённым извинением; без неё же это извинение оказывалось не только формальным, но и наглым.

В дальнейшем Пушкин неоднократно высказывал вслух пожелание, чтобы все, кому попадали в руки списки «Гавриилиады», уничтожали их, и делал это демонстративно, когда предполагал, что такое его поведение может быть доведено до сведения Бенкендорфа. Тем не менее список поэмы, имевшийся у Соболевского, был сохранён не без его участия, и эта двойственность поведения поэта свидетельствует, что он хотел, чтобы поэма, раз уж он написал её, дошла до потомков: он надеялся на нашу проницательность и понимание.

Но к 1828 году дворцовая история подзабылась, и недогадливая комиссия довела дело «Гавриилиады» до участия в нём другого царя, а тот либо поэму не прочёл, либо тоже не сообразил, о чём в

---

¹Цит. по: Пушкин. Исследования и материалы. Т. VIII. Л., 1978. С. 285.

ней речь, и потребовал у поэта объяснения. Озвученные в письме Пушкина имена участников скандальной дворцовой истории, с одной стороны, неизбежно связывали руки Николаю, лишая его возможности продолжать расследование: он не мог себе позволить обсуждать с Пушкиным интимную связь брата даже наедине. С другой стороны, Пушкин, запечатавший конверт с письмом и устроивший так, что оно не было вскрыто, показал царю, что на его деликатность можно положиться. Это и дало Николаю возможность выйти из положения и, не кривя душой — хотя и противореча своим же словам, — заявить, что «он сам знает, кто виновник этих стихов», уничтожить пушкинское письмо и «закрыть дело» резолюцией: «Мне дело подробно известно и совершенно кончено»¹.

Когда Пушкин писал своё «объяснительное письмо» императору, у него ещё были некоторые иллюзии насчёт возможности сотрудничества с самодержавной властью на основах взаимоуважения — хотя Бенкендорф и делал всё возможное, чтобы таких иллюзий у поэта не осталось (подробно об этом — в моей статье «Пушкин и Бенкендорф»²). Однако истории с «Андреем Шенье» и «Гавриилиадой» изначальную подозрительность царя по отношению к поэту превратили в стойкое недоверие. Над Пушкиным установлен тайный полицейский надзор (не отменённый до самой смерти), а сам он становится «невъездным». Николай боялся его пера, поскольку выехавший за границу Пушкин становился бы неподконтрольным, и его стихи могли практически беспрепятственно проникать в Россию. Все дальнейшие попытки поэта получить разрешение на поездку за границу получали жёсткий отказ, и недоверие царя не смягчили ни стихотворение 1830 года «Герой», ни участие вместе с Жуковским в «акции» 1831 года «На взятие Варшавы».

Не желая смириться с тем, что не может быть осуществлена его самая заветная мечта, Пушкин ищет обходной путь — и, как ему кажется, находит: женитьба. Не могут же ему отказать в заграничном свадебном путешествии: вековая традиция!

«Вскоре после того, как я приехал в Петербург, — вспоминал Карл Брюллов о встрече с Пушкиным в 1836 году, — вечером ко мне пришёл Пушкин и звал к себе ужинать. Я был не в духе, не хотел

---

¹ См.: Старина и новизна. 1911. Кн. 15. С. 188, 210.

² Михайловская пушкиниана. Вып. 58. Сельцо Михайловское, 2013. С. 201—209.

идти и долго отнекивался; но он меня переупрямил и утащил с собою. Дети его уже спали. Он их будил и выносил ко мне поодиночке на руках. Это не шло к нему, было грустно, рисовало передо мною картину натянутого семейного счастья. Я не утерпел и спросил его: «На кой чёрт ты женился?» Он мне отвечал: «Я хотел ехать за границу, а меня не пустили; я попал в такое положение, что не знал, что делать, — и женился...»¹

За границей Пушкин так и не побывал, но это решение жениться оказалось для него поворотным и роковым. Поэт был влюбчив, но состояние влюблённости у него продолжалось обычно недолго; к тому же Наталья Гончарова его не любила и полюбить не могла, он это знал и сам писал об этом в письме к теще незадолго до свадьбы. Понимая это, Пушкин жену никогда ни в чем не винил: он её жалел. Но главной ошибкой Пушкина было не то, что он женился на девушке, которая его не любила, и не то, что он женился вообще, а то, что он женился на выдающейся красавице. В пылу влюблённости он забыл, что тем самым заведомо ставит себя в весьма рискованное и двусмысленное положение.

Весь светский женский Петербург был личным гаремом царя, чему есть множество свидетельств. Хотя громко говорить об этом было не только не принято, но и наказуемо, императорские адюльтеры традиционно были предметом восхищённого перешёптывания и обсуждения вполголоса — и при Александре I, и при его брате. Сплетни об «увлечениях» Николая I гуляли по обеим столицам, случаев отказа со стороны красавиц, на которых падали похотливые взгляды императора, не бывало — да и мужа не смели этому потакать. Известен единственный случай — с графом Безобразовым, который, узнав, что царь использовал «право первой ночи» с его невестой, фрейлиной Любовью Хилковой, пришёл в бешенство и устроил большой скандал; дело кончилось тем, что его сослали на Кавказ.

Первым зловещим сигналом для Пушкина стало письмо Бенкендорфа, в котором тот, передавая Пушкину царское «благословение» на женитьбу, давал понять, что красота Натальи Гончаровой Николаем замечена, — но процесс сватовства был уже запущен, обратного хода не было. Настоящее же понимание опасности пришло вскоре после женитьбы, когда Пушкины сняли дачу в Царском Селе, а царский двор туда в начале июля 1831 года загнала холера. На прогул-

---

¹ *Вересаев В.В.* Пушкин в жизни : в 4 т. Т. 3. М., 1990. С. 139.

ке императорская чета остановила Пушкиных, красавица произвела на них сильное впечатление, и Пушкин на прогулках с женой стал избегать дорожек, на которых они могли бы пересечься снова.

Понимая, что с Пушкиным следует быть осторожнее, Николай начинает долгую осаду. Уже 22 июля 1831 года Пушкин пишет Плетнёву письмо, в котором сквозь радость пробивается тревога: «...Скажу тебе новость (но да останется это, по многим причинам, между нами): царь взял меня в службу, но не в канцелярскую, или придворную, или военную — нет, он дал мне жалование, открыл мне архивы, с тем, чтобы я рылся там и ничего не делал. Это очень мило с его стороны, не правда ли? Он сказал: *Puisqu'il est marié et qu'il n'est pas riche, il faut faire aller sa marmite*¹. Ей-богу, он очень со мною мил» (XIV, 198).

Мог ли Пушкин не понимать, к чему идёт дело? История с «Гавриилиадой» свидетельствует, что не мог, что придворные нравы для него были прозрачны. Да Пушкин и сам говорил Нащокину, что царь, «как офицеришка, ухаживает за его женою; нарочно по утрам по нескольку раз проезжает мимо её окон, а ввечеру, на балах, спрашивает, отчего у неё всегда шторы опущены»².

На 1833 год и приходится пик усилий императора по «приручению» поэта и его жены. В начале октября по дороге из Оренбурга заехав в Болдино и получив от Натальи Николаевны сразу два письма, в которых она рассказывала о своих успехах на балах, Пушкин, увидевший в её поведении грозную опасность, начинает из письма в письмо, да не по одному разу, требовать, чтобы жена не кокетничала с царём, вплоть до откровенной грубости.

8 октября: «Не страшай меня, жёнка, не говори, что ты искокетничалась...» (XV, 85).

11 октября: «...не кокетничай с ц.<арём> ...» (XV, 87).

30 октября: «Ты, кажется, не путём искокетничалась. <...> Ты радуешься, что за тобою, как за сучкой, бегают кобели, подняв хвост трубочкой и понюхивая тебе <----->; есть чему радоваться!»

Там же: «...не кормите селёдкой, если не хотите пить давать...»

Там же: «Гуляй, жёнка; только не загуливайся...»

Там же: «...да, ангел мой, пожалуйста не кокетничай...» (XV, 88—89).

---

¹ Раз он женат и небогат, надо дать ему средства к жизни (буквально: заправить его кастрюлю) — с фр.; XIV, 432.

² *Бартенев П.И.* О Пушкине. М., 1992. С. 361.

6 ноября: «Повторю тебе..., что кокетство ни к чему доброму не ведёт...»

Там же: «Побереги же и ты меня. К хлопотам, неразлучным с жизнью мужчины, не прибавляй беспокойств семейственных, ревности etc. etc.» (XV, 93).

Не это ли поведение императора и Натальи Николаевны подтолкнуло Пушкина к написанию «Конька-горбунка», где он, как мы понимаем, не случайно подобрал подлому царскому прислужнику, который «из боярских был детей», двусмысленное имя — Спальник? Знал ли Пушкин, что Бенкендорф был напарником Николая I в его интимных забавах? Конечно, знал — это знал весь свет. Сказка была пушкинским «предупредительным выстрелом» в адрес царя и скрытой эпиграммой на Бенкендорфа.

Из Болдина Пушкин привёз, как теперь выяснилось, кроме сказок о рыбаке и рыбке и о мёртвой царевне, ещё и «Конька-горбунка». Причины этой вынужденной литературной мистификации вокруг «Горбунка» становятся очевидными, как только мы понимаем, что это пушкинская сказка. Никогда не забывая при любом удобном случае напомнить царю о милосердии по отношению к декабристам, Пушкин на этот раз зашёл как никогда далеко, заявив, что это государство — «Кит державный», который

...за то несёт мученье,
Что без Божия веленья
Проглотил он средь морей
Три десятка кораблей...

И оно обречено, пока декабристы не отпущены на волю:

Если даст он им свободу,
Снимет Бог с него невзгду¹.

Сказка стала одновременно и предупредительным выстрелом в адрес царя, который по сюжету стремится во что бы то ни стало жениться на молоденькой и за это наказан, и развёрнутой эпиграммой на Бенкендорфа.

Далее события развивались лавинообразно. Нащокин вспоминал: «Графиня Нессельроде, жена министра, раз без ведома Пушкина взяла

---

¹ Пушкин А. Конёк-горбунок. М., 2011. С. 192, 199.

жену его и повезла на небольшой придворный Аничковский вечер... Пушкин ужасно был взбешён этим, наговорил грубостей графине и между прочим сказал: «я не хочу, чтоб жена моя ездила туда, где я сам не бываю»¹.

Тут же последовал ответ: в конце 1833 года Пушкину присвоено звание камер-юнкера, и он теперь обязан появляться вместе с женой и на дворцовых балах. Пушкин понимает, что попал в ловушку. 1 января 1834 года он с горечью записывает в дневнике: «Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры (что довольно неприлично моим летам). Но двору («читай: государю», — комментировал П.Е. Щёголев в книге «Дуэль и смерть Пушкина». — В.К.) хотелось, чтобы Н.<аталья> Н.<иколаевна> танцевала в Аничкове». А следующая же фраза свидетельствует, что именно Пушкин подразумевал под «танцами»: «Так я же сделаюсь русским Dangeau» (XII, 318).

«Маркиз де Данжо, адъютант Людовика XIV, вёл дневник и заносил туда все подробности и интимности частной жизни короля изо дня в день. Но отместка, которую собирался сделать Пушкин, лишь в малой степени могла удовлетворить оскорблённую честь — в текущих обстоятельствах², — отмечал Щёголев.

Изображая благоволение поэту, на самом деле Николай кормит Пушкина подачками наподобие ссуды, за которую тот расплачивается своим жалованьем, и следит за тем, чтобы у строптивого подданного, не желающего смириться с азиатским правом похотливого властителя на связь с чужими жёнами, «каши в горшке» было на доньшке. Николай не даёт возможности Пушкину даже продать государству памятник Екатерине II — «медную бабушку», полученную им в качестве приданого Натальи Николаевны. Между тем городская жизнь с необходимостью содержать дом и семью вовлекает Пушкина во всё новые долги.

Пушкин пытается подать в отставку, чтобы уехать в деревню, и ему тут же дают понять всю «неуместность» его поступка. Николай направляет на него Бенкендорфа, чтобы тот «объяснил ему всю бессмысленность его поведения, и чем всё это может кончиться»³. Пушкин вынужден заявление об отставке забрать.

Обнаружив, что его выстрел под именем Ершова не услышан, осенью 1834 года Пушкин пишет ещё одну сказку, «О золотом пе-

---

¹ *Бартенев П.И.* О Пушкине. С. 358.

² *Щёголев П.Е.* Дуэль и смерть Пушкина. М., 1987. С. 372.

³ *Вересаев В.В.* Пушкин в жизни. С. 53.

тушке», где царь опять же стремится жениться на молоденькой и тоже за это наказан. Поскольку политического подтекста в ней не было, сказка свободно проходит цензуру. Вероятнее всего, Николай сказку прочёл (Пушкин на этот раз наверняка нашёл способ передать её на прочтение царю) и все намёки и предостережения разглядел, подчёркнуто заставив Пушкина заменить одно место в конце, где сквозь исправление прозрачно прочитывается: «Но с *царём* накладно спорить».

Одновременно рушится надежда Пушкина стать официально признанным российским историографом, продолжателем дела Карамзина. То, что он хотел и мог написать о Петре, не могло быть принято царём, а то безоговорочное славословие Петру, какого царь ожидал от него, Пушкин не мог себе позволить. Если в 1828 году поэту удалось обойти все подводные камни в «Полтаве», спрятав своё истинное отношение к Петру, Полтавской битве и Мазепе в комментарии, а роль повествователя передав некому официальному историографу (условно — автору «Истории Малороссии» Д.Н. Бантыш-Каменскому), то в «Истории Петра» Пушкин не мог себе позволить спрятаться за художественный образ. Он сам признавался в одном из писем к М.П. Погодину, что идея написать историю Петра была самоубийственной.

Логика дальнейших событий исследована академиком Н.Я. Петраковым в его книге «Пушкин целился в царя»¹. Петраков убедительно показал, что Пушкин, оказавшись в практически безвыходном положении, находит в себе силы и мужество пойти на отчаянную конфронтацию с императором и ценою собственной жизни заставить царя оставить в покое его жену, отстояв таким образом честь семьи для современников. И одним из важнейших звеньев в этой борьбе стал написанный им самим и самим же разосланный друзьям так называемый «диплом рогоносца»:

«Кавалеры первой степени, командоры и кавалеры светлейшего ордена рогоносцев, собравшись в Великом Капитуле под председательством достопочтенного великого магистра ордена, его превосходительства Д.Л. Нарышкина, единогласно избрали г-на Александра Пушкина коадьютором великого магистра ордена рогоносцев и историографом ордена. Непременный секретарь граф И. Борх»².

---

¹ М., 2013; первое издание: *Петраков Н.Я.* Последняя игра Александра Пушкина. М., 2003.

² Цит. по: *Щёголев П.Е.* Дуэль и смерть Пушкина. С. 368.

«Диплом» требует некоторого комментария. Термин «коадьютор» — из церковной практики: когда католический епископ впадает в физическую или духовную дряхлость, ему дают помощника — коадьютора. Д.Л. Нарышкин к концу 1836 года, по степени духовной и физической дряхлости, был практически в маразме и менее чем через год умер. «Нарышкин — великий магистр ордена рогоносцев — стал рогоносцем по милости императора Александра, пошёл, так сказать, по царственной линии, — писал Щёголев. — <...> Если достопочтенный великий магистр был обижен в своей семейной чести монархом, то его коадьютору, его помощнику г-ну Александру Пушкину, историографу ордена, кто нанёс такую же обиду, кто сделал его рогоносцем? <...> ...не в императора ли Николая метил составитель пасквиля?»¹

А теперь представим себе, что к Николаю, обладавшему цепкой памятью и в 1828 году прочитавшему «объяснительное письмо» Пушкина по поводу «Гавриилиады», в 1836-м попадает гуляющий по рукам «диплом», в котором та же самая адюльтерная история его брата неизменно усилена параллелью с ним самим. «Диплом» был публичной пощёчиной династии Романовых. Пушкин бил наверняка.

Зададимся вопросом: кто ещё, кроме Пушкина, мог пойти на такое противостояние с царской властью? Потому и кандидатов на такое самоубийство до сих пор так и не нашлось, что мог это сделать только Пушкин. Понимал ли он смертельность своей практически безнадёжной — в тех реальных условиях — борьбы? Безусловно. Не по этой ли причине 19 октября 1836 года, за две недели до рассылки «диплома», заготовленные экземпляры которого, скорее всего, уже ждали своего часа, он не смог на встрече с лицейскими друзьями дочитать своё стихотворение и, фактически прощаясь с ними, не смог сдержать слёз?

Пушкинское происхождение «диплома» объясняет все странности его возникновения и рассылки: и его очевидную антиромановскую направленность, и то, что он был послан только друзьям (и лишь один-два экземпляра — для того, чтобы он попал в III отделение или непосредственно к царю), и то, что адреса на конвертах были указаны с такой точностью, вплоть до каждого поворота лестницы.

Но есть и ещё два важных свидетельства пушкинского авторства «диплома»: одно — в его тексте, другое — в сургучной печати на внешнем конверте. В переводе с метафорического языка ордена рогоносцев

---

¹ Щёголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина. С. 369.

означает... орден масонов: ведь франкмасоны, предшественники современных Пушкину масонов, достойно носили рога, которые были для них «символом мужества и геройства!» «Выходит так, что Александр Сергеевич Пушкин стал летописцем ордена Вольных Каменщиков. Но что это за летописи? — задала себе вопрос Т.И. Буслова, расшифровавшая спрятанную в «Дон Кихоте» с помощью масонского символического языка автобиографию Сервантеса. — Где они?»¹ И нашла ответ... в сказках Пушкина. Оказалось, что Пушкин с помощью того же масонского символического языка, каким пользовался Сервантес, зашифровал в трёх сказках основные вехи деятельности масонского ордена в России: в «Сказке о золотом петушке» — в XVII веке, в «Сказке о царе Салтане...» — в XVIII веке, в «Сказке о мёртвой царевне...» — в XIX.

На печати видна масонская символика, в том числе — ветка акации, важнейший масонский символ, символизирующий бессмертие. Глава книги Папюса, одного из лучших популяризаторов масонства, рассматривающая легенду о Хираме, где ветка акации играет ключевую роль, начинается с фразы «акация мне известна»², а заканчивается её расшифровкой: «бессмертие мне известно»³.

«Диплом рогоносца» — гениальная пушкинская мистификация, где общепринятое толкование — лишь оболочка текста, а многозначность смысла превращает этот текст и в обвинительный акт, и в духовное завещание одновременно. Пушкин понимал, что это пролог к дуэли и смерти, и оставлял нам знак — ветку акации.

Бессмертие ему было известно.

---

¹ Буслова Т.И. Тайна Дон Кихота. М., 2003. С. 128.

² Папюс (Жерар Анкосс). Генезис и развитие масонских символов. М., 2006. С. 78.

³ Там же. С. 102.

СТАНОВЛЕНИЕ ПУШКИНА-ЖУРНАЛИСТА В ПЕРИОД МИХАЙЛОВСКОЙ ССЫЛКИ

14 марта 1836 года в письме к историку Василию Дмитриевичу Сухорукову, сосланному на Кавказ за связь с декабристами, Пушкин задаёт вопрос: «Вы знаете, что я сделался журналистом (это напоминает мне, что я не послал вам Современника...)» (XVI, 90).

Когда характеризуют творческую деятельность Пушкина, началом его журналистской стези¹ называют сотрудничество поэта в «Литературной газете» (1830), издававшейся А.А. Дельвигом и Д.М. Сомовым². Хотя нужно констатировать очевидное: в газету Пушкин пришёл уже сформировавшимся журналистом, имея опыт и литературного критика, и полемиста, и публициста. «Современник» — это воплотившаяся идея быть издателем собственного журнала, замысел которого возник в Одессе в 1824 году. 7 июня этого года в письме П.А. Вяземскому Пушкин впервые излагает свои воззрения относительно его проекции: «То, что ты говоришь на счёт журнала, давно уже бродит у меня в голове. Дело в том, что на Воронцова нечего надеяться. Он холоден ко всему, что не он; а меценатство вышло из моды. Никто из нас не захочет *великодушно* покровительства просвещённого вельможи, это обветшало вместе с Ломоносовым. Нынешняя наша словесность есть и должна быть благородно-независима. Мы одни должны взяться за дело и соединиться. Но беда! мы все лентяй на лентяе — материалы есть, материалисты есть, *ouï est le cul de plomb qui poussera ça?*³ Где найдём своего составителя, так сказать своего Каченовского? (в смысле Милонова — что для издателя хоть «Вестника Европы», не надобен тут ум, потребна только ---). Ещё

---

¹ Журналистская деятельность Пушкина началась с полемической заметки «Письмо к издателю «Сына отечества» в № 18 журнала (с. 181—182) от 3 мая 1824 года. В этом письме к издателю Н.И. Гречу Пушкин подтверждал свою солидарность с суждениями Вяземского на критическое возражение, данное на страницах «Вестника Европы» Каченовского, в котором автор (племянник И.И. Дмитриева Михаил Александрович, прозванный лже-Дмитриевым) с точки зрения классицизма опровергал обоснование романтизма, данное Петром Андреевичем в предисловии к «Бахчисарайскому фонтану».

² Ввиду временного отъезда Дельвига из Петербурга Пушкину пришлось некоторое время руководить выходом «Литературной газеты» в сотрудничестве с О.М. Сомовым.

³ Но где тот свинцовый зад, который будет толкать всё это? (XIII, 528)

~~~~~

беда: ты *Sectairi*¹, а тут бы нужно много и очень много терпимости; я бы согласился видеть Дмитриева (поэта, баснописца И.И. Дмитриева. — Л.К.) в заглавии нашей кучки, а ты уступишь ли мне моего Катенина?² отрекаюсь от Василья Львовича; отречёшься ли от Воейкова?³ Ещё беда: мы все прокляты и рассеяны по лицу земли — между нами сношения затруднительны, нет единодушия; золотое *к стати* поминутно от нас выскользает. Первое дело: должно приструнить все журналы и держать их в *реинспекте* — ничего легче б не было, если б мы были вместе и печатали бы завтра, что решили бы за ужином вчера; а теперь сообщай из Москвы в Одессу замечание на какую-нибудь глупость Булгарина, отсылай его к Бирукову в П.<етер>Б.<ург> и печатай потом через 2 месяца в *revue des bévues*⁴. Нет, душа моя Асмодей, отложим попечение, далеко кулику до Петрова дня — а ещё дале [нам] бабушке до Юрьева дня» (XIII, 96—97).

К тому же Пушкин осознавал, что ему, «удалённому» за его критическую позицию александровского правления, издавать журнал было бы ни под каким видом непозволительно. Ещё в 1818 году «цензорам предписывалось зорко следить за тем, чтобы в печать не проникало «никаких мыслей и правил, нетерпимых нынче правительством»⁵. А обо всём, «что касается правительства, журналы, газеты, литераторы могут писать с санкции самого правительства, так как тому «лучше известно, что и когда сообщить публике; частным же лицам не следует писать о политических предметах ни за, ни против: и то, и другое нередко бывает одинаково вредно, давая повод к различным толкам и злоключениям»⁶.

¹ Сektant.

² Называя П.А. Катенина в числе возможных сотрудников будущего журнала, Пушкин не знал, как резко отзывался он о Вяземском и о самом Пушкине по поводу предисловия Вяземского к «Бахчисарайскому фонтану» (см.: *Модзалевский Б.Л.* Примечания // Пушкин А.С. Письма : в 3 т. Т. 1. М. ; Л., 1926. С. 328).

³ Воейков Александр Фёдорович, издатель, с В.И. Козловым, «Новостей Литературы», в которых кн. Вяземский сотрудничал; Пушкин хорошо знал невысокие нравственные качества Воейкова и был им недоволен за перепечатку, без разрешения, его «Элегии»... из только что (в конце декабря 1822 г.) вышедшей «Полярной Звезды на 1823 год» в «Новостях Литературы» (см.: *Модзалевский Б.Л.* Примечания. С. 328).

⁴ Обозрение промахов (XIII, 529).

⁵ *Жирков Г.В.* История цензуры в России XIX—XX вв. Учебное пособие [Электронный ресурс]. М., 2001. Режим доступа: http://evartist.narod.ru/text9/37.htm#_top.

⁶ Там же.

В том же году «министр просвещения А.Н. Голицын (1816—1824) ограничил выдачу разрешений на издание журналов: издателем мог выступить только человек, вполне благонамеренный и имеющий известность в учёных кругах. Причём вопрос о новом периодическом издании решал сам министр»¹. Пушкин посвятил «губителю просвещения» эпиграмму «Вот Хвостовой покровитель» (1817—1820) и стихи во «Втором послании к цензору» (1824).

Но заветное желание, по собственным словам Пушкина, «пустить-ся в политическую прозу» (XIV, 69) не оставляло поэта на протяжении всего творчества. Исходя из этой установки, обратимся к его первому законченному опыту в прозе, коими являются автобиографические записки 1821—1825 годов, которые Пушкин начал писать в Кишинёве и продолжил (а потом и уничтожил) в Михайловском. Они имеют определяющее значение в становлении Пушкина-журналиста.

Когда исследователи пушкинской прозы утверждают, что «Пушкин обратился к прозе поздно» — первым законченным опытом считаются «Повести Белкина» (1830), а самым началом роман о царском арапе (1827) — и что «стиль своей прозы Пушкин нашёл сразу»², они приводят в доказательство заметку «О прозе» (1822) с её декларацией «точности и краткости». При этом не принимается во внимание, что сама эта заметка «набрасывается в несомненной связи с автобиографическими записками. Она сохранилась в составе второй кишинёвской тетради (ПД, № 832, л. 9 об.—11 об.), более половины листов которой вырвано в связи с «чистой» рабочих тетрадью, содержавших черновые фрагменты записок. Заметка обрывается буквально на полуслове: «Вопрос, чья проза лучшая в нашей литературе? Ответ — Карамзина. Это похвала не большая — скажем несколько слов об сем почтен...»³

В этой же тетради мы находим характерную запись: «Только революционная голова, подобная Мир<або> и Пет<ру>, может любить Россию, так, как писатель только может любить её язык. Всё должно творить в этой России и в этом русском языке» (XII, 178).

И это не случайно явившаяся в мыслях Пушкина максима, а вызревшее в долгих раздумьях убеждение, неоднократно им повторённое именно в это время. В заметке о французской словесности и её влиянии

---

¹ *Жирков Г.В.* История цензуры в России XIX—XX вв.

² *Лежнев А.* Проза Пушкина. Опыт стилистового анализа. М., 1937. С. 11—12.

³ *Фомичев С.А.* Проза Пушкина : Начальный этап и перспективы эволюции // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 21. Л., 1987. С. 7.

на русскую Пушкин также скажет: «Не решу, какой словесности отдать <предпочтение>, но есть у нас свой язык; смелее! — обычаи, история, песни, сказки — и проч.» (XII, 192).

В послании Вяземскому от 1 сентября 1822 Пушкин даёт дельный совет Петру Андреевичу, который «слишком огорчил предположением», что его «живая поэзия приказала долго жить»: «К счастью не совсем тебе верю, но понимаю тебя — лета клонят к прозе, и если ты к ней привяжешься не на шутку, то нельзя не поздравить Европейскую Россию. <...> Предприими постоянный труд <, пиши> <?> в тишине самовластия, образуй наш метафизический язык, зарождённый в твоих письмах — а там что бог даст. Люди, которые умеют читать и писать, скоро будут нужны в России...» (XIII, 44), — несомненно, ориентируясь уже на собственные искания в области прозы.

«Когда-нибудь должно же в слух сказать, — писал Пушкин ему же, П.А. Вяземскому, из Михайловского 13 июля 1825 года, — что русской метафизической язык находится у нас ещё в диком состоянии. Дай бог ему когда-нибудь образоваться на подобии французского (ясного точного языка прозы — т. е. языка мыслей)» (XIII, 187).

Размышления подобного рода, как нам представляется, связаны не в последнюю очередь именно с работой над автобиографическими записками, требовавшими создания русского «метафизического языка» (то есть понятийно-политического). И поставленная впрямую связь с борьбой с самовластьем и с ожиданием скорых преобразований в России обнажает их политическую тенденцию. Но разделял ли Пушкин журналистику и собственно литературное творчество? Провести такую грань не представляется возможным, так как он в целом ценил предназначение литератора, предъявляя к пишущему высокие требования.

Мы заворожены гениальным определением Белинского, что «Евгений Онегин» — это «энциклопедия русской жизни», и вместе с тем не до конца осознаём это определение. Ю.М. Лотман в комментарии к пушкинскому роману счёл необходимым специально выделить те стороны жизни, которые нашли в нём отражение: «Хозяйство и имущественное положение. Образование и служба дворян. Интересы и занятия дворянской женщины. Дворянское жилище и его окружение в городе и поместье. День светского человека. Развлечения. Бал. Дуэль. Средства передвижения. Дорога»¹.

---

¹ Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л., 1980. С. 416.

Однако странным образом в этой энциклопедии отсутствует довольно важный раздел — политическая история России. Между тем именно за это отсутствие «самого главного» Пушкину пеняли многие критики, начиная с Д.И. Писарева, оспаривавшего тезис Белинского об «энциклопедии»¹. Но всё станет на свои места, если учесть, что рассуждения о политической жизни России — это особый пушкинский замысел, предназначенный для автобиографических записок. Именно в них Пушкин обдумывал то время, в которое он живёт, искал в своих современниках «характеры исторические», пытался воссоздать панораму политической жизни своего времени.

При этом определение «биографическое» в применении к пушкинским «Запискам» следует понимать расширительно: элемент внешнего «биографизма», рассказ о более или менее знаменательных событиях собственной жизни, не обязательно должен был здесь господствовать. Более того, такого рода рассказ не имел смысла без дополнений в духе «взгляда» и «нечто». «Эти записки, — отметил Б.В. Томашевский, — Пушкин осмыслял не как автобиографию в узком смысле слова, а как воспоминания о виденном, летопись своего времени, которая могла бы явиться ценным материалом для будущих историков»².

Записки писались в Михайловском одновременно с центральными главами «Онегина» и с «Борисом Годуновым»: «Комедия о настоящей беде Российскому государству...» была начата в декабре 1824-го и окончена 7 ноября 1825 года. Прочитав X—XI тома «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, послужившие материалом для трагедии, Пушкин воскликнул: «Это злободневно, как свежая газета!» (XIII, 211).

В событиях, предшествовавших Смутному времени, Пушкина поразило странное совпадение их с обстановкой политической «смуты» последних лет царствования Александра I. В 1829 году Пушкин признавался Н.Н. Раевскому, что трагедия «полна... тонких намёков» (XIV, 395). Действительно, она «намекает» на участие Александра в заговоре против Павла I, на его подозрительность, растущую в течение царствования, на его мистицизм. Всё это совпадало с характером царя Бориса, так же как «многие мятежи и смятения», бунты в военных поселениях. Неслучайно первые сцены трагедии в рабочей тетради³ перебиваются

---

¹ Писарев Д.И. Соч. : в 4 т. Т. 3. М., 1956. С. 356—364.

² Томашевский Б.В. Пушкин : в 2 кн. Кн. 2. Материалы к монографии (1824—1837). М. ; Л., 1961. С. 169.

³ ПД № 834.

«Воображаемым разговором с Александром I», но прямую отсылку к современным событиям Пушкин предпочитает оставить для записок.

Позднее, когда Пушкин писал по поручению Николая I записку «О народном воспитании» (1826), в каждом случае предполагаемых вставок в черновом варианте помечено: «из записок», а один раз даже конкретнее: «из записок 2 гл.» (XI, 43). Как и многие прозаические замыслы конца 1820-х годов, по верному замечанию С.А. Фомичёва, «были, возможно, попыткой сохранить «мысли» уничтоженных записок, а художественная форма данных произведений представляла собою камуфляж этих идей. Но сами идеи были, с одной стороны, слишком опасны в цензурном отношении, а с другой — неминуемо подверглись у Пушкина определённой ревизии в последекабрьские годы, что и предопределило незавершённость данных замыслов. Особенно это заметно в «Романе в письмах», оставленном в тот момент, когда, наметив условную литературную завязку сюжета, писатель приступил к изложению мыслей о судьбах русского дворянства, которые мы обнаруживаем и в дошедшем до нас вступлении к запискам («По смерти Петра I...»)»¹.

То, что историософские идеи и политическая роль литературы волновали Пушкина, было заявлено уже в первой главе «Некоторых исторических замечаний»: «Екатерина любила просвещение, а Новиков, распространивший первые лучи его, перешёл из рук Шешковского в темницу, где и находился до самой её смерти. Радищев был сослан в Сибирь; Княжнин умер под розгами — и Фонвизин, которого она боялась, не избегнул бы той же участи, если бы не чрезвычайная его известность» (XI, 16).

Внук Екатерины II, обещавший править по её заветам, был, конечно, не так откровенно жесток. Но Новиков ведь умер в заключении уже в александровские годы, и тогда же был отправлен в ссылку Катенин, томился в Финляндии в солдатском мундире Баратынский, всегда бесприютен оставался Кюхельбекер — ближайшие приятели Пушкина, а сам он сменял одну ссылку на другую. Мог ли не писать об этом в записках Пушкин?

Скорее всего, «дней Александровых прекрасное начало» предполагалось охарактеризовать во второй главке записок, от которой сохранился лишь небольшой фрагмент «О г-же Сталь и г-не А. М-ве» (1825): «Читая её книгу *Dix ans d'exil*² можно видеть ясно, что, тронутая ласко-

¹ Фомичёв С.А. Пушкинская перспектива. М., 2007. С. 414—415.

² «Десять лет изгнания» (XI, 565).

вым приёмом русских бояр, она не высказала всего, что бросалось ей в глаза¹. Не смею в том укорять красноречивую, благородную иноземку, которая отдала полную справедливость русскому народу, вечному предмету невежественной клеветы писателей иностранных» (XI, 27).

Ориентируясь в своих записках 1821—1825 годов на «политические откровения», Пушкин формулировал в них первоначальные основания, исходные варианты решения этих проблем. И позже постоянно апеллировал к ним. В этом смысле следы записок содержатся во всем публицистическом творчестве Пушкина²: и в лирике, и художественной прозе, и в работах на исторические темы, в журнальных и газетных выступлениях.

Испытывая сильное желание включиться в журнальную борьбу, иметь свой журнал, который мог бы стать органом кружка писателей-единомышленников, определив в полной мере всю «метафизику» полемических статей и художественных произведений, — эта мысль, зародившаяся на юге, не оставляет Пушкина и в Михайловском. Он полагал, что смена министра духовных дел и народного просвещения, коим был назначен 15 мая 1824 года адмирал А.С. Шишков³ — писатель, президент Российской Академии наук (1813), — приведёт к улучшению положения писателей, и в частности к смягчению цензурных условий⁴. В феврале, а затем 10 августа 1825-го Пушкин пишет об этом Вяземскому:

«Мне жаль, что от Кюх<ельбекера> отбили охоту к журналам, он человек дельный с пером в руках — хоть и сумасброд. Жду разбора Шихматова, то-то вранья, чаю! Сей час прочёл Анти-критику Полевого. Нет, мой милый, не то и не так! — Разбор *новой пиитики басен* — вот критика. Когда-то мы возьмёмся за журнал! мочи нет, хочется, а покаместь смотри хоть за Полевым» (XIII, 204—205).

¹ «Речь идёт о большом обществе Петербургском, прежде 1812 года» (прим. Пушкина). «Более откровенные высказывания на этот счёт содержатся в пушкинском «Отрывке из неизданных записок дамы» (1811), напечатанном в «Современнике» (1836, № 3) с подзаголовком «Перевод с французского», — пишет С. Фомичёв (*Фомичёв С. Пушкинская перспектива*. С. 405).

² О составе и творческой истории «Автобиографических записок» см.: *Козмина Л.В.* Автобиографические записки А.С. Пушкина 1821—1825 гг. Проблемы реконструкции. М., 1999. С. 16—50.

³ «На первом же заседании Главного правления училищ, которое вёл Шишков, он изложил свои идеи о просвещении народа, цензуре и её задачах. Но осуществить он их смог уже в другой период истории России — при Николае I» (*Жирков Г.В.* История цензуры в России XIX—XX веков).

⁴ Об этом см. во «Втором послании к цензору» (осень 1824 года).

Но «сделаться журналистом» в этот период Пушкину, «никак» не могущему «упрятать всех» своих торчащих «ушей под колпак юродивого» (XIII, 240), было весьма затруднительно. Друзья-литераторы — П.А. Вяземский и А.А. Дельвиг, участвующие в созидательных помыслах михайловского затворника, вовлекают его в журнальное сотрудничество: в «Московский телеграф» Н.А. Полевого и в альманах «Северные цветы» Дельвига, в котором Пушкин сначала выступал как поэт, а после 1827-го как критик и полемист¹.

Тем не менее желание иметь собственный журнал или быть во главе журнала не покидает Пушкина. Когда в начале осени 1826 года фельдъегерь Вальш доставил поэта в Москву на аудиенцию к Николаю I в Чудов дворец Кремля, где ему была объявлена покровительствующая «свобода» в лице императора-цензора², Пушкин узнаёт от М.П. Погодина о готовящемся выходе журнала «Московский вестник». Подготовив вместе с Погодиным первый выпуск, в котором, по сообщению «Санкт-петербургских ведомостей» (№ 94 от 23 ноября 1826), «участвует преимущественно А.С. Пушкин»,³ поэт полагал не только воздействовать на редакторский состав, но и возглавить рождённый журнал.

«Я ничего не говорил тебе о твоём решительном намерении соединиться с Полевым, а ей богу — грустно, — пишет Пушкин Вяземскому 9 ноября этого же года из Михайловского в Москву, аргументированно излагая свои резоны. — Итак никогда порядочные литераторы вместе у нас ничего не произведут! всё в одиночку. Полевой, Погодин, Сушков, Завальевский, кто бы ни издавал журнал, всё равно. Дело в том, что нам надо завладеть одним журналом и царствовать самовластно и единовластно. Мы слишком ленивы, чтобы переводить, выписывать, объявлять etc. etc. Это чёрная работа журнала; вот за чем и издатель существует; но он должен 1) знать грамматику русскую, 2) писать со смыслом, т. е. согласовывать существ. с прилаг. и связывать их глаголом. — А этого-то Полевой и не умеет. Ради Христа, прочти первый параграф его известия о смерти Румянцова и Ростопчина. И согласишься со мной, что ему не-

¹ После смерти Дельвига «Северные цветы» на 1832 год издал Пушкин.

² Николай I определил целый ряд направлений, на которые цензура должна была обращать пристальное внимание. Он бдительно следил за деятельностью самого цензурного аппарата, контролировал творчество ведущих литераторов и публицистов, основные издания страны и способствовал установлению субъективного и жесткого режима цензуры в своем государстве, особенно в последние годы правления.

³ Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. II. М., 1999. С. 665.

возможно доверить издания журнала, освященного нашими именами. Впрочем ничего не ушло. Может быть, не Погодин, а я — буду хозяином нового журнала» (XIII, 304—305).

Убедившись, что встать во главе «Московского вестника» у него не получится, Пушкин отходит от редакции и в конце 1827-го затевает совместно с Вяземским литературный альманах «Современник». Однако радениям В.А. Жуковского, взявшегося ходатайствовать перед Николаем I и министром просвещения А.С. Шишковым, тогда воспрепятствовал донос Фаддея Булгарина в Третье отделение на П.А. Вяземского¹. Равно и намерение Пушкина издавать литературно-политическую газету «Дневник» не было реализовано, так как содействовавший поэту Д.Н. Блудов² в получении разрешения на издание газеты надеялся превратить «Дневник» в орган Министерства внутренних дел. Пушкин, понимая, что при сложившихся обстоятельствах его «Дневник» мало чем будет отличаться от «Северной пчелы» Ф.В. Булгарина, несмотря на подготовленную обширную программу, не приступил к выпуску газеты. «Значение этой неизбежной неудачи метко сформулировал Вяземский в письме к А.И. Тургеневу: «Журнал его <Пушкина> решительно не состоится, по крайней мере на будущий год. Жаль! Литературная канальская шайка грече-булгаринская остаётся в прежней силе»³.

Мечта Пушкина об издании своего журнала осуществилась лишь только в 1836-м. В канун наступающего нового года, 31 декабря 1835-го, Пушкин направил А.Х. Бенкендорфу прошение о разрешении «в следующем 1836 году издать 4 тома статей чисто литературных (как-то: повестей, стихотворений etc.), исторических, учёных, также критических разборов русской и иностранной словесности; на подобие английских трёхмесячных *Reviews*. Отказавшись от участия во всех наших журна-

¹ См.: *Гиттис В.* Пушкин в борьбе с Булгариным в 1830—1831 гг. // Пушкин : Временник Пушкинской комиссии. М. ; Л., 1941. Вып. 6. С. 235—255.

² «Начало 1830-х годов — период частых встреч Пушкина с Блудовым, назначенным в 1832 году министром внутренних дел, что, как указывает Черейский, «связано с политическими интересами Пушкина и его занятиями историей Петра I. <...> 29 июня 1832 Б. разговаривал с Пушкиным у Вяземского о назначении ему жалованья как историографа; он же выхлопотал Пушкину разрешение на издание газеты «Дневник» (1832)... что послужило затем причиной недовольства С.С. Уварова» (*Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. Л., 1989. С. 40—41). Министр просвещения Уваров был уязвлён тем, что разрешение Пушкину было дано не его министерством, а Министерством внутренних дел.

³ *Мордовченко Н.И.* Журналистика двадцатых — тридцатых годов [XIX века] // История русской литературы : в 10 т. Т. VI. М. ; Л., 1953. С. 594.

лах, я лишился и своих доходов. Издание такой Review доставило бы мне вновь независимость, а вместе и способ продолжать труды мною начатые» (XVI, 69—70).

Некогда Пушкин писал, что «Литературная газета» была нужна, прежде всего, «для некоторого числа писателей, не могших по разным отношениям являться под своим именем ни в одном из петербургских или московских журналах» (XI, 89). В этом же смысле был нужен и «Современник». «Это был орган передовых писателей, для которых литература была не ремеслом, не средством наживы, а высоким призванием, не допускающим какого бы то ни было приспособленчества»¹. Именно эту особенность журнала, освящённого гением его издателя, отмечал известный литератор С.Н. Глинка в письме к Пушкину от 26 марта 1836 года: «Ваш *Современник* будет *Сопотомственнымком*. C'est un terme de mo invention; mais le génie ne s'invente pas. Il [naï<т>] <?> apparaît sous l'influence de son étoile, et se reproduit dans la postérité² (XVI, 98)».

Из важнейшего для Пушкина как издателя «Современника» было ориентирование на документальный материал, связанный как с современностью, так и с историей. Он инициировал, таким образом, к изданию записки С.Н. Глинки, воспоминания М.С. Щепкина и обработанные им же самим записки П.В. Нащокина. Начав путь прозаика, как мемуарист Пушкин «в большей степени, нежели какой-нибудь другой писатель, оценил художественную выразительность документов, преломлённых через живое отношение личности, этой эпохой сформированного»³.

Всё это вместе и позволило превратить «Современник» из литературного сборника-альманаха в общественно-литературный журнал, четыре выпуска которого⁴, изданных Пушкиным, представляют собой бесценный памятник русской журналистики и литературы.

---

¹ *Кибальник С.* От составителя // *Современник*, литературный журнал А.С. Пушкина. 1836—1838. М., 1988. С. 10.

² Это термин моего изобретения: но гения не изобретёшь. Он [рожд<дается> <?>] появляется под влиянием своей звезды и продолжает жить в потомстве (XVI, 387).

³ *Фомичёв С.А.* Пушкинская перспектива. С. 425.

⁴ Пятый том (то есть первый на 1837 год) Пушкин успел подготовить частично. 3 февраля 1837 года редактор «Московского наблюдателя» В.П. Андронов писал в Петербург А.А. Краевскому: «Пушкин едва ли не потому подвергся горькой своей доле, что сделался журналистом». Цит. по: *Березина В.Г.* Из истории «Современника» Пушкина // Пушкин. Исследования и материалы. Т. I. М.; Л., 1956. С. 287.

«МЕДНАЯ БАБУШКА»

Статуи Екатерины II в жизни Гончаровых и Пушкина

История монументальной бронзовой скульптуры Екатерины II, названной с лёгкой руки А.С. Пушкина «Медной бабушкой», изложена в более чем тридцати исследованиях и в периодической печати. Она обсуждается на протяжении полутора столетий, но по-прежнему содержит в себе массу неточностей, ошибок, мифов и легенд. В данной статье автор на основании анализа более сотни источников — архивных документов, публикаций в периодической печати, переписки А.С. Пушкина, литературы о поэте и работ предшествующих исследователей — делает попытку представить объективную историю статуи Екатерины II: от заказа её А.А. Гончаровым, создания в Берлине, пребывания в имении Гончаровых Полотняный Завод и в Санкт-Петербурге до продажи её А.С. Пушкиным в 1836 году.

Скульптура Екатерины II предстаёт перед нами как несостоявшийся памятник императрице, поддерживающей полотняно-парусное и бумагоделательное производства А.А. Гончарова, как собственность первого поэта России (приданое Н.Н. Гончаровой), неслучившийся памятник «Царскосельской Минерве» и как произведение европейского литейного искусства — своеобразный камертон литейщиков завода К.Н. Берда.

История статуи начинается с того момента, когда Екатерина II, совершая поездку по России, 16 декабря 1775 года побывала в имении Полотняный Завод на парусно-полотняной и писчебумажной фабриках, принадлежавших А.А. Гончарову — прапрадеду жены А.С. Пушкина. Вот как описывал это посещение Афанасий Николаевич Гончаров (дед Н.Н. Пушкиной):

«Семидесятишестилетний старец дед мой коллежский ассесор Афанасий Абрамович Гончаров в 775-м году в декабре Месяце удостоен был посещением в бозе почивающей Монархини, калугской Губернии Мядынской округи, при фабриках его полотняной и бумажной; заведение коих от времен Петра Великого устрояемы были, без всякого казеннаго пособия и с него оборотов, при мудром Ея обозрении всего заведения великий подвиг свой, и труды деда моего ознаменованы были удостоением словесным воздвигнуть Ея пресветлейший Монумент, назнача к тому и место»¹.

¹ РГИА. Ф. 938, оп. 1, д. 422. Прошения на Высочайшее имя с докладными записками Трошинского. 1801. Л. 324.

С 1776 года ведётся переписка А.А. Гончарова с берлинской фирмой «Томсон Рованд и К^о» по поводу изготовления скульптурного изображения Екатерины II¹.

Обращение А.А. Гончарова к этой фирме основывалось, вероятно, на том, что за десять лет до его заказа мастерами фигурной пластики берлинской Королевской фарфоровой мануфактуры братьями Фридрихом-Элиасом и Вильгельмом-Христианом Мейерами был создан десертный сервиз, подаренный в 1772 году прусским королём Фридрихом II русской императрице².

Контракт со скульпторами подписывается «в Берлине сентября 18 дня 1781 года господином Вильгельмом-Христианом Мейером и братом ево (Фридрихом-Элиасом. — В.Ч.) Мейером, а сей в Москве февраля 28 дня 1782 года господином коллежским ассессором Афанасием Гончаровым». Посредником заказчика выступил русский посланник при дворе Фридриха Великого князь В. С. Долгоруков³.

На основе изучения гравированных, живописных и медальерных портретов Екатерины II, находящихся в музеях и библиотеке Берлина, В.-Х. Мейер⁴ нарисовал эскиз статуи с пьедесталом для согласования с заказчиком (ныне находится в берлинском частном собрании)⁵.

¹ Рогов А. История «статуи медной» // Простор. Алма-Ата, 1971. № 4. С. 105.

² Казакевич Н.И. Берлинский сервиз. Проспект выставки / Государственный Эрмитаж. СПб., 1995. Эта многофигурная композиция, представляющая русскую императрицу, окружённую аллегориями добродетелей, свободных искусств и народностей, населяющих империю, ныне хранится в Эрмитаже; см. также: Пахомова-Герес В. Фарфоровый гимн Семирамиде Севера // Пинакотeka. М., 2000. № 10—11. С. 230, 233.

³ Рогов А. История «статуи медной». С. 105.

⁴ Вильгельм Христиан Мейер (Wilhelm Christian Meyer, 1726—1786) обучался ваиянио у своего брата скульптора Ф.-Э. Мейера (1723—1785). В.-Х. Мейер наряду со своими работами на Берлинской фарфоровой мануфактуре создавал архитектурную пластику для берлинских сооружений и надгробные памятники. С начала 1780-х занимал один из постов ректора Академии искусств, был директором академии, а в 1783 году стал членом Королевской Академии искусств в Берлине.

⁵ Badstubner-Groger S. Die Zeichnung eines Standbildes von Katarina II und das Schicksal eines Denkmals — Der Beginn einer Untersuchung // Zeitschrift des Deutschen Vereins für Kunstwissenschaft. Berlin, 1989. Bd. 43. H. 2. S. 21—35. Автор благодарит Елену Вениаминовну Карпову за любезно предоставленный оригинал статьи (РНБ и БАН этого журнала не имеют) и Анну Ароновну Баркан за перевод.

Рисунок памятника не имел ни подписи, ни даты¹, однако нет сомнения, что на нём изображена русская царица, и он берлинского происхождения, так как бронзовый отлив отличался от рисунка лишь небольшими изменениями.

Гончаров, получив копию рисунка для согласования, утвердил его без выполнения пьедестала, вероятно, из экономии. После утверждения проектного рисунка В.-Х. Мейер занялся изготовлением моделей, сначала уменьшенного масштаба, а затем реального — для отливки изваяния. Подготовленную в 1782 году к отливке алебастровую модель принял директор Берлинской Королевской Академии художеств живописец Б.-Н. Лесьер; сертификат был подписан им 28 сентября, тогда же модель рассмотрел и одобрил Сенат академии, а в конце 1782 года В.С. Долгоруков «осматривает на месте модель статуи и ведёт оживлённую переписку по этому поводу с Аф.[анасием] Абр.[амовичем] Гончаровым». При этом все единодушно отметили, что скульптор достиг явного портретного сходства.

Мейер всё подготовил к отливке статуи, но 10 декабря 1786 года скончался; годом раньше умер его старший брат Ф.-Э. Мейер, и тогда в конце 1786 года отливку статуи из бронзы в берлинской Королевской литейной выполнил литейщик Иоганн Георг Маукиш². «Отливка произведена с величайшим успехом, и десятифутовая статуя считается совершеннейшею»³. Сам Фридрих II 9 ноября 1786 года в Литейном дворе осмотрел находящуюся там прекрасную металлическую статую российской императрицы.

Окончательная отделка (чеканка) осуществлялась под наблюдением и при участии ученика В.-Х. Мейера Иоганна Даниэля Мельтцера в 1787—1788 годах⁴. Об окончании работ сообщила 12 июля 1788 года «Королевская Привилегированная берлинская газета».

---

¹ *Badstubner-Groger S.* Ein Denkmal Katharinas der Großen für Ekaterinoslav // *Russische Aufklärungszereption im Kontext offizieller Bildungskonzepte (1700—1825)*. Berlin, 2001. S. 3. Автор благодарит Анну Ароновну Баркан за перевод статьи.

² *Badstubner-Groger S.* Ein Denkmal Katharinas... S. 6—7. Иоганн Георг Маукиш (Johann Georg Maukisch) согласно берлинскому адресному справочнику тех лет был литейщиком, а с 1787 года директором Королевского Литейного двора.

³ *Шереметевский П.* Памятник Екатерине Великой // *Московские ведомости*. 1873. № 277. Суббота. 3 ноября. С. 3.

⁴ Иоганн Даниэль Мельтцер (Johann Daniel Meltzer, 1853—?) работал сначала скульптором, а затем модельером на Берлинской фарфоровой мануфактуре.

Высота статуи Екатерины II по немецким источникам 10 футов (3 м 5 см), а по русским — 4,5 аршина (3 м 20 см); ширина — 3,5 аршина; вес около 200 пудов (3 т 200 кг). За исключением небольших изменений, «отлитая из металла статуя Её Величества, царствующей ныне русской императрицы Екатерины II» очень похожа на изображённую на рисунке с несколько идеализированной и моложавой фигурой. Скульптура царицы выполнена с малой короной на голове (вместо лаврового венка по рисунку) и ниспадающими на левое плечо вьющимися локонами волос, в античном одеянии. Поверх платья с множеством складок — окантованный корсаж или нагрудный римский военный панцирь (несколько изменённый по сравнению с рисунком, с добавленным поясом для меча). Статуя развёрнута вполоборота, слегка повёрнута влево. Левая рука её приподнята в повелительном жесте, правая опущена и указывает на раскрытую (на рисунке закрытую) книгу законов России и на медали (вместо печати на рисунке), лежащие на ней и знаменующие великие деяния монархии — военные события и законодательство. Свод законов с медалями расположены на вплотную стоящей с фигурой низкой колонне, наполовину закрытой одеянием царицы, с орденом Святого Андрея Первозванного¹.

Спереди на подножии (по другому источнику — на колонне) статуи Екатерины II находилась латинская надпись о создателях статуи и годе завершения работы: //ARTIF: BEROL: FECER: / MEYER FINX: MAUKISCH FUD: MELTZER FIN: / POST ANNOS SEX. / MDCCLXXXVIII.//², что в переводе означает: «Художники берлинские создали: Мейер вылепил, Маукиш отлил, Мельтцер отделал, спустя шесть лет. 1788».

16 августа 1788 года «Королевская Привилегированная берлинская газета» сообщила: «Металлическая скульптура Её Величества Императрицы России... несколько дней назад отправлена в Штеттин» для доставки на корабле в Санкт-Петербург. Однако русско-шведская война 1788—1791 года на Балтике не позволила вывезти скульптуру в Россию, и три года она находилась в порту Штеттина, на родине императрицы Екатерины II³.

К моменту прибытия бронзовой фигуры в Россию хозяином имения Полотняный Завод уже пять лет, после смерти своего деда и отца, был

---

¹ *Badstubner-Groger S.* Ein Denkmal Katharinas... S. 6—8.

² *Титов Г.[Я.]* Письма из Екатеринослава. Одесса : Типография Брауна и Ко, 1849. С. 43.

³ *Badstubner-Groger S.* Ein Denkmal Katharinas... S. 7.

Афанасий Николаевич Гончаров, который и стал первым владельцем статуи. По свидетельству А.Н. Гончарова, «сей (монумент. — В.Ч.) в меди, в величественном росте и римском одеянии, изображающей образ Ея Величества по заказу деда моего и по вылитии, из Берлина уже по смерти его привезен в 791-м году в Санктпетербург, без взыскания с меня пошлин. Мне оной чрез графа Александра Романовича Воронцова было приказано словесно ж отдать для постановления»¹.

Скульптура Екатерины II была передана Гончарову 10 декабря 1791 года, о чём свидетельствовали документы «на выпуск из С.-Петербургской таможни Бронзового монумента Е. И. В. Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны»².

Из Санкт-Петербурга статую лошадыми на санях доставили в Полотняный Завод и разместили, вероятнее всего, в одном из помещений каретного сарая или специально выстроенном сарае, а не в подвале барского дома, как утверждают все исследователи, куда она физически не могла войти, учитывая её габариты³.

Разрешение на установку статуи последовало в тот же год: «Императрица в 1791 году даровала позволение Гончарову поставить на фабрике изображение Ея Величества»⁴, но этим разрешением А.Н. Гончаров не воспользовался.

В 1796 году на престол взойшёл император Павел I. Во время его царствования, по понятным причинам, чествование Екатерины II едва ли было безопасным. Правление Павла I оказалось недолгим, и для установки памятника Екатерине II требовалось теперь уже разрешение нового императора — Александра I. 27 сентября 1801 года Гончаров просит разрешения Александра I на установку памятника Екатерине II⁵. Письменное разрешение императора он получает 4 октября 1801 года через директора почт Д.П. Трошинского⁶.

---

¹ РГИА. Ф. 938, оп. 1, д. 422. Прошения на Высочайшее имя с докладными записками Трошинского. 1801. Л. 324.

² *Средин А.В.* Полотняный завод // Старые годы. 1910. Июль — сентябрь. С. 89.

³ Автор статьи летом 2009 года провёл натурное обследование имения Полотняный Завод и определил, что таких широких проёмов дверей (не менее 3,5 аршина, чтобы занести статую), ведущих в подвал усадебного дома, не было и нет.

⁴ Полотняный завод. (Окончание) // Калужския Губернския Ведомости. 1849. № 42. С. 189.

⁵ РГИА. Ф. 938, оп. 1, д. 422. Прошения на Высочайшее имя с докладными записками Трошинского. 1801. Л. 324—325.

⁶ *Средин А.В.* Полотняный завод. С. 89.

Однако дела Афанасия Николаевича постепенно стали приходить в упадок, и ему было не до установки памятника¹, а начавшаяся Отечественная война и вовсе заставила забыть о находившейся в имении статуе Екатерины II. И только рождение летом 1812 года Натальи Николаевны Гончаровой (будущей жены Пушкина) изменит судьбу статуи, но это произойдёт спустя 18 лет, в течение которых А.Н. Гончаров так и не найдёт возможности установить в имении памятник. Он вспомнит о статуе лишь в начале 1830-х годов, в связи со сватовством А.С. Пушкина к его внучке.

К этому времени огромное богатство Гончаровых по вине Афанасия Николаевича пришло в упадок, и Наталья Николаевна фактически стала бесприданницей. Сохранились лишь черновые записки деда о предназначавшейся в приданое части нижегородского имения.

Ещё до женитьбы поэту пришлось выполнять ряд поручений А.Н. Гончарова, связанных с предоставлением ссуды от правительства².

Когда в конце мая 1830 года А.С. Пушкин первый раз посетил имение Гончаровых Полотняный Завод, Афанасий Николаевич, видимо, решил, что пора извлечь погребённый в статуе императрицы капитал и вырученные деньги пустить на приданое для внучки. Поэтому вряд ли дедушка показывал жениху статую Екатерины II. Скульптура могла показаться Пушкину не столь неудачной, как задумал представить её Гончаров, чтобы получить разрешение на переплавку.

Едва состоялась помолвка внучки с поэтом, как дедушка, зная о связях жениха при Императорском дворе, поручил ему добиться от правительства разрешения на переплавку бронзового изваяния Екатерины II. С этого момента история статуи тесно связана с именем Пушкина.

29 мая 1830 года А.С. Пушкин из Москвы пишет прошение начальнику III Отделения генералу А.Х. Бенкендорфу (приводим в переводе с французского):

«Прадед (должно быть прапрадед, но во французском языке такого слова нет. — *В. Ч.*) моей невесты некогда получил разрешение поставить в своём имении Полотняный Завод памятник императрице Екатерине Второй. Её колоссальная статуя, отлитая по его заказу в Берлине, ока-

---

¹ *Среди* А. Пушкин и «Полотняный Завод» // Известия Калужской учёной архивной комиссии. Вып. XXI. Калуга, 1911. С. 33.

² См.: *В.Б. [В. Безобразов]. Полотняный Завод, имение Гончаровых.* (Письмо В.П. Безобразова к Я.К. Гроту от 17-го мая 1880 года) // Труды Я.К. Грота : в 5 т. Т. III. Очерки из истории русской литературы (1848—1893). Биографии, характеристики и критико-биографические заметки. СПб., 1901. С. 131.

залась совершенно не удавшейся и уродливой и так и не могла быть воздвигнута — и [теперь] уже более 35 лет погребена в подвале дома (Пушкин не знал, где хранилась статуя. — В. Ч.). — Торговцы медью предлагали за неё 50 тысяч рублей. Но нынешний её владелец, г-н Гончаров-отец, ни за что на это не соглашался. Несмотря на уродливость этой статуи, он ею дорожил, как памятью о благодеяниях великой государыни. — Он боялся, уничтожив её, лишиться также и права на сооружение памятника... Неожиданно решённый брак его внучки, застал его врасплох без всяких средств и кроме государя разве только его покойная августейшая бабка могла бы вывести нас из затруднения. Г-н Гончаров, хотя и неохотно, соглашается на продажу статуи, но опасается потерять право, которым дорожит» (XIV, 95, 412).

О положительном ответе Бенкендорфа Пушкин информирует А.Н. Гончарова в письме от 14 августа из Москвы (XIV, 107), а 20 августа Бенкендорф направляет письмо Гончарову, в котором сообщает: «Его Императорское Величество изъявить соизволил соизволение Свое, на расплавление имеющейся у Вас, Милостивый Государь, колоссальной, неудачно изваянной в Берлине, бронзовой статуи, блаженной памяти Императрицы Екатерины II, с предоставлением Вам права, воздвигнуть, когда обстоятельства позволят Вам исполнить сие, другой приличный памятник сей Августейшей Благотворительнице Фамилии Вашей»¹. Полученным разрешением на переплавку А.Н. Гончаров не воспользовался, скорее всего ввиду отсутствия покупателя, что и спасло статую от гибели.

В это время появляется знаменитое название статуи Екатерины II — «Медная бабушка». Сначала Пушкин устанавливает за статуей прозвище «заводская Бабушка» (XIV, 103, 414), затем «негодная Бабушка» (XIV, 104, 414), потом просто «Бабушка»: в письме из Болдина в Москву 30 сентября поэт пишет своей избраннице (пер. с фр.): «Как идут дела и что говорит дедушка? Знаете ли, что он мне написал? За Бабушку, по его словам, дают лишь 7000 рублей, и нечего из-за этого тревожить её уединение. Стоило подымать столько шума! Не смейтесь надо мной; я в бешенстве. Наша свадьба точно бежит от меня...» (XIV, 114, 416—417). И наконец в письме из Болдина в Москву от 11 октября, обращаясь к невесте по-французски, Пушкин намеренно выделил русским текстом

---

¹ РО ИРЛИ. Ф. 244, оп. 16, д. 12. По письму А.С. Пушкина, о дозволении Надворн. Советнику Гончарову, расплавить неудачно вылитую Статую, изображающую Императрицу Екатерину. 1830. Л. 12.

следующие фразы: «Что дедушка с его медной бабушкой? Оба живы и здоровы, не правда ли?» (XIV, 116).

Так Пушкин, назвав статую Екатерины II «Медной бабушкой», обессмертил её и предвосхитил название поэмы «Медный всадник» (фальконетовский памятник Петру I), написанной спустя три года.

Дедушка никак не мог расстаться с «Медной бабушкой» и только обещал выделить внучке в приданое кое-что из своего имения. Но так как дела Гончаровых в это время пришли в ещё больший упадок, то Пушкин не только не получил за Натальей Николаевной ничего, но, чтобы не откладывать свадьбы, вынужден был дать займы «11,000 тѣще, которая непременно хотела, чтоб дочь её была с приданным», замечая в письме к другу, поэту Плетневу за несколько дней до свадьбы: «пиши пропало». Для этого Пушкин закладывает 200 душ в нижегородском имении и из полученных благодаря отцу 38000 рублей выделяет ещё и «17,000 на обзаведение и житие годичное» (XIV, 152, 159).

18 февраля 1831 года в Москве, в церкви Большого Вознесения у Никитских ворот, состоялось венчание А.С. Пушкина и Н.Н. Гончаровой. Для поэта началась семейная жизнь. Молодые сняли квартиру на Арбате, обзавелись небольшим хозяйством и принимали поздравления друзей.

22 февраля Пушкин пишет Гончарову: «Спешу известить Вас о счастье моём и препоручить себя Вашему отеческому благорасположению, как мужа бесценной внуки Вашей, Натальи Николаевны. <...> ...вы всё ещё тревожитесь на счёт приданого; моя усиленная просьба состоит в том, чтоб вы не расстроивали для нас уже расстроенного имения; мы же в состоянии ждать». Поскольку дедушка опять задумал продавать «Медную бабушку» и поручил эту миссию Пушкину, то поэт заключил письмо следующим: «Что касается до памятника, то будучи в Москве, я никак не могу взяться за продажу оного и предостовляю всё это дело на Ваше благорасположение» (XIV, 154).

Поэт не намерен был оставаться в Москве, он решил провести первое семейное лето и осень в Царском Селе. Пушкину хотелось вновь очутиться «в кругу милых воспоминаний», чтобы его жена вошла в мир его юности, прониклась прелестью Царского Села, которое он однажды и навсегда определил как своё поэтическое отечество.

По просьбе Пушкина Плетнёв нанял для него дом, принадлежавший вдове придворного камердинера Китаева, неподалёку от Александровского парка. Пушкины переехали в этот дом 26 мая 1831 года. Здесь молодым предстояло прожить полгода счастливой семейной жизни.

Поэт писал 3 сентября П.В. Нащокину: «У меня, слава богу, всё тихо, жена здорова; царь (между нами) взял меня в службу, т. е. дал мне жалования, и позволил рыться в архивах для составления Истории Петра I. Дай бог здоровья царю! <...> Дедушка ни гугу. До сих пор ничего не сделано для Нат.<альи> Николаевны...» (XIV, 219—220).

Пушкин был счастлив, и это замечали друзья и родные. «Я более и более за него радуюсь тому, что он женат. И душа, и жизнь, и поэзия в выигрыше», — писал Жуковский¹.

В октябре 1831 года Пушкины переехали из Царского Села в Петербург. 22 октября поэт пишет Нащокину: «Дедушка свинья; он выдаёт свою третью наложницу за муж с 10,000 приданого, а не может заплатить мне моих 12,000 — и ничего своей внучке не даёт» (XIV, 237).

Пушкин так и не получил деньги за приданое Натальи Николаевны. В качестве компенсации поэту предложили взять «Медную бабушку» для продажи в свою пользу², и он становится вторым владельцем статуи Екатерины II.

Весной 1832 года Пушкин переехал с женой в дом М.Н. Алымова на Фурштатской улице³. Во двор дома по его указанию из имения Полотняный Завод после 40-летнего заточения привозят «Медную бабушку», и у статуи начинается петербургская жизнь. Н.А. Муханов записал в своём дневнике: «Видел у него... статую Екатерины, весьма замечательную»⁴, а его друг поэт И.П. Мятлев даже имел намерение приобрести статую (см.: XV, 16).

У Мятлева не нашлось, видимо, необходимой суммы денег, поэтому Пушкин был вынужден искать других покупателей и по совету Бенкендорфа предложил статую Екатерины II правительству.

8 июня поэт направляет Бенкендорфу письмо:

«Генерал,

Два или три года тому назад господин Гончаров, дед моей жены, сильно нуждаясь в деньгах, собирался расплавить колоссальную статую Екатерины II, и именно к Вашему превосходительству я обращался по этому поводу за разрешением. Предполагая, что речь идёт просто об уродливой бронзовой глыбе, я ни о чём другом и не просил. Но статуя

---

¹ Цит. по: Некрасов С.М. «Под сенью дружных муз». Царское Село — город русской поэзии. (К 300-летию Царского Села). СПб., 2007. С. 71, 73.

² Яшин М. Пушкин и Гончаровы. По неизвестным эпистолярным материалам // Звезда. 1964. № 8. С. 181

³ Иезутова Р.В., Левкович Я.Л. Пушкин в Петербурге. Л., 1991. С. 346.

⁴ Из дневника Н. А. Муханова // Русский архив. М., 1897. Т. 1. С. 657.

оказалась прекрасным произведением искусства, и я посовестился и пожалел уничтожить её ради нескольких тысяч рублей. Ваше превосходительство с обычной своей добротой подали мне надежду, что её могло бы купить у меня правительство; поэтому я велел привезти её сюда. Средства частных лиц не позволяют ни купить, ни хранить её у себя, однако эта прекрасная статуя могла бы занять подобающее ей место либо в одном из учреждений, основанных императрицей, либо в Царском Селе, где её статуи недостаёт среди памятников, воздвигнутых ею в честь великих людей, которые ей служили. Я хотел бы получить за неё 25000 р., что составляет четвертую часть того, что она стоила» (XV, 25, 315).

Бенкендорф переслал письмо Пушкина министру Императорского двора князю П.М. Волконскому, а последний предписал Императорской Академии художеств дать своё заключение о статуе.

12 июля члены Императорской Академии художеств, скульпторы И.П. Мартос, С.И. Гальберг и Б.И. Орловский, осмотрели находящуюся во дворе дома Алымова бронзовую статую Екатерины II и составили за своими подписями акт. Результаты освидетельствования статуи в тот же день были предоставлены президенту Академии художеств А.Н. Оленину для его доклада князю Волконскому.

В докладной записке Оленин пишет: «В полученной мною от Г. Мартоса, Гальберга и Орловскаго по означенному предмету записки заключается следующее: огромность сей статуи, отливка оной и тщательная обработка, или чеканка оной во всех частях, не говоря уже о важности лица изображаемого, и следовательно о достоинстве произведения, как Монументального, которое непростительно было бы употребить для другого какого либо назначения, заслуживает внимание Правительства; что же касается до цены Статуи 25 тыс. рублей; то мы находим её слишком умеренною, ибо одного металла полагать можно, имеется в ней по крайней мере, на двенадцать тысяч рублей, — и если бы теперь заказать сделать таковую Статую, то она конечно обошлась бы в три или четыре раза дороже цены просимой Г. Пушкиным. При сем мы должны по всей справедливости объявить, что произведение сие не чуждо некоторым видимым недостаткам в отношении сочинителя, рисунка и стиля; впрочем, если взять в соображение век, в который Статуя сия сделана; то она вовсе не может похвастаться слабейшею из произведенных в то время в Берлине»¹.

---

¹ РО ИРЛИ. Ф. 244. А.С. Пушкин. Оп, 16, д. 96. Об осмотре членами сей Академии колоссальной Статуи Екатерины II, предполагаемой к покупке Титулярным Советником Пушкиным. 1832. Л. 1, 3—3 об.; 4—4 об.

Получив такое экспертное заключение Императорской Академии художеств, Правительство хранило молчание.

В конце ноября Пушкин с семьёй перебирается на новую квартиру в дом П.А. Жадимировского (Б. Морская, 26/14)¹, а статуя по его просьбе остаётся на время во дворе дома Алымова. Поэт был уверен, что статую купит правительство, и он пишет Нащокину 2 декабря: «Мою статую ещё я не продал, но продам во что бы то ни стало» (XV, 37).

Время шло, а министерство Императорского двора никакого ответа не давало, и Пушкин решил возобновить своё ходатайство, но действовать именем жены.

13 февраля 1833 года Наталья Николаевна пишет на имя министра Императорского двора письмо: «Князь, я намеревалась продать в казну бронзовую статую, которая, как мне сказали, стоила моему деду (прапрадеду. — *В.Ч.*) 100000 рублей, и за которую я хотела бы получить 25000. Посланные для её осмотра академики говорили, что она стоит этих денег. Но, не получая больше известий об этом, я осмеливаюсь, князь, прибегнуть к вашей любезности. Намереваются ли ещё купить эту статую, или же сумма, которую спросил мой муж, кажется чрезмерной? В последнем случае нельзя ли было бы выдать нам, по крайней мере, *материальную* стоимость статуи, т. е. стоимость бронзы, а остальное уплатить, когда и как вам будет угодно»². Письмо было сложено и запечатано сургучом с оттиском пушкинского перстня-талисмана; на обороте второго листка Пушкин собственноручно написал: «Его Сиятельству Милостивому Государю Князю Петру Михайловичу Волконскому. От Н.Н. Пушкиной».

Получив письмо, Волконский потребовал «Справку, на чём остановилось сие дело» и 25 февраля послал Наталье Николаевне письмо, в котором заключался изложенный в самых изысканных выражениях, но категорический отказ от покупки статуи³. После нескольких войн денег у государства не было.

Теперь Пушкин, в связи с переездом на новую квартиру, должен был позаботиться и о новом месте пребывания «Медной бабушки», найти ей нового хозяина. Для этого поэт подключил В.Г. Юрьева — известного петербургского ростовщика. Юрьев договаривается с заводчиком

---

¹ *Иезуитова Р.В., Левкович Я.Л.* Пушкин в Петербурге. С. 346.

² Цит. по: *Модзалевский Л. Б.* Примечания // Пушкин А.С. Письма : в 3 т. Т. 3. М. ; Л., 1935. С. 503—504.

³ *Лернер Н.* Заметки о Пушкине. История статуи Екатерины II // Русская старина. 1913. Т. 156. № 12. С. 512—513.

К.Н. Бердом сначала, вероятно, о нахождении статуи у него на заводе, а потом и о её продаже, которая состоялась значительно позже.

Пушкин пишет записку (без даты) владелице дома на Фурштатской:

«Милостивая государыня

Любовь Матвеевна

Покорнейше прошу дозволить г-ну Юрьеву взять со двора Вашего статую медную, там находящуюся.

С истинным почтением и преданностию честь имею быть, милостивая государыня,

Вашим покорнейшим слугою

Александр Пушкин» (XVI, 220)¹.

Эта записка в пушкиноведении датируется весьма широко: мартом 1833 — январём (до 26-го) 1837 года.

«Медная бабушка» выдаётся В.Г. Юрьеву, и он отправляет её на завод К.Н. Берда.

Литейно-механический завод был основан Чарльзом (Карлом Николаевичем) Бердом в 1792 году, в период царствования императрицы Екатерины II, да и прибыл Берд в команде Чарльза (Карла Карловича) Гаскойна из Шотландии в 1786 году именно по её приглашению. Поэтому бронзовой статуе Екатерины II была уготована представительская миссия — показать государственным и иным заказчикам почтение и уважение к императрице, предоставившей ему возможность основать завод и заниматься предпринимательством в России. Кроме того, размещая у себя на заводе производство искусства берлинских мастеров, Карл Николаевич — сам искусный литейщик — прекрасно понимал, какую роль будет играть статуя императрицы Екатерины II на заводе, где осуществлялось художественное литьё для архитектурных памятников Петербурга².

«Медная бабушка» должна была служить своеобразным образцом для бердовских мастеров, и понятно, что скульптуре следовало находиться на видном месте.

Завод в то время часто посещал император Николай Павлович, а уж об архитекторах, зорко следящих за выполнением К.Н. Бердом кон-

---

¹ См. также: *Гинзбург М.* Неизвестная записка Пушкина // Труд. 1937. № 33 (4835). 10 февр. С. 4.

² *Черненко В.А.* Чарльз Берд: дело всей жизни // Материалы научных конференций «Петербург — центр промышленности и инженерного искусства». СПб., 2003. С. 96—102.

трактов, и говорить не приходится. Поэтому, безусловно, архитектор Огюст Монферран, который в то время часто бывал на заводе для освидетельствования бронзолитейных работ для Александровской колонны и Исаакиевского собора, не мог пройти мимо статуи Екатерины II. Архитектор обмерил и зарисовал её и представил министру Императорского двора князю П.М. Волконскому проект памятника Екатерине II с его описанием и рисунком пьедестала для установки в вестибюле Императорской Академии художеств. Императрицу считали тогда основательницей Академии, построившей специально предназначенное для первого в России высшего художественного заведения здание и давшей Академии художеств устав и привилегии¹.

Монферран пишет Волконскому 7 марта 1833 года: «Князь, Статуя Императрицы Екатерины, принадлежащая господину Берду и которую он намеревается отправить за границу, если не сбудет её с рук здесь, имеет четыре аршина в высоту. Императрица стоит в спокойной позе, возле неё, справа, полуколонна, на которую положен свод законов и несколько медалей, искусно сгруппированных. — Если судить только с точки зрения искусства, эта статуя красива, голове придано выражение грации и величия. Костюм одновременно прост и богат, фасон его лучше, чем на большей части известных портретов этой государыни; наконец, замечательны чеканная отделка и безупречная сохранность этой бронзовой фигуры. — Имея честь сообщить об этом прекрасном произведении Вашей Светлости, я подумал, что Императорская Академия искусств могла бы её приобрести, и что эта статуя основательницы её, будучи помещена в центре большой входной залы, дополнила бы украшения, которые в ней производятся. — Я беру на себя смелость приложить здесь, Ваша Светлость, набросок этой статуи и проекта её пьедестала, вокруг которого могли бы поместить эмблемы четырёх гениев искусств, архитектуры, живописи, скульптуры и музыки. — С глубочайшим уважением имею честь состоять, Князь, Вашей Светлости нижайший и покорнейший слуга Огюст де Монферран»².

В это время статуя Екатерины II ещё не была куплена заводчиком у Пушкина, но для Монферрана нахождение статуи на заводе вполне естественно свидетельствовало о её принадлежности К.Н. Берду. Высоту статуи архитектор определил в 4 аршина, тогда как русские авторы

---

¹ РГИА. Ф. 472, оп. 13, д. 576. Бумаги по разным предметам, принятым к сведению. 1833. Л. 8—9.

² Там же. Л. 8—8 об. Ориг. по фр.

приводили цифру в 4,5 аршина, а саму скульптуру представил ещё краше, сделав её моложе и стройнее¹.

Проект Монферрана, представленный 8 марта 1833 года императору Николаю I, не был одобрен; на первой странице письма появилась резолюция: «К сведению, ибо Его Величество не нашёл, чтобы было так хорошо как изъяснил Г-н Монферран»².

Для нас письмо Монферрана представляет исключительный интерес не только тем, что автор подчеркнул художественные достоинства статуи Екатерины II, но и тем, что оно позволяет существенно сократить временные рамки появления записки Пушкина Л.М. Алымовой о выдаче статуи В.Г. Юрьеву с четырёх лет до 10 дней.

Поскольку отказ правительства от приобретения статуи был помечен 25 февраля 1833 года, а письмо Монферрана — 7 марта 1833-го, то записку Пушкина к Алымовой можно отнести к 1833 году и датировать 25 февраля — 7 марта.

Установим теперь, что предшествовало продаже статуи Екатерины II. В связи с этим приобретает интерес переписка братьев Гончаровых, относящаяся к концу 1835 года, в частности, письмо Ивана Николаевича Гончарова, брата Натальи Николаевны Пушкиной, к брату Дмитрию от 28 декабря 1835 года. Вот интересующее нас место в этом письме: «...что касается покупки памятника, Носов утверждает, что Берд не хочет приобретать на условиях, которые ты ему предлагаешь. Но тем не менее я на этом не остановлюсь и пошлю Юрьеву, который мне дал надежду, что это устроит»³.

Приведённое письмо свидетельствует о том, что «Медная бабушка» в конце 1835 года не была продана Пушкиным К.Н. Берду, и что Гончаровы тоже приняли участие в её продаже, и, наконец, что продажу эту мог «устроить» Юрьев. Эта фамилия фигурирует не только в переписке братьев Гончаровых. В одном из писем к жене от 14 сентября 1835 года Пушкин упоминает о нём: «...если нас гонит граф К. <Канкрин>, то у нас остаётся граф Юрьев; я адресую тебя к нему» (XVI, 47).

Поэт иронически называл петербургского ростовщика В.Г. Юрьева по аналогии с министром финансов графом Е.Ф. Канкриным — «графом Юрьевым». Обременённый долгами Пушкин в последние годы своей жизни вынужден был пользоваться его услугами и отдать Юрь-

---

¹ Там же. Л. 9.

² Там же. Л. 8.

³ Яшин М. Пушкин и Гончаровы... С. 181.

еву «Медную бабушку» или в погашение какого-либо долга, или в счёт уплаты по заёмным письмам.

О том, что «Медная бабушка» была продана при жизни А.С. Пушкина, свидетельствуют материалы опекунства над детьми и имуществом Пушкина, учреждённого сразу же после смерти поэта. За время существования опеки собралось большое количество документов, однако ни в опубликованных материалах об «Архиве опеки...»¹, ни в документах, хранящихся в Пушкинском Доме, в частности в протоколах заседаний опеки и составленных ею описях движимого и недвижимого имущества Пушкина, статуя Екатерины II не упоминается. Это подтверждает известный археограф и редактор-издатель «Русского архива» Пётр Бартенев: «...нам положительно известно, что А.С. Пушкин продал заводчику Берду большую бронзовую статую Екатерины за три тысячи ассигнациями»². Таким образом, «Медная бабушка» была продана в последний год жизни поэта и её третьим владельцем (с 1836 по 1843 год) стал заводчик К.Н. Берд.

Статуя Екатерины II, или «Медная бабушка», как называли её в семье Гончаровых и Пушкиных, имела, как мы проследили, сложную, порой драматическую судьбу. Став приданым Натальи Николаевны, статуя не поправила в то время финансового положения Пушкиных. Причина, вероятнее всего, крылась во взаимоотношениях поэта и царя...

---

¹ *Модзалевский Б.Л.* Архив опеки над детьми и имуществом Пушкина в музее А.А. Бахрушина. СПб., 1910; Летописи Государственного литературного музея. Архив опеки Пушкина. Кн. 5. М., 1939.

² *П.Б. [Пётр Бартенев].* Переписка братьев Коростовцовых с бароном Франком и графом М.С. Воронцовым, по поводу сооружения памятника императрице Екатерине II-й в г. Екатеринославле // *Русский архив.* 1876. Кн. 2. С. 410—416.

ЦАРЬ И ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОГО ГЕНИЯ

Понятие частная, или приватная, жизнь обычно толкуется как сфера физической и духовной жизнедеятельности личности, находящаяся вне государственного контроля и общественного интереса. При этом, будучи потенциально свободной от внешнего управляющего воздействия, частная жизнь контролируется человеком как на уровне обыденного сознания, так и подсознательно. В русскоязычной практике термин «приватный», или «прайвеси» (от англ. *privacy* — тайна, уединение, частная жизнь), не имеет аналогов и используется как эквивалент понятий «частная жизнь», «право на частную жизнь», «право на защиту неприкосновенности частной жизни»¹. Авторы научных публикаций, посвящённых правовым аспектам частной жизни, указывают, как правило, на четыре формы проявления приватности: уединение, интимность, сдержанность и анонимность². Каждая из них, в свою очередь, формирует определённую модель коммуникационного поведения человека частного. Первая форма — уединение — соответствует приватно переживаемому состоянию души, выражаемому в интуитивном стремлении человека к избавлению себя от внимания со стороны внешних наблюдателей. Вторая форма — интимность — предполагает добровольное поддержание человеком контакта с узким кругом избранных лиц. Третья — сдержанность — обусловлена наличием определённого психологического барьера между индивидом и окружающими его людьми. Четвёртая — анонимность — выражает стремление человека, находящегося в окружении людей, оставаться неузнанным ими. При этом определение «частная» предполагает разделение внутрилличностной сферы бытия человека и внешней, в том числе публичной, жизни.

Из писем Пушкина известно о его резкой позиции по поводу сторонних вторжений в семейную жизнь. Узнав о том, что их переписка с женой просматривается Третьим отделением, поэт выразился весьма жёстко: «Мысль, что кто-нибудь нас с тобой подслушивает, приводит меня в бешенство... Без политической свободы жить очень можно; без

---

¹ Прайвеси // Большой юридический словарь. Яндекс. Словари: проект [2001—2010] [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/dict/jurid/article/jur3/jur-4789.htm>.

² См. напр.: Раков В.М. Частная жизнь: исторический ракурс // Будущее прав человека в России: проект. Пермь, [2007—2010] [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pgpalata.ru/reshr/privacy/deb_01.shtml.

семейственной неприкосновенности... невозможно: каторга не в пример лучше» (XV, 154).

В эпистолярной и мемуарной пушкиниане можно обнаружить немало так называемых «царских» сюжетов, репрезентирующих тему «художник и власть». В дальнейших рассуждениях на эту тему основное внимание будет уделено костюмным, застольным и ароматическим реалиям частной жизни поэта, включая символические контексты их функционирования как *текстов культуры*. Ибо именно эти реалии в совокупности своей и составляют ближайшую среду реализации человеческого в человеке.

Костюмные тексты

Об одном из самых ранних костюмных сюжетов, связанных с детскими годами Пушкина, известно из письма самого поэта к жене от 20 и 22 апреля 1834 года, отправленного из Петербурга в Москву. В нём Пушкин, сообщая Наталье Николаевне о своём нежелании, вопреки обязанности, явиться с поздравлениями ко двору по случаю совершеннолетия наследника престола Великого князя Александра Николаевича, вспоминает: «Видел я трёх царей: первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упёк меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвёртого не желаю; от добра добра не ищут» (XV, 129—130).

Пребывание Пушкина в сельце Михайловском (август 1824 — сентябрь 1826 года) пополнило костюмную биографию Пушкина новыми сюжетами. Один из них связан с появлением поэта 29 мая 1825 года, в девятую пятницу, на ярмарке в Святых Горах. По свидетельству очевидцев, Пушкин был в соломенной шляпе, красной ситцевой рубашке, опоясанной голубою ленточкою, и с железной тростью в руке. Другие старожилы рассказывали, что Пушкин в тот день был одет «в крестьянскую белую рубаху с красными ластовками, опоясанный красною лентою»¹. Иные вспоминали, что встречали Пушкина «на красивой высокой лошади и был он во фраке с хвостом и под шеей широкий белый галстух-платок... а то... в шинели серонемецкого сукна, с бархатным воротником, и подпоясан был широким красным поясом, а концы длинные сзади заткнуты»². А весьма почтенные жители Пскова видели Пушкина

¹ *Вересаев В.В.* Пушкин в жизни: систематический свод подлинных свидетельств современников : в 2 т. Т. 1. М., 2001. С. 285—286.

² Там же. С. 304.

«переодетым в мещанский костюм, в котором он даже раз явился в один из почётных домов Пскова»¹.

Разночтения в деталях костюмного облика Пушкина «суммирует» в своём донесении генералу графу Витту секретный агент, надзиравший за поэтом в период пребывания его в ссылке в Псковской губернии: «В Новоржеве от хозяина гостиницы Катосова узнал я, что на ярмарке Святогорского Успенского монастыря Пушкин был в рубашке, подпоясан розовой лентою, в соломенной широкополой шляпе и с железною тростью в руке... <...> ...в общих разговорах узнал я, что иногда видали Пушкина в русской рубашке и в широкополой соломенной шляпе... <...> От игумена Ионы о Пушкине узнал я следующее: ...обыкновенно ходит он в сюртуке, но на ярмонках монастырских иногда показывался в русской рубашке и в соломенной шляпе»².

Приятель Пушкина из соседнего поместья в селе Тригорское, Алексей Вульф, разделявший деревенские досуги поэта, решительно возражает: «Рассказывают, будто живя в деревне, он ходил всё в русском платье. Совершеннейший вздор. Пушкин не изменял обыкновенному светскому костюму. Всего только раз, заметьте себе, раз, во всё пребывание в деревне, а именно в девятую пятницу после Пасхи, Пушкин вышел на свято-горскую ярмарку в русской красной рубахе, подпоясанный ремнём, с палкою, в корневой шляпе, привезённой им ещё из Одессы. Весь новоржевский бомонд, съезжавшийся на эту ярмарку закупать сахар, вино, увидя Пушкина в таком костюме, весьма был этим скандализован»³.

Костюмные казусы сопровождали поэта и во время его долгожданного возвращения из Михайловской ссылки. Ночью 3 сентября 1826 года в дом поэта неожиданно явился нарочный с письмом губернатора и повелением немедленно явиться в Москву к дежурному генералу главного штаба Его Императорского Величества. «Зная за собой несколько либеральных выходов, Пушкин убеждён был, что увезут его прямо в Сибирь», куда он, наскоро собравшись, и отправился в длиннополом своём сюртуке⁴. «Небритый, в пуху, измятый, был он представлен к дежурному генералу Потапову и с ним вместе поехал тотчас во дворец и введён в кабинет государя»⁵. «Всего покрытого грязью, меня ввели в ка-

---

¹ Там же. С. 307.

² Там же. С. 316—317.

³ Там же. С. 286.

⁴ Там же. С. 324—325.

⁵ Там же. С. 328.

бинет императора, который сказал мне: «Здравствуй, Пушкин, доволен ли ты своим возвращением?»¹

В дальнейшем костюме Пушкина не остался без внимания «главного модельера» Российской империи: «Кстати об этом бале (у французского посланника). Вы могли бы сказать Пушкину, что неприлично ему одному быть во фраке, когда мы все были в мундирах, и что он мог бы завести себе, по крайней мере, дворянский мундир; впоследствии, в подобном случае пусть так и сделает. Император Николай I в пометке на письме к нему Бенкендорфа»².

Небрежность Пушкина, многократно отмеченная современниками, вполне органично уживалась с дендистскими притязаниями его натуры. Чиновник III отделения М.М. Попов, с которым Пушкину неоднократно приходилось иметь дело при сношениях с Бенкендорфом, М.Я. Фон Фокком и Л.В. Дубельтом, впоследствии писал: «В самой наружности его было много особенного: он то отпускал кудри до плеч, то держал в беспорядке свою курчавую голову; носил бакенбарды большие и всклокоченные; одевался небрежно; ходил скоро, повёртывал тросточкой или хлыстиком, насвистывая или напевая песню. В своё время многие подражали ему, и эти люди назывались а la Пушкин... Он был первым поэтом своего времени и первым шалуном»³.

Бальные наряды Натальи Николаевны производили впечатление на высочайшем уровне.

Н.О. Пушкина — О.С. Павлицевой, 16 марта 1833 года: «...на балу в Уделах она явилась в костюме жрицы солнца и имела большой успех. Император и императрица подошли к ней и сделали ей комплимент по поводу её костюма, а император объявил её царицей бала»⁴.

«Любая одежда, окутывающая её стройное тело, — замечает итальянская исследовательница Серена Витале, перечисляя наряды Натальи Николаевны, упоминаемые современниками: «платье из чёрного атласа, доходящее до горла», «голубая бархатная шуба», «свободный чёрный халат», — оставляла непреходящее впечатление в памяти видевших её»⁵. Однако для самого Пушкина вся эта «ветошь маскарада» имела самые неожиданные последствия: высочайшее пожалование первому поэту России звания камер-юнкера, обязывающего его появляться

¹ Вересаев В.В. Пушкин в жизни... С. 329.

² Вересаев В.В. Пушкин в жизни... Т. 2. С. 16.

³ Там же. С. 463.

⁴ Вересаев В.В. Пушкин в жизни... Т. 1. С. 130—131.

⁵ Витале С. Пуговица Пушкина. Калининград, 2001. С. 56.

на великосветских балах вместе со своею супругою в соответствующем его официальному статусу мундире. 1 января 1834 года Пушкин записал в своём дневнике: «Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры — (что довольно неприлично моим летам). Но двору хотелось, чтобы Н.<аталья> Н.<иколаевна> танцевала в Аничков» (XII, 318). Близкий знакомый Пушкина В.А. Соллогуб вспоминал: «Певец свободы, наряженный в придворный мундир, для сопутствования жене красавице, играл роль жалкую, едва ли не смешную. <...> Это он чувствовал глубоко. К тому же светская жизнь требовала значительных издержек, на которые у Пушкина недоставало средств»¹.

Ко всему прочему Наталья Николаевна задумала привезти своих сестёр Екатерину и Александру в Петербург и хлопотать о дальнейшей их судьбе вблизи двора. Переезд сестёр в Петербург неминуемо грозил нарушить и без того зыбкий семейный покой поэта. Пытаясь охладить энтузиазм жены, Пушкин пишет ей 11 июня 1834 года из Петербурга в Полотняный Завод: «Ты слишком хороша, мой ангел, чтоб пускаться в просительницы. Погоди; овдовеешь, постареешь — тогда пожалуй будь салопницей и титулярной советницей. Мой совет тебе и сёстрам быть подале от двора; в нем толку мало. Вы же не богаты. <...> Но вы, бабы, не понимаете счастья независимости и готовы закабалить себя навеки, чтобы только сказали про вас: Hier Madame une telle était décidément la plus belle et ia mieux mise du bal»² (XV, 158—159).

Переписка Пушкина и его дневниковые записи дают представление о переживаниях поэта, связанных с обрётённым им поневоле придворным статусом. 26 января 1834 года Пушкин описал в дневнике подробности одного из своих костюмных казусов:

«В прошедший вторник зван я был в Аничков. Приехал в мундире. Мне сказали, что гости во фраках. — Я уехал, оставя Н.<аталью> Н.<иколаевну>, и, переодевшись, отправился на вечер к С.В. С.<алтыкову>. — Гос.<ударь> был недоволен... «Il aurait pu se donner la peine d'aller mettre un frac et de revenir. Faites-lui des reproches»³.

В четверг бал у кн. Тр.<убецкого>... Гос.<ударь> приехал неожиданно. <...> Сказал жене: — «Est-ce à propos de bottes ou de boutons que

---

¹ Соллогуб В.А. Повести. Воспоминания. Л., 1988. С. 468.

² Вчера госпожа такая-то была решительно красивее и была одета лучше всех (франц.; XV, 326).

³ Он мог бы потрудиться сходить надеть фрак и вернуться. Попеняйте ему (франц.; XII, 486).

votre mari n'est pas venu dernièrement?»¹ (Мундирные пуговицы. Старуха графиня Бобринская извиняла меня тем, что у меня не были они нашиты)» (XII, 319).

По желанию вдовы Пушкин был положен в гроб не в камер-юнкерском мундире, а во фраке; «между тем государь сказал: «верно это Тургенев или князь Вяземский присоветовали». А.И. Тургенев — Н.И. Тургеневу, 28 февр. 1837 г.»². По свидетельству А.И. Тургенева, уважение к памяти поэта со стороны огромного числа людей, бывших на его отпевании в Конюшенной церкви, было столь велико, что все полы сюртука Пушкина были разорваны в лоскутки³. В.А. Жуковский и П.А. Вяземский положили в гроб Пушкина по одной из своих перчаток⁴.

Застольные тексты

В начале сентября 1826 года по высочайшему повелению Пушкин под надзором фельдгегера был привезён в Москву на аудиенцию к императору Николаю I для объявления поэту об окончании его ссылки. По рассказу дворового Петра⁵, служившего у Пушкина кучером, неожиданно приехавший к ним ночью жандармский офицер «велел сейчас собираться в дорогу, а зачем — неизвестно. Арина Родионовна растужилась, навзрыд плачет. Александр-то Сергеич её утешать: «не плачь, мама, говорит, сыты будем; царь хоть куды ни пошлёт, а всё хлеба даст»⁶.

Летом 1831 года в обеих российских столицах среди друзей, знакомых, почитателей и недругов поэта распространился слух, что Пушкину высочайшим именем разрешено заниматься историей Петра I и открыт доступ в исторические архивы.

Пушкин — П.А. Плетнёву 22 июля 1831, из Царского Села в Петербург: «К стати скажу тебе новость (но да останется это, по многим причинам, между нами): царь взял меня в службу — но не в канцелярскую; или придворную, или военную — нет, он дал мне жалование, открыл мне

¹ Из-за сапог или из-за пуговиц не явился ваш муж последний раз? (*франц.*; XII, 486).

² *Вересаев В.В.* Пушкин в жизни... Т. 2. С. 423.

³ См.: Там же. С. 439.

⁴ См.: *Вересаев В.В.* Пушкин в жизни... Т. 1. С. 447.

⁵ Парфенов Пётр (ок. 1798 — не ранее 1859) — дворовый села Михайловского, кучер Пушкина. В 1859 году с его слов были записаны воспоминания о Пушкине.

⁶ *Вересаев В.В.* Пушкин в жизни... Т. 1. С. 323.

архивы, с тем, чтоб я рылся там и ничего не делал. Это очень мило с его стороны, не правда ли? Он сказал: *Puisqu'il est marié et qu'il n'est pas riche, il faut faire aller sa marmite*. Ей-богу, он очень со мною мил» (XIV, 198).

Согласно комментарию Л.Б. Модзалевского перевод «императорской воли» с французского звучит следующим образом: «Так как он женат и не богат, то надо поддержать его хозяйство»⁷. Однако есть и другие варианты судьбоносной для творчества Пушкина «ремарки» Николая I. Так, в публикации фрагмента пушкинского письма В.В. Вересаевым перевод второй половины царского «указа» имеет следующий вид: «...то нужно позаботиться, чтоб у него была каша в горшке»⁸. В разделе «Переводы иноязычных текстов» 10-томного академического Полного собрания сочинений Пушкина 1957—1958 годов даётся иная версия той же фразы: «Раз он женат и небогат, надо дать ему средства к жизни (буквально: заправить его кастрюлю)»⁹ (10, 839). Примечательно, что последние два варианта более точно согласуются по смыслу с прощальными словами Пушкина, спешно покидающего свою деревенскую темницу ранним сентябрьским утром 1826 года, дошедшими до нас благодаря памятливому кучеру поэта Петру.

Летние отчёты Пушкина 1834 года, во время пребывания Натальи Николаевны в имениях Гончаровых Ярополец и Полотняный Завод, весьма похожи друг на друга, что, впрочем, свидетельствует не столько о стабильности повседневного бытия поэта, сколько об отсутствии надежды изменить его. Награждение поэта камер-юнкерским мундиром, вскрытие полицией его писем к жене, принятие прошения об отставке с одновременным запретом работать в архивах, долги и заботы о расстроеном имении в Болдино, ссоры с роднёй и при всём этом постоянные занятия литературным трудом, дающие средства к жизни. По свидетельству современников, светский образ жизни для женатого Пушкина был ему в тягость, не отвечал его наклонностям и призванию, да и был не по карману. На придворных балах, где Пушкин, будучи в камер-юнкерском чине, был принуждён бывать вместе со своей супругой, ради удовольствия двора видеть её, поэт откровенно скучал. Так, графиня Л.Д. Шевич¹⁰ однажды на балу слышала, как, «полузева и потягива-

⁷ *Модзалевский Л.Б.* Примечания // Пушкин А.С. Письма : в 3 т. Т. 3. М. ; Л.: 1935. С. 366.

⁸ *Вересаев В.В.* Пушкин в жизни... Т. 2. С. 83—84.

⁹ *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. : в 10 т. Т. 10. М., 1958. С. 839.

¹⁰ Шевич Лидия Дмитриевна (1815—1882), урождённая Блудова, фрейлина. Встречалась с Пушкиным в доме своих родителей и у Карамзиных.

ьясь», стоящий недалеко от неё Пушкин «сказал два стиха из старинной песни: Неволя, неволя, боярской двор / Стоя наешься, сидя напишься»¹.

В письме к жене от 11 июня 1834 года, отправленном из Петербурга в Полотняный Завод, Пушкин высказывает неожиданное пожелание: «Вчера приехал Озеров² из Берлина с женою в три объхвата. Славная баба; я, смотря на неё, думал о тебе и желал тебе воротиться из Завода такую же тетёхой. Полно тебе быть спичкой. Прощай, жена» (XV, 158).

Следует ли считать это пожелание поэта серьёзным? Или это всего лишь домашний комплимент жене-ангелу, не знавшей себе равных в свете по красоте лица и совершенству форм? Покойней ли было бы Пушкину, ежели бы его мадонна, благодаря своей природе, не вызывала восхищение жадного до сплетен света? В своё время ни молодость московской барышни, оказавшейся равновеликой её «воображению»³, ни странности «маменьки Карса», равно как и других членов её семейства⁴, ни собственные сомнения не остановили поэта. Но, удовлетворив свое тщеславное желание, Пушкин всё явственнее ощущал, как тяжек крест мужа светской дивы, за которой даже сам царь ухаживал, как «офицеришка»⁵. Так что в шутке поэта есть своя доля горькой правды. И, кто знает, будь жена первого поэта России тетёхой, быть может, он так фатально не рвался бы встать под дуло пистолета?

Ольфакторные тексты

Неутолимое стремление Пушкина к чистому воздуху в буквальном и фигуральном смысле слова — вот суть немногочисленных арома-метафор, встречающихся в письмах поэта разных лет. «Петербург душен для поэта. Я жажду краёв чужих; авось полуденный воздух оживит мою душу», — пишет Пушкин Вяземскому в апреле 1820 года из Петербурга в Варшаву. А далее добавляет: «Письмо моё скучно, потому что с тех пор, как я сделался историческим лицом для сплетниц С<анк>Т Петер-

¹ Вересаев В.В. Пушкин в жизни... Т. 2. С. 131.

² Озеров Иван Петрович (1806—1880) — лицеист третьего выпуска, впоследствии чиновник русского посольства в Бадене, поверенный в делах и посланник в Португалии и Баварии.

³ «...а между тем у неё немного ума и даже, кажется, мало воображения». См.: Фикельмон Д.Ф. Из дневника // Пушкин в воспоминаниях современников : в 2 т. Т. 2. СПб., 1998. С. 143.

⁴ Гончаров Николай Афанасьевич (1787—1861) — тесть Пушкина, владелец Полотняного Завода; душевнобольной.

⁵ Вересаев В.В. Пушкин в жизни... Т. 2. С. 349.

бурга, я глупею и старею не неделями, а часами» (XIII, 15). Неприятности, грозившие Пушкину ссылкой в Сибирь, были вызваны несколькими вольными его стихами и эпиграммами, а также таким весьма опрометчивым политическим жестом, как привлечение внимания театральной публики к портрету Лувеля, убийцы герцога Беррийского, с надписью «Урок царям»¹. Усилиями друзей участь Пушкина была смягчена, и по совокупности своих грехов поэт царской милостью был отправлен оживлять душу ветрами южных окраин России под попечительство добрейшего генерала И.Н. Инзова.

Ольфакторный след всякого рода неприятностей, перманентно преследовавших поэта, замечен в его одесском письме к брату от 13 июня 1824 года: «Теперь я ничего не пишу; хлопоты другого рода. Неприятности всякого рода; скучно и пыльно» (XIII, 98). Напряжённые отношения Пушкина с новороссийским генерал-губернатором графом М.С. Воронцовым, бывшие, в том числе, следствием увлечения поэта его женой, графиней Е.К. Воронцовой, утяжеляли без того нелёгкое дыхание в «Одессе пыльной» и не способствовали поэтическому вдохновению северного изгнанника. Последовавшая вскоре ссылка Пушкина в родовое поместье предков, Михайловское, неожиданно обернулась для поэта настоящим фарсом.

В осенних письмах 1824 года к своему гению-хранителю В.А. Жуковскому Александр Сергеевич с горечью живописует трагикомическую ситуацию, в которой он оказался, возвратившись из южной ссылки под родительский кров:

«Милый, прибегаю к тебе. Посуди о моём положении. Приехав сюда, был я всеми встречен как нельзя лучше, но скоро всё переменялось: отец, испуганный моей ссылкой, беспрестанно твердил, что и его ожидает та же участь; Пешуров², назначенный за мною смотреть, имел бесстыдство предложить отцу моему... быть моим шпионом... <...> Иду к отцу, нахожу его с матерью и высказываю всё, что имел на сердце целых три месяца. <...> Отец мой, воспользуясь отсутствием свидетелей, выбегает и всему дому объявляет, что я *его бил, хотел бить, замахнулся, мог прибить*... <...> Но чего же он хочет для меня с уголовным

¹ Поварцов С. Цареубийственный кинжал (Пушкин и мотивы цареубийства в русской поэзии) // Вопр. лит. 2001. № 1. С. 90.

² А.Н. Пешуров (1779—1849) — опочецкий уездный предводитель дворянства; принял на себя надзор над опальным поэтом в годы его ссылки в Михайловское (август 1824 — начало сентября 1826 года).

своим обвинением? рудников сибирских и лишения чести? Спаси меня хоть крепостью, хоть Соловецким монастырём. <...>

<...> Доказывать по суду клевету отца для меня ужасно, а на меня и суда нет. <...>

<...> Надобно тебе знать, что я уже писал бумагу губернатору, в которой прошу его о крепости, умалчивая о причинах. <...> Признаюсь, мне немного на себя досадно, да, душа моя, — голова кругом идёт» (XIII, 116—117).

По счастью, письмо Пушкина до псковского губернатора не дошло либо и вовсе не было отправлено. «Уголовное дело» отца и сына развалилось, не начавшись, что дало возможность и виновнику нелепой истории, и его всегдашнему спасителю, Жуковскому, вздохнуть спокойно. Смятение и гнев Пушкина, вызванные его ссорой с отцом, породили одну из самых выразительных в литературном наследии поэта ольфакторную метафору, вполне отразившую постоянно терзавшее его душу бремя личной несвободы. 29 ноября 1824 года Пушкин шлёт из Михайловского свои извинения Жуковскому: «Мне жаль, милый, почтенный друг, что наделал эту всю тревогу; но что мне было делать? я сослан за строчку глупого письма, что́ было бы, если правительство узнало [бы] обвинение отца? это пахнет палачом и каторгою» (XIII, 124).

О неутолимой тоске Пушкина по вольной жизни на чистом воздухе свидетельствуют и письма поэта к жене. Узнав, что одно из его писем к Наталье Николаевне было вскрыто полицией¹, Пушкин, остудив свой гнев, в письме к жене от 11 июня 1834 года, имея в виду Николая I, пишет: «На *того* я перестал сердиться, потому что, *toute réflexion faite*², не он виноват в свинстве, его окружающем. А живя в нужнике, по воле привыкнешь к <---->, и вонь его тебе не будет противна, даром что gentleman. Ух кабы мне удрать на чистый воздух» (XV, 159).

Классическую в своём роде арома-метафору содержит письмо Пушкина к жене от 30 октября 1833 года, отправленное им в Петербург из Болдино: «Опиши мне своё появление на балах, которые, как ты пишешь, вероятно уже открылись — да, ангел мой, пожалуйста не кокетничай. Я не ревнив, да и знаю, что ты во всё тяжкое непустишься; но ты знаешь, как я не люблю всё, что пахнет московской барышнейю, всё, что не *comme il faut*, всё, что *vulgar...*» (XIII, 89).

¹ Письмо поэта к жене от 20 и 22 апреля 1834 года из Петербурга в Москву.

² В сущности говоря (*франц.*; XV, 326).

При очевидной метафоричности употреблённого Пушкиным оборота, однако, что же конкретно подразумевал поэт под столь нелюбимым им «запахом» московской барышни? В контексте той семейной драмы, которую спустя три года после написания упомянутого письма ему суждено будет пережить, вопрос о том, как именно должно себя вести жене первого поэта России, дабы не казаться верным снимком с московской барышни, звучит отнюдь не праздно. Предыстория последней дуэли Пушкина, скрупулёзно изученная отечественными и зарубежными пушкинистами, свидетельствует о том, что московской барышне Наталье Гончаровой не суждено было в полной мере осилить азы «коммифотного» поведения в свете. Весьма интересно в этой связи исследование С.Л. Абрамович «Пушкин в 1836 году»¹, которое, как заметил Ю.М. Лотман, «развивает несколько проницательных предположений А.А. Ахматовой»², оказавшей на автора большое воздействие своим методом: «сочетание строгости исследования с тонким интуитивным проникновением в психологию участников драмы»³.

Настал момент, когда даже Николай I счёл необходимым «по-отчески» вмешаться в семейные дела Пушкина. Так, из записок барона М.А. Корфа следует, что Николай I «как-то разговорился с Натальей Николаевной о комеражах (сплетнях), которым её красота подвергает её в обществе», и «советовал ей быть сколько можно осторожнее и беречь свою репутацию и для самой себя, и для счастья мужа при известной его ревности»⁴. Неизвестно, какие переживания вызвали у Н.Н. Пушкиной замечания Николая I по поводу её репутации, но, в какую бы форму они ни были облечены, сам факт обращения императора с советами подобного рода к замужней женщине должен был быть для неё унизителен. Как заметила Ахматова, это означало, что «по-тогдашнему, по-бальному, по-зимнедворскому жена камер-юнкера Пушкина вела себя неприлично»⁵.

Очевидно, для самого Пушкина наставление императора, которое Наталья Николаевна не посмела скрыть от мужа, было «последним

---

¹ Абрамович С.Л. Пушкин в 1836 году (предыстория последней дуэли). М., 1989.

² Об: Ахматова А.А. О Пушкине // Ахматова А.А. Соч. : в 2 т. Т. 2. М., 1986. С. 6—179.

³ Лотман Ю.М. О дуэли Пушкина без тайн и загадок // Лотман Ю.М. Пушкин. СПб., 1997. С. 380.

⁴ Вересаев В.В. Пушкин в жизни... Т. 2. С. 349.

⁵ Цит. по: Абрамович С.Л. Пушкин в 1836 году... С. 93.

ударом»¹. Незадолго до трагической дуэли Пушкин поблагодарил государя «за добрые советы его жене»². За неусвоенные госпожой Пушкиной уроки хорошего тона расплачиваться пришлось её супругу. Защищая честь жены, поэт защищал неприкосновенность и своей чести и защитил её ценою собственной жизни.

Вспоминается в этой связи замечание Абрама Терца о том, что всё творчество Пушкина «лежит перед нами в виде частного письма, ненароком попавшего в деловые бумаги отечественной литературы. <...> Форма дружеских посланий стала содержанием пушкинской поэзии в целом, впускающей нас безотказно в частную жизнь певца, позирующего своею доступностью — мимикой подлинных чёрточек, подробностями житейского и портретного сходства»³.

Гений Пушкина поэтизировал всё, к чему прикасались его душа и разум, даже собственную смерть. Да так, что и по прошествии 176 лет она потрясает своими деталями и подробностями, побуждая к скорби и предположениям об ином раскладе событий и звёзд, который мог бы продлить век русского гения.

---

¹ *Абрамович С.Л.* Пушкин в 1836 году... С. 102.

² *Вересаев В.В.* Пушкин в жизни... Т. 2. С. 349.

³ *Синявский А. (Абрам Терц).* Прогулки с Пушкиным // Синявский А. (Абрам Терц). Путешествие на Чёрную речку. М., 2002. С. 65—66.

ЕЩЁ РАЗ ОБ АВТОРСТВЕ СКАЗКИ «КОНЁК-ГОРБУНОК»

Сказка П.П. Ершова «Конёк-Горбунок» впервые предстала перед российской читательской аудиторией в 1834 году: сначала в начале мая в журнале «Библиотека для чтения» — частично (первая часть и начало второй)¹, а затем в сентябре того же года — отдельной книгой².

Сказка была встречена восторженно; её успех можно отчасти сравнить с успехом молодого Пушкина. Правда, был и отрицательный отклик — со стороны Белинского³, однако он появился позже сугубо хвалебных — спустя несколько месяцев после выхода книги. Характерно одно свидетельство, принадлежащее А.М. Языкову, брату поэта, навстрившему Пушкина в Болдине 26 сентября 1834 года. Рассказывая в письме к В.Д. Комовскому об этом визите, Языков пишет, что Пушкин показывал ему «нѣсколько сказокъ въ родѣ Ершова»⁴. Вспомним, что ещё до появления «Конька-Горбунка» Пушкин опубликовал две свои сказки — «Сказку о царе Салтане» и «Сказку о мёртвой царевне и о семи богатырях»: первая вышла за два года, а вторая — за три месяца до публикации «Конька» в «Библиотеке для чтения». При этом Языков, ещё не зная полного текста «Конька», всё же связывает сказки Пушкина с Ершовым — а не наоборот! — тем самым отдавая «сказочный» приоритет Ершову⁵. Это говорит о том, насколько популярен в русском читающем обществе был тогда «Конёк-Горбунок».

Зависимость «Конька» от упомянутых двух сказок Пушкина была очевидна для многих: четырёхстопный хорей с парной рифмовкой; связь с фольклором; изображение царского дома (царь, царица или царевна); упоминания таких реалий сказок Пушкина, как царь Салтан (в

¹ *Ершов П.* Конёк-Горбунок. Русская сказка // Библиотека для чтения. 1834. Т. 3. № 2. С. 214—234.

² *Конёк-Горбунок.* Русская Сказка. Сочинение П. Ершова. В III частях. Санктпетербург : в Типографии Х. Гинце. 1834.

³ *Белинский В.Г.* <Рец. на кн.> Конек-Горбунок. Русская Сказка. Сочинение П. Ершова. В III частях. Санкт-Петербург : в Типографии Х. Гинце, 1834 // *Молва.* 1835. № 9. Стб. 143—145.

⁴ *Садовников Д.* Отзывы современников о Пушкине (к материалам для его биографии) // *Исторический вестник.* 1883. Т. 14. Декабрь. С. 539.

⁵ «Не Пушкин воспринимается законным «начинателем» «этого рода сочинений» — а Ершов!» (*Кошелев В.А.* Феномен Петра Ершова // *Ершовский сборник.* Вып. 6. Ишим, 2010. С. 17).

первой части); остров Буян, где в лесу стоит гроб с мёртвой девицей (в присказке ко второй части); море-океан и океанские пейзажи; одушеверяемые небесные светила — Месяц и Солнце. Встречаются переключки отдельных строк. Можно предположить, однако, что некоторые читатели заметили и существенные отличия «Конька-Горбунка» от сказок Пушкина:

- Сказовый стиль, наличие явного рассказчика. «Натуралистическая манера сказа» — по характеристике П.Я. Черных¹.

- Существенно больший удельный вес просторечия и диалектизмов (например, *сухотка, доселева, ражный, баясы*). Это так называемые «семантические архаизмы», большое число которых принадлежит к «простонародной, просторечной и диалектной лексике»; их число увеличилось в четвёртом издании (СПб., 1856): *нешто, ажно, зельно, суседка, ражный* и прочие².

- Большая реалистичность и более тесная связь с крестьянским бытом. «Литературная сказка, созданная автором-сибиряком, отражает реалии Сибири, её своеобразную культуру в XIX веке, ментальность и язык людей этого края. <...> Знание быта Западной Сибири, жизни её сословий, особенно прииртышского крестьянства, обусловило появление в сказке бытовых сцен, её реалистических элементов, а близкое знакомство с чиновничьей средой, творящей произвол в сибирской глубинке, — впечатляющие сатирические образы российской государственности. Речь сказки вбирает, по наблюдениям языковедов, речь этой сибирской глубинки (разговорное просторечие, «старинные сибирские слова», говоры, речевые клише в обращении)»³.

- Меньший лиризм повествования. «...Есть и то, что отличает сказочника Ершова от сказочника Пушкина. ...Это — словесный мир сказки, тип организации сказочного повествования. Стиль пушкинских

---

¹ Черных П.Я. Заметки о языке «Конька-Горбунка» П.П. Ершова // Ершовский сборник. Вып. 3. Ишим, 2006. С. 125. Републикация по изданию: Новая Сибирь. № 11. Иркутск, 1935. С. 136—142. Ср. также: «Для Ершова-сказочника в гораздо большей степени, чем для Пушкина, характерна сказовая манера письма, имитация устного исполнения» (Лупанова И.П. Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века. Петрозаводск, 1959. С. 262).

² См.: Выхристюк М.С. Семантическая характеристика архаизмов в сказке П.П. Ершова «Конёк-горбунок» // Ершовский сборник. Вып. 2. Ишим; Тобольск, 2005. С. 108—111.

³ Евсеев В.Н. 170 лет читаем «Конька-горбунка» // Ершовский сборник. Вып. 2. Ишим; Тобольск, 2005. С. 22—23.

сказок при всей своей демократичности высоко поэтичен, в них нет нарочито неправильных конструкций, элементы просторечия встречаются довольно редко, а диалектизмы или малоупотребительные слова практически отсутствуют. Слово в сказках Пушкина семантически ёмко, но при этом в большинстве случаев стилистически нейтрально. Ершов же передоверяет повествование о сказочных событиях условному рассказчику, который то и дело напоминает читателю о своём присутствии»¹.

Если же взглянуть на фактуру стиха, тогда между сказками Пушкина и «Коньком» можно увидеть различия не менее существенные. Особенно явно проявляются они в рифмовке: в первом издании «Конька-Горбунка» обнаруживаются 23 «резко неточные» рифмы: *морозь ~ промёрзъ, Двору ~ Царю, хвалить ~ погладить, пучокъ ~ шёлкъ, подползь ~ хвостъ, опочивальни ~ ставни, смѣхомъ ~ потѣху, книжку ~ слишкомъ, поимки ~ ширинки, копытомъ ~ сердито, несравненна ~ Царевна, идти ~ подожди, потомъ ~ поклонъ, вѣтеръ ~ вечеръ, киту ~ копытомъ, милосердный ~ бѣдный, служебнымъ ~ молебны, морю ~ раздолью, сундучекъ ~ полкъ, смѣлость ~ захотѣлось, должно ~ можно ль, махну ~ макну, махнулъ ~ макнулъ*.

Любопытно, что в семи случаях «резко неточных» рифм Ершов в четвёртом издании от них избавился, изменив текст первого так, что рифма стала точной. Ср. данные А.И. Кушнира: «203 рифмы были переработаны Ершовым в варианте 1856 года <...> Таким образом, изменения коснулись 406 стихов, что составляет 18% от общего числа рифм первой цензурной редакции (т. е. 18% старых рифм были изменены). <...> Особый интерес представляют частичные замены бедной рифмы на богатую»².

Между тем в четырёх рифмованных сказках Пушкина имеются только две «резко неточные» рифмы такого рода (*полбы ~ полный и морщить ~ корчить* в «Сказке о попе и о работнике его Балде»).

Если же понятие неточности рифмовки расширить за счёт приблизительных рифм, тогда рифменная свобода в первом книжном издании (1834) становится ещё более явной. А.И. Кушнир приводит следующий результат подсчётов: «Неточных рифм в первой цензурной редакции сказки 125, что составляет около 11% от общего числа рифм»³.

---

¹ *Сурат И.З.* Словесный мир сказки // Русская речь. 1984. № 4. С. 3—4.

² *Кушнир А.И.* Стих П.П. Ершова. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. Тюмень, 2008. С. 9.

³ Там же.

В стихах Ершова первой половины 1830-х годов — исключая «Конька-Горбунка» — я насчитал 14 «резко неточных» рифм: *атаман ~ рядам, ненаглядный ~ перекатный, ус ~ уст, небес ~ звезд, <перед> ними ~ пустыни, болезнь ~ здесь, случилось ~ милость, сыщу ~ притчу, пути ~ груди, высь ~ жизнь, чертог ~ восторг, слезы ~ еси, дышит ~ подвигнет, послушны ~ малодушных, грозы ~ красы.*

Из них шесть рифм встречаются в балладе «Сибирский казак» (сре-ди её 258 рифм), написанной в том же 1834 году, когда вышла в свет сказка, а опубликованной в следующем, 1835-м¹; три рифмы в этой балладе — палатальные: *спеишт ~ вступитъ, спеишт ~ спроситъ, лежит ~ спроситъ*. Можно отметить между «Коньком-горбунком» в его первом книжном издании (1834) и «Сибирским казаком» следующие лексиче-ские параллели (в квадратных скобках указаны номера соответствую-щих страниц в соответствующих изданиях): (1) «Отъ того-то по три ночи / Не показываль я очи;» [92] ~ «Вотъ ужъ по-три я слышу то ночи.» [13]; (2) в «Коньке-горбунке» часто употребляется локативное наречие *туть* во временном значении ~ «И съ сердечной тоской / Тутъ казакъ молодой / Молодую жену обнимаеть.» [16]; (3) «Вотъ недѣлей черезъ пять / Началь Спальникъ примѣчать...» [42] ~ «И недѣль черезъ пять / Ворочусь я опять / Да с добычей къ тебѣ боевою» [16]. Разительное сходство обнаруживается также между «Коньком-Горбунком» 1834 года и стихотворным драматургическим опытом Ершова, относящимся к 1833 году, — «Сцена в лагере»: четырёхстопный хорей, бодрый задор-ный тон, просторечная лексика, выражение «не ударить в грязь лицом»². Нечто похожее мы видим в стихотворении Ершова «Русский штык», предположительно датированом тоже 1833 годом.

Таким образом, у Ершова обнаруживается гораздо больший «ли-берализм» в отношении к рифменной точности — если взять вообще рифменную практику «золотого века». Всего в его стихах «резко не-точных» рифм порядка тридцати — исключая 23 неточные рифмы в первом издании «Конька-Горбунка». Для зрелого же Пушкина такого

¹ *Ершов П.* Сибирский казак. Старинная быль // Библиотека для чтения. 1835. Т. 8, с. 7—18 (часть первая); т. 10, с. 11—22 (часть вторая).

² Любопытно, что относительная небольшая — примерно 80 строк — «Сце-на в лагере» до сих пор полностью ещё не опубликована. Автограф не сохранился; писарская копия находится в альманахе Майковых «Подснежник» в рукописном отделе Пушкинского Дома (№ 16493 / С V 6 22, л. 53—55); полным её текстом и архивными данными я обязан Т.П. Савченковой, которой всё это предоставила Д.М. Климова.

рода неточные рифмы — редкость необычайная. У него неточных рифм довольно много в первые лицейские годы: до 1816 года насчитывается около 60 таких рифм. А потом начинается явный отход от них, и в последующие двадцать с лишним лет в известных нам стихотворных текстах Пушкина мы не увидим такого количества «резко неточных» рифм, как у Ершова. Например, возьмём — по последнему прижизненному изданию — «Евгения Онегина»: он по объёму превосходит «Конька-Горбунка» более чем в два раза, а «резко неточных» рифм — только три: *плоды ~ мечты, любви ~ дни, молот ~ город*.

О неточных рифмах у раннего Пушкина писал В.Е. Холшевников, отмечая влияние Державина:

«Наряду с точными Державин первым стал свободно применять неточные рифмы, в которых гласные совпадают, но более или менее сильно различаются заударные согласные (*царевна — несравнённа, разгулье — правосудье* и т. п.). Несомненно под его влиянием в первом периоде лицейского творчества Пушкин свободно пользуется неточными рифмами (*Назорой — взором, вспомнил — молвил* и т. п.). <...> Неточные рифмы Пушкина созданы именно по образцу Державинских: совпадение заударных гласных звуков и различие в согласных. Отличие от Державина в том, что Пушкин в первом периоде пользуется также приблизительными рифмами, в которых тождественны заударные согласные, но не совпадают гласные (*иконой — поклоны* и т. п.).

Приблизительные рифмы у Державина действительно очень редки. <...> С 1816 года происходит резкий перелом: неточные рифмы исчезают у Пушкина почти полностью, приблизительные становятся редкими»¹.

Если вернуться к «рифменной стихии» в «Коньке-горбунке» 1834 года, в нём так же, как у раннего Пушкина, виден «Державинский след»; ср. у А.И. Кушнира: «...в «Коньке-Горбунке» на рифменном, строфическом и фабульном уровне обнаруживается перекличка со стихотворной традицией XVIII века, в частности, с творчеством Г.Р. Державина»².

По данным А.И. Кушнира, сказки Пушкина существенно отличаются от «Конька-Горбунка» также в отношении богатства рифмовки: у Пушкина доля богатых рифм в «Сказке о царе Салтане» составляет

---

¹ Холшевников В.Е. Стихосложение Пушкина-лицеиста // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. : в 20 т. Т. 1. СПб., 1999. С. 446–448.

² Кушнир А.И. Стих П.П. Ершова. С. 10.

29%, в «Сказке о мёртвой царевне» — 35%, а в «Коньке-Горбунке» богатых рифм лишь 21,5%¹. Есть различия и в ритмике между сказками Пушкина и «Коньком», хотя они и не столь выразительны, как расхождения в рифмовке. По данным Кушнира, разность между процентом ударности сильной второй стопы и слабой первой у Пушкина составляет 42%, а у Ершова — более 48%².

К указанным выше характеристикам текстов следует присоединить то обстоятельство, что «Конёк-Горбунок» существенно отличается от текстов Пушкина по составу лексики. По данным Л.А. Островской, «...из 2440 слов его сказки более 2000 (2044, т. е. 5/6) употреблялись А.С. Пушкиным, зарегистрированы в его словаре. И лишь менее 400 слов (396, т. е. 1/6, или 16,5 проц.) сказки «Конёк-Горбунок» не оказались в словаре великого поэта»³. Однако Островская осуществляла подсчёты по позднейшей редакции сказки; для чистоты же наших выводов аналогичные подсчёты следует провести с привлечением исключительно текста из издания 1834 года.

Что касается течения поэтического повествования, в «Коньке-Горбунке» оно отличается неровностью — в сопоставлении со сказками Пушкина. В самом деле, наряду с пассажами замечательными или вполне добротными и «ловкими» (по выражению О.И. Сенковского, отметившего в предисловии к первой публикации «лёгкость и ловкость стиха» юного автора), в сказке обнаруживаются очень неудачные и слабые места — в фоническом, стилистическом или содержательном отношении. Аттестация некоторыми коллегами сказки «Конёк-Горбунок» как «гениальной», как превосходящей сказки Пушкина мне представляется совершенно неадекватным преувеличением. Выражаясь образно, поэтическая речь в трёх хореических сказках Пушкина «словно реченька журчит», а в «Коньке» — такое мерное журчание прерывается иногда каким-то неприятным «скрежетом».

---

¹ *Кушнир А.И.* Рифма «Сказки о царе Салтане» А.С. Пушкина и «Конька-горбунка» П.П. Ершова: сравнительная характеристика // Ершовский сборник. Вып. 2. С. 42.

² *Кушнир А.И.* Ритмика «Конька-горбунка» П.П. Ершова в контексте русской стиховой культуры XVIII—XIX веков // Ершовский сборник. Вып. 1. Ишим; Тобольск, 2004. С. 66.

³ *Островская Л.А.* Язык и стиль русской литературной сказки (лингвистический анализ сказки П.П. Ершова «Конёк-Горбунок»). Автореф. дисс. на соиск. учён. ст. канд. филол. наук. Ташкент, 1984. С. 6—7.

Вниманию читателей предлагаются примеры неудачных фрагментов в первом издании сказки, вышедшем в 1834 году, и их коррекции в четвёртом издании — 1856 года¹ (в таблице в квадратных скобках указаны номера страниц соответствующего издания; курсивом даны мои комментарии).

	Первое издание, 1834 год	Четвёртое издание, 1856 год
1	Дождь вотъ такъ ливмя и лиль; / Подъ дождемъ я все ходилъ; / Правда, было мнѣ и скучно... [7—8] <i>Уступительное «правда» неуместно: между предшествующим и последующим контекстом «расхождения» нет.</i>	<...> Рубашенку всю смочилъ. / Ужь куда какъ было скучно!.. [8]
2	А дуракъ нашъ, не снимая / Ни лаптей, ни маляхая, / Отправляется на печь, / И ведеть оттуда рѣчь / Про ночное похождение, / Старику на удивленье. [14—15] <i>Ивана слушал не только старик отец, но и братья.</i>	Всѣмъ ушамъ на удивленье. [15]
3	Братья разомъ согласились, / Обнялись, перекрестились, / И вернулись домой, / Говоря промежъ собой / Про коней, и про пирушку, / И про чудную свиньюшку. [18—19] <i>Конёк-Горбунок почему-то уничижительно охарактеризован как «свиньюшка».</i>	И про чудную звѣрушку. [20]
4	Взяли двухъ коней тайкомъ / И отправились потомъ; / Удалаго погоняють, / Да о деньгахъ разсуждають. [19] <i>Про «удалого» коня ничего ранее не говорилось, он возникает неожиданно и немотивированно.</i>	Взяли двухъ коней тайкомъ / И отправились тишкомъ. [21] <i>Как видно, в четвёртом издании последние две строки первого сняты.</i>
5	Все по прежнему стояло, / Двухъ коней какъ не бывало, / Лишь бѣдняжка Горбунокъ / У его вертѣлся ногъ [20] <i>Горбунок почему-то охарактеризован как «бѣдняжка».</i>	Лишь игрушка-Горбунокъ [22]

¹ Конёк-Горбунок. Русская сказка в трёх частях. Сочинение Петра Ершова. Издание четвёртое, вновь исправленное и дополненное. Санктпетербург, 1856.

6	Огонекъ горить свѣтлѣе, / Горбунокъ бѣжить скорѣе, / И чрезъ нѣсколько минутъ / При огнѣ конекъ – какъ тутъ. [25—26] <i>Последняя строка представляется дефектной как в фоническом, так и в содержательном отношении.</i>	Вотъ ужъ онъ передъ огнемъ. / Свѣтитъ поле, словно днемъ; <...> [28]
7	Весь отрядъ тутъ усмѣхнулся, / Самъ глашатель заикнулся. [30] <i>Заикание глашатая не мотивировано</i>	Весь отрядъ тутъ поклонился, / Мудрой рѣчи подивился. [33]
8	Два же брата между тѣмъ / Деньги царски получили, / Въ шапку накрѣпко зашили, / И отправили гонца, / Чтобъ обрадовать отца. [35] <i>Отправлять гонца не было нужды: братья сами вскоре отправились домой.</i>	Постучали ендовой, / И отправились домой. [39]
9	Нашъ Иванъ въ конюшну входитъ, / Безъ свѣчи, безъ фонаря, / Разпѣвая про царя. [45] <i>«Распевание про царя» — при этом наедине с самим собой — выглядит очень странно — при иронично-критическом отношении к нему Ивана.</i>	<i>Этот фрагмент [на с. 45—46] существенно изменён, при этом «распевание про царя» исчезло.</i>
10	Царь прищурясь глазомъ лѣвымъ, / Закричалъ къ нему со гнѣвомъ: <...> [50] <i>«Какое-то странное управление — «закричать к кому»; см. также в п. 20.</i>	
11	Паль Иванъ къ коньку на шею, / Обнималъ и цѣловалъ. [56, 66] <i>Конёк — «ростом ровно в три вершка», то есть очень низкого роста; если «пасть к нему на шею», его можно и раздавить.</i>	
12	«— Вотъ теперя ты узналъ, / Для чего я запрещалъ». [54] <i>Небрежный эллипсис: что конёк запрещал Ивану?</i>	
13	Нашъ Иванъ, отъ нихъ закрытой, / Смотрить птицъ изъ подъ корыта / И толкуеть самъ съ собой, / Разводя своей рукой: <...> [58] <i>От удивления разводят в сторону обе руки, а не одну.</i>	

14	Туть Иванъ съ конька слѣзаетъ; / А конекъ ему вѣщаетъ: / «Ну, раскидывай шатерь, На ширинку ставь приборъ / Изъ заморскаго варенья...» [69—70] <i>«Торжественный» глагол «вѣщать» здесь неуместен; то же в п. 21.</i>	
15	«Мѣсяць мать мнѣ, солнце — братъ». [78] <i>Месяцу (муж. род) подобает быть скорее отцом; к тому же в другом месте он именуется «Мѣсяць Мѣсяцовичъ».</i>	
16	А вѣдь теремъ съ теремами, / Будто городъ съ деревнями... [90] <i>Множественное число здесь неуместно: ранее упоминался только один терем.</i>	
17	Поклонившись, как умѣль, / На конька Иванъ тутъ сѣлъ, / Свиснулъ, будто витязь знатной, / И пустился въ путь обратной. // На другой день нашъ Иванъ / Вновь пришелъ на Окянъ. [94] <i>Иван на океан не пришёл, а приехал на Коньке-Горбунке.</i>	
18	«Что, Отецъ мой? въ небѣ былъ ли? / Мнѣ прощенье испросилъ ли?» [95] <i>Неблагозвучное, режущее слух двукратное сочетание двух звуков [л].</i>	
19	«Отыскать его въ минуту, / И послать въ мою каюту!» / Кить во гнѣвѣ закричалъ / И усами закачалъ. [100] <i>Какую каюту имеет в виду кит?</i>	
20	Появился чудо-китъ / И къ Ивану говорить: <...> [107] <i>Странное управление — «говорить к кому»; см. также в п. 10.</i>	
21	Охъ, бѣда мнѣ, горбунокъ! / (Нашъ Иванъ ему вѣщаетъ) <...> [116] <i>Ср. п. 14.</i>	

Такого рода неудачных мест — с моей точки зрения — в редакции 1834 года около сотни; здесь представлена лишь пятая часть. Возможно, не все согласятся с тем, что в каждом из представленных примеров име-

ет место действительная неудача; одна из очень уважаемых мною коллег, посвятившая много времени и сил исследованию жизни и творчества Ершова и плодотворно работающая на этой ниве, даже обиделась на меня за Ершова — за то, что я так сурово аггестую его сказку. Всё-таки я смею надеяться, что во многом большинство читателей со мною согласятся. Во всяком случае, представленный материал неудач в издании 1834 года не вызвал ни одного возражения со стороны филологической аудитории при обсуждении моих докладов о «Коньке-Горбунке», прочтённых весной 2013 года (о них ниже). Замечу при этом, что для столь юного возраста подобного рода неровность поэтического повествования вполне извинительна и оправданна (можно лишь изумляться тому, какие удивительные красоты — наряду с неудачами — открываются нам в «Коньке» 1834 года). А вот для Пушкина — особенно в пору его полного творческого расцвета — подобного рода «срывы» стиха совершенно не характерны.

При жизни автора сказка выдержала семь изданий — между 1834 и 1868 годами; из них ключевыми следует считать первое, четвёртое — 1856 года и пятое — 1861-го. Между первым и четвёртым изданиями обнаруживается около тысячи расхождений, из которых примерно триста представляют собой более или менее существенные коррективы текста (остальное — отличия пунктуационного или «опечаточного» рода). Некоторое количество коррекций — около пятидесяти — Ершов внёс и в пятое издание, вышедшее спустя пять лет после четвёртого. Отмечу, что нередко встречающиеся в ершововедении утверждения о тождественности текста первого и второго издания (второе — М., 1840 — через шесть лет после первого), строго говоря, реальности не соответствуют: во втором издании имеется весьма много значимых пунктуационных изменений. При этом второе издание — в отличие от третьего (М., 1843) — осуществлялось с ведома Ершова, и я бы не стал исключать возможность, так сказать, «дистантного» участия автора в его подготовке: Ершов мог из Тобольска в Москву послать — или даже посылать — те или иные указания по коррекции текста. А если брать в расчёт значимую пунктуацию и отдельные орфограммы, нельзя говорить и о полной тождественности пятого и последних двух прижизненных изданий — 1865 и 1868 годов.

В течение 160 лет после первого появления в печати сомнений в авторстве этой сказки никто не выражал; в середине же 1990-х

годов пушкинист А.А. Лацис выдвинул версию пушкинского авторства сказки¹, и эта версия была поддержана литературоведами В.Г. Перельмутером² и В.А. Козаровецким³, а затем — в работе лингвистов Л.Л. и Р.Ф. Касаткиных⁴.

В связи с дискутируемым вопросом об авторстве сказки из всех изданий для нас наиболее важно первое, 1834 года — единственное вышедшее в свет при жизни Пушкина.

Высокий поэтический уровень и зрелость произведения 19-летнего автора, столь поразившие российскую читающую аудиторию в 1834 году, делают этот феномен едва ли не уникальным в русской литературе. Действительно, в ней, как кажется, нет другого произведения, написанного в столь юном возрасте и при этом не имеющего себе равных в последующем творчестве автора. (Если обратиться к зарубежной литературе, мне известен только один аналог, а именно — Артюр Рембо во французской литературе.) Возможно, загадка этого юношеского взлёта навсегда останется неразгаданной — если только не обнаружатся какие-либо новые источники сведений о создании сказки, на что рассчитывать, увы, оснований мало.

Лично для меня, для ряда коллег, с которыми мне довелось обсуждать текст сказки, надеюсь, и для немалой части читателей настоящей статьи приведённые примеры неудач в первой редакции (вместе с другими неудачными местами), подкреплённые представленной выше «резкой неточностью» рифмовки, а также отчётливо сказовым и просторечным стилем повествования, — все эти факты авторство Пушкина полностью исключают. Однако не так обстоит дело для других, и в последние годы неоднократно звучали призывы вернуть Пушкину то, что ему якобы принадлежит.

Я не буду подробно полемизировать с работами А.А. Лациса, В.Г. Перельмутера и В.А. Козаровецкого — с их активным отстаивани-

---

¹ *Лацис А.А.* Верните лошадь! // Ершов П.П. Конёк-Горбунок: Русская сказка в трёх частях. М.: Совпадение; Сампо, 1997. С. 197—225.

² *Перельмутер В.Г.* В поисках автора // Александр Пушкин (?). Конёк-Горбунок: Русская сказка в трёх частях. М.: SAM&SAM; РИК Русанова, 1998. С. 27—54.

³ *Козаровецкий В.А.* Сказка — ложь, да в ней намёк // Александр Пушкин. Конёк-горбунок: Русская сказка / Вступительная статья и подготовка текста Владимира Козаровецкого. М.: ИД КАЗАРОВ, 2011. С. 3—128.

⁴ *Касаткин Л.Л., Касаткина Р.Ф.* Язык — свидетель беспристрастный: Проблема авторства сказки «Конёк-горбунок» // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2012. Т. 71. № 5. С. 23—45.

ем пушкинского авторства «Конька». Можно поразиться тем мотивам, которые упомянутые авторы при этом приписывают Пушкину: желание скрыть высокий гонорар от жены и желание преодолеть цензурные препоны. Первый — скрывание гонорара — вызывает в памяти рассказы Зоценко и анекдоты Хармса (скажем, про то, как Пушкин не умел сидеть на стуле или как он спотыкался «об Гоголя»); второй — цензурный мотив — стоит сопоставить с прижизненной историей «Сказки о Золотом петушке», написанной осенью 1834 года, благополучно прошедшей цензуру и вышедшей в 1835-м, — а в этой последней сказке царь предстаёт едва ли не в более несимпатичном облике, чем в «Горбунке». Для В.А. Козаровецкого сомнений в пушкинском авторстве нет никаких, и он уже дважды (в 2009 и 2011 году) выпустил «Конька» под именем Пушкина и с зачёркнутой фамилией Ершова на обложке.

Несокрушимая уверенность Лациса и Козаровецкого в своей правоте, придание ими сугубо научного статуса своей аргументации, отчётливо выражаемая неприязнь и неуважение к «академической» филологии прямо-таки пропитывают страницы их работ; Козаровецкий предлагает подвергнуть её «открытому суду общественности» — с обсуждением проблемы «на телевидении в открытом эфире»¹. Однако должен сказать прямо: работы сторонников пушкинского авторства носят не научный, а чисто публицистический характер. Это проявляется на поверхности: точные ссылки на источники отсутствуют, библиографического аппарата нет, встречаются поразительные неточности в изложении фактов и цитировании; тем обстоятельствам, которые благоприятствуют их концепции, придаётся неоправданно большой вес, те же, которые ей противоречат, обходятся молчанием. А.А. Лацис в важной цитате из статьи Белинского (на которую точная ссылка отсутствует — говорится просто об «одной из статей 1835 года») делает с помощью многоточия купюру, придающую этой цитате благоприятный для рассуждений автора смысл². В.Г. Перельмутер уверенно утверждает по поводу пушкинской «Сказки о мёртвой царевне и о семи богатырях»: «Это сочинение закончено в ноябре 1833 года, не опубликовано»³ — тогда как сказка Пушкина вышла в свет в 1834 году, за три месяца до первой публикации «Конька». В.А. Козаровецкий дважды

¹ См.: *Козаровецкий В.А.* Сказка — ложка, да в ней намёк. С. 128; *Козаровецкий В.А.* Тайна Пушкина. «Диплом роконосца» и другие мистификации. М., 2012. С. 332.

² *Лацис А.А.* Верните лошадь! С. 200.

³ *Перельмутер В.Г.* В поисках автора. С. 46.

ошибается в указании даты рождения Ершова: вместо 22 февраля 1815 года в двух публикациях дано 15 февраля¹. Нет смысла предпринимать сейчас подробную демонстрацию произвольности и неточностей в текстах упомянутых сторонников пушкинского авторства.

Детальный аналитический критический разбор их версии, показывая изъяны в их аргументации были самым убедительным образом даны в статье Т.П. Савченковой², составившей затем отдельную главу в её книге³. Эта превосходная книга посвящена новым архивным находкам и разысканиям в области ершоведения. Я полностью присоединяюсь к той характеристике, которую Т.П. Савченкова дала упомянутым выше работам сторонников пушкинского авторства: «Конёк-горбунок» в зеркале «сенсационного литературоведения». Повторяю: я бы аттестовал эти работы как относящиеся не к науке, а к публицистике. Убедительна также аргументация против сторонников пушкинского авторства Лациса и Перельмутера в статье Д.М. Климовой, в которой исследовательница характеризует стиль их сочинений так: «что ни слово, то путаница»⁴.

Далее я обращусь к научной работе — к статье Л.Л. и Р.Ф. Касаткиных⁵, в которой авторы стремятся обосновать пушкинское авторство «Конька-Горбунка» сугубо со стороны лингвистических данных. Приводится довольно большое число таких диалектных явлений, которые, во-первых, присутствуют в первом издании сказки, во-вторых, в тех или иных местах подверглись коррекции Ершова и исчезли в четвёртом (иногда, впрочем, не во всех местах, а только в некоторых) и в третьих — не были свойственны языковому окружению Ершова в его детские и юношеские годы. На основе последнего обстоятельства делается утверждение, что такого рода диалектные явления были Ершову неизвестны или чужды, что поэтому он и не был автором первого издания и что именно поэтому он от многих из них отказался в четвёртом, вышедшем спустя 22 года. Я воспринимаю такое утверждение как опирающееся на некоторый тезис, который можно было бы назвать, скажем, так: тезис о

---

¹ *Козаровецкий В.А.* Сказка — ложь, да в ней намёк. С. 10; *Козаровецкий В.А.* Тайна Пушкина... С. 283.

² *Савченкова Т.П.* «Конёк-горбунок» в зеркале «сенсационного литературоведения» // Литературная учёба. 2010. № 1.

³ *Савченкова Т.П.* Пётр Павлович Ершов (1815—1869): Архивные находки и библиографические разыскания : моногр. Ишим, 2011.

⁴ *Климова Д.М.* Пушкинские ли строки в «Коньке-Горбунке»? // Ершовский сборник. Вып. 5. Ишим, 2008. С. 3—12.

⁵ *Касаткин Л.Л., Касаткина Р.Ф.* Язык — свидетель беспристрастный...

языковой прикреплённости носителя языка. Вот как можно его сформулировать: носитель языка не может в своей письменной деятельности использовать диалектные явления, не свойственные языковому окружению его детства и юности. Тезис этот в обсуждаемой статье явно не формулируется, однако я полагаю, что из самого хода рассуждений он в ней выявляется.

Этот тезис представляется ошибочным. Примеры, его опровергающие, найти нетрудно. Литератор не только может усвоить диалектные особенности, отсутствовавшие в языковом окружении его детства и юности, — в зрелом возрасте он может начать писать на неродном языке, выученном довольно поздно. Скажем, поэт и драматург Егор Фёдорович Розен (1800—1860) до 19 лет жил в Эстляндской губернии, по его собственному признанию, выучился русскому языку по поступлении в гусарский полк, а впоследствии писал по-русски. Что касается диалектизмов, Алексей Михайлович Ремизов (1877—1957) многие свои тексты насыщал диалектизмами, чуждыми его детству и юности. Ершов же оказался в Петербурге в 15-летнем возрасте — и до первого появления в печати «Конька-Горбунка» жил в этом городе более трёх с половиной лет, учась в университете. Жил он в отнюдь не аристократической части города — на Песках, общался с извозчиками, ямщиками, пришлыми людьми, слышал речь городского люда — и что же, разве не мог пытливый юноша усвоить многое из того, чего не слышал в детские и отроческие годы в Сибири? Ещё следует принять во внимание, что изначально диалектные феномены нередко проникают и в литературный язык, что представители аристократии прибегали к просторечию и диалектизмам (можно вспомнить старую графиню из «Пиковой дамы»). Если же строго придерживаться тезиса о языковой прикреплённости носителя языка, тогда и Пушкину нужно отказать в знании псковских диалектизмов: ведь впервые в сознательном возрасте он попал в Псковскую губернию в 18 лет по окончании Царскосельского лицея. Кстати, при неукоснительном следовании этому тезису авторство Пушкина следует исключить в силу незнакомства поэта с немногочисленными «сибиризмами», отмеченными в тексте первого издания сказки: *шайтань*, *баяракъ*, *работать* (с ударением на последнем слоге) и другими¹.

Наконец, те или иные диалектные черты, в знании которых наши коллеги отказывают молодому Ершову, встречаются на страницах ли-

---

¹ Черных П.Я. Несколько сибирских диалектизмов в «Коньке Горбунке» П.П. Ершова // Сибирская живая старина. Вып. II. Иркутск, 1924. С. 91, 96, 97.

тературных произведений, вышедших в свет до появления «Конька-Горбунка», в частности — в произведениях Пушкина. Известно, что Ершов был ярым книголюб; есть свидетельство его университетского товарища, что после лекций Ершов уходил домой к своим любимым книгам. Один из мемуаристов встречал Ершова со связкой книг под мышкой; Ершов часто посещал в Петербурге книжную лавку Смирдина¹.

Обратимся к примерам из материала обсуждаемой статьи.

• В одном из пунктов² рассматривается ударение у некоторых существительных женского рода (*изба, река, спина, коса*, другие) и говорится, что ударение на окончании в форме винительного падежа единственного числа *избу́, реку́, спину́, косу́* псковским говорам свойственно, а тюменским — нет, и, таким образом, оно Ершову было чуждо; и вот именно поэтому фрагменты первого издания с такими формами он изменил так, чтобы избавиться от якобы чуждых ему акцентовок. Вот пример такого рода коррекции. В 1-м издании: «Дай-ка я подкараулю, / И подь нось такую дулю / Поднесу я дураку, / Что хоть тутъ же и въ рѣку»; в 4-м издании: «А нешто, такъ я и пулю, / Не смигнуъ, умѣю слить; / Лишь бы дурня уходитъ».

Здесь в первом издании мы видим форму *рѣку́*, а в соответствующем месте четвертого её там нет. Говорится, что Ершов не мог написать словоформу *рѣку́* с ударением на окончании. Однако в опубликованной на следующий год после «Конька-Горбунка» уже упоминавшейся балладе «Сибирский казак» (в двух номерах журнала «Библиотека для чтения») мы встречаем именно такое ударение: «Вотъ гора. На лету / Онъ

---

¹ Литератор Юрий Арнольд вспоминал в своих мемуарах случайную встречу с Ершовым в петербургской кондитерской: «...помню я, что очень поразила меня высокая и плечистая фигура вошедшаго блондина однихъ почти лѣтъ со мною, который несъ подь мышкою цѣлую кипу книгъ. <...> Встрѣтилъ я затѣмъ черезъ нѣсколько дней опять своего незнакомца въ музыкальномъ магазинѣ Карла Пеца, гдѣ онъ покупалъ ноты, какія-то пьески для флейты, сочинения Тюлю и Зусмана. <...> Недѣлю спустя понадобилась мнѣ какая-то книга, и я отправилась въ книжный магазинъ Смирдина. Перваго <sic!>, кого мой взоръ встрѣтилъ, это мой незнакомецъ, который разговаривалъ съ самимъ Смирдинымъ. Вскорѣ молодой человекъ отошелъ и сталъ разсматривать книги, выложенныя на огромномъ столѣ, стоящемъ посреди магазина. Тутъ-то я узналъ отъ прикащика, что это Ершовъ» (Арнольд Ю. Воспоминания Юрия Арнольда. Вып. II. М., 1892. С. 113).

² Касаткин Л.Л., Касаткина Р.Ф. Язык — свидетель беспристрастный... С. 29—31.

сравняль высоту / И несется широкой долиной. / Воть рѣка. Чрезь рѣку! / На могучемъ скаку / Онъ сплотилъ берега надъ пучиной»¹.

Сказка вышла в 1834-м, баллада была написана тоже в 1834-м, и в ней Ершов именно так и написал, именно с таким ударением — на окончании, а не на основе!

• Обсуждается избавление Ершовым в четвёртом издании от фрагмента первого «обшедь избу кругомъ», и говорится по этому поводу следующее: «...приведена форма *обшед*, которая, наряду с подобными формами приставочных глаголов от глагола *идти* — *пришед*, *ушед* и др., отмечается в небольшой части северо-западных говоров в Псковской, Новгородской и Ленинградской обл. <...> Эту форму не мог знать Ершов по тобольским говорам, но хорошо знал и употреблял Пушкин»².

В современном языке у нас есть две вариантные формы деепричастия от названных глаголов — форма на *-я* (например *войдя*) и форма на *-ши* (*вошедши*); первые стандартны и распространены, вторые маргинальны. В языке же пушкинского времени к этим двум формам деепричастия присоединялась третья, бессуфиксная — на *-шедь* (*вошедь*), причём в тогдашних литературных текстах эта форма, архаичная для современного языка, существенно преобладала, в чём легко можно убедиться, задав на сайте «Национального корпуса русского языка» (www.ruscorpora.ru) соответствующие поисковые запросы и при этом ограничив область поиска текстами до 1834 года — причём как в основном подкорпусе, так и в поэтическом. Надо сказать, что формам на *-шедь* — по отношению к формам на *-я* — явное предпочтение отдавал и Пушкин: количество первых у него превышает количество вторых в 17 раз! Так что с формами деепричастий на *-шедь* Ершов был хорошо знаком по тогдашним литературным текстам — и вполне мог их слышать в своём петербургском окружении. Замечу, что весной 1833 года в первом издании «Евгения Онегина» мы две такие формы встречаем — *ушедь* и *нашедь*, и они фигурируют уже в соответствующих местах отдельных изданий второй главы (в 1826-м и 1830-м) и третьей (в 1827-м). А уж о знакомстве Ершова с отдельными главами «Онегина» до выхода первого полного издания романа в стихах можно утверждать с полной уверенностью! Добавлю, что форма деепричастия *пришедши* есть в «Сибирском казаке», а для приставочных глаголов от *идти* форм деепричастий на *-я* у Ершова в известных нам текстах нет.

¹ Ершов П. Сибирский казак. Т. 10. С. 20.

² Касаткин Л.Л., Касаткина Р.Ф. Язык — свидетель беспристрастный... С. 31.

• Утверждается, что слово *армякъ* как название крестьянской мужской верхней одежды не было свойственно окружению детства и юности Ершова — там соответствующую одежду называли *азямь*. В статье говорится, что Ершов если и знал это слово, то в другом значении, «нерасторопный, неуклюжий человек»; вот потому-то, говорят авторы, он и заменил в четвёртом издании фрагменты с этим словом на другие, избавляясь от чуждого ему *армяка*¹. Однако слово *армякъ* в значении «одежда» представлено уже в «Словаре Академии Российской», в первом томе 1789 года (второе значение):

«АРМЯКЪ, ка. с. м. 1) Ткань изъ велблужей шерсти, на подобіе камлота сотканное: вѣроятно такъ названное отъ Арменіи, откуда оно съ начала привозили. Нынѣ у насъ ткуть оно въ Астраханѣ и Уралскѣ. 2) Изъ сказаннаго изтканія здѣланная верхняя одежда наподобіе халата. 3) Въ военномъ нарѣчій шерстяное рѣдкое и толстое тканье, употребляемое при Артиллеріи на картузы пушечные»².

По данным сайта «Национальный корпус русского языка», *армяк* именно в этом значении в русской литературе встречается и до «Конька-Горбунка» — в частности, в двух романах Булгарина («Иван Иванович Выжигин» и «Дмитрий Самозванец») и в двух романах Загоскина («Юрий Милославский» и «Рославлев»); они как раз выходили в свет в конце 1820-х — начале 1830-х годов, и ими зачитывались. Наконец, у самого Ершова мы находим это слово в прозаическом «драматическом анекдоте» — в пьесе «Суворов и станционный смотритель», написанной, скорее всего, в 1835 году (вышла в свет отдельной книгой в 1836-м):

«*Староста*. Ужь не бойся, Иванъ Ивановичъ. На всѣхъ новые армяки, такъ что твои сертуки; да вотъ и я приодѣлся какъ Соломонъ во славъ»³.

• Отмечается, что из следующего фрагмента 1-го издания: «Тутъ конекъ подъ нимъ забился, / И по берегу пустился; / Только видно <, > какъ песокъ, / Вьется вихоремъ у ногъ, / Будто сдѣлалась погодка...» (с. 87) — в 4-м издании Ершов снимает строку со словом *погодка*, и по этому поводу утверждается «неприемлемость для него значения

¹ Касаткин Л.Л., Касаткина Р.Ф. Язык — свидетель беспристрастный... С. 33—34.

² Словарь Академии Российской. Т. 1. СПб., 1789. Стб. 47.

³ Ершов П. Суворов и станционный смотритель. Драматический анекдот. СПб., 1836. С. 39. Отмечу ещё яркие просторечные пересечения между «Коньком-Горбунком» 1834 года и этой пьесой: глаголы *раздивиться* и *спрошать*, речение *тары-бары*.

этого слова в 1-м издании ‘ветренная погода’», которое имеется в псковских говорах; приведены два примера из текстов Пушкина, содержащих слово *погода* с данным значением¹. Во-первых, оба приведённых пушкинских фрагмента входят в тексты, опубликованные до выхода в свет «Конька-Горбунка» 1834 года; во-вторых, как свидетельствует сайт «Национального корпуса русского языка», в русской литературе и до этого имеются факты употребления слова *погодка* в соответствующем значении, а именно — у Державина в стихотворении «Аристиппова баня» (1811), у Загоскина в романе «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1829), у Даля в «Сказке о похождениях чёрта-послушника, Сидора Поликарповича, на море и на суше...» (1832); в-третьих, слово *погода* в нужном значении мы встречаем уже во втором томе «Словаря Академии Российской» (1792):

«*Пого́да*, ды. с. ж. 1) Состояніе воздуха. *Тихая, приятная, весенняя, дурная погода.* 2) Вѣтръ. *Поднялась сильная погода*»².

Итак, версия пушкинского авторства «Конька-Горбунка» представляется ошибочной: ей резко противоречат данные как историко-литературного характера, так и лингвистического.

Я вовсе не претендую на разьяснение загадки этой сказки — она остаётся, — как мог юный автор создать столь значительное и яркое произведение? Почему в дальнейшем он не достиг подобных же высот? При этом у Ершова есть вполне добротные — хорошего уровня — стихотворные произведения, интересная проза, либретто опер, драматические опыты. Не верно, что после выхода «Конька-Горбунка» талант Ершова исчез полностью, как энергично настаивают наши оппоненты, — нет, у Ершова многое талантливо, правда, не так талантливо, как сказка «Конёк-Горбунок». Приходится признать, что в данном случае мы имеем едва ли не уникальное явление в русской литературе. Ближе всего к случаю Ершова случай Грибоедова. Неизвестно, написал бы Грибоедов что-либо равное «Горю от ума» или превосходящее это творение, если бы не погиб в Тегеране. Никто, однако, не высказывает сомнений в грибоедовском авторстве комедии только на том основании, что другие произведения Грибоедова не достигают тех же высот. Правда, Грибоедов создал свой шедевр в гораздо более зрелом возрасте, нежели Ершов «Конька-Горбунка»...

¹ Касаткин Л.Л., Касаткина Р.Ф. Язык — свидетель беспристрастный... С. 35.

² Словарь Академии Российской. Т. 2. СПб., 1792. Стб. 167—168.

Удивительным образом загадка «Конька-Горбунка» в течение многих десятилетий не привлекала достаточного внимания со стороны литературоведов, мемуаристов, писателей. Правда, уже в первой биографической книге о Ершове, вышедшей в 1872 году, мы читаем по этому поводу: «Въ жизни Ершова особенно поразительнымъ представляется, что онъ только выступилъ на поле литературное, выступилъ блистательно и — исчезъ. Подобное, правда, видимъ и въ Богдановичѣ, написавшемъ только поэму «Душенька», и въ Грибоѣдовѣ, создавшемъ только комедию «Горе отъ ума». Такія странности въ области творчества происходятъ, конечно, отъ степени энергіи дѣятелей и отъ силы обстоятельствъ, среди которыхъ вращалась ихъ жизнь. Вниканіе въ то и другое достойно труда: жаль, когда личность дѣятеля замѣчательнаго остается во мракѣ...»¹

В некоторых областях история человечества демонстрирует нам многочисленные примеры юношеских взлётов, которые в последующей жизни не были повторены: таковы, например, математика и шахматы. Не так обстоит дело в области художественного литературного творчества. В данной связи хотелось бы привести пронизательное эссе писателя Владимира Солоухина из его «Камешков на ладони»:

«В юности, в начале творческого пути, у поэта иногда вдруг получают такие перлы искусства, которые изумляют всех.

Потом он приобретает опыт, становится мастером, постигает законы композиции, архитектоники, гармонии и дисгармонии, обогащается целым арсеналом средств и профессиональных секретов.

И вот, вооружившись всем этим, он всю жизнь пытается сознательно достичь той же высоты, которая в юности далась ему как бы случайно»².

Заслуживает внимания предпринятая В.А. Кошелевым попытка объяснения «феномена Петра Ершова», относительно недавняя:

«Феномен знаменитой поэмы-сказки «Конёк-Горбунок» — в том, что она написана *ребёнком*. Не для детей и не *про* детей, а самим носителем детства. В своём первом творении Ершов видит мир глазами ребёнка... у Ершова просто не получилось «продолжать» найденный «образец» — просто он стал «большим».

Он просто *повзрослел* — и у него произошла обыкновенная «ломка голоса». Кроме того, он ощутил себя частью русской литературы, которой искренне захотел «соответствовать». И стал создавать, что создава-

---

¹ Ярославцов А.К. Пётр Павлович Ершов, автор сказки «Конёк-Горбунок». СПб., 1872. С. 5.

² Солоухин В.А. Камешки на ладони. М., 1982. С. 6.

лось: нечто «качественное» — и вполне «обычное». В своих попытках он, кажется, последовательно «перепробовал» все функциональные для 1830—1840-х годов литературные жанры — но вернуть изначальное детское приятие мира так и не смог»¹.

Попробую и я внести свой вклад в разъяснение этой загадки.

Из позднейших мемуарных свидетельств известно, что Пушкин подверг текст сказки тщательному пересмотру. Об этом в 1855 году писал П.В. Анненков в первой биографии Пушкина, опираясь на устное свидетельство А.Ф. Смирдина: «Въ апогеѣ своей славы, Пушкинъ съ живымъ одобреніемъ встрѣтилъ извѣстную Русскую сказку Г-на Ершова: «Конекъ-горбунокъ», теперь забытую. Первые четыре стиха этой сказки, по свидѣтельству Г-на Смирдина, принадлежать Пушкину, удостоившаго ее тщательнаго пересмотра»².

Заметим, что Ершов и Смирдин в то время здравствовали и могли бы опровергнуть это свидетельство, если бы оно оказалось неправдой. Сразу вслед за приведённой цитатой Анненков добавляет: «Такъ точно переводъ Фауста въ стихахъ, сдѣланный Г-номъ Губеромъ, нашель въ немъ восторженнаго цѣнителя — и нѣсколько часовъ утра въ продолженіи нѣсколькихъ дней посвящены были проверкѣ этого перевода, вмѣстѣ съ молодымъ его авторомъ».

Если проверке перевода, сделанного Э.И. Губером, Пушкин мог посвятить несколько утр своей жизни, то не вправе ли мы допустить, что более близкому для него по духу произведению он посвятил тоже изрядное время? Решусь выдвинуть предположение, что степень причастности Пушкина к «Коньку-Горбунку» была немалой: поэт мог и направлять юного автора при сочинении сказки, и обращать его внимание на те или иные диалектные или просторечные лексические пласты, и предлагать для тех или иных мест свои поправки и варианты. Не обязана ли сказка высоким поэтическим уровнем отчасти редактуре Пушкина? Я не вижу пока ничего невероятного в таком предположении — при этом вовсе на нём не настаиваю. Известно же письмо Пушкина Вяземскому (август 1825 года) — с подробным редактирующим разбором стихотворения Вяземского «Нарвский водопад», посланного в Михайловское. Пушкин в том письме предлагает своему адресату варианты для тех или иных строк — практически не пропускает ни одной строфы. В случае

---

¹ Кошелев В.А. Феномен Петра Ершова. С. 23—24.

² Анненков П.В. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина // Сочинения Пушкина : в 7 т. Т. I. СПб., 1855. С. 166.

же Ершова юный сибиряк — с «девственной» душой (как о нём писал его университетский друг Андрей Ярославцов¹), возможно, очень понравился «первенствующему поэту русскому», который мог и не пожалеть своего времени на редактуру текста Ершова. Если так и было, тогда становится понятным молчание Пушкина в печати по поводу «Конька-Горбунка» — в отличие, скажем, от его печатных откликов на «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя (1831) или на сборник стихов Виктора Теплякова (1836). Может быть, причастность Пушкина к сказке была столь значительна, что поэту было неловко хвалить произведение, в которое он вложил свои изрядные редакторские усилия.

Отмечу, что утверждения сторонников пушкинского авторства, что во всех случаях (или в большинстве) коррекций в четвёртом издании Ершов ухудшил текст первого, выглядят совершенно неубедительно: верно, что нередко текст после коррекции ухудшается, однако имеется довольно много мест с явным улучшением (некоторые примеры читатели уже видели выше в нашей таблице). Выразительные примеры улучшения текста от 1834 к 1856 году приводит И.П. Лупанова: «Четвёртое издание сказки обнаруживает более глубокое знание её автором специфики русской сказочной поэзии, её типических образов, законов её поэтики и ещё большее мастерство в творческом использовании приёмов русской сказки»². На работы И.П. Лупановой опирается Д.М. Климова: «Мнение, будто бы после доработки сказка значительно проиграла, убедительно опровергнуто в работах И.П. Лупановой. Действительно, многие сцены дополнены живыми подробностями, введены новые эпизоды, диалоги, авторские отступления, придающие рассказу сочный колорит. Кроме того, в текст внесены лексические варианты, небольшие по объёму, но существенные в смысловой и стилистической системе произведения, последовательно приближающие изложение к народно-разговорной речи, усиливающие впечатление разговорной образности»³. Ср. также у Л.А. Фроловой: «Анализ внесённых в текст произведения

---

¹ «...Это была сибирская дѣвственная натура, хранящая въ себѣ какія-то драгоцѣнности»; «чистая, дѣвственная душа Ершова» (*Ярославцов А.К. Пётр Павлович Ершов...* С. 11, 133).

² *Лупанова И.П.* О двух изданиях (первом и четвёртом) сказки П.П. Ершова «Конёк-Горбунок» // Ершовский сборник. Вып. 5. Ишим, 2008. С. 149—160. Перв. публ. — в кн.: *Русский фольклор. Материалы и исследования.* Т. 3. М.; Л., 1958. С. 159—160.

³ *Климова Д.М.* Цензурная история сказки «Конёк-Горбунок» // *Российская словесность: эстетика, теория, история.* СПб.; Самара, 2007. С. 68

изменений позволяет утверждать, что благодаря им сказка стала интереснее, выразительнее, сложнее, богаче»¹.

Итак, в случае казуса, связанного со сказкой «Конёк-Горбунок», в последние двадцать лет мы наблюдаем парадоксальную ситуацию. Для объяснения одного удивительного и загадочного литературного феномена, а именно — высокопоэтического классического произведения юного автора, в дальнейшем не создавшего ничего близкого по уровню, — высказывается утверждение о пушкинском авторстве сказки. Из этого вытекают ещё более удивительные следствия, чем сам исходный феномен, — следствия прямо-таки невероятные, а именно: обращение автора к непривычным для него характеристикам стиха и повествования, не свойственным другим его сказочным текстам. К таким характеристикам следует отнести «резко неточную» рифмовку, меньшее богатство рифмовки, особый ритмический рисунок четырёхстопного хорея, отчётливо сказочный стиль повествования, большее насыщение текста просторечием и реалистическими бытовыми деталями, явно выделяемую фигуру сказочника-повествователя, меньший лиризм повествования. Кроме этого, невероятными для Пушкина представляются, во-первых, языковые и содержательные неудачи сказки и, во-вторых, предполагаемые мотивы передачи авторства другому лицу. Такого рода объяснение принято быть не может.

P.S. Настоящая работа — в разных версиях — была прочитана Н.Н. Перцовой, И.А. Пильщиковым, Т.П. Савченковой, Г.М. Седовой и И.С. Сидоровым, поправки, замечания и критика которых были для меня очень важны, и я постарался их учесть в последующей работе над статьёй. Весной 2013 года по теме статьи я прочитал два доклада — на заседании Пушкинской комиссии в Институте мировой литературы имени А.М. Горького РАН (6 марта 2013 года) и на заседании Учёного совета Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН (16 мая); обсуждения помогли мне выявить некоторые неясные пункты и усилить аргументацию. В обсуждении докладов участвовали Е.М. Верещагин, А.Г. Грек, Л.Л. Касаткин, В.Б. Крысько, А.М. Молдован, В.С. Листов, В.С. Непомнящий, В.Е. Орлов, И.З. Сураг, А.Я. Шайкевич. Очень существенными для меня были дружеское участие и советы Е.Ф. Суворовой.

Я прошу названных коллег, а также не названных здесь участников обсуждений принять мою искреннюю, сердечную признательность.

---

¹ Фролова Л.А. К вопросу о двух изданиях сказки П.П. Ершова «Конёк-горбунок» // Ершовский сборник. Вып. 2. С. 25.

**СТИХОТВОРЕНИЕ КНЯЗЯ И.М. ДОЛГОРУКОВА
«НА ОСВОБОЖДЕНИЕ КНЯЗЯ СИБИРСКОГО»
КАК ОДА, ПОСВЯЩЁННАЯ ВОСШЕСТВИЮ
НА ПРЕСТОЛ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I**

12 марта 1801 года на российский престол вступил Александр I. Это вызвало к жизни множество торжественных од, в числе авторов которых можно встретить и знаменитейших поэтов своего времени, и совершенно неизвестных людей¹. Такое поистине радостное приветствие нового императора и поэтическое многословие было отчасти спровоцировано историческими обстоятельствами, связанными с правлением Павла I, своенравным и тираническим настолько, что многие представители благородного сословия восприняли кончину императора с облегчением. В царствование Павла I многие пережили крутые карьерные повороты — от внезапного немотивированного взлёта до опалы и ссылки в Сибирь.

Среди этих жертв павловского нрава был князь В.Ф. Сибирский (1745 или 1746² — 1816). Встретив воцарение Павла генерал-майором при комиссариатской экспедиции, он в 1797 году стал генерал-кригс-ко-

---

¹ Иван Алексеевич Второв писал в 1801 году, будучи в Москве, в своём дневнике: «Все пишут в похвалу его стихи и прозу, грамотные и безграмотные, как умеют; и (чего никогда не бывало) пишут то, что прежде чувствовали и что ныне чувствуют» — и несколько далее: «Г. Карамзин за свои стихи получил перстень в 2000 рублей. Много было стихотворений прекрасных и самых уродливых, каковы, например, князя Ал. Голицына, а особливо площадного стихомарателя Тодорского и проч. и проч...». (цит. по: *Державин Г.Р. Сочинения Державина / с объяснительными примечаниями [и предисл.] Я.К. Грота. СПб.: в типографии Императорской Академии наук, 1864–1883. Т. 1: Стихотворения, ч. 1. 1864. С. 363 (приложение к стихотворению «На восшествие на престол императора Александра I»)*). Непосредственно на восшествие на престол в печати появилось более двадцати пяти стихотворений, среди авторов которых были П.И. Голенищев-Кутузов, В.В. Измайлов, Н.М. Карамзин, А.Ф. Мерзляков, М.И. Невзоров, М.М. Херасков, князь П.И. Шаликов, А.С. Шишков, единственный раз выступивший в печати со стихами князь Пётр Трубецкой. Стихи Державина не были тогда напечатаны по цензурным соображениям.

² В исповедной ведомости его семьи церквы Николая Чудотворца в Гнездиных Никитского сорока Москвы за 1755 год он показан 9-летним. См.: *Щербачев О.В. Исповедные ведомости московских сороков // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 12. СПб., 2003. С. 42.*

миссаром, в 1798-м был произведён в генерал-лейтенанты и пожалован пятью тысячами десятин земли, а 29 октября 1799 года получил новое повышение по службе — был произведён в генералы от инфантерии. Но уже через три месяца, 5 февраля 1800 года, высочайшим приказом императора Павла I за беспорядки и злоупотребления по комиссариатской части от службы уволен, а на имения его было наложено запрещение. Обвинение состояло в том, что князь Сибирский, который должен был заниматься заготовкой вещей для армии, утвердил образцы, «не сходные с высочайше одобренными», и заготовленные по негодным образцам вещи были забракованы Санкт-Петербургским депо. 21 февраля 1800 года было повелено на его счёт купить разные вещи взамен забракованных, а 26 марта князь Сибирский был, по докладу генерал-аудитора, лишён всех чинов, дворянского звания и знаков отличия и отправлен в ссылку. За вещи же, заготовленные по утверждённым им образцам, приказано было взыскать из его имения вдвое, а 30 сентября 1800 года состоялось высочайшее повеление о возвращении в казённое ведомство принадлежащих князю Сибирскому в Санкт-Петербургской губернии земель и обращении их в казённые оброчные статьи¹.

Остаётся не вполне ясным, были ли действия князя Сибирского сознательным проявлением несогласия с «высочайше одобренными образцами» или результатом простой небрежности, но ссылка в Сибирь, лишение княжеского титула, конфискация имущества показались современникам совершенно неадекватной мерой. Косвенным свидетельством незначительности преступления князя Сибирского можно счесть тот факт, что по вступлении на престол императора Александра I высочайшим указом от 14 марта 1801 года, то есть на третий день царствования, князь Сибирский был прощён с возвращением всех чинов, орденских знаков, дворянского достоинства, титула и конфискованного имения².

История с арестом и освобождением князя Сибирского произвела впечатление на князя И.М. Долгорукова и отражена в его мемуарах:

«Между делами, свидетельствующими деспотизм его (Павла I. — *Авт.*) правления, почесть можно ссылку князя Сибирского. Он при кончине Екатерины был не больше, как полковник или бригадир в комиссариатском стате, и вдруг до того полюбился Павлу, что он его произвёл в

---

¹ Русский биографический словарь. Т. «Сабанеев — Смыслов». СПб., 1904. С. 395. Здесь неверно указан год его рождения — 1761-й. Этого не может быть хотя бы потому, что его отец умер в 1758 году.

² Там же. С. 395.

генерал-аншефы и надел на него Аннинскую ленту. Но скоро потом так опрокинулся его жребий, что он сидел в крепости, был судим, наконец, без всяких довольно значущих причин разжалован и в числе колодников в цепях сослан в Сибирь. Что может быть ужаснее? Нигде преступлений его, за что сие с ним сделано, не опубликовано, никто об них до сих пор порядочно не знает, а он, проходя от Петербурга до самого Тобольска, вытерпел все унижения своего состояния, все бедствия столь тягостного рока. Ссылка его такой яростию сопровождалась, что даже страдали и те, которые, зная его прежде или имея о нём какое-нибудь понятие, хотели доставить ему на пути некоторые облегчения и отрады. Всякое к нему внимание от кого бы то ни было почиталось преступлением, и губернатор Тверской г. Тейлс выключен был из службы за то, что он оказал ему сострадание. Я на освобождение его писал стихи, которые укажут подвиг его любовницы, сопровождавшей его до самой Сибири и разделившей с ним все суровости его положения. Изгнание сего князя Сибирского будет навсегда знаком тиранства Павлова. Он нарушил святейшую обязанность матери своей с подвластным ей народом, сделавшуюся узаконением российским коренным, что без суда никто не накажется. Он дал полную волю своей ненависти, своей злобе и в угодность ей погубил человека, ничем не заслужившего своего несчастья, подобно как по одному капризу им возведённого и обидевшего многих служивших лучше его. Павел показал на нём примеры своего своенравия, показал, что он всё то властен делать, что захочет, без размышления, без причин, без соображений. Как можно было при таком государе не плакать о Екатерине?»¹.

Эта публикация посвящена упомянутым в приведённой цитате стихам князя Долгорукова на освобождение князя Сибирского.

Князь Иван Михайлович Долгоруков (1764—1823) в молодости был близок ко двору наследника великого князя Павла Петровича (так называемому малому двору). Он участвовал там в спектаклях и других забавах; в январе 1787 года великий князь с великой княгиней организовывали его свадьбу, сам наследник престола крестил его первенца. В этот период состоялся литературный дебют князя Долгорукова — сти-

---

¹ *Долгоруков И.М., кн. Повесть о рождении моём, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-м году от рождения моего...* / издание подготовили Н.В. Кузнецова, М.О. Мельцин; отв. ред. Степанов В.П. Т. 1—2. Т. 1. СПб.: Наука, 2004. С. 529. (1800 г.).

хи на кончину бригадира Горича¹, вышедшие в самом начале 1789 года (И.П. Горич погиб при штурме Очакова 6 декабря 1788 года). Естественно, что от воцарения Павла молодой литератор, в то время служивший пензенским вице-губернатором, ждал многого. Мечта приблизиться ко двору была почти болезнью этого семейства. Широко известная история, связанная с делом верховников, привела к ссылке Долгоруковых при Анне Иоанновне и к дальнейшей потере положения при дворе. Елизавета вернула Долгоруковых из ссылки, но прежнего положения и состояния они так и не обрели, хотя и не оставили попыток вновь достичь былого величия. Казалось бы, вот он, час триумфа — на троне Павел! Но князя постигло разочарование. Ожидания от павловского воцарения не то что не исполнились, а исполнились с точностью до наоборот: он потерял даже то место, которое прежде занимал, и только после тяжёлых хлопот жены получил новое.

Князь Долгоруков не написал стихов на воцарение Павла, в отличие от знаменитых Державина, Хераскова, Храповицкого, Голенищева-Кутузова, набирающего литературный вес Карамзина и даже совсем молодого Магницкого. К этому времени, кроме стихов на смерть Горича, у князя Долгорукова был напечатан (в 1795 году) небольшим тиражом в частной типографии только «Камин» (его напечатал в Рузаевке тамошний помещик Н.Е. Струйский). Это стихотворение было очень популярным, судя по всему, оно расходилось в списках и могло быть известно в столицах. Но к концу 1796 года автор всего двух известных стихотворений не считал себя, по-видимому, принадлежащим литературе настолько, чтобы откликаться на официальные придворные события одами. С 1797 года князь Долгоруков начинает активно печататься в «Приятном и полезном препровождении времени», «Аонидах» и особенно в «Иппокрене», не считая отдельных изданий. К воцарению Александра I он был уже автором 16 опубликованных стихотворений, некоторые из них уже выдержали переиздание. Но и в это время, и в дальнейшем князя Долгорукова как поэта мало вдохновляли государственные праздники, официальные придворные торжества и памятные даты, исторические события, не затрагивающие его частной судьбы. В поэтическом наследии князя насчитывается всего несколько од, посвящённых подобным событиям, чем-то особенным тронувших его эмоциональную сферу. Таковы стихотворения «На кончину Ивана Ивановича Шувалова» (1797),

---

¹ *Долгоруков И.М., кн. Стихи на кончину господина Брегадира Горича, убитого на сражении под Очаковым сего 1789 [!] году, Декабря 6 дня. [М., 1789].*

«1799-й год» (1799), «На имянной указ о даче женам убитых в армии Штаб и Обер-Офицеров пенсионов, состоявшийся Августа 30 дня 1799 года» (1799), «Спасибо 1799 году» (1799), «На имянной указ о карточных играх в царствование Александра I» (1801), «Князю Пожарскому» (1806), «Кн. Гр. Сем. Волконскому» (1810), «На кончину Митрополита Московскаго Платона» (1812), «Стихи на кончину Ея Величества королевы Виртембергской» (1819). Одним из таких стихотворений стали «Стихи на освобождение князя Сибирского» (1801). Будучи несправедливо обижен Павлом, князь Долгоруков с воцарением Александра получил надежду на изменения в стиле правления нового императора вообще и, возможно, в своей личной судьбе. Однако он пишет стихи не на собственно восшествие Александра на престол, а фактически на один из его первых указов, связанный с освобождением князя Сибирского. Этот разрыв во времени между восшествием и написанием стихов вызван некоторой растерянностью и неопределённостью ситуации, — слухи о насильственной смерти Павла и перевороте быстро распространились в обществе. Вот что Долгоруков пишет в мемуарах:

«По нескольких дней недоверчивости, страха, догадок и заключений с обеих сторон, равно неосновательных, наконец и в Москве, и в Петербурге все успокоилось, перестали о убийстве Павла толковать, начали без помехи основывать на грядущих днях новые здания блаженства, и всякий там и тут принялся за свою химеру. Никогда столько стихов не было написано ни на какого царя восшествие, как на 12 марта. Казалось, что все рифмачи выпустили своих пегасов из заключения, чтобы на них скакать куда глаза глядят. Лучшие тогдашние наши стихотворцы, Херасков и Державин, написали две оды. Первый явным образом показал, что изображение его уже погасло, а второй бранил без пощады Павла и кадил Александра. За ними вслед кто только две рифмы умел кое-как связать вместе, подносил государю стихи. Многие были награждаемы, сие ободряло и прочих. В таком общем стихотворном духе нашего отечества не смел и я не написать чего-нибудь, дабы не заметили, что я, иногда посещая Парнасские закоулки, на этот случай не хотел ничего произвести, но, не любя сочинять ни по наряду, ни из корысти, еще менее из выслуги, потому что стихи не должны быть выслугой для благородного человека, он на то имеет другие способы, и я написал несколько стихов на освобождение Сибирского, которые были напечатаны и приняты публикой весьма благосклонно»¹.

---

¹ Долгоруков И.М., кн. Повесть о рождении моем... Т. 1. С. 539. (1801 г.).

В этом пассаже князя Долгорукова есть некоторые отголоски сомнений автора, правильно ли он поступил, отказавшись использовать своё поэтическое дарование в павловское царствование для достижения благосклонности императора. Теперь же, исправляя свою ошибку, он считает нужным что-нибудь написать, дабы снова не попасть в опалу, не отдав дани вежливости Александру.

К написанию оды князя Долгорукова также могли подтолкнуть и некоторые места из стихотворений, написанных на восшествие Александра и уже им прочитанных. Интересно, например, что в обеих упоминаемых в мемуарах одах, Хераскова и Державина, особенно подчёркивается, что оба поэта ещё прежде писали оды на рождение Александра — наследника престола, и теперь, торжествуя его восшествие на престол, оба напоминают ему о своих заслугах, подчёркивая преемственность этих произведений.

У Хераскова в 7-й строфе:

Мы руки к небесам возносим
При нашей пламенной мольбе;
Царя Царей усердно просим,
Да силы Он подаст Тебе
Подъять Монаршеское бремя,
Златое да вкушаешь время
Корону восприяв Свою....
МОНАРХ! я пел Твое рожденье,
Пел брачное совокупленье,
Тебя на троне днесь пою¹.

Державин, 3-я строфа:

Уныла Муза, в дни Борей
Державшая вслух песни петь,
Блаженству общему радея,
Уроки для владык греметь!
Перед царем, днесь благосклонным,
Взяв лиру, прах с нея стряси,

---

¹ *Херасков М.М.* Ода его императорскому величеству великому государю Александру Павловичу, самодержцу всероссийскому на всерадостное его на престол вступление. М. : в Университетской типографии у Христофора Клаудия, 1801. С. 6.

И сердцем радостным, свободным,
Вещай, греми, звучи, гласи
Того ты на престол вступленье,
Кого воспел я в пеленах¹.

Немаловажным предметом переживания князя Долгорукова был и тот факт, что за всю свою жизнь он ни разу не был награждаем за поэзию от двора, хотя знал, что с другими поэтами это бывало. Но ведь он и не пытался писать торжественных од по случаю важных придворных событий и тем самым лишал возможности обратить на себя внимание царствующей фамилии.

Корректируя и эту позицию, князь пишет оду, не разделённую на строфы, шестистопным ямбом с цезурой после третьей стопы, парной рифмовкой с чередованием женских и мужских пар рифм. Эта форма не раз использовалась им для написания од². Стихи «На освобождение князя Сибирского» впервые появились в печати отдельным изданием³.

По содержанию это не абстрактно-ритуальный текст, в котором традиционно прославлялись бы некие ожидаемые от нового императора деяния, а реакция на уже реально случившееся историческое событие. Сама тема освобождения узников была довольно распространённой в одах Александру I, но это некие абстрактные узники вообще, без имён и биографий. Например, у князя П. Трубецкого:

Украшен старец сединою,
Там слезы радостные льет,
...
Объемля возвращенна сына,
Прощеннаго, мой Царь, Тобой.
...
Он милует, Он всех прощает;
Никто, никто Им не забывает.

---

¹ *Державин Г.Р.* На восшествие на престол императора Александра I // *Державин Г.Р. Сочинения Державина.* Т. 1. С. 357.

² Ср.: «На кончину Ивана Ивановича Шувалова» (1797), «1799-й год» (1799), «Спасибо 1799 году» (1799), «На кончину дочери моей Княж. М... И...» (1808), «Кн. Гр. Сем. Волконскому» (1810), «Отечество» (1812), «На кончину Митрополита Московскаго Платона» (1812), «Стихи на кончину Ея Величества королевы Виртембергской» (1819)

³ *К.И.Д.* [*Долгорукий И.М., кн.*] СТИХИ На освобождение Князя Сибирскаго. [1801].

Супруге мужа возвращает,
Брат брата обнимать спешит¹.

Или у С.Н. Глинки:

Ты первым Скипетра движеньем
Нешастных узы разорвал!
...
Там мать летит в объятья сына,
В объятьях сына там Отец!
А здесь! — страданьем изнуренной,
Исторгнут старец из цепей...²

У А.А. Майкова:

Рек! — и шествуя ко трону
Вопль несчастных прекратил;
Заклоченным дал свободу,
И темницы разтворил.
Не звучат уж там оковы,
Полны все к нему любви!³

У Н.М. Шатрова:

Изрек, — и в Царстве все темницы,
Щедроты словом отворил;
Прощеньем как лучом денницы
Во тьме сидящих озарил.

---

¹ *Трубецкой П., кн.* Ода на всерадостнейший день восшествия его императорского величества, самодержца всероссийского, Александра Первого на прародительский престол 1801 года, марта 12 дня. М. : в Университетской типографии у Христофора Клаудия, [1801.] С. 4—5. Автором этого стихотворения был, по-видимому, князь Пётр Николаевич Трубецкой (1773 — 6 ноября 1801), племянник М.М. Хераскова. Он один из двух взрослых князей Трубецких, живших в это время (вторым был князь Пётр Сергеевич (1760—1817), отец декабриста), а его скорая смерть может служить объяснением того, что это выступление в печати осталось единственным.

² *Глинка С.Н.* Стихи на освобождение из темниц его императорским величеством Александром Первым. М. : в Губернской типографии у А. Решетникова, 1801. С. 3—4.

³ *Майков А.А.* На всерадостное восшествие на всероссийский престол государя императора Александра Первого 1801 года, марта 12 дня : [стихотворение]. СПб. : печатано в Императорской типографии, 1801. С. [6].

Как друг, — всем даровал свободу,
Как ЦАРЬ, — он целому народу
Устроил щастье навсегда.
Как Бог, — ОН обновил в Уставе,
Что бы никто в Его Державе
Наказан не был без суда¹.

У князя А.И. Голицына:

Вдруг бедных променясь судьбина!
Символом кротость он берет.
Сын зрит отца — отец зрит сына,
Мне сих часов приятней нет².

Князь Долгоруков в своём творчестве вообще ориентируется на отражение реально существующего мира, в его поэзии даже типичные «общие места» приобретают связь с конкретными событиями. Так, в стихах на освобождение князя Сибирского представлены имеющие большую поэтическую традицию элементы содержания оды, которые можно обозначить как «появление одического вдохновения» и «чувство несовершенства пера» для передачи ощущаемого восторга (цитируется по первому изданию):

Когда любимцы Муз едиными устами
Возшедшего Царя венчают похвалами —
И зря к себе щедрот небесных в Нем залог,
Россия вопиет: «Благословен наш Бог!»
Столь истинный восторг всем духом ощущая,
Соотчичей моих блаженство разделяя,
Не силен чувств моих стихами показать
И в них до высоты Престола достигать; —
Но сердца моего последую движенью,
Везде воздать готов хвалу благотворенью³.

---

¹ *Шатров Н.М.* Песнь его величеству государю императору Александру Первому всемилостивейшему на восшествие его на прародительский всероссийский престол. М. : в Губернской типографии у Андрея Решетникова, 1801. С. 3.

² *Голицын А.И., кн.* Ода его императорскому величеству великому государю Александру Павловичу, самодержцу всероссийскому, на всерадостное его на престол вступление. М. : в Губернской типографии у Андрея Решетникова, 1801. С. 7.

³ Это начало стихотворения можно было бы принять за десятистишную строфу благодаря её грамматическому объединению в одно предложение, но последующий текст грамматически не поддерживает такого чтения.

В этом начальном фрагменте обращает на себя внимание, что вдохновение автор черпает не у муз непосредственно, а у «любимцев Муз». Уже написанные стихи на восшествие Александра, а также всеобщее ликование («Россия вопиет») затрагивают чувства и побуждают к сочинительству. Для торжественной оды наиболее характерен взгляд на события из тех высот, где пределы человеческого мира кончаются, таких как небеса или Парнас. Поднимаясь ввысь, дух поэта очищается от земного суетного восприятия событий, и это даёт ему право и возможность творчества. А у князя Долгорукова эту роль выполняет совсем другая высота — «высота Престола». Однако было бы непродуктивным упрекать поэта в нарочитой, почти карикатурной приземлённости. Князь, по всей видимости, не слышит в этом месте пародии на «воспарение ввысь», он хочет сознательно ограничить свой поэтический мир государственным, социальным, человеческим уровнями. Именно поэтому его одический максимум в данном тексте — царский престол.

Князь Долгоруков описывает центральный элемент содержания своей оды — освобождение князя Сибирского — с подробностями, демонстрирующими хорошее знакомство с обстоятельствами его биографии:

Сколь подвиг знаменит Сопутницы твоей!
Какою похвалой воздать удобно ей? —
Прости, почтенный муж, коль тайну открываю;
Восторга моего в себе я не вмещаю;
Геройством твердых душ единственно пленен.
Колико бы я был природой награжден,
Когда б любви прямой я жертву, столько ценну,
Достойно вострубить умел во всю вселенну!

Вдовый князь Сибирский имел любовницу Олимпиаду Гавриловну (1763—1859), фамилия которой не известна. Она добровольно отправилась за ним в ссылку, а по возвращении они стали супругами.

Центральный сюжетный элемент и весь пафос оды автор достаточно полно отразил в двустииши:

Сибирский! — паки Князь — свободен и возставлен!
Да будет АЛЕКСАНДР сугубо сим прославлен!

Это своего рода резюме, ради которого написано всё стихотворение. Но, несмотря на отражение реальной событийной составляющей,

князь Долгоруков остаётся верен жанровому канону оды — отсутствию развития сюжета, несмотря на то что в данном случае материал предоставляет для этого благодатную почву. Напротив, события не освещены в хронологическом порядке, а представлены статично: показан освобождённый князь, затем следует обращение к герою («*Сибирский!* позабудь судьбы отягощенье!»), прославляется подвиг его спутницы, описываются чувства князя Сибирского, его переживания и слёзы радости («Утешься: все прошло! — Бог тучи разогнал!») — и всё это без подробностей его ссылки и обстоятельств освобождения, как свершившийся факт.

Поскольку стихотворение посвящено не столько князю Сибирскому, сколько указу Александра о его освобождении, в тексте находит отражение представление князя Долгорукова о добродетелях императора. Рассмотрим, какие черты характера и поступки императора князь Долгоруков считает достойными похвалы. Прежде всего, это милосердие, прощение, снисхождение к подданным, миролюбие («Не пышностью душа моя восхищена: / Лишь милостями Царей питается она»; «В твоём — во всех сердцах день мира возсиял!»). Отдельно подчёркивается кротость нрава, доброта:

Что может слаще быть для доброго Царя,
Как, всюду вокруг себя собой спасенных зря,
Погибших возводить — оковы рвать с несчастных —
Открыть к престолу путь вздыханиям подвластных?
Не титулом Царь велик — но кроткою душой;
Не войском Он могущ — но подданных судьбой.

Используя образы античных героев, князь Долгоруков противопоставляет милосердных и созидательных императоров Тита и Марка Аврелия Антонина деспотичному Нерону («Но *Тит* и *Антонин* равны с *Нероном* славны?»). Появляется тема свободы, святости законов, справедливости («На троне АЛЕКСАНДР — невинной будет цел!»). Среди деятелей российской истории для сравнения с Александром князь Долгоруков выбирает любимую и боготворимую им Екатерину. И в данном случае это тоже не столько дань поэтической традиции (премущественность именно по отношению к Великой Екатерине первым декларирует сам молодой император, а вслед за этим сравнение стало общим местом од на его восшествие), сколько личная искренняя симпатия поэта.

И, наконец, в финале звучит очень важное для содержания этого текста слово — надежда:

Надежда, смертных всех отрада сокровенна,
Которою живет и движется вселенна,
Надежда нам сулит спокойство тихих дней!
Дай Бог! — (твержу стократ от всей души моей),
Чтоб кротостью вовек подобен был отныне
Наш Первый АЛЕКСАНДР Второй Екатерине!

Обозначенные добродетели Александра, усмотренные поэтом в освобождении князя Сибирского, дают князю Долгорукову надежду, что всеми этими свойствами император обладает на самом деле и что правление его будет мирным, спокойным, милосердным. «Спокойство тихих дней» и весь заложенный в тексте идейный комплекс кроткого правления и благоденствия народа роднит оду князя Долгорукова с ломоносовской традицией. Как отметила в своей монографии Н.Ю. Алексеева, в одах Ломоносова, в противоположность Сумарокову, воспевается мир «тишины и света», затухают апокалипсические мотивы¹. Надежда, о которой говорит князь Долгоруков, здесь выступает как элемент горнего мира: «смертных всех отрада сокровенна», то есть нечто, скрытое от смертных, недоступное и неподвластное, и то, чем «живет и движется вселенна», то есть некий инструмент божественного промысла. Она поставлена князем Долгоруковым выше того мира, в котором живут и действуют его герои и в котором творит поэт. Последние слова оды звучат как молитва, да и обращены они прямо к Богу («Дай Бог! — (твержу стократ от всей души моей)»).

Ода была включена в собрание сочинений князя Долгорукова и выдержала вместе с ним три издания². В каждом новом издании князь Долгоруков подвергал правке свои произведения. Стихи на освобожде-

---

¹ Алексеева Н.Ю. Русская ода : Развитие одической формы в XVII—XVIII веках. СПб., 2005. С. 253—254.

² Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего, или Стихотворения. М. : в Унив. Типографии, у Люби, Гория и Попова, 1802. С. 283—286; Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего, или Стихотворения. Изд. 2-е. М. : Тип. М. Пономарева, 1808. С. 79—84; Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего, или Стихотворения князя Ивана Михайловича Долгорукого. Изд. 3-е. В четырёх частях. М. : Издание книгопродавца А.С. Ширяева; в Университетской Типографии, 1817—1818. Ч. I: Содержащая в себе предметы высокие, нравственные или печальные. М., 1817. С. 124—126.

ние князя Сибирского печатались в почти неизменном виде, за исключением нескольких незначительных стилистических правок в последнем прижизненном издании. Из названия было удалено слово «Стихи», и благодаря этому заголовок приобрёл сходство с типичными названиями од, озаглавливаемых «На восшествие / рождение / бракосочетание / прибытие» и тому подобное. Вместо «Россия вопиет: «благословен наш Бог!» стало «В России вопиют: «Благословен наш Бог!»; вместо «Столь истинный восторг всем духом ощущая» — «Столь истинный восторг всем сердцем ощущая»; вместо «Везде воздать готов хвалу благотворенью» — «Везде готов воздать хвалу благотворенью».

Самым же существенным изменением стало появление эпитафии во втором издании сочинений, 1808 года. В тексте оды есть стих: «Волтер сказал: *«не казнь поносна — преступленье»*. И вот в 1808 году появляется эпитафия: «*Le crime fait la honte et non pas l'échafaud*»¹. Автор изречения не указан, подразумевается, исходя из текста стихов, что это Вольтер. В действительности оно принадлежит французскому драматургу Тома Корнелю (брату Пьера) и является репликой графа в 3-й сцене 4-го акта его трагедии «Граф Эссекс».

Князь Долгоруков не был за эту оду ни отмечен, ни награждён, и надежды его на царствование Александра не оправдались. По иронии судьбы в 1812 году князь Долгоруков будет отставлен Александром с должности Владимирского губернатора по так называемому «мундирному делу» (за нарушения при обмундировании рекрут), обстоятельства которого в чём-то сходны с историей князя Сибирского. Правда, в Сибирь его не сослали, чинов и имения не лишили, дело ограничилось отставкою и выговором в Сенате, — всё-таки оказалось важно, что в это время на троне был не Павел.

---

¹ Постыдно преступление, а не казнь. В последнем слове опечатка, воспроизведённая и в дальнейшем; правильно — *l'échafaud*.

ПЁТР I В ВОСПРИЯТИИ С.П. ШЕВЫРЁВА (1830—1860-е годы)

Тема «Пётр I в восприятии С.П. Шевырёва (1830—1860-е годы)» достаточно обширна по материалу, потому что касается как его художественных текстов, так и публицистики, критики, документальной и научной прозы. В то же время она объёмна по изучаемому периоду — охватывает почти три десятилетия. К настоящему времени на эту тему написаны две статьи, касающиеся стихотворного текста «Петроград» (1829)¹ и документальной прозы², обнимающие период самого конца 20-х — начала 30-х годов XIX века.

Для С.П. Шевырёва личность Петра Великого имеет первостепенное значение на протяжении практически всей его жизни, главная и единственная цель которой — служение «русской идее», русской мечте об особой исторической судьбе России. Под влиянием Гердера и Шеллинга идея зародилась в 20-х годах XIX века в кружке любомудров, участником которого был молодой С. Шевырёв. Без преувеличения можно сказать, что Пётр Великий стал вдохновителем Шевырёва в служении «русской идее» на протяжении долгих лет его жизни.

В конце 1820-х Шевырёв впервые попадает в Европу. Живя несколько лет в Италии, многому учась, многое обдумывая и создавая в гуманитарной области, многому участь, он готовится к своему участию в осуществлении «русской идеи». Дневниковые записи Шевырёва позволяют видеть, как зарождается его собственное понимание исторического пути России, в котором Петру I принадлежит совершенно особая роль.

В дневнике первой заграничной поездки³ тема Петра начинается в стихотворном тексте, записанном 8 августа 1829 года под названием «Пет/ербург/роград». Е.А. Маймин называл это стихотворение

---

¹ *Цветкова Н.В.* Стихотворение С.П. Шевырёва «Петроград» (1829) в контексте его документальной прозы // Печать и слово Петербурга (Петербургские чтения — 2008) : в 2 ч. Ч. 2 : Литературоведение : сб. науч. тр. СПб., 2009. С. 33—41.

² *Цветкова Н.В.* Тема Петра в дневнике С.П. Шевырёва (1829—1832) // Михайловская пушкиниана. Вып. 45. Сельцо Михайловское ; Псков, 2007. С. 278—287.

³ См.: *Шевырёв С.* Итальянские впечатления. СПб., 2006.

«историко-концепционным»¹, соотносил с пушкинскими «Стансами» и «Полтавой». В «Петрограде» Шевырёв предвосхищал Петра в «Медном всаднике», но и выразил только ему свойственное представление о самодержце, который способен быть сильнее морской стихии и победить её.

В дневниковых записях 1829—1831 годов Петру посвящено множество страниц и размышлений. По мнению Шевырёва, Пётр — великий просветитель, определивший развитие России, жизненный путь его самого, его друзей и современников. В записи 1830 года он отождествляет Петра с Богом, видит в нём воплощение и идеал русского национального характера: «Пётр есть тип чисто русского; в нём есть сходство с Христом: как Бог съемлет с себя божество и облекается человеком, чтоб показать человеку как быть человеком, так и Пётр Великий съемлет с себя божество земное (величество), чтобы показать русскому как быть русским. Жизнь Петра есть русское евангелие»². Впоследствии Шевырёв в восприятии Петра откажется от его сакрализации, но никогда не откажется от искренней любви и восхищения этой личностью.

В понимании Шевырёва тип русского человека должен иметь черты божественные: чистоту и силу духа, готовность к страданию и жертвенности во имя служения России. Именно такими чертами писатель «наделяет» Петра, считает, что они отразились в его великих деяниях. Даже деспотизм царя прощителен, по Шевырёву, если направлен на общественное благо, потому что «деспот, одушевленный благом человечества, есть Бог воплощенный»³. С царём-реформатором «в России должно делать заговоры не с народом, а с царём против народа, ибо в народе главное препятствие к образованию, а в царях всегда есть желание оного по толчку, данному Петром Великим...»⁴

Шевырёв восхищается практической утопией Петра I, идею и воплощение которой объясняет Б.Ф. Егоров: «Утопична была структурная составляющая плана: не меняя жёсткую, деспотическую социальную иерархию, создать процветающую во всех смыслах державу (процветающую экономически, политически, культурно). Не менее утопичным был и временной интервал: Петру хотелось всё сделать моментально,

---

¹ *Маймин Е.А.* Русская философская поэзия. Поэты-любомудры; А.С. Пушкин; Ф.И. Тютчев. М., 1976. С. 93.

² *Шевырёв С.* Итальянские впечатления. С. 187.

³ Там же. С. 212.

⁴ Там же. С. 197.

«здесь и сейчас», по сказочной формуле «сказано — сделано»¹. Откровенно апеллируя к «сильной руке» самодержца, несомненно, знавший о последствиях страшных реформ, Шевырёв в дневнике открывается перед нами как нравственный максималист и человек государственный. Пётр для него — божество², которому можно только поклоняться и нужно подражать в жизни.

После возвращения в 1832 году в Россию молодой учёный начинает своё служение «русской идее» в Московском университете — приступает к осуществлению хорошо продуманного проекта просвещения в области филологической науки. Его магистерская («Дант и его век») и докторская («Теория поэзии») диссертации были посвящены исследованию истории и теории европейской поэзии, а с 1834/1835 учебного года его занятия со студентами I курса обращены к изучению текстов древней русской словесности.

Учёный считал, что интерес к ней обусловлен потребностями современной русской жизни и новыми задачами национального просвещения. Совсем не случайно в 1838 году он публикует статью «Общее обозрение русской словесности» в «Московских ведомостях». В разделе от редакции там говорилось, что «предлагаемая лекция Г-на Шевырёва есть общий взгляд на Историю Словесности, и притом отечественной...»³ В этой статье Шевырёв актуализирует проблему преподавания истории русской словесности, начиная с древнего периода: намечает его объём («...я не могу ограничиться Историею Поэзии или Красноречия отдельно, но должен следить всю массу произведений литературы нашей»), говорит о своих немногочисленных предшественниках — о Н. Грече, авторе первого и краткого учебника по древней словесности, о митрополите Евгении, авторе библиографического словаря духовных писателей, а также о памятниках древней словесности как первоисточниках и предмете анализа «филологической критики» и далее намечает краткий конспект своего будущего курса, который и осуществит в публичных лекциях 1844/1845 учебного года.

---

¹ Егоров Б. Ф. Российские утопии : исторический путеводитель. СПб., 2007. С. 66.

² В создании мифа о Петре Шевырёв наследует традиции предшествующей ему литературной эпохи. Об этом см.: Крыстева Д. Поэтическая формализация мифов о Петре I и «Медный всадник» // Русская литература. 1992. № 3. С. 14—25.

³ Цит. по: Шевырёв С. П. Избранные труды. М., 2010. С. 570.

Обозревая в статье историю русской словесности с древнего периода, Шевырѣв осмысляет и русскую историю, центр которой — «гениальный царь». Главная заслуга его в европеизации: он «на дикой, полу-Азиатской массе России... наметил смелой рукою Европейский абрис»¹.

Если в дневнике первой заграничной поездки проявился юношеский безграничный восторг, связанный с обожествлением Петра, с восхищением его личностью и её историческими деяниями, то в статье 1838 года явный пиетет не отменяет стремления Шевырѣва без лишнего пафоса и объективно отнестись к его преобразованиям. Он критически анализирует реформу царя, подчёркивая несоответствия «форм европейского общежития» особенностям национальной жизни, «нашим преданиям и нравам», констатирует «насильственные формы искажения» русского языка — «коренной нашей собственности», «неосязаемого образа всего русского человека» и говорит о последствиях совершённого. Самое важное — это «бездна, которая отделила новую Россию от древней»². Шевырѣв задаёт вопросы: «как бы породнить Россию древнюю с новою», «как примирить навсегда нашу чистую коренную народность с Европейским образованием»³. Эти вопросы предвосхищают основные темы, которые будут так важны для западников и славянофилов: старая и новая Россия, реформы Петра и традиции русской жизни, исторический путь России.

Славянофилы актуализируют их в 1839 году: тогда появляются статья А.С. Хомякова «О старом и новом» и письмо И.В. Киреевского «В ответ А.С. Хомякову». В отличие от Шевырѣва, Хомяков в статье «О старом и новом» явно критически относится к Петру, осмысляя его государственные дела. И хотя он видит «инстинкт души высокой», «славу преобразователя России», он подчёркивает жёсткость и жестокость действий политика. Хомяков пишет: «...все обычаи старины, все права и вольности городов и сословий были принесены в жертву для составления плотного тела государства»⁴. Сближает Шевырѣва с Хомяковым вера в «древние формы жизни русской»⁵, в «дух её древней жизни», которые, по словам Шевырѣва, составляют «нашу истую коренную народность»⁶.

¹ Шевырѣв С. Общее обозрение развития русской словесности. М., 1838. С. 46. Далее эта статья цитируется с указанием стр. в тексте по этому изданию.

² Там же. С. 34, 32.

³ Там же. С. 46, 47.

⁴ Хомяков А.С. О старом и новом. М., 1988. С. 54.

⁵ Там же. С. 55—56.

⁶ Шевырѣв С. Общее обозрение... С. 46, 47.

Таким образом, в 1838 году перед второй заграничной поездкой Шевырёв уточняет свои представления о самом неординарном русском самодержце, высказывая как своё восхищение — «Гениальный Царь замыслил вместить то в человеческой жизни, что в Европе было плодом многих и многих столетий, что истекало из её исконных преданий, что сообразно было с её давними мнениями, поверьями и обычаями. Россия вошла в Европейскую жизнь и совершила всё то, что беспредельная власть Царя и такая же покорность народа совершить в ней могут»¹, так и свои сомнения в результатах сделанного Петром.

Шевырёв проецирует процесс петровского преобразования страны на её литературное развитие, в результате которого заявляет о себе проблема народности. Писатель видит несовместимость введённых Петром европейских начал с национальными основами русской культуры, и в частности поэзии: «В преобразовании Петровом необходимо должно было заключаться противодействие элементу народному, вот почему оно, приготавливая с одной стороны условия для будущего развития словесности, само в себе не могло благоприятствовать современному её развитию». Как писатель и филолог Шевырёв понимает, что преобразования в области литературы коснулись в первую очередь языка, пострадавшего от европейских нововведений: «...никогда, ни в какое время нашей словесности, язык Русский не представлял таких насильственных форм искажения, как в первой четверти XVIII века». Именно в языке, «нашем существенном признаке», выразилось «искажение физиономии народной»².

«Возникла словесность русская и подала народу голос новый, заговорила его языком, но языком образованным, чудным, великолепным», по Шевырёву, после эпохи Елизаветы, когда «следы быстрого преобразования стали изглаживаться», «формы европейского общежития в поколениях новых начали уже сливаться с народной жизнью»³. Основателем языка литературы нового периода стал М.В. Ломоносов.

В развитии литературы XVIII века Шевырёв объясняет то, как она, несмотря на подражание иноземным образцам, «выражала потребности нашей жизни и отвечала чувствам народным». Он считает, что «литература не может быть без чувства жизни» и что «во всяком писателе» «сквозь все заимствованные формы, сквозь всё возможное подража-

---

¹ Шевырёв С. Общее обозрение... С. 32.

² Там же. С. 34.

³ Там же. С. 35.

ние, непременно пробьётся струя народной жизни и скажется что-то своё, чему отзовётся его отечество». С Карамзина начинается «период устройства блестящих художественных форм», объемлющий творчество Дмитриева, Крылова, Жуковского, Батюшкова, Пушкина, в котором «все следы быстрого преобразования изгладились и перешли в стройное развитие»¹. Перечисленные процессы литературные Шевырёв воспринимает как органичные.

Он уверен, что «мы, несмотря на все влияния иноземные, представим правильное раскрытие тех залогов и надежд, которые посеял у нас Пётр Великий». Принимая петровские преобразования в культуре, Шевырёв хочет верить, что в современной ему России возможно согласить «формы нового европейского образования со стихией нашей древней русской жизни, возобновить все её заветные предания, воскресить перед собою дух наших предков и дать ему тип образованный»².

В 1838 году Шевырёв едет за границу в командировку с «учёной целью»: «усовершенствование в древней филологии и Истории изящных искусств»³. Он слушает лекции в Мюнхене, Берлине, Лондоне, Париже, встречается с учёными и общественными деятелями, знакомится с западной системой образования для народа, посещает музеи, театры, библиотеки. И снова, как в молодости, ведёт подробный дневник, который до настоящего времени не опубликован и хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. Главная тенденция дневника — проявление крепнущего в Шевырёве религиозного мировоззрения, что отражается в записях: в категоричном отрицании Гегеля, склоняющегося к материализму, в отношении к современной философии, которая обязательно должна быть связана с религией, о чём Шевырёв ведёт разговоры с Шеллингом, Ботенем, Баадером, вызывающим живой интерес своими высказываниями о значении религии в искусстве и эстетике и об особой исторической роли, которая предстоит России в будущем.

Впечатления от Парижа с частыми волнениями «синих блуз»⁴, где «свобода... разрушает все связи общества», приводят Шевырёва к выводам о самой главной проблеме Франции: об отсутствии религии в

¹ Там же. С. 36, 39, 40.

² Там же. С. 40.

³ Шевырёв Степан Петрович // Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета. Ч. II. М., 1855. С. 616.

⁴ Дневник С.П. Шевырёва 1838—1840 гг. // ОР РНБ. Ф. 850, ед. хр. 19, л. 32.

жизни её сограждан, о «недостатке совершенном религии в воспитании народа»¹ — и ещё больше укрепляют его в его религиозном направлении, что выражается в противопоставлении православной России секуляризованной Европе.

Записи в дневнике постоянно обращаются к наукам, особенно философии и эстетике, которые обязательно должны быть связаны с религией. Например, в проекте «истории человечества с христианской точки зрения» можно прочесть: «...если мы взглянем на людей величайших, на гениев мира, — во всяком находим слабую сторону, доступную порицания. Возьмите Петра, Наполеона, Карла XII, Юлия Цезаря, Александра Македонского. Всякой из них был предметом справедливого удивления и столько же справедливого порицания. <...> Кто же совершен? Против кого нет слова? В ком нет пяты Ахиллесовой? — Только в одном, во Христе распятом»². Дневниковая запись 1839 года свидетельствует о том, что Шевырёв расстается с мыслью о сакрализации Петра I³. Он относится к нему теперь как любому другому великому человеку, «гению мира»⁴, хотя божественное начало, по мнению учёного, остаётся в самой «идее царя на земле»⁵.

Он считает, что «милость есть христианское начало в государях», что «милость выше правосудия». Шевырёв критически относится к государственному правосудию: «В формах закона не трудно обвинить невинного и оправдать злодея»⁶. Восстановить правосудие, по Шевырёву, способна «личность человеческая властью Божией, олицетворяемая в Царе»⁷. В таких рассуждениях Шевырёв близок Пушкину («Пир Петра Первого» и «Капитанская дочка»).

Возвратившийся в 1841 году в Россию Шевырёв — настоящий славянофил, со страниц «Москвитянина» заявивший о проблеме Россия — Европа, о «гниющем Западе» и о России с её особым историческим

---

¹ ОР РНБ. Ф. 850, ед. хр. 19, л. 43.

² Там же. Л. 132—132 об.

³ В России сакрализация Петра продлилась до 1830-х. См.: *Живов В.М., Успенский Б.А.* Царь и Бог : Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 135.

⁴ Ср. с противоположной Шевырёву точкой зрения А.В. Никитенко в «Похвальном слове Петру Великому императору и самодержцу всероссийскому отцу отечества» (1838). См.: *Семёнова Н.В.* Идея империи в России XVIII — начала XIX века: образ Петра I // Русская литература. 2011. № 4. С. 141.

⁵ ОР РНБ. Ф. 850, ед. хр. 19, л. 107.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 107—107 об.

предназначением, в которое верили европейские философы Шеллинг и Баадер.

Журнал «Москвитянин», где Шевырѣв — главный критик и публицист, начинается под знаком Петра Великого. Обширная статья его издателя и верного друга Шевырѣва М.П. Погодина под названием «Пётр Великий» опубликована в первом номере. Погодин говорит о деятельности первого русского императора как наиважнейшей и основополагающей для своего отечества: «Нынешняя Россия, то есть Россия Европейская — дипломатическая, политическая, военная, Россия коммерческая, мануфактурная, Россия школьная, литературная — есть произведение Петра Великого»¹. «Историк, — читаем в современном исследовании, — не отрицая жестокости, с которой Пётр I (во многом в силу своего темперамента и обстоятельств) совершил «переворот государственный, революционный», считает, что все его реформы «были необходимы по естественному ходу вещей в самой России...»²

Таким восприятием Петра I Погодин, издатель славянофильского журнала, напоминает западника. Равно как и Шевырѣв, который в статьях «Москвитянина» вторит Погодину о необходимости преобразований в области науки и культуры, совершённых Петром, сообщившим им общественный характер. В статье «Взгляд на современное направление русской литературы. Статья первая. Сторона чёрная» Шевырѣв говорит о благотворных преобразованиях Петра в культуре России «для развития литературы общественной»³, подчёркивает его роль в движении литературы из прежнего древнерусского периода в современность.

Эту же мысль Шевырѣв повторял неоднократно в других критических статьях обзорного характера, когда говорил о начале европейского периода русской литературы. Одновременно с этим живёт в сознании Шевырѣва в эпоху «Москвитянина» и любимая мысль о Петре Великом как олицетворении русского национального характера.

Например, обращаясь к первому тому гоголевской поэмы, он утверждает, что, «клеямя меткой иронией всё безобразие низкой действительности», писатель поступает как русский, «одна из прекрасных, Христианских сторон» которого «есть всегдашняя готовность сознавать открыто

---

¹ Москвитянин. № 1. С. 3. См. подробный анализ статьи Погодина в кн.: Павленко Н.И. Михаил Погодин. М., 2003. С. 129—137.

² Шириняц А.А., Рясенцев К.В. Михаил Петрович Погодин // Погодин М.П. Избранные труды. М., 2010. С. 23.

³ Москвитянин. 1842. № 1. С. VII.

свои народные недостатки...» Как славянофильский публицист в «Москвитяине» он апеллирует к читателю: «Сознайте народные пороки, узнайте недостатки Отечества, трудитесь денно и нощно затем, чтобы их уничтожить; но признайте с тем вместе внутреннее, неизменное, Богом и Христом Его данное и освященное существо русского человека. Так действовал и Пётр: тем и велик он, что осознавал недостатки своего народа, но с тем вместе питал и веру в славное его грядущее»¹.

В восприятии Петра у Шевырёва много сходства с западником Белинским, например, в восторженной оценке исторического значения петровских преобразований. Белинский пишет: «Имя Петра Великого должно быть нравственною точкою, в которой должны сосредоточиться все чувства, все убеждения, все надежды, гордость, благоговение и обожание всех русских: Пётр Великий — не только творец бывшего и настоящего величия России, но и навсегда останется путеводною звездою русского народа, благодаря которой Россия будет всегда идти своею настоящею дорогою к высокой цели нравственного, человеческого и политического совершенства»². Подобно Шевырёву, Белинский идеализирует Петра Великого, потому что воспринимает его как выразителя великой исторической идеи России, что было особенно дорого и Шевырёву, осознавшему свою «русскую идею» как исходящую от Петра.

Сближает западника Белинского и Шевырёва то, что оба порой видят в Петре культурного героя: обожествляют его, отмечают в нём близость с мифообразами, хотя анализируют его деяния как свершения исторической личности. По словам Шевырёва, Пётр «представляет большое сходство с героями и полубогами древней Греции. Это — русский Гераклес, или Язон»³. Белинский: «Мы, русские, имели своего Ахилла, который есть неопровержимо историческое лицо». Белинский, подобно Шевырёву, считает Петра «полным выражением русского духа»⁴.

Но при внешней близости восприятия Петра западником Белинским и славянофилом Шевырёвым, для первого он олицетворение русской государственности, для второго олицетворение русского человека, русского национального характера, объяснение которого он искал в истории русской словесности. Цель «Истории русской словесности» Шевырёва

¹ Москвитянин. 1843. № 1. С. 285.

² Белинский В.Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья пятая // Белинский В.Г. Собр. соч. : в 9 т. Т. 6. М., 1981. С. 289—290.

³ Шевырёв С. Итальянские впечатления. С. 112.

⁴ Белинский В.Г. Сочинения Александра Пушкина. С. 40.

особая: «видеть в слове Русском Русского человека», другими словами, «раскрыть душу Русского человека в истории его слова»¹.

В истории русской словесности Шевырѣв выделяет три периода её развития: «божественный», «лично-человеческий» и «народный». Он считает, что с Петра начинается период «лично-человеческий», потому что он стоит «...во главе нового. В его характере и действиях мы видим зародыши того, что развилось позднее. ...Содержание его сочинений относится к его жизни военной и государственной, но в них важен для нас русский слог, в котором ярко выражается Петрова личность»².

«В «Истории русской словесности»... осмысляя специфику западного и славянофильского понимания личности, Шевырѣв предпринимал сопоставление образа Ильи с Сидом Кампеадором, позволившее ему выйти к противопоставлению понимания личности западным («личность как личность») и русским («личность как орудие служения миру») сознанием»³. Идеал учёного не своевольный князь Игорь, а Дмитрий Донской — личность, «облекающая личную волю в оружие Веры, покорности промыслу и в самоотвержение», которое Шевырѣв называет «великой чертой» русских витязей⁴ и которое составляет в древней Руси вообще основу личности русского человека, воспитанного на совершенно особых памятниках. «На этих книгах основано религиозно-нравственное могущество России, без которого ни реформа Петрова, ни все, за нею последовавшие и вновь ожидаемые, не имели бы своего правильного и прочного развития»⁵, — уверен Шевырѣв. Он считает, что «бездну между древней и новой жизнью» русского человека способна преодолеть история древней словесности с глубоким духовным содержанием, с создателями и носителями этого содержания. И Пётр I — первая личность, которая преодолевает разлом русской жизни.

Об этом же Шевырѣв говорит в лекциях о русской словесности, которые в 1862 году он читает в Париже. Пётр — исторический герой, национальный характер, достойный подражания. С ним связано смысловое ядро «русской идеи»: Пётр «велик, когда свободу личности соединяет с древним ея самоотвержением и вырабатывает из нея сосуд на пользу и благо отечеству». Шевырѣв считает: духовный код русско-

¹ Шевырѣв С. История русской словесности. Ч. 1—2. М., 1859. С. 11, 14.

² Там же. С. 37.

³ Бознак О.А. Литературная деятельность С.П. Шевырѣва 1840—1850-х годов. Автореф. дисс. на учён. степ. соиск. канд. филол. наук. СПб., 2004. С. 16.

⁴ Шевырѣв С. История русской словесности. С. 267.

⁵ Там же. С. XI.

го человека, сформировавшийся в древней Руси, — залог могущества новой России, что доказала личность Петра. Учёный осознает сложность положения Петра, стоящего «на границе двух периодов», когда он «представляет образ двойственного Януса»¹, обнаруживающийся в двойственности преобразований и действий, например, в области религии, общественной и государственной жизни.

«В деле русского языка и словесности» Пётр слишком увлекался языками иностранными и «даже имя своё переменял на голландское», но при этом «является у нас первым писателем, в языке которого сильно выступает русская стихия». Особенно восхищает Шевырёва «живая устная речь Петра», которая «слышна под пером его». Для Шевырёва Пётр — «первый русский писатель со своим оригинальным слогом, в котором сказывается его характер и личность». Преобразования Петра способствовали «развитию светской литературы», которая отразила «развитие личности русского человека»².

Шевырёв старается исчерпать неисчерпаемый мир личности Петра, его замечательную «многосторонность, откуда и великая сила русского ума, и великий недостаток». Он стремится беспристрастно сказать о «слабой стороне Петрова дела». Недостатки «Петрова дела» оказываются, по Шевырёву, следствием страстей: его «пристрастие ко всем внешним формам западного европейского общества», «страсть к бесконечным преобразованиям»³ и так далее.

В конце своей жизни Шевырёв объясняет Петра как русского человека, в великом деле которого побеждает «самоотвержение», которое сформировалось в человеке Древней Руси. «Самоотвержение» же идёт от традиции «внутреннего делания». По Шевырёву, оно должно стать нравственным стержнем в жизни современного человека.

Таким образом, отношение Шевырёва к Петру менялось на протяжении трёх десятилетий. Он начинал с обожествления Петра как культурного реформатора, а завершил подробным анализом действий первого русского императора в области государственности, религии, культуры. В начале 1860-х годов Шевырёв видел в Петре I пограничную личность, и разделившую, и соединившую две эпохи русской жизни.

---

¹ Лекции о русской литературе, читанные в 1862 году в Париже С.П. Шевырёвым. СПб., 1884. С. 124, 114.

² Там же. С. 116, 117, 118.

³ Там же. С. 119, 123.

КОЛЛИЗИЯ «ПОЭТ И ЦАРЬ» В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ А.Н. ЯХОНТОВА

Коллизия «Поэт и Царь» присутствует в произведениях А.Н. Яхонтова как обязательный для его воззрений и литературной системы, постоянный компонент, причём состав данного компонента предполагает условное соединение не совместимых по сути, разноприродных ипостасей. Такого рода контаминации позволяют видеть в Яхонтове выразителя просветительских тенденций XVIII века и эпохи Александра I, когда, по мысли исследователя, допускалось, что «верховная власть может в определённые моменты стать носительницей народного суверенитета»¹. То, что пропагандируемый «верховой властью» «дух договорённости»² в процессе жизни не означал наличия скрепляющего сферы теории и практики общего языка, для просветителей, подобных Яхонтову, не имело принципиального значения. Двуязычие, о котором писал Ю.М. Лотман, подразумевая зазор между *идеологическим* словом, направленным на создание образа идеального правления, и областью *повседневной*, «как бы не существующей» «с позиции теоретического сознания»³, для Яхонтова, представителя сходного типа воззрений, приобрело характер непреложности.

Сталкиваясь с проявлениями такого двуязычия в житейской практике, Яхонтов мог изливать свои чувства в социальной сатире, как, например, в памфлете «К моему Станиславу», написанном по случаю его несправедливой отставки:

Болтался ты поверх камзола
И никого не удивил:

---

¹ Лотман Ю.М. В толпе родственников (О книге Георгия Шторма «Потаённый Радищев»). Вторая жизнь «Путешествия из Петербурга в Москву» // Лотман Ю.М. О русской литературе. Статьи и исследования (1958—1993). СПб., 1997. С. 264.

² Лотман Ю.М. «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 31.

³ Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни // Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре : Быт и традиции русского дворянства XVIII — начала XIX века. СПб., 1994. С. 335.

Из слуг российского престола
Кто власть тебя не *поносил*?¹

Однако, выстраивая свою иерархию эстетических и моральных ценностей, он неуклонно следовал традиции: сфера «практическая» действительно оказывалась «как бы не существующей», полностью подчиняясь идеологии, которой заведомо отводилось приоритетное место.

В силу вступали уже не начала художественного творчества, а законы риторического дискурса. Апелляция к материалу собственной биографии и биографий современников, к событиям исторической и повседневной жизни, имеющим злободневный интерес, — допускалась и оценивалась лишь в границах положенного ей статуса в контексте программного идеологического свойства. Нам известен лишь один опыт Яхонтова, касающийся, что примечательно, коллизии «Поэт и Царь», где статус фактов царствования Николая I и его смерти, послужившей поводом для стихотворной эпитафии, остался неопределённым. Это придало стихотворению «Народное горе» двусмысленность, которую чутко подметила внучка поэта, А.Н. Высоцкая-Яхонтова: «И вот мне сразу показалось, что понимать его (стихотворение. — *Н.В.*) надо наоборот. Зная от отца, что дедушка ненавидел этого царя — своего современника, — я подумала, что настоящие его чувства были совершенно противоположными, но нельзя же было их показать. <...> И вот он, вспомнив приёмы Крылова — изображать людей иносказательно, сатиру Салтыкова — изобразил особенно ярко горе подданных, чтобы этим заставить их задуматься: стоит ли царь-палач — «Николай Палкин» (как А.Н. называл в своей семье царя) такого горя угнетавшихся им людей?»²

Речь идёт о строках, где бросается в глаза избыток вопросительных и восклицательных конструкций:

Страшная весть долетела до слуха!
Люди и ветер её разнесли:
Царь — воплощенье могучего духа,
Бог полумира — добыча земли!

---

¹ Рукописный отдел Института русской литературы РАН (Пушкинского Дома). Ф. 265, оп. 2, № 3236, л. 1—2. Архив журнала «Русская старина».

² Письмо А.Н. Яхонтовой-Высоцкой Л.А. Творогову от 9 февр. 1968 г. // ПГИАХМЗ. ОР и РК. Ф. 147 (Высоцкая А.Н.) ОФ 16340 (119).

Верно ли, люди?! ...ужели свершилось...
Вечная память! ...ужели по нём?! ...
Как! Пред его венценосным челом
Смерть неизбежная в прах не склонилась?!¹

Если предположить наличие указанного А.Н. Яхонтовой-Высоцкой пародийного подтекста, то следует признать, что в немалой степени он поглощён традиционной для данного случая риторической апологетикой. В немалой — но, по-видимому, не абсолютной, что в итоге провоцирует эффект расслоения, двух текстов в одном, не порождающих, как того требует жанр пародии, третьего, качественно нового текста.

Но, как правило, Яхонтов лишь подкреплял известными ему фактами постулаты, создающие представление об идеале монаршей власти, независимо от личности монарха и самостоятельной значимости фактов, привлекаемых им в качестве наглядной иллюстрации. Соответственно, в одной идеологической и литературной плоскости оказываются Пётр I, Екатерина II, Александр I, Александр II.

Идеализация монарха — как одна из основных констант, присущих просветительскому сознанию, — отличает ряд аспектов, лично важных для Яхонтова: в темах Лицея, Отечественной войны 1812 года, воспитания гражданина, развития национального образования, значения Петербурга для России, проведения в жизнь реформ царя-освободителя и так далее. Обусловленный такой позицией тип изображения неизбежно вёл к стереотипизации, выражающей, с одной стороны, общезначимость представленного образа, а с другой — его заранее оговорённую условность — в историческом, биографическом и иных конкретных ракурсах. Привлекаемые в этом случае реалии, почерпнутые из жизни, установку на реалистическую достоверность в значительной степени утрачивали. Как замечает по поводу данной закономерности И.В. Немировский, «примат биографического над литературным оказывается возможным не в результате ослабления литературного плана, а вследствие усиления условности (литературности) плана биографического»².

С точки зрения формирования «теоретического» пласта в показе царственных особ особенно ценным подспорьем для Яхонтова стала

---

¹ Рукопись. Стихотворения А. Яхонтова. № 2 // ПГИАХМЗ. ОР и РК. Ф. 881 (Яхонтов А.Н.) ОФ 16333 (13).

² Немировский И.В. Творчество Пушкина и проблема публичного поведения поэта. СПб., 2003. С. 67.

поэзия Пушкина, возведённая им в ранг эстетической и этической универсалии, кодекса «общих мест».

Так, в посвящённом Лицею стихотворении «Genio loci» (1849, вторая редакция — 1884) тема Поэта подразумевает одновременно и Пушкина, и самого Яхонтова, выпускника Лицея 1838 года. Данное «отождествление» переадресует читателя к пушкинской элегии «19 октября» (1825), откуда взят эпиграф. В стихотворении Пушкина коллизия «Поэт и Царь» выражена формулой:

Он взял Париж, он основал Лицей.
(II, 428).

Тип сопряжения поступков венценосной личности и судеб частных людей, в том числе и тех, кто был возвращён «под сенью дружных муз» (II, 425), особенно близок Яхонтову, о чём свидетельствует изменённая впоследствии редакция «Genio loci» с пометой «Царское село»:

Таинственный и благодатный гений
Прекрасных мест, где был взлелеян я.
Где память ранних сердца впечатлений,
И где вторая родина моя.
Тех мест, где Александр Благословенный
В чертогах Царских юношей хранил
И где Его питомец вдохновенный¹
В себе зарю бессмертия носил...²

Таким образом, функцией «хранителя» «прекрасных мест» первоначально наделялся Александр I, в то время как в позднейшей редакции эта миссия соотносилась только с Поэтом. Интересно, что в опубликованных за два года до смерти «Воспоминаниях царскосельского лицеиста» Яхонтов вообще уходит от прямой и однозначной трактовки надписи, которую он видел «на памятнике, в ограде прежнего, Царскосельского Лицея» (примечание к стихотворению «Genio loci» в редакции, помещённой в сборнике 1884 года³): «Мы думали сначала, что она положена здесь в память Пушкина, но нам объясни-

¹ А.С. Пушкин, кончивший курс в 1817 году (прим. А.Н. Яхонтова).

² Рукопись. Стихотворения А. Яхонтова. № 1 // ПГИАХМЗ. ОР и РК. Ф. 881 (Яхонтов А.Н.) ОФ 16333 (12).

³ Стихотворения Александра Яхонтова. СПб., 1884. С. 7.

ли потом, что надпись говорит о безыменном, таинственном гении места...»¹

Между тем Яхонтов, очевидно, не мог не знать ещё недавней — сравнительно с временем его поступления в Лицей в 1832 году — истории «гранитной плиты» и надписи на ней, не окружённых ореолом поэтической легенды. На фактическую сторону этих меморий указывает А.И. Тургенев в письме П.А. Вяземскому из Царского Села от 5 августа 1819 года: «Всё в порядке, и всё на своём месте, и никто не приносит себя в жертву *genio loci*. Так сделано посвящение дернового памятника, украшенного бюстом государя в лицейском (будущем) саду...»² Можно предположить, что именно это обстоятельство повлияло на формирование образного ряда ранней редакции, где определяющая роль Александра I была обозначена во вступительной части. Яхонтов мог знать и о том, что впоследствии (очевидно, при пожаре 1820 года) бюст монарха был бесследно утрачен.

Представляется, что коллизию, в формировании которой участвуют «Поэт и Царь», подкреплял и мотив *начала*, близкий Пушкину и Яхонтову в биографическом смысле, объединявший их духом надежд на торжество Просвещения, не потерявшим актуальности и в эпоху Яхонтова:

Дней Александровых прекрасное начало.

(II, 270)

В 1849 году Яхонтов мог ещё не знать «Послания цензору», откуда взята приведённая строка, хотя стихотворение Пушкина в годы его молодости распространялось в списках. В дальнейшем же, с выходом в свет собрания сочинений поэта в издании П.В. Анненкова (т. VII, 1857), он уже, очевидно, прочёл и «переусвоил» всеобъемлющую пушкинскую формулу. В наибольшей мере это сказалось на стилистике и тоне прозаического сочинения Яхонтова — «Царствование императора Александра Первого Благословенного» (1890).

Сама по себе идея «прекрасного начала» противостояла «мраку» настоящего, который ощущал Яхонтов и который он прочувствовал особенно остро после убийства Александра II:

¹ Яхонтов А.Н. Воспоминания царскосельского лицеиста. 1832—1838 // Русская старина. 1888. Т. LX. № 10. С. 105.

² Цит. по: Александр Иванович Тургенев о поездке в Царское Село [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tsarselo.ru/content/0/read2505.html>.

Куда идти? Куда идти?
Назад? — там мрак и запустенье,
Вперёд ли? — немощ и сомненье
И страшный призрак на пути.

О Боже сил! Куда идти?
Услыши этот крик мученья,
Пошли хоть миг ясновиденья
И немощ нашу посети!

(«1881»)¹

В аналогичной функции в своё время выступило «Послание цензору». «В 1822 году в стихотворении, не предназначенном для печати и свободном от оглядки на цензуру... — писал о нём Ю.М. Лотман, — П (Пушкин. — *Н.В.*) наметил такую концепцию царствования Александра I: мрачному периоду господства Аракчеева и мракобесия Магницкого противостоит

Дней Александровых прекрасное начало...»²

Перечисляя в прозаическом сочинении созданные в «первой половине царствования императора Александра» многочисленные «заведения для народного и высшего образования», Яхонтов называет и Царскосельский лицей, делая примечание в сноске: «В котором воспитывался наш знаменитый поэт Пушкин»³.

Темы Лицея и «взятия» русским царём Парижа соединялись и в позднем стихотворении Пушкина «Была пора: наш праздник молодой...» (1836), по-видимому, также известном Яхонтову, описавшему въезд победителей — Александра и русской гвардии — в Париж 19 марта 1814 года.

В том же году, что и «Genio loci», было написано стихотворение «Зима», а годом раньше — «Памятнику Петра Великого», где главенствует тема укрощённой стихии, восходящая к поэзии Ломоносова и Пушкина. Многозначность образа «гневной» Невы распространяется и на

¹ Стихотворения Александра Яхонтова. С. 241.

² Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий // Лотман Ю.М. Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки. 1960—1990. «Евгений Онегин». Комментарий. СПб., 1995. С. 747.

³ Яхонтов А.Н. Царствование императора Александра Первого Благоговенного. Составил А.Н. Яхонтов. СПб., 1890. С. 9.

смысл деяний Петра, и на мощь патриотического духа, способного дать отпор «врагу кичливому»¹ в пору Крымской войны («Русские в 1854 году»). Вместе с тем, в связи с темой упований Поэта на «законность» и милосердие власти, образ Невы переходит в иную плоскость, проецируясь на контекст тех пушкинских сочинений («Герой», «Медный всадник»), где «мечтания» (Л.С. Сидяков) вступают в диалог с объективностью истины.

В противовес Неве, о которой в стихотворении «Зима» сказано:

Неукротим ея разгул,
Закона нет ея порыву!² —

Александр I в прозаическом сочинении, наблюдая наводнение 1824 года, признаёт подчинённость царей Божьей воле, высшему закону. В глазах Яхонтова слова монарха, сказанные в роковую минуту, несомненно, важнее даже его военных побед, о которых в издании для народного чтения сказано бегло, со ссылкой на их описание в другом сочинении автора — «Народная война 1812 года»³.

Яхонтов приводит большой фрагмент из поэмы «Медный всадник», акцентируя важность момента, подлежащего как исторической⁴, так и идеологической интерпретациям:

...На балкон
Печален, смутен вышел он,
И молвил: «с Божией стихией
Царям не совладать». Он сел
И в думе скорбными очами
На злое бедствие глядел⁵, —

и дополняет пушкинский текст другими примерами человеколюбия царя, сопровождая их обширными собственными комментариями.

¹ Рукопись. Стихотворения А. Яхонтова. № 1 // ПГИАХМЗ. ОР и РК. Ф. 881 (Яхонтов А.Н.). ОФ 16333 (12).

² Светлый путь. 1966. 25 сентября. Публикация Л.А. Творогова.

³ Яхонтов А.Н. Царствование императора Александра Первого Благословенного. С. 28.

⁴ В.Э. Вацуро указывает, что реплика монарха в поэме Пушкина воспроизводится с опорой на личное свидетельство Н.М. Карамзина (*Вацуро В.Э.* Пушкин и проблема бытописания в начале 30-х годов // Пушкин. Исследования и материалы. Т. VI. Л., 1969. С. 167—168).

⁵ Яхонтов А.Н. Царствование императора Александра Первого Благословенного. С. 41.

Яхонтов ссылается не на «Наказ» Екатерины II, как это делает Пушкин в «Послании цензору» (II, 269), а цитирует другое её сочинение, более соответствующее задачам Постоянной Комиссии по устройству народных чтений и близкое детской аудитории, — «Бабушкину азбуку», составленную ею для обучения великих князей Александра и Константина. Оттуда Яхонтов берёт положения, на его взгляд, наиболее полно и глубоко усвоенные будущим императором, правила «любви к человечеству», «добра и правды»: «Пред Богом все равны. Если увидишь благодарного, знай, что он делает худо, но не переставай делать добро. В великом сердце мщение держится недолго, как вода на покатоности горы. Свобода есть право делать всё то, что законы дозволяют»¹. Сквозная мысль книги: о первостепенной значимости человеколюбия в личности правителя — закономерно приводит Яхонтова к пророческим стихам Г.Р. Державина «На рождение в Севере порфирородного отрока» (1779). Яхонтов выписывает фрагмент оды, завершая его наиболее ценной для себя мыслью:

«Будь страстей твоих владетель,
Будь на троне — человек!»²

Предречённое поэтом XVIII века представляется позднейшему создателю жизнеописания монарха фактом свершившимся. Убеждённость в этом существует отдельно от истины исторической, являя условность, в которой не ложь, а «возвышающий обман». Не случайно державинские строки вызывают ассоциации с черновыми редакциями шестой главы «Онегина» («Герой! Будь прежде человек»; VI, 411), со стихотворением Пушкина «Герой»: («Оставь герою сердце! Что же / Он будет без него? Тиран...»); III, 253). Мысль Л.С. Сидякова по поводу «сложного содержания» данного стихотворения отчасти способствует пониманию установок Яхонтова-биографа и оснований его литературно-творческой позиции: «Столкновение «низкой истины» «историка строгого» с высокой правдой поэтических мечтаний предстаёт как эстетическая проблема истинности искусства»³.

---

¹ Яхонтов А.Н. Царствование императора Александра Первого. Благословенного. С. 3—4.

² Там же. С. 10.

³ Сидяков Л.С. К интерпретации стихотворения Пушкина «Герой» // Болдинские чтения. Нижний Новгород, 1993. С. 107, 113.

В обращениях Яхонтова к личностям российских государей ярче, чем посредством другой тематики, уясняется присущая его сочинениям концепция «высокого» в искусстве. Идеологическая риторика просветительского толка смыкается с эстетической поэтизацией объекта в сфере словесности. С точки зрения Яхонтова, именно Поэту суждено быть своего рода «предсказателем»¹ и биографом, наставником и «сочувственником» относительно носителей высшей власти. Отражающие это коллизии, заключая условность, выступают средоточием непреходящих истин, как бы воспаряя над явлениями в бытийном смысле ничтожными и несущественными. Из таких коллизий вытекает правда «служителей просвещения», принадлежащих поколению Яхонтова: вместе с ним, автором патриотического стихотворения «19 февраля» (1886), они могли бы сказать о государственных преобразованиях, вызванных реформой 1861 года:

Великий день! Минуло четверть века,
Как на Руси, без смуты и борьбы,
По манию Царя и *человека*,
К свободе, к жизни призваны рабы².

---

¹ Яхонтов А.Н. Царствование императора Александра Первого Благословенного. С. 10

² Цит. по: Русская старина. 1886. Т. XLIX. № 2 (февраль). С. 321.

ЛИЦЕИСТ. ПОЭТ. ВОИН
Князь Олег Константинович Романов.
Страницы биографии

Он, безусловно, был отмечен печатью исключительности.

Открытый, доверительный, добросердечный и одновременно — пытливый, внимательный взгляд; поэтичность, мечтательность натуры и редкая требовательность, прежде всего, к себе; целеустремлённость и напористость в достижении поставленной цели; совестливость, честность, высокое понимание долга и ответственность в его выполнении сочетались в его натуре и светлом облике. Но и не только это.

Исключительны его происхождение и его судьба.

Князь императорской крови Олег Константинович Романов (1892—1914). Его жизненный путь, закончившийся военным подвигом и смертью от боевых ран, полученных в сражении с врагами Отечества в первый год Великой (Первой мировой) войны, насчитывает всего 22 года. Он беззаветно любил Родину, его судьба — честное тому свидетельство.

Князь Олег родился 15 (28) ноября 1892 года в Санкт-Петербурге, в Мраморном дворце. Он был сыном великого князя Константина Константиновича и великой княгини Елизаветы Маврикиевны. Отец — внук императора Николая I, президент Императорской Академии наук, Главный начальник военных учебных заведений, известный поэт, писавший под криптонимом «К.Р.».

С детских лет в нём отмечали впечатлительность и любознательность, а в играх — кипучую энергию, страстность и инициативу. Из этих качеств будет складываться характер взрослеющего ребёнка, затем юноши. К этому прибавляется рано проявившиеся глубокая вдумчивость, склонность к размышлениям. Он был окружён заботой и вниманием близких, воспитателей и учителей.

С 1899 года учебные занятия князя проходили под наблюдением академика А.С. Лаппо-Данилевского. Занятия увлекали мальчика; равный интерес вызывали науки естественные, точные и гуманитарные; физическая и творческая подготовка.

Жизнь Олега в ранние детские годы проходила в Петербурге и Стрельне, позднее — в Павловске. В Мраморном дворце князь Олег с

1900 года (с восьми лет!) с разрешения своих родителей присутствует на «литературных четвергах». Во время этих еженедельных чтений уже в детские годы князь Олег познакомился с произведениями Пушкина, Гоголя, Льва Толстого, Тургенева, Аксакова, Гаршина, А.К. Толстого, Короленко и других русских классиков. Дети Константина Константиновича ожидали «четверги» как «любимое лакомство». Безусловно, они зародили у Олега любовь к литературе.

Впечатления от литературных произведений на первых порах были важнейшим источником всех жизненных впечатлений самого Олега, его братьев и сестёр. (В значительной степени закрытая жизнь великокняжеского дома ограничивала получение полного спектра непосредственных жизненных впечатлений.) Позднее их они черпали во время путешествий. Первая заграничная поездка князя Олега и его братьев произошла в 1899 году — Швейцария, Франция, Германия.

В 1901 году Олега впервые вывозят в настоящую русскую деревню, в глубинку, в Калужскую губернию, где «он был бесконечно счастлив». Он имел возможность «воспринять всю красоту и поэзию вступающей во все свои права радостной весны, с роскошным ковром благоухающих цветов, с массой до тех пор ему неизвестных птиц; он видел лето с сенокосом на лугах, жатву и посев озимей, видел и дивную золотую осень с носящимися в прозрачном воздухе паутинами, с отлетающими «в тёплый край, за сине море» журавлями. Это первое лето, проведённое им в русской деревне, в сердце России, в Калужской губернии, в живописной местности на берегу Жиздры, в трёх верстах от Оптиной пустыни, полной живых воспоминаний о только недавно скончавшемся старце Амвросии, и в шести-восьми верстах от созданного этим старцем женского Шамординского монастыря, в котором он и скончался, наложило, несомненно, глубокий отпечаток на вкусы и характер Олега Константиновича и вложило в его юную впечатлительную душу ту поэтическую любовь к родине во всех её проявлениях, которою он с годами всё более и более проникался...»¹ — вспоминала воспитательница князя Т.В. Олсуфьева.

Лето 1902 года проходило в Павловске в привычной семейной обстановке. Но уже 15 (28) ноября Олег, которому едва исполнилось десять лет, начинает готовиться к поступлению в Полоцкий кадетский корпус. Его отец, Главный начальник военно-учебных заведений, получив известие о сдаче сыном экзамена, радостно телеграфировал в

¹ Князь Олегъ. Пг., 1915. С. 13.

Полоцк: «Сегодня Олег выдержал экзамен и поступил в первый класс Полоцкого кадетского корпуса. Прошу полочан считать мальчика своим. Константин»¹. В творчестве К.Р. (Константина Константиновича) появилось стихотворение

Хоть мальчик ты, но сердцем сознавая
Родство с великой воинской семьёй,
Гордился ей принадлежать душой.
Ты не один: орлиная вы стая.

Настанет день, и, крылья расправляя,
Счастливые пожертвовать собой,
Вы ринетесь отважно в смертный бой,
Завидна смерть за честь родного края!²

Зачисленный в Полоцкий кадетский корпус, князь Олег, живший в Петербурге и Павловске, проходил реальный курс обучения в Александровском кадетском корпусе в Санкт-Петербурге.

Начавшаяся в январе 1904 года Русско-японская война взволновала 11-летнего мальчика. «Страшно хочется на войну. Если будет сражение при Кронштадте, я думаю, что я пойду... Если будет время такое, как при Севастополе, всех возьмут...» — писал он в своём «Дневнике»³. Но начавшиеся военные неудачи России словно встряхнули князя Олега. В «Дневник» он заносит уже совершенно иные мысли и суждения: «О, как я был глуп, когда был рад войне! Сколько осталось осиротелых семейств...»⁴ Юный князь отправляет на фронт посылки и бывает несказанно рад, когда получает ответные письма.

20 июля 1904 года князь Олег вновь в настоящей русской деревне. Теперь уже в Осташёве, имении в Волоколамском уезде Московской губернии, за год до того приобретённом отцом, Константином Константиновичем. Здесь он продолжает знакомство с укладом русской сельской жизни, существованию которой к этому моменту историей было отпущено лишь десятилетие. Из Осташёва он пишет своей матери, великой княгине Елизавете Маврикиевне: «...Время проводим здесь очень весело: гребём, косим и возим сено. Познакомились со многими крестьяна-

---

¹ Князь Олегъ. С. 21.

² К.Р. Солдатские сонеты. Кадету (VI) // К.Р. Избранное. М., 1991. С. 158.

³ Князь Олегъ. С. 32.

⁴ Там же. С. 33.

ми и крестьянками»¹. В его жизнь вошёл мир природы средней полосы России, но идиллическое пребывание в деревне длилось недолго.

9 августа князь Олег с братьями выехал в Петербург, чтобы присутствовать при крестинах наследника Российского престола, царевича Алексея. По настоянию врачей дальнейший летний отдых в Осташёве был заменён на поездку в Крым, в Ливадию. Проживая в Ливадии, князь не только отдыхал, но и занимался изучением наук. Пребывание в Крыму затянулось до середины мая 1905 года. Затем — вновь Осташёво. Радостью стал приезд в подмосковное имение тётушки — Ольги Константиновны, Королевы Греческой, по-настоящему любившей своих племянников.

Лето 1905 года ознаменовалось литературными увлечениями, и прежде всего А.С. Пушкиным. Большое впечатление на князя Олега произвела книга В.П. Авенариуса «Юношеские годы Пушкина», о чём он писал: «Я кончаю книжку «Юношеские годы Пушкина», которая мне очень понравилась. Я чувствовал, когда её читал, как будто я сам лицеист, как будто я сам в кругу товарищей»².

С этого времени А.С. Пушкин становится его кумиром. Недолгое пребывание в Осташёве вновь сменилось жизнью уже в Павловске:

«...мы приехали сюда в Павловск. Тут я нашёл много вещей, напоминающих мне детство.

Здесь каждый шаг в душе рождает
Воспоминанья прежних лет.

А.С. Пушкин это писал про Павловск в своём стихотворении «Воспоминания в Царском Селе. Я как раз вспомнил эту фразу, когда мы были около «Розового павильона»³.

Действительно, Пушкин станет для князя Олега «спутником» всей его непродолжительной жизни, и творческой, и каждодневной. Учебный год вновь выявил как его упорство в занятиях, так и артистичность натуры. «Обладая живым характером и отличной памятью, Олег Константинович скоро постиг искусство декламации, и чтение им стихов и даже прозы наизусть доставляло слушателям всегда искреннее удовольствие. Князь особенно любил декламировать «Полтаву» Пушкина и «Мёртвые души» Гоголя: «Эх, тройка, птица тройка! Кто тебя выдумал?.. Не так

¹ Там же. С. 35.

² Там же. С. 48.

³ Там же. С. 50

и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несёшься...» — вспоминал воспитатель князя А.М. Максимов¹.

В 1906 году Олег Константинович посещает подмосковное село Ильинское, имение великого князя Сергея Александровича и великой княгини Елизаветы Фёдоровны. Не только отдых, но и помощь Елизавете Фёдоровне в попечении больных воинов в лазарете, устроенном здесь ею, стремление постичь народную жизнь составляли его занятия в Ильинском.

Конец 1906 года в дневнике юноши отмечен следующей записью: «Вчера я в первый раз сказал за обедом Папа́, что пишу стихи. На вопрос, почему этого не сказал ему раньше, я ответил, что стесняюсь. Папа сказал, что стесняться не надо и что поэты всегда до печатания стихов советовались с кем-нибудь. Фет в последние годы своей жизни советовался с Папа. Теперь я буду показывать Папа мои стихи. Я хочу показать ему: «О, даруй мне талант, поэт!»²

Летом 1907 года князь Олег со своим отцом побывал в Полоцке. Вместе с кадетами принимал участие в положенных учебных занятиях. Много времени было уделено осмотру местных достопримечательностей, а их в древнем городе и окрестностях было немало.

В 1908 году князь Олег и большая часть его семьи совершили замечательное путешествие, оставившее яркий след в их жизненных впечатлениях. Путешествие по Волге до Нижнего Новгорода «для осмотра русских древностей», а также посещение Ростова Великого, Борисоглебска, Владимира и Суздаля, а в завершение Москвы стали важными составляющими в формировании личности вступающего во взрослую жизнь Олега Константиновича. Князь Гавриил Константинович, вспоминая поездку, писал: «Вся дореформенная Русь глянула нам в глаза»³. Глубокое впечатление оставило посещение Третьяковской галереи в Москве; особенно взволновали полотна И.Е. Репина и В.В. Верещагина.

Поездка по городам Отечества вызвала потребность в активных литературных занятиях. Князь Олег начинает писать роман «Влияния», стихотворные сочинения.

Осенью 1908 года в Павловске устраиваются так называемые «исторические вечера», во время которых члены семьи Константина Конс-

---

¹ Князь Олегъ. С. 53.

² Там же. С. 67.

³ *Гавриил Константинович [Романов]. В Мраморном дворце : Из хроники нашей семьи.* СПб. ; Дюссельдорф, 1993. С. 65.

тантиновича постигают культуру, искусство, быт России допетровской эпохи. Было устроено пять вечеров. Музыка и драматургии в них было отведено значительное место. Участниками этих вечеров были известные историки, филологи, знатоки старины Я.Л. Барсков, П.Г. Васенко, В.Т. Георгиевский, Н.К. Кульман, В.И. Петров, С.Ф. Платонов, М.А. Полиевктов, актёр и режиссёр, собиратель старины Ю.Э. Озаровский, профессора консерватории Н.Н. Кедров и его супруга певица С.Н. Гладкая, А.М. Миклашевский, Л.А. Саккетти и другие видные деятели науки и культуры. Значительными были выступления таких коллективов, как Старообрядческий поморский хор, хор лейб-гвардии Первого стрелкового полка.

Уже вне программы, но по смыслу продолжением «исторических вечеров» стал спектакль, сыгранный 11 января 1909 года в Большом Тронном зале Павловского дворца, в присутствии императора Николая II. Были представлены фрагмент из «Бориса Годунова» А.С. Пушкина — «Сцена в келье Чудова монастыря» и пьеса Б.М. Маркевича «Дважды весны не бывает». Князь Гавриил Константинович вспоминал: «...состоялся любительский спектакль, в котором принимал участие великий князь Борис Владимирович, моя сестра Татьяна, мой брат Константин, я сам и другие лица. Кроме пьесы... шла также сцена в келье Чудова монастыря в исполнении Олега и Игоря. Олег играл Пимена. Он весь ушёл в роль летописца»¹.

17 апреля в Павловском дворце состоялось другое театральное представление, посвящённое серебряной свадьбе родителей князя Олега — Константина Константиновича и Елизаветы Маврикиевны. В присутствии императора Николая II была представлена пьеса Поликсены Соловьёвой «Свадьба солнца и весны». В тот же вечер были представлены и «исторические картины» из жизни двора рубежа XVIII и XIX веков, в том числе живая картина «Семья императора Павла Петровича» (по сюжету знаменитого живописного полотна Г. Кюгельхена).

Вскоре состоялось непродолжительное путешествие членов семьи Константина Константиновича в Новгородскую губернию, во время которого князь Олег познакомился с памятниками Великого Новгорода и его окрестностей — Нередицей, Перынью, Хутынским и Юрьевским монастырями, побывал он и в державинской Званке и аракчеевском Грузино.

В июне 1909 года князь Олег сопровождал своего отца на торжества в Полтаву. Константин Константинович представлял на праздни-

---

¹ Гавриил Константинович [Романов]. В Мраморном дворце... С. 89.

стве по случаю юбилея Полтавской битвы императорскую фамилию. Глубокие впечатления от празднования соединились в душе юноши с приятными эмоциями от посещения малороссийской глубинки. Ещё долго и восторженно он будет вспоминать и Полтаву, и гоголевскую Диканьку.

В июле же состоялось и посещение Нового Иерусалима и Троице-Сергиевой Лавры, а затем снова — деревенская жизнь в Подмосковье.

Следующий учебный год был последним в его жизни кадета. Его думы были заняты мечтами о поступлении в Лицей.

Несмотря на напряжённый график занятий, в феврале и марте 1910 года князь Олег посещает «Исторические вечера», вновь устраиваемые в Павловске и проходившие в присутствии императора Николая II. Теперь их содержание составили страницы истории России времён Петра Великого, Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны — в первом представлении, Екатерины II — во втором; тематика третьего спектакля — время Павла I и Александра I, и заключало всё представление из эпохи Николая I¹.

В «Дневнике» Константина Константиновича есть запись, помеченная «Царское Село» и датированная 26 января 1910 года: «... в Александровском дворце... в кабинете у Государя и докладывал... Об Олеге, который по окончании курса кадет. корпуса хочет в течение 3-х лет слушать курс Лицея. Государь на это соизволил...»²

В мае 1910 года в Полоцке проходила торжества, посвящённые святой Ефросинии, княгине Полоцкой. Официальным представителем императорской фамилии там был Константин Константинович. Князь

---

¹ Были представлены следующие произведения: первый спектакль — сцена из трагикомедии Феофана Прокоповича «Владимир», опера Джованни Батиста Перголези «Служанка-госпожа» и 5-е действие драмы А.П. Сумарокова «Хорев»; вторая программа — трёхактная комедия «О, время!» (автор — императрица Екатерина II), опера М.М. Соколовского по литературному сочинению А.О. Аблесимова «Мельник колдун, обманщик и сват»; третий вечер — 3-е действие комедии В.В. Капниста «Ябеда», опера К.А. Кавоса «Иван Сусанин»; четвёртое представление — два водевиля: «Много шума из пустяков» А.А. Яблочкина и «Зало для стрижки волос, или Salon pour la coupe dex cheveux» П.И. Григорьева (первого), а также опера «Аскольдова могила» А.Н. Верстовского. Режиссёром спектаклей выступил Н.Н. Арбагов (Архипов). Каждому представлению предшествовало слово: профессора Л.А. Саккетти (о музыке) и генерал-майора Н.Н. Ермолинского (об истории драматургии).

² Дневниковые записи, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (Москва), цит. по: *Романов К.К. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М., 1998. С. 323.*

Олег как кадет Полоцкого корпуса должен был участвовать в церемонии «перенесения мощей святой Ефросинии» в качестве знаменосца. В полоцких торжествах принимали участие также родная тётушка князя — Королева Эллинов (Греческая) Ольга Константиновна и великая княгиня Елизавета Фёдоровна. (К тому же в это время князю предстоял экзамен в корпусе по законоведению.) Находившийся в Полоцке князь Олег 18 мая был зачислен в лицей. Но об этом он узнает, только вернувшись в Петербург.

Лето 1910 года было посвящено знакомству со славянскими странами и Турцией. Князь Олег и его брат Игорь побывали в Константинополе, Софии, Старой Загоре, Казанлыке, Плевне, Белграде, Триесте, Цетинье, Дубровнике. Видели Шипку и гору Святого Николая, побережье Далмации. Получили не только исторические познания, но и глубокие впечатления от непосредственного соприкосновения со свидетельствами недавнего героического прошлого русского воинства. Возвращались в Россию через Мюнхен и Берлин. На родине их тепло встретили в Осташёве и Домнихе.

Начало лицейского обучения совпало у князя, к сожалению, с болезнью. Занятия начались как домашние, в Павловске. К нему приезжали преподаватели научных предметов. Но ему разрешили заниматься верховой ездой, гимнастикой, фехтованием

Осень 1910 — зима 1911 годов в Павловске были наполнены, кроме учебных занятий, литературой и музыкой. Продолжались «субботники», в которых звучали не только Лермонтов, Жуковский, Грибоедов, Достоевский, Гончаров, Фет, Майков, Некрасов, но и Боратынский, Батюшков, Карамзин, Дельвиг, Одоевский, Салтыков-Щедрин, Тютчев, Кольцов, Никитин, Писемский, Помяловский и даже Рылеев. «Отличительной особенностью «субботников» было обязательное участие всех присутствующих в исполнении: никто... не может быть только слушателем или, как говорили мои братья «трутнем»... Из всех нас только один Олег выступал и как чтец, и как пианист, и как мелодекламатор», — замечал брат Гавриил Константинович¹.

В литературной части «субботников» исполняли музыку русских композиторов. В музыкальном разделе отдавалось предпочтение зарубежным композиторам (хотя часто исполнялись русские романсы). Играли и пели произведения не только прославленных композиторов Баха, Моцарта, Шуберта, Шопена, но и Палестрину, Гретри, Брамса, Мейер-

---

¹ Гавриил Константинович [Романов]. В Мраморном дворце... С. 88—89.

бера, Бойто, Понкиелли, Леонкавалло и Маскани. Любовь князя Олега к музыке «носила порой прямо трогательный характер».

Хорошо известно, что князь Олег ответственно относился к учёбе. Апрель 1911 года был для него временем, загруженным подготовкой к переходным экзаменам в лицее. Экзамены были сданы блестяще, с «Похвальным листом» и высоким баллом. Любопытно, что, как бы князь ни был загружен учёбой, он умел находить время для занятий театральным искусством. Весной 1911 года в Китайском театре в Царском Селе ставилась пьеса «Принцесса Грёза» Эдмона Ростана, в которой он удачно сыграл роль моряка Бруно.

Летние каникулы Олега начались в имении Домниха, где он собирался отдохнуть от напряжённых занятий и экзаменационной сессии, а также начал готовиться к сочинению работы «Князь Щербатов как публицист», посвящённой выдающемуся историку и философу М.М. Щербатову (1733—1790). Однако его летние планы вскоре изменились. Отец вызвал его для участия в общесемейной поездке по Волге — от Нижнего Новгорода до Царицына. Отдохнуть в деревне ему всё же удалось, и, как всегда, с удовольствием. Большую часть лета он провёл в Осташёве, где занимался музыкой и сочинительством, а также рисованием, в котором достиг определённых успехов. В конце лета он принял участие в церемонии бракосочетания брата Иоанна Константиновича с дочерью сербского короля Еленой Петровной.

И вновь учёба. «Прилежание Его Высочества было выше всякой похвалы. В соединении с отличными природными способностями оно обеспечивало вполне успешное освоение курса науки, который мы проходили», — отмечал профессор истории русского права Ф.В. Тарановский, преподававший князю. Отмечалось, что «Князь Олег Константинович жил всецело умственной и духовной жизнью»¹.

19 октября 1911 года исполнялось 100 лет Императорскому лицее. Но празднование было перенесено на начало 1912 года. Князь Олег испытывал чувство волнения и задался целью подготовить лицее подарком к этой знаменательной дате. По его мнению, он должен был быть не столько оригинальным, сколько полезным и глубоким. Он остановился на желании напечатать факсимильное издание рукописей А.С. Пушкина, хранящихся в лицее. И сделать это на основе самых современных тому времени полиграфических возможностей.

---

¹ Князь Олегъ. С. 113.

Известный пушкинист и писатель П.Е. Щёголев писал: «Ярким памятником интересов Князя служит то небольшое, что он уже осуществил, тот труд, который остался нам от него и даёт право с признательным и скорбным чувством помянуть его имя... Издание рукописей Пушкина является молитвенной данью культу Пушкина. Своим возникновением и укреплением культ этот обязан и личным вкусам Князя Олега Константиновича, и традициям его семьи, и той культурной атмосфере, среди которой вырастал молодой Князь»¹.

К этой работе он привлекает выдающихся учёных Н.К. Кульмана, П.Е. Рейнбота, В.И. Сайтова, П.Е. Щёголева, Р.Р. Голике. Князь Олег собирался продолжить работу над факсимильными изданиями рукописей А.С. Пушкина, однако война и смерть юного князя помешали реализовать этот грандиозный замысел.

Князь Гавриил Константинович, брат Олега, вспоминал: «В январе праздновалось столетие Императорского Александровского лицея, и по этому случаю было много торжеств в самом лицее и большой обед в Зимнем дворце. Государь обходил здание лицея, и когда он пришёл в класс Олега, последний поднёс ему изданные им рукописи стихотворений Пушкина»². Это было 7 января 1912 года. Затем одарил членов императорской фамилии. Издание получили все работавшие над ним. Основная часть тиража поступила в лицей.

После «Лицейского акта» весной 1912 года князь уезжает во Францию, где бывал до того ребёнком. Поездка была и увлекательной, и познавательной. Музеи, театры, памятники истории, учебные заведения, государственные учреждения, даже зоосад, — всё занимало князя Олега.

Десяток городов, кроме Парижа, были осмотрены путешественниками. Неизгладимое впечатление произвёл исторический памятник Мон-Сен-Мишель. Доехав в конце концов до Биаррица, они продолжили путешествие, направившись в Испанию и Португалию. Необыкновенный восторг вызвала Альгамбра. Читая описания путешествия князя, поражаешься многообразием его впечатлений: «Моё впечатление прелестно. Я видел много разнообразного и интересного, начиная от домика простого шофёра, у которого мы пили вино его собственного виноградника, и кончая самыми поразительными памятниками мавританского искусства»³.

---

¹ Там же. С. 115.

² *Гавриил Константинович [Романов].* В Мраморном дворце... С. 103.

³ Князь Олегъ. С. 126.

После заграницы — вновь любимое Осташёво: «Мы работали на жатках... много хожу на охоту». Определялись и жизненные планы: «Я поступаю в полк. Эта зима — последний год в лицее»¹. Не оставлял он и литературные опыты. Он пишет «Сцены из моей жизни» — интересные автобиографические впечатления, подводящие некоторые итоги уходящей юности.

15 ноября 1912 года князю Олегу исполнилось 20 лет, наступило его совершеннолетие. Ему предстояло принимать важные жизненные решения. Перед ним стоял выбор, и он его сделал: после окончания лицея он поступит в гусарский полк. Зимой князь выедет в Вологодскую губернию, на медвежью охоту, но, будучи в Вологде, побывает в Древлехранилище, в храмах, осмотрит достопримечательности. Новогодние и рождественские праздники 1913 года он проведёт в Осташёво. Зимой будет много заниматься, готовиться к экзаменам, собирать материалы для выпускного лицейского сочинения «Феофан Прокопович как юрист». Майские экзамены подтвердили прилежание и успехи князя.

Он был удостоен серебряной медали, а сочинение получило «Пушкинскую медаль». Лицей был окончен. Олег Константинович «назначен в полк» — в лейб-гвардии Гусарский Его Величества — в чине корнета.

Лето было поделено на пребывание в Подмоскovie — Осташёво и Домниха — и в Крыму — Дюльбер (Кореиз) и Харакс — у великих князей Георгия Михайловича и Петра Николаевича, где Олег не забывал о литературных трудах.

В октябре Олег Константинович вернулся в Павловск, где явился в полк, для службы. Но появились осложнения со здоровьем. Осень и зиму он проводит в Осташёво и Домнихе, где пишет роман «Влияния», повесть «Ковылин», продолжает работу над биографией деда — великого князя Константина Николаевича. Много читает, особенно Пушкина и о Пушкине.

Посетив ненадолго Петербург, князь возвращается в Осташёво. Здесь он думает об устройстве «просветительского учреждения вроде народного дома, в котором была бы библиотека, читальня; кроме того, агроном читал бы агрономию, врачи — популярную гигиену, санитарию и медицину. Время от времени можно было бы устраивать спектакли...»²

В конце июля 1914 года князь Олег получил задание от Императорского Палестинского православного общества и командировку в

¹ Князь Олегъ. С. 135.

² Там же. С. 167.

итальянский город Бари для решения неотложных задач, связанных с постройкой русского храма Святого Николая и странноприимного дома.

Но мирная жизнь заканчивалась. За патриотическим подъёмом, вызванным началом войны и уверенностью в скорой победе, виднелась тень горя и неисчислимых бедствий. На дни шёл счёт жизни молодого офицера — князя Олега Константиновича.

25 июля в составе Гусарского Его Величества полка князь Олег — в 1-й действующей армии. 4 августа началось общее наступление в Восточной Пруссии. В сентябре войска вновь у германской границы. «Молитесь за нас! Да поможет Бог нашим войскам поскорее одержать победу!» — писал князь Олег с фронта близким¹.

В действующую армию, на фронт отправились все братья Олега. В «Дневнике» их отца — Константина Константиновича — отмечено: «Суббота, 2 августа» — и далее запись, сделанная в Павловске: «Вечером простились с Костей, последним из пятерых сыновей, отправившихся на войну. Он отбыл на другой день»².

Князь Олег доблестно сражался. В ночь с 27 на 28 сентября 1914 года в штаб армии поступило сообщение, что при «атаке на неприятельский разъезд ранен Князь Олег Константинович»³.

Великий князь Константин Константинович и его супруга Елизавета Маврикиевна, прибывшие в Вильно, куда в госпиталь был доставлен получивший ранение их сын, успели застать его в живых. Константин Константинович передал умирающему сыну Георгиевский крест, которого тот был удостоен за геройский подвиг: «Олег узнал нас, у него было сияющее выражение. Я поднёс к его губам Георгиевский крест и вложил его ему в руку. Я... приколот Георгиевский крест к его рубашке»⁴. 29 сентября «в 8 часов 22 минуты вечера» князь Олег скончался.

Церковную панихиду, состоявшуюся в Константиновско-Михайловской (Романовской) церкви Вильно, возглавил архиепископ Тихон (Белавин), будущий Патриарх Московский. Траурный поезд из Вильно проследовал в Волоколамск, где 3 октября траурную процессию встретили Королева Эллинов Ольга Константиновна, великая княгиня Елизавета Фёдоровна, великий князь Дмитрий Константинович и многие другие — близкие, многочисленные депутации. Среди встречающих были крестьяне из окружающих сёл и деревень.

¹ Там же. С. 173.

² Романов К.К. Дневники... С. 346.

³ Князь Олегъ. С. 174.

⁴ Романов К.К. Дневники... С. 351.

Похороны состоялись в любимом князем Осташёве. На могиле был установлен деревянный крест. Позднее здесь был воздвигнут выдержанный в традициях древней новгородско-псковской архитектуры храм во имя Святого благоверного князя Олега Брянского, великого князя Игоря Черниговского и преподобного Серафима Саровского¹.

Сохранилось много свидетельств и рассуждений о последних днях жизни князя Олега. Как самое красноречивое, мы выберем слова Анатолия Фёдоровича Кони, известного писателя, юриста, общественного деятеля: «...когда Россия позвала князя Олега на брань, он отдал ей все силы и помышления, сознавая, что есть исторические минуты, когда родина, видоизменяя слова Писания, должна сказать: «да оставит человек отца и мать свою и прилепится ко мне!» В его душе, так понимавшей и знавшей Пушкина, не мог не прозвучать завет «Старицы-пророчицы» молодому витязю:

«Уберися честно ранами,
Ты омойся алой кровию...»

Он выполнил этот завет и принёс в жертву родине свою столь много обещавшую, столь обильную духовными дарами жизнь»².

В год своего 16-летия (31 декабря 1908 года) князь Олег Константинович написал стихотворение:

О, дай мне, Боже, вдохновенье,
Поэта пламенную кровь.
О, дай мне кротость и смиренность,
Восторги, песни и любовь.

---

¹ Храм в Осташёве построен по проекту известного архитектора модерна М.М. Перетятковича (1872—1916), сочетавшего в своём творчестве также черты неоклассицизма, неоренессанса и «русского стиля». Он автор крупных сооружений в Санкт-Петербурге: Дома Гвардейского Экономического общества, Русского Торгово-промышленного банка, Банка и Доходного Дома Вавельберга (Невский пр., 7—9), храма Лурдской Богоматери (совм. с Л.Н. Бенуа), а в Москве — здания Магазина братьев Елисеевых. По его проекту была сооружена церковь во имя Святой равноапостольной Российской княгини Ольги в селе Выбуты Псковской губернии, на месте её рождения. Председателем Комитета по сооружению храма в Осташёво была Ольга Константиновна, Королева Эллинов (Греческая), тётя князя Олега.

² Князь Олегъ. С. 189.

О, дай мне смелый взгляд орлиный,
Свободных песен соловья,
О, дай полёт мне лебединый,
Пророка вещие слова.

О, дай мне прежних мук забвенье.
И тихий, грустный, зимний сон
О, дай мне силу всепрощенья
И лиры струн печальный звон.
О, дай волнующую радость,
Любовь всем сердцем, всей душой...
Пошли мне ветреную младость,
Пошли мне в старости покой.

Его юношеские желания и мечты не сбылись — он менее всего был ветренен в младости, а Господь даровал ему особую судьбу, не послав старости. Свой «крестный путь» прошли три его родных брата. Сестра Татьяна, потеряв на Великой войне мужа — князя К.А. Багратиона-Мухранского, станет в конце концов игуменией Елеонской обители в Иерусалиме. Тернист был путь и других членов его семьи.

Наталья Перцова

ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ И ВЛАСТЬ

Участок — великая вещь!
Это — место свиданья
Меня и государства.
Государство напоминает,
Что оно всё ещё существует!

В. Хлебников, 1922

На долю поколения Виктора Владимировича (Велимира) Хлебникова (1885—1922) выпали трагические события в истории России: революции, войны, голод, бесчисленные человеческие потери. «Жилец-бывун не в этом мире», как он называл себя, поэт тем не менее пристально наблюдал за происходящим и постоянно искал параллели между разновременными событиями. В настоящей публикации будут рассмотрены те аспекты жизненного и творческого пути Хлебникова, которые так или иначе связаны с общественными, политическими и философскими проблемами, с властью вообще и с российскими властями в частности.

Первое десятилетие XX века стало для Хлебникова этапом поисков своего «я». Здесь можно выделить два основных временных отрезка, примерным рубежом которых оказался 1906 год.

1903—1906. Семья Хлебниковых принадлежала к умеренно-либеральной провинциальной интеллигенции. Отец, учёный-лесовод Владимир Алексеевич, которого поэт называет поклонником Дарвина и Толстого, остро откликнулся на несправедливости окружающей жизни. Так, оказавшись в первой половине 1890-х в многонациональной Волыни, он пишет жене: «Евреи остроумно говорят, что законы выдуманы для того, чтобы полиция могла больше брать с них взятки. И берут, и грабят, а толку получается вот сколько»; «Евреи честны, но народ эксплуатируется по-прежнему. Немцам тоже ходу не дают наравне с поляками, однако те и другие процветают». Виновата же «в лице местной администрации какая-то сволочь, которая порочит русское имя»¹. Мать, Екатерина

¹ РГАЛИ. Ф. 527, оп. 1, ед. хр. 216, л. 7, 8 об.

Николаевна, была двоюродной сестрой и близким другом народовольца А.Д. Михайлова.

В сентябре 1903 года, окончив гимназию, Виктор Хлебников поступил на математическое отделение Казанского университета, — университета, славного такими именами, как Н.И. Лобачевский, Д.И. Менделеев, И.А. Бодуэн де Куртенэ. Уже в ноябре он принял участие в студенческой сходке, за что был на месяц посажен в тюрьму. На стене камеры он нарисовал портрет А.И. Герцена.

Первым литературным ориентиром стал для него М. Горький. Именно ему он послал (в августе 1904 года) свой литературный опыт — написанную в традиционной реалистической манере и наполненную разоблачительным пафосом пьесу «Елена Горячкина». Уже в самом названии — достаточно прозрачная аллюзия на название повести Горького «Фома Гордеев». Если Горький пишет о её главном герое: «Ему тесно, жизнь давит его, он видит, что героям нет в ней места, их сваливают с ног мелочи», то Хлебников в сопроводительном письме характеризует свою героиню примерно в тех же выражениях: она «поняла низкий уровень жизни, но не хочет помириться с этой жизнью как таковой»¹. Хотя пьеса и не была принята к печати, Горький отозвался сочувственным письмом (не сохранилось), поощряя автора к продолжению занятий литературой.

В этот период Хлебников штудирует западноевропейскую философию (что отражено в повести «Еня Воейков») и по-своему воплощает излюбленную идею учёных XVII века — создание единого искусственного языка (его обычно называли универсальным или философским), разработав собственный письменный язык, который он называет «значковым языком». В языке Хлебникова заметно влияние целого ряда философских концепций, в первую очередь — труда Дж. Локка «Опыты о человеческом разуме». Если в начале работы Хлебников возлагает на свой формальный язык большие надежды («Жалкий означающий лай, символический вой человек нашего времени будет заменён символической музыкой в времени горного человека. Подспорьем ему будет письменный язык всех народов»), то в конце её он убеждается в преимуществах естественного языка, а именно в том, что благодаря своей недоопределённости естественный язык обладает большей выразительной силой, чем любые формальные систе-

¹ Хлебников В. Собр. соч. : в 6 т. / под общ. ред. Р.В. Дуганова. М., 2000—2006. Т. VI—2. С. 112.

мы; об этом свидетельствует запись: «Упрёки ко всему русскому мыслящему и думающему в недостаточном понима<нии> духа русского языка»¹.

1906–1910. Бесславная Русско-японская война, неудачи Первой русской революции меняют ориентиры Хлебникова. В поисках спасения от возможного близкого крушения родной страны он постепенно движется от западничества к славянофильству. Меняются и его литературные пристрастия: он с интересом и сочувствием следит за русскими символистами второй волны. Важными ориентирами для него становятся теоретические построения Вячеслава Иванова (особенно статья «О весёлом ремесле и умном веселии») и поэтическая практика Сергея Городецкого в его книге «Ярь». Рабочие тетради этого времени отражают как попытки подражания символизму, так и процесс становления Хлебникова как самостоятельной литературной личности. В них сотни импрессионистически окрашенных стихов, описывающих воображаемый мир славянских древностей и славянской мифологии, и тысячи неологизмов, большинство которых обыгрывают возможности богатой русской суффиксации. В марте 1908 года он посылает несколько своих стихотворений Вячеславу Иванову, летом они встречаются в Судаке, осенью Хлебников переводится в Петербургский университет.

В эти годы поэт, как представляется, склоняется к монархическим взглядам. Он записывает в рабочей тетради: «Царь. Сам и хозяин Руси, / самный / сам. / мы не хотим, чтобы государство оставал<ось> бессамным»². В его записях сквозит отрицательное отношение к революционерам-террористам, ср. строки из стихотворных набросков: «Убито горнее чуймо, / Проснулось красное буймо»; «На свой язык «прошу» / Убивдой перевел Страшун»³, а также неологизмы *взорваль, взорвух, взрывачь, взрывовка, взрывок; грозок, грозоч, грозьбище; мстивец, мстилец, мстильый, мстиль, мстистистель, мстун, отомцун; мятак, мятатый, мятежатый, мятежничаль, мяток, мятун, мятух, мятыня; пугаль, пугатый, пугеж, пугун, пугунья, пугу<шка>, пужаль, пужель; рушил; Смутнигов, смутун, смутьянин; страхун, страшил; ужасаль, ужасеж* из той же тетради.

¹ Рукопись «значкового языка» ОР РНБ опубликована в приложении к ст.: Перцова Н.Н. О «звёздном языке» Велимира Хлебникова // Мир Велимира Хлебникова. Статьи. Исследования (1911—1998). М., 2000. С. 359—384.

² РГАЛИ. Ф. 527, оп. 1, ед. хр. 60, л. 18.

³ Там же. Ед. хр. 63, л. 7—7 об.

Путь к преодолению трагического разлада в обществе («Все в народе стоят друг против друга. Вооружённые»¹) Хлебников видит в русском и, шире, славянском единстве. Не свободен он в это время и от оборотной стороны национализма — ксенофобии. В его черновых заметках находим недоброжелательность и к чужеземцам вообще, и к отдельным народам — прежде всего к немцам и евреям. Он считает историческим долгом «прати на запад», призывает к «напору слави единой и цельной на немь», утверждает, что «сл<a>вян<скому> с<пору> иноземный наплыв застит н<е>бо и узрет<ь> мешает» (в одном из вариантов правки славянам мешает конкретно «жидовин»²), выделяет среди народов «кровесносные»³. Если свои антинемецкие лозунги он неоднократно публиковал, то антисемитские высказывания (которых в рукописях Хлебникова мне известно три) остались только в его личных, не предназначенных для посторонних глаз заметках. Отметим также, что в черновиках этого времени Хлебников часто отходит от личины воображаемого русича чуть ли не эпохи «Слова о полку Игореве», чуждого инородным влияниям, и тогда порой достаётся и великороссам, которых он называет «волкоруссами»⁴, и славянам вообще: «голос ям<ы> в жизни сл<ыша> / мы славян<е> к я<ме> бли<же>»⁵.

Переехав в Петербург, он почти сразу публикует в газете «Вечер» «Воззвание учащихся славян», которое позже назовёт «крикливым воззванием к славянам»⁶. Впрочем, вскоре после этого, в ноябре 1908 года, он признается в письме к матери: «Петербург действует как добрый сквозняк и всё выстуживает. Заморожены и мои славянские чувства»⁷.

Хлебников знакомится со столичными символистами, бывает на «башне» Вячеслава Иванова (именно там ему дают новое имя — южнославянское Велимир, которое он с готовностью принимает). С открытием в 1909 году организованной Ивановым Академии Стиха посещает её занятия. Однако период ученичества быстро кончается — его произведения оказываются слишком радикальными для изящно-соразмерной эстетики символизма. Срывается намеченная в журнале «Аполлон» публикация «Зверинца», нарастает его разочарование символистской

---

¹ Там же. Л. 14.

² Цит. по раб. тетр. РГАЛИ. Ф. 527, оп. 1, ед. хр. 60.

³ ОР РНБ. Ф. 1087, № 17, фр. 12.

⁴ Частн. собр.

⁵ РГАЛИ. Ф. 527, оп. 1, ед. хр. 60, л. 104 об.

⁶ Хлебников В. Собр. соч. С. 241.

⁷ Там же. С. 115.

средой (стихи «Передо мной варился вар» и другие). Единственное опубликованное в этот период художественное произведение — фантастическая словотворческая проза «Искушение грешника», напечатанная осенью 1908 года в журнале «Весна» при содействии секретаря журнала Василия Каменского.

Начинается новый период — период «пощёчин общественному вкусу», низвержения сложившихся общественных и литературных традиций.

1910—1914. Познакомившись в 1908 году с Каменским, а несколько позже и со своим однокурсником Владимиром Бурлюком, Хлебников входит в круг зарождающегося русского футуризма, или «будетляниста». Впервые он чувствует себя не школяром, а равноправным участником литературного процесса; некоторые (вслед за Давидом Бурлюком и другими «гилейцами») даже называют его гением. В это же время он окончательно бросает Петербургский университет, где, оставив математику, он пару лет (с перерывами) учился на историко-филологическом факультете. Его единственным делом становится творчество.

Постоянные для Хлебникова поиски в области языкового строительства снова приводят его к идее мирового языка, но на этот раз это «звёздный» язык, опирающийся на звуковой символизм¹. В этот же период выходят его программные работы, объясняющие роль языка в поэтике будетлянства: «Слово как таковое» и «Буква как таковая» (написаны совместно с Алексеем Кручёных).

Активизируются начатые ранее занятия циклизацией всемирной истории. Глядя в этом ракурсе на свою страну, Хлебников предсказывает падение Российской империи и уже в 1912 году (в работе «Учитель и ученик») точно указывает время этого события — 1917 год. Возникают первые ростки идеи радикального социального преобразования — государством должны управлять изобретатели, противопоставленные приобретателям. «Славяноцентризм», хотя и не вполне изжитый, принимает более сбалансированные формы. Хлебников с беспристрастием учёного исследует цепочки попеременного явления на исторической сцене России западников и славянофилов. Печатает в умеренной газете «Славянин» ряд статей, в которых расширяет пределы славянского мира (обращается к полабским славянам, «угророссам»); указывает на культурно-социальную евразийскую общность; сочувственно говорит о разных

---

¹ См., напр.: *Перцова Н.Н.* О «звёздном языке» Велимира Хлебникова.

народах, включая еврейский. Его общий вывод: «Мозг земли не может быть только великорусским. Лучше, если бы он был материковым»¹. Впрочем, его германофобия пока сохраняется.

1914—1917. Известие о начале Первой мировой войны застаёт Хлебникова на даче в подмосковном Петровском-Разумовском, где он гостит в семье своей подруги Надежды Николаевой — прототипа образа вечной женственности в прозе «Ка» (к этому произведению примыкают также такие незаконченные вещи 1915—1916 годов, как «Ка²», «Лев» и «Скуфья скифа»). В «Ка» уже отчётливо звучит тема утопического «государства времени», или «государства изобретателей», в котором конфликты и войны преодолены благодаря знанию неизбежности движения по временным циклам — «часам человечества». Такое государство создано на соседней звезде, а в будущем (в 2222 году) возникнет и на Земле.

По мобилизационным законам Хлебников подлежал призыву в армию в апреле 1916 года. В оставшееся до военной службы время он вместе с Кручёных издаёт свои книги («Изборник», «Ряв!»), а также стремится усовершенствовать свою теорию времени на материале поступающих фронтовых сводок.

Поэт остро переживает ужасы войны; в рукописи «Лев» он бросает вызов уже не только земным, но и небесным силам:

пахнет кровью
А торговец смертью
лавка смерти
господи! господи! и тебе налгут хором
что ты делаешь с закрытыми глаз<ами> <...>
Уйди торговля смертью ты мне мешаешь! <...>
бог ошибся за<навесив> от ран глаза <свои зрячие>
как небо точно учится у людей порокам!²

Происходящее заставляет его полностью отказаться от былых воинственных призывов «праги» на «немь». Осенью 1915 года он становится сторонником пацифизма и интернационализма. Прозрение наступает в Куоккале благодаря общению с новой знакомой — этнической немкой баронессой Верой Будберг, которая, подобно многим барышням, в каче-

---

¹ Хлебников В. Собр. соч. Т. VI. С. 67.

² РГАЛИ. Ф. 527, оп. 1, ед. хр. 33, л. 1

стве сестры милосердия ухаживает за ранеными в военном госпитале. В прозе «Три Веры» он пишет:

«Я, свернувший в своём сердце знамя дикой свободы моего народа, и она, говорящая и на языке моих врагов и по крови — крови врагов, но ухаживающая за воинами нашего стана и оттого такая грустная, думающая — кто мы?»

Нет, мы первые из военной бури выходили на сушу другого человечества и знали это только вдвоём»¹.

То же отвращение к войне и нежелание в ней участвовать Хлебников демонстрирует и после призыва в армию, откуда он всячески стремится вырваться (находится то в запасных учебных полках, то в госпиталях, то в отпусках).

Незадолго до призыва Хлебников переходит к практическим действиям по созданию идеального правительства: основывает «Союз 317», или «Союз Председателей Земного Шара» — союз творческих людей, открывателей нового. 29 февраля 1916 года он отправляется в Сергиев Посад, чтобы пригласить в свой союз первого стороннего члена — П.А. Флоренского. Присутствовавший при их встрече поэт Дмитрий Петровский пишет, что Хлебников почему-то вообще не говорил об организуемом союзе². Однако сам отец Павел в разговорах с пианисткой М.В. Юдиной вспоминал об этом иначе. Она пишет: «Велимир приходил к Павлу Флоренскому и приглашал его в «Председатели Земного Шара». Что и как он ему ответил — осталось неясным, видимо, надлежало даже ему, провидцу, ещё подумать над явлением Хлебникова. Но он его оценил, оценил масштаб и значение, полюбил его. Об этом Павел Александрович рассказал мне несколько лет спустя»³. Забегая вперёд, скажем, что привлечением в свой союз новых членов Хлебников занимался до конца жизни.

По Хлебникову, основная задача союза (в гипотетическом случае его прихода к власти) — мирное бесконфликтное развитие человечества и всяческое поощрение творческой мысли. Решение практических задач фрагментарно намечено в разновременных заметках. Это, к примеру, построение самых разнообразных по форме домов (кстати, его рисунки «домов будущего» весьма напоминают современную архитектуру) или

---

¹ Хлебников В. Собр. соч. Т. VI. С. 151.

² Петровский Д. Воспоминания о Велимире Хлебникове. М., 1926. С. 12.

³ Цит. по: Трубочёв С. «Только в Моцарте... защита от бурь». П.А. Флоренский и М.В. Юдина // Музыкальная жизнь. 1989. № 13. С. 25.

выделение питательных продуктов из озёрного планктона. Наказание преступников предлагается заменять, если пользоваться современной терминологией, его моделированием: преступник сидит в кинозале и наблюдает на экране свою казнь.

1917—1922. Предсказанная Хлебниковым ещё в 1912 году революция свершается. Не приспособленный к быту Хлебников скитается по пространствам бывшей Российской империи, оказавшись однажды даже в северном Иране (вместе с отрядом Красной Армии). Москва... Петроград... Астрахань, где во время боев между белыми и красными он пытается уговорить сестру Веру встать между враждующими сторонами и этим остановить кровопролитие. Харьков, где он спасается от призыва в Белую армию в психиатрической лечебнице. Дагестан, где он попадает в ЧК. Баку, где он недолго работает в Окнах РОСТА и где его закон времени приобретает окончательный вид (чередование событий и противособытий как степеней двойки и тройки). Пятигорск... В конце 1921 года он приезжает в Москву, откуда через четыре с половиной месяца отправится в новгородскую глушь, где и закончит свои дни.

Незадолго до последнего отъезда в Санталово, идя с П.В. Митуричем по московским улицам, он внезапно прерывает молчание словами: «Люди моей задачи часто умирают 37-ми лет, мне уже 37 лет»¹. Неизвестно, когда пришло к поэту это осознание, однако в последние четыре года своей жизни он работает очень напряжённо, став настоящим летописцем эпохи революций и Гражданской войны. Основная черта его произведений этих лет — амбивалентность взгляда на происходящее. Это одновременно и надмирная констатация реализации закона попеременного наступления событий и противособытий, и пронзительное свидетельство очевидца, вместе со своей страной проходящего через лихолетье.

Повествование Хлебникова о русских революциях XX века начинается с Московского восстания 1905 года, которое было жестоко подавлено лейб-гвардии Семёновским полком под командованием полковника Г.А. Мина. Позже, 13 августа 1906 года, Мин был застрелен эсеркой З.В. Коноплянниковой, приговорённой за этот теракт к повешению; её бесстрашное поведение перед казнью произвело впечатление даже на палачей. Эта коллизия описывается у позднего Хлебникова

---

¹ На самом деле он не доживёт до своего 37-летия (9 ноября 1922 года) примерно четырёх с половиной месяцев. Цит. по: *Митурич П.* Записки сурового реалиста эпохи авангарда. Дневники, письма, воспоминания, статьи // Архив русского авангарда. М., 1997. С. 55.

неоднократно, например, в «Гроссбухе» — рабочей тетради 1919—1922 годов¹:

Мин победил.
Не выплюнул народ царских удил.
На вечерней заре строгий один
Точно на праздник или на бал
Мин одевал алыя в крови перчатки
И что же
Радости вздох полетел
От Москвы до Камчатки.
Сделался снег ал.
Народ забегал.
Уж <н>е узнавали Мина глаза никого.
А рядом бледна и прекрасна
Богиней судьбы стоит Коноплянникова.
Взор восхищённый поднят на Кремль.
Дымящийся ствол брошен на землю.
Не надо плача знакомых. Выстрел без промаха.
Встала <с>вященником веры другой
Дерзкая сердцем решившая. летом
Быть убитой убив
Но быть верной обетам.
Гордою смертью в остроге
Позже её отметили боги.

Подобное сочувственное отношение к терроризму контрастирует с оценкой, которую давал ему Хлебников под непосредственным впечатлением от событий (*убивда*, *Страшун* и тому подобное — см. выше): то, что раньше казалось преступлением, становится возмездием, неизбежно приходящим по законам времени.

К последнему русскому императору Николаю II Хлебников относится крайне негативно, называя его «всей России катом»². Критиче-

¹ РГАЛИ. Ф. 527, оп. 1, ед. хр. 64, л. 92 об.

² В черновике «Ладомира» (РГАЛИ. Ф. 527, оп. 1, ед. хр. 64, л. 72 об.). В беловике царь назван «ста народов катом» (*Хлебников В.* Собр. соч. Т. III. С. 237). Однако убийство царской семьи воспринимается им как позор революции: «Могила царей — / Урал, / Где кровью царей / Руки свои замарал / Эль этих лет, / Крикнув «ура!»» (*Хлебников В.* Собр. соч. Т. I. С. 314). Поясним, что буква *Эль* в звёздном языке Хлебникова означает «лень, любовь» и тому подобное.

ски оценивает он и Временное правительство: война не остановлена, новая власть заменяет поступки речами: «Русские <п>али цари. Но не рухнул<и> утёсы войны, / Дикие бреды войны до победы»¹; «В трескучие дни речей Милюкова»² и так далее. Начало большевистского режима — прежде всего как остановившего войну — поначалу воспринимается им положительно: «Россия тысячам тысяч свободу дала»³; «Это шествуют творяне, / Заменявши *д* на *т*, / Ладомира соборяне / С Трудомиром на шесте»⁴. Однако радость «творян» оказывается недолгой — приходят Гражданская война, повальные эпидемии, голод, зверства ЧК... Всё это скрупулёзно описано в произведениях Хлебникова 1919—1922 годов. Особенно откровенно отношение Хлебникова к Советской власти выражено в его записной книжке 1922 года⁵. На многих её листах встречаются отклики на политическую ситуацию в России. Например, обращённое к властям предостережение:

Бойтесь грубовсе неравны
сстричь ноги
делать душ<и>
одинакового покроя
одинак<ового> роста
како икрою
накорм<ить> голод<ных>⁶.

Теме власти в послереволюционной России посвящена и поэма «Вы, привыкшие видеть жизнь под дающими паёк углами», написанная 31 января 1922 года⁷. Большое место в поэме отведено фигуре В.И. Ленина. Действующие силы истории Хлебников уподобляет славянской нечистой силе: Ленин — леший, мировая война — мава, ЧК — вила⁸.

¹ РГАЛИ. Ф. 527, оп. 1, ед. хр. 64, л. 91.

² Хлебников В. Собр. соч. Т. V. С. 382.

³ Хлебников В. Собр. соч. Т. II. С. 116.

⁴ Хлебников В. Собр. соч. Т. III. С. 235.

⁵ РГАЛИ. Ф. 527, оп. 1, ед. хр. 98. Эта записная книжка подробно описана в ст.: *Перцова Н.Н., Рафаева А.В.* О последней записной книжке Хлебникова // Вестник Общества Велимира Хлебникова. Вып. 2. М., 1999. С. 68—90. В приложении к статье приведён полный текст поэмы «Вы, привыкшие видеть жизнь под дающими паёк углами» (см. ниже).

⁶ РГАЛИ. Ф. 527, оп. 1, ед. хр. 98, л. 40 об.

⁷ Там же. Л. 30—39.

⁸ Мава и вила — разновидности ведьм.

Для поэта — создателя звёздного языка важна и первая буква фамилии
вождя революции — *Л* как символ лени и усталости; в поэме *Л* связано
с *М* как символом деления и разрушения:

А Ленин оглавил разложен<ие>
Простр<анства> России, торг и труд
В их мелкие единицы. <...>
А вы видали, как
Лесной леший, лесная овца
Богатыр<ём> стал, великаном,
Вырос в Россию,
Чтобы жезлу песни сделать послушной?
А Вила стала
Московск<ой> Че-ка,
Той — что обогатила
Москву постройкой, увы, конюшни. <...>
В новом сане лешему любо забыться,
Как птицы века, ему очищали копытца,
Клювом держа червяка,
Сотня Сальери.
И я один с ду<шой> Моцарта. <...>
Леший, народ после Бреста
Продрав, как глаза после сна военн<ой> могилы —
Уста<л> быть в пальцах смерти тесто —
Занял место
Председателя земного шара. <...>
Ленин в женской одежде
Оглавит престол или крем<ль> —
Разложения целого осуществлени<я>
На мелкие единицы духа,
На мелкие единицы труда,
Мелкие земель<ные> владения.
Раньше, чем зубами мышей,
Проточит основы
И созовёт латышей
В крем<ль> московский.

Поэма позволяет проследить динамику взглядов Хлебникова на будущее. Если раньше атрибутами будущего для него были дома-книги,

дома-шахматы, подземные города и вездеходы-«нырлетскачи», то в поэме будущее связывается уже не с успехами человеческой мысли, а с утраченными жизненными устоями, вечными ценностями:

Мы у прошлого только в гостях.
Будущее наш дом, где нас ждёт
Самовар горячий в парах
И французская булка.
Пусть прошлого убийца глядит
из переулка
С бледным перекошенным лицом.
Не надо мести, не надо казни —
Все мы гайки, все мы гвозди
На челноке Земного Шара.
Да здоровствует лицо самовара
В клубах доброго умного пара.

Та же тема звучит и в прозаическом наброске, предшествующем поэме:

Будущее — за старым дубом, на<д>
рябь<щим> сереб<яными> вод<ами>
ручьём, куда бы
пр<иходили> пить и
дикий осё<л>, и всадник,
и [рабыня с кувшином]¹.

---

¹ РГАЛИ. Ф. 527, оп. 1, ед. хр. 98, л. 22 об.

**ПУШКИНСКИЙ «ВООБРАЖАЕМЫЙ РАЗГОВОР
С АЛЕКСАНДРОМ I» КАК ВОЗМОЖНЫЙ ПРЕТЕКСТ
СТИХОТВОРЕНИЯ ДАВИДА САМОЙЛОВА
«СВОБОДНЫЙ СТИХ» («В ТРЕТЬЕМ ТЫСЯЧЕЛЕТЬЕ»)**

«Воображаемый разговор с Александром I» появился в Михайловском. Точное время его создания неизвестно, Л.Б. Модзалевский датирует «Разговор» концом 1824 — началом 1825 года¹, основываясь на упоминании о «Евгении Онегине», первая глава которого готовилась к изданию как раз в это время. Название этого короткого прозаического этюда дано не Пушкиным, а исследователями и публикаторами. Естественно, что при жизни поэта эта черновая запись, испещрённая многочисленными поправками, не печаталась, но для нас она ценна и как документ биографии поэта, и как документ времени, и как текст, во многом созданный по законам художественного произведения.

Пушкин выстраивает диалог между царём и поэтом, где инициатива, разумеется, принадлежит самодержцу, а поэт оказывается в позиции защищающегося, того, кому царь предъявляет претензии. Задним числом Пушкин в воображаемом диалоге со своим царственным тёзкой проявляет причины, повлёкшие сначала южную, а потом и михайловскую ссылку. Именно поэтому названное сочинение можно рассматривать как своего рода автоапологию Пушкина перед лицом монарха.

Следует обратить внимание на несколько значимых пунктов в диалоге царя и поэта.

Во-первых, это зачин и концовка — моменты принципиально важные в любом произведении. Во-вторых, характеры и позиции участников диалога. В-третьих, выбор каждым из собеседников аргументов (с учётом того варианта текста, который приводится в комментариях к малому академическому собранию сочинений Пушкина в 10 томах, — к восьмому тому их составил Л.Б. Модзалевский).

Диалог открывает речевая формула, характерная для сказки: «Когда б я был царь...» (ср. «Кабы я была царица...» в «Сказке о царе Салтане...»). Предположительная модальность позволяет Пушкину помниться с царём не ролью, а социальным статусом. В контексте пушкин-

---

¹ См.: *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. : в 10 т. Т. 8. М., 1964. С. 527—528. Далее цитирую по этому изданию, указывая страницу за текстом. — *Е.Т.*

ской записи это первое условие диалога как коммуникации, которой в другом случае просто бы не возникло. Другими словами, царю до поэта дела нет, а поэту с царём объясниться необходимо.

В движении диалога проясняются установки участников, каждый из которых придерживается определённой роли. Обмен репликами заканчивается своеобразным возвращением и царя, и поэта на исходные позиции. Поэт не превращается в верноподданного, а царь ведёт себя вовсе не как милостивый просвещённый монарх: «Но тут бы Пушкин разгорячился и наговорил мне много лишнего, я бы рассердился и сослал бы его в Сибирь, где бы он написал поэму «Ермак» или «Кочум», разными размерами с рифмами» (71).

Положительного разрешения коллизия «поэт и царь» в наброске «Воображаемый разговор с Александром I» не имеет. Отношения остаются конфликтными: царь карает своевольного стихотворца суровой ссылкой, но не может принудить его отказаться от творчества. Тот и в Сибири продолжает писать, используя, условно говоря, подножный корм — материал, связанный с новым местопребыванием, пусть насильственным. В Сибири его вдохновляют события, связанные с покорением этого края и попыткой хана Кучума отстоять свои земли. Стоит отметить, что среди сохранившихся планов поэм ни о Ермаке, ни о Кучуме нет ни слова, как нет среди пушкинских произведений в этом жанре полиметрии. Этот квазизамысел существует лишь в рамках диалога с Александром I.

Отношения между самодержцем и Пушкиным и их логика по-своему примечательны.

В начале разговора Александр I выступает в роли просвещённого государя и достаточно благожелательного читателя-критика. Первая реплика царя: «Александр Сергеевич, вы прекрасно сочиняете стихи» (69). На поклон поэта, сделанный с «некоторым скромным замешательством», император отвечает разбором оды «Свобода» («Вольность»).

Анализ оды, с позиции Александра I, имеет две взаимоисключающие версии. В одной из них царь признаёт, что, написав «Вольность», Пушкин поступил неблагоприятно, но «вы не старались очернить меня распространением нелепой клеветы. Вы можете иметь мнения неосновательные, но вижу, что Вы уважили правду и личную честь даже в царе» (69). В варианте, приведённом в примечаниях, царская оценка оды прямо противоположна: «Я заметил, вы старались очернить меня в глазах народа, распространением нелепой клеветы; вижу, что вы може-

те иметь мнения неосновательные, но вижу, что вы не уважили правду, личную честь даже в царю» (528).

Взаимоисключающие оценки эпизода убийства Павла I, включённого в текст «Вольности», очень интересны. В первом случае царь-читатель доверяется тексту пушкинской оды, в котором нет ни слова о причастности сына-наследника к дворцовому перевороту. Во втором — акцент восприятия смещается. Пушкинский Александр трактует «Вольность» как избличение его связи с заговорщиками, а в себе самом готов признать косвенного отцеубийцу. В обеих версиях поэту остаётся лишь расценить своё произведение как детскую шалость, как грехи молодости: «Ах, ваше величество, зачем упоминать об этой детской оде?» (69).

Оценка поэтических достоинств «Вольности» в диалоге тоже разнится. Прошедший за семь лет очень серьёзную эволюцию, Пушкин переоценивает своё раннее стихотворение, находя его недостаточно обдуманым и «несколько сбивчивым», но в обоих вариантах «Воображаемого разговора» устами царя автор говорит о трёх строфах как об «очень хороших». Такой комплимент «детской оде» тем более значим, что в диалоге он приписан царю.

Александр I даже как персонаж вымышленной встречи — читатель не рядовой: он самодержец. Его внимание и оценка важны (от них зависит судьба поэта-человека), а в этом случае и лестны. Пушкин в роли собеседника царственного читателя спешит воспользоваться моментом и познакомить царя со своими новыми произведениями: «Лучше бы вы прочли хоть 3 и 6 песнь «Руслана и Людмилы», ежели не всю поэму, или I часть «Кавказского пленника» или «Бахчисарайский фонтан» (70).

Среди произведений, рекомендуемых царю, Пушкин называет только те, что принадлежат к «большой форме», то есть поэмы. Это заявка самого поэта на его принципиально новую роль в отечественной литературе: лирика отходит на периферию, а впереди открывается принципиально новое создание — «Евгений Онегин». Роман в стихах назван сразу за перечнем поэм: «Онегин» печатается: буду иметь честь отправить два экз. в библиотеку вашего величества Ив<ану> Анд<реевичу> Крылову, и если ваше величество найдёт время...» (70). В реплике поэта на первый план выходят профессиональные достижения — произведения, написанные в южной ссылке, принесли Пушкину всероссийскую известность и славу первого поэта.

Как концептуальный автор «Воображаемого разговора» Пушкин воспроизводит логику мыслей и поведения его обоих участников — и

поэта, и царя. Он разыгрывает диалог, как шахматист партию, в которой он играет за белых и за чёрных.

Разговор об оде «Свобода» по существу лишь преамбула к дальнейшему выяснению причин и мотивов, приведших Пушкина в ссылку. Передавая инициативу беседы царю, Пушкин — автор «Разговора» — строит текст по законам драматургии, принимая во внимание истину страстей и правду предлагаемых обстоятельств, за которыми раскрывается авторское целеполагание.

Александр I ведёт своеобразный допрос, выясняя, «как это вы могли ужиться с Инзовым, а не ужились с графом Воронцовым?», и обвиняя поэта в атеизме: «Но вы же и афей? Вот уж что никуда не годится» (70).

Пушкин даёт развёрнутые ответы, цель которых — защита своего человеческого достоинства и права на свободу суждений и мнений.

Панегирик Инзову, «доброму и почтенному старику», становится косвенной и весьма нелицезной характеристикой графа Воронцова. Инзов — «русский в душе: он не предпочитает первого английского шалопая всем известным и неизвестным своим соотечественникам» (70). Англомания графа Воронцова — факт общеизвестный. Точно так же благородство чувств Инзова, его неповазнь насмешек, поскольку «он выше их и никогда не подвергнется заслуженной колкости», его неопрометчивость и неверие «*вражеским пасквилям*» (курсив Пушкина. — *Е.Т.*) становятся характеристикой М.С. Воронцова, данной минус-приёмом.

Завершается ответ Пушкина возвращением к центральной для образа поэта теме стихотворства, к представлению об имманентной свободе поэтического слова. В последнее десятилетие жизни Пушкина это станет настойчивым лейтмотивом в его лирике — от «Поэта» до «Осени» и «Памятника», но в середине 1820-х годов утверждается в контексте прямого диалога поэта и царя: «Ваше величество, вспомните, что всякое слово вольное, всякое сочинение противузаконное приписывают мне так, как все остроумные вымыслы князю Цыцыанову. От дурных стихов не отрекаюсь, надеясь на добрую славу своего имени, а от хороших, признаюсь, и силы нет отказываться» (70).

В «Вымышленном разговоре» вольное слово — синоним оппозиционных («противузаконных») сочинений. Поэт, смеющийся создавать (сочинять) произведения такого рода, чрезвычайно уязвим. Его позиция чревата не только негативной репутацией (вольнлюбивому поэту *приписывают* все «противузаконные» сочинения), но и гневом властей, вовсе не обязанных пренебрегать такой репутацией. Вместе с тем Пуш-

кин переводит своё вольное слово в принципиально другой регистр. В нём критерием оказывается не политическое наполнение — категория законности (читай — верноподданности), а самооценка творца, то есть *хорошие или плохие стихи*. Пушкин не отказывается ни от тех, ни от других, полагая, что немногие вторые искупит его «добрая слава» (он в ней не сомневается).

Третий пункт диалога — вопрос об атеизме поэта и о перлюстрации частных писем как негласной, но принятой практике 1820-х. Речь идёт о письме предположительно к Кюхельбекеру. В комментариях Л.Б. Модзалевского к «Воображаемому разговору» оно датируется первой половиной марта 1824 года (528). Полный текст письма не сохранился. В томе, где напечатаны письма Пушкина, воспроизведён фрагмент, скопированный полицейским ведомством. Выписка датируется апрелем — первой половиной мая. Письмо написано в Одессе. Именно оно стало причиной михайловской ссылки Пушкина. Он пишет: «Ты хочешь знать, что я делаю — пишу пёстрые строфы романтической поэмы — и беру уроки чистого афеизма. Здесь англичанин, глухой философ, единственный умный афей, которого я ещё встретил. Он исписал листов 1000, чтобы доказать qu'il ne peut exister d'être intelligent Créateur et régulateur¹, мимоходом уничтожая слабые доказательства бессмертия души. Система не столь утешительная, как обыкновенно думают, но, к несчастью, более всего правдоподобная» (XIII, 92).

В «Разговоре» в ответ на упрёк царственного собеседника: «Но вы же и афей? Вот что уже никуда не годится» — Пушкин прибегает к особой аргументации. Он взывает к сердцу императора, к его «правилам и просвещённому образу мыслей» (71). Ссылка в Михайловское, поводом к которой стало перехваченное письмо (а оно расценивается как «школьническая шутка в письме к товарищу»), по мнению Пушкина, противоречит правилам и сердцу просвещённого монарха. В «Воображаемом разговоре» можно найти черты, сближающие Александра I с этой моделью, равно как этикетно почтительное отношение поэта к монарху. Однако к фразе, демонстрирующей пиетет подданного к царю («Я всегда почитал и почитаю Вас, как лучшего из европейских нынешних властителей»), добавлено замечание в скобках: «увидим, однако, что будет из Карла X». Пушкин упрекает царя в несправедливости. Он полагает, что его частное мнение об уроках «чистого афеизма» нельзя расценивать и судить как «всенародную проповедь» (70). Поэт осмели-

¹Что не может быть существа разумного, Творца и правителя (*франц.*).

ваётся упрекать царя за ссылку в Михайловское: «ваш последний поступок со мною — противоречит вашим правилам и просвещённому образу мыслей» (71).

В пушкинском диалоге образ Александра Благословенного явно расходится с представлением о милостивом и просвещённом монархе. Об этом свидетельствует заключительный обмен репликами между Александром Романовым и Александром Пушкиным:

«— Признайтесь, вы всегда надеялись на моё великодушие?

— Это не было бы оскорбительно вашему величеству: вы видите, что я бы ошибся в моих расчётах...» (71).

В итоге достаточно беглого анализа «Воображаемого разговора с Александром I» напрашивается несколько выводов:

1. Пушкин создаёт некий аналитический самоотчёт, в котором проверяет причины, приведшие его в михайловскую ссылку.

2. Он выстраивает диалог с царём как своеобразную самозащиту, разъясняя своё «противузаконное» поведение, выявляя предвзятую позицию своих недоброжелателей, от имени которых говорит царь.

3. Образ Александра I в «Разговоре» отмечен двумя особенностями. Во-первых, «лучший из европейских властителей» отнюдь не совпадает с идеальной моделью просвещённого государя, а во-вторых, едва ли не важнейшая черта пушкинского образа — то, что Александр I оказывается читателем, тогда как поэт — творцом.

4. Пушкин в концовке сочинения приходит к выводу о неизбежном и неразрешимом конфликте между царём и поэтом, у каждого из которых своя роль и своя сфера: царь распоряжается судьбой поэта как своего подданного, но не в силах влиять на его творчество. Поэт — творец, а царь в сфере искусства вынужден довольствоваться ролью читателя.

Спустя почти полтора века после того, как появился «Воображаемый разговор с Александром I», в 1973 году, Давид Самойлов создал стихотворение «Свободный стих» («В третьем тысячелетии»)¹, в котором центральная коллизия воссоздаёт встречу поэта и царя — Пушкина и Петра I. Сознательно или невольно автор «Свободного стиха» следует за Пушкиным, во-первых, потому что повторяет ту же коллизию, а во-вторых, прибегает к фантазийно-игровому жанру, но не прозаическому, а стихотворному.

¹ *Самойлов Д.* Стихотворения. СПб., 2006. С. 208—209. Далее цитирую по этому изд.

Если Пушкин в своём воображаемом диалоге воспроизводит встречу современников и строит разговор царя и поэта на фактах документального порядка, а игровой план в его произведении связан прежде всего с реконструкцией поведения и отношения царя к персоне, позиции и творчеству самого ссыльного поэта, то в XX веке Самойлов обуславливает игровой пласт своего стихотворения тем, что

В третьем тысячелетье
Автор повести
О позднем Предхиросимье
Позволит себе для спрессовки сюжета
Небольшие сдвиги во времени —
Лет на сто или на двести.

Поскольку эти сдвиги направлены в обе стороны от реального биографического времени жизни Пушкина, стихотворение насыщено откровенными и даже подчёркнутыми анахронизмами, в которых сращиваются факты собственно исторические и сугубо литературные. В предполагаемой повести Пушкина доставляет во дворец «в серебристом автомобиле» «крепостной шофёр Савельич», Пётр предлагает поэту «виски с содовой», за креслом царя «Будет стоять / Седой арап Ганнибал», а Дантесу предписана роль дежурного офицера. Однако центральные строфы верлибра Д. Самойлова можно трактовать как версию вечного конфликта самодержца и поэта:

— Что же ты, мин херц? —
Скажет царь,
Пяля рыжий зрачок
И подёргивая левой щекой.
— Вот моё последнее творение,
Государь, —
И Пушкин протянет Петру
Стихи, начинающиеся словами:
«На берегу пустынных волн...»

Скажет царь,
Пробежав начало:
— Пишешь недурно.
Ведёшь себя дурно. —

И снова, прицелив в поэта рыжий зрачок,
Добавит: — Ужо тебе!..

Несмотря на, казалось бы, благополучный для поэта исход встречи с царём («Он отпустит Пушкина жестом») в интерпретации Д. Самойлова, обладающего опытом века двадцатого, коллизия «поэт и власть» остаётся по-прежнему (по-пушкински) драматической. Рыжий зрачок царя *прицелен в поэта*, пушкинская цитата-угроза «Ужо тебе!» переадресована творцу «Медного всадника». А ведь самоеловский Пётр пробежал лишь комплиментарное для него начало вступления к поэме.

У Самойлова, как и в «Воображаемом разговоре», царь оказывается читателем, выносящим приговор и творчеству поэта («Пишешь недурно»), и поэту-человеку («Ведёшь себя дурно»). И не даром в смежном зале оказывается *на дежурстве* Дантес.

В «Свободном стихе» Д. Самойлов, независимо от того, ориентировался он на «Воображаемый разговор» или лишь на общеизвестные факты биографии Пушкина и цветаевское стихотворение «Пётр и Пушкин», что отмечено в комментариях к указанному изданию Самойлова¹, коллизия неразрешимого конфликта поэта и царя решается в пушкинском драматическом ключе, который не отменяет, а, пожалуй, даже подчёркивает игровой, почти дурашливый квазифактологический текст стихотворения.

---

¹ Самойлов Д. Стихотворения. С. 680.

ПРОБЛЕМА «ХУДОЖНИК И ВЛАСТЬ» В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ВСЕВОЛОДА НЕКРАСОВА

Всеволод Николаевич Некрасов принадлежит к плеяде талантов, возродивших традицию авангардизма в русской поэзии 1950—1980-х годов и придавших её развитию новый импульс. Открытия футуристов (В. Хлебников, В. Маяковский) и приверженцев «наивного письма» (Н. Глазков) он преумножил, обратившись к поэтике конкретизма, характерной для представителей «лианозовской группы», в состав которой входил.

Лианозово — подмосковный посёлок, где в одной комнате (позже — в двух) в бараке, правда, с газом и канализацией, жил художник-нон-конформист Оскар Рабин со своей семьёй — женой, Валентиной Кропивницкой, и двумя маленькими детьми. С 1958 по 1965 год в этом бараке художники устраивали воскресные показы картин, куда могли прийти все желающие. О. Рабин демонстрировал не только свои картины, но и работы других художников-авангардистов: Н. Вечтомова, В. Немухина, Л. Мастерковой, Б. Свешникова. Принимали участие в этих показах и родственники О. Рабина по линии жены: отец В. Кропивницкой — Е.Л. Кропивницкий, мать — О.А. Потапова, брат — Л. Кропивницкий и, конечно, сама В. Кропивницкая. Информация о воскресных показах у О. Рабина в Лианозово распространялась из уст в уста, интересующиеся приезжали сами, некоторые — за компанию с кем-то, другие — случайно, но поток людей в маленькую барачную квартирку не иссякал. Следует отметить, что упомянутый выше поэт и художник Е.Л. Кропивницкий жил неподалёку, на станции Долгопрудной, в деревне Виноградово, и можно сказать, что именно с него началась традиция подобных встреч.

Безусловно, воскресные экспозиции в Лианозово — полностью заслуга О. Рабина, однако и сам О. Рабин, и поэты Г. Сапгир, И. Холин приезжали в гости к Е. Кропивницкому уже с середины 40-х годов, называли его своим духовным учителем, наставником, поскольку принципы гротескного примитивизма, которые развивал Е. Кропивницкий в своей поэзии и живописи, легли в основу всей лианозовской эстетики. Об этих встречах Г. Сапгир вспоминает так: «Мы гуляли по окрестным паркам и лесам, читали и без конца беседовали об искусстве. Это был истинный учитель и магнетическая личность. Как я понимаю, он каждому неوفиту давал проявить себя и поддерживал его в этом стрем-

---

лении. Почему его в своё время не арестовали, не знаю. Я помню, как меня поразили его стихи того времени. Оказалось, что поэзия вовсе не то, что мне представлялось по прочтении поэтов XIX века и символистов. Поэзия была вокруг — в самой природе Подмоскovie и в тех фигурах, которые, покачиваясь, бродили по этому сборному абсурдному ландшафту»¹. Таким образом, и небольшая комнатка с печкой в деревне Виноградово, и окрестности Долгопрудной стали одним из центров зарождавшегося неофициального московского искусства, переместившегося потом в Лианозово.

Всеволод Некрасов в статье «Обязанность знать» пишет: «Пока система была тотальной, свобода выбора — нулевой, из положения не было нормального выхода. Ни щёлочки. Был выход только иррациональный, через жертвы и подвиги. <...> В корне, решающим образом дело изменилось не когда всё рухнуло... а когда раскрылась первая щёлка, появился зазор, люфт. В щёлку пошёл воздух и свет — и климат, и самочувствие стали в принципе иными. Зазор дал возможность движения. Свободы. Пусть и крошечной — главное, реальной. Хочешь двинься, хочешь нет. <...> Они (лианозовцы. — Д.Н.) всё-таки не были настоящими диссидентами (в те времена, впрочем, не было ещё и этого слова — но суть была), зато диссидентами были их стихи и картины. Выступать самим — этого не то что избегали — поэты, как и художники, — но и не особо стремились. Пусть выступит и скажет за себя тобой сделанное. <...> Зато и отказываться не отказывались. От сделанного: стихов, картин. Написанного не скрывали и от авторства не отпирались. Нигде — насколько я знаю. Жилось нервно, верно. Бывало и дёргано, и потянуто, куда надо. Время от времени. Но раз сесть не сели, не будем говорить о реальном риске для авторов. Потенциальный был, конечно, но важно что — что и этот потенциальный, предположительный риск автор чётко и целиком брал на себя, чтобы практически полностью снять его со зрителя, т. е. чтобы обеспечить ему, зрителю, вот ту самую свободу выбора — впервые за 25—30 лет. По меньшей мере. Свободную возможность знакомиться с тем, что свободно делает автор»².

Название «лианозовская группа» имеет свою историю, и появлению эта формулировка обязана функционерам КГБ, добившимся в 1963 году исключения Е. Кропивницкого из Московского Союза художников

---

¹ *Сангур Г.* Лианозово и другие [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sapgir.narod.ru/texts/articles/article1.htm>.

² *Журавлёва А., Некрасов Вс.* Пакет. М., 1996. С. 356—357.

за «формализм в искусстве» и «организацию лианозовской группы». Сам Е. Кропивницкий написал такое объяснение: «Лианозовская группа состоит из моей жены Оли, моей дочери Вали, моего сына Льва, внучки Кати, внука Саши и моего зятя Оскара Рабина»¹. А Вс. Некрасов в письме в редакцию журнала «Искусство» отмечает: «Она (лианозовская группа. — *Д.Н.*) была тогда и не группа, не манифест, а дело житейское, конкретное. Хоть и объединяла авторов, в конечном счёте чем-то сходных. Но прекратилась естественно и, в общем, безболезненно с перемёной конкретных обстоятельств: мест проживания»².

Всеволод Некрасов впервые приезжает в Лианозово в 1959 году, будучи молодым поэтом, после дебютной публикации в журнале «Синтаксис», редактором которого был А. Гинзбург. «Синтаксис» — это первый самиздатский журнал, он начал выходить в 1959 году. В числе авторов первого номера этого издания были, кроме Вс. Некрасова, поэты И. Холин и Г. Сапгир, принимал участие и художник Е. Кропивницкий (в журнале были представлены его иллюстрации). Всего вышло три номера «Синтаксиса» — два московских, один ленинградский, после чего А. Гинзбург был арестован и осуждён сначала на два года, а затем на пять лет. Именно через А. Гинзбурга и А. Русанова, который пригласил молодого автора в «Синтаксис», Вс. Некрасов знакомится с О. Рабиным и становится завсегдаем воскресных показов и частым гостем как в Лианозово, так и на Долгопрудной. Г. Сапгир в статье «Лианозово и другие» рассказывает: «У поэтов между тем произошло пополнение. Стали приезжать двое молодых — Всеволод Некрасов и Саша Аронов. Первый — остался, подружился со всеми и стал активным лианозовцем и собирателем картин и рисунков наших художников»³. Живопись Рабина произвела на поэта сильное впечатление. Вс. Некрасов вспоминает, что «ошалел, увидев собственные стихи — тогда в основном будущие — в изображённом виде»⁴. Влияние живописи на поэзию, взаимопроникновение двух видов искусства выражается не только на уровне визуально-графической организации текста, но и в самом содержании произведений Вс. Некрасова, большая часть которых посвящена конкретным художникам, особенностям их личного творческого почерка, отдельным картинам либо ряду работ, объединённых общей темой, сюжетом или какой-нибудь деталью.

---

¹ Некрасов Вс. Лианозово. М., 1999. С. 37.

² Там же. С. 39.

³ Режим доступа: <http://sapgir.narod.ru/texts/articles/article1.htm>.

⁴ Некрасов Вс. Лианозово. С. 39.

В то же время общение с поэтами Е. Кропивницким, Г. Сапгиром и И. Холиным, интерес к их стихотворным опытам побуждает Вс. Некрасова продолжать поиск новых форм, позволяющих автору максимально выразиться в тексте. Обнаружилось, что многие художественные приёмы, используемые молодым поэтом при создании произведений, параллельно разрабатывались в творчестве других писателей, и осознание того, что ими делается какое-то общее дело, что «существует какой-то новый модус поэзии»¹, определяло атмосферу лианозовских встреч.

Одной из главных объединяющих черт для всех этих авторов является интерес к слову как таковому, как элементу живой, естественной речи, что отражает предельная аскетичность стиха, резко бросающаяся в глаза «бедность» словаря и синтаксиса. Использование принципов примитивизма, установка на создание речевой ситуации, на передачу конкретного «факта речи»² характеризует творчество поэтов-лианозовцев. Вс. Некрасов отмечает главное качество всех представителей лианозовской группы: «определённость черт. Обычно пишут как-нибудь так: черты обретали определённость. Это не про Лианозово — там именно что с этой определённости черт и начинали. Во всяком случае, самые лианозовские из лианозовцев — Рабин, Холин с Сапгиром. <...> Сапгировские диссонансные и разноударные рифмы, холинские слова — гири — утюги. Резче, ещё резче! Увесистей. Можно даже так: подчеркнутость черт, да ещё и неоднократная. У Рабина — в простом, буквальном смысле»³. Вс. Некрасов в беседе с В. Кулаковым говорит о «взаимном, встречном ученичестве»⁴ с Сапгиром и Холиным. В стихах последнего огромную роль играет повтор, причём повтор очень конкретный, глубоко продуманный, смысловой. Этот элемент холинской поэтической системы, характерный и для обэриутской эстетики, привлекает особое внимание Вс. Некрасова, поскольку представляет собой один из способов внутреннего самообновления слова, позволяющий достичь эффекта отстранения. Кроме того, использование приёма повтора в сочетании с намеренно упрощённым лексическим составом произведений позволяет адекватно отразить примитивизм самой жизни общества. Именно И. Холина, в некоторых случаях — ещё Г. Сапгира, называют «барач-

---

¹ Некрасов Вс. И.И. Кабаков и не только он // Русский журнал [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.russ.ru/culture/19990915_nekr-pr.html.

² Некрасов Вс. Лианозово. С. 65.

³ Там же. С. 67.

⁴ Кулаков В.Г. Поэзия как факт. Статьи о стихах. М., 1999. С. 334.

ными» поэтами, и действительно, большая часть стихотворений И. Холина посвящена жителям барачков (так называемый «барачный цикл»). Однако тема барака затрагивалась всеми лианозовцами. Барак — это не только бытовая разлука, невозможность создать настоящий уютный семейный уголок, постоянная зависимость от других людей, вынужденное существование бок о бок с чужими. Барак — это в первую очередь метафора духовной жизни общества, вернее её отсутствия, внутренней опустошённости и закомплексованности. В стихах Вс. Некрасова эта барачность гиперболизируется, доводится до абсурда:

барак просто барак

2-х этажный барак

3-х этажный барак

много много много много
много много много много
много много много много
многоэтажный барак¹ [5, с. 31].

В 1961 году в Лианозово появляется поэт Яков (Ян) Сатуновский. Его пригласил на один из воскресных показов поэт-переводчик В. Бугаевский. Ян Сатуновский был старше большинства лианозовцев, «с детства мечтал о стихах»², всю жизнь их писал, в конце 20-х годов примыкал к поэтам-конструктивистам. В Лианозово он приезжает, будучи уже полностью сформировавшимся автором, отличающимся особой «речевой» манерой. По свидетельству Г. Сапгира, Я. Сатуновский, «увидав жёлтые совершенно живые бараки Оскара и услышав стихи про их население, которые сочинял Игорь Холин, обрадовался, будто встретил близких родственников»³. А Вс. Некрасов подтверждает, что «Яков Абрамович сразу «заболел» Рабиным»⁴.

Вс. Некрасов не скрывает, что поэтика Я. Сатуновского во многом близка его собственной. На сходство речевой манеры этих двух поэтов

¹ Некрасов Вс. Живу Вижу. М., 2002. С. 31.

² Сатуновский Я. Немного о себе // Вавилон: Тексты и авторы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vavilon.ru/texts/satunovsky1-1.html>.

³ Сапгир Г. Лианозово и другие.

⁴ Некрасов Вс. Лианозово. С. 39.

указывают и исследователи (В. Кулаков, М. Сухотин), отмечая, правда, что поэтика Вс. Некрасова «предельно аскетична»¹ по сравнению с поэтической системой Я. Сатуновского. Вс. Некрасов ценит у последнего принципиальную антидекламационность, его «принципиально неартикулируемый вовне стих»². В текстах Я. Сатуновского поражает контраст естественности речевого потока, внутреннего движения самой речи и неестественности описываемой ситуации, как бы вырванной из потока жизни и представленной во всей своей ужасающей конкретности. Автор показывает, что тоталитарная система разрушает общество изнутри, равно как и каждого отдельного человека, который привыкает жить в постоянном страхе и для которого такое состояние становится естественным.

Вс. Некрасов, говоря о поэзии Я. Сатуновского, подчёркивает, что «максимальная, как бы лианозовская заострённость — определённая — выраженность черт — фактичность — в стихе Сатуновского переходит в иную ипостась — в максимум бесспорности самого качества этой речи, когда речь определённо становится поэзией по качеству, внешне оставаясь совершенно неотличимой от речевого фона по формальным признакам — либо прикидывая те или иные атрибуты, знаки-признаки стихотворной техники как бы для смеху, отстранённо и номинально — так что сами эти атрибуты могут вызывать что-то даже вроде досады... В этом, собственно, и метод стиха, секрет техники: стихи работают как стихи, цепляются за память вообще без видимых признаков стиха — речь и речь. Наша, общая. Тут же становящаяся моей речью. А значит, являющаяся, в сущности, лирикой»³. Многие строки Я. Сатуновского Вс. Некрасов берёт в качестве эпиграфа к своим произведениям, а в статье «Объяснительная записка» указывает, что открытию им сноски как художественного приёма, как средства аструктурирования поэтического текста способствовало одно из стихотворений того же Я. Сатуновского: «Почти классическая конкретистская регистрация речевого события, явления (как, скажем, вывесок, заголовков и т. п.) — только речь внутренняя — и ещё чуть глубже. Само событие как момент выхода в иномерность, точка нарушения. Не так кристалл, как сучок. Не знаю, кто

¹ Кулаков, В.Г. Поэзия как факт. Статьи о стихах. М., 1999. С. 33.

² Некрасов Вс. «Искусство без подлости — никак не «другое»: оно-то и есть настоящее, нормальное искусство» // Русский журнал [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russ.ru/krug/20030730-pr.html>.

³ Некрасов Вс. Лианозово. С. 68.

ещё так умеет ловить себя на поэзии. По-моему, мои все сноски от этой (год примерно 65)»¹.

Лианозовский период в творчестве Вс. Некрасова — авангардиста, пожалуй, самый важный. Это время становления его поэтической системы, время поиска своих приёмов методом проб и ошибок, осторожного нащупывания: моё — не моё. Благотворное общение с другими лианозовцами, сходные художественные открытия, преломляющиеся у каждого автора по-своему, влияние абстрактной, беспредметной живописи на внешний облик стиха, на его визуальность — всё это формировало собственную поэтическую манеру Вс. Некрасова, искавшего и нашедшего свою форму самовыражения. Определяющими признаками поэзии этого автора становятся живая, естественная разговорная речь и особая внутренняя интонация. Культуролог и философ В. Библер писал, что у Вс. Некрасова «внутренняя речь дана в тот момент, когда она становится, стремится стать внешней речью, «грозит» развернуться (но не разворачивается) «внешней речью»². Вот это стремление к минимализму сам Вс. Некрасов, говоря о театре, объясняет так: «Мы понимали, что у «форм» своя судьба, своя драма, логика и необходимость. Они никак не призваны скрыть, обслужить или украсить враньё, а они — чтобы вранья не было. Ценой минимизации — или обнажения конструкции или каких-то ещё эксцессов, но снять риск вранья и обмана. Именно эта-то постоянная задача — КАК СКАЗАТЬ, ЧТОБ НЕ СОВРАТЬ — и представлялась главным нервом того СОВРЕМЕННОГО искусства, от которого мы были отлучены и отучены»³.

Становление Вс. Некрасова-авангардиста проходило в условиях, когда само существование лианозовской группы уже было явлением политического толка и представляло собой вызов тоталитарной системе с её раз и навсегда установленными правилами. Поэт отмечает: «Сажать за искусство — просто за искусство — действительно перестали. В столицах по крайней мере. Опять соберутся к 80-м. <...> С не разрешённым, вне системы искусством система борется другим способом, но так же тотально: не допускает к заработку, не допускает к публике. Несуществование не разрешённого искусства обеспечивается намеренным, целенаправленным незнанием и организованным непризнанием. Вне

---

¹ Журавлева А., Некрасов Вс. Пакет. С. 304.

² Библер В. Два полюса поэзии // Литературный календарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lit.1september.ru/articlef.php?ID=200401008>.

³ Журавлева А., Некрасов Вс. Пакет. С. 77.

системы не должно быть искусства. Не может быть свободы в системе. Ешь, что дают. Дядя знает, что тебе вкусно»¹. Однако если в Советском Союзе неофициальное искусство существовало негласно, тайно, изолированно, то за рубежом лианозовцами заинтересовались, и в 1964 году, благодаря чешскому поэту Антонину Броусеку, стихи Вс. Некрасова в переводе на чешский появляются в журнале «Třaz», в 1965-м — в пражском журнале «МУ», а в пражском еженедельнике «Студент» выходит большая статья о Лианозово с репродукциями художников О. Рабина, В. Кропивницкой, Н. Вечтомова, В. Немухина и переводами стихов И. Холина, Г. Сапгира, Я. Сатуновского и Вс. Некрасова.

В начале 1970-х годов немецкая славистка Лизл Уйвари знакомится с лианозовцами, с готовностью принимает русскую поэзию авангардистского толка и открывает для последних немецкий конкретизм. Вс. Некрасов неоднократно подчёркивает особую значимость этого открытия, ведь в те годы информационного вакуума было бесконечно отрудно узнать, что подобное в мире кем-то делается, что можно найти единомышленников и за рубежом и — более того — узнать, что даже название, принятое для поэзии такого рода, адекватно передаёт саму её суть. «Нам, как и немцам, — пишет автор, — не надо было поэтичности помимо фактичности — ну, или реальности, или конкретности — и т. д. Как не надо было её и обэриутам. Но речь не о подчёркнутой фактичности или реальности сюжета — натуралистичности, скажем, или документальности — от этого не отказывались, но из этого не исходили — речь о фактичности, конкретности речи. Сло́ва, стиха — это было главное»². Благодаря Л. Уйвари произведения Вс. Некрасова, И. Холина, Г. Сапгира, а также В. Лёна, В. Бахчаняна, Э. Лимонова в её переводах появляются на страницах журнала «Pestsaule», а в 1975 году в Цюрихе выходит двуязычный сборник «Свобода есть свобода» — «Freiheit ist Freiheit» (название — по первой строке стихотворения Вс. Некрасова) с теми же авторами. В 1977 году в парижском журнале «Аполлон-77» представлена подборка стихотворений Е. Кропивницкого, Я. Сатуновского, Вс. Некрасова и названных выше поэтов. Именно в этом издании авторы именовались как группа «Конкрет» (название предложено Э. Лимоновым).

В 1979 году состоялась первая большая (больше десяти печатных листов) публикация произведений Вс. Некрасова на родине. Правда,

¹ Там же. С. 358.

² Некрасов Вс. Дойче Бух. М., 1998. С. 90.

снова в самиздатском питерском журнале «37», издававшемся В. Кривулиным. Эта подборка стихов ляжет в основу книги Вс. Некрасова «Стихи из журнала», которая будет опубликована в 1989 году.

Между тем русско-немецкие контакты продолжаются, в Москву на стажировку приезжают молодые слависты Сабина Хэнсен и Георг Витте, работающие в университете города Бохум. Заинтересовавшись творчеством русских конкретистов (по публикациям и переводам Л. Уйвари), они знакомятся с поэтами лично, собирают материал, и в результате всеобщих усилий в 1984 году появляется сборник «Kulturpalast. Neue Moskauer Poesie und Aktionskunst» Вондерс и Хирта (псевдонимы Хэнсен и Витте), куда вошли произведения Вс. Некрасова, Л. Рубинштейна, Д. Пригова, А. Монастырского, группы «Мухоморы». Сборник этот двуязычный, с прилагающейся к нему аудиокассетой, на которой — авторское исполнение стихов. Подобного рода издание выйдет ещё в 1992 году, будучи приуроченным к началу лианозовской программы. Поэты-лианозовцы по приглашению немецкой стороны поедут с выступлениями по городам Германии, там же будут проводиться выставки лианозовских художников. Книга получит название «Lianosowo, Gedichte und Bilder aus Moskau» и будет включать в себя стихи лианозовцев (Вс. Некрасова, Е. Кропивницкого, Я. Сатуновского, И. Холина, Г. Сапгира) с переводами, аудиокассету, а также каталог выставки.

Активное сотрудничество русско-немецких авангардистов имело широкий резонанс за рубежом, однако полностью замалчивалось российской прессой. Не афишировалось средствами массовой информации и проведение литературных вечеров в МГУ, в Литмузее на Петровке, где можно было услышать авторское исполнение стихов поэтами-лианозовцами и увидеть выставки лианозовских художников. Вс. Некрасов является активным участником этих выступлений. Кроме того, он издаёт книги «Справка» (1991) и «Пакет» (совместно с А. Журавлёвой; 1996), публикуется в журналах «Вестник новой литературы» (1990, № 2), «Соло» (1991, № 2), «Новое литературное обозрение» (1994, № 5) и других. Свою «лианозовскую хронику» Вс. Некрасов представил в сборнике стихов и статей «Лианозово» (1999), а хронику «немецко-своих отношений по порядку» — в книге «Дойче Бух» (1998).

«Чуть шатнувшись, система борьбы с фактами, искусственного забывания, намеренного незнания, направленного непризнавания снова обрела себя — сверху донизу, — пишет Вс. Некрасов. — Не сталинская, конечно, система — не так террор, как прикорм. Но смягчённость-то

и вязала надёжно: произвол просто тоже переводили на самообслуживание — как дешевле»¹. А в статье «Ардерграунд» поэт подчёркивает: «Мы всего-то пытались быть нормкультурой — когда положена была культура исключительно соц. Спец. И настоящее название «андерграунда» — «другого», альтернативного, параллельного и пр. и т. п. искусства очень простое... — искусство без подлости»².

Как представитель андеграунда, Вс. Некрасов противостоит официозу, однако чаще всего в стихах избегает прямого обличения. Основным его орудием становится скрытая ирония, ещё подчёркнутая элементом отстранённости. Автор отражает жизнь духа неофициального поэта, сквозь призму восприятия которого доминирующее официальное искусство явлено во всей своей лжепафосности и идеологичности, обескровливающей настоящую литературу.

---

¹ Журавлева А., Некрасов Вс. Пакет. С. 71.

² Там же. С. 361.

КНИГА И ВЛАСТЬ
Перемещение дворянских библиотек
Советским государством на примере книжного собрания
Пушкинского Заповедника

История вывоза усадебных библиотек в первые годы Советской власти до сих пор ещё не написана, несмотря на свою важность для осознания освоения культурного багажа старой России сначала советским, а в конечном счёте и современным российским обществом. Культурный потенциал, накопленный дворянской Россией, мог быть или полностью потерян, или, хотя бы частично, спасён для её будущего развития. Сегодня существует несколько общих работ, касающихся вывоза как книжных, так и вообще культурных ценностей¹, однако подробности этого процесса в большинстве случаев ещё не известны. Исключения составляют работы по истории конкретных книжных коллекций в регионах, однако и они не показывают в необходимой мере, как и каким образом это перемещение происходило.

Книжная коллекция Военно-исторического музея (далее ВИМ), хранящаяся ныне в Пушкинском Заповеднике, даёт возможность частично пролить свет если не на сам вывоз книг из помещичьих усадеб, то на их судьбу в составе уже советских учреждений. Подробно о происхождении коллекции иностранных военных книг XVII—XIX веков в

Настоящая работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 13-11-60005.

¹ *Друганов А.И.* Библиотеки ведомственные, общественные и частные и судьба их в советскую эпоху // Советская библиография. 1933. № 1—3. С. 185—214, 1934. № 2. С. 43—78, № 3—4. 127—167; *Он же.* Библиотечные фонды в 1918—1923 гг. (Библиотеки общественные и ведомственные) // Советская библиография. 1935. № 3. С. 81—93; *Абрамов К.И.* Библиотечное строительство в первые годы Советской власти. 1917—1920. М., 1974. С. 36—67; *Он же.* История библиотечного дела в СССР. Документы и материалы. 1918—1920. М., 1975. С. 32—122; *Кончин Е.* Эмиссары восемнадцатого года. М., 1981; *Иванова Л.* Вывоз из усадеб художественных ценностей // Памятники Отечества. 1992. № 25. С. 71—75; *Кончин Е.* Революцией призванные. Рассказы о московских эмиссарах. М., 1988. *Злочевский Д.Г.* Синодик дворянских библиотек // Библиография. 1997. № 2. С. 76—92, № 4. С. 108—123

составе фондов Пушкинского Заповедника мы уже рассказывали¹. Но тогда, когда нами была высказана гипотеза о происхождении коллекции не в результате дублетирования каких-либо более крупных книжных собраний, а в процессе становления библиотечной системы Советского государства, нам были известны не все архивные материалы, отложившиеся в ходе формирования коллекции. Позднее появилась возможность воочию увидеть документы, сопровождавшие перемещение реквизированных книг, часть которых попала в Михайловское.

Книги, которые сейчас находятся в Пушкинском Заповеднике, составляли часть библиотеки Военно-исторического музея в Москве². В ноябре 1924 года было принято решение о перевозе коллекций ВИМ в Российский исторический музей (ныне ГИМ) в здание на Красной площади³. Наряду с коллекциями музейных предметов в транспортировочные ящики для перевозки упаковали и библиотеку, которая тоже должна была поступить в ГИМ. Однако, из-за загруженности помещений ГИМ на Красной площади поступлениями в течение нескольких последних лет, перевозку коллекций и книг отложили на неопределённое время. В результате этого было принято решение возобновить показ предметов ВИМ, а для этого, соответственно, пришлось распаковать часть ящиков для восстановления экспозиции.

Временное состояние коллекций, частично находившихся в ящиках, а частично выставленных для демонстрации, продлилось более двух лет. Наконец в октябре 1927 года решение о перевозке ВИМ было

---

¹ *Жучков К.Б.* Коллекция иностранных военных книг из фондов Пушкинского Заповедника: к постановке гипотезы о происхождении // Михайловская пушкиниана. Вып. 58. Сельцо Михайловское, 2013. С. 5—14.

² Книги в ВИМ поступили из Книжного фонда Московского библиотечного отдела НКП, располагавшегося в 1918—1921 годы в доме князей Гагариных (Новинский бульвар, д. 36). Здание сгорело в конце июня — начале июля 1941 года в результате немецко-фашистской бомбардировки. В 1918—1927 годах ВИМ располагался в здании палат Волковых — Юсуповых по Трёхсвятительскому переулку (д. 9), «управившемуся» в фасадную часть здания. Вполне естественно, этот адрес не понравился большевикам, и он был изменён: с 1922 года музей стал числиться по улице, проходившей вдоль задней (тыловой) части палат, то есть по Большому Харитоньевскому переулку, д. 17, который существует и поныне. В 1927 году дворец был передан в собственность печально известной ВАСХНИЛ. Палаты сохранились до сегодняшнего дня, были переданы частному инвестору, в 2009 году были прекрасно отреставрированы, и сегодня владельцы проводят экскурсии по дому для всех желающих.

³ НВА ГИМ. Оп. 1, д. 268, л. 1.

принято и недостающие предметы и книги были вновь упакованы и заново проинвентаризированы. Одновременно началась и перевозка коллекций, в том числе и библиотеки музея. Выполнена она была полностью в ноябре 1927 года, когда вновь упакованные и пролежавшие почти три года ящики нанятыми подводами были перевезены на Красную площадь.

Перевозку осуществляли работники ВИМ, а общее руководство передачей коллекций было возложено на председателя комиссии по перевозке А.П. Незнамова¹, а также на членов комиссии Л.И. Кондратьева и В.А. Городцева². Всего коллекции ВИМ заняли 801 ящик и были перевезены в конце октября 1926 — в ноябре 1927 года. 26 октября 1927 года были перевезены первые две пачки книг, не упакованные в ящики³. В тот же день были перевезены 25 ящиков библиотеки⁴. 28 октября перевезены 24 ящика⁵, 2 ноября — 25 ящиков⁶, 3 ноября — 15⁷ и 9 ноября — 8 ящиков⁸, 1 декабря — книги без упаковки⁹. Протоколы Комиссии по перевозке свидетельствуют о передаче из ВИМ в ГИМ 96 библиотечных ящиков. Однако по акту передачи от 8 августа 1930 года, подписанному Б.П. Дитмаром и В.А. Ермоловым¹⁰, числится 84 ящика с книгами библиотеки ВИМ, включая ящик № 540, разбитый при перевозке и заменённый на ящик № 633, и один ящик с книгами библиотеки без номера¹¹.

---

¹ Бывшего заведующего Хранилищем военно-исторических музеев.

² НВА ГИМ. Оп. 1, д. 168, л. б/н. (между л. 1 и 2).

³ Там же. Л. 19.

⁴ Там же. Л. 20.

⁵ Там же. Л. 21.

⁶ Там же. Л. 23.

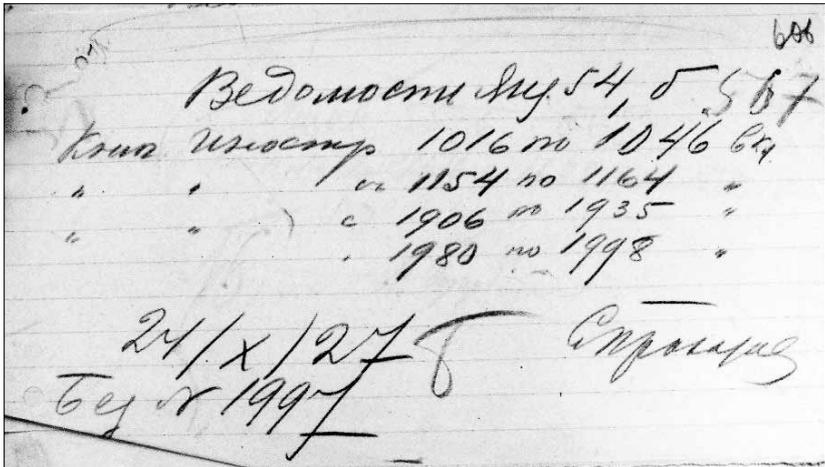
⁷ Там же. Л. 25.

⁸ Там же. Л. 27.

⁹ Там же. Л. 31.

¹⁰ Люди, занимавшиеся книгами, попавшими в последующем в Пушкинский Заповедник, заслуживают отдельного нашего внимания. Борис Петрович Дитмар был секретарём Московского библиотечного отдела Наркомпроса в 1918—1919 годах, и именно он отправлял наши книги из Книжного фонда Библиотечного отдела в Военно-исторический музей. В 1930 году, уже будучи учёным секретарём библиотеки Государственного исторического музея, он принимал эти же книги. Второй участник передачи, Вениамин Алексеевич Ермолов, научный сотрудник ВИМ в 1924—1925 годах, при передаче коллекций стал главой вновь образованной в составе ГИМ в 1925 году Группы оружия, впоследствии ставшей Отделом военного быта ГИМ.

¹¹ НВА ГИМ. Оп. 1, д. 441, л. 726. Ящики под №№ 256, 514—518, 522—524, 529—594, 596—604, б/н.

*Накладная на перевозку ящика № 54 с библиотекой ВИМ.
В накладной указаны книги, хранящиеся ныне в Пушкинском Заповеднике*

Книги из библиотеки ВИМ, доставленные в октябре — ноябре 1927 года в здание ГИМ на Красной площади, не были разобраны, даже не были распакованы, а в том же виде, как доставлены, в ящиках, прямым образом складированы в подвале здания на Красной площади в кладовой № 14¹. Только через пять лет после переезда, в 1933 году, сотрудники Отдела военного быта ГИМ, возглавляемого В.А. Ермоловым, начали разборку ящиков для передачи библиотеке ГИМ, однако ввиду того, что у библиотеки ГИМ не было места для размещения книг, не взятых Отделом военного быта, разборка была прекращена. Всего сотрудники отдела успели разобрать только семь ящиков с книгами².

В 1934 году встал вопрос о выводе библиотеки ГИМ в отдельное учреждение, которое впоследствии стало Российской государственной публичной исторической библиотекой. В связи с этим необходимо было решить, что делать с находившимися в подвале неразобранными ящиками с книгами. В результате они не были переданы ни библиотеке ГИМ, ни во вновь образованную Историческую библиотеку. Книги ВИМ образовали подсобную библиотеку Группы оружия ГИМ, которая должна была играть роль научно-справочной библиотеки. Однако, по нашему мнению, в эту библиотеку были включены только издания на

¹ НВА ГИМ. Оп. 1, д. 441, л. 725.

² Там же.

русском языке и все книги по русской военной истории, и прежде всего по истории Отечественной войны 1812 года. Большая часть книг по военному делу (а не по военной истории) на иностранных языках, то есть, собственно говоря, не профильных ни для Исторической библиотеки, ни для самого ГИМ, ни для той же Группы оружия, оказалась не нужна. В результате все они должны были стать бесхозными, и их перевели в Обменный отдел ГИМ.

О такой судьбе оставшихся от книжного собрания ВИМ книг свидетельствует то, что они не имеют учётно-регистрационных записей ГИМ, а также то, что в Пушкинский Заповедник они были переданы в 1975 году из Обменного фонда ГИМ, о чем свидетельствуют акты приёма-передачи¹. Остатки библиотеки ВИМ, из которой были выбраны все русские издания, все книги по русской военной истории, в том числе по истории Отечественной войны 1812 года, не нужные ни ГИМ, как бытовому музею, ни Исторической библиотеке, поскольку книги эти представляли собой издания не по военной истории, а по военному делу, оказались не просто «бесхозными», но и не осмотренными сотрудниками ни ВИМ, ни ГИМ. Причиной этого стало, конечно, то, что книг, перемещённых Советским государством в первые годы Советской власти, было огромное количество и правильно разобрать и описать все было практически невозможно.

В результате этого в оставшейся части библиотеки ВИМ, хранившейся в подвале ГИМ, а затем переданной Пушкинскому Заповеднику, оказалась часть мемориальной библиотеки Д.В. Голицына из имения Вязёмы под Москвой, а также разрозненные части военных собраний других дворянских библиотек, в том числе Соллогубов, Барятинских, Гудовичей, Олсуфьевых, Колычевых, Гагариных и так далее, всего более сорока дворянских усадебных книжных собраний². Само наличие книг из нескольких дворянских книжных собраний в этой коллекции не придало бы ей особого значения.

Однако, во-первых, большая часть книг имеет многочисленные владельческие записи, в том числе среди них находится экземпляр французского кавалерийского устава 1801 года с записями Д.В. Голицына,

---

¹ Списки № 1 и 2 книг, переданных ГИМ Пушкинскому Заповеднику за подписью М.И. Струговой. Акт передачи № 665 за подписью главного хранителя ГИМ А.С. Корх.

² См.: *Жучков К.Б.* Коллекция иностранных военных книг из фондов Пушкинского Заповедника: к постановке гипотезы о происхождении. С. 8—9.

сделанными при подготовке его издания на русском языке¹. Во-вторых, в составе коллекции оказались весьма редкие издания по военной истории, ныне не только представляющие собой библиографические редкости, но и отсутствующие в крупнейших и представительнейших собраниях России и Европы, как, например, издания полевых типографий французских революционных армий в 1793—1796 годах, первые номера европейских военных журналов и альманахов начала XIX века, авторские экземпляры военных трудов с сигнатурами². В-третьих, выбирая из книг ВИМ издания по военной истории, работники ГИМ оставили в составе коллекции настоящую «выжимку» книг по истории военного дела с конца XVII до середины XIX века, в результате чего коллекция стала представлять собой проницаемое и весьма представительное собрание трудов авторитетнейших военных теоретиков Европы XVIII века, в составе которого первые издания Фекьера, Фолара, Санта-Круза, Гибера, Мениль-Дюрана, Рошеймона, Шарнгорста, Нуайе, Ронья и других³. В настоящем виде коллекция представляет собой исчерпывающее, практически без каких-либо лакун, собрание по истории военного дела в Европе XVIII — начала XIX века, в том числе предреволюционную, революционную и наполеоновскую эпохи.

В итоге, в результате послереволюционных и советских перипетий, когда власть вывозила и перераспределяла усадебные книжные коллекции по вновь образованным учреждениям и предприятиям, произошла частичная трансформация дворянских библиотек. Часть общего книжного богатства страны попала в библиотеки различного уровня и была распылена в общей массе библиотечных фондов, часть особо ценных собраний была сохранена в составе музеев и других учреждений. В на-

---

¹ См.: *Жучков К.Б.* Кавалерийское наставление Д.В. Голицына: неизвестный источник французского влияния в русской армии в нач. XIX в. // *Власть, общество, армия: от Павла I к Александру I. Труды Исторического факультета СПбГУ.* Т. 11. СПб. 2013. С. 73—76; *Жучков К.Б.* Смена общественной парадигмы: от прусского влияния к французскому (кавалерийское наставление Д.В. Голицына) // *Михайловская пушкиниана.* Вып. 58. Сельцо Михайловское, 2013. С. 37—46.

² См.: *Жучков К.Б., Монахов В.М.* Коллекция французских военных книг XVIII—XIX веков из фондов Пушкинского заповедника «Михайловское». СПб., 2012. С. 6—9.

³ См.: *Жучков К.Б.* Научное значение музейной коллекции на примере коллекции ВИМ в составе фондов Пушкинского Заповедника // *Михайловская пушкиниана.* Вып. 47. Сельцо Михайловское; Псков, 2008. С. 26; *Жучков К.Б.* Коллекция французских военных книг XVIII—XIX веков из фондов Пушкинского заповедника «Михайловское. М., 2012. С. 5—6.

шем же случае произошло видоизменение нескольких книжных собраний, по определённому принципу отобранных и трансформированных сначала в Книжном фонде Московского библиотечного отдела, затем в Военно-историческом музее и, наконец, в Государственном историческом музее.

В процессе этой трансформации образовалась новая книжная коллекция, стихийно систематизированная в рамках одной тематики и представляющая собой оригинальное и репрезентативное собрание иностранных книг по военному делу XVIII — начала XIX века. Таким образом, перемещение дворянских книг после 1918 года Советским государством оказалось в данном случае не просто спасительным, но и благоприятным обстоятельством для создания на базе перемещённых книг нового, компактного, но ценного собрания, которое ныне хранится в музейном собрании Пушкинского Заповедника.

История образования коллекции ВИМ в составе фондов Пушкинского Заповедника показывает не только огромную работу власти по спасению культурных ценностей после 1917 года, но и как целенаправленное, так и стихийное формирование новых книжных коллекций в изменившихся общественных условиях. Неправомерно поэтому говорить об уничтожении Советской властью книжных богатств страны и бесполезном и вредном перемещении культурных ценностей старой России, в результате которого они были якобы потеряны¹. Отдельные эксцессы первых послереволюционных лет нельзя экстраполировать на всю культурную работу в стране в целом и делать из частных случаев далеко идущие глобальные выводы о целенаправленном уничтожении новой властью культурных богатств и гибели культурного наследия дворянской России. В той или иной мере, в том или ином виде они были сохранены для будущих поколений.

---

¹ *Голлербах Е.А.* Деятельность Государственного Книжного фонда по архивным документам и свидетельствам современников // *Чертковские чтения: материалы первой научной конференции* 26—27 сент. 2011 г. М., 2012. С. 251.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ИГРЫ «РУССКИЙ МИР»

Игра была разработана в 2001 году. Автор игры — Олег Павлович Евдак, доцент кафедры режиссуры массовых празднеств, преподаватель Челябинского государственного педагогического университета, есаул казачьего войска. Это уникальная интеллектуальная игра, аналогов которой нет. Уникальность её заключается в том, что она посвящена истории русской культуры до 1917 года и включает в себя сведения из различных областей культуры: это русская история, литература, православные духовные ценности, русское искусство, фольклор, праздники, обряды и обычаи, русская материальная культура.

В основе интеллектуальной игры «Русский мир» лежит традиционное для фольклора число три (три богатыря, птица-тройка, три девицы, тридевятое царство). Игра проводится в три этапа в трёх возрастных категориях и состоит из трёх поединков, каждый из которых включает в себя три боя.

Интеллектуальная игра для школьников «Русский мир» предполагает углубление знаний учащихся по истории России, русскому языку, литературе, искусству, приобщает учащихся к интеллектуальному, культурному наследию, народным традициям и предлагается как одна из форм гражданского, патриотического воспитания. В этом сезоне игра была посвящена 400-летию Дома Романовых.

Интеллектуальная игра «Русский мир» предполагает пристальное изучение истории Отечества, истории наших предков, учит уважительно относиться к духовному наследию и общенациональным ценностям, развивает память, мышление, интеллект, способность к импровизации, готовность к взаимопомощи, а также творческие способности.

Вот примеры заданий:

1. Ведущий зачитывает название придворной должности. Задача дружин — назвать обязанности человека, который состоит в этой должности.

2. На экране демонстрируют гербы трёх населённых пунктов Челябинской области. Задача дружины — указать, какому городу (селу, району) принадлежит тот или иной герб.

3. Найти ошибку в биографии государя и исправить её.

4. Определить, кому из русских царей принадлежит высказывание.

5. Ведущий описывает некое историческое событие. Задача дружины — указать, во времена правления какого государя оно произошло.

6. По изображению узнать и назвать икону.

Существует система домашних заданий. Для младших: выступить с обращением от имени сказочного героя; для играющих в средней возрастной категории — создать и исполнить оду России; для старших — представить незаслуженно забытую историческую личность.

Наибольшей популярностью у детей пользуются творческие этапы игры: сочинить командную сказку по заданному началу, отгадать историческую личность или литературное произведение по девяти словам-ассоциациям.

Это лишь малая часть заданий. На сайте ЧГПУ есть полное описание интеллектуальной игры «Русский мир», с которым может ознакомиться любой желающий.

Я предлагаю вам представить себя участниками игры и понять, какой пласт русской истории в течение года нужно изучить школьникам, чтобы одержать победу в ней. А игра эта — одна из любимых у нас в Челябинске.

II. Материалы научно-практических чтений «...НА ИХ ПОЛЯХ ОНА ВСТРЕЧАЕТ ЧЕРТЫ ЕГО КАРАНДАША...» («Библиотека в усадьбе»)

Лев Летягин

«СИЛОВЫЕ ПОЛЯ» МАРГИНАЛИЙ В ЦЕННОСТНОМ ПРИТЯЖЕНИИ КЛАССИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Гийом Бюде в трудных местах текста рисовал на полях свой профиль: не из этого ли появилась фигурная скобка?

М. Гаспаров. Записи и выписки

Судя по комментариям на полях и карандашным пометкам, оставленным редкими преданными поклонниками, их интересуют одни только знаменитые изречения...

В. Вулф

Судьба моя сгорела между строк...

А. Тарковский

Маргиналии — территория периферийная, однако не нейтральная.

В соответствии с внутренней формой иноязычного для нас заимствования они воспринимаются как нечто стороннее, противопоставленное основному тексту, существующее за скобками. Однако в обозримой исторической перспективе пометки на полях — принятая норма обиходного читательского поведения, привычная практика и технология чтения, подчёркивающая его рефлексивный или полемический характер.

Как «резонирующий» фактор чтения маргиналии показательны и интересны и в том случае, когда активно не соглашаются с авторским взглядом, и когда они ему последовательно «вторят». Новые

культурные смыслы заявляют о себе не в противоречии, а в ситуации «между-речия» (термин В. Рабиновича).

Читательское «присутствие» в старых книгах — это владельческие пометки, заломы уголков страниц, отчёркивания ногтем (любимая привычка Пушкина и В. Одоевского), нажим сухого пера, записи на полях и прокладных листах книги. Из «классической» типологии нельзя исключать маргиналии косвенные — сохранившиеся закладки или вклейки, затёртости владельческого экземпляра, степень изношенности и выцветания отдельных страниц, присутствие «лисых пятен», жировых следов, увлажнения или потёков. Степень отношения к содержанию книги определялась разрезанностью страниц книжного блока, присутствием экслибриса или владельческого ярлыка, ценностью переплёта, наличием тиснения, золотого или фигурного обреза и так далее (в эпоху распространения интернета эти формы читательского поведения можно отнести к культурным реликтам).

Не отличающиеся сходством характеристики маргиналии не исключают потребности в строгости их определения. Это выступает основным условием единства подходов к их оценке, что позволило бы представить различного рода «околотекстуальные» явления фактом не столько бытового, сколько мировоззренческого порядка. В качестве маргиналий логично рассматривать те поддающиеся содержательной атрибуции *индивидуальные читательские пометки, которые тематически соотносены с соответствующими фрагментами печатного текста и акционально синхронизированы с моментом чтения*. Именно в этом качестве «памятки» на полях выступают как значимая часть социальной истории книги.

Востребованность читательских пометок, их исследовательская актуальность — критерий непостоянный и определяется классичностью/неклассичностью эпохи. С одной стороны, маргиналии можно рассматривать как факт пространственной агрессии, экспансии чужеродного начала. Они существуют «по краям текста», «захватывают» текстовый «окоём», то есть территорию исключительно техническую, вписываются между строк — везде, где для них ещё находится незаполненное место. Текст обрастает «паразитирующими» на нём маргиналиями, без которого они невозможны и бессмысленны. Служебная функция маргиналий очевидна: это сопровождение текста, его шумовой «эскорт» в виде попутных реплик и замечаний.

В оценке маргиналий очень непросто отказаться от навязываемой им сопутствующей роли, своего рода интеллектуального *scrapbooking'a*, не

исключающего элементов декоративности. Вслед за Ж. Женетт и У. Эко проще всего было бы отнести маргиналии к категории паратекста, под который формально попадают любые «внешние признаки, находящиеся вне текста»; это искусственное повествование, которое «можно распознать благодаря тому, что оно структурно сложнее естественного. Однако любые попытки формализовать структурные различия между искусственным и естественным повествованиями, как правило, заходят в тупик из-за обилия контрпримеров»¹.

Ещё в 1920—1930-е годы Н.А. Рубакиным (с несомненным опережением в постановке исследовательских задач и в более широком культурном контексте) была определена аспектология библиопсихологии — того, что он обозначал как «поле читательского внимания»². Факультативность читательских замечаний не выступает критерием их необязательности, так как они носят автоматический, но не автономный характер. Маргиналии — критерий заинтересованности, «смысловая разметка» книги, отразившая фокус читательского интереса. Продолжая выполнять обычную роль функциональных маркеров, они выступают содержательным подтверждением взаимодействия читателя и текста. Записи на полях книги существуют и воспринимаются уже не просто в качестве смысловой акцентуации — самостоятельного оценочного наблюдения или комментария. Они активно преодолевают авторитетность (авторитарность) печатного текста, обретая тем самым право собственного голоса.

Как отмечает Поль де Ман, сохраняющаяся методологическая «трудность проистекает из наивного различения «письма» и «чтения», из исключительной сосредоточенности на авторстве в ущерб читателю»³. При этом следует не забывать о необходимости принципиального различия чтения как акта информационного потребления и чтения как сотворчества. Об этом, в частности, говорил Р. Барт: «Стоит отметить довольно загадочный факт: в литературном дискурсе очень редко встречаются знаки «читателя» — можно даже считать его специфической чертой, что это (на первый взгляд) дискурс без «ты», хотя в реальности вся его структура предполагает читающего «субъекта». В историческом

---

¹ Женетт Ж. Фигуры : в 2 т. М., 1998. (Работы по поэтике); Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах : [лекции]. СПб., 2002. С. 89, 90.

² Рубакин Н.А. Психология читателя и книги : Краткое введение в библиологическую психологию. М. ; Л., 1929. С. 118.

³ Ман П. де Аллегории чтения : Фигуральный язык Руссо, Ницше, Рильке и Пруста. Екатеринбург, 1999. С. 337.

дискурсе знаки получателя, как правило, отсутствуют; их можно встретить лишь там, где История выставляет себя в поучение... Знаки субъекта высказывания (отправителя) встречаются, конечно, гораздо чаще...»¹

Обладающая амбивалентными характеристиками референциальная модель предполагает, что каждый момент со-общения приобретает ярко выраженный двухсторонний характер. Только преодоление референциальных ограничений позволяет говорить о смысловом континууме, общности концептуального поля, «сплошности» ценностного напряжения в нём. Лев Толстой утверждал, что «в искусстве у творящего и воспринимающего становится общее «я»...»² В этом случае в процессе чтения происходит маркировка взаимного интереса, а предметом анализа выступает сама активность читателя, который из человека читающего (*Homo Legens*) превращается в *Homo Exponens* — человека, дающего (делающего) пояснения.

Поля текста — организующий фактор дискуссионного поля, в котором происходит пересечение актантных ролей (У. Эко) автора и читателя, восстанавливаются незамеченные семантические разрывы, утраченные смысловые связи. На полях слово «теснится», уплотняя движение мысли, уточняя траекторию её развития. Между тем это столкновение поведенческих практик, диалог двух (как минимум) субъектов действия, наделённых при этом разными правами. П. Вяземский называл это «непосредственной отповедью наличных слушателей»³.

Несовпадение систем — мировоззренческих, ценностных, методологических — стимулирует выход за пределы текстового материала. Именно поэтому менее всего оправданно видеть в маргиналиях факт читательской девиации или того, что вслед за Я.С. Левченко можно определить как «интеллектуальную коммерциализацию маргинальности»⁴. Как высказывание от первого лица маргиналии оказываются столь же ответственным действием, как и последовательное отстаивание авторской позиции. «Во мне, а не в писаниях Монтеня содержится всё, что я в них вычитываю», — утверждал Б. Паскаль. При посредничестве полей книга из средства передачи текста становится способом воплощения

¹ Барт Р. Дискурс истории // Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2004. С. 431.

² Чертков В. Г. Записи // Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников : в 2 т. Т. II. М., 1978. С. 126, 549.

³ Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 65.

⁴ Левченко Я.С. Другая наука: русские формалисты в поисках биографии. М., 2012. С. 83.

вновь обретаемого когнитивного опыта, его самоорганизации в соответствии с принципиально новой программой.

«Всё лучшее я написал на полях чужих книг», — говорил В. Розанов¹.

Информационная новизна текста уступает значимости со-общения, в которой ситуация развивается от индивидуально заявленного мнения автора к со-мнению читателя. В «диакритическом» контексте чтения синхронизируются различные уровни культурного подстрочника. М. Фуко обозначает это понятием «ассоциированное поле», в пределах которого раскрываются дополнительные диалогические возможности, «представляющее собой область сосуществования для других высказываний»².

Именно этот критерий становится основным фактором апологетики маргиналий. Об этом, в частности, писал М. Гаспаров: «Самая полезная моя книга называется «Очерк истории русского стиха», 1984. У меня мелкий почерк, заметки по этой теме я делал на полях старой книги Г. Шенгели «Техника стиха»; из маргиналий к одной странице Шенгели иногда получалась целая статья»³.

Именно на полях формируется и получает фиксацию «опыт чтения», преодолевающий инертность текста, определяется действительная «ширина» или «длина контекста». (Как специалист по античной классике М.Л. Гаспаров не мог не согласиться с мыслью Сенеки: «Что приобретается при чтении посредством пера — превращается в плоть и кровь».)

Читатель — понятие, детерминированное своим временем. Полемическая ценность маргиналий самым непосредственным образом отражает представления о ключевых понятиях человеческого опыта, выявляя взаимодействие автора и читателя в сфере смещения идей, нравов и вкусов, то есть аксиологическом модусе культуры, непосредственно отражающем исторические типы эстетического сознания.

¹ В контексте процитированного заявления не следует забывать «оборотную» розановскую формулу: «Лучшее в моей литературной деятельности — что десять человек кормились около неё». (Розанов В.В. Мысли о литературе. М., 1989. С. 400; *Он же*. Уединенное. М., 1990. Т. II. С. 501).

² Фуко М. Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981—1982 учебном году. СПб.: Наука, 2007. С. 646.

³ Гаспаров М.Л. Записи и выписки. М., 2001. С. 318. В авторском предисловии Г. Шенгели к упомянутой работе первая же фраза подаёт непосредственный повод для иронии, двусмысленно приобретающая своего рода рекомендательный, «напутственный» характер: «Задача этой книги ч и с т о п р а к т и ч е с к а я: помочь начинающему...» См.: Шенгели Г.А. Техника стиха. Практическое стиховедение. М., 1940. С. 3.

Именно в акте чтения обретается действительная полнота содержания текста. «Читатель должен сам расшифровать доверенное ему в печатном виде произведение, — писал И.А. Ильин. — <...> Он призван сам исполнять, воссоздать, *увидеть* и *достигнуть* их; и тем самым — как бы принять протянутую ему руку автора, оправдать его доверие и пройти навстречу ему ту часть художественного пути, которую никто за него и *вместо* него пройти не может. Без этого *воз-создания* художественного *создания* обойтись нельзя. Это вторичное рождение слова, образа и глубинного замысла каждый читатель должен осуществить в своей душе самостоятельно и одиноко...»¹ Вместе с тем редкие памятники отечественной литературы известны нам с точки зрения их читательского восприятия, ориентированного на опыт реконструкции индивидуальных впечатлений и оценок.

«Пассивность книги есть одновременно активность её чтения», — говорил Антуан Компаньон, уточняя далее: «Исследование рецепции опирается на... работы основателя феноменологической эстетики Романа Ингардена, видевшего в тексте потенциальную структуру, конкретизируемую читателем. А в чтении процесс соотнесения текста с внелитературными нормами и ценностями, с помощью которых читатель осмысляет своё переживание текста»². Анализируя записи и пометки В. Жуковского в его «Конспекте по истории литературы и критики», современные комментаторы отмечают: «Эти размышления поэта, составляющие достаточно большую часть текста, интересны для генезиса эстетических принципов Жуковского, его отношения к существующим теориям. Увеличение полемических замечаний от первых тетрадей к последним — факт, заслуживающий особого внимания». Пометы в книгах отражают «процесс эстетического самообразования Жуковского, выработки самостоятельной позиции»³.

¹ Ильин И.А. Одинокий художник : статьи, речи, лекции. М., 1993. С. 19.

² Компаньон А. Демон теории : Литература и здравый смысл. М., 2000. С. 173, 174.

³ Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. Т. XII. Эстетика и критика / коммент. О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевича. М., 2012. С. 458. К аналогичным выводам побуждает анализ маргиналий В. Жуковского на полях книги «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» А.С. Шишкова: «Экземпляр «Рассуждения...»... из личной библиотеки Жуковского с его многочисленными пометами и записями представляет несомненный интерес как одно из первых критических выступлений поэта», что позволяет считать читательские пометы Жуковского «органической частью [его] эстетики и критики». См.: Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем. С. 517, 518.

При всём окказиональном характере маргиналии раскрывают потенциал соположенного им основного корпуса текста, развивают упущенные сюжетные и смысловые линии. Как утверждал Ю.Н. Тынянов, «каждая «ошибка», каждая «неправильность» нормативной поэтики есть — в потенции — новый конструктивный принцип»¹.

Читательские записи на полях преодолевают содержательную инерцию авторского текста. Как побуждающий (провоцирующий) фактор *margin of error* имеют свой предел погрешности. Речь не столько о структурирующей, сколько о трансформирующей их функции. Как отмечает Ю.М. Лотман, «во всех этих случаях творческая инициатива принадлежит адресату информации. Слушатель (читатель) является подлинным творцом»².

Работа с маргиналиями — это ориентированность на перечитывание, которое как самостоятельная модель уже не вписывается в типологию репродуктивного поведения. Точка диалога автора и читателя обозначает прорыв к новому содержательному качеству. То, что видится вдумчивому читателю «между строк», вписывается, заполняет собою «интерлиньяж», «пробельный материал». По отношению к основному тексту, который воспринимается в «фоновом режиме», креативность маргиналий повышается, изменяются взаимоотношения между «своим» и «чужим» словом, которые выступают как величины обратно пропорциональные.

Издания без маргиналий содержательно проигрывают тем, в которых они присутствуют³. А.Н. Степанов приводит показательный эпизод из собирательской истории известного пушкиниста и коллекционера А.Ф. Онегина-Отто⁴, когда из-за обычной невнимательности усилиями переплётчика оказались уничтожены авторские пометки Пушкина на принадлежавшем ему экземпляре первого издания «Руслана и Людмилы». Отношение текст↔маргиналии в качестве ценностной опозиции утрачивает как подчинённый характер, так и вероятность паритетного равновесия рассматриваемых категорий. В условиях, когда печатное издание оказывается подвержено бесконечной воспроиз-

---

¹ Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 263.

² Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992. С. 243.

³ «Читал ли Сигизмунд-Август Аристотеля в подлиннике по великолепному экземпляру, хранящемуся ныне в Ленинской библиотеке? Книга не даёт на этот вопрос прямого ответа — поля её девственно чисты...» (Лазурский В.В. Альд и альдины. М., 1977. С. 80).

⁴ Степанов А.Н. У книг своя судьба... Л., 1974. С. 96—97.

димости и тиражируемости, именно единичные читательские пометки приобретают сегодня уникальную, феноменологическую самодостаточность. Это дополнительный аспект апологетизации маргиналий как «пограничной структурной области», в которой, по определению Ю.М. Лотмана, «происходят наиболее активные смыслопорождающие и структуропорождающие процессы»¹.

Однако текстоцентризм возможен исключительно в литературной сфере. «Разоблачающий» смысл маргинальных смещений обозначается на границе литературы и жизни — на грани замещения или подмены реальности. Мысль о том, что всё лучшее может быть написано «на чужих полях», в качестве развёрнутой метафоры приобретает оттенок двусмысленности и трагикомизма, когда в повседневных бытовых обстоятельствах сталкивается с буквальным воплощением данного сценария, разрушающего принципы привычной «житейской философии».

«Как Ваша книга? — писал Ю.М. Лотман в письме Б.А. Успенскому в середине января 1970 года. — Я получил корректуру своей. Ничего более забавного я ещё не читал в жизни: они набрали целые страницы из другой рукописи, а мои — потеряли. Получилось, клянусь Вам! — очень хорошо. Текст совершенно деавтоматизировался и приобрёл приятное разнообразие. Я, как только нападаю на кусок, написанный приличным языком и где можно разобрать что к чему, сразу же на полях пишу: «Безобразие! опять из чужой книги!!!» но каково тому автору, который читает мои куски в своей книге?! Судя по тексту — книга о Чайковском. Как бы инфаркт не хватил... Если Вы учтёте, что рукописи у меня нет (!), то оцените вполне *пикантность* ситуации»².

За языковым эвфемизмом проступает безысходность и возможная непоправимость ситуации. Именно поэтому Лотман не считает возможным обратить внимание на литературную аналогию, напрашивающуюся в меру своей очевидности. Положительная оценка каких-либо «житейских» совпадений оказывается уместной в пределах литературной теории, что и станет позднее у Ю. Лотмана предметом научного комментирования: «Э.Т.А. Гофман, причудливо соединив два разнородных текста: записки

---

¹ Лотман Ю.М. Избранные статьи : в 3 т. Т. I. Таллинн, 1992. С. 474.

² Письмо от 12 января 1970 г. // Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Переписка, 1964—1993. М., 2008. С. 143. В письме Ю. М. Лотмана шла речь о его книге «Структура художественного текста» (М., 1970) и о публиковавшейся в том же году в издательстве «Искусство» работе Б.А. Успенского «Поэтика композиции. Структура художественного текста и типология композиционной формы».

кота Мурра и жизнеописание капельмейстера Иоганнеса Крейсlera, превратил ещё и печатки в комический приём, добавив в предисловии: «Разве не правда, что порой авторы обязаны экстравагантностью своего стиля благосклонным наборщикам, которые споспешествуют вдохновенному приливу идей своими так называемыми печатками...»¹ О действительном биографическом трагизме маргинальных смещений будет писать в эмиграции В. Набоков («Кубы», 1924):

В этом мире страшном, не нашем, Боже,
буквы жизни и целые строки
наборщики переставили...

«Промежутки — силовые поля между словами», — отмечал М. Гаспаров, именно поэтому книга с полями — это во всех смыслах полезное издание. Показательно оценочное наблюдение В.Ф. Одоевского в «Русских ночах»: «Известно, что для библиоманов ширина полей играет важную роль. Есть даже особенный инструмент для измерения их, и несколько линий больше или меньше часто увеличивают или уменьшают цену книги на целую половину»².

Читательские пометки мыслились как логическая часть книги, потенциальное (образное и структурное) завершение страницы, без которого типографский текст не мог бы соответствовать видимым критериям своей завершённости.

О формировании особого типа бытовой культуры читаем в дневнике опочечкого обывателя Ивана Лапина: «Сделал мне Иван Пихель железную линейку для обрезаивания бумаги и досочек для переплёту книг; и я с сего времени начал учиться переплетать и первую переплёл книжечку «Вестник Европы»...»³ Социальная история вещей выступает фактором, упорядочивающим человеческие отношения, поэтому естественным дополнением к линейке для бумаги становится «презрительно украшенное» перо для письма, а «два сердца порознь» — закономерным и достойным поводом для рефлексии («подарил Матрёне Гавриловне серебряный напёрсток с литерами Л. В. Н., т. е. означающими любовь, вера, надежда. <...> В сей вечер я получил от Матрёны Гавриловны

---

¹ *Лотман Ю.М.* Текст и полиглотизм культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи. С. 145.

² *Одоевский В.Ф.* Русские ночи. Л., 1975. С. 29.

³ *Лапин И.И.* Дневник Ивана Игнатьевича Лапина. Псков ; Сельцо Михайловское, 1997. С. 119.

перо, убранное разноцветно, с презрительными украшениями и с двумя сердцами порознь...»¹.

В действительности широкие поля книги предполагали достижение определённых целей, что диктовалось вполне конкретными практическими соображениями. Включение читательских записей гарантировало единство книжного разворота и издания в целом. Как отмечает современный исследователь, издания Альда Мануция (*nelle case d'Aldo Romano, Aldine Press*) структурными и композиционными особенностями вёрстки провоцировали читателя, инициировали его активное взаимодействие с текстом: «Серьёзные читатели серьёзных книг (а издания Альда именно и были рассчитаны на такого читателя) имели обыкновение делать заметки на полях — издатель как раз и предлагает им для этой цели широкие поля»². К аналогичным выводам приводит обращение к истории издательского дома Эльзевиров: «Как показывают дошедшие до наших дней экземпляры «Корпуса юриста», многочисленные пометки на полях чернилами и подчёркивания текста почти не искажают тектонического замысла книжного блока, а наоборот, как бы довершают первоначальное графическое решение. Эти книги были нужны для постоянной работы, и на них были специально оставлены места для рукописных заметок по тексту»³. Присутствие на странице маргиналий, таким образом, соответствовало концепции издания, и читатель во всех рассматриваемых случаях был осознанно побуждаем к тому, чтобы активно взаимодействовать с полями книги. При этом нема-

---

¹ Лапин И.И. Дневник Ивана Игнатьевича Лапина. С. 133.

² Лазурский В.В. Альд и альдины. С. 93. «Формат Дневников почти точно соответствует «идеальному» формату ин-кварти, однако полоса набора значительно уже «идеальной» схемы, благодаря чему внешнее поле сильно расширяется, поля попарно уравниваются по ширине (внутреннее, корешковое, поле — с верхним, а внешнее — с нижним) и наборная полоса становится болеестройной. Зрительно обе наборные полосы на развороте теснее прижимаются друг к другу, окружённые общей широкой рамой белой бумаги. Такое решение композиции полос на развороте (не соответствующее «идеальной» схеме Чихольда — Розариво) встречается и в других изданиях Альда с пропорцией сторон 3:4. Вышедшая годом ранее книга Бембо об Этне, наделённая более роскошными полями, в принципе решена так же, как и Дневники. Возможно, что расширение внешнего поля, постоянно встречающееся в изданиях Альда, вызвано не эстетическими соображениями, а желанием сделать книгу более удобной для пользования» (о кн. «Дневники войны Карла VIII» (*Diaria de Bello Carolino*), издания 1496 года; там же. С. 92—93).

³ Аронов В.Р. Эльзевиры: история книжного искусства. М., 1975. С. 72.

ловажно учитывать специфику читательского поведения. Вертикальное заполнение полей (когда записи делаются «вдоль» основного текста) оказывается более информативным, чем записи, которые имеют менее «развёрнутый» характер. Это способствует выработке определённого стиля, что специально подчёркивает В. Вулф, анализируя пометки Габриэла Харви (ок. 1550 — 1631) в его «*Marginalia*»: «...поскольку книжка небольшая по объёму и поле для записи узкое... Харви поневоле приходилось быть кратким; к тому же писал он для себя, под влиянием минуты...»¹

Маргиналии интересны своею авторской принадлежностью. Это определяет ценность таких издательских проектов, как антологии маргиналий. К числу наиболее серьёзных следует отнести публикацию маргиналий С.Т. Кольриджа и корпуса читательских помет Вольтера², подготовленных к публикации в Российской национальной библиотеке.

«Чужие мысли нужны только для развития собственных», — утверждал В.Ф. Одоевский. Именно поэтому необходимо задаться вопросом, насколько оправданно рассматривать поля книги как часть её семантического целого?

Пометки на полях делаются, как правило, для себя, они мотивированы потребностью вернуться к ранее прочитанному. Если для самого читателя они являются «узлом на память», то для исследователя они представляются актуальным фактом оценочной навигации. Культура перечитывания, повторного обращения к уже известному тексту ориентирована на формат обновления. Как и чтение, перечитывание обладает той же степенью избирательности и возможных предпочтений (А. Блок говорил, что любит перечитывать «Войну и мир» в марте). Не останавливаясь на проблеме читательской рецепции, следует обратиться к её отражению в авторском тексте — непосредственным «следам», сохраняющимся *ad viarum margines* — по обочинам «проторённых» дорог, в ситуации смещения/замещения текстовых полей. Как отмечал Ж. Деррида, «всё сводится к тому, чтобы задать вопрос, что же такого

---

¹ Вулф В. Обыкновенный читатель. М., 2012. С. 221.

² Coleridge S.T. *Marginalia* / Ed. George Walley and H. J. Jackson. The Collected works of Samuel Taylor Coleridge 12. Bolligen Series 75. 5 vols. Princeton University Press, 1980; Corpus des notes marginales de Voltaire = Корпус читательских помет Вольтера. Oxford Saint-Petersbourg: Voltaire found. Bibl. nat. de Russie; см. также: Державин К.Н. Вольтер — читатель «Эмиля» Руссо // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. 1932. № 4. С. 317—339.

содержит в себе текст, когда кто-либо утверждает, что выделил из него «сущность»? Обратить свои взоры на след...»¹

«Чувство следа» предполагает выработку соответствующей методологии, о чём применительно к культуре чтения пушкинской эпохи писал В. Ключевский: «Метод изучения был нам подсказан Татьяной. Мы старались пробраться украдкой в кабинеты людей того времени, разобрать книги, которые они читали и которые читали их отцы, с оставленными на полях отметками крестами и вопросительными крючками...»²

Этим и определяется «смысловое чтение», в котором позиция читателя приобретает чётко различимые ценностные ориентиры. В.В. Библихин отмечал, что «читать» — то же, что «чаять», «чуять»³. Его мнение дополняет авторитетное утверждение М. Фасмера, связывавшего внутреннюю форму понятия с глаголами «считать, ценить»⁴. В исследовательском обращении к маргиналиям произошла значимая методологическая реабилитация: подобно «камню, который отвергли строители», игнорируемые первоначально, они оказались в поле специализированного интереса, «соделались главою угла»⁵. С поправкой на эту евангельскую истину проблема субъективности маргиналий приобретает самостоятельный мировоззренческий статус.

Маргиналии связывают текст с миром за пределами текста. В этом смысле заметки на полях оказываются в ситуации двойного пограничья и, соответственно, отражают некий предельный опыт⁶. Этому не

---

¹Деррида Ж. О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только. Минск, 1999. С. 558. Это замечание приобретает принципиальное мировоззренческое значение, если вспомнить о Ж. Деррида как об авторе такого научного бестселлера, как «Философия для маргиналов» («Границы философии», или «Пределы философии», «Края...»). *Marges de la philosophie* [*Margins of Philosophy*].

²Ключевский В.О. Евгений Онегин и его предки // Ключевский В.О. Соч. : в 9 т. Т. IX. М., 1990. С. 88.

³Библихин В.В. Чтение философии. СПб., 2009. С. 5.

⁴Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. IV. М., 1987. С. 367.

⁵Маргиналии русских писателей XVIII века / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН, Пизанский университет. СПб., 1994; *Белянин В.П.* Психологическое литературоведение: текст как отражение внутренних миров автора и читателя. М., 2006; *Пространство рукописи. От формы внешней к форме внутренней.* Материалы конференции. М., 2010.

⁶ См., напр.: *Кребель И.А.* Территория предела: эстетика мысли русского модерна. М., 2011.

мешает «различие состава сознания», которое «у разных лиц обусловлено не только неодинаковою выборкою из предмета, но ещё и тем, что наблюдатель дополняет его творчеством своей собственной фантазии. Как искусный режиссёр, ставя посредственную драму или комедию, может высоко поднять её ценность, пополнив её своим творчеством, так и читатель... может внести в него большее богатство и совершенство содержания, чем дал автор...»¹ — писал Н.О. Лосский.

Как особый тип маргиналий следует выделить читательские записи и пометки, которые оказываются включёнными в «силовое поле» сакральных текстов. В исследовательском плане эта проблема впервые была поставлена Н.П. Лихачёвым, обратившимся в своих генеалогических изысканиях к «летописным записям на рукописях самого разнообразного содержания и заметкам на старых молитвенниках, а потом календарях. Весь этот материал имеет несомненную ценность, если он будет обработан строго-научной критикой. Для позднейшего времени такие записи рождений, бракосочетаний и дней смерти в записных книжках и календарях, *не будучи сами по себе документами*, указывают, где надо искать акты, их подтверждающие»².

Любые факты семейной хроники, рядовые записи, касающиеся событий личной жизни, соседствуя с вечными текстами, представляют не столько биографический, сколько антропософский интерес. «Слова смиренно верующего сердца» (В. Жуковский), включаясь на правах маргиналий в «окоём» ветхозаветного или евангельского слова, сокращают дистанцию между «сокровенным» и «сакральным». В этом плане любые записи, сделанные «своеручно», раскрывают экзистенциальный смысл всего, что оказалось в поле естественного человеческого интереса, приобретают особое значение мерой соотносённости житейского опыта с содержанием соответствующего фрагмента текста Священного писания, что повышает их онтологический статус.

Великий князь Александр Михайлович (Сандрó) напомнит поведенческую особенность императора Александра I, который «без конца перечитывал... слова Библии, подчёркнутые его карандашом: «Видел я все дела, какие делаются под солнцем: и вот, всё суета»...»³ Эта же

---

¹ Лосский Н.О. Мир как осуществление красоты : Основы эстетики. М., 1998. С. 342—343.

² Лихачёв Н.П. Летописи и записи в рукописях и на книгах как генеалогический материал. СПб., 1900. С. 1.

³ Романов А.М. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 13.

привычка будет частью портретной характеристики Николая II — последнего российского императора¹.

Читательские пометки на страницах Священного писания — текста для ежедневного обращения — не были редкостью и включались в систему обычных повседневных практик. Показательно интересны примеры записей, которые имеют непосредственное биографическое значение для владельца книги и проливают дополнительный свет на его душевную жизнь. Вне исторического масштаба личности подобные записи интересны способом раскрытия внутреннего мира человека. Это подтверждается собственноручными пометками на тексте Евангелия Пушкина, Гоголя, Достоевского, Чайковского². На «прокладных листах» экземпляра евангелия А.А. Аракчеева сохранились отметки о фактах особого монаршего благоволения (эти записи охватывают период более чем в 30 лет — с 1782 по 1816 год)³.

В своей известной работе Фрэнк Джозеф со ссылкой на К.Г. Юнга будет писать о феномене «синхронии» для «обозначения любого явного совпадения, пробуждающего у наблюдателя ощущение того, что это совпадение имеет для него личный смысл или особую значимость»⁴. Об этом в своих дневниковых записях будет размышлять Андрей Тарковский. «По поводу теории синхроничности. Пример — история с рукописью «Рублёва». О том, как я потерял единственный экземпляр черновика, оставив его в такси, и как таксист, увидев меня в толпе на том же самом месте через несколько часов, идущего по улице, затормозил и отдал мне папку. Случай невероятный...»⁵

¹ Библия с пометками Императора Николая II // Русский Вестник. 1998. № 1—2 (январь). С. 343—344; Олег (Тэор), протоиерей. Найден неизвестный автограф Николая II // Русь православная. 1998. № 7 (июль); Завет государя : Книги Ветхого Завета с собственноручными пометками Царя-мученика Николая II, сделанными Государем в последние дни перед крушением Российской Империи. [М.], 2000.

² *Верещагин Е.М.* «...Читал и любил читать Евангелие»: [А.С.Пушкин — читатель] // Русский язык в СНГ. 1992. № 10/12. С. 5—10; *Шнебеле А.* Гоголь — мистик и пророк // Антропософия в современном мире. 2003. № 6; Евангелие Достоевского: личный экземпляр Нового Завета 1823 года издания, подаренный Ф.М. Достоевскому в Тобольске в январе 1850 года : в 2 т. М., 2010; *Захарова О.* Чайковский читает Библию // Наше наследие. 1990. № 2 (14). С. 22—24.

³ Аракчеев: свидетельства современников. М., 2000.

⁴ *Джозеф Ф.* Сила совпадения: загадочная роль синхронии в нашей жизни. Ростов н/Д, 2011. С. 9.

⁵ *Тарковский А.А.* Мартиролог: дневники 1970—1986. Флоренция, 2008. С. 148.

Возможно, именно с этим у Тарковского связан интерес к библиомантии — не в желании прояснить или предугадать смысл происходящего, а в стремлении изменить собственное представление о статусе житейских подробностей: «А если открыть наобум Евангелие? <...> Не о моём ли намерении это сказано?..» (13 августа 1981 года). «Сегодня Юри прислал мне Библию. Я загадал на новой книге и вот что прочёл...» (11 мая 1982 года). «Раскрыл в самом случайном месте *Второзаконие*...» (15 мая 1982 года) «И ещё: раскрыл Библию рано утром и прочёл... <...> Прочёл и испугался» (21 мая 1982 года)¹. Понять себя через другой текст — не значит определить через него себя, особенно когда это делается «наугад», «наудачу», «случайно», «наобум».

В ограниченном репертуаре биографических сценариев чаще обнаруживается не уникальность, а бесконечная повторяемость житейских пересечений. Однако всё, что вписывается в вечные тексты на полях и между строк, на грани откровенности и Откровения, всегда несёт на себе оттенок подчёркнутой исповедальности.

Вспоминая напряжённые дни ожидания летом 1917 года, великий князь Александр Михайлович выделяет один эпизод. «Жаль, — заметила моя жена: — что они захватили Библию мамы. Я бы наугад открыла её, как это мы делали в детстве, и прочла, что готовит нам судьба. Я направился в библиотеку и принёс карманное издание Священного Писания, которого летом не заметили делавшие у нас обыск товарищи. Она открыла её, а я зажжёт спичку. Это был 28 стих 2 главы книги Откровения Святого: «И дам ему звезду утреннюю». — Вот видишь, — сказала жена: — всё будет благополучно!»²

---

¹Тарковский А.А. Мартиролог... С. 345, 425, 426, 428.

²Романов А.М. Книга воспоминаний. С. 246. Феномен «синхронии» в этом плане характеризуется более высокой вероятностью возможных повторов, в интерпретации которых (в зависимости от причин внешнего порядка) предпочтительнее видеть именно стечение *особых обстоятельств*, а не обычных бытовых совпадений. Вместе с тем эпизод, символическая интерпретация которого предлагается в мемуарах Великого князя Александра Михайловича, явно неоднозначен. «Звезда утренняя» в сознании современников могла быть прокомментирована совсем иным образом (вполне *маргинально*), что отразилось в фрагменте «Петербургских вечеров» Георгия Иванова: «...«Перепишите и разошлите эту молитву девяти вашим знакомым. Если не исполните — вас постигнет большое несчастье...» Дальше шла молитва: «Утренняя Звезда, источник милости, силы, ветра, огня, размножения, надежды...» — Странная молитва! Ведь Утренняя Звезда – звезда Люцифера <...> Разговор шёл полгода спустя в квартире Гумилёва, на Преображенской...» (См.: Иванов Г.В. Собр. соч. : в 3 т. Т. III. М., 1994. С. 11).

Через неделю после дня рождения, в последний год жизни, А. Тарковский делает в дневнике скупые заметки и выписки: «Спал, дважды приняв снотворное. С наслаждением читаю Флоренского. «И побеждающему и соблюдающему дела мои до конца дам ему власть на языцах... и дам ему звезду утреннюю. Имей я ухо слышати, да слышит, что Дух глаголет церквам». (Откровение, 2, 26—29)» (запись от 11 апреля 1986 года)¹.

Открытые «наугад» тексты обозначали разность преодоления безвыходной ситуации — в изгнание и вечность. Совпадают они в одном — в отношении к тому, что А. Герцен называл «аристократизмом несчастья». «И рифма не вторенье строк...» — напишет Б. Пастернак. Исключая буквальность возможных аналогий, в индивидуальных совпадениях присутствует тютчевская вера в «строк сочувственную силу», действительный смысл которых раскрывается «поверх» биографических смыслов.

Об этом размышлял В.А. Жуковский, подчёркивая важность того, что «осталось неведомым для истории; но тем более оно ведомо Тому, Кто ведёт летопись не земным (минутным или вековым) событиям человеческого общества, а деяниям души человеческой. <...> Минутные, земные события принадлежат листам истории, столь же минутным и бранным, как они — не умирающие дела души принадлежат листам той вечной книги Божией, которая некогда разогнётся на последнем суде Его...»²

Великие книги проходят проверку не временем, а чтением, живым читательским присутствием, в котором открываются новые и новые смыслы вокруг и между строк. Любое сохранившееся на полях текста *Nota bene, Sic, Obs* необходимо оценивать с позиции дешифровки экзистенциальных реалий, преодолевая различие временных кодировок. Двухязычие, параллельные места — условие симфонизма смыслов, через которые постигается потенциальная полнота мировой классики, её самые сокровенные планы. Как справедливо полагал М. Гаспаров, «человек человеку — Розеттский камень».

---

¹Тарковский А.А. Мартиролог... С. 581.

²Жуковский В.А. [Проза]. М., 2001. С. 217.

ПОЛЯ ПЕРЕВОДИМОСТИ: АКСИОСФЕРА СВОБОДНОГО ЛОГОСА

В современной системе гуманитарного знания проблема коммуникации занимает одно из важнейших мест. Можно предположить, что подобный интерес обусловлен не состоянием благополучия в сфере общения, а, напротив, острой проблемой взаимного непонимания в социуме. Кризис понимания, выражающийся во фрагментарности мышления и «мозаичности» сознания, приводит к атомизации личности внутри социума, что находит своё отражение в гуманитарной культуре, переживающей состояние «апокалипсиса смысла». В подобном состоянии возможность перевода обретает значение культурной универсалии, столь необходимой в мире, где «каждый говорит на своём языке».

В течение последнего столетия теория перевода сконцентрировалась на эмпирических исследованиях и превратилась в исключительно прикладную дисциплину (*translation studies*). Теория перевода оказалась подчинённой философии языка, что делало её собственную философскую значимость несущественной. В центре внимания исследователей, занимавшихся теорией перевода, был вопрос о значении (*meaning*) и сохранении и передаче (*preserving and transferring*) смысла, применение же эстетического подхода позволило бы значительно расширить теоретические границы и рассмотреть перевод с точки зрения эстетической коммуникации.

В связи с заявленным ракурсом исследовательского обращения к проблеме перевода особый интерес приобретают пространства книжных полей как сфера зримого воплощения диалогических отношений между читателем и текстом. Сами по себе книжные поля являются важной составляющей архитектоники книги, во многом определяя способ читательского взаимодействия с текстом и вменённые модели интерпретации. В зависимости от типа культуры и эпохи изменяется роль книжных полей и их функциональные особенности. Так, например, в средневековой культуре рамка на полях церковных книг являет собой сияние Божественной Славы, исходящей от сакрального текста. В то же время рамка церковной книги выступает в качестве своеобразного защитного механизма, ограждая текст от внешнего мирского влияния. В ряде случаев анализ внешней формы организации церковных книг позволяет определить степень обращённости текста к миссионерской

открытости или к замыканию на себя, что свидетельствует об утверждении онтологического начала Писания в культуре. Подобный текст сопротивляется своей номинативной природе и принципам вербальной коммуникации, ориентированной на рациональное восприятие содержания. Сакральный смысл текста воплощается в физической форме священной книги, требующей к себе предельно благочестивого отношения вне зависимости от меры понимания или непонимания. В данном культурном феномене онтологичность символа достигает своего предела, уподобляя его иконическому образу в его православном восприятии. Такой текст функционирует в культуре не как носитель информации, а как сакральный объект, воплощающий в себе полноту духовного содержания. Архитектоника книги в данном случае служит утверждению её сакрального значения, что находит своё отражение в чистоте полей, не предназначенных для появления на них каких-либо читательских маргиналий, а также в строгости индексов и комментариев, определяющих верное направление читательской интерпретации. В теле церковной книги индексы и комментарии являются чрезвычайно важными органами, свидетельствуя о необходимости восприятия Священного Писания в контексте церковного предания. На это указывает структурная организация апостольских и евангельских «зачал», составляющих фрагменты чтений для различных богослужений. В таком зачале текст Писания часто читается не последовательно, а включает в себя отдельные пропуски и приступки. В этом отношении комментарий богослужебных книг свидетельствует не о своеволии, а о святоотеческой чистоте восприятия Писания, требующего верного руководства к чтению и толкованию.

Появление читательских маргиналий в книгах Священного Писания свидетельствует о принципиальном повороте в культуре, означающем своеобразную десакрализацию тела священного текста и указывающем на принципиальную «небожественность» перевода. В секулярной культуре сакральный текст открывается для многообразия читательских интерпретаций, он выступает в качестве источника информации, разрушая онтологичность символа. Новое издание библии, переведённой на русский язык (что уже является свидетельством некоторой профанности подобного издания), подразумевает возможность сотворчества, предлагая свои поля для выражения читательского опыта. Переведённый на национальный язык сакральный текст выражает собой мысль, является знаком, обозначением идеи, но не её физическим воплощением в священной книге. Так, целая культурная пропасть разделяет Священный

Коран на арабском языке, требующий особого физического обращения при чтении, и Коран, переведённый на национальные языки, воспринимающийся как способ знакомства с вероучением, что заставляет рассматривать его в интеллигибельном, а не онтологическом ракурсе. Текст богослужебного евангелия на церковнославянском языке и текст русского синодального перевода совершенно по-разному предъявлены в культуре, различаясь не только как переводы, но принципиально различаясь мерой своей сакральности, определяемой не содержанием, но способом воплощения в книге.

В целом перевод книг Священного Писания на национальные языки обладает по преимуществу характеристиками десакрализации, размыкающей сокровенные тексты в профанные культуры. Размывание онтологичности сакральных языков приводит к превращению слова-плоти в слово-мысль, с её подвижностью и изменчивостью. Впрочем, стоит заметить, что культура стремится канонизировать избираемые тексты, составляя и оберегая канон классики. Классический текст в культуре функционирует причудливым образом, постепенно всё больше материализуясь в плоть книги. Эти книги бытуют не только как художественные тексты, но и как артефакты культуры, заслуживающие благоговейного отношения, но вовсе не чтения и интерпретации. Изданные многочисленными тиражами, часто добротнo украшенные, эти книги постепенно утрачивают голос, превращаясь в тексты, всеми узнаваемые, но почти не читаемые. Возвращение утраченного звучания этим текстам зачастую достигается благодаря процедурам перевода как уже отмеченной форме его десакрализации. Акт канонизации текстов в культуре направлен на их приручение, обуздание их стихийной энергии, разрушающей устоявшиеся нормы и охранительные границы. Всякое новое яркое и самобытное произведение искусства, философская мысль или религиозное учение возникают как скандал, перестраивая картину мира и лишая человека удобного состояния умиротворённости, а порой и безразличия. Для продолжения своего существования в пространстве культуры произведение искусства (шире — текст) постепенно утрачивает потенциал своей тревожности, преодолевает свою конфликтную сущность и встраивается во вменённые модели культурного бытования. Часто такие тексты повергаются в священное безмолвие, хранимое культурным благочестием или ханжеством социума и нарушаемое попытками разрушить их непорочную недоступность через вторжение на их поля, чтобы оставить там свои читательские пометы и вызвать к

жизни диалог автора и читателя. Чем с большей степенью сакрализации вписан текст в ткань культуры, чем больше он оторван от живой творческой потенции, тем более жёсткие меры избираются, чтобы вернуть тексту его подлинное звучание.

Для того чтобы проследить судьбу текста в культуре, необходимо исследовать его не только в абстрактном ракурсе истории идей, но и в конкретных воплощениях книжной культуры. «Текст» как базовый концепт современной гуманитаристики незаслуженно потеснил собой концепт книги, что привело к неизбежным культурным аберрациям. Целостное осмысление фигуры читателя невозможно вне осознания того, что он читает не только тексты, но и книги. Именно благодаря своей реализации в книге текст утверждает своё существование в культуре и обретает собственную телесность. В рождении книги текст проявляет себя в социокультурной сфере. Читательская рецепция текста и возможные модели интерпретации во многом зависят от формы его физического воплощения. Отдельные элементы книжной структуры, например поля, выступают в качестве рамы картины, являющейся необходимым атрибутом её «светской жизни». Подобно тому, как целостный анализ картины не упускает из своего внимания раму и композиционное положение картины в экспозиции, так и всесторонняя интерпретация текста не должна игнорировать архитектуру книги, обеспечивающую бытование текста в культуре. Исследование книжных форматов, шрифтов, принципов комментирования и особенностей распространения является составляющей целостного анализа текста, уточняя его место в пространстве порождающей культуры. В этом отношении формат книги может рассматриваться со стороны содержательной формы, что даёт возможность расширить границы эстетического ракурса, позволяющего оценивать произведение не только с точки зрения текста, но и с точки зрения книги. Книга раскрывает свою антиномическую сущность, находясь между *logos* и *res* как базовыми концептами, определяющими основные типы культур¹. Примечательно, что именно исследование феномена книги, а не произведения и текста порою в большей степени приближает к адекватному осмыслению характерологических особенностей интеллектуальных коммуникаций той или иной эпохи. Например, для эпохи барокко ха-

---

¹ «Кажется, что культуры можно разделить на два типа: на культуры, основанные на идее слова — логоса, — и на культуры, основанные на идее вещи, дела, действительности — всего того, что по латыни называется — *res*». (Верхейл К. Анна Ахматова и Иосиф Бродский // Верхейл К. Танец вокруг мира. Встречи с Иосифом Бродским. СПб., 2002. С. 138).

рактерно не написание текста, а строительство книги¹, в которой поля и комментарии являются важнейшими составляющими книжной архитектуры. В книжных полях, на которых порой «странствуют», а порой блуждают автор и читатель, воплотилась идея лабиринта, столь характерная для всей культуры барокко. По этому лабиринту автор должен привести читателя к смыслам, тщательно скрываемым, но непременно присутствующим в произведении. Сложность и наполненность книжных полей с многочисленными индексами и комментариями ориентирует барочного читателя не на чтение, а на комментирование². В такой ситуации становится очевидным, что текст и комментарий находятся в неравновесных динамических отношениях, указывая на непостоянство границ между семантическим ядром и периферией. Соответственно, переиздание книг с неизбежной утратой или значительным изменением комментария приводит к трансформациям смыслового ядра. Попытка сохранения исходных значений текста потребовала бы бесконечного умножения комментариев, опоясывающих или удушающих сам текст.

Книжные маргиналии являются одной из наиболее распространённых форм интерпретации и комментирования текста. Само существование полей уже провоцирует труд интерпретации, приглашая читателя к диалогу с автором. Очевидно, что сакральный текст не приглашает своего читателя к подобной форме диалогического взаимодействия. Производ читательской интерпретации зримо ограничен либо рамкой, либо системой установленных индексов и комментариев, либо самой чистотой полей, обозначающей высоту и непорочность изложенного учения. Светский текст Нового времени приглашает своего читателя к своему достраиванию, к соавторству, открывая свои поля в качестве пространства приращения смысла. Разомкнутый в мир текст стремится к своему расширению, он взывает к переводу, бесконечно реализуя свой семантический потенциал в многообразии читательских рецепций. Процесс индивидуальной интерпретации текста подобен явлению перевода в культуре: в каждой новой переводной версии текст открывает свои новые смысловые грани. В период перехода к неклассическому типу культуры пустота книжных полей превращается в кошмар для ав-

---

¹ «...Барочный автор создаёт произведение-книгу, произведение-объём, свод...» (Михайлов А.В. Поэтика барокко // Михайлов А.В. Избранное. Завершённые риторической эпохи. СПб., 2007. С. 113).

² «Барочное произведение парадоксальным образом существует не для того, чтобы его читали, но для того, чтобы его комментировали, разворачивая всякий появляющийся в нем смысл» (Михайлов А.В. Поэтика барокко. С. 105—106).

тора, ориентирующегося на «верное» понимание своего замысла и уже предвидящего бесконечность бесконтрольных читательских проекций текста, порождаемых жадой читателя занять первенствующее место в диалоге с автором. Выступающие в качестве пространства психологической близости читателя и автора книжные поля во второй половине XVIII — XIX веке позволяют героям произведения шагнуть со страницы в пространство повседневной культуры. Замкнутая структура барочного текста ещё сдерживает избыточную экспрессию персонажей, проводя принципиальную границу между книгой и жизнью, обусловленную самим языком повествования. При этом возникновение интимной доверительности между автором и читателем оказывается невозможным в силу специфического характера фигуры автора, скрывающегося от читателя в бесконечных лабиринтах повествования. Подобно тому, как рама картины сдерживает внутренний натиск полотен Снейдерса, грозящих рассыпать содержимое его съестных лавок в залы музея, так поля барочной книги обуздывают динамику текста, удерживая героев произведения в пространстве литературы.

Балансируя на грани искажения и уточнения смысла произведения, перевод обнаруживает неравенство текста самому себе и указывает на принципиальную незавершённость и незамкнутость различных языков культуры. Рождающийся в форме комментария, примечания, перевод является маргинальным по отношению к оригинальному тексту, но именно его маргинальность во многом наполняет аксиосферу первоисточника ценностями более высокого уровня, определяя сакральное место текста в системе культуры.

Современное качественное изменение книжных форматов, сопровождающееся переносом произведений в электронное пространство, приводит к развоплощению текстов, к утрате ими своей телесности. Эпоха «обескровленных книг» упраздняет культуру книжных маргиналий, разрушая при этом метафоричность «маргинального мышления», реализующегося в словах-образах на книжных полях. Неформальное пространство полей порождает маргиналии не как комментарий и примечание, но как ядерные структуры новых текстов. Именно это «литературное пограничье» оказывается тем свободным потенциалом, генерирующим новые сюжеты и темы. Его совершенное упразднение невозможно в силу его включённости в архитектуру книжного произведения. Развитие современных форматов электронных книг уже, как правило, подразумевает возможность комментирования текста, реализуя в новых визуальных образах традиционную идею книжных маргиналий.

ГАБРИЕЛЬ НОДЕ, БИБЛИОТЕКА ПЕТРА ВЕЛИКОГО, ИЛИ ОТКУДА ВЗЯЛАСЬ ИДЕЯ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

В 2014 году Библиотека Академии наук собирается праздновать свой 300-летний юбилей. Дата вполне условная, поскольку единственное событие, случившееся 300 лет назад в библиотечной истории, — это поступление на службу в качестве секретаря царского лейб-медика Р. Арескина Иоганна-Даниеля Шумахера, будущего первого директора Академической библиотеки. Но если обратиться к событиям первой четверти XVIII века, то в истории библиотеки можно найти года и с более существенным набором условностей. Достаточно сказать, что в XX столетии 200-летний юбилей отмечали в 1925 году, то есть за точку отсчёта было принято куда более документированное основание самой Академии наук.

Хотя манипуляции с упомянутыми условностями всегда связаны с каким-либо вполне очевидным фактом, они не затрагивают более глубоких слоёв действительности, вызывающих к жизни то или иное историческое событие. Такое, как, например, основание библиотеки. В качестве отправного пункта нам бы хотелось зафиксировать одно объективное обстоятельство: публичная, общедоступная библиотека сейчас воспринимается как явление вполне обыденное и общеизвестное, но тогда, 300 лет назад, такая идея в России была совершенно экзотической и могла прийти в голову только Петру I или, быть может, ещё нескольким людям из его непосредственного окружения.

Разумеется, первая мысль, которая приходит в ответ на вопрос о том, откуда взялась такая идея, вполне тривиальна: это очередное заимствование из Западной Европы. Однако если попытаться проследить механизмы этого заимствования, то вся очевидность ответа улетучивается и фактическая история вопроса оборачивается полной загадкой. Но всё же оставим для начала версию о западноевропейском влиянии в качестве рабочей гипотезы. И посмотрим, как развивалось дело там, хотя бы для того, чтобы увидеть, в какой мере и может ли вообще этот опыт привиться (если дело было именно так) в совершенно других культурно-исторических условиях.

В начале 30-х годов XV века в монастыре Сан-Марко, расположенном в центре Флоренции, обосновалась одна доминиканская община.

Сегодня монастырь знаменит главным образом своей фресковой живописью, покрывающей стены обители и исполненной монахом этой общины фра Беато Анджелико. Конец XV века в истории монастыря ознаменован именем его приора Джироламо Савонаролы, чей противоречивый образ до сих пор чрезвычайно важен для Флоренции. Здесь его почитают как святого, хотя, разумеется, он никогда не был канонизирован. Для флорентинцев он стал символом свободы и независимости флорентийской городской коммуны.

Все эти обстоятельства связаны с ещё одним известным в истории монастыря фактом: в 1444 году архитектор Бартоломмео Микелоццо закончил строительство помещения для монастырской библиотеки, и братия распахнула её двери для всех желающих. Библиотека Сан-Марко, таким образом, считается первой публичной библиотекой в Европе¹. Опять же в этом первенстве много если не условностей, то случайностей, поскольку сразу после этой даты, как грибы после дождя, именно для мирян стали открываться многие монастырские библиотеки. Существовали и более ранние такого рода примеры², но не столь яркие и громкие.

Конечно, библиотека Сан-Марко стала результатом счастливого стечения обстоятельств и человеческих амбиций, зачастую противоположных, но внезапно совпавших в одной точке. Финансировал библиотеку Козимо Медичи, первоначальным и крупнейшим траншем — 400 книг — была коллекция флорентийского гуманиста Николо Николи, завещавшего свои книги Сан-Марко. В одном из пунктов завещания специально

---

¹ Истории библиотеки Сан-Марко посвящено множество публикаций, среди них две монографии: *Ullman B.L., Stadler Ph. A. The public library of Renaissance Florence. Niccolò Niccoli, Cosimo de' Medici and the Library of San Marco / Italia medioevale e umanistica*, Padova, 1972; *Garin E. La biblioteca di San Marco*. Firenze, Le Lettere, 2000. Из публикаций на русском языке: *Брагина Л.М. Библиотека монастыря Сан Марко во Флоренции // Книга в культуре Возрождения*. М., 2002. С. 138—148; *Хмелевских И.В. Библиотека монастыря Сан Марко. Проблемы взаимодействия гуманистической книжной культуры и доминиканской традиции // Книга. Исследования и материалы*. Сб. 93/1—II. М., 2010. С. 163—179.

² См., напр.: *Хоментовская А.И. К истории книги и библиотек по завещаниям гуманистов и учёных итальянского Возрождения (1320—1574 гг.) // Средние века*. Вып. 24. М., 1963. С. 220—221; *Горфункель А.Х. Фрески Томазо да Модена в Тревизо и книжная культура позднего средневековья // Книга. Исследования и материалы*. Сб. 66. М., 1993. С. 216—217; *Blum R. La Biblioteca della Badia Fiorentina e i codici di Antonio Corbinelli // Biblioteca Apostolica Vaticana. Città del Vaticano*, 1951. Vol. 155. p. 9, not. 11; *Machiavelli B. Libro di ricordi*. Firenze, 1954. P. 11.

оговаривалось требование обеспечить доступ к книгам всем желающим горожанам. Согласно ранней монастырской хронике, обитатели этой доминиканской общины являлись отчаянными библиофилами, искавшими и покупавшими книги по всей Италии, братья имели многочисленные связи с книготорговцами, а как только возникли первые типографии в Италии, начали покупать и первые печатные книги, что совсем нехарактерно для классических монастырских библиотек, чрезвычайно консервативных в этом вопросе. Для большинства интеллектуалов того времени первая печатная книга была искусством площади, сродни народной картинке, лубку.

Помимо религиозной литературы, репертуар книг Сан-Марко отличало великолепное собрание книг математического и естественнонаучного содержания. Их наличие стало результатом частных пожертвований горожан, а также самих братьев, которые оставляли монастырю книги после своей смерти. Часть коллекций также куплены Козимо: книги из собрания Колуччо Салутати, около 50 кодексов Филиппо Пьеруцци (друг Н. Николи, один из эзекуторов завещания). Они составили четверть всех манускриптов Сан-Марко по астрономии и математике. В 1478 году по завещанию Лоренцо да Бистиччи конвент получил 71 книгу, в основном по медицине. От братьев были книги фра Бенедетто Доминичи (по меньшей мере семь манускриптов), 7 книг от фра Пьер Паоло, сына Поджо Браччолини (это были трактаты по логике и философии), книги фра Леонардо ди сер Уберти, библиотекаря конвента в 1471—1473 годах... Около 25 манускриптов и такое же количества инкунабул поступили от Джорджо Антонио Веспуччи (дяди мореплывателя) — он вступил в конвент в 1499 году, приняв постриг от Савонаролы в 1497-м.

Долгое время этот флорентийский феномен эпохи кватроченто — библиотеку Сан-Марко — рассматривали как результат деятельности гуманистов. Но в последние десятилетия XX века стали появляться исследования, касающиеся истории книжной культуры конца Средневековья и раннего Нового времени¹. В результате стало вырисовываться

¹ См., напр.: *Hillebrand E.* Die Observantenbewegung in der deutschen Ordensprovinz // *Reformbemühungen und Observanzbestrebungen im spätmittelalterlichen Ordenswesen.* Berlin, 1989; *O’Gorman James F.* The Architecture of the Monastic Library in Italy 1300—1600. Catalogue with Introductory Essay. New York, 1972. P. 9—19; *Blum R.* La Biblioteca della Badia Fiorentina... P. 14—16; *Becker P., O.S.B.* Erstrebte und erreichte Ziele benediktinischer Reformen im Spätmittelalter // *Reformbemühungen...* S. 24.

ся любопытное обстоятельство. Такого рода библиотеки открывались обычно в общинах нищенствующих орденов — доминиканских, францисканских, августинских. От классических монашеских орденов бенедиктинского устава эти общины отличала теснейшая связь с городом, с городской коммуной, с нарождающимся буржуазным сословием. Но в лоне самих этих орденов особо ревностными усилиями по созданию общедоступных библиотек отличались не все монастыри. Как правило, это были реформированные общины орденов. Волна реформирования прокатилась по Европе с конца XIV века, вызвав многочисленные расколы, но именно реформированные, или обсервантские, общины (от *observare* — соблюдать) отличались строгим соблюдением устава, активной проповеднической, миссионерской и благотворительной деятельностью, организацией религиозных братств, в орбиту которых втягивалось почти всё население города. Впрочем, не всегда можно констатировать источник подобной инициативы, поскольку сами горожане находили в таких общинах наиболее адекватное выражение своих интересов. Все эти факты вписываются в охватившее ренессансную Европу движение, получившее наименование *devotio moderna* — светское, или новое, благочестие, проповедующее правило жить в миру как в монастыре. В разных частях Европы взаимоотношения орденов и религиозных братств складывались по-разному: от непримиримой и кровавой конфронтации (на севере, особенно в Нидерландах) до вполне мирного и взаимовыгодного симбиоза (главным образом в Италии). В итоге движение светского благочестия на севере стало предтечей протестантизма, а в Италии кончилось почти ничем, поскольку оказалось абсорбированным римско-католической церковью, чьё влияние на Апеннинском полуострове было неизмеримо сильнее.

Конечно, мы излагаем эту историю самым обобщённым и пунктирным образом, единственно с целью подчеркнуть природу явления. Деятельности тогдашних орденских общин свойственна огромной мощи экспансия в мир: собственно говоря, *devotio moderna*, возникновение книгопечатания и начало великих географических открытий — все эти, казалось бы, столь разнородные события связаны общей нитью, им свойственны постоянная, непрерывная экспансия вовне. И библиотека в руках орденских общин, развёрнутая в мир, раскрытая городу и горожанам, рассматривалась ими как инструмент влияния.

Помимо религиозных институций существовало и другое, довольно заметное движение в деле возникновения публичных библиотек, хотя

и гораздо менее демократическое. Это частные библиотеки. Уже упомянутый флорентийский гуманист Николо Николи, описавший свою библиотеку монастырю и оговоривший в завещании право пользоваться книгами всем желающим, был далеко не одинок в этом поветрии. Но самое примечательное, что в том же духе начали действовать и власть имущие, которые по совместительству оказывались библиофилами. Здесь логика вещей абсолютно универсальна: феномену публичной библиотеки должно предшествовать наличие крупных личных библиотек. Опять же вышеупомянутый Козимо Медичи — библиофил — один из первых и блистательных тому примеров; наследовавший ему внук Лоренцо Медичи Великолепный основал знаменитую Лауренциану. И, кстати, руководившие ими причины были примерно те же, что и у религиозных общин. Библиотека — это инструмент влияния, это средство распространения и осуществления своих политических амбиций. Неслучайно в истории с Сан-Марко цели доминиканской обсервантской общины и флорентийского олигарха совпали.

В иных исторических условиях, но сходным образом действовали французские кардиналы Ришелье и Мазарини, гигантское книжное собрание последнего стало основой для библиотеки Французской Академии наук, которую, как известно, посещал Пётр I во время визита в Париж.

При сравнении этой картины с тем, что происходило в истории книжности в России, мы, по недостатку собственных знаний, опирались главным образом на наблюдения и выводы, сделанные академиком Александром Михайловичем Панченко в книге «Россия в канун петровских реформ». «Книжное наследие Древней Руси поражает своей огромностью», но приходится констатировать следующий парадокс: книг много, а больших личных библиотек мало¹. Они появляются лишь во второй половине XVII века, в эпоху русского барокко. Большую часть их владельцев составляли иерархи русской православной церкви, Стефан Яворский, его духовный сын Феофилакт Лопатинский, Симеон Полоцкий, Дмитрий Ростовский. Эти «новые учителя», «барочные полигисторы», полонофилы, любители «католической учёности» создали совершенно особый, новый для России модус взаимоотношений между человеком и книгой. Многие из этих людей находились в крайне противоречивых отношениях с политикой Петра,

---

¹ Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984. С. 166.

некоторые заплатились за это (хотя, точнее, — за конфронтацию с Феофаном Прокоповичем).

Остатки книжной коллекции Феофилакта Лопатинского, архиепископа Тверского, хранятся в настоящее время в Библиотеке Академии наук, а полное о ней представление даёт опись, составленная в 1738 году в Тайной канцелярии, куда привезли конфискованную библиотеку опального архиепископа¹. Особо надо отметить особенность этих частных библиотек, резко отличающую их от книжного собрания Петра I. Это классические барочные библиотеки с книгами преимущественно духовно-гуманитарного содержания с подавляющим преобладанием латинского языка. Кстати, многочисленные пометы на книгах, оставленные этими людьми, по большей части также на латыни. Библиотека Петра состояла из книг естественнонаучного и технического содержания, по преимуществу на национальных языках, и, что любопытно, помет на книгах Пётр не оставлял.

Но если эти люди даже на уровне состава своих библиотек представляли собой в известной мере идеологическую, даже, скорее, интеллектуальную оппозицию Петру I, то не менее, если не более резкой оппозицией они были для традиционалистов, по отношению к которым они являлись как раз сторонниками Петра.

В чём, собственно, состояло изменение упомянутого модуса взаимоотношений человека и книги? Мы не оговорились, употребив слово «взаимоотношение», хотя позиции «субъект» и «объект» в этой ситуации не всегда очевидны. Собственно в этом-то и состоит суть дела. Тут мы снова обратимся к выводам академика Панченко. Для иллюстрации этого особого феномена обиходной культуры в отношении к книге он приводит эпизод из жития протопopa Аввакума, ярчайшего представителя традиционалистов. Подаренную ему книгу (сборник эсхатологических поучений Ефрема Сирина) он променял на лошадь, после чего ту лошадь стали мучить бесы. Мучили они и брата Аввакума, Евфимия, который ухаживал за животным. В конечном итоге Аввакум забрал книгу, а за лошадь уплатил деньгами.

Иными словами, «не столько человек владеет книгой, сколько книга владеет человеком», «врачает его». Книга — не вещь... Книга по-

---

¹ Гальцин Д.Д. Новый Завет и Псалтирь издания Киево-Печерской Лавры (1692 г.) из мемориальной «Библиотеки Феофилакта Лопатинского» в Отделе редкой книги БАН: маргиналии Стефана Яворского (1660—1722) // Книга в России. К истории Академической библиотеки. СПб., 2014. С. 63—79.

добна иконе; это духовный авторитет и духовный руководитель»¹. Тут надо отметить, что такого рода сюжеты характерны и для западных житийных текстов. Например, в житии Франциска Ассизского имеется схожий эпизод. И там книга рассматривается как неотчуждаемая собственность, её продажа — даже в благочестивых целях — влечёт за собой неприятности. Хочешь помочь бедняку — продай что-нибудь другое.

Книга для наших традиционалистов как носителей средневековой культуры — это лекарство, которое нужно принимать постоянно изо дня в день, и потому чтение для них это не процесс познания, а «пользование себя», врачевание; для таких целей нужна не библиотека, а определённый круг избранных текстов. Именно из этой парадигмы средневековой обиходной культуры и проистекает отсутствие личных библиотек. И это противоположно установкам наших барочных библиофилов. Такого отношения к книге они уже понять не могли, для них оно было дикостью и язычеством. Дмитрий Ростовский в своей инвективе против старообрядцев пишет об этом совершенно ясно: «...В веществе зримом и осязаемом божества ищут, и в веществах зримых и осязаемых веру свою полагают. Старая икона — то их вера...»² Обозначившееся таким образом разъединение сакральности и материи, содержания и его материального носителя — явление, параллельное тому, что произошло в Западной Европе, только раньше. При всём идеологическом противостоянии Петру, в более глубоком, культурном плане позиции Петра и «новых учителей» сходились. И порождённый ими феномен личной библиотеки как личного, индивидуального пространства, собственного микрокосма, в котором человек только и может почувствовать себя свободным, хотя и не притеснялся сам по себе, тем не менее плохо вписывался в культурную политику Петра I. Но именно этот феномен библиофильства и распространился в России. Есть ощущение, что начавшееся во время революции 1917 года «потрошение», раздробление, развеивание по ветру усадебных, дворцовых и прочих личных библиотек, помимо внешних обстоятельств, было связано ещё и с безотчётным, подспудным желанием уничтожить библиотеку именно как личное пространство свободы, как идентификатор индивидуальности.

---

¹ *Панченко А.М.* Русская культура в канун петровских реформ. С. 167.

² Цит. по: *Панченко А.М.* Русская культура в канун петровских реформ. С. 167.

Как можно заметить, история библиотечного дела и само существование библиотек какими-то невидимыми нитями связаны с тем самым вышеописанным модусом взаимоотношений человека и книги. Эти невидимые нити хочется как-то найти, нащупать. И похоже, нигде мы их не найдём, кроме как в самих книгах. Приведём в пример одну из таких книг.

В петровской библиотеке хранится замечательный экземпляр первого издания знаменитейшего трактата Андреа Палладио «Четыре книги об архитектуре» (1570)¹. Трактат этот лёг в основу европейского палладионизма, из него, как литература XIX столетия — из «Шинели» Гоголя, вышли, без преувеличения, все последующие века европейской, и в том числе русской, архитектуры.

У нашего экземпляра этой книги совершенно феноменальная судьба; в пространстве этой книги столкнулись сразу несколько тех самых модусов.

Первый из них — хорошо знакомое нам библиофильство. На последней странице книги, на нижнем поле, помета: *questo libro e mio jeronimo [chavenesi]*², рядом другой рукой и другими чернилами: *Fu suo*³.

На верхнем форзаце книги, на половине, приклеенной к переплёту, запись следующего содержания (к сожалению, многого в ней прочесть не удаётся, текст частью расплылся, частью заклеен, к тому же человек, написавший его, видимо, не был привычен к писанине: много зачёркиваний, да и перо явно не в лучшем состоянии):

«1578 год 28 декабря родился Доминико... (далее неразб.) каковой родился... в Миланском государстве...»

Полагаем, что это имя писавшего человека, который сообщает о себе биографические сведения; увы, фамилия полностью расплылась.

«В 1603 году 15 сентября в первый час пополудни Бог дал мне первенца, дай Господь ему долгой жизни ... имя ему Антонио...»

1605 года 2 июня Господь Бог дал мне младенца... Спаси его Господи, имя ему [Марта], храни его Господь.

В год 1611 19 июля

дал мне Господь сына, названного Андреа, пошли ему Господи долгой жизни и храни его в милости своей, каковой сын родился на рассвете в субботу. Господи благослови...

¹ Шифр книги в Библиотеке Академии наук: БАН НИОР П I ин. 397.

² Эта книга моя, Иеронимо Кавенези.

³ Была его.

В день 9 ноября 1615 года

Бог дал двух дочерей, каковыя родились за два часа до полудня, первая названа Чечилия, а вторая Катарина, даруй Господи здравия им в этой жизни (далее неразб.) Господи благослови...

В 1616 год 19 января

Отошла в жизнь вечную моя жена Лукреция каковая была дочерью Батисты Гарово... из Флоренции ... Благослови Господь... (неразб.)¹.

Это не что иное, как семейная хроника. Появление такого рода текста на форзаце архитектурного трактата крайне необычно. Дело в том, что семейные хроники встречаются на форзацах исключительно Библий. Это действительно давняя традиция, когда самые важные события семейной жизни, рефреном повторяющиеся молитвы естественным образом предполагают библейский текст. С этой точки зрения логично предположить, что книга имеет неродной переплёт. Но, с другой стороны, есть и другие соображения. Прежде всего, сложно представить себе такого размера и толщины Библию (по формату это небольшое фолио, в книге немногим больше трёхсот страниц). В основе переплёта мягкий картон, что тоже нехарактерно для Библий. И потом, хроника датируется началом XVII века, перешить её могли только в XVII веке, в XVIII книга уже была у Петра. Если крышку переплёта перешивали, то почему было не пришить её снова к какой-нибудь Библии, почему к Палла-

---

¹ 1578 ady 28 de decemver naque dominico p.z... qualle naque in ital. [...] nel statto de milano in [pegrii...] dÿe 15¹⁶⁰³ de september una hora in [mezo] il giorno idio ma dato uno p[rimo]? (слово переправлено) ma[chio] idio [gle daga] longa vita e [lereza] nome suae antoni bona[n]ome

1605

il sig[n]iore idio madato uno p[utto la] ali.[2]. de iunius ali [desdote] [orrij] il sig[n]o[r]idi [gedig(n)ia] regesca e sanita la suua nome e marta il seg[nio]roidio le conserve

An[n]o 1611

a dij 19 de Julius io dio mi dete uno filiolo masc[io] il suo nome fu nominato Andreia piaz[co] lij il signore idio li di.. longa vita et lo conserva nela sua gratia il qualle naque in nel far del giorno [in] uno sabato

Adij 9 Novembris Anno 1615

[D benedicti piazio]lij mai prop]

idio mi dete [2] filioli]ij feminij lij qualij nascero 2 orij avanto meze giorno, la prima nominata Cicillia, la [f] altera, Katharijna, io dio li d[io] sanita in questa vita fina che piace[va a] la sua santa maiesta. domenica Benedict pia[zio]lij || [manaprp]

Anno 1616 adij 19 Jenuarij

E pasata di questa vitta nella eterna la [mia] dona lucretia la quala fu filiola de Battista gar[o]vo]lij de fioren[c]za dom:Benedic...

дио? Наша версия основывается на предположении, что сила традиции не ослабла, но трансформировалась. Возможно, она излишне красива и натянута, чтобы вызывать доверие, но некоторые соображения всё-таки хочется высказать.

Палладинство оказалось не просто модной архитектурной теорией и практикой, оно стало для многих его носителей мировоззрением, философией, «*itinerarium mentis*»¹, поэтому для большого числа его адептов трактат превратился в архитектурную библию. Во всяком случае, для великого английского архитектора-палладианца Иниго Джонса (1573—1652) труд Палладио — это книга, выстроившая его архитектурную теорию, то есть в конечном итоге всю его жизнь. Значит, и вне религиозного контекста ситуация, когда книга руководит, наставляет, «пользует» человека, сохраняется. Иниго Джонс всю жизнь писал комментарии к Палладио, но только более чем век спустя издатель Джакомо Леони в Лондоне, в 1715 году, выпустил в свет четырёхязычный трактат Палладио с комментариями Джонса. Эта книга также была в библиотеке Петра I, она значится в передаточных реестрах, и она не упомянута в реестрах о «непринятых» книгах. То есть в БАН она поступила, но пропала, вероятно, ещё в первой трети XVIII века, поскольку сведений о ней нет даже в Камерном каталоге², вышедшем в 1740-х. Но тем не менее у Петра она была и оказалась там неслучайно. Пётр участвовал в этом лондонском издании — в списке подписчиков маюскульным шрифтом напечатано имя царя «*HIS CZARIAN MAJESTY, EMPEROR OF GREAT RUSSIA, &C. &C. &C.*»: под магическое действие палладиевой книги попал и русский царь.

Архитектурной библией этот текст оказался и для русского великого архитектора-палладианца Николая Александровича Львова (1753—1803). О почитании, которое сродни религиозному, говорит, среди прочего, тот факт, что Львов в своём знаменитом переводе Палладио, изданном в 1798 году, подчеркнул следующее: текст переводился с первого, прижизненного издания, то есть почерпнут из самого чистого, незамутнённого источника. Как сказано в предисловии, «искажи купить старую Палладиевую Едицию в 1616 г. Карампеллом в Венеции печатанную, на дереве вырезанную, но самим автором исправленную». Хотя Львов ошибся, издание было отнюдь не первое, но сам посыл замечателен, он явно нерационального свойства. Книга 1616 года — это 4-е издание, оно и ещё несколько

¹ Путешествие ума.

² *Bibliothecae Imperialis petropolitanae*. P. I—IV. [СПб., 1742].

последующих напечатаны с использованием старых досок, в ряде случаев с использованием того же шрифта. Какими бы ни были соображения издателей, они удовлетворяли соответствующий спрос, и таким образом, это не подделка под *editio princeps*, а что-то вроде списка с иконы.

Характерны в этом смысле фронтисписы лондонского издания Палладио 1715 и русского издания 1798 года: сюжеты фронтисписных гравюр примерно одинаковы. Это свидетельствует об установлении культа Палладио соответственно в Британии и в России. На русской гравюре аллегория Времени пытается стереть память об архитекторе (надпись на постаменте) — гений Вкуса не даёт это сделать. В английском варианте аллегория Времени набрасывает тень (занавес) на бюст архитектора, но светильник в руках крылатого гения направляет на его портрет яркие лучи света.

В пользу нашей шаткой версии говорит ещё одна мелкая деталь: именно вышеупомянутый переплёт, лишённый жёсткой основы и снабжённый завязками из мягкой кожи. Как правило, такого рода переплётыв изготовливали совсем не для Библий, равно и библиофил постарался бы заказать для своей коллекции что-нибудь более солидное, да ещё снабдил бы крышки суперэкслибрисом. Такого рода переплётыв обычно встречаются как раз в библиотеках архитекторов. Поскольку им часто приходилось путешествовать в поисках и при получении заказа, бегать по строительным площадкам, то, чтобы облегчить поклажу, они и заказывали для своих книг мягкий переплёт. А книга эта явно много путешествовала и, несомненно, находилась в руках архитектора: в книге много помет — цифр, расчётов, вероятно, пропорций, а страницы в ней неоднократно намочали. Без сомнения, человек, писавший хронику, был архитектор, больше привыкший чертить и писать цифры, чем буквы, потому и текст его хроники вышел с кляксами и зачёркнутыми словами.

Следующий вид помет на лицевой стороне первого чистого листа иллюстрирует уже третий модус взаимоотношений человека и книги. Вероятно, их оставил человек учёный. Эти латинские записи являются цитатой из главы XVIII «Об архитектуре» сатирического сочинения Корнелия Генриха Агриппы 1527 года «*De incertitudine et vanitate omnium scientiarum*» («О недостоверности и тщете всяческих наук»):

«Архитектура — нет сомнения в том, как много она приносит пользы и украшений общественным и частным устройствам: все эти стены и перекрытия, мельницы и повозки, мосты и корабли, часовни, храмы и

святылища, фольварки (?) и башни и всякого рода приспособления (которыми поддерживаются и украшаются дела публичные и гражданские) дарованы нам ею, — дисциплина чрезвычайно необходимая.

Свидетельство (или доказательство от противного)¹

В сочинении Агриппы высмеивается тогдашнее состояние наук. Трактовать цитату можно как угодно, либо здесь в качестве научного определения дано нечто само собой разумеющееся, либо напротив — тёмному, наукообразному словоблудию противопоставлен обыкновенный здравый смысл. Но для чего человек это выписал, да ещё добавил «доказательство от противного»?

Возможно, появление такой пометы укладывается в логику гуманистического дискурса об архитекторе-творце. Дело в том, что в это время, в XVI—XVII веках, в архитектурном цехе, а часто и за его пределами существовала полемика, противопоставлявшая архитектора-учёного, широко и, прежде всего, гуманистически образованного человека, опирающегося в своей практике на науку, и архитектора-ремесленника, работающего по наитию. Этот фрагмент текста, скорее всего, отголосок той полемики.

Следующий фрагмент — это окончание главы XVIII «Об архитектуре»: здесь перечислены авторы, писавшие об архитектуре, начиная от античных и заканчивая современниками:

Scripserunt de architectura

1 Primus agatarchus Atheniensis

2 Postea Democritus & anaxagoras

3 Deinde Silenus, Archimedes, Aristoteles

Theophrastus, Cato Varro, Plinius.

4 Demum Vitruvius, Nigrigentus.

5 Ex recentioribus aut Leo Baptista, frater

Lucas, Albertus Durrerius.

---

¹ [Henr.] Corneli[us] [...]

Architectura aut non dubium, qui[n] permultu[s] co[m]modi ornatusq[ue] ad ferat, & publicis & privatis aedificijs, haec parietes & tecta, pis[tr]inas & vehicula, pontus & naves, fana, templa, delubra, m[u]nia, turrets, & omnis generis machinas Cuius res hominum tam publica quam privata tuentur, ornanturq[ue] nobis largitur, disciplina alioqui per necessaria & honesta.

Testimoniu[m] ab ad[versarijs]

Какого бы мнения ни придерживался выписавший эту цитату человек, список, взятый из Агриппы, является не чем иным, как каталогом. И что любопытно, согласно многим сохранившимся инвентарям личных библиотек, принадлежавших архитекторам, многие эти авторы туда входили, в рамках гуманистической культуры предполагалось непременно знание античных авторов¹.

Итак, этот экземпляр трактата Палладио иллюстрирует нам многообразие и разветвлённость взаимоотношений человека с книгой и книги с человеком. Прямо и косвенно он свидетельствует о серьёзной вовлечённости Петра I в книжный универсум. Конечно, его собственные резоны создать общедоступную библиотеку могли быть сходны с резонами доминиканской обсервантской общины или Козимо Медичи, или кардинала Мазарини. Но разве ж он не понимал, что место, куда он пытался имплантировать своё нововведение, — это отнюдь не ренессансная Флоренция и не просвещённый Париж. Наша гипотеза относительно мотивов царя абсолютно спекулятивна, но другой всё равно пока нет. Прежде всего, она заключается в том, что Пётр, на наш взгляд, руководствовался целью, далёкой от сиюминутной прагматики, и вряд ли он надеялся на понимание современников. Это видно хотя бы из того факта, что петровское требование открытости библиотеки после его смерти никто не собирался исполнять. При Шумахере даже академикам доступ к книгам был затруднён. О более широкой публике и говорить не приходится. Мы бы обрисовали мотивацию царя следующим образом.

В 1627 году в Париже вышел небольшой трактат «Мнение о том, как составить библиотеку» Габриеля Ноде (1600—1653)². Автор трактата — французский интеллектуал, медик по образованию, ставший личным библиотекарем сначала кардинала Ришелье, затем кардинала Мазарини; именно к составлению библиотеки последнего он имел самое непосредственное отношение. Это пособие приобрело огромную популярность в Европе, оно действительно содержит массу практических рекомендаций, списки необходимых авторов, к ним предлагается лёгкая систематизация литературы, и даже описаны некоторые требования,

---

¹ См.: *Mignot C. Bibliothèques d'architectes en France au XVIIe siècle // Bibliothèques d'architecture. Architectural libraries. Sous la dir. de O. Medvedkova. Paris, 2009. P. 23—37.*

² *Naudé G. Advis povr dresser vne bibliotheque. Présenté à Monseigneur le President de Mesme. Paris, F. Targa, 1627.*

предъявляемые библиотечному зданию. Приведённый Ноде список авторов и репертуар петровских книг абсолютно не совпадают, но совпадает нечто более существенное.

Мы вовсе не утверждаем, что Петру был знаком этот трактат, но он был в Европе, посещал множество частных и публичных библиотек и, вероятно, не мог не почувствовать атмосферу, питающую это явление. В начале трактата мы встречаемся со следующим тезисом: «Чтобы далеко не удаляться от сути нашего предприятия, первое, самое общее соображение нам диктует, что создание библиотеки — это почтенное, великодушное и вдохновенное дело, которое имеет самое прямое отношение к бессмертию, сколько великих имён оно уберегло от забвения...»¹

И заканчивается трактат словами, наверняка бы тронувшими не только возвышенную, но и прагматическую часть души Петра I: «Нет лучшего окончания нашему сочинению, чем осознание того, в чем же должна состоять важнейшая цель и польза этого предприятия. Ведь, представьте себе, стоит ли после многих трудов и затрат скрыть эти сокровища знаний от людей и предать столько блистательных умов вечному молчанию и одиночеству. ...Лучшим применением библиотеки станет посвящение её публике»².

---

¹ *Naudé G.* Advis povr dresser vne bibliotheque. P. 15.

² *Ibid.* P. 151—152.

УСАДЕБНЫЙ НАУЧНЫЙ КАБИНЕТ ГРАФА Я.В. БРЮСА

Яков Вилимович Брюс (1669—1735) — государственный деятель, сподвижник Петра I — известен и как учёный-любитель. Любитель не по качеству его научных, в основном прикладных работ, а по профессиональному положению: его должностные обязанности не были напрямую связаны с исследованиями. Но уже при жизни интерес Брюса к астрономии, оптике, пробирному искусству вызывал неподдельный интерес в русском обществе, и Яков Вилимович приобрёл репутацию чернокнижника, алхимика и колдуна.

После смерти Петра I Брюс ушёл в отставку и поселился в усадьбе Глинки под Москвой¹. Там он построил себе обсерваторию, составлял библиотеку и разного рода коллекции. Скончался 19 апреля (по старому стилю) 1735 года.

Одним из первых, кто откликнулся на смерть генерал-фельдцейхмейстера, был главный командир Академии наук Иоганн Альбрехт Корф. Уже в мае он направил в Кабинет императрицы Анны Иоанновны доношение, в котором просил передать в Академию наук «многие курioзные вещи, яко книги, инструменты, до древности принадлежащие вещи, редкие монеты и каменя, которые он от части на пути с Его Императорским Величеством блаженныя и вечнодостойныя памяти Петром Первым в Германии восприял, а отчасти здесь великим трудом и иждивением собрал»². Доводами для такой просьбы служили высокая оценка важности для Академии наук библиотеки и коллекции Брюса, которая послужит «рачителям науки и знания в пользу и увеселение»³, желание сохранить собрание как единое целое, что послужило бы славе и чести Брюса и его потомков, а также опасения, что книги и вещи будут расхищены. И.А. Корф понимал значение «Брюсовых пожитков»: он сам был обладателем богатейшей библиотеки, которая при продаже её Екатерине II насчитывала около 35000 томов.

¹ О жизни и деятельности Я.В. Брюса см.: *Забелин И.Е.* Библиотека и кабинет графа Я.В. Брюса // *Летописи русской литературы и древности.* Т. 1. М., 1859; *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862; *Хмыров М.Д.* Второй генерал-фельдцейхмейстер Яков Вилимович Брюс // *Артиллерийский журнал.* 1866. С. 81—136; *Филлимон А.Н.* Яков Брюс. М., 2003.

² Материалы для истории Императорской Академии наук : в 10 т. Т. 2. СПб., 1886. С. 728.

³ Там же. С. 728.

---

16 июня 1736 года московскому главнокомандующему графу Семёну Андреевичу Салтыкову был послан указ за подписью кабинет-министров графа А.И. Остермана, князя П.И. Ягужинского и графа А.М. Черкасского, в котором предписывалось собрание Брюса отправить в Санкт-Петербург в Академию наук. По приказу С.А. Салтыкова стала составляться опись книг и вещей. В свою очередь Академия наук для составления реестров и учёта библиотеки и коллекций Брюса, а также для перевоза их в Петербург отправила в Москву нотариуса Х. Тидемана и копииста И. Пухорта. Во второй половине декабря сокровища усадьбы Глинки прибыли в Петербург в Академию наук.

В настоящее время известны несколько описей библиотеки и коллекций Брюса. Но наша задача сейчас не анализировать детали, а дать общее представление о составе собрания, целях его формирования и особенностях использования. Для этого обратимся к описи, опубликованной М.И. Сухомлиновым¹, и каталогу книг из библиотеки Брюса, сохранившихся в Библиотеке Академии наук и выявленных Е.А. Савельевой².

Библиотеке Брюса, источникам её изучения, составу посвящены фундаментальные работы С.П. Луппова³. О другой части собрания Я.В. Брюса — его коллекции инструментов, картин, других художественных и естественнонаучных предметов, нумизматическом кабинете — монографического исследования нет. К «предметной» части собрания обращались в своих исследованиях, прежде всего, О.Я. Неверов⁴, Ю.О. Каган⁵, М.Л. Меньшикова⁶.

¹ Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 5. СПб., 1889. С. 152—245.

² Библиотека Я.В. Брюса. Каталог / сост. Е.А. Савельева. Л., 1989.

³ Луппов С.П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973. С. 184—203; *Он же*. Библиотека Я.В. Брюса // Сборник статей и материалов по книговедению. Вып. III. Л., 1973. С. 250—272.

⁴ Неверов О.Я. Памятники античного искусства в России Петровского времени // Культура и искусство Петровского времени : Публикации и исследования. Л., 1977. С. 37—53; *Он же*. Собиратели редкостей из окружения Петра Великого // Из истории Петровских коллекций : сб. науч. тр. памяти Н.В. Калязиной. СПб., 2000. С. 29—145; *Он же*. Собрание редкостей Петровской Кунсткамеры // Пётр и Голландия: русско-голландские научные и художественные связи в эпоху Петра Великого / под ред. Н. Копаневой, Р. Кистемакер, А. Офербек. СПб., 1997. С. 127—141.

⁵ Каган Ю.О. Ещё раз о Доршевой серии портретов русских князей и царей. Историографический аспект и новые материалы // Из истории Петровских коллекций. С. 27—65.

⁶ Меньшикова М.Л. Яков Вилимович Брюс и его китайские коллекции // Петровское время в лицах. СПб., 2000. С. 34—40.

На наш взгляд, собрание Я.В. Брюса необходимо рассматривать как единое целое, не разделяя библиотеку и коллекции. Именно так можно понять как специфику состава собрания, так и его функциональную значимость для владельца. Как библиотека, так и коллекции были универсальными по своему характеру. Это отвечало универсализму знания первой четверти XVIII века.

О.Я. Неверов, много сделавший для исследования собраний Кунсткамеры, и коллекций Я.В. Брюса в частности, заметил, что Брюс был «страстным коллекционером»¹. Но библиотека и коллекции Брюса — это, прежде всего, его рабочий кабинет. Такой вывод С.П. Луппов сделал о библиотеке: «...библиотека Брюса... рабочее собрание книг, необходимых его владельцу, полностью отражающее его научные интересы»². То же самое мы можем сказать и о коллекциях Брюса. Основанием для такого заключения является не только состав коллекций, но и пути их формирования.

Несомненно, что собственно коллекционирование как процесс и возможность накопления знаний через книгу и предмет занимали Я.В. Брюса. СобираТЕЛЬСТВОМ занимался и Пётр I, который, как и Брюс вместе с ним, был знаком со многими европейскими коллекционерами. В усадебной библиотеке в Глинках были каталоги собраний амстердамского аптекаря Альберта Себы³, коллекцию которого в 1717 году купил Пётр I для Кунсткамеры; естествоиспытателя Г.Э. Румпфа «D'Amboinsche Rariteitkamer» (Amsterdam: Halma, 1705), для которого иллюстрации к описанию моллюсков выполнила М.С. Мериан, чьи акварели купили Пётр I и его лейб-медик Р. Арескин; известная книга М.Б. Валентини «Museum Museorum» (Frankfurt am Main, 1704—1714) и так далее.

Я.В. Брюс отдал дань и увлечению искусством (у него была коллекция живописи), а также коллекционированию восточных предметов, прежде всего китайских, что, возможно, связано с интересом к описанию разных стран, народов и их верований. И в составе его библиотеки

---

¹ Неверов О.Я. Собрание редкостей Петровской Кунсткамеры. С. 135.

² Луппов С.П. Библиотека Я.В. Брюса. С. 272.

³ Locupletissimi Rerum Naturalium Thesauri Accurata Descriptio Et Iconibus Artificiosissimis Expressio Per Universam Physices Historiam / Opus, Cui ... Digestis, Descripsit, Et Depingendum Curavit Albertus Seba, Etzela Oostfrisius... Amstelædami : Apud J. Wetstenium, & Gul. Smith, & Janssonio-Waesbergios, 1734. Т. I. Эта книга не учтена в издании «Библиотека Я.В. Брюса»; она хранится в Библиотеке Зоологического института РАН и имеет экслибрис Брюса.

немалое число книг о путешествиях, литература о религиях и по искусству. В шкафах стояли книги «Museum Sinicum» Т.З. Байера, которую издала Петербургская Академия наук в 1730 году; хронология китайских царей¹ и так далее. Китай интересовал Брюса и с точки зрения создания разного рода измерительных приборов и инструментов.

По подсчётам С.П. Луппова, больше всего книг в библиотеке Я.В. Брюса было по математике, астрономии, физике, механике и оптике, минералогии, а из гуманитарных наук — по истории, нумизматике, политике². Анализ реестров коллекции Брюса показывает, что наиболее значительными были его собрания инструментов, минералов, а также монет и медалей.

Особый интерес представляет собрание научных инструментов и приборов, прежде всего оптических. Известно, что астрономия и практическая оптика были одними из важнейших занятий Я.В. Брюса. В 1717 году в его переводе была издана книга голландца Хр. Гюйгенса «Космотеорос», в которой излагалось гелиоцентрическое учение Коперника. Для проведения астрономических наблюдений Брюс сам изготавливал разные линзы, зрительные трубы и зажигательные стёкла разных размеров. Так, при описании зажигательных стёкол, сданных в обсерваторию Делилю, перечислены 147 стёкол с разным диаметром в точке зажигания³. О том, как Брюс работал над изготовлением оптических инструментов и какие проблемы при этом решал, дают представление работы В.Л. Ченакала⁴ и опубликованная им переписка Брюса с механиком Академии наук Лейтманом⁵, которая началась в январе 1726 года, когда Лейтман жил ещё в Саксонии, а также письмо Брюса неизвестному лицу. Иоганн Георг Лейтман (1667—1736), изучавший богословие, физику, математику, известен прежде всего как механик, занимавшийся изобретением новых и усовершенствованием имеющих научных приборов. Он прибыл в Петербург в 1726 году и, став профессором в Академии наук, занимался созданием точных пробирных весов,

---

¹ Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 5. С. 163. № 300.

² Луппов С.П. Библиотека Я.В. Брюса. С. 261—262.

³ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук. Р. III, оп. 1, д. 138, л. 118 об.

⁴ Ченакал В.Л. Яков Вилимович Брюс. Русский астроном начала XVIII века // Астрономический журнал. 1951. Т. XXVIII. Вып. 1. С. 3—14.

⁵ Я.В. Брюс. Письма к Иоганну-Георгу Лейтману / публикация, вст. ст. и прим. В.Л. Ченакала // Научное наследство. Т. II. М., 1951. С. 1083—1101.

очищением металлов, создал часы, названные им «петербургскими», нашел способ точного определения количества серебра в монетах, исправлял зажигательные стёкла и так далее. Все эти вопросы волновали и Я.В. Брюса, который имел в библиотеке несколько изданий работ Лейтмана ещё 1719—1723 годов. Переписка с петербургским механиком раскрывает нам широкий круг интересов Брюса, связанный как с его профессиональной деятельностью, так и с увлечением оптикой.

В 1719 году Я.В. Брюс был назначен президентом учреждённой Берг-коллегии, в ведение которой входили организация работы и управление горнорудными заводами, добыча и переработка полезных ископаемых. Брюса интересовали и проблемы исследования руд и минералов, а также вопросы пробирного анализа, для чего при Берг-коллегии была создана специальная лаборатория. В минералогическом собрании Брюса были руды из Петербургской губернии, из Сибири, причём в реестре руд и минералов указано, откуда происходят образцы, а также их состав в весовом соотношении частей. Показательно одно из писем Брюса Лейтману: «Прекрасный эксперимент, который Ваше высокоблагородие проделали с превосходными недавно изобретенными весами, ценен для меня тем более, что мне ещё не посчастливилось проделать то же самое на таких же весах, которые Вам угодно было сделать для меня в Петербурге. Трение препятствует тому, что эти весы нечувствительны к очень малым тяжестям. В своём «Theatrum machinarum» Лейпольд¹ сделал сообщение об английских весах без стрелки. Я имею такие же нового, предложенного Гексби², устройства. Однако никому не удалось достичь того, что в настоящее время Вашему высокоблагородию удалось исполнить. По расширению металлов Ваше высокоблагородие на деле дали очень значительный эксперимент. Если мне не помешает слабость здоровья, я также сделаю инструмент для того, чтобы узнать, действительно ли сгущённый холодный воздух прилегает к латунной струне на холоде, а в тепле снова уходит от неё, не способствуя сколько-нибудь понижению тона»³.

Оба изобретателя, Брюс и Лейтман, обменивались книгами и сделанными ими приборами: «Подтверждаю, что посланные мне Вашим

---

¹ Leupold Jacob. *Theatrum machinarum generale*. Leipzig, 1724. Книга была в библиотеке Брюса.

² Френсис Гексби (Francis Hauksbee, 1660—1713) — английский физик, автор многих книг о физических, оптических, математических инструментах.

³ Я.В. Брюс. Письма к Иоганну-Георгу Лейтману. С. 1094.

высокоблагородием двойные весы на днях получены. Я Вам за это очень признателен и получил от этого немалое наслаждение. Это интересное и вместе с тем весьма полезное изобретение, с помощью коего отныне, при восьмикратном отношении между весом и взвешиваемым грузом, стало возможным взвешивать такие мелкие части, вес коих ранее не мог быть с точностью установлен»¹.

Коллекция и библиотека Брюса свидетельствуют, насколько глубоки были познания Брюса в области оптики и насколько интересными были для него опыты по практической оптике. Вот лишь небольшой отрывок из одного его письма неизвестному лицу: «Оба зеркала, изготовленные мною к этой трубе в своём доме, различные. Одно из металла с мышьяком, второе — из стекла. Стекло лучше, так как полировка металла нам удастся меньше, нежели полировка стекла. Малое зеркало я употреблял также металлическое и нашел его лучше стеклянного, однако не столь хорошим, как призмы из горного хрусталя. Эту трубу, с окуляром в $2 \frac{8}{10}$ дюйма, я неоднократно употреблял для рассматривания предметов на горизонте, а также для наблюдения Луны. Луна выглядела в ней отчётливо и ясно, и был виден весь её диаметр. Но я не мог провести наблюдения из-за моего нездоровья, которое в тёмные осенние ночи увеличивается. . .»² Коллекция оптики составлялась Брюсом из им же самим изготавливаемых инструментов и приборов. Сохранилось изготовленное им в 1733 году вогнутое металлическое зеркало для отражательного телескопа, ныне хранящееся в Государственном Эрмитаже. Оно было в Кунсткамере и описано в каталоге: «Зеркало зажигательное, большое металлическое, вращающееся на оси, величиною в 2 фута 3 дюйма».

Интересен характер и нумизматической коллекции Я.В. Брюса, а также его собрание инталлий. Состав их также не случаен, а определяется положением Брюса как государственного деятеля. Известно, что минц-кабинеты формировались коллекционерами как «металлическая история» стран и мира в целом. Нумизматическое собрание Брюса охватывает римскую историю, историю Востока, Европы и, конечно, России. При этом нельзя забывать, что с 1720 года Брюс был директором Санкт-Петербургского Монетного двора. О.Я. Неверов, изучавший нумизматическое собрание Брюса, отмечал, что в его составе были «подлинные шедевры античной нумизматики — золотые статеры Александра Великого и фракийского царя Лисимаха, серебряная тетрадрахма маке-

¹ Я.В. Брюс. Письма к Иоганну-Георгу Лейтману. С. 1091.

² Там же. С. 1096.

донского царя Кассандра, ауреусы Цезаря, Августа, Константина, серебряные монеты Афин и Коринфа»¹. Но нумизматический кабинет Брюса отражает и пропагандистское значение собрания медалей, которое так важно было для прославления российских побед и Петра I, рядом с которым, начиная с Потешного войска, был и Яков Брюс. В минц-кабинете Брюса были собраны практически все медали, отлитые по случаю российских викторий в ходе Северной войны.

Большой интерес в собрании Брюса представляет серия портретов русских князей и царей от Рюрика до Ивана V, вырезанных на зелёной яшме мастером из Нюрнберга И. Доршем. Эти инталии, хранящиеся в Государственном Эрмитаже, детально изучены Ю.О. Каган². Для нас важно отметить, что это миниатюрная портретная галерея несомненно связана с интересом Брюса к российской истории. В его коллекцию живописи, также обогатившей Кунсткамеру, входили портреты русских царей от Ивана Грозного до Петра I. В библиотеке Брюса была рукопись начала XIII века³ по русской истории от великих князей до Петра I; рукопись Степенной книги XVII века, с которой уже позднее, когда собрание было в Библиотеке Академии наук, работал М.В. Ломоносов, оставивший пометы на её страницах⁴.

Анализ описаний всего состава собрания Брюса, как библиотеки, так и коллекций, подтверждает, что это было собрание человека, увлечённого всем тем, чем он должен был заниматься по долгу службы, и учёного-экспериментатора. В усадебном научном кабинете, казалось бы, отошедшего от дел Якова Вилимовича Брюса кипела серьёзная научная работа, а его библиотека и коллекции были своеобразными лабораториями учёного первой половины XVIII века.

---

¹ *Неверов О.Я.* Собрание редкостей Петровской Кунсткамеры. С. 137.

² *Каган Ю.О.* Ещё раз о Доршевой серии портретов... С. 27—65.

³ Библиотека Я.В. Брюса. С. 8. № 1.

⁴ Там же. С. 9. № 2.

МАРГИНАЛИИ НА ЭКЗЕМПЛЯРЕ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ КНЯЗЯ И.М. ДОЛГОРУКОВА

В библиотеке Института русской литературы (Пушкинского Дома) хранится экземпляр последнего прижизненного издания сочинений князя Ивана Михайловича Долгорукова (1764—1823) «Бытие сердца моего...»¹. Этот экземпляр интересен тем, что он был использован автором для внесения исправлений и изменений в тексты, для добавления комментариев. Собрание сочинений, вышедшее в четырёх частях, переплетено в два тома и имеет специально вставленные для пометок листы, на которых, как и на самих листах книги, имеются многочисленные маргиналии. Эти маргиналии были опубликованы в статье В.П. Степанова² с сопроводительной вводной частью, объясняющей историю создания и хранения этой книги, которую мы здесь повторять не будем.

Данная статья посвящена типизации и анализу содержания маргиналий, имеющихся на страницах этой книги. Прежде всего, необходимо отметить, что записи сделаны двумя разными почерками и принадлежат двум авторам — князю Ивану Михайловичу Долгорукову и его сыну князю Дмитрию Ивановичу (1797—1867). Большинство записей, оставленных рукой князя Д.И. Долгорукова, дублируют записи отца, поскольку у последнего был крайне неразборчивый почерк, и у сына были справедливые опасения, что эти заметки могут быть впоследствии прочитаны неверно. Впрочем, некоторые записи сделаны только рукой князя Д.И. Долгорукова и представляют собой его собственные комментарии, а часть пометок князя И.М. Долгорукова не продублирована рукой сына.

---

¹ *Долгорукий И.М., кн.* Бытие сердца моего, или Стихотворения князя Ивана Михайловича Долгорукого. Изд. 3-е. В четырёх частях. М.: Издание книгопродавца А.С. Ширяева; В Университетской Типографии, 1817—1818. Ч. I: Содержащая в себе предметы высокие, нравственные или печальные. М., 1817. [2], 260, [3] с., 1 л. фронт. (портр., грав. тит. л.). Ч. II: Содержащая в себе стихотворения любовные. М., 1817. 241, [3] с. Ч. III: Содержащая в себе стихотворения забавные, песни и всякие мелкие отрывки. М., 1818. 252, [4] с. Ч. IV. Театр. М., 1818. 204 с. Экземпляр библиотеки ИРЛИ (ПД), шифр: Ло.38.1.8. (ч. 1—4). С эскибрисом кн. Д.И. Долгорукова.

² *Степанов В.П.* Неизданные тексты И.М. Долгорукова [Электронный ресурс] // XVIII век. Сб. 22. СПб., 2002. С. 409—430. Режим доступа: http://www.pushkinskijdom.ru/Portals/3/PDF/XVIII/22_tom_XVIII/Stepanov/Stepanov.pdf, <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=7706&pageno=1>.

Таким образом, перед нами не вполне тождественный друг другу результат работы над текстом двух авторов. В своей статье В.П. Степанов опирался прежде всего на воспроизведение записей, сделанных рукой Д.И. Долгорукова, и тем самым вывел из рассмотрения ряд технических пометок, сделанных только рукой И.М. Долгорукова.

Имеющиеся маргиналии можно разделить на следующие группы: 1) исправление опечаток издания; 2) раскрытие сокращений имён; 3) восстановление цензурных изъятий и искажений (иногда с краткой рефлексией по этому поводу); 4) примечания, которые, в свою очередь, делятся на примечания к стихотворению в целом, содержащие обычно сведения о времени и месте его написания и реже — о каких-то обстоятельствах его создания, и комментарии к отдельным стихам и строфам.

Князь И.М. Долгоруков, не выстроивший в целом собственной орфографической системы, при исправлении опечаток уделял внимание тем из них, которые искажают смысл высказывания. Им сделано всего 26 исправлений к девятнадцати стихотворениям.

1. В финале стихотворения «Щастливой человек» было напечатано:

Коль муж, представленный здесь мною,
Угоден будет пред Тобою,
Коль им наполнен Твой закон, —
Яви ко мне Ты благодать многу:
На туж поставь меня дорогу —
Да буду я таков, как он!¹

В результате исправления третья строка читается: «Коль им исполнен Твой закон», что соответствует предыдущим изданиям².

2. В стихотворении «Прогоулка на Трёх горах» было напечатано:

И в непрестанном сем волненьи
Житейских кораблекрушеньи
Гдеж пристань? – В Вере лишь одной!³

¹ Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего... Изд. 3-е. Т. 1. С. 144.

² Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего, или Стихотворения. М.: В Унив. Типографии, у Люби, Горя и Попова, 1802. С. 202; Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего, или Стихотворения. Изд. 2-е. М.: Тип. М. Пономарева, 1808. С. 229.

³ Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего... Изд. 3-е. Т. 1. С. 148.

Вторая строка явно содержит повреждённый текст. Автор исправил первое в ней слово на «Житейском», оставив, однако, «й» во втором слове без исправления. Именно такое странное написание содержится в обоих предыдущих изданиях стихотворения. Похоже, автор не считал его неправильным¹.

3. В стихотворении «Прогулка в Кускове» было напечатано:

Пустыни нет ужь для капризу,
В которой множеством пружин
Могли но верьх подняться с низу
Без лестниц гость и господин...²

В результате исправления третья строка читается: «Могли на верьх подняться с низу».

4. В стихотворении «Плачь над Москвою» в первой строфе было напечатано:

Когда чрез 200 лет Столицу вновь карали,
Сквернили Олтари, в домах и казнь и плен,
Бежали без ума толпы мужей и жен
И весь домашний скарп злодею покидали³.

В последней строке «скарп» исправлено автором на «скарб».

5. Бывают и гораздо более значимые опечатки, меняющие смысл. Например, в стихотворении «Черты свободного писателя» было напечатано:

Умрем — и все свое возмет себе земля;
Но дух во веки жив — его не тронет тля;
В изящных писменах залог его хранится,
Грядущи племена придут в руде сей рыться,
Чтоб черпать из нее светлее злата лучь
И солнце озарит перст мудраго из тучь⁴.

---

¹ Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего... 1802. С. 292; Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего... Изд. 2-е. С. 267.

² Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего... Изд. 3-е. Т. 1. С. 155.

³ Там же. С. 159.

⁴ Там же. С. 172.

~~~~~

Внесено маленькое исправление, придавшее тексту смысл: «И солнце озарит персть мудраго из тучь».

6. В стихотворении «Торжество совести» в двестишести:

Чего ему искать? — о чем ему крушиться?

Не наша сухота, — все с неба в дом волитяся...¹ —

последнее слово исправлено на «валитяся». Так и было в первой публикации отрывков из этого стихотворения².

7. К стихотворению «Хижина на Рпени» сделано два исправления: в строке «Покал напитка выписнаго»³ «Покал» исправлен на «Бокал», а в строке «А там в котел и — на очак»⁴ «очак» исправлен на «очаг». Оба исправления соответствуют первому изданию стихотворения⁵.

8. Второе стихотворение из цикла «Переписка в стихах с княгиней В.А. Трубецкой», под названием «Акростих мой», в публикации начинается так:

Кто, честности прямой уставы понимая,
Незлобия в очах приятной носит вид,
Язвительных укор за ум не почитая,
Гордится тем одним, чтоб не чинить обид,
И славы блеск прямой, почтенный человек,
Находит не в чинах, а в качествах прямых.
Я чаял, что уже в испорченном сем веке
Вотще бы было мне искать людей таких.
Ах, нет! и в наши дни я зрю, что Провиденье,
Ревнуя показать величество свое,
В Особе той, что здесь прочтется нареченье,
Атличием тех свойств украсил и ее⁶.

Исправления внесены в пятую и предпоследнюю строки, которые в результате читаются так: «И славы блеск прямой, почтенный в челове-

¹ Там же. С. 178.

² *К.И.Д.* Богатый. Отрывок из длиннаго Стихотворения // Амфион. 1815. Кн. 3, март. С. 54.

³ *Долгорукий И.М., кн.* Бытие сердца моего... Изд. 3-е. Т. 1. С. 242.

⁴ Там же. С. 252.

⁵ [*Долгоруков И.М., кн.*] Сумерки моей жизни. М. : Университетск. тип., 1808. С. 58, 68.

⁶ *Долгорукий И.М., кн.* Бытие сердца моего... Изд. 3-е. Т. 2. С. 38.

ке», и «В Особе той, чье здесь прочтется нареченье». И эти чтения также совпадают с предыдущими изданиями «Бытия сердца моего»¹.

9. Седьмое стихотворение из этого же цикла, под названием «Стихи, присланные ею же ко мне в 1809 м году по случаю издания мною книжки, под названием: Сумерки моей жизни», в публикации начиналось так:

Бог порядки учредил,
Чтобы дневное светило
Всю вселенну озарило,
Когда день Он сотворил².

В результате исправления первая строка стала читаться как «Бог порядка учредил», что ощутимо изменило смысл.

10. В примыкающем к этому циклу стихотворении «Спор» строка «Вся связь вещественных вещей»³ была заменена на «Вся связь естественных вещей», что соответствует всем трём предыдущим публикациям стихотворения⁴.

11. В стихотворение «Незнакомой в уезде» было внесено два исправления: в строке «Не рифмы лишь мои, ты мысли ободряешь»⁵, слово «ободряешь» заменено на «одобряешь», а в строке «Позволь под час и мне свою услышать лиру»⁶ слово «свою» заменено на «твою». Первое из этих исправлений соответствует первой публикации стихотворения — в журнале «Иппокрена»⁷, а обе книжные публикации содержат слово «ободряешь»⁸. Что касается второго исправления, то во всех предыду-

---

¹ Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего... 1802. С. 82; Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего... Изд. 2-е. С. 172.

² Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего... Изд. 3-е. Т. 2. С. 47.

³ Там же. С. 52.

⁴ Иппокрена, или Утехи любословия. 1799. Ч. IV. № 82. С. 62—64; Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего... 1802. С. 229; Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего... Изд. 2-е. С. 245.

⁵ Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего... Изд. 3-е. Т. 2. С. 84.

⁶ Там же. С. 85.

⁷ N.N. Ответ на стихи к N.N. // Иппокрена, или Утехи любословия. 1801. Ч. IX. № 40. С. 221.

⁸ Долгорукий И.М., кн. Дани благодарности // Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего... 1802. С. 104; Долгорукий И.М., кн. Незнакомой в уезде // Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего... Изд. 2-е. С. 126.

щих публикациях было слово «свою», но вся строка выглядела иначе: «Дай, временем и мне свою услышать лиру»¹.

12. В стихотворении «Параше» исправлена опечатка во французском слове: строка «А в лампах светит *petit soug*»² исправлена на «А в лампах светит *petit joug*», что означает «слабый свет». Во всех предыдущих публикациях стихотворения было напечатано правильно³.

13. К стихотворению «Судьбе» автором сделано целых три исправления — одно к печатному комментарию и два непосредственно к тексту. В примечание, имеющееся в публикации, «Писаны в Пензе в начале 90-го года»⁴, довольно странное, если учесть, что автор появился в Пензе только в декабре 1791-го, внесено исправление: «95-го года». Кроме того, в строфе:

Бывало, как назад десяток лет вернуса,
Все спело в один час, чего ни пожелал,
Без умолку с утра до ночи хохотал;
А нынче в целой год двух раз не улыбнулся⁵ —

последнее слово заменено на «улыбнуса», а в строфе:

Бывало на Руси не смей тому учиться,
Чему горазд Француз, что Немец разумел;
Боярин на ковре богатом пил и ел,
Не смысла от раба иным чем отличиться⁶ —

последнее слово заменено на «отличиться». Оба исправления соответствуют предыдущим изданиям⁷.

---

¹ Иппокрена, или Утехи любословия. 1801. Ч. IX. № 40. С. 223; *Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего...* 1802. С. 105; *Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего...* Изд. 2-е. С. 128.

² *Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего...* Изд. 3-е. Т. 2. С. 87.

³ *К. Ив. Долгрк. Параша // Аониды, или Собрание разных новых стихотворений.* Кн. III. 1798—1799. С. 264; *Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего...* 1802. С. 97; *Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего...* Изд. 2-е. С. 240.

⁴ *Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего...* Изд. 3-е. Т. 2. С. 91.

⁵ Там же. С. 91.

⁶ Там же. С. 93.

⁷ *Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего...* 1802. С. 37, 39; *Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего...* Изд. 2-е. С. 87, 89.

14. В стихотворение «Сердечкину» исправление сделано к приведённой в сноске французской цитате. К четверостишию:

Дорат сказал, и я весьма согласен с ним*:
Нас может острый ум любезностью прославить;
Но в правду естли мы щастливы быть хотим,
Стомах нам лишь один удобен то доставить —

имелось примечание: «L'esprit peut rendre un homme aimable mais l'estomach le rend heureux»¹. Цитата исправлена: «L'esprit peut rendre un homme aimable mais l'estomach le rendre heureux» (из Дората), а на вплетённом листе одиннадцатом (между страницами 110 и 111) дано примечание к первому стиху: «Этот стих подал причину сей пиесы». Любопытно, что цитату из стихотворения К.Ж. Дора «Vers à M. le chevalier de*** sur une indigestion de l'auteur» Долгоруков приводил, вероятно, по памяти, и она не вполне совпадает с оригиналом. Правильно:

L'Esprit fait les mortels aimables;
Mais l'Estomac fait les heureux².

15. В стихотворении «Морфею» сделаны два исправления, причём второе представляет собой поставленные над буквой *é* точки в слове «грёзах» (нигде больше Долгоруков подобных исправлений не делал), а первое меняет смысл довольно заметно, проясняя его. Вторая строфа в напечатанном виде выглядит так:

Во сне, как будто на шарах,
Мы так и сяк перебиваем,
В различных видах и странах
Себя внезапно представляем.
О! естлиб так как Робертсон,
Куда задумал, шар направил,
Направить мог и я свой сон,
В Москвуб сей час себя поставил³.

¹ Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего... Изд. 3-е. Т. 2. С. 110.

² См., напр.: Mémoires de Bachaumont. T. I. 1762—1781. Mémoires historiques, littéraires et critiques de Bachaumont, Depuis l'année 1762 jusques 1788. Paris: Léopold Collin, Libraire, Rue Git-le-Cœur, 1808. P. 140. На это издание любезно указал проф. А.Ф. Строев.

³ Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего... Изд. 3-е. Т. 2. С. 118.

Глагол «перебивать» Долгоруков употребляет в значении «говорить, обсуждать, спорить». Смысл текста проясняется после исправления: «Мы там и сям перебиваем». Именно так было напечатано в первой публикации¹.

16. В стихотворении «А... И... Вил...вой» во второй строфе было напечатано:

Дадим Царям земной весь шар,
И пусть на нем все покаряют;
Но что потом? — Они скучают,
Когда любви в них стонет жар².

Слово «стонет» в последней строке исправлено на «стынет». Отметим, что именно так было напечатано в первой публикации этого стихотворения³.

17. В стихотворении «1799^и Год» исправлена опечатка во французском эпиграфе: в строке «Touint fut iorné pour douleur»⁴ слово «fuit» исправлено на «fut». В предыдущих изданиях эпиграфа не было⁵.

18. В стихотворении «Нечто для весельчаков» в строке «И ветер пропусти сквозь дюсять дыр в кафтане»⁶ слово «дюсять» исправлено на «десять».

19. К стихотворению «Семира Болеславна», персонаж которого — молодой человек, сватающийся к барышне, сделано два исправления. В строках:

Мудреных от меня не ждите вы словес,
А в срок купить горазд и сено и овес...⁷ —

«А» исправлено на «Я», а в строках:

---

¹ Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего... Изд. 2-е. С. 138.

² Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего... Изд. 3-е. Т. 2. С. 127.

³ Кн. И.Д. Стихи любви. Подарок Ан. Ив. Вил-вой // Амфион. 1815. Кн. 4, апрель. С. 57—58.

⁴ Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего... Изд. 3-е. Т. 2. С. 211.

⁵ Иппокрена, или Утехи любословия. 1799. Ч. I. № 9. С. 135; Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего... 1802. С. 254; Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего... Изд. 2-е. С. 293.

⁶ Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего... Изд. 3-е. Т. 3. С. 7.

⁷ Там же. С. 57.

Усовестись, прошу, Семира Болеславна!
Грех смертной волочит меня и так издавна. —
Подходит мясоед — реши мою судьбу!¹ —

слово «волочит» заменено на «волочить».

Исправления опечаток делались автором собственноручно и его сыном не дублировались. Как видно из перечня, они всегда направлены на восстановление смысла высказывания и часто совпадают с уже опубликованным ранее вариантом.

Раскрытие сокращений имён часто произведено князем Д.И. Долгоруковым. При стихотворении «Другу» рукой автора написано: «Сии стихи были посвящены мною К.Н.П.К.»², а рукой его сына раскрыто: «Сии стихи были посвящены мною кн. Н.Е. Куракиной»³, что воспроизведено в статье В.П. Степанова⁴. Интересно, что и в примечании к стихотворению «Нечто для весельчаков», рукой князя И.М. Долгорукова сделано примечание: «Все сии стихи относятся к кн. Н.П. Кур.»⁵, а рукой его сына — «...к кн. Н.Е. Куракиной»⁶. Князя И.М. Долгорукова связывали многолетние дружеские отношения с княгиней Наталией Петровной Куракиной, урождённой Нарышкиной (1758—1825), на его стихи писала музыку княгиня Наталия Ивановна Куракина, урождённая Головина (1766—1831), и никакой княгини Н.Е. Куракиной в его окружении не было. По-видимому, князь Д.И. Долгоруков при раскрытии допустил ошибку по неясным причинам.

Стихотворение «Сослуживцу» сопровождалось примечанием авторской руки: «Оно в начале адресовано было И.И.Д., но поступки его потом заставили вымарать его имя»⁷. Князь Д.И. Долгоруков при переписывании раскрыл инициалы: «Ивану Ивановичу Дмитриеву».

К стихотворению «Вечеринка в саду» сделано примечание рукой князя И.М. Долгорукова: «Сии стишки сочинены в саду В.А.В.»⁸, а

¹ Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего... Изд. 3-е. Т. 3. С. 58.

² Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего... Изд. 3-е. Т. 1. Экземпляр библиотеки ИРЛИ. Вплетённый л. 31 об. (между с. 216 и 217).

³ Там же.

⁴ Степанов В.П. Неизданные тексты И.М. Долгорукова. С. 423.

⁵ Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего... Изд. 3-е. Т. 3. Экземпляр библиотеки ИРЛИ. Вплетённый л. 2 (между с. 16 и 17).

⁶ Там же.

⁷ Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего... Изд. 3-е. Т. 2. Экземпляр библиотеки ИРЛИ. Вплетённый л. 9 об. (между с. 96 и 97).

⁸ Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего... Изд. 3-е. Т. 3. Экземпляр библиотеки ИРЛИ. Вплетённый л. 11 об. (между с. 156 и 157).

рукой князя Д.И. Долгорукова написано: «Сии стихи сочинены в саду В.А. Владыкиной»¹. В.А. Владыкиной обнаружить не удалось, такое лицо не упоминается ни в одном из мемуарных текстов князя И.М. Долгорукова. Владыкиной была свояченица поэта, сестра его второй жены, с которой он познакомился ещё до второго брака. Но её звали Авдотьей (Евдокией) Алексеевной, а её мужа — Василием Михайловичем. В кругу общения князя И.М. Долгорукова подходящих персон с инициалами В.А.В. не обнаружено. По-видимому, если князь Д.И. Долгоруков не ошибся в раскрытии фамилии, «В.А.В.» следует толковать как «Василия и Авдотьи Владыкиных», тем более что и начинается стихотворение строкой: «Хороший вечер и с друзьями»².

Что касается восстановления цензурных изъятий и искажений, то они полностью опубликованы В.П. Степановым. В некоторых стихотворениях изъятий довольно много, больше всего — в «Торжестве совести». Две строфы были изъяты из «Везёт». Интересно, что вписанные автором строфы³ представляют собой вариант, а не повторение строф, имеющих в авторизованном списке, подаренном князю П.А. Вяземскому⁴ и опубликованном Г.В. Ермаковой-Битнер⁵. Куски в несколько строк были изъяты в стихотворениях «Ропот на дорогу», «Хвала вину» и «Приятелю. Шутка за шутку». Цензурному вмешательству подлежали нападки на конкретных лиц (их особенно много в «Торжестве совести»), строки, сомнительные с религиозной точки зрения, фривольные стихи. Князь не всегда понимал претензии цензуры. Изъятие последней строки во фрагменте стихотворения «Приятелю. Шутка за шутку», описывающей утреннее возвращение с бала супружеской четы:

Угрюмой с нею муж в шинель свою зарылся,
И чуть чуть не к полдням в постеле очутился.

---

¹ Там же.

² Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего... Изд. 3-е. Т. 3. С. 157.

³ Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего... Изд. 3-е. Т. 3. Экземпляр библиотеки ИРЛИ. Вплетённый л. [3] — [3] об. (между с. 32 и 33).

⁴ РГАЛИ. Ф.195 (Вяземский П.А., Вяземский П.П., Вяземский А.И.), оп. 1, ед. хр. 5326а.

⁵ Долгоруков И.М., кн. Везёт // Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в. / [вступ. ст. (с. 5—82) и прим. Ермаковой-Битнер Г.В.]. Л., 1959. С. 434—440.

В таком порядке дел всю дань берет Морфей.
Амур без олтаря, — без жертвы Гименей¹ —

вызвало у автора откровенное недоумение: «Не могу понять, отчего цензорам не угодно было пропустить того стиха, которой я вписал. Не ужели для сохранения целомудрия! увы! я могу сказать о своём стишке что сказал Русо об Элоизе: *Le mal était fait d'avance*»² («Зло свершилось раньше»³).

Цензурное вмешательство в религиозных вопросах даёт не менее интересный материал. В стихотворении «Невинность», и так имевшем проблемы с прохождением в печать из-за нападков на И.И. Дмитриева, в итоге была заменена лишь одна строчка. В опубликованном варианте было напечатано:

Но где златое время в мире?
Об нем пииты нам на лире
Поют прелестныя мечты.
Конечно Небо не судило,
Чтобы одно лишь в свете было
Священно Царство правоты⁴.

Автором восстановлен подлинный вид предпоследней строки, не пропущенный цензурой:

Чтоб где-нибудь на свете было⁵.

---

¹ *Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего...* Изд. 3-е. Т. 4. С. 197. Последняя строка отрывка, заменённая в публикации точками, в экземпляре библиотеки ИРЛИ вписана рукой автора прямо на своё место.

² *Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего...* Изд. 3-е. Т. 4. Экземпляр библиотеки ИРЛИ. Вплетённый л. 6 об. (между с. 196 и 197), на л. 6 — тот же текст, переписанный рукой кн. Д.И. Долгорукова.

³ *Руссо Ж.-Ж. Юлия, или Новая Элоиза.* М., 1968. С. 26. Более развёрнуто цитата выглядит так: «Целомудренная девица романов не читает, я же предварил сей роман достаточно ясным заглавием, дабы всякий, открывая книгу, знал, что перед ним такое. И если вопреки заглавию девушка осмелится прочесть хотя бы страницу — значит, она создание погибшее; пусть только не приписывает свою гибель этой книге, — зло свершилось раньше. Но раз она начала чтение, пусть уж прочтёт до конца — терять ей нечего» (пер. А. Худадовой).

⁴ *Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего...* Изд. 3-е. Т. 1. С. 93.

⁵ *Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего...* Изд. 3-е. Т. 1. Экземпляр библиотеки ИРЛИ. Вплетённый л. 12 об. (между с. 92 и 93).

В стихотворении, посвящённом покойной жене, «24 Декабря, в день ея именин», напечатаны строки:

В стране, где всех существ Зиждитель
Для правых душ устроил рай,
Ты будь в ней Ангел наш хранитель,
И сырых нас не забывай!¹

Автором сделано примечание: «В рукописи было:

О если всех существ Зиждитель
Устроил выправду где то рай»²...

Восстановление строк требовало бы в следующей строке замену «в ней» (стране) на что-то другое, но князь И.М. Долгоруков дальнейшего текста не поправил.

В стихотворении «П... П... Нарышкину» было напечатано:

Непостижимого постигнуть не ищу,
Лишь верю и молюсь, — и дух надеждой лщу,
Что Бог, Который благ и кроток безконечно,
Приемлет как отец раскаянье сердечно³.

Записи авторской рукой к этому фрагменту отсутствуют, но князь Д.И. Долгоруков вписывает первоначальный вид последней строки: «За временной наш грех не станет мучить вечно»⁴.

Наконец, в стихотворении «Приятелю. Шутка за шутку», во фрагменте, описывающем блаженные времена патриархального века, было напечатано:

Жена тогда была лишь первая раба:
В покорности тверда, влиянием слаба,
Как говорит преданье: свои каклюшки знала,
И носа не в свои дела не уставляла...⁵

К первой половине третьей строки автором сделано гневное примечание: «У меня было: как пишет Соломон... полустишие правиль-

¹ Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего... Изд. 3-е. Т. 1. С. 195—196.

² Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего... Изд. 3-е. Т. 1. Экземпляр библиотеки ИРЛИ. Вплетённый л. [17] об. (между с. 194 и 195).

³ Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего... Изд. 3-е. Т. 2. С. 132.

⁴ Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего... Изд. 3-е. Т. 2. Экземпляр библиотеки ИРЛИ. Вплетённый л. 30 об. (между с. 136 и 137).

⁵ Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего... Изд. 3-е. Т. 4. С. 197.

ное. Цензоры вступаясь видно за честь Соломона не апробовали моей ссылки на его премудрость и рассудили переменить мое полустишие, но зачем же они его сделали неправильным? Выпуская мой стих по крайней мере обязаны были они заменить его лучшим»¹. Вероятно, цензоров смутило, что в церковнославянском тексте Библии ни в соломоновых, ни в каких других книгах коклюшки не упоминаются. Очевидно, князь И.М. Долгоруков апеллирует к 19-му стиху 31-й главы «Притчей Соломоновых». В синодальном переводе, которого тогда ещё не было, он выглядит так: «Протягивает руки свои к прялке, и персты её берутся за веретено». Церковнославянский текст выглядит так: «Лáкти своѣ простираѣтъ на полѣзная, рѹцѣ же своѣ утверждаѣтъ на вретенѡ». Но князь И.М. Долгоруков читал Библию, скорее всего, по-французски. Так вот, по-французски этот стих выглядит так: «Elle met la main à la quenouille, Et ses doigts tiennent le fuseau». Слово *fuseau* первым значением имеет «веретено», а второе значение этого слова — как раз «коклюшки». Видимо, именно эта ассоциация позволила князю И.М. Долгорукову включить коклюшки в свои стихи, несмотря на то что с точки зрения грамматики французского языка слово *fuseau* должно стоять во множественном числе, чтобы означать именно «коклюшки».

Среди примечаний к стихам, текст которых полностью воспроизведён в статье В.П. Степанова, содержится ряд утверждений, которые заставляют сомневаться в правильности указанных князем И.М. Долгоруковым сведений.

К стихотворению «На кончину Г. Горича» сделано примечание: «Сии стихи суть перьвые, кои оддал я в печать. Я их писал в 1786 году, будучи 22 лет от роду»². Это нельзя считать простой опiskeй: указанный возраст автора (22 года) соответствует указанному году. Но дело в том, что бригадир И.П. Горич погиб при штурме Очакова 6 декабря 1788 года, и стихотворение не могло быть написано ни в какое другое время, кроме декабря 1788 — января 1789 года. Оно было напечатано на рубеже 1788 и 1789 годов, возможно, в самом начале 1789-го, причём тоже с опечаткой в годе случившегося события³.

---

¹ Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего... Изд. 3-е. Т. 4. Экземпляр библиотеки ИРЛИ. Вплетённый л. 6 об. (между с. 196 и 197).

² Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего... Изд. 3-е. Т. 1. Экземпляр библиотеки ИРЛИ. Вплетённый л. 6 об. (между с. 42 и 43).

³ Долгоруков И.М., кн. Стихи на кончину господина Брегадира Горича, убитого на сражении под Очаковым сего 1789 году, Декабря 6 дня. [М., 1789].

Стихотворению «На пострижение Благородной Особы» предпослан комментарий: «Писано в Пензе на щет Дарьи Михайловны Новиковой постриженной в бытность мою там в 90^х годах»¹. Но князь И.М. Долгоруков был в Пензе с конца 1791 по начало 1797 года, а Дарья Михайловна Новикова, урождённая Мартынова, в иночестве Дорофея (1757—1831), постриглась только в 1800 году, да и поступила в монастырь в 1797 году, уже после того, как автор покинул Пензу. Кроме того, в стихотворении упоминается её мать как живая. Её матери не было в живых очень давно, но даже если имелась в виду мачеха, то и она умерла 22 февраля 1796 года². Можно предположить, что стихи написаны не на состоявшееся пострижение, а на намерение это сделать, между 1792 и 1795 годами. Известно, что Д.М. Новикова выражала желание уйти в монастырь ещё до замужества, а потом — практически сразу после смерти мужа в 1786 году³.

К стихотворению «Разсуждение о судьбе, взятой в смысле французского слова *fatalité*, по латине (*fatum*)» дана справка: «Сочинена в Москве 1815-го года и напечатано было особо»⁴. Особое издание этого стихотворения хорошо известно⁵, и вышло оно годом ранее названного князем И.М. Долгоруковым срока.

Интересно примечание к стихотворению «Морфею»: «Писано в Володимире во время тяжкой скуки скоро после поселения моего там из Москвы»⁶. Назначенный владимирским гражданским губернатором, князь И.М. Долгоруков прибыл во Владимир 6 марта 1802 года в одиночестве; примерно через неделю после этого к нему приехала сестра с его сыновьями и только 2 мая — жена. Логично было бы предполо-

---

¹ Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего... Изд. 3-е. Т. 1. Экземпляр библиотеки ИРЛИ. Вплетённый л. 10 (между с. 84 и 85).

² Нарцов [Норцов] А.Н. Материалы для истории дворянских родов Мартыновых и Слепцовых, с их ветвями. (С гербами, портретами и таблицами) // Известия Тамбовской учёной архивной комиссии. Вып. 47 : Материалы для истории Тамбовского, Пензенского и Саратовского дворянства. Т. I. Тамбов, 1904. С. 15, 28.

³ Нарцов [Норцов] А.Н. Материалы для истории дворянских родов Мартыновых и Слепцовых... С. 28.

⁴ Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего... Изд. 3-е. Т. 1. Экземпляр библиотеки ИРЛИ. Вплетённый л. 14 об. (между с. 102 и 103).

⁵ Долгорукий И.М., кн. Разсуждение о судьбе, взятой в смысле французского слова *fatalité*, по латине *fatum*. М. : Университетск. тип., 1814.

⁶ Долгорукий И.М., кн. Бытие сердца моего... Изд. 3-е. Т. 2. Экземпляр библиотеки ИРЛИ. Вплетённый л. 12 (между с. 118 и 119).

жить, что «тяжкая скука» связана именно с периодом первоначального одиночества. Но в стихотворении пародируются стихи Г.Р. Державина «К царевичу Хлою», написанные летом 1802 года и опубликованные в 1803-м, упоминается «министр» (учреждение министерств состоялось 2 сентября 1802 года, хотя само слово «министр» могло употребляться и раньше. Здесь же упоминается (в уже цитированных выше строках) воздухоплаватель Э.-Г. Робертсон, находившийся в России в 1803—1807 годах, а первый полёт в России совершивший 30 июня 1804 года (конечно, известен он был и до этого — своими европейскими полётами, например, гамбургским полётом 18 июля 1803 года, но в то время воздухоплаванием занимался не он один, а назван он, по-видимому, как занимавшийся этим в России). Конечно, скука могла одолевать поэта в любое время. По-видимому, «скоро после поселения моего там» следует толковать довольно широко.

Маргиналии князя И.М. Долгорукова и князя Д.И. Долгорукова, оставленные на экземпляре «Бытия...», дают много интересной информации, которая может быть использована при дальнейшей работе с текстами этого собрания сочинений. Разобранные тексты маргиналий свидетельствуют о том, что даже собственноручные авторские комментарии нуждаются в тщательной проверке и не всегда могут быть приняты безоговорочно.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗЕРКАЛО КНЯЗЕЙ ЮСУПОВЫХ: КНИГИ, РУКОПИСИ, АВТОРЫ

Имена представителей знаменитого рода князей Юсуповых вписаны в страницы российской истории не только примерами верного и доблестного служения Отечеству, но и бесценным вкладом в его культурное наследие.

Известная своим происхождением от владетельного князя Ногайской орды хана Юсуфа (умер в 1554 году) и родственными связями с императорской фамилией¹, княжеская семья славилась богатством, роскошными дворцами и парками, коллекцией художественных сокровищ, а ещё — собранием книг, рукописей, автографов знаменитостей. Разные эпохи с присущими им предпочтениями, окружение, интересы и творчество отдельных представителей семьи — всё нашло достойное отражение в этом «литературном зеркале» князей Юсуповых.

Лёта не в силах скрыть в своих потоках то, что не подлежит забвению. На выставках редких книг, которые устраивают во дворце², книжные памятники юсуповского собрания и коллекции книг, влившихся в состав расформированной Кабинетной библиотеки особняка на Мойке в 1925 году³, помогают показать не только вехи судеб и события жизни представителей аристократической семьи, но и приподнять завесу над их духовной сокровищницей.

Выставка «Благие мысли и труды»⁴, приуроченная к 260-летию со дня рождения Николая Борисовича Юсупова — старшего, вызвала за-

---

¹ В 1914 году князь Ф.Ф. Юсупов (1887—1967) вступил в брак с княжной императорской крови И.А. Романовой, внучкой императора Александра III и императрицы Марии Фёдоровны, дочерью великого князя Александра Михайловича и великой княгини Ксении Александровны.

² Выставки «Вечные спутники» (литературные взгляды князей Юсуповых) и «Отрада сердца и ума» (литературное окружение князей Юсуповых) в Николаевском зале дворца.

³ См.: *Симонова В.М.* История книжного собрания Юсуповых. СПб., 1999; *Симонова В.М.* «Мой Юсупов» // Невский библиофил. Вып. 5. СПб., 2000. С. 124—131.

⁴ Из фондов Государственного музея-усадьбы «Архангельское» и Государственного музея-заповедника «Павловск».

метный резонанс¹, позволив петербуржцам увидеть сохранившиеся раритеты, совершившие через два столетия путешествие от берегов Москвы-реки снова к берегам Невы.

Вельможа эпохи Просвещения, воспетый на утре дней своих Бомарше, а на закате — Пушкиным², предстал перед взором нынешнего поколения в зеркале собственного книжного собрания во всём блеске образованности, «учёной прихоти» знатока искусств и древностей, достойным сыном Отечества.

Раскрывая масштаб личности Юсупова в экспозиции выставки, размещившейся в Николаевском зале, именованном владельцами особняка на Мойке в его честь, авторы проекта не обошли вниманием истоки происхождения древнего княжеского рода и судьбы самых ярких его представителей.

Посольские книги по сношениям с Ногайской ордой свидетельствуют о взаимоотношении России и Казанского ханства. Юсуф-мурза, отец казанской царицы Сююмбике³, в переписке с Иваном Грозным, решившим покончить с опустошительными набегами татар на Русь, пытался предотвратить события осени 1552 года, заявляя в отправленной царю

---

¹ Слова благодарности, которые в книге отзывов оставили сотрудники Государственного Эрмитажа: «Какая замечательная идея организовать выставку, посвящённую необыкновенному человеку — подлинному эрудиту, собравшему редкую коллекцию книг... Спасибо! Низкий поклон устроителям выставки»; сотрудники Голицынской библиотеки: «Спасибо за замечательную выставку — плод многолетней научной работы и результат сотрудничества «юсуповских мест». Наполнение, подача — выше всяких похвал»; президент ГМЗ «Петергоф» В.В. Знаменов: «Прекрасная, изящная и с большим вкусом сделанная выставка на европейском уровне... Удивительный аромат эпохи, что особенно важно — обилие подлинных мемориальных вещей»; сотрудники Государственного музея-заповедника «Гатчина»: «Удивительно легко преподнесён такой сложный для экспонирования материал! С какой любовью и знанием дела подобрано соседство экспонатов...»

² Николай Борисович Юсупов (1751—1831), согласно высказыванию Бомарше в альбоме друзей князя, был «неутомимым... любовником наук...» и «приветливым потомком Аристиппа», умевшим создавать радости жизни, — по точному определению Пушкина, заменившего первоначальное название стихотворения «Послание к К.Н.Б.Ю.» на обобщающее «К вельможе».

³ Сююмбике (Сумбеки, Сумбека) (1520—1557) — казанская правительница, жена казанских ханов Джан-Али (1533—1535), Сафа-Гирея, Шах-Али, дочь ногайского бия Юсуфа, прародителя князей Юсуповых. Правила Казанским ханством в 1549—1551 годах как регентша своего несовершеннолетнего сына. Сююмбике — одна из первых женщин исламского мира, возглавлявшая государство. См.: *Юсупов Н.Б. О роде князей Юсуповых* : в 2 ч. Ч. I. СПб., 1866. С. 43.

грамоте: «И яз тебя с Казанью помирю». Однако трагическая развязка стала неизбежной. Сподвижник царя и воевода боевых дней князь Андрей Курбский в своей «Истории о великом князе московском» поведал об осаде и падении Казани¹. Храм Покрова на Рву², возведённый на Красной площади в Москве в 1555—1561 годах, — памятник многочисленным воинам, сложившим свои головы на поле брани.

«Красносолнечная», как называли за красоту царицу Сююмбике, вместе со своим сыном Утимши-Гиреем была взята в плен и увезена в Россию. В «Казанской истории», памятнике XVI века, рассказывается о неудавшихся попытках непокорной царицы убить себя, ибо «крепко берёт её блюститель»³. Сын Сююмбике был оставлен царём при дворе, крещён с именем Александр и усыновлён им⁴.

В 1556 году в Казани началось строительство белокаменного Кремля, о чём сообщается в самой ранней писцовой книге по городу за 1565—1568 годы. Кремлёвская семярусная башня Сююмбике — символ Казани — памятник бессмертия мужественной царице.

Пленительный и завораживающий образ Сююмбике привлекал внимание писателей, поэтов, композиторов XVIII—XIX столетий. Судьба пленённой царицы предстаёт со страниц грандиозной героической эпопеи о русской истории, поэмы «Россиада» М.М. Хераскова:

Вещают реки брань, поля её вещают,
Но духа гордого Сумбеки не смущают.
<...>
Сумбеке наяву, Сумбеке в сновиденье,
Столицы и венца является паденье,
Ей вопли слышатся, ей тени предстоят:
Лишишься царства ты! и день и ночь твердят.

---

¹ Рукопись князя Курбского из собрания князей Юсуповых (РГАДА. Ф. 1290).

² Впоследствии Храм Василия Блаженного.

³ См.: История о Казанском царстве. СПб., 1791. О «Казанской истории» см.: *Виролайн М.* Сумбека, царица змеиного царства // Язык — гендер — традиция. Материалы международной конференции. СПб., 2002. Находясь при дворе полтора года, непокорная царица против своей воли была отдана замуж за касимовского правителя Шах-Али. Последние годы жила и умерла в Касимове, могила неизвестна.

⁴ Внук хана Юсуфа скончался в 17 лет и удостоился чести быть погребённым в Архангельском соборе, в усыпальнице русских царей и великих московских князей.

<...>

Она казалась быть Ордынцами владея,
Киприда красотой, а хитростью Цирцея...¹

Не случайно Г.Р. Державин называет автора поэмы «творцом бессмертной «Россиады»². Гражданственная поэма в 12 песнях многие десятилетия считалась гордостью отечественной поэзии. Херасков отдал своему объёмному труду, «невиданному в русской литературе», восемь лет. Григорий Александрович Гуковский видел главное достоинство поэмы в «патриотическом подъёме, пронизывающим её от начала до конца», в «пафосе борьбы за свою независимость, в героике национально-освободительных битв, «одушевляющих поэму»³. Херасков выбирает эпоху, когда Русь после освобождения от татаро-монгольского ига стала независимой, когда не началась деспотия второго периода царствования Ивана IV. Не случаен выбор главного героя поэмы — Курбского, независимого аристократа, не согнувшегося перед тираном. Интерес к эпохе правления Ивана Грозного в семье князей Юсуповых был очевидным. В их собрании хранилась не только подлинная переписка ногайского хана Юсуфа с русским царём, но и переписка с Грозным князя Курбского⁴.

В 1806 году увидела свет трагедия С.Н. Глинки «Сумбека, или Падение Казанского царства», а в 1810 была издана трагедия А.Н. Грузинцова «Покорённая Казань, или Милосердие Царя Иоанна Васильевича, проименованного Грозным».

Премьера трагедии С.Н. Глинки на музыку композитора С.И. Давыдова была представлена 7 мая 1807 года на сцене Большого театра в Петербурге. Роль Сумбеки исполнила знаменитая актриса Екатерина Семёнова, названная А.С. Пушкиным «единодержавною царицею траг.<ической> сцены» (XI, 11). Потрясённый игрой актрисы, сумевшей слиться с образом героини — нежной, женственной, решительной, страдающей, Иван Андреевич Крылов, хотя и был невысокого мнения о тво-

¹ *Херасковъ Михайло*. Россіяда, эпическая поэма. М., 1807 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/h/heraskow_m_m/text_0010oldorfo.shtml. Здесь прив. в совр. орфогр. — *Прим. ред.*

² *Державин Г.Р.* Ключ // Державин Г.Р. Стихотворения. Л., 1957. С. 85.

³ *Гуковский Г.А.* Русская литература XVIII века. М., 2003. С.175.

⁴ Рукописи были предоставлены владельцами литератору Б.М. Фёдорову, замыслившему написание исторического романа «Князь Курбский», с посвящением Карамзину, Шишкову и своей благотворительнице, супруге Николая Борисовича — старшего, княгине Т.В. Юсуповой (1769—1841), урождённой Энгельгардт, племяннице Светлейшего князя Г.А. Потёмкина.

рении автора стихов (то есть С.Н. Глинки), своё восхищение Семёновой выразил строками мадригала:

Наш автор сам не знал,
Зачем волшебнице титул Сумбеки дал;
Но ты, Семёнова, его в том оправдала:
Ты за Сумбеку нас собой очаровала¹.

В пяти постановках в «Сумбеке» Екатерина Семёнова играла на гастрольных спектаклях в Москве, где и запечатлел её в образе казанской царицы известный живописец Орест Кипренский².

В момент подъёма патриотизма и интереса к российской истории, когда отмечалось завершение Отечественной войны с наполеоновской Францией, на сцене Петербургского Большого театра, 26 сентября 1813 года состоялась премьера трагедии А.Н. Грузинцова «Покорённая Казань, или Милосердие Царя Иоанна Васильевича, проименованного Грозным». Талантливый актёр русской сцены Яков Брянский блистательно исполнил роль князя Курбского.

31 августа 1832 года балетом несравненного Шарля Дидло на музыку итальянского композитора и дирижёра Катерино Кавоса «Сумбека, или Покорение Казанского царства» должен был торжественно открыться построенный Карлом Росси Александринский театр. Граф П.И. Кутайсов, заведовавший драматической труппой, был автором сценария. В напечатанной программе указывалось: «Балет не история — скорее поэма в действии, мир идеальный, в коей история подчинена поэзии и живописи. Автор балета следовал за поэмой «Россияда»³. Однако из-за нового директора, князя С.С. Гагарина, постановку Дидло, над которой работал выдающийся балетмейстер, сделавший за 25 лет работы для русского балета больше, чем его предшественники за весь XVIII век, зритель не увидел. Новый балет после отставки балетмейстера осуществил на сцене Александринского театра А. Блаш на музыку И. Соне. Премьера состоялась 3 ноября 1832 года⁴. К сожалению, без Дидло триумфальным балет не получился, но в короне казанской царицы обворожительная Истомина, «блистательна, полувоздушна», по точному пушкинскому взгля-

---

¹ Цит. по: *Беньши Р.* Катерина Семёнова. Л., 1987. С. 86.

² Там же.

³ Сумбека, или Покорение Казанского царства. Большой героический балет, в 4-х действиях. СПб.: Типография Адольфа Плюшара, 1832.

⁴ См.: *Красовская В.М.* Искусство русских танцовщиц 1850—1860-х годов // Театр и драматургия : сб. ст. Л., 1959.

ду, вызывала, как всегда, овации публики¹. Зрителей поражал не только несравненный танец исполнительницы роли Сумбеки, но и сценические костюмы, отличавшиеся богатством и дорогой отделкой: «Нижнее платье серебряного глазета, вышитого битью². Роброн малинового бархата, вышит битью, фольгой и обшит мехом. <...> Шуба голубого гро-гран моаре, вышита блёстками и фольгой, обшита камкой на подкладке голубой тафты. Покрывало белого тюля вышито жёлтой битью»³.

Жаль, что балет «Сумбека» уже не смог увидеть и дать ему свою авторитетную оценку князь Николай Борисович — старший, страстный любитель театра, верно и преданно служивший процветанию театрального дела многие годы⁴. Ко всему постановка, напоминающая о благородных корнях рода Юсуповых, не прошла бесследно и даже получила отражение в сочинениях отечественных литераторов. Так, в черновой редакции «Ревизора» гоголевский Хлестаков заявляет: «Моих, впрочем, много есть сочинений: Женитьба Фигарова, Сумбека... Вот и Финелла, тоже моё сочинение...»⁵ В своей статье «Горе от ума» В.Г. Белинский подметил что у Хлестакова, «в его полупьяной голове, при обременённом желудке, всё передвоилось, всё перемесилось — и Смирдин с Брамбеусом, и «Библиотека» с «Сумбекою», и Маврушка с посланниками»⁶. Легендарная царица, минуя столетия, благодаря страницам истории и художественным воплощениям остаётся незабвенной и служит примером мужества и верности потомкам древнего рода.

Вслед за Сумбекой, в 1563 году, в Москву были сосланы и её братья, которые и положили начало летоисчислению древнему роду Юсуповых на русской земле.

О своих предках княжеская семья помнила всегда. Неслучайно эпиграфом к книге «О роде князей Юсуповых», как напутствие последующим поколениям, были выбраны слова Юсуфа: «Не умрёт на сем

¹ См.: *Юсупов Н.Б.* О роде князей Юсуповых. Ч. I. С. 41. На сцене Александринского театра балет шёл до 1835 года.

² Бить — сплюснутая тончайшая проволока для золотошвейной и золототканой работы.

³ *Красовская В.М.* Искусство русских танцовщиц 1850—1860-х годов.

⁴ См.: *Арапов П.* Летопись русского театра. СПб., 1861; *Погожев В.П.* Столетие организации Императорских московских театров. Вып. 1. Кн. I. СПб., 1906. С. 61—69; *Кашин Н.П.* Театр Н.Б. Юсупова. М., 1927.

⁵ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://modernlib.ru/books/gogol_nikolay_vasilevich/prilozheniya_k_revizoru/read_13/.

⁶ *Белинский В.Г.* Горе от ума. Комедия в 4-х действиях, в стихах, сочинение А. С. Грибоедова // Н.В. Гоголь в русской критике : сб. ст. М., 1953. С. 100.

свете и не минется слава добрая»¹. Автор обширного труда, Николай Борисович — младший (1827—1891), собрал воедино, как неопровержимые свидетельства «доброй славы», хранившиеся в семье бесценные рукописные сокровища: грамоты, письма, стихотворные посвящения.

Предание о царской опале правнука Юсуфа, Абдул-Мурзы, в святом крещении Дмитрия, вздумавшего в постный день «у себя на обеде попотчевать гусем патриарха Иоакима», воскрешает в «Старой Москве» М.И. Пыляев². Во время одного из обедов к князю Н.Б. Юсупову-старшему, правнуку провинившегося предка, обратилась Государыня Екатерина II:

«— Умеете ли вы, князь, разрезать гуся? — спросила Екатерина Юсупова.

— О, гусь должен быть очень памятен моей фамилии! — отвечал князь. — Мой предок съел одного в Великую пятницу и за то был лишён нескольких тысяч крестьян, пожалованных ему при въезде в Россию.

— Я отняла бы у него всё имение, потому что оно дано ему с тем условием, чтобы он не ел скоромного в постные дни, — заметила шуточно по поводу этого рассказа императрица»³.

Литературные сочинения самой Екатерины II, представленные на выставках, напоминают не только о милостях императрицы, сыгравшей в судьбе князя и семьи немалую роль, но и о тех временах, когда под руководством Н.Б. Юсупова, возглавлявшего Дирекцию Императорских театров, по пьесам государыни ставились спектакли⁴.

Вероятно, можно назвать представлением, разыгранным Екатериной Великой, и бракосочетание сестры Николая Борисовича, княжны Евдокии Борисовны, и Герцога Курляндского Петра Бирона. В «Камерфурьерском церемониальном журнале» 6 января 1774 года было записано:

¹ Грамота Владетельного князя Юсуфа и сыновей его к царю Ивану Васильевичу Грозному 1549 г. // О роде князей Юсуповых. Ч. II. С. 30.

² Пыляев М.И. Старая Москва. СПб., 1891.

³ Прахов А. Происхождение художественных сокровищ князей Юсуповых // Художественные сокровища России. 1906. № 6. С. 168.

⁴ Екатерина II. Начальное управление Олега. Историческое представление в 5 д. с хорами и балетами. Музыка К. Канобио, В.А. Пашкевича и Дж. Сарти // Российский феатр. Ч. 14, СПб., 1787. С. 167—248. С 1790 по 1795 только в Петербурге; Она же. Недоразумения. Комедия в 5 д. // «Российский феатр», ч. 31, СПб., 1789. С. 153—318. Петербург: 1795; Она же. Февей. Комическая опера в 4 д. с хорами и балетами. Музыка В.А. Пашкевича. СПб., 1786. Петербург: 1791—1795; Она же. Федул с детьми. Опера в 1 д. с хорами и танцами. Музыка В. Мартина-и-Солера и В.А. Пашкевича. СПб., 1790. Петербург: с 1791—1796.

«Перед началом бала сговорен был Его Светлость Герцог Курляндский в супружество с княжной Юсуповой, и перемену перстней с рук на руки Её Императорское Величество Высочайшею своею особою учинить сие соизволила, и за высочайшее к ним таковое благоволение свидетельствовали усерднейшую благодарность и жалованы были к руке»¹. 23 февраля 1774 года при дворе назначено было венчание. Невеста через парадные покои «введена была к Её Императорскому Величеству во внутренние апартаменты, для убирания волос бриллиантами. <...> По вступлении в церковь, духовником Ея Императорского Величества началось венчание брака. Над Его Светлостью Герцогом венец держал Светлейший князь Григорий Григорьевич Орлов, а над Её Светлостью Герцогинею венец держал Камер-Юнкер Князь Николай Борисович Юсупов»².

Вскоре вслед за сестрою, Герцогинею Курляндской, в Митаву погостить отправился и князь Николай Борисович, совершавший с дозволения Всемилостивейшей Государыни путешествие по Европе и направляющийся в Голландию, для обучения в Лейдене³ — центре книгопечатания той поры. Здесь молодой князь начинает формировать свою знаменитую коллекцию.

Первой приобретённой книгой Юсупова было уникальное издание Цицерона, знаменитой венецианской фирмы Альдов (Мануциев), на форзаце которой князем была сделана владельческая надпись о покупке: «a Leide le mardi 7bre de l'annee 1774» (в Лейдене, в первый вторник сентября 1774 года)⁴.

В старейшем университете Борисов (под этой фамилией князь значился в списках обучающихся на факультете права) не только как один из немногих постигал глубину наук, но и обрёл верного наставника и

---

¹Княжна Евдокия Борисовна Юсупова (1747—1780) вышла замуж за герцога Курляндского и Семигальского Петра Бирона (1724—800) (Камерфурьерский церемониальный журнал 1774 года. СПб., 1864. С. 19).

²Камерфурьерский церемониальный журнал... С. 87.

³Симонова В.М. А.С. Пушкин — Юсуповы // Вестник архивиста. Специальный выпуск, посвящённый 200-летию юбилею А.С. Пушкина. М., 1999. С. 123—124. Письмо князя Н.Б. Юсупова Екатерине II. 1774 год. В Лейденском университете обучались Декарт, Рембрандт, Гроций. Здесь издавали книги знаменитые типографы Плантен и Эльзевирь.

⁴*Ciceron M. T. Epistolaeadatticum, ad brutumet ad Q. Fratrem. Hanoviae: Typis Wechelians, apud Claudium Marnium et heredes Ioan. Aubrii, 1609. 2 припл.: Commentarius Pauli Manutii in epistolas Ciceronis ad attcum. Venetiis: Aldus, 1561. (ГМУА.)*

друга в лице профессора Лодевейка Каспара Валькенара¹, посвятившего лучшему из учеников свой труд. Признание выдающихся достижений князя в древнегреческом языке филологом-эллинистом вполне можно оценить словами В.А. Жуковского, адресованными А.С. Пушкину: «Победителю ученику!»² Ученик, прослушав в Лейдене курс наук, отправился в вояж по странам Европы. Его ждали незабываемые встречи со знаменитостями, царствующими особами. Наряду с достопримечательностями посещаемых городов он осматривал музеи, галереи и обязательно библиотеки. «Я начал покупать кое-какие книги, — сообщал князь Валькенару из Лондона, — в том числе баскервилевы издания классиков и Гомера Барнезиуса, с греческими комментариями. Я читаю, пользуясь своими записями, X песнь «Илиады» и воображаю, что нахожусь ещё подле Вас. О, если бы было возможно провести ещё год в Лейдене... но я должен от сего отказаться, ибо меня влекут мои путешествия и моя родина, куда я должен вернуться через два года»³.

Для учителя, которого «уважает и любит всем сердцем», князь собрал коллекцию греческих философов, с «маленькими Баскервилями». В Лондоне Николай Борисович заказал гравированный герб для посвящённых ему буколик Феокрита, Биона и Мосха, подготовленных к изданию профессором Валькенаром⁴. Эту книгу, с посвящением князю Н.Б. Юсупову, могли видеть те, кому удалось посетить выставку «Благие мысли и труды» во дворце на Мойке.

Обусловленное прекрасным домашним воспитанием стремление Юсупова «всё видеть, знать» было усилено влиянием Никиты Ивановича Панина и Дениса Ивановича Фонвизина, под руководством которых он оказался на службе в коллегии иностранных дел. С одобрения Панина, попав в Лейден, Н.Б. Юсупов «оказался в культурной Мекке. Здесь была одна из лучших в Европе школ классической филологии, имевшая

---

¹ Сблизился Юсупов с выдающимся голландским филологом Валькенаром, профессором греческого языка, знатоком древних рукописей, в 1775 году.

² 12 писем князя Н.Б. Юсупова к Валькенару, хранящиеся в архиве Лейденского университета, переведены с французского языка и введены в научный оборот Е.В. Дружининой.

³ Цит. по: Дружинина Е.В. Путешествие князя Н.Б. Юсупова по Западной Европе в 1774—1778 годах и его книжные приобретения // Библиофилы России : альманах. Т. 3. М., 2006. С. 94—142.

⁴ Theocriti, Bionis et Moschi. Carmina Bucolica. Graece et Latine... 1779. ГМУА. 8847. См. также: «Учёная прихоть». Каталог ГМИИ им. А.С. Пушкина. Ч. 2. М., 2001. С. 303—308.

давние традиции, широкие научные связи, благодаря чему князь завязал знакомства с самыми образованными людьми своего времени в разных европейских странах»¹. Парижский академик, специалист по древнегреческой литературе Виллуазон в одном из своих писем назвал князя «умнейшим человеком Европы». Из первого своего путешествия князь возвратился с репутацией «знатока искусств и древностей», ценителя и собирателя художественных сокровищ².

Для постоянно увеличивающегося собрания произведений искусства и книг, в начале 1790-х годов Джакомо Кваренги перестраивает петербургский дворец на набережной Фонтанки, в котором коллекция находилась более 15 лет. Здесь можно было увидеть произведения известных современных живописцев разных школ. К галерее примыкали два небольших кабинета с собранием гравюр. Несколько комнат занимала библиотека, отмеченная И.Г. Георги среди крупнейших частных книгохранилищ Петербурга наряду с библиотеками Е.Р. Дашковой, А.А. Строганова, А.И. Мусина-Пушкина, А.П. Шувалова³. Приобретённые произведения живописи Николай Борисович сам систематизировал, определяя их местонахождение.

Глубину познаний князя в области искусств раскрывают не только коллекция работ выдающихся мастеров, книги по искусству его знаменитой библиотеки, но и оставленные на полях маргиналии, дополняющие представленную информацию и делающие владельческую книгу уникальной.

«Подобное отношение, — отмечает искусствовед Л.Ю. Савинская, — свидетельствует о подлинно высокой культуре Юсупова-собирателя, что выгодно отличает его от большинства русских коллекционеров, ибо он превратил увлечение искусством в образ жизни. Разумный эгоизм, прихоти русского барина, соединённые с удивительным умением окружать себя совершенными произведениями и просто красивыми вещами, позволили создать в его дворцах атмосферу «счастливой жизни»⁴.

---

¹ Дружинина Е.В. Путешествие князя Н.Б. Юсупова по Западной Европе... С. 94.

² Подробн. см.: Симонова В.М. «Знаток искусств и древностей» // Вестник архивиста. № 5—6 (89—90). М., 2005. С. 97—112.

³ Георги И.Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопримечательностей в окрестностях оного. СПб., 1794. С. 418.

⁴ Савинская Л.Ю. Учёная прихоть. Коллекция князя Николая Борисовича Юсупова // Наше наследие. № 63—64. 2002. С. 33.

«Счастливый человек», по определению Пушкина, живший «для жизни», князь Николай Борисович Юсупов сумел осчастливить всех, кто «вступает на его порог», на его высоту служения красоте.

Потомки стремились к этой высоте, пополняя коллекцию новыми произведениями искусства, книгами, рукописями и автографами литераторов своего окружения и мировых знаменитостей¹.

Центрами духовной жизни в начале XIX века стали салоны, где вели разговоры о литературе и философии, о политике и искусстве, где обсуждали театральные премьеры, слушали музыку и поэтические творения. В салоне супруги князя, Татьяны Васильевны, нередким гостем был Г.Р. Державин, воспевший в своих стихах не только хозяйку, но и маленького сына Бориса, от брака с князем Николаем Борисовичем Юсуповым. Очаровательный ребёнок, исполнивший роль Эрота, запечатлён в театральном костюме, с крылышками за спиной, художницей Виже-Лебрен. Стихи «Спящий Эрот», как отметил сам сочинитель, написаны на оперу, игранную детьми Татьяны Васильевны Юсуповой. Большая же часть стихотворения — перевод сочинения Платона «Об Эроте, спящем в роще» и только заключительная часть — прибавление автора:

В рощу грации вбежали,
И, нашед Эрота в ней,
Потихоньку привязали
К красоте его своей.
Разбудя ж его, плясали
Средь цветочных с ним оков;
Не разлучны с тех пор стали:
Где приятность, тут любовь².

С любовью воспитывая собственных детей, княгиня Татьяна Васильевна находила место и для любви к ближнему, прослав чуткой и милосердной не только к своему окружению, но и к тем, кто нуждался в помощи и поддержке. Благодаря Юсуповой, приютившей в своём доме Прасковью Луполову, героиню сочинения Ксавье де Местра «Параша-Сибирячка», юная девушка добилась освобождения отца, обвинённого по ошибке. При участии княгини был выкуплен крепостной крестьянин

---

¹ См.: *Симонова В.М.* Отрада сердца и ума // Архангельское: материалы и исследования. М., 2009. С. 190—198.

² *Державин Г.Р.* Спящий Эрот. Впервые: «Аонида». 1796. Кн. 1. С. 30.

Ф. Слепушкин, самобытный поэт, высоко оценённый А.С. Пушкиным¹. Рассматривая представленные на выставке книги И. Козлова, кавалер-девицы Н. Дуровой, М. Жуковой и Н. Шаховой, невольно вспоминаешь строки благодетельствованного княгиней литератора Б.М. Фёдорова:

Творенье лучшее Творца!
С Тобой мы радостно дышали,
И благодать вышнего Отца
За жизнь Твою благословляли².

Потомки и духовные наследники в лучах её немеркнущего света, с верою в Творца и в бессмертие души, продолжали творить благо, оставив память о себе доброю славой.

Военные баталии и падение Казанского царства, описанные как маститыми писателями, так и менее одарёнными авторами литературных сочинений, навсегда останутся памятниками отечественной истории и культуры, отражая на своих страницах не по воле вызволенных в русские земли в XVI веке представителей рода князей Юсуповых. Не по своей воле, из-за баталий в начале XX века, они и покинули Отечество, которое преданно любили, и жили надеждою на возвращение.

В эмиграции, в Париже, русский князь Феликс Феликсович Юсупов — младший, участник заговора против Григория Распутина, написал и издал семейную хронику в двух книгах — «До изгнания» и «После изгнания», отразив события жизни семьи, веками преумножавшей славу России.

---

¹ *Черейский Л.А.* Современники Пушкина. Л., 1981. С. 219—220. Сборник «Досуги сельского жителя» Пушкин читал в Михайловском и в феврале 1826 года писал Дельвигу: «...У него истинный, *свой* талант; пожалуйста пошлите ему от меня экз. Руслана и моих Стих.<отворений>...» (XIII, 262—263). В одном из писем Александр Сергеевич не удержался от каламбура, обыгрывая две фамилии: Пушкин и Сле-Пушкин. (Речь о письме П.А. Плетнёву от 3 марта 1826 года; XIII, 265. — *Прим. ред.*)

² Цит. по: *Симонова В.М.* Представители семьи Юсуповых в литературных посвящениях Б.М. Фёдорова // Вестник архивиста. № 6 (84). М., 2004. С. 381—399.

БИБЛИОТЕКА Н.Б. ЮСУПОВА

По запискам В.М. Голицына

Среди источников по истории библиотеки Н.Б. Юсупова в Архангельском особый интерес представляют неизданные воспоминания князя Владимира Михайловича Голицына (1847—1932) «Интеллектуальная жизнь Москвы в 50-х и 60-х годах прошлого столетия. Лекция, читанная 11-го января 1924 г. в кружке любителей книги»¹. Автор воспоминаний хорошо известен как способный администратор и либеральный общественный деятель 1880—1900-х годов; самыми известными постами, которые он занимал, были должности московского вице-губернатора (1883—1887), губернатора (1888—1891) и городского головы (1898—1905). После Октябрьской революции В.М. Голицын с семьёй остался в Советской России и умер в бедности в подмосковном Дмитрове².

Рукопись воспоминаний находится в фонде М.В. и С.В. Сабашниковых в Отделе рукописей РГБ, и оказалась она там не случайно. Братья Сабашниковы и В.М. Голицын активно сотрудничали после революции. В частности, в 1919 году Голицын, вынужденный зарабатывать на жизнь, подготовил для издательства перевод книги «Госпожа Савинье» французского историка Гастона Буассье³; также он перевёл монографию его коллеги маркиза Ораса Доминика Барраль-Монферра «От Монро до Рузвельта (1823—1905)»⁴. (Заметим, что внук В.М. Голицына, также Владимир Михайлович, составил для возглавляемого братьями издательства «Сотрудник» ряд детских настольных игр⁵.) Однако основным направлением творчества В.М. Голицына (старшего) был, по-видимому, именно мемуарный жанр, ставший для интеллигента «из бывших» и важ-

¹ НИОР РГБ. Ф. 261, карт. 18, ед. хр. 5, л. 15—18.

² Биографию В.М. Голицына и наиболее полную, хотя и не исчерпывающую библиографию его сочинений и литературы о нём см.: Князя Голицыны. 600 лет служения Москве и Отечеству: биобиблиогр. указ. / авт.-сост. Е.Н. Бычкова, И.И. Голицын; ред.-библиогр. И.И. Доронина; консулт. и авт. вступ. слова И.И. Голицын. М., 2010. С. 75—80 и указ.

³ Голицын В.М. Старая Москва // Записки Отдела рукописей РГБ. М., 2000. Вып. 51. С. 145. Это был новый перевод. В переводе О.Н. Масловой роман впервые вышел в России в 1900 году в издательстве магазина «Книжное дело».

⁴ В 1925 году была издана Госиздатом в переводе М. Тумковской.

⁵ См.: Сабашников М.В. Записки. М., 1995. С. 518.

ным источником заработка, и средством социализации в советском обществе. Порой эти воспоминания приобретали форму лекций; некоторые из них, включая и интересующую нас, упомянуты в его дневнике: «[11 января 1924] Лекция моя в салоне ЦКБУ, но (sic!) в обществе «Книга» прошла удачно, публики было много. Много новых знакомых я там завёл. На другой день испытывал чувство некоторого самоудовлетворения»¹.

В 1924 году в издательский портфель вошла подготовленная к печати рукопись воспоминаний «Старая Москва»², однако её постигла судьба многих других текстов, предназначенных к публикации этим издательством: остаться похороненной на долгие годы, и это несмотря на то, что В.М. Голицын был уже хорошо известен как мемуарист³. Научная и

¹ Цит. по: *Трубецкой А.В.* Жизнь В.М. Голицына после революции. Штрихи к портрету // *Хозяева и гости усадьбы Вязёмы: Материалы V Голицынских чтений*, 24—25 января 1998 года. Б. Вязёмы, 1998. С. 115. Согласно воспоминаниям внука В.М. Голицына, благодаря двум ботаническим брошюрам («Особенности флоры Елифанского уезда Тульской губернии» и «О распространении одного редкого вида ромашки в Звенигородском уезде Московской губернии») «...в 1922 г. дедушка стал членом КУБУ (Комиссии по улучшению быта учёных), правда, третьей категории (из четырёх), и два-три года получал хороший паёк» (*Голицын С.М.* Записки уцелевшего. М., 2006. С. 17). «Ряд очерков о старой Москве», которые С.М. Голицын также включает в число «научных трудов» деда (там же), видимо, должны были поддержать этот выгодный статус.

² *Голицын В.М.* Старая Москва. С. 146.

³ *Голицын В.М.* 1) Памяти Михаила Васильевича Духовского: журн. соед. заседания Моск. гор. благотв. совета и сост. при нём комиссии от 7 мая 1903 г. М.: Гор. тип., 1903; 2) Московский университет в 60-х годах: Первые впечатления. Профессора. Студенты. Дело Нечаева. Общественная жизнь Москвы. Университет в 60-х гг. // *Голос минувшего*. 1917. № 11. С. 173—240; 3) Москва в 70-х годах: Кн. Долгоруков. Общественное управление. Кн. Щербатов. Кн. Черкасский. Общественная жизнь. Театр. Война 1877—78 гг. 1-е марта 1881 // *Голос минувшего*. 1919. № 5/12. С. 111—162; 4) Мои театральные воспоминания // *Временник русского театрального общества*. 1924. Кн. 1. С. 31—90 (частично републиковано: *Голицын В.М.* Театр и зрители // *Московская старина. Воспоминания москвичей прошлого столетия*. М., 1989. С. 87—94).

Более поздние публикации: *Голицын В.М.* 1) Дневниковые записи за 1902—1906 гг. // *Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников*: в 2 т. Т. 2. Л., 1971. С. 306—317; 2) 1905 год с точки зрения либерала (из дневника В.М. Голицына) // *Сов. архитектура*. 1987. № 1. С. 61—65; 3) Из воспоминаний князя Владимира Голицына // *Весьма важное лицо*. 1997. № 27/28. С. 74—78; 4) *Дневник 1917—1918 годов*. М., 2008.

Обширные выдержки из воспоминаний В.М. Голицына см. также: *Трубецкой А.В.* События 1914—1915 гг. по материалам дневника В.М. Голицына // *Хозяева и гости усадьбы Вязёмы: Материалы VIII Голицынских чтений*, 20—21 января 2001 года. Ч. 2. Б. Вязёмы, 2002. С. 167—172; *Голицын М.В.* Выдающийся Голицыны // *Хозяева и гости усадьбы Вязёмы: Материалы XIII Голицынских чтений*, 21—22 января 2006 года. М., 2006. С. 141—145.

общекультурная ценность его воспоминаний не подлежала сомнению, он это осознавал и охотно анонсировал те их части, которые к тому времени ещё не были опубликованы¹.

Вместе с архивом Сабашниковых рукопись в настоящее время находится в Научно-исследовательском Отделе рукописей Российской государственной библиотеки². По свидетельству А.В. Буторова, в архивохранилищах страны имеется несколько машинописных экземпляров «Старой Москвы»³, и в 1991 году по одному из них (к сожалению, не указано, по которому именно) «с минимальной редакционной правкой и небольшими сокращениями» записки были опубликованы⁴; в 2000 году был опубликован (или републикован) список, отложившийся в НИОР РГБ⁵. Соседствующий с экземпляром «Старой Москвы» текст лекции «Интеллектуальная жизнь Москвы в 50-х и 60-х годах прошлого столетия» так и не увидел свет.

Текстологическое изучение этого комплекса текстов если кем и производилось, то результаты его остаются неизвестными науке. Из важных особенностей, которые стоит всегда иметь в виду при изучении мемуарного наследия В.М. Голицына, следует указать на то, что в жанровом отношении некоторые произведения (во всяком случае те, что посвящены старой Москве) представляют собой промежуточный вариант между собственно воспоминаниями и популярными очерками по истории города. Эта их черта особенно ярко проявляется в том, что разные тексты содержат немало повторяющихся из публикации в публикацию сюжетов, нередко изложенных текстуально близкими оборотами, при этом отбор фактов и объём того или иного тематического

---

¹ Так, напомнив читателю о публикациях в «Голосе минувшего», он сообщает, что «две следующие [части] готовы для печати» (*Голицын В.М. Мои театральные воспоминания. С. 32*).

² НИОР РГБ. Ф. 261 (Сабашниковы), карт. 18, ед. хр. 5, д. 1—14 об.

³ Буторов А. «Старая Москва» князя Голицына // *Московский журнал*. 1991. № 9. С. 19.

⁴ *Голицын В. Москва и её жители 50-х годов XIX столетия* [Публ. и вступ. ст. А. Буторова] // *Московский журнал*. 1991. № 9. С. 20—26; № 10. С. 13—23; № 11. С. 25—31, 33—36.

⁵ *Голицын В.М. Старая Москва. С. 143—193*. Заметим, что во всей публикации 2000 года отсутствуют даже ссылки на архивный шифр, не говоря уже об элементарном археографическом описании, попытке датировать текст и соотносении его, хотя бы в самых общих чертах, с опубликованными ранее произведениями В.М. Голицына. Вероятно, автору осталась неизвестной и публикация 1991 года в «Московском журнале».

отрывка может серьёзно варьироваться в зависимости от жанра текста и его тематической направленности. Такая особенность во многом была предопределена спецификой отношения В.М. Голицына к собственным мемуарным текстам и своего личного самоощущения в 1920—1930-е годы. Важное для В.М. Голицына ощущение себя как живущего в мире воспоминаний патриарха (по собственному определению — «старика»), окружённого удивлённой внимающей ему молодёжью¹, снимало вопрос об уместности или неуместности повторения из текста в текст одних и тех эпизодов и деталей: адресатом мемуаров были отнюдь не потомки, хорошо знающие семейную историю, и не подготовленный научный работник, а широкая масса интеллигентной публики. Сами же воспоминания превращались в бесконечный процесс «повествования о своём прошлом, во всей его совокупности или в отдельных его периодах или эпизодах», что с лёгкостью позволило, к примеру, из уже готовых к печати частей «извлечь... всё то, что относится к московскому театру»² и выпустить отдельно. Возможно, именно нередкие повторения из текста в текст одних и тех же сюжетов и создали у архивистов неверное впечатление, что лекция, прочитанная в январе 1924 года, представляет собой первый вариант «Старой Москвы».

Другая важная особенность мемуаров В.М. Голицына — условность хронологических рамок. Так, фрагмент, посвящённый библиотеке в Архангельском, описывает события 1880-х или даже 1890-х годов, в то время как в заглавии анонсированы 1850—1860-е.

Особенность же собственно публикуемого фрагмента состоит в его сугубой уникальности. Во-первых, он не встречается больше ни в одном произведении В.М. Голицына, по крайней мере из тех, что напечатаны к настоящему времени; во-вторых, нигде больше В.М. Голицын не рассказывает так подробно о своём библиофильском опыте, в данном случае — опыте углублённого знакомства с чужими библиотеками. Без сомнения, эта особенность целиком связана с аудиторией лекции. За вольными вариациями названия в подзаголовке лекции и в дневнике — «кружок любителей книги», «общество «Книга» — несомненно, стоит одна из самых выдающихся общественных организаций московских библиофилов — Российское общество друзей книги (РОДК; 1920—1929), которая была создана по инициативе В.Я. Адарюкова и проводила свои заседания с 1923 года в Доме учёных на улице Кропоткина (Пречистенке), упомя-

---

¹ Голицын В.М. Мои театральные воспоминания. С. 31.

² Там же. С. 31—32.

нумом в дневнике В.М. Голицына как «салон ЦКБУ» (Центрального комитета улучшения была учёных). По-видимому, это была первая и единственная лекция В.М. Голицына в этом обществе. Так, он не значится в списках его членов и ни до, ни после 11 января 1924 года, видимо, не выступал на его заседаниях в качестве докладчика¹. В интеллектуально насыщенной жизни РОДК, среди профессиональных, выполненных на высоком научном уровне лекций, докладов и сообщений, выступление В.М. Голицына, повторявшее многое из того, что было хорошо известно слушателям из его напечатанных мемуаров, видимо, не вызвало глубокого интереса, и ценные крупинки нового остались незамеченными даже специалистами-книжниками. Дотошно рассказывая о сделанных на заседаниях РОДК докладах, С.Г. Кара-Мурза, один из членов правления общества, пишет о выступлении В.М. Голицына скупно, бесстрастно и бессодержательно: «Бывший городской голова Владимир Михайлович Голицын прочёл личные воспоминания о жизни интеллигентной Москвы во второй половине XIX века»².

В научный оборот фрагмент лекции, посвящённый библиотеке в Архангельском, был введён ещё 35 лет назад В.В. Куниным, в известнейшей книге «Библиофилы пушкинской поры» — в главе, посвящённой С.А. Соболевскому, в отрывке о посещении Архангельского Соболевским и Пушкиным в 1827 году³. Однако сведения из этого фрагмента были использованы В.В. Куниным не полностью и не вполне корректно. Так, он не сообщает ни о том, что воспоминания были написаны много лет спустя и отнюдь не С.А. Соболевским, ни о том, что Соболевский и Пушкин могли видеть несколько иную библиотеку — отличную по составу, расположенную в ином месте и, возможно, с изменившейся расстановкой шкафов. Записки Голицына пересказаны Куниным таким образом, что совершенно невозможно понять, на чьи воспоминания опирается В.М. Голицын — на свои собственные или Соболевского?

Таким образом, вести речь о полноценном введении этого фрагмента в научный оборот всё-таки не приходится. Учитывая скудость сведе-

---

¹ См.: Русское общество друзей книги. Сто заседаний: 1920—1922. М., 1923; Русское общество друзей книги: Список членов. [М.], 15 ноября 1925; Русское общество друзей книги (1920—1929): библиогр. указ. Воронеж, 1968.

² Кара-Мурза С.Г. Русское общество друзей книги (Московские библиофилы). М., 2011. С. 169.

³ Кунин В.В. Библиофилы пушкинской поры. М., 1979. С. 68—69.

ний о бытовании библиотеки Н.Б. Юсупова-старшего во второй половине XIX века, этот фрагмент, без сомнения, достоин не только публикации, но и развёрнутого историко-библиотечного комментария. Также фрагмент представляет интерес как источник не только по истории библиотеки Н.Б. Юсупова, но и по истории процесса коммеморации во второй половине XIX — начале XX века, с важным местом в этом процессе дворянских усадеб и усадебных библиотек, со сложным и даже прихотливым сочетанием в нём стихийности и целенаправленности, в частности, с постоянно отмечаемой современниками ролью случая, неожиданно открывающего усадебные книжные сокровища. Случая, так хорошо описанного в знаменитом романе С.Р. Минцлова¹ или в рассказе И.А. Бунина «Грамматика любви».

Наконец, заслуживает внимания и место этого фрагмента в общем мемуарном массиве В.М. Голицына вообще и в том произведении, в которое оно было автором включено, в частности. Упомянутая нами ценность этого фрагмента как источника о библиофильских практиках В.М. Голицына становится особенно актуальной в связи с начавшимся в последние годы изучением семейной библиотеки Голицыных в подмосковном Петровском², а также как любопытный и, судя по доступному нам корпусу воспоминаний В.М. Голицына, которого ни домашние, ни иные современники совершенно не воспринимали как библиофила, уникальный эпизод в его жизни.

Неопубликованная рукопись лекции представляет собой стопку из девяти сложенных вдвое листков белой бумаги формата А3 с отчёркнутыми (или, правильнее сказать, продавленными) полями по внешней стороне листа. Время составления рукописи, очевидно, соответствует времени чтения лекции. На л. 18 об. в левом верхнем углу вдоль левого края листа (основной текст — до л. 18 включительно) писарским почерком выполнена надпись карандашом: «Еропкинский пер., д. № 16, кв. 5». Это был тогдашний домашний адрес В.М. Голицына и его семьи³. Сам текст лекции — чистовой автограф с отдельными, не более десятка, мелкими исправлениями стилистического характера.

¹ Минцлов С.Р. За мёртвыми душами. М., 1991.

² Исаева Е.В. Библиотека князей Голицыных усадьбы Петровское // Хозяева и гости усадьбы Вязёмы : материалы XIV Голицынских чтений, 2007. М., 2007. С. 468—476.

³ Супруги В.М. и С.Н. Голицыны и их домашние проживали в Еропкинском переулке в 1922—1929 годах.

Текст разбит на 15 пронумерованных римскими цифрами фрагментов. Библиотеке Н.Б. Юсупова в Архангельском посвящён небольшой, 4,5 тысяч знаков, фрагмент, имеющий номер XIII (л. 14 об. — 15 об.).

Приведём этот фрагмент полностью, сохраняя пунктуацию и орфографию оригинала¹.

«XIII.

Мне остается передать² несколько более подробные сведения об одной библиотеке, очень хорошо мне известной. Это юсуповская, помещавшаяся в знаменитом по своему величию и роскоши Архангельском, в 25 верстах от Москвы. Надо сказать, что живя одно лето в нашем имении Петровском, по соседству с Архангельским, я предложил свои услуги владелице этого последнего, княгине Зинаиде Николаевне Юсуповой с целью выяснить такими книжными сокровищами она владеет. Для этой довольно кропотливой но весьма интересной работы я пользовался имевшимися у меня библиографическими лексиконами Брюнэ и Барбье, которые как известно служат настольными руководствами для любителей книг и библиографов. Юсуповская библиотека занимала две громадные залы верхнего этажа одного из двух флигелей княжеского дома, причем доступ в этот этаж был только по доскам, проложенным по крыше открытой галереи, соединяющей флигель с домом, что как нельзя лучше гарантировало библиотеку от всяких покушений извне. В этих двух залах стояло более пятидесяти шкафов (/15) в которых книги расположены были в большем порядке и систематически, и по каталогу, который наоборот составлен был без всякой системы, число томов доходило до семнадцати тысяч. Трудно в коротких словах перечислить все те сокровища, которые мне удалось определить по упомянутым выше руководствам. Там напр<имер> оказался целый шкаф наполненный Эльзевирами, другой занят был изданиями Дидота-старшего³. Затем

¹ Обширная цитата из этого фрагмента и краткий анализ имеющихся в ней сведений о библиотеке Н.Б. Юсупова ранее были приведены в ст.: *Боленко К.* Библиотека Н.Б. Юсупова: между личной коллекцией и общественным собранием // *Чертковские чтения : материалы первой научной конференции 26—27 сентября 2011 г. М., 2012. С. 233—234.*

² Вписано той же рукой и теми же чернилами поверх зачёркнутого «сказать».

³ «Дидо-старшим» (Didot l'ainé) называли себя как минимум два представителя знаменитой французской издательской династии — Франсуа-Амбруаз Дидо (1730—1804) и его сын Пьер Дидо (1767—1853). В библиотеке Юсупова-старшего, находившейся в Архангельском, было немало изданий и того, и другого.

из отдельных экземпляров было очень много таких, которые у Брюнэ обозначены как чрезвычайно редкие и достигшие на аукционных продажах в Париже баснословных по тому времени цен. Было несколько экземпляров инкунабул, т. е. изданий первого периода книгопечатания. Наконец был целый шкаф с собранием небольших италийских книжек XVII и XVIII веков самого легкого, если даже не неприличного содержания, которые считаются по отзыву того же Брюнэ чрезвычайно редкими и ценными, будучи издаваемы в ограниченном количестве исключительно для любителей такого рода литературы. Без преувеличения можно сказать, что все изданное во Франции и отчасти в Италии в течении XVII, XVIII и первых десятилетий XIX веков нашло себе место в юсуповских шкафах, но дальнейшее пополнение их прекратилось со смертью старого князя Юсупова. — Я поинтересовался узнать историю образования этой библиотеки. Оказалось, что старый князь, живя зимою¹ в Москве в своем доме в Харитоньевском переулке и стоя во главе Московского дворцового управления², был страстным библиоманом и, благодаря своим громадным средствам, сделавшим его первым в России богачом, покупал в Москве и за границей через доверенных (// 15 об.) людей все что мало мальски отвечало его любительским наклонностям. Придерживался он, как я уже сказал, по преимуществу французских изданий, которые в его библиотеке занимали первенствующее место; затем следовали италийские, а немецкого и ~~срав~~ латинского было сравнительно мало, а русские совсем отсутствовали. В Москве агентом его по приобретению книг был Гаврила Волков, знаменитый впоследствии московский антикварий, которого повидимому он вывел в люди и дал ему средства, давшие ему возможность предпринять свою собственную, прославившую его торговлю.

По имеющимся у меня сведениям, библиотека эта или по крайней [мере] большая часть ее перевезена ныне в Румянцевский музей, но проверить это я не мог. При этом интересно было бы знать, если это сведение достоверно, насколько сохранилась она в целости и не просыпались ли по пути кое-какие из наиболее ценных ее экземпляров. Повторюсь — подобное собрание могло бы служить богатейшим вкладом в любую государственную библиотеку, доступную для общего пользования и предназначенную быть навсегда нерушимым хранилищем книжных сокровищ».

---

¹ Слово вписано над строкой.

² Правильнее — Экспедиция Кремлёвского строения, управляющим которой Н.Б. Юсупов был с 1816 года.

Повторим ещё раз: мы имеем дело с чистовым автографом. Текст закончен; место фрагмента об Архангельском в нём продумано и подчинено задачам лекции, контекст выверен. Фрагменту, посвящённому библиотеке Н.Б. Юсупова (л. 14 об. — 15), предшествуют фрагменты XI (л. 12—14) и 12 (л. 14 — 14 об.), посвящённые частным библиотекам. В 11-м речь идёт о чертковской, ставшей общедоступной, и о закрытых для публики, клубных. Там же, в 11-м фрагменте, немало места, почти две трети, посвящено С.А. Соболевскому (л. 12 об. — 13), и Голицын уделяет большое внимание не только его личности, но и библиотеке и библиофильским интересам. Фрагмент XII посвящён собранию рукописей и старопечатных книг А.И. Хлудова, собственной библиотеке Голицыных, хранившейся в подмосковном имении Петровское, и библиотеке бывшего министра народного просвещения и внутренних дел графа Д.А. Толстого (л. 14 — 14 об.).

Во всех этих фрагментах много общего. Каждый раз Голицын заканчивает рассказ упоминанием о судьбе собрания. Так, дети одного из друзей Соболевского «распорядились, сплавивши всё это неоценимое богатство за границу» (л. 13 об.). О хлудовском: «позднейшая судьба этого собрания мне неизвестна» (л. 14). О собственной семейной библиотеке в Петровском: «По дошедших до меня слухам эти книги (ранее принадлежавшие И.И. Шувалову. — *К.Б.*) переданы в библиотеку московского Университета, куда же девались все прочие мне совершенно неизвестно» (л. 14). О библиотеке Д.А. Толстого В.М. Голицын пишет: «По-видимому она подверглась полному расхищению, но хорошо было бы отыскать её следы» (л. 14 об.). Сведения о самих библиотеках короткие, в основном это общие характеристики. Например, о толстовской сообщается только о её местонахождении и о том, что «по имеющимся у меня сведениям, переданным мне одною соседкой по имению этому, библиотека эта была из ряда вон богатою и содержалась в образцовом порядке» (л. 14 об.). О библиотеке в Петровском: «была довольно большая библиотека, постепенно пополнявшаяся до самого последнего времени. Интересна она тем, что в её состав входила часть библиотеки Ив. Ив. Шувалова. <...> Между тем в их числе были некоторые вещи весьма любопытные, как напр. почти полная коллекция Готских альманхов, первое издание сочинений Пушкина, выпущенное... им самим, энциклопедический словарь Бэйля и т. д.» (л. 14). Нередко Голицын декорирует текст личными или пикантными деталями: о том, как он виделся с Соболевским в своём доме (тот был «очень дружен с мои-

ми родителями» (л. 13), или о том, как Соболевский и Одоевский на Кузнецком Мосту «очень охотно заглядывались на встречавшиеся им хорошенькие личики» (л. 14).

Фрагмент, посвящённый библиотеке в Архангельском, построен по точно такой же модели, и, видимо, эта модель оказывала существенное влияние на автора, равно как и сам жанр лекции: текст не должен был быть слишком большим, но лекция в библиофильской среде давала большую степень свободы в рассуждениях на библиофильские и библиотечные темы, давала больше возможности привлекать (и не только в этом фрагменте) сведения личного, автобиографического характера. В.М. Голицын отзывался на эти возможности. Не выходя за рамки мемуарного этикета и сбалансированности рассказа, он сообщил о библиотеке Юсупова и своих трудах в ней гораздо больше, чем о какой-либо другой.

Особенно наглядно это видно в сравнении лекции с записками «Старая Москва» (л. 19—71; по авторской нумерации — л. 1—53; выполнены на печатной машинке на стандартных листах писчей бумаги и производят на первый взгляд впечатление второй редакции лекции). В «Старой Москве» также имеется фрагмент, посвящённый частным собраниям и библиотекам (VIII), но по объёму он сильно уступает тому, что можно видеть в лекции, а рассказы о частных коллекционерах и библиофилах объединены (л. 58—60). Коротко, в двух строках, упомянуто собрание Хлудова (л. 59), и чуть побольше сказано о библиотеке Черткова (л. 59 — 59 об.). Впрочем, большая часть этого пассажа посвящена П.И. Бартеневу и его славе «пожирателя сердец» в московском дамском обществе. О библиотеке в Архангельском нет ничего. Её общественная значимость, очевидная специалисту, видимо, ещё требовала доказательств — по мнению библиофила-дилетанта, каковым оставался В.М. Голицын. Что он, собственно, и сделал в последних строках своего фрагмента, посвящённого Архангельскому.

Возможно, отсутствие сведений об Архангельском и юсуповской библиотеке в других мемуарных текстах В.М. Голицына определяется не только уникальностью мемуарного «номера», но и непростым характером взаимоотношений, сложившихся между Юсуповыми и Голицыными. Они были соседями по имениям (Петровское Голицыных находится приблизительно в десяти верстах от Архангельского; впрочем, они встречались и в Москве) и людьми одного круга, в котором

Зинаида Николаевна с мужем именно с начала 1880-х годов стали проводить гораздо больше времени. Юсуповы (как Сумароковы, Юсуповы, Сумароковы-Юсуповы) упоминаются и в дневнике В.М. Голицына¹, и в воспоминаниях его супруги С.Н. Голицыной (урождённой Деляновой)² и их сына Михаила (по его словам, Юсуповы часто бывали в Петровском)³. В.М. Голицын и члены его семьи упоминаются и в Гостевой книге Архангельского⁴.

Однако отношения отнюдь не были дружескими, а скорее соседскими, светскими, умеренно-приятельскими. Так, к примеру, отзывы М.В. Голицына о Юсуповых нередко резки и даже неприязненны. В дневнике довольно чувствительного и сентиментального В.М. Голицына нет ни намёка на эмоционально окрашенные отношения между двумя семействами. В большом и неплохо сохранившемся эпистолярии юсуповских корреспондентов, в котором представлено немало писем и телеграмм от разных представителей обширного рода Голицыных, от В.М. Голицына удалось найти лишь одно письмо (от 19 апреля 1895 года) с просьбой поскорее рассчитаться за поставленные в Архангельское дрова⁵.

¹ НИОР РГБ. Ф. 75 (Голицын В.М.), ед. хр. 12. Голицын В.М. Дневник. Ч. 12: 1882—1884 гг. Л. 301 (7.06.1884), 302 (9.06), 312 (2.07), 342 об. (26.08), 351 об. (11.09); ед. хр. 13. То же. Ч. 13: 1884—1886 гг. Л. 220 (22.11.1885), 222 (25.11), 222 об. (26.11); то же. Ч. 17: 1892—1893. Л. 12 об. (13.02.1892), 78 (24.05), 84 (3.06), 85 (5.06), 90 об. (13.06), 105 (1.07), 108 об. (11.07), 141 об. (1.09), 142 (2.09), 143 об. (4.09), 144 (5.09), 144 об. (6.09), 150 (15.09), 151 об. (17.09), 153 (20.09), 156 об. (25.09), 212 об. (22.12), 289 об. (23.04.1893), 330 (25.06), .

² Из воспоминаний Софьи Николаевны Голицыной / публ. Е.М. Перцовой // Московский журнал. 1995. № 4. С. 32, 34.

³ *Голицын М.В. Мои воспоминания, 1873—1917.* М.: Русский мир, 2007. С. 60, 109—110, 141.

⁴ Упоминание о самом В.М. Голицыне встречается лишь в записи за 3 июня 1892 года (Гостевая книга князей Юсуповых в Архангельском. Записи 1892—1895 годов / публ. О.В. Мачугиной // Архангельское : материалы и исследования. [Вып. 3] М., 2012. С. 195). Записи о визитах в Архангельское его жены и детей встречаются неоднократно (там же, с. 195 [5.06.1892]; Гостевая книга князей Юсуповых в Архангельском. Записи 1884—1891 годов / публ. О.В. Мачугиной // Архангельское : материалы и исследования. [Вып. 2] М., 2011. Ч. 1. С. 212 [13.06.1888], 216 [6.07.1889], 218 [10.09.1891]). Согласно дневнику В.М. Голицына, его домашние бывали в Архангельском гораздо чаще.

⁵ РГАДА. Ф. 1290 (Юсуповы), оп. 2, ед. хр. 4076 (Письма и телеграммы Ф.Ф. Юсупову гр. Сумарокову-Эльстон от Голицыных Дмитрия, Зинаиды, Владимира и др.). Л. 4 — 4 об. Этот эпизод личных отношений, видимо, так хорошо запомнился в семье, что даже попал в воспоминания сына В.М. Голицына (см.: *Голицын М.В. Мои воспоминания.* С. 141).

Возможно, обстоятельством, осложнявшим отношения двух семейств, была дружба З.Н. и Ф.Ф. Сумароковых-Эльстон с великим князем Сергеем Александровичем и великой княгиней Елизаветой Фёдоровной, причём Феликс Феликсович был также связан с великим князем служебными отношениями — состоял его флигель-, а затем генерал-адъютантом. В 1891 году, после назначения Сергея Александровича на пост московского генерал-губернатора, В.М. Голицын потерял должность гражданского губернатора, и впоследствии их отношения были весьма непростыми¹.

В.М. Голицын не датирует свой текст, и на данный момент, очень приблизительно, его события можно ограничить второй половиной 1880-х — концом 1890-х годов. Поздняя хронологическая граница, 1890-е годы, определяется тем, что именно в это время происходит масштабная реконструкция залов первого этажа и большая эффектная парадная библиотека устраивается в самом большом зале дворца — зале Тьеполо.

Ранняя граница — 1884 год — определяется датой знакомства З.Н. Сумароковой-Эльстон (урождённой Юсуповой) с В.М. Голицыным². После замужества Зинаида Николаевна, видимо, заручившись согласием отца, который проживал преимущественно за границей на лечении, начала наводить порядок в имениях. Почти ежегодно супруги приезжали в Москву и Архангельское, где постепенно стали разворачиваться масштабные ремонтно-строительные работы. В частности, по переустройству второго этажа Большого дома (главного дворца), где большие парадные залы были разделены на множество жилых помещений. Возможно, именно этим можно объяснить тот факт, что Голицын упоминает только библиотеку в западном флигеле, ничего не говоря о самом дворце. Сомнительно, чтобы он забыл о двух помещениях.

Согласно дневнику, описываемая в лекции работа с юсуповской библиотекой пришлась на 1892 год, очень важный в жизни В.М. Голицына. Обретя в 1891 году неожиданную свободу от служебных забот, хлопота и волнуясь о новом назначении (должность полтавского губернатора его совершенно не устраивала), В.М. Голицын одновременно наслаждался прелестями частной жизни и возможностью посвятить себя се-

---

¹ См., например: *Шереметев С.Д.* Мемуары. М., 2001. С. 394—395.

² Судя по фразе «Перед обедом был у Гр. Сумарокова и видел его красавицу жену» (НИОР РГБ. Ф. 75, ед. хр. 12, л. 302), до 9 июня 1884 года В.М. Голицын не был знаком с хозяйкой Архангельского.

мье и интеллектуальным занятиям. В силу необходимости переезжать из казённой квартиры в родовой особняк на Покровке, он занимался упаковкой, а затем разбором своей библиотеки¹, с удовольствием предавшись в Москве, а затем в Петровском чтению и другим «занятиям, лишь бы только они не имели никакого отношения к прежней моей деятельности»², в том числе переводам и ботанике, чувствуя «подъём духа» и «открытие поэтическим чувством»³.

Дневник позволяет уточнить последовательность событий, описанных В.М. Голицыным в лекции, и дополнить опубликованный фрагмент рядом ценных деталей. «После обеда мы с братом Александром были в Архангельском у Сумароковых; какое это чудное место» (3 июня). Судя по эмоциональному отклику, В.М. Голицын мог быть в Архангельском впервые. Возможно, именно тогда состоялось и первое его знакомство с библиотекой и последовало упомянутое предложение З.Н. Юсуповой помочь разобраться в книжном собрании прадеда. Правда, не исключено, что последовательность событий была иной. А именно, З.Н. Юсупова, после неоднократных посещений Петровского, знакомства с местной библиотекой и куда более склонным к учёным занятиям и библиофильски «продвинутым» В.М. Голицыным (который ценил свои библиофильские знакомства, сам разбирал свою библиотеку, имел экслибрис⁴), попросила проконсультировать её насчёт ценности доставшегося ей книжного наследства.

И В.М. Голицын действительно взялся за дело всерьёз, причём со справочниками Брюне и Барбье он работал не в Архангельском, а у себя в Петровском: «<1 сентября> «Я с увлечением занимался рассматриванием каталогов Архангельской библиотеки, которые мне прислала Княг<иня> Юсупова; я должен указать ей всё ценное и редкое»; «<2 сентября> Опять я сильно занимался каталогами»; «<4 сентября> Очень много работал над каталогами». Первым итогом этого труда стала поездка в Архангельское 5 сентября: «Мы с братом Иваном ездили в Архангельское к Юсуповым, где завтракали, а потом долго смотрели книжные сокровища, причём

¹ НИОР РГБ. Ф. 75, ед. хр. 16, л. 317 — 343 об.; ед. хр. 17, л. 2.

² НИОР РГБ. Ф. 75, ед. хр. 17, л. 3 об. См. также л. 6, 15 об., 21 — 21 об., 58 об., 77 об., 81, 84 об., 88 об., 89 об., 90 об. — 91 об., 95, 103 об., 105 об, 111, 118 об., 134 об., 151. 154 об. — 155, 161 — 161 об., 164 — 164 об., 165 об., 166 об., 179, 181 об. — 182, 183, 192 об.

³ Там же. Ед. хр. 17, л. 93.

⁴ Богомолов С.И. Российский книжный знак: 1700—1918. М., 2010. С. 215 (№ 3887—3888).

не без комизма было то, что я их показывал их владельцам; и действительно немало там сокровищ у них, в которых сами они ровно ничего не понимают»¹.

Видимо, хозяева попросили обобщить полученные результаты, поэтому работа не прекратилась: «<6 сентября> Я много занимался, преимущественно каталогом»; «<14 сентября> Кончил беглый обзор Архангельских каталогов, но быть может примусь за обстоятельный»². К сожалению, никаких следов упомянутого «беглого обзора» не сохранилось. О том, чтобы взяться за «обстоятельный», впоследствии не было и речи, вскоре В.М. Голицына снова затянули служебные дела, и вынужденный, да и то относительный досуг он получил только в 1905 году. Однако не исключено, что дилетантская и незаконченная работа В.М. Голицына сыграла важную (а может быть, и решающую) роль в решении Юсуповых, во-первых, перенести библиотеку в самый большой из парадных залов первого этажа Большого дома, известный как «зал Тьеполо», таким образом открыв её для несколько более широкой публики, а во-вторых, произвести её рекаталогизацию³.

Количество упомянутых В.М. Голицыным шкафов — «более пятидесяти», но вряд ли сколько-нибудь существенно больше — вызывает несколько вопросов. К примеру, принято считать, что библиотека Н.Б. Юсупова-старшего более полувека, с момента его смерти и вплоть до перемещения в зал Тьеполо, стояла нетронутой. Количество шкафов в западном флигеле в 1822 году было 34 (всего в Большом доме и флигеле — 115)⁴ и дальше, до смерти Н.Б. Юсупова могло только расти. Имущественная опись 1833 года фиксирует 41 дополнительный новый шкаф⁵, однако количество книжных среди них точно не ясно, в любом случае не менее половины. Таким образом, во флигеле, к моменту его

---

¹ НИОР РГБ. Ф. 75, ед. хр. 17, л. 141, 142, 143 об., 144.

² Там же. Л. 144 об., 149 об.

³ Документы Н.В. Рождественского в фонде рукописей Государственного музея-усадьбы «Архангельское» (К истории организации и каталогизации усадебной библиотеки) / публ. К.Г. Боленко // Архангельское : материалы и исследование. Сб. 3. М., 2012. С. 81—84.

⁴ Опись разным вещам, имеющимся в Архангельском доме в Галерее, в Капризе и во флигелях (РГАДА. Ф. 1290, оп. 3, ед. хр. 2415, л. 22 — 22 об.). Приношу благодарность О.М. Фроловой за предоставленную справку.

⁵ Опись имеющимся в Селе Архангельском большом доме, галерее, Капризе, в театре и во флигеле разным вещам (РГАДА. Ф. 1290, оп. 3, ед. хр. 2631, л. 17—18).

посещения В.М. Голицыным, скорее всего находились те же самые шкафы, что и до ремонта. Упоминание о «большом порядке» и систематичности в расстановке книг могут служить аргументом в пользу того, что количество как шкафов, так и книг существенно не изменилось. Трудно себе представить, что на время ремонта книги «уплотняли» в существующих шкафах со строгим соблюдением систематического порядка. В таком случае указание на то, что библиотека насчитывала «до семнадцати тысяч» томов, должно иметь отношение ко всему книжному собранию в Архангельском, а не только к тому, что было размещено во флигеле.

В пользу того, что книжное собрание во флигеле действительно не составляло всей книжной «архангелины» Н.Б. Юсупова, могут свидетельствовать странные сведения о её языковом составе. Действительно, Юсупов «придерживался... по преимуществу французских изданий», было много книг на итальянском языке и очень мало — на немецком, но, вопреки сведениям, сообщаемым В.М. Голицыным, книг на латыни насчитывалось несколько сотен томов, а на русском, согласно каталогу 1860-х годов, вообще более тысячи¹. Кстати, судя по тому, что упомянут один каталог, те каталоги, которые были составлены в 1860-е годы по инициативе отца Зинаиды Николаевны, и составленные очень квалифицированно, не только остались в той части библиотеки, куда В.М. Голицын не получил доступа, но могли быть неизвестны в тот момент и самим хозяевам.

Приводимые В.М. Голицыным (и без проверки воспроизведённые В.В. Куниным) сведения о книжных редкостях заслуживают уточнения. Так, к примеру, согласно каталогам конца 1820-х годов², в библиотеке не было одного шкафа, наполненного изданиями Дидо, тем более «Дидота-старшего». Книги, выпущенные разными поколениями этой династии, были рассеяны более чем по десятку шкафов, хотя можно выделить и компактный комплекс в шкафу № 15 (3-й шкаф раздела «Belles lettres»)³. При этом ничего не известно и о существовании специального каталога изданий Дидо⁴.

---

¹ «Catalogue de la Bibliotheque du Prince Youssouppoff en son château d'Arkhangelski: Оглавление Отделения русских книг». (ГМУА. Инв. № АГЮ-69).

² РГАДА. Ф. 181 (Рукописный отдел библиотеки МГАМИД), оп. 1 (ранее — 12), ед. хр. 1181—1222; ф. 1290, оп. 5, ед. хр. 1254.

³ РГАДА. Ф. 181, оп. 1, ед. хр. 1183.

⁴ При рекаталогизации библиотеки в 1900-е годы он не упоминается (Документы Н.В. Рождественского в фонде рукописей Государственного музея-усадьбы «Архангельское». С. 81—84).

К сожалению, не удалось идентифицировать «целый шкаф с собранием небольших итальянских книжек XVII и XVIII веков самого лёгкого, если даже не неприличного содержания». Вероятно, он не был каталогизирован в 1820-е годы или же каталоги не сохранились. Заметим, что итальянская литература, особенно художественная, вообще плохо отразилась в описях 1820-х годов; совершенно отсутствует раздел «Auteurs Italiens», имеющийся в документах как 1823, так и 1903 годов¹.

С эльзевирами ситуация принципиально иная. Совершенно достоверные данные, напечатанные во вполне добротной составленной истории рода Юсуповых (до 500 эльзевиров), впоследствии неоднократно тиражировались в популярной, научно-популярной и даже научной литературе². На самом деле их в Архангельском было гораздо меньше, по некоторым сведениям, всего 82³. Однако сохранился каталог, составленный предположительно во второй половине XIX века, в котором их более сотни⁴. Вероятно, именно он упомянут в перечне каталогов, составленном Н.В. Рождественским в 1909 году⁵. Притом что более или менее компактная коллекция эльзевиров находилась, согласно каталогам конца 1820-х годов, в шкафу № 10, немало их было рассеяно и по другим шкафам, равно как и в шкафу № 10 более половины книг вышло из других издательств. Стоит отметить, что согласно каталогу, сохранившемуся в ОПИ ГИМ, эльзевиры были объединены

---

¹ РГАДА. Ф. 1290, оп. 2, ед. хр. 1535, л. 5 об.; Документы Н.В. Рождественского в фонде рукописей Государственного музея-усадьбы «Архангельское». С. 81.

² [Фёдоров Б.М., Юсупов Н.Б.]. О роде князей Юсуповых: Собрание жизнеописаний их, грамот и писем к ним российских государей... СПб., 1866. Ч. 1. С. 163; Карнович Е.П. Замечательные богатства частных лиц в России: Экономико-историческое исследование. М., 1992 (впервые — СПб., 1874). С. 166; Вениаминов Б. [Бенуа А.Н.] Архангельское // Мир искусства. 1904. № 2. С. 37; Прахов А. Материалы для описания художественных собраний князей Юсуповых // Художественные сокровища России. СПб., 1906. Т. 6. № 8—12. С. 182.

³ Дружинина Е.В. Усадебная библиотека Н.Б. Юсупова в Архангельском (Из истории книг, посвящённых театру) // Книга. Исследования и материалы. Сб. 68. М., 1994. С. 320.

⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 411 (Юсуповы), ед. хр. 96. Материалы по имени Юсуповых в Архангельском. Л. 2—8. «Les Elzeviers de la Bibliothèque de S. E. le Prince Youssouppoff à Arkhangelsky».

⁵ Документы Н.В. Рождественского в фонде рукописей Государственного музея-усадьбы «Архангельское». С. 84.

в одном шкафу (№ 38 2-й серии), однако время этой перестановки ещё не выяснено.

До сих пор остаётся не прояснённым вопрос с инкунабулами в библиотеке Н.Б. Юсупова-старшего. Сведения о них очень скудны, и в любом случае, вопреки иногда появляющимся в литературе сведениям, количество инкунабул исчислялось единицами¹. Ж. Лекуант де Лаво и И.Г. Шницлер сообщают о наличии в библиотеке Архангельского известного Майнцской библии², изданной около 1455 года. В сочинении по истории рода упоминается «Библия 1462 г.»³, по сведениям А.Н. Бенуа, в начале XX века находившаяся в Петербурге⁴. Обоих изданий Библии нет в каталоге 1800 года; возможно, они были приобретены позднее. Согласно этому каталогу, Юсупову принадлежал также экземпляр сочинения Франческо Петрарки «Vite dei Pontefici ed Imperatori Romani» (Florence: Dominican convent of nuns at S. Jacopo di Ripoli, 1478/1479)⁵. В каталоге конца 1820-х годов в разделах «Theologie» и «Histoire» нет ни одной из указанных инкунабул.

В книжных приобретениях Юсупова 1770-х годов упоминается экземпляр некоего издания «Plinia — 1»; по мнению Е.В. Дружининой, это письма Плиния Младшего, изданные в Треviso в типографии Иоганна Верцеля (Johannum Vercellum)⁶, хотя, заметим, в каталоге петербургской библиотеки Юсупова 1800 года и в каталогах архангельской библиотеки конца 1820-х годов эта книга тоже отсутствует и, главное, может быть идентифицирована как любое иное однотомное издание одного из Плиниев.

---

¹ Сведения о том, что о в библиотеке Н.Б. Юсупова было более 400 инкунабул (Соловьева Т.А. Особняки Юсуповых. СПб., 1995. С. 188), абсолютно недоуверенные. Видимо, автор перепутала инкунабулы с эльзевирами.

² *Le Coinie de Laveau G. Description de Moscou.* М., 1835. Т. 2. P. 285; *Schnitzler J.-H. La Russie, la Pologne et la Finlande. Tableau statistique, géographique et historique De toutes les parties de la Monarchie Russe prises isolément.* Par M. J.-H. Schnitzler. Paris, 1835. P. 91.

³ [Фёдоров Б.М., Юсупов Н.Б.]. О роде князей Юсуповых... С. 163.

⁴ Вениаминов Б. [Бенуа А.Н.] Архангельское. С. 37.

⁵ «Pontifici et Imperatorae di Petrarco, in 4° — 1478». ГМУА. Инв. № РК–18365 («Catalogue de la Bibliotheque du Prince Youssouppoff. L'an 1800. St. Petersburg»). № 660 раздела «Auteurs Italiens».

⁶ Дружинина Е. Путешествие князя Н.Б. Юсупова по Западной Европе в 1774—1778 годах и его книжные приобретения // Библиофилы России : альманах. М., 2006. Т. 3. С. 118.

Ни одного из этих изданий в описях книг, вывезенных из Архангельского в Румянцевский музей в 1920 году, также нет¹, притом что, к примеру, на перемещённые палеотипы, альдины и эльзевиры составлены отдельные списки². Не исключено, что инкунабулы были перемещены в библиотеку Румянцевского музея в первую очередь и документы об их изъятии не сохранились; также, возможно, этих книг вообще не было в Архангельском к 1918 году. Слабая вероятность того, что дирекции библиотеки удалось в 1920 году скрыть инкунабулы от экспертов, совершенно нивелируется составом книжной выставки 1929 года, на которой были представлены, в частности, сохранившиеся альдины и эльзевиры, но инкунабул не было³. Вероятно, инкунабулы, вместе с изданиями Дидо и эльзевирами, входили в раздел, который в классификации 1823 года был назван «[Книги] Хорошия печати»⁴.

Ещё менее изученным остаётся вопрос о книжных комиссионерах Н.Б. Юсупова-старшего. Уверенное указание на то, что Г.Г. Волков был книжным агентом Юсупова, к настоящему моменту не подтверждено документально, но заслуживает серьёзной проверки, поскольку подтверждает версию об их тесных деловых отношениях и о роли Юсупова в судьбе Волкова⁵.

Сведения В.М. Голицына, будто в Румянцевский музей была перевезена «библиотека эта или по крайней [мере] большая часть её», не соответствовали действительности. Потери были велики, хотя это было только начало экспроприаций (в 1920 году — 2287 томов; ещё несколько тысяч было вывезено в конце 1920-х — начале 1930-х годов)⁶, однако изъятые для Румянцевской библиотеки тома включали в себя книги не из того собрания, которое видел В.М. Голицын в конце XIX века, но из того, что сформировалось в Архангельском в тече-

¹ Материалы по библиотеке, списки книг, сданных в Румянцевский музей, акты передачи и т. д. 1920 г. (ГМУА. Инв. № ФА–84, л. 3 — 32 об.).

² Там же. Соответственно, л. 12 (палеотипы), 9 и 13 (альдины), 3 — 3 об. и 8 (эльзевиры).

³ *Невежина В.М.* Книжная выставка Музея «Архангельское». [М.:] Усадьба-музей «Архангельское», б. г.

⁴ РГАДА. Ф. 1290, оп. 2, ед. хр. 1535, л. 5 об.

⁵ *Катагощина М.В.* Антиквары старой России : Из истории отечественного предпринимательства 19 — начала 20 веков. М., 2004. С. 18, 44—45. Подробнее о Г.Г. Волкове В.М. Голицын рассказывает в следующем (14-м) фрагменте своей лекции. См. также: *Голицын В.М.* Старая Москва. С. 153.

⁶ *Дружинина Е.В.* Усадебная библиотека Н.Б. Юсупова в Архангельском. С. 321.

ние следующих двух десятилетий. Для него мемориальная библиотека Н.Б. Юсупова-старшего послужила лишь основой; состав этого собрания изучен слабо; известно лишь, что в него вошли «обломки» старых усадебных библиотек, сохранившиеся к тому времени в некоторых усадьбах Юсуповых (Спасское-Котово и Ракитное) и, вероятно, в их доме в Москве¹. Тем не менее и слух о полном вывозе, и слова о том, что «собрание могло бы служить богатейшим вкладом в любую государственную библиотеку, доступную для общего пользования и предназначенную быть навсегда нерушимым хранилищем книжных сокровищ», фиксируют сложившуюся к тому времени репутацию библиотеки в Архангельском — как весьма ценной и как принадлежавшей Н.Б. Юсупову-старшему. Отсутствие у В.М. Голицына точных сведений на этот счёт лишь подчёркивает статус его мемуарного фрагмента о библиотеке в Архангельском как воспоминаний добросовестного дилетанта, тем не менее заслуживающих того, чтобы считаться одним из основных и весьма плодотворных источников по истории библиотеки в Архангельском в конце XIX века.

---

¹ *Боленко К.Г.* «Иные» библиотеки Н.Б. Юсупова (Москва, Спасское-Котово) // *Е.Р. Дашкова в кругу современников : Исторические личности и эпоха.* М., 2013. С. 270—276.

**ТЕМАТИЧЕСКИЕ ЗАПИСИ НА ПОЛЯХ КНИГ
КОЛЛЕКЦИИ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ
В СОСТАВЕ ФОНДОВ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА**

Коллекция книг Военно-исторического музея в Москве (1918—1927), отложившаяся в фондах Пушкинского Заповедника «Михайловское», полностью состоит из европейских изданий XVIII — начала XIX века, посвящённых военному делу. В Военно-исторический музей эти книги попали в 1918—1919 годах в ходе ликвидации царских полковых музеев, а также вывоза дворянских библиотек в учреждения Наркомпроса РСФСР. В процессе натурализации ликвидированных частных, общественных и государственных библиотек в составе советских учреждений из них были выделены иностранные книги по военному делу, значительная часть которых теперь находится в коллекции ВИМ Пушкинского Заповедника. Коллекция представляет собой представительное собрание военных трудов, характеризующих развитие военной науки в Европе в течение XVIII века, вплоть до окончания наполеоновской эпохи. Именно поэтому — даже если не учитывать другие её качества — эта коллекция представляет собой значительную ценность¹.

Книги в составе коллекции происходят из значительного числа дореволюционных библиотек. Значительную часть, около трети всего собрания, составляют военные книги из иностранной части библиотеки Д.В. Голицына в Вязёмах, присутствуют иностранные военные книги из библиотек Мусина-Пушкина, Гудовича, Лихачёва и других, а также Александровского военного училища, офицерской библиотеки Стрелкового батальона императорской фамилии, и так далее, всего более чем из 40 частных, общественных и государственных библиотек. По актам приёма-передачи в коллекции находятся 784 экземпляра изданий (без учёта конволютов), из которых на сегодняшний день изуче-

---

Настоящая работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 13-11-60005.

¹ Подробнее о коллекции ВИМ см.: *Жучков К.Б.* Коллекция иностранных военных книг из фондов Пушкинского Заповедника: к постановке гипотезы о происхождении // Михайловская пушкиниана. Вып. 58. 2013. С. 5—14; *Жучков К.Б.* Книжные коллекции Псковской области: библиотека Д.В. Голицына в книжном собрании Пушкинского Заповедника // Псков. 2014. № 40. С. 208—220.

но 731. Среди изученных книг обнаружено 53 экземпляра с содержательными владельческими записями. Некоторые книги коллекции уже были представлены в печати, среди них особенно выделяется экземпляр французского кавалерийского устава 1801 года издания¹, использованный Д.В. Голицыным для его переиздания на русском языке и содержащий несколько десятков его личных записей на специально вpletённых в него чистых листах². В данном сборнике публикуется и материал о содержательных записях в другой книге коллекции из библиотеки Александровского военного училища³.

Ещё одно издание особняком стоит в коллекции именно ввиду обилия в нём владельческих записей и нуждается в отдельном описании, поскольку представляет собой пример двуязычного читательского вмешательства в текст. Речь идёт о двуязычном издании Юнкера «Свободные мысли о различных частях военного искусства»⁴. В нём, помимо вступления на французском языке, предисловия и собственно военно-теоретического текста на немецком языке, находится немецко-

¹ Instruction concernant l'exercice et les Manœuvres des Troupes a cheval, rédigée sur les ordonnances actuellement en activité, et suivie de cent-cinquante-deux Planches. Nouvelle Édition. Paris: Magimel. Paris. An X – 1801. Инв. библи. № ПЗМ 8294.

² См.: *Жучков К.Б.* Смена общественной парадигмы: от прусского влияния к французскому (кавалерийское наставление Д.В. Голицына) // Михайловская пушкиниана. 2013. Вып. 58. С. 37—46; *Жучков К.Б.* Строевое обучение русской кавалерии накануне 1812 г. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. XI : Сборник материалов. К 200-летию Отечественной войны 1812 г. Труды ГИМ. Вып. 195. М. 2013. С. 251—261; *Жучков К.Б.* Кавалерийское наставление Д.В. Голицына: неизвестный источник французского влияния в русской армии в нач. XIX в. // Власть, общество, армия: от Павла I к Александру I : сборник научных статей. СПб., 2013. С. 73—76; *Жучков К.Б.* Книга из библиотеки Г.И. Черткова в составе фондов Пушкинского Заповедника «Михайловское» // Чертковские чтения : материалы второй научной конференции 26—27 сентября 2012 г. Гос. публ. инст. б-ка России. М., 2013. С. 248—257.

³ Der Feldzug in Ungarn und Siebenbürgen im Sommer des Jahres 1849. Pescht. Landerer u. Heckenaft. 1850. ПЗ-КП-7993/ПК-ИН-83. Инв. библи. № ПЗМ 8483. См. с. 285—293 наст. изд.

⁴ Freie Gedanken über einige theile Der Kriegskunst; C'est-à-dire: Pénées libres sur différentes Parties De L'Art de la Guerre. Nouvelle Édition, faite d'après celle de Francfort; revue & enrichie d'un vocabulaire Allemand-François. Pour l'usage de l'Ecole Royale Militaire. Par M. Junker, docteur en Philosophie, Professor de la Langue Allemande à l'Ecole Royale Militaire, Membre ordinaire de l'Academie Royale-Allemande de Goettingen. Paris: Mustier fils. M. DCC. LXIV. Инв. библи. № ПЗМ 8361.

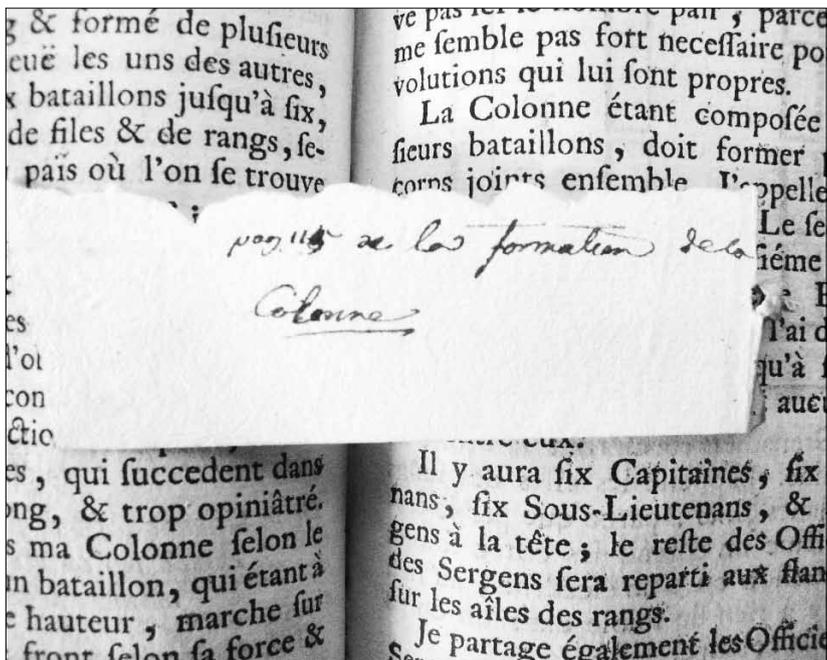
французский словарь по военному делу¹. Владелец экземпляра, кроме записей, внесённых на поля текста, существенно дополнил словарь, причём сделал это по правилам самого автора, вписав согласно латинскому алфавиту немецкие военные термины и дав им соответствующий французский перевод. Количество таких записей исчисляется несколькими сотнями, и сделаны они на всех практически без исключения страницах словаря, иногда по нескольку десятков записей на один разворот. В оставшихся 50 экземплярах коллекции находятся 398 содержательных владельческих записей, а также 419 пометок и подчёркиваний.

Количество записей и пометок в книгах коллекции свидетельствует об интенсивной работе с ними. Владельцы библиотек не просто внимательно читали приобретённые ими книги, а по-настоящему их изучали. Это говорит о том, что русский читатель не только пристально следил за развитием военного дела в Европе, но в большинстве случаев имел своё собственное мнение, базирующееся на личном опыте участия в войнах. Поскольку большинство владельческих записей в коллекции представляют собой реакцию на одну военную тему, можно эти записи рассматривать как тематические, то есть в целом посвящённые одной, главной теме развития военной науки в XVIII — начале XIX века. Речь идёт о реформировании линейной тактики и введении в военный обиход колонн.

В течение всего XVIII века на полях сражений Европы господствовала так называемая линейная тактика. Начиная с войны за Испанское наследство (1701—1714) войска на поле боя выстраивались в длинные тонкие шеренги, позволявшие наиболее массово применять стрелковое оружие и создавать наибольшую плотность стрелкового огня по фронту. Сражения состояли из перестрелки двух противостоящих длинных линий противников, подходивших друг к другу на расстояние ружейного выстрела. Однако такой способ воевать имел ряд существенных недостатков, которые внутри него было невозможно исправить. Длинные тонкие линии, откуда и пошло само название такого способа — линейная тактика, упиравшиеся своими окончаниями (флангами) в какие-нибудь естественные преграды, как то: кустарник или лес, берег реки, жилые дома или крепостная стена населённого пункта, — не могли передвигаться по открытой местности и уж тем

---

¹ Freie Gedanken... P. III—V; I—XV (второй пагинации); 18—298 (второй пагинации); 299—428.

Закладка в книге Ж.-Ш. Фолара «Новые открытия о войне»

более по пересечённой. Они были подвержены воздействию ружейного и артиллерийского огня противника и, что самое плохое, были неустойчивы к переменам, происходившим в течение боя. Собственно, таким же образом применялась и кавалерия, которая находилась в боевых порядках в шеренгах и также вела только стрелковый бой. Ни одна часть не могла самостоятельно производить эволюции. Передвигаться целая армия по полю могла только вся вместе. Длинная тонкая шеренга тысяч, а иногда и десятков тысяч людей, растянутых на несколько километров, двигалась вперёд или назад только вместе, синхронно, по одной команде, чтобы ни в коем случае не смешать порядки. Любое смешение строя предзнаменовало поражение. Солдаты должны были годами тренировать различные передвижения, необходимые в бою, чтобы на поле сражения действовать в идеальном порядке. В неграмотных крестьян, поступавших в солдаты, по всей Европе годами буквально вколачивались умения и навыки правильного строя и пе-

рестроений. Отсюда, кстати, и жестокая палочная дисциплина во всех европейских армиях, чему притчей во языцех стала прусская армия Фридриха II, знаменитая благодаря своей идеальной выучке. Именно эта армия в середине XVIII века стала образцом для подражания для всех европейских армий, в том числе и для русской.

Уже с момента появления этой тактики началось исследование возможностей её улучшения. Целью его стало придание войскам на поле боя устойчивости, способности передвигаться по необходимости без угрозы потери строя, возможности быстро двигаться вперёд (атаковать) на пересечённой местности. Одним из первых теоретиков, начавших работу над реформированием линейной тактики, был известный французский военный писатель генерал Ж.-Ш. Фолар (Folard, 1669—1752), издавший в 1724 году «Новые открытия о войне», а в 1727—1730 годах «Комментарий к Полибию». Фактически Фолар первым не только высказал, но и существенно развил идею уравнивания линейного порядка, который, по его мысли, должен был быть усилен более плотными пехотными построениями. Эти-то более плотные построения, в которых солдаты строились не в две-три шеренги, а так, что количество шеренг фактически равнялось числу рядов, стали называться колоннами¹. В коллекции ВИМ присутствует экземпляр второго издания «Новых открытий о войне» шевалье Фолара 1753 года, происходящий из библиотеки Д.В. Голицына². В этом экземпляре рукой, вероятно, самого

---

¹ Такие колонны в наполеоновскую эпоху стали называться «колоннами к атаке» или «сплочёнными колоннами», «густыми колоннами». Их нельзя путать с походными и штурмовыми колоннами, которые действительно были колоннами, то есть длинными вытянутыми построениями для передвижения. Пехотные колонны, о которых идёт речь, представляли собой скорее прямоугольники, вытянутые по фронту, и, собственно, на колонны похожи не были. Так, например, батальон, построенный в так называемую густую взводную колонну, имел в шеренге 20—25 рядов, а в глубину — столько же шеренг и скорее был похож на кирпич, положенный длинной стороной к фронту. Скорость ординарного шага такой колонны,двигающейся на противника, составляла 76—77 шагов в минуту. Средняя длина шага составляла 66 см. Такая скорость движения колонны почти вдвое меньше движения парадных расчётов на Красной площади, скорость которых составляет 120 шагов в минуту.

² *Nouvelles Découvertes sur la Guerre, dans une dissertation sur Polybe. Ouvrage utile & nécessaire à tous les Généraux, Commandans & Officiers d'Armées.* Par le Sr. de Folard, Chevalier de l'Ordre Militaire de S. Louis & Mestre de Camp d'Infanterie. Seconde Édition. Revue par l'Auteur. Brusselle; Paris: F. Foppens; N. Tilliard. M. DCC. LIII. Инв. библ. № ПЗМ 8480.

220 ESSAI GÉNÉRAL

les autres divisions ou pelotons
colonne feront à gauche successiv
pour en occuper la partie gauche.

Dans le cas où ladite colonne po
déboucher en entier hors du défilé
en sortiroit, se rassembleroit par
fions, & à distances ferrées, puis e
teroit son déploiement relativement
circonstances du terrain & à la po
qu'elle voudroit prendre.

S'il s'agissoit enfin de passer un po
un défilé devant lequel on se trouver

Запись в книге Ж.-А.-И. Гибера «Общий очерк тактики»

Д.В. Голицына сделаны одна запись на французском языке и несколько карандашных пометок¹. Однако наиболее показательным является наличие в книге между страницами 114 и 115 закладки из обрывка белой писчей бумаги, на которой также, вероятно, самим Д.В. Голицыным на французском языке сделана запись: «стр. 115 о формировании Колонны»². Итак, в коллекции есть экземпляр первого появившегося в Европе труда о колоннах, свидетельствующий об интересе русского читателя к этой теме.

Одним из самых ярких противников теории колонн шевалье Фолара стал другой французский писатель — генерал Ж.-А.-И. Гибер (Guibert, 1743—1790), который в 1772 году издал «Общий очерк тактики», а в 1779-м — «Защиту системы современной войны, или Полное опровержение системы Г. М... [ениль]-Д... [юрана]». Оба эти издания, вернее их первые тома, также имеются в коллекции, также происходят из библиотеки Д.В. Голицына и несут на своих страницах многочисленные запи-

¹ Nouvelles Découvertes sur la Guerre... P. 47, 49, 165.

² В оригинале: «pag. 115 de la formation de la Colonne».

си¹. В первой книге это владельческие записи, сделанные на французском языке карандашом, а также несколько карандашных пометок². По экземпляру «Очерка» можно судить, что автор записей не был согласен с автором книги, о чём свидетельствует, например, его заметка «Это не обязательно» напротив следующего пассажа Гибера: «В случае, когда [ранее] упомянутая колонна захочет выйти из теснины, она, выходя, выстроится дивизионами³ на коротких дистанциях, сможет выполнить своё развёртывание соответственно условиям местности и той позиции, которую она хочет занять»⁴.

Приверженцем шевалье Фолара и противником Гибера выступил уже упомянутый выше известный французский военный теоретик, генерал Ф.-Ж. Мениль-Дюран (Mesnil-Durand, 1729—1799). В 1774 году он выпустил в свет книгу «Элементы тактики», в которой настаивал на превосходстве колонн на поле боя, в противовес линейной тактике. К сожалению, самой его книги в нашей коллекции нет, однако в ней находится множество трудов, в которых взгляды Мениль-Дюрана более или менее подробно изложены другими авторами. Дело в том, что спор между Гибером и Мениль-Дюраном приобрёл во Франции старого режима общественно-политический характер, приняв форму соперничества национального и прусского начал в военном строительстве, в результате чего в него оказались вовлечены не только военные, но и самые широкие круги французской общественности, очень далёкие от войны. Дело доходило до дуэлей между сторонниками разных систем, и даже дамы в парижских и провинциальных светских салонах имели каждая свою точку зрения на этот военный спор. Соответственно, взгляды Мениль-

---

¹ Essai général de Tactique, précède d'un discours sur l'état actuel de la Politique & de la Science Militaire en Europe; avec le plan d'un ouvrage intitulé: La France politique et militaire. Tome premier. Londres: Libraries Associés. M. DCC. LXXII. Инв. библи. № ПЗМ 8692; Défense du système de guerre moderne, Ou Réfutation complete du Système de M. de M... D... Par l'Auteur de l'Essai général de Tactique. Tome Premier. Neuchatel: S/i. M. DCC. LXXIX. Инв. библи. № ПЗМ 8680.

² Essai général de Tactique... P. LXVI, 158, 174, 220, 216, 259; VIII, XCIII, 258.

³ То есть вздвоенными взводами. В армиях XVIII века взвод — административно-хозяйственное подразделение воинской части; дивизион, представляющий собой два примкнутых флангами друг к другу взвода, является строевым, то есть тактическим подразделением.

⁴ Essai général de Tactique... P. 220. В оригинале: «Dans le cas où la dite colonne pourroit déboucher en entier hors du défilé, elle en sortiroit, se rassembleroit par divisions, & à distances serrées, puis exécuteroit son déploiement relativement aux circonstances du terrain & à la position qu'elle voudroit prendre».

Дюрана и Гибера рассматривались во множестве военных трудов различных авторов вплоть до начала XIX века, когда, собственно, тактика колонн уже господствовала на полях наполеоновских войн.

Например, коллизии теоретических споров по поводу способов кровопролития на поле боя рассматриваются в статье Главного военного бюро Французской Республики «Записка о главнейших древних и современных историках, рассматриваемых с военной точки зрения», вышедшей в 1802 году¹. Одним из важнейших вопросов в статье стало рассмотрение системы колонн, предлагаемой Мениль-Дюраном². Книга находится в составе коллекции ВИМ из состава библиотеки Д.В. Голицына в Вязёмах.

Русский читатель иностранных военных трудов, как правило французских, не только пристально следил за перипетиями иностранной военной мысли, но и активно пытался примерить на себя иностранный опыт и помимо теоретических выкладок занимался изучением и технической стороны тактики колонн. Так, в коллекции ВИМ находится книга Ж. Нуайя «Применение математики в военном деле», вышедшая в 1771 году, в самый разгар теоретических споров³. В описании одной из проблем автор ставит задачу, в которой необходимо рассчитать ширину фронта кавалерийского корпуса, развёрнутого из походных эскадронных и дивизионных колонн. Автор владельческой записи на полях на французском языке производит следующие подсчёты, основанием которых служат его собственные исходные данные, и подводит итог: «Если колонна образована полуэскадронами⁴, при этом число людей во фронте одного эскадрона равняется a , дистанция между эскадронами равняется b , число эскадронов равняется c , величина интервалов равняется $c-1$, то формула длины колонны будет $ac+(c-1)b-a/2$. Если $b=a/2$, то форму-

¹ Notice sur les principaux Historien anciens et modernes, considérés militairement // Mémorial topographique et militaire, redigé au dépôt général de la guerre... № 2. Historique. IVe. Trimestre de l'an X. Paris: Imprimerie de la République. Brumaire an XI. P. 42—122. № 7829 в Книге поступлений Пушкинского Заповедника. Инв. библи. № ПЗМ 8454.

² Notice sur les principaux Historien... P. 96—97.

³ Applications des mathématiques a la Tactique... Ouvrage utile aux jeunes officiers qui savent les élémens des Mathématiques, ou qui, en les apprenant, veulent s'occuper de l'art de la guerre, au lieu des problêmes de pure curiosité, qu'on a coutume de résoudre. Par M. Nouail, Maître de Mathématiques. Paris: L. Cellot. M. DCC. LXXI. Инв. библи. № ПЗМ 8879.

⁴ Полуэскадрон образовывался по фронту двумя взводами, то есть дивизионом.

une troupe de
 tous les esca- si la colonne est formée
 d'autant d'in- par demi escadrons
 d'escadrons sup. le nombre d'hom.
 qu'il y a dans le front d'un
 escadrons = a
 ontient autant la distance les
 escadrons = b
 un rang (61) le nomb. d'escadrons = c
 e des hommes la quantité d'intervalles = $c-1$
 la formule sera
 celui des esca- par avoir les longueurs
 de la colonne = $ac + (c-1)b - a/2$
 itié du même $ac + bc - b - \frac{a}{2}$
 Ici on sup. $b = \frac{a}{2}$
 ns moins un alors la formule sera
 tous aurez la $ac + \frac{ac}{2} - \frac{a}{2} - \frac{a}{2} =$
 $\frac{3ac}{2} - a$
 troupe entiere.
 le front d'un

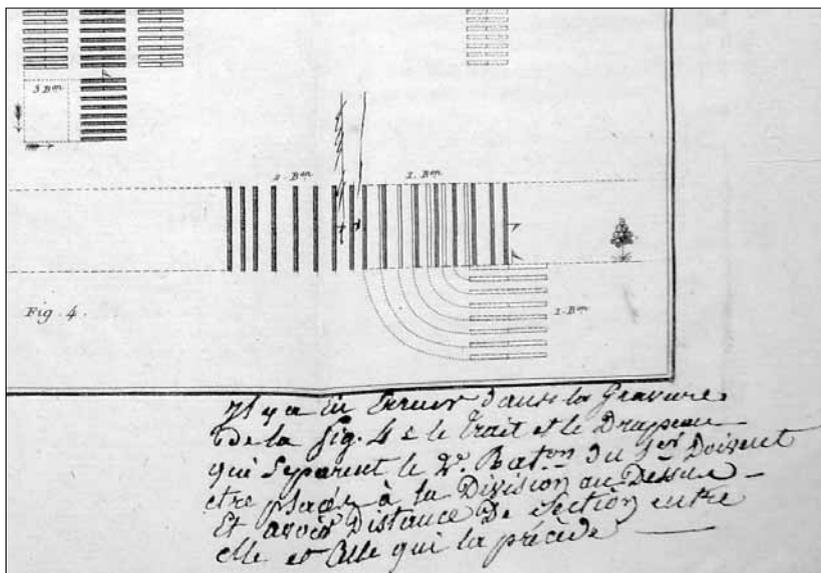
Запись в книге Ж. Нуайя
 «Применение математики в военном деле»
 цузским теоретиком новых тактических правил.

Искушённость русского читателя помогала ему не только следить за развитием иностранной военной мысли. Очень часто владельческие записи указывают на ошибки авторов, исправляют их. Это касается и трудов, детализировавших правила построения пехотных и кавалерийских колонн. В книге Г.-А.-Ж. Мёнье «Исследование пехотного порядка», изданной в 1805 году², внимательный читатель исправил ошибку автора книги в описании перестроения пехотных колонн двух батальонов. В экспликации к рисунку IV (Figure IV), «представляющему

ла будет $ac + ac/2 - a/2 - a/2$ или $3ac/2 - a$. Если a равно 48, b равно 12, c равно $a/2$, или 24, то длина колонны, образованной полужэскадронами, равняется $864 - 48$, или 816»¹. Иначе говоря, фронт кавалерийского корпуса, сформированного двенадцатью эскадронами, образованный полужэскадронами колоннами, будет составлять в ширину 816 человек. Опытный кавалерист, рассчитывавший по этой формуле длину колонн и фронта эскадронов, за цифрами видел реальных людей и хорошо представлял себе тонкости и превратности такого построения и перестроения и мог сделать правильные выводы из предлагаемых ему фран-

¹ Applications des mathématiques a la Tactique... P. 115. В оригинале: «Si la colonne est formée par demi escadrons sup. le nombre d'hom. qu'ils y a dans le front d'un escadrons = a la distance les escadrons = b le nomb. d'escadrons = c la quantité d'intervalles = $c-1$ la formule sera par avoir les longueurs de la colonne = $ac + (c-1)b - a/2 = ac + bc - b - a/2$. Ici on sup. $b = a/2$ selon la formule sera $ac + ac/2 - a/2 - a/2 = 3ac/2 - a$. Ici $a = 48$ $b = 12$ $c = a/2 = 24$ donc la long. de la colonne si elle formée par demi-escadrons = $864 - 48 = 816$ ».

² Dissertation sur l'ordonnance de l'infanterie, par le général de brigade H. Meunier. Paris: Magimel. An XIII – 1805. ПЗ-КП-7932. Инв. библи. № ПЗМ 8281.

Запись на рисунке в книге Г.-А.-Ж. Мёнье
«Исследование пехотного порядка»

линию двух батальонов, образованную колонной против кавалерии, параллельной боевому порядку»¹, читатель исправил нумерацию взводов, между которыми проходила граница батальонов². На следующей странице, уже на самом рисунке, вместе с исправлением ошибки читатель сделал запись, в чём, по его мнению, эта ошибка заключалась: «Есть ошибка в гравюре рисунка 4. Линия и Знамя, которые отделяют 2-й батальон от 1-го, должны быть показаны в следующем дивизионе. И иметь расстояние между ним (2-м батальоном) и следующим (1-м)»³. Очевидно, что русский читатель, исправлявший ошибку французского автора (скорее — гравёра), внимательно изучал теоретический военный труд и вполне адекватно воспринимал даже мелочи новой тактической системы.

¹ Ibid. P. 52. В оригинале: «Elle (figure) représente une ligne de deux bataillons formant la colonne contre cavalerie, parallèlement à la ligne de bataille».

² Ibid.

³ Ibid. P. 52, Pl. 10. В оригинале: «Il y a en Erreur dans la Gravure de la fig. 4 le Trait et le Drapeau qui separent le 2. Bat^{on} du 1er Doivent etre placés à la Division au Dessus — Et avoir Distance de Section entre elle et celle qui la précède».

Изучение владельческих записей коллекции ВИМ представляет собой увлекательное путешествие в мир военно-теоретических споров XVIII века и заочное участие в нём внимательных русских читателей. В настоящей заметке мы указали лишь на несколько примеров владельческих записей, посвящённых одной теме. В коллекции ВИМ Пушкинского Заповедника находится несколько десятков книг с такими записями, исследование которых может дать интересные сведения о влиянии французских военно-теоретических идей на российские военные круги и применение этих идей в военной практике русской армии. Такое исследование также лежит в области традиционного дискурса о влиянии французской культуры XVIII века на просвещённые слои российского общества. Как видно, такое влияние было всеобъемлющим и проникало во все сферы отечественной жизни. Исследование владельческих записей коллекции может быть продолжено как тематически (изучение записей по темам их содержания), так и систематически (рассмотрение всего спектра записей во всех изданиях коллекции, независимо от их содержания). И, наконец, изучение записей коллекции может быть предпринято с точки зрения принадлежности их определённым владельцам, оставившим след и в русской истории, и в русском bibliофильстве.

Константин Жучков

**«DER FELDZUG IN UNGARN UND SIEBENBÜRGEN
IM SOMMER DES JAHRES 1849»
В СОСТАВЕ ФОНДОВ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА
Книжный памятник или исторический источник?**

В составе коллекции Военно-исторического музея в фондах Пушкинского Заповедника находится немало ценных изданий, как обладающих редкими издательскими характеристиками, так и несущих на себе следы работы с ними их владельцев. Изучение книжного собрания Военно-исторического музея, часть которого отложилась в Пушкинском Заповеднике, позволяет прийти к выводу, что в составе коллекции часто присутствуют книги, знакомство с которыми не только освещает историю книжного собирательства в России, но и значительно расширяет наши представления о роли книги в историческом исследовании. Речь идёт о том, что сама книга является не просто носителем чужих знаний, но и оригинальным историческим источником.

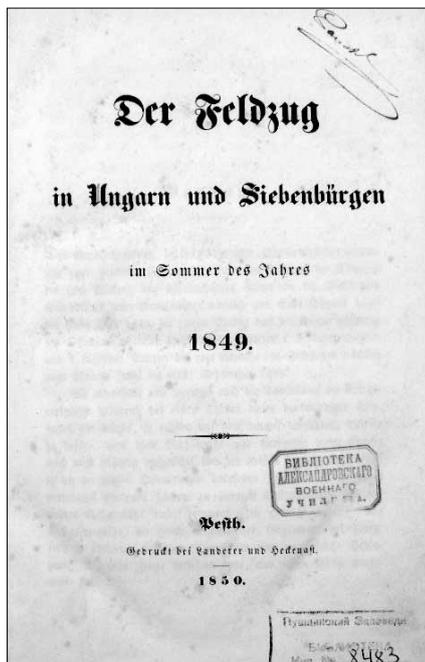
Одна из книг коллекции по указанной причине стоит особняком. Это «Поход в Венгрию и Трансильванию летом 1849 года», изданный в венгерском городе Пеште (ныне часть города Будапешт, столицы Венгерской Республики) на немецком языке в 1850 году¹. Сама тема, которой посвящена книга, современному российскому читателю, а иногда даже и специалисту, незнакома. Тем более интересно это издание, которое помимо своей оригинальности несёт на себе следы документальной работы с ним. Поэтому необходимо коротко обозначить исторический контекст, в котором находятся и сама книга, и её читательские вторжения.

Окончание наполеоновских войн в 1814 году ознаменовалось созданием Священного союза России, Пруссии и Австрии. Его целью стало предотвращение революционного движения в Европе, двадцатилетний период которого, сопровождаемый непрерывными войнами, крушением престолов, падением государств, народными бедствиями, Европа

Настоящая работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 13-11-60005.

¹ Der Feldzug in Ungarn und Siebenbürgen im Sommer des Jahres 1849. Pescht. Landerer u. Heckenaft. 1850. ПЗ-КП-7993/ПК-ИН-83. Инв. библи. № ПЗМ 8483.

Титульный лист книги

только что пережила. Задачей Священного союза стало противодействие непрерывно возникавшим на страх Европе революциям путём их военного подавления. Инициатором, душой и локомотивом союза стал российский император Александр I. Постепенно к союзу присоединились все европейские государства, однако из-за русско-австрийских противоречий на Балканах к концу 20-х годов XIX века он находился на грани развала, а французская и бельгийская революции 1830 года окончательно раскололи бывших союзников.

Царизм, который с 1825 года стал представлять император Николай I, считал идею противодействия европейским революциям своим долгом, сохраняя

приверженность духу союза и продолжая линию на дискредитацию либерального движения в Европе. Именно поэтому в это время в широких кругах европейской общественности Россию стали называть «жандармом Европы». Император Николай как во внутри-, так и во внешнеполитической деятельности опирался на идею здорового, как ему казалось, консерватизма. В принципе, Николай был не так уж и неправ, поскольку в 1848 году вспыхнули революции во Франции, Германии, Австрии. И именно к нему обратился австрийский император Франц-Иосиф I за помощью в подавлении революции в Венгрии, которая являлась коронной частью Австро-Венгерской империи.

Почти год австрийские войска не могли подавить венгерское восстание, с февраля 1849-го им стали помогать русские войска, находившиеся в тот момент в Дунайских княжествах. Однако вооружённые силы венгерского революционного правительства одерживали победы над австрийскими войсками. Наконец Николай, следуя просьбам Франца-

Иосифа, начал мобилизацию, и с июня 1849 года в Венгрию для подавления революции были введены русские войска. Именно событиям периода войны в Венгрии летом 1849 года и посвящена книга, о которой здесь идёт речь.

Книга издана анонимно, но автор её хорошо известен. Это австрийский полковник Вильгельм Рамминг фон Ридкирхен (Ramming von Riedkirchen, 1815—1876), впоследствии ставший фельдмаршалом австрийской империи (1867).

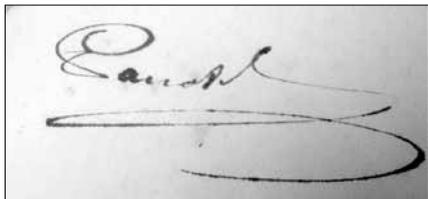
В. Рамминг фон Ридкирхен в 1849 году состоял начальником штаба австрийского корпуса (впоследствии Дунайской армии) фельдцейхмейстера Ю.Я. Гайнау и принимал

непосредственное участие в военных действиях по подавлению венгерской революции летом 1849 года, а весной 1850 года был награждён российским орденом святого Георгия 4-го класса.

Книга В. Рамминга фон Ридкирхена происходит из библиотеки Александровского военного училища, которое было ликвидировано в 1918 году; его библиотека тогда же поступила в хранилище царских полковых музеев, организованное в том же году в Москве, в палатах Волковых — Юсуповых по адресу: Трёхсвятительский переулок, дом 9. Оттуда она вместе с библиотекой Военно-исторического музея поступила в Государственный исторический музей, в главное здание на Красной площади, где с частью библиотеки ВИМ оказалась в Обменном фонде музея. Эта часть собрания ВИМ так и не была разобрана (то есть зарегистрирована и учтена) в ГИМ и впоследствии поступила в Пушкинский Заповедник, где сначала была поставлена на учёт в научной библиотеке, а затем перемещена в сектор редкой книги в составе фондов музея.

*В. Рамминг фон Ридкирхен. 1855.
Литография Й. Крихубера*

*Владельческая подпись
на титульном листе*

Соответственно, книга имеет учётные обозначения библиотеки Александровского училища, Военно-исторического музея, научной библиотеки и основного фонда Пушкинского Заповедника. Учётно-регистрационной маркировки Государственного исторического музея

книга не имеет, за исключением номера, проставленного простым карандашом на третьей странице переднего форзаца, появившегося, вероятно, при пересчёте книг при передаче их Пушкинскому Заповеднику. Кроме того, на титульном листе книги, в правом верхнем углу имеется неразборчивая владельческая подпись чернилами. Вероятнее всего, в библиотеку Александровского училища книга поступила в дар из какой-то частной библиотеки.

Книга имеет несколько владельческих записей и вклеек. На страницах 16—17, где публикуется расписание австрийской Дунайской армии фельдцейхмейстера Ю.Я. Гайнау в начале июня 1849 года, неизвестный читатель — вероятно, владелец книги до её поступления в библиотеку училища — напротив перечисления частей 9-й российской сборной пехотной дивизии, а именно 15-го пехотного полка, сделал неразборчивую запись, а на следующей странице, напротив 17-го егерского полка, написал «Gortschakow», а напротив 18-го егерского полка — «ex Orell»¹.

Далее, в третьем разделе книги, где приводится расписание российской Главной армии фельдмаршала И.С. Паскевича в середине июля 1849 года, той же рукой простым карандашом старательным почерком сделаны уточняющие записи. Напротив 6-й пехотной дивизии подписано «OderUngarn» и «2 Batt. Scharfschützen», а под итогами подсчётов численности II пехотного корпуса подписано «2. Batt. Sappeur». К егерской бригаде 8-й сборной пехотной дивизии приписано «3 Batt. Scharfschützen». Под итогами подсчётов численности III пехотного корпуса подписано «3. Batt. Sappeur», напротив 19-го и 20-го егерских полков егерской бригады 10-й пехотной дивизии приписано «bei G. Grottenhjelm», а напротив 21-го и 22-го пехотных полков 11-й пехотной дивизии поставлено «bei G. d. G. Sacken». Затем под 12-й пехотной

¹ Der Feldzug in Ungarn. (ПЗ-КП-7993/ПК-ИН-83. Инв. библи. № ПЗМ 8483). S. 16, 17.

Jäger-Brigade des G.M.
 er-Regiment von der Ukraine . . .
 " " Odessa . . .
4 Batt. Scharfschützen.
 ichte Kavallerie-Division. Ko
 von der Suite de
 Uhlanen-Brigade des G.M.
 ment von Woznessensf . . .

Запись в тексте на с. 168

дивизией подписано «4 Batt. Scharfschützen», а под итогами подсчётов численности IV-го пехотного корпуса поставлено «4. Batt. Sappeur»¹. Далее, напротив кавказского кавалерийского полка иррегулярной кавалерийской бригады в составе Главной армии стоит неразборчивая подпись из четырёх слов и двух сокращений, заканчивающаяся словом «Wierzilin»². И, наконец, автор записей при указании месторасположения главной квартиры корпуса генерала Ридигера 8 августа 1849 года зачёркивает в книге слова «in der Nähe von Grosswardein» и подписывает карандашом напротив «zü Berettys Ujfalu», исправляя, таким образом, ошибку в тексте³.

Самыми неожиданными владельческими включениями в книгу являются вклейки. В начале расписания Главной армии И.С. Паскевича между страницами вклеен листок бумаги, напоминающий кальку. На нём сделана запись чернилами тем же аккуратным почерком⁴. Запись со-

¹ Der Feldzug in Ungarn. S. 165, 166, 167, 168.

² Ibid. S. 169. Скорее всего, подпись означает: «Под командой генерала Верзилина».

³ Ibid. S. 412.

⁴ Ibid. S. 164/165.

— In der Weser-Zeitung hebt der Kritiker einer Schrift von Theophil Lapinski: „Feldzug der ungarischen Hauptarmee im Jahre 1849“, unter dem noch nicht bekannten Mittheilungen eine hervor, die geeignet ist ein er, vor dem 13. Aug. mit den Russen unterhandelte, ist bekannt, es wurde indes allgemein angenommen, daß er diese Unterhandlungen bis zum Schlusse ganz geheim gehalten habe. Daß Dies nicht geschehen, beweist ein von Lapinski mitgetheilter Armeebefehl Görgey's, den er bereits in den ersten Tagen seines Marsches nach der Theiß, am 20. Jul. in Rima Szombat erlies und worin er seiner Armee die russischerseits gemachten Capitulationsbedingungen vorlegte. Dieser Armeebefehl lautet:

Der Commandant der russischen Avantgarde, General Chruslew, fodert im Auftrage des Feldmarschalls Fürsten Paskewitsch die ungarische Armee zur Niederlegung der Waffen auf und stellt folgende Bedingungen: 1) Freier Abzug der Mannschaft vom Feldweibel abwärts; dieselbe kann entweder in österrichische Dienste treten oder ungestört in ihrer Heimat bleiben und bleibt vor jedem Zwange zum Militärdienst gesichert. 2) Die Offiziere können entweder in ihrer Charge in die Dienste Sr. Maj. des Zar's treten oder, wenn sie dieses nicht wünschen, ungestört mit Waffen und Eigenthum in ihre Heimat zurückkehren. 3) Wird Sr. Maj. der Zar beim Kaiser von Oesterreich Fürsprache für das Land einlegen und das Beste für dessen Wohl thun. Da ich seit meiner Absetzung vom Obercommando keine befehlende Stimme habe, sondern mich nur als Repräsentant der Mehrheit betrachte, so überlasse ich die Annahme oder Nichtannahme der Capitulation dem Entschlusse der Armee; im letztern Falle haben die eingestellten Feindseligkeiten allsogleich zu beginnen. Rima Szombat, 27. Jul. 1849. Arthur Görgey, General.

Die Armee lehnte den Vorschlag ab, Görgey erwiderte nichts darauf und setzte seine Unterhandlungen mit General Rüdiger, der ihn mit Schmeicheleien überhäufte und ihm ein paar kostbar gearbeitete Pistolen schenkte, fort; als Unterhändler dienten der Chef des Generalstabs Oberst Bayer (nicht zu verwechseln mit Rupertus Bayer) und Armin Görgey, ein Bruder Arthur's. Lapinski behauptet, Görgey habe sich sehr gut mit der Dembinski'schen Armee im Süden vereinigen können, wenn er gewollt hätte, er sei aber gerade wegen der Unterhandlungen mit Rüdiger und Paskewitsch langsam vorgeückt.

Вклейка вырезки из газеты между с. 392 и 393

стоит из двух разделов, в которых 16 и 12 строк соответственно. Первый озаглавлен «Hauptquartier» и является списком офицеров Главной квартиры Главной армии, в котором напротив должностей указаны фамилии занимавших эти должности генералов и офицеров, всего 15 должностей и 16 фамилий. Второй озаглавлен «Zum Disposition», в нём означены

жит приказ австрийского императора о награждениях австрийскими орденами и крестами этих орденов генералов и офицеров российской армии — за проведённую кампанию в Венгрии и Трансильвании. Третьей является вклейка заметки из неустановленной немецкоязычной газеты под названием «Personal-Nachrichten», где также перечисляются чиновники и офицеры с указанием наград¹. На оборотной стороне вырезки находится коммерческая реклама. Вырезка вклеена за предыдущей и находится между «Weiner Zeitung» и страницей с указанием печаток в тексте.

Знакомство с владельческими записями и вклейками в книгу позволяет предположить, что её владелец был участником похода в Венгрию и служил, вероятнее всего, в Главной квартире И.С. Паскевича. Такое предположение следует из того, что автор записей скрупулёзно перечислил во вклейке состав Главной квартиры с указанием должностей и фамилий чиновников, общим счётом 38 человек. Кроме того, уточняющие сведения в составе армии им внесены во все её корпуса, что мог знать только человек, находившийся как бы «сверху» них, а не служивший в каком-либо одном из корпусов. Помимо этого, косвенным свидетельством службы автора записей в штабе является наличие вклейки с наградами.

Существует небольшая вероятность того, что в Александровское училище книга попала до внесения в неё записей и вклеек, однако против этого, помимо вольного обращения с книгой автора заметок, свидетельствует владельческая подпись на титульном листе книги. По нашему мнению, книга первоначально находилась в частном владении, где получила записи и вклейки, и только потом оказалась в библиотеке военно-учебного заведения.

Комплекс дополнительных и уточняющих сведений, приведённых в записях и вклейках в этой книге, делает её оригинальным историческим источником. Сведения, вписанные от руки на страницах книги и во вклейке, представляют собой свидетельства участника описываемых в книге событий и являются, таким образом, оригинальным историческим источником, данные которого первичны при изучении описываемых событий. Сам данный экземпляр издания поэтому является не просто книжным памятником или редкой книгой (в нормативном понимании обоих терминов), но и документальным источником по истории войны в Венгрии в 1849 году.

---

¹ Ibid.

КНИГИ БИБЛИОТЕКИ КНЯЗЕЙ БАРЯТИНСКИХ В СОСТАВЕ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

В настоящее время в составе музейной научной библиотеки находятся издания на французском, немецком, английском языках XVIII—XIX веков, представляющие особый интерес как редкие издания. Зачастую такие книги не содержат на своих страницах никакой информации о бывших владельцах, но есть среди них издания, которые могут поведать много интересного.

Личная библиотека — уникальная историко-культурная информация о личной и творческой биографии владельца и его отношении к разным аспектам культурной и общественной жизни, она — памятник эпохи, в период которой сформировалась¹. Несомненно, значимость такой библиотеки возрастает, если её владелец оставил большой след в истории, культуре, науке. Основным средством, определяющим принадлежность книги к той или иной коллекции, является книжный знак или владельческая запись.

Среди изданий, хранящихся в библиотеке Пушкинского Заповедника, было выделено 17 групп книг, бывших ранее в составе усадебных библиотек, библиотек учреждений. На страницах книг сохранились экслибрисы, владельческие штампы, пометы. Среди таких изданий можно выделить экземпляры из библиотек Дмитрия Владимировича Голицына, Алексея Ивановича Мусина-Пушкина, библиотеки Александровского военного училища.

Книги «с биографией», пришедшие из владельческих собраний, имеющие экслибрис, автограф известного человека, несомненно, являются украшением любой библиотеки. Таким украшением для нас стали книги из библиотеки князей Барятинских. Это шесть изданий XVIII—XIX веков на французском и английских языках.

Два издания находятся в отделе редкой книги в составе музейных фондов:

- *Prince de Joinville. Études sur la marine. Paris, 1859.* В составном коленкоровом переплёте, на корешке фиолетовый топографический ярлык с номером 32.

¹ См.: Экслибрисы и штемпели на книгах Научной библиотеки РГГУ. М., 2010. С. 17.

• *Foulerton R. A letter to the lords of the admiralty on the ship manoeuver.* London, 1846. В составном переплётё, на корешке фиолетовый топографический ярлык с номером 58.

Ещё четыре издания входят в состав музейной научной библиотеки:

• *Année militaire et matières.* 1890. В составном коленкорovém переплётё, на корешке фиолетовый топографический ярлык с номером 65.

• *Metz campagne et négociations.* Paris, 1872. В составном полужоаном переплётё.

• *Instruction générale du 18 février 1895 sur les manoeuvres.* Paris, 1895. В издательской обложке.

• *Nouvel essai sur les grands evenemens par les petites causes, tire de l'histoire.* Amsterdam, 1759. В жоаном тёмно-коричневом переплётё. Издание украшено изящным золотым тиснением на корешке и по периметру обеих крышек. Корешок содержит белый топографический ярлык с номером 35.

Объединяющим для данных книг является наличие в них записи о принадлежности Военно-историческому музею (Москва), которая сопровождается регистрационным номером ВИИМ, штампа Книжного фонда Московского библиотечного отдела с нумерацией и отметкой чернилами «Библиотека Барятинского», а также штампа библиотеки Пушкинского Заповедника с инвентарным номером. Различия в датировке изданий, в оформлении переплётёв, наличие издательской обложки на одной из книг позволяют предположить, что книги принадлежали нескольким поколениям семьи Барятинских, благодаря которым происходило формирование библиотеки. Наличие разных по цвету и схожих по оформлению топографических ярлыков на корешках переплётё, имеющих на четырёх книгах из библиотеки Барятинского, также позволяют предположить, что они принадлежали разным представителям этой семьи, но находились в одной библиотеке.

Информацию об одном из владельцев содержат книги:

• *Prince de Joinville. Études sur la marine.* Paris, 1859.

• *Foulerton R. A letter to the lords of the admiralty on the ship manoeuver* London, 1846.

• *Nouvel essai sur les grands evenemens par les petites causes, tire de l'histoire.* Amsterdam, 1759.

Особенность данных изданий — наличие на форзацах экслибриса князя Виктора Ивановича Барятинского. Экслибрис (вторая половина XIX века) содержит герб князей Барятинских, который был внесён в

Первую часть «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи». «В щите, разделённом на две части, изображены: в левой в голубом поле Ангел, держащий в правой руке обнажённый серебряный меч, а в левой золотой щит. В правой части чёрный Орёл в золотой на главе Короне с распростёртыми крылами, имеющий в лапе позлащённый Крест. Щит покрыт мантией и шапкою, принадлежащими Княжескому достоинству». На экслибрисе чёрно-белое изображение герба.

Щит герба представляет соединение гербов Киевского и Черниговского, показывающее, что князья Бярятинские произошли от князей Черниговских, а те, в свою очередь, от Киевских¹. Над гербом, увенчанным княжеской короной, два щитодержателя — коронованные львы, стоящие на кронштейне, с которых свисает лента с девизом: «съ Богомъ и съ честью». Ниже надпись: «Князь Викторъ Бярятинскій»².

Одним из основателей рода Бярятинских был князь Иван Иванович Бярятинскій, родившийся в 1772 году. Потомок черниговской династии Рюриковичей, происходящей от князя Александра Александровича Мезецкого, он принадлежал к верхушке русского общества. Известный в своё время англоман и агроном, крупный землевладелец. С 1808 года И.И. Бярятинскій — чрезвычайный посланник в Мюнхене, а затем полномочный министр. В 1812 году он оставил службу и поселился в своём курском имении — селе Ивановском, центре обширных его владений, где устроил великолепный дворец, названный в честь жены — Марьино³.

Документы фамильного архива характеризуют И.И. Бярятинского как европейски образованного человека, любителя наук, искусств и литературы, талантливому музыканту, учёному-агроному⁴. Из этих же документов мы узнаём, что редкие картины, скульптуры, мебель, фарфор, рукописи, книги князь приобретал в Англии, Франции, Германии, Италии, отправлял их морем в Одессу, а оттуда в Ивановское, в Марьинский дворец⁵.

Усадьба князей Бярятинских Марьино славилась не только великолепным художественным собранием, лучшим в губернии театром, — здесь находилась одна из ценнейших библиотек России. Собрание редких книг и рукописей было страстным увлечением Ивана Ивановича.

---

¹ Экслибрисы и штемпели на книгах Научной библиотеки РГГУ. С. 48.

² Богомолов С.И. Российский книжный знак. 1700—1918. М., 2010. С. 72.

³ Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.

⁴ См.: Фёдоров С. Марьино Бярятинских // Наше наследие. 1988. № 5. С. 140.

⁵ Там же. С. 146.

По всей видимости, именно Иван Иванович и был основателем библиотеки князей Барятинских. Возможно, к его собранию изначально принадлежала книга «Nouvel essai sur les grands evenemens par les petites causes, tire de l'histoire», находящаяся сейчас в музейной библиотеке.

В 1815 году у И.И. Барятинского родился старший сын Александр, будущий главнокомандующий Кавказской армией, генерал-фельдмаршал, наместник Кавказа. Он унаследовал увлечение своего отца. Будучи страстным библиофилом, князь Александр Иванович Барятинский за свою жизнь собрал прекрасную библиотеку, контуры которой прослеживаются в Государственной публичной исторической библиотеке¹. Большое значение для развития библиофильства Александра Ивановича имела его дружба с графом И.М. Виельгорским, который, соревнуясь с Барятинским, собрал 12 тысяч томов, в основном по истории России. Их идеей было основать музей, который они назвали «Русский сборник». Друзья договорились, что в случае смерти одного из них библиотека будет завещана другому. Иосиф Виельгорский умер в 1839 году, и его собрание стало крупнейшим вкладом в тогда ещё не очень значительную библиотеку молодого, 24-летнего князя Александра Ивановича Барятинского. Позднее, в 1841 году, его библиотека пополнилась собранием книг по востоковедению, лингвистике, которые были завещаны Александру Ивановичу русским учёным-ориенталистом Иваном Александровичем Гульяновым. В 1860 году князь приобрёл у известного археографа Павла Михайловича Строева большую часть его библиотеки, и книжное собрание обогатилось прекрасными исследованиями по русской истории и древнерусской литературе, русскому праву. В 1873 году князь Барятинский покупает коллекцию книг по этнографии, фольклору, славистике, принадлежавшую собирателю русских песен Александру Фёдоровичу Гильфердингу. Особенно примечателен рост библиотеки Барятинского в 1874 году. Тогда он приобрёл библиотеку, вмещавшую в себя 25 тысяч книг по разным отраслям науки, а также значительную коллекцию эстампов, принадлежащих политэмигранту Виктору Ивановичу Касаткину — библиографу и книговеду²...

Эти и другие собиратели книг, чьи коллекции влились в библиотеку Барятинского, были специалистами в разных областях знаний. Уже сам перечень собирателей, по мнению И.Н. Розанова, гарантирует высокока-

---

¹ Режим доступа: <http://www.peoples.ru/military/commander/baryatinsky/history.html>.

² См.: *Фёдоров С. Марьяно Барятинских // Наше наследие. 1988. № 5. С. 146.*

чественный научный подбор книг в библиотеке Александра Ивановича. К сожалению, библиотекарь коллекционера, имя которого не удалось установить, не сохранил описаний ни одной из библиотек, но известно, что корешки книг были снабжены разноцветными наклейками с печатным порядковым номером, которому соответствовал номер в каталоге¹.

Важно отметить, что Александр Иванович был знаком с Александром Сергеевичем Пушкиным. Известно, что в середине 1830-х годов А.С. Пушкин вместе с С.А. Соболевским оказал содействие Бяратинскому в улаживании материальных дел, а 22 декабря 1836 года он вместе с А.И. Тургеневым был на балу у Марии Фёдоровны — жены И.И. Бяратинского. Возможно, поэт был знаком с собранием книг Ивана Ивановича и Александра Ивановича Бяратинских².

В 1850 году А.И. Бяратинский отказался от своих наследственных прав в пользу брата, генерал-адъютанта и обер-штальмейстера двора князя Владимира Ивановича (1817—1875), а богатейшая библиотека, согласно его воле, была завещана его младшему брату Виктору Ивановичу (1823—1904), владельцу села Нижние Деревеньки Курской губернии³.

Князь Виктор Иванович Бяратинский родился в 1823 году в селе Ивановское Льговского уезда Курской губернии. Капитан 1-го ранга, участник обороны Севастополя, командир брига «Эней», флаг-офицер В.А. Корнилова и П.С. Нахимова, автор воспоминаний о Синопском бое и Крымской кампании.

В своих имениях Груновка (имение жены Марии Аполлинариевны, урождённой Бутенёвой) и Ивановское он собрал значительную библиотеку по истории русской армии, её вооружения и униформы — всего около 25 тысяч томов. В дополнение к своему собранию он унаследовал библиотеку своего брата Александра — 42 тысяч томов. Исполняя волю Александра Ивановича, который неоднократно выражал желание, чтобы его библиотека принесла пользу учёному миру, в 1882 году Виктор Иванович передаёт собрание книг в Исторический музей сроком на 25 лет, а окончательная его передача состоялась в 1887 году. Небольшая часть библиотеки Виельгорского, которая входила в состав библиотеки Александра Ивановича, была передана в Румянцевский музей во временное пользование. Срок истёк в 1917 году, и собрание

---

¹ Режим доступа: <http://www.peoples.ru/military/commander/baryatinsky/history.html>.

² См.: *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. Л., 1989. С. 28.

³ Режим доступа: http://marga-fund.narod.ru/SM_R/MARINO/MarKn_R.html.

А.И. Барятинского осталось в Историческом музее, а затем вошло в фонды Государственной публичной исторической библиотеки¹. Однако в Марьино оставалось ещё много ценных изданий.

Виктор Иванович умер в Риме в 1914 году, а в 1918-м фамильный архив князей Барятинских и библиотека в 10 тысяч томов были переданы в Румянцевский музей в Москве. Несколько книг из библиотеки князя В.И. Барятинского поступили также в библиотеку Воронежского университета и Московского историко-архивного института². Сохранность и вывоз книжных, исторических, художественных сокровищ из Марьино в Москву в августе 1918 года — пример революционной сознательности крестьян, героизма и самоотверженности сотрудников Наркомпроса.

Уже в конце 1917 года крестьяне села Ивановского взяли дворец Марьино под свою охрану. Тем самым они выполнили Декрет о земле, принятый на II Всероссийском съезде Советов 26 октября 1917 года, который передавал в руки народа огромные культурные ценности, собранные в помещичьих усадьбах. Эвакуация наиболее ценных произведений изобразительного и прикладного искусства, библиотеки и фамильного архива была единственной возможностью всё это спасти.

17 июля 1918 года коллегия Наркомпроса приняла решение направить в имение Марьино специальных эмиссаров Николая Петровича Киселёва — сотрудника Румянцевского музея, учёного, книговеда, и Вадима Игоревича Раевского — сотрудника Музейного отдела Наркомпроса — «для осмотра и вывоза произведений искусства, предметов старины, библиотеки и архива»³. Осмотром и отбором книг богатейшей библиотеки занимался Киселёв. Он отобрал редкие английские, немецкие, французские издания, дневник сподвижника Петра I Патрика Гордона, сотни книг на экономические, строительные и сельскохозяйственные темы, которые принадлежали, скорее всего, И.И. Барятинскому. Многие книги по военным вопросам были с пометками А.И. Барятинского. Ему же принадлежали издания по истории русской армии и войн, роскошные фолианты, присланные в Марьино русскими императорами⁴. Книги А.И. Барятинского были отмечены книжным знаком овальной формы, с гербом и латинской надписью: «В

---

¹ Режим доступа: <http://www.peoples.ru/military/commander/baryatinsky/history.html>.

² См.: Экслибрисы и штемпели на книгах Научной библиотеки РГГУ. С. 48.

³ См.: *Фёдоров С.* Марьино Барятинских // Наше наследие. 1988. № 5. С. 148.

⁴ Режим доступа: <http://www.rmuseum.ru/data/authors/b/baryatinskiye.php>.

Боге лишь моя надежда». (Подобные отметки встречаются почти на каждой из 18 тысяч книг из Марьино, ныне хранящихся в Российской государственной библиотеке, Библиотеке иностранной литературы и в ряде других книжных собраний страны.)

Библиотека, художественное собрание, архив были национализированы и перевезены в Москву в августе 1918 года. Так ценнейшая коллекция поступила в Музейный фонд, а затем была перераспределена. Согласно источникам библиотека князей Барятинских поступила в Румянцевский музей. Однако на интересующих нас книгах какие-либо учётно-регистрационные знаки о принадлежности их к данному музею отсутствуют. На каждой из шести книг стоят штампы Книжного фонда Московского библиотечного отдела. Это позволяет предположить, что библиотека была разделена. Часть книг из библиотеки Барятинских попала в Румянцевский музей, а часть — в Книжный фонд Московского библиотечного отдела. Одной из задач этого отдела было перераспределение всех книжных собраний, вывозившихся из усадеб и дворцов¹.

Коллекция поступила в Военно-исторический музей, о чём свидетельствуют записи на книгах с регистрационным номером. Сейчас эти издания являются частью коллекции иностранных военных книг XVIII—XIX веков с рабочим названием «коллекция ВИМ». Исследования порядка нумерации внутри «коллекции ВИМ», проведённые сотрудниками заповедника, свидетельствуют о бессистемном её составе. Книги в последовательной нумерации происходят из разных библиотек: Мусина-Пушкина, Олсуфьева, Голицыных, Гудовича, Васильчикова, Брусилова, а также Барятинского и ряда других. Таким образом, можно сделать вывод о том, что из общего книжного массива Книжного фонда были выделены иностранные военные книги для передачи их в последующем в какое-либо учреждение. В нашем случае — в Военно-исторический музей.

В 1924 году было принято решение о создании на базе ВИМ филиала Российского исторического музея (позднее преобразованного в Государственный исторический музей), куда были перевезены все коллекции, в том числе и библиотека в количестве 24 тысяч томов. Однако на книгах, хранящихся в Пушкинском Заповеднике, какие-либо учётно-регистрационные знаки о принадлежности их к ГИМ отсутствуют.

---

¹ См.: *Жучков К.Б.* Коллекция иностранных военных книг из фондов Пушкинского Заповедника: к постановке гипотезы о происхождении // Михайловская пушкиниана. Вып. 58. Псков, 2013. С. 7.

Очевидно, пройдя учётную регистрацию ВИМ, книги хранились в ГИМ без инвентаризации. Можно предположить, что книги из незарегистрированной части библиотеки ВИМ были выделены в Обменный фонд ГИМ, образованный в 1925 году, откуда могли быть переданы в другие библиотеки¹.

Дальнейшая судьба книг из коллекции князей Барятинских связана с Пушкинским Заповедником, о чём свидетельствуют штампы библиотеки заповедника с инвентарными номерами. Это книги из списка, который был составлен Обменным фондом библиотеки ГИМ о передаче в Пушкинский Заповедник 784 экземпляров изданий военной тематики XVIII — начала XIX века на иностранных языках. Они были необходимы для музея-усадьбы Ганнибалов в Петровском, который восстанавливался в то время². Мы не можем назвать дату, когда С.С. Гейченко привёз эту коллекцию в Пушкинский Заповедник, так как документ не датирован. Но известно, что на инвентарный учёт в библиотеке музея книги поставлены в мае 1972 и в марте 1979 года.

В процессе изучения книг на данном этапе нам не удалось определить точную их принадлежность конкретному представителю рода Барятинских; судя по экслибрисам, три из них принадлежали Виктору Ивановичу Барятинскому. До сих пор открытым остаётся вопрос и о том, из какого имени — Ивановское или Груновка — была вывезена библиотека, принадлежавшая Виктору Ивановичу. Изучение его рода позволило сделать предположение о возможных владельцах, познакомиться с историей формирования библиотеки князей Барятинских. Штампы и пометы на страницах изданий позволили проследить историю их бытования. Конечно, работа в данном направлении требует продолжения. Более детальное изучение представленных изданий, как и других, находящихся в составе книжного фонда музейной библиотеки, может значительно сократить число существующих ныне вопросов.

---

¹ См.: *Жучков К.Б.* Коллекция иностранных военных книг из фондов Пушкинского Заповедника... С. 12.

² Там же. С. 5.

Алексей Востриков, Елена Панченко

КНИГИ ЗАКУПСКОЙ БИБЛИОТЕКИ В ФОНДЕ БИБЛИОТЕКИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ИНСТИТУТА ИСТОРИИ РАН

В фонде библиотеки Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук выявлено два издания с печатью Закупской библиотеки:

1 (34¹). Куз-Курпяч. Башкирская повесть, писанная на башкирском языке одним Курайчем и переведенная на Российский в долинах гор Рифейских 1809 года. Казань : в Университетской типографии, 1812 (шифр СПб ИИ XI 3015)².

2 (35). *Копыской П.* Путевые записки в проезд Польши или Царства Польского, 1815 года. В Санктпетербурге : печатано в типографии Ивана Глазунова, 1817 (шифр СПб ИИ XI 3225)³.

Печати, как характерно для этой библиотеки, поставлены не на титульных листах, а в начале основного текста. Поэтому обнаружение их можно считать удачей, и нельзя исключить, что в фонде библиотеки СПб ИИ РАН находятся ещё другие книги из этого собрания.

Каких-либо иных владельческих печатей или записей, кроме штампов библиотеки, ни на одной из этих книг нет. Однако обе они помечены шифром, который по преимуществу присваивался русским книгам XVIII — первой четверти XIX века из собрания Н.П. Лихачёва⁴. На книгах нет экслибриса отца Н.П. Лихачёва. Значит, книги были им не унаследованы, а приобретены. «Куз-Курпяч» сохранил подлинный переплёт начала XIX века. На нижнем форзаце книготорговая запись

Данная публикация является дополнением к статье:

Востриков А.В. Закупская библиотека семейства Глинок — Кюхельбекеров: [В составе Библиотеки Бестужевских курсов] // Михайловская пушкиниана. Вып. 61. Сельцо Михайловское, 2013. С. 140—149.

¹ Номер в скобках продолжает список выявленных книг Закупской библиотеки, приложенный к названной выше статье.

² Сводный каталог русской книги. 1801—1825. М., 2007. Т. 2. С. 302. № 4191. Поскольку Библиотека СПб ИИ РАН не участвовала в составлении Сводного каталога, наши экземпляры в нём не учтены.

³ Сводный каталог русской книги. С. 221. № 3706. В описании Сводного каталога ошибочно: «Путевые заметки...».

⁴ В фонде библиотеки СПб ИИ РАН находится большая часть книжного собрания академика Н.П. Лихачёва.

В.И. Клочкова с датой: «1914». Скорее всего, именно тогда книга была куплена Н.П. Лихачёвым. Отметим, что, изданная в Казани, она должна была вызвать особый интерес учёного¹.

В экземпляре «Куз-Курпяч» на обороте форзаца запись: «Его Высокородию Григорью Андреевичу Глинке в знак высокопочитания и преданности издатель Пётр Кондырев. Казань. 1817, 28 Августа»².

«Куз-Курпяч» является первым печатным изданием башкирского народного эпоса «Кузыйкурпяс и Маянхылу». Перевод, как указано в конце текста, был выполнен Тимофеем Савельевичем Беляевым (1768—1846), крепостным Н.И. Тимашева (1755—1821), крупного оренбургского и уфимского помещика, человека образованного и просвещённого. Экземпляр издания Н.И. Тимашев послал Г.Р. Державину, с которым он был знаком; в сопроводительном письме от 11 декабря 1812 года говорилось: «...Нахожу только утеху, слушая сказки о башкирских батырях, из коих одну велел написать собственному моему грамотею, а он, написав, поднёс её мне. Присоветали её предать типу; в третий год насили вышла, и то угодно было иное переменить и поместить смысл и слова, непохожие на наши». В приложении Тимашев приводит примеры стихов, которые «казанская цензура, почтя неисправными», переменяла³. В цензурном разрешении раскрывается фамилия: «...По назначению Цензурного Комитета, при Императорском Казанском Университете учреждённого, сию книгу читал Адъюнк Пётр Кондырев».

Пётр Сергеевич Кондырев (1788 или 1789 — 1823) — историк, географ и статистик; адъюнк (1811), экстраординарный (1814), а впоследствии ординарный (1820) профессор Казанского университета; автор нескольких опубликованных переводов и неопубликованных трудов; активный член и секретарь Казанского общества любителей словесности. «...Умственный кругозор его и научные интересы были очень нешироки. Таким он остался и во всю свою деятельность, отличаясь зато чрезы-

---

¹ Николай Петрович Лихачёв родился в Казанской губернии, учился в Казанском университете. Среди его книг — «Книгопечатание в Казани за первое пятидесятилетие существования в этом городе типографии» (СПб., 1895).

² Ранее опубл.: *Панченко Е.З.* «Знак глубочайшего почтения и сердечной преданности...»: (Автографы на книгах XVIII — первой половины XIX века из библиотеки С.-Петербургского института истории) // Новое литературное обозрение. 2010. № 1 (101). С. 458. № 39.

³ *Державин Г.Р.* Сочинения : в 9 т. Т. 6. СПб., 1871. С. 249—252; там же см. примеч. Я.К. Грога и подробную историко-литературную справку В.В. Вельямина-Зернова.

чайной угодливостью перед начальством... и величайшею искательностью. Эти качества и обеспечили ему карьеру»¹.

11 августа 1817 года великий князь Михаил Павлович в сопровождении кавалеров Г.А. Глинка и А.П. Алединского и генерала И.Ф. Паскевича отправился в путешествие по России. Начальный маршрут проходил через Рыбинск, Ярославль, Кострому, Тамбов, Казань и далее на юг. 24 августа 1817 года Г.А. Глинка писал жене из Нижнего Новгорода: «...впрочем, поездка наша в России совершенно курьерская: многое видишь, и любопытство отчасти удовлетворено, но мало приобретёшь основательных о России сведений...»² О программе великокняжеских посещений императрица Мария Фёдоровна писала к Г.А. Глинке 19 сентября 1817 года: «...не могу не разделить также и сожаления Вашего о излишнем времени, употребляемом на смотры войск и происходящем от того сокращении уже без того довольно короткого времени, на другие предметы остающегося»³. Нам неизвестны подробности посещения Казани⁴; вполне возможно, что Глинка не всегда состоял при высочайшей особе и мог самостоятельно посещать какие-либо учреждения. Именно во время одного из таких посещений (например, Казанского университета) он и мог получить от П.С. Кондырева экземпляр «башкирской повести» — не как сопровождающее лицо, а как университетский профессор (пусть в прошлом) и известный литератор (в противном случае он должен был быть протокольно титулован по должности «г. Кавалером», а никак не «Григорьем Андреевичем»).

«Путевые записки...» П. Копыского (№ 2 (35)) упомянуты в разделе «Новые книги» в № 24 (ч. 38) журнала «Сын Отечества» за 1817 год, датированном 12 июня (с. 188). Г.А. Глинка вернулся из заграничного путешествия с великим князем Николаем Павловичем в апреле 1817 года, а в августе должен был отправиться по России, а затем и за границу с великим князем Михаилом Павловичем. Интерес к путевым запискам в это время вполне объясним.

---

¹ Русский биографический словарь : в 25 т. Т. 9 : Кнаппе — Кюхельбекер. СПб., 1903. С. 102—103.

² *Глинка-Маврин Б.Г.* Григорий Андреевич Глинка // Русская старина. 1876. Т. 17. С. 98.

³ Там же. С. 222.

⁴ В публикации, составленной Б.Г. Глинкой-Мавриным на основании отчётов Г.А. Глинка, о посещении Казани не говорится; 29 августа высочайший путешественник был уже в Симбирске, 1 сентября — в Пензе. См.: Путешествие Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Павловича по России // Русский архив. 1877. Кн. 2. № 7. С. 244—245.

БИБЛИОТЕКА ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЁДОРОВНЫ В ПАВЛОВСКЕ

(так называемая «Библиотека России»)

Последней важнейшей страницей в истории строительства Павловского дворца было сооружение новой библиотеки в дополнение к двум уже существовавшим в парадной его анфиладе.

У северо-западного фасада Павловского дворца ещё в 1797 году по проекту выдающегося архитектора Винченцо Бренны была построена полукруглая галерея, которую предполагалось использовать как столовую. В 1807 году галерею расписал выдающийся художник-декоратор и ландшафтный архитектор Пиетро Гонзаго. По имени автора росписей она получила название Галереи Гонзаго. В 1814 году галерею было решено надстроить, и к архитектурному проектированию был привлечён Карло (Карл Иванович) Росси, к тому времени — начинающий зодчий. В Павловске он появился ещё в конце XVIII столетия, помощником Бренны. В последующие годы он работал в Москве, Твери, уездных городах. Работа в Павловске позволила ему через некоторое время стать ведущим архитектором столицы.

Работа над созданием большой Дворцовой библиотеки стала пиком архитектурного творчества Росси в Павловске.

Выше уже было отмечено, что в Павловском дворце существовали библиотеки. Речь идёт о библиотеках великого князя Павла Петровича (императора Павла I) и великой княгини (императрицы) Марии Фёдоровны.

Павловск (вначале село Павловское) со времени своего основания до воцарения Павла Петровича был частной резиденцией. Лишь в период с 1796 по 1801 год это императорская резиденция. Затем вновь частное владение — сначала вдовствующей императрицы, затем её потомков. Наличие парадной библиотеки было неизменным в резиденциях лиц императорской фамилии или в вельможных поместьях.

Появление новой большой библиотеки в 1820-е годы было обусловлено тем исключительным вниманием, которое уделяла вдовствующая императрица всем, говоря сегодняшним языком, гуманитарным сферам, и в своей личной жизни, и в общегосударственной деятельности.

---

16 февраля 1822 года Мария Фёдоровна утвердила план создания библиотеки, издав «Приказ»: «Апробовав сделанный архитектором Росси план и фасад надстройки, предполагаемой в Павловском дворце над расписанной декоратором Гонзагом галереею для помещения там главной моей библиотеки...»¹

Начатые в 1822 году работы велись в течение двух лет под руководством архитектора А.Е. Штауберта и его помощника, «каменных дел мастера» Л.Ф. Адамини. Библиотека замечательно завершила ансамбль флигелей дворца, естественно вписалась в его архитектуру, несмотря на целый ряд трудностей: Росси необходимо было соединить в гармоничное целое надстройку библиотеки с дугообразной открытой колоннадой Галереи Гонзаго. И он удачно это делает, находя основной композиционный мотив. Таким элементом оформления фасада библиотеки становятся пять огромных полуциркульных окон. Арки окон зрительно облегчают восприятие поверхности стены и превосходно освещают библиотечный зал.

Интересно и выразительно решён интерьер библиотеки. Протяжённый дугообразный зал имеет сводчатое перекрытие, украшенное росписью на аллегорические темы в технике гризайль. Живописные работы были исполнены одним из лучших декораторов Петербурга — Барнаба Медичи. Он работал над оформлением зала библиотеки совместно с Гонзаго и живописцем И.И. Бернаскони.

Естественно, что главный акцент в интерьере подобного помещения делается на мебели для библиотеки — шкафах, созданных талантливым русским мастером Василием Бобковым из волнистой берёзы. Они украшены резьбой под тёмную бронзу, обиты зелёным сафьяном. По оси зала располагались три стола: овальный и два длинных, прямоугольных, в них хранились гравюры, рисунки, чертежи. Под окнами — небольшие витрины для различных коллекций.

Карло Росси, как и его предшественники, желая добиться необходимого гармоничного единства ансамбля, не только проектировал архитектурную часть, но и выполнял эскизные рисунки мебели, осветительных приборов, декоративных ваз, часть из которых были сделаны на Петергофской гранитной фабрике. Эти вазы из цветного камня, многочисленные изделия из бронзы дополняли убранство библиотечного зала.

---

¹ Цит. по: *Алексеева И., Мудров Ю.* Библиотека Росси // Павловск. Императорский дворец. Страницы истории. СПб., 1997. С. 343.

Но, конечно, главным сокровищем библиотеки являлось огромное, свыше двадцати тысяч томов, собрание книг. В его основу легла маленькая библиотечка Екатерины II из 33 книг на французском языке, подаренных ею Павлу Петровичу. Труды по философии, истории, экономике, мемуары и художественная классика в немалой степени определили широкий интерес новых владельцев к самым различным отраслям знаний.

Библиотека пополнялась интенсивно, и большую роль в её формировании сыграли швейцарец Франц Герман Лафермьер, чтец и библиотекарь великого князя, и барон Людвиг Генрих Николаи, личный секретарь и казначей Павла Петровича. К 1800 году библиотека насчитывала более трёхсот различных изданий. В 1810-е годы известный учёный, лингвист, историк и археолог Фридрих Аделунг, бывший к тому же наставником великих князей Николая и Михаила Павловичей, также содействовал её пополнению.

Собирая коллекции, украшая дворец, занимаясь благотворительностью, владелица Павловска никогда не была лишь «мирной помещицей». Здесь, в салоне, обсуждались литературные новости, и всё, что появлялось в печати на темы современной политической жизни, попадало в Павловскую библиотеку. Уже к 1820 году в библиотеке насчитывалось около 2500 различных изданий.

Периодически составлялись описи и каталоги собраний на французском языке. За перемещением книг из библиотеки внимательно и строго следили, отмечая, куда, как и на какой срок выдано издание. После строительства под руководством России специального помещения библиотека стала размещаться по отделам. Таких разделов насчитывалось 22, они размещались в 34 шкафах.

Самыми обширными были собрания книг по естественной истории, географии, новой истории. Увлекались владельцы биографиями и мемуарами, романами — в основном на французском, немецком и русском языках.

1. «Математические науки». Сюда входили книги по математике, механике, астрономии, навигации, фортификации, физике, химии. Здесь находились труды академика Леонарда Эйлера, известного учёного, проработавшего в Санкт-Петербурге почти половину жизни. К этому же разделу относилась знаменитая «Фортификация» французского инженера, учёного и писателя эпохи Людовика XIV маршала маркиза де Вобана. Изданная в Париже, она имела на заглавном листе

автограф Франца Тиммермана, голландского инженера, учителя Петра Великого. А «Краткое историческое описание древних Российских пушек...» (1807) А.А. Аракчеева на шмуцтитуле имело инскрипт: Её Императорскому Величеству Марии Фёдоровне от графа Аракчеева верноподданного».

2. «Естественные науки». Раздел занимал три шкафа, в которых размещалось около 2000 томов: словари, учебные книги, труды по анатомии и физиологии человека, зоологии. Наибольший интерес представляли тома «Histoire naturelle» Жоржа Бюффона, известного французского натуралиста и директора Парижского ботанического сада, труды по ботанике Карла Линнея, российского академика-натуралиста Петра-Симона Палласа. Здесь же были собраны труды по разведению садов и устройству парков и путеводители по паркам Европы: Королевского сада в Кью (Англия), парков Шантийи, Мальмезона, Бельведера в Веймаре, Королевского сада в Берлине, садов в Голландии; альбомы рисунков и раскрашенных гравюр с изображениями садовой флоры, и в том числе редкостное описание флоры Павловска с гербарием.

3. «Путешествия и география». Составленный из 2000 томов, отдел содержал географические описания стран, путевые записки, этнографические очерки, карты. Здесь были труды Антона Фридриха Бюшинга, описания путешествий Джеймса Кука, Жана Франсуа Лаперуза, Петра-Симона Палласа, Иоганна Георга Гмелина, В.М. Севергина, И.Ф. Крузенштерна, Ю.Ф. Лисянского, О.Е. Коцебу, Ф.Ф. Беллинсгаузена. В этом же разделе были книги, относящиеся к характерному для конца XVIII века жанру «Voyages sentimentales» и «Voyages imaginaires», то есть скорее к беллетристике, чем к научной литературе.

4. «История России». Сюда входили произведения М.В. Ломоносова, В.Н. Татищева, князя М.М. Щербатова, Н.М. Карамзина по истории и археографические работы, издания летописей и описание путешествий по России иностранных авторов — редкое издание 1576 года Сигизмунда Герберштейна; изданное в 1700 году описание Московии, составленное Иоганном Георгом Корбом; рукопись «Записок Кристофа Германа Манштейна», изданная в Амстердаме в 1761 году; книга Вольтера «Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand» и многое другое.

5. «Новая история». Раздел состоял из книг по истории Европы XVI и XVII столетий и насчитывал 1200 томов изданий, преимущественно на

французском языке. Здесь были труды Шарля-Луи Монтескьё, Эдварда Гиббона, Дэвида Юма, Франсуа Гизо. Среди исторических словарей находился «Словарь» Пьера Бейля, подаренный Екатериной I в числе книг, положивших начало «Павловской» библиотеке.

6. «Древняя история» содержала французские книги, посвящённые преимущественно истории Древнего Рима и в меньшей степени истории античности в целом.

7. «Мемуары и биографии». Раздел содержал интереснейшую коллекцию мемуарной и эпистолярной литературы XVI—XVIII веков. Здесь следует отметить записки герцога Сюлли, Маргариты де Валуа (Наваррской), кардинала, герцога де Ришелье, маркизы де Помпадур, письма Вольтера, Монтескьё, аббата Фердинандо Галиани.

8. «История Франции». Начинается со времени Средневековья и кончается периодом Реставрации. Раздел составляли исключительно французские издания, всего 700 экземпляров. Здесь были книги, брошюры, листовки, документы времени Французской революции и правления Наполеона.

9. «Религия. Мораль. Воспитание». Кроме богослужебных книг, житий святых, проповедей и поучений отцов Русской церкви, к этому отделу относились философские издания, нравственные руководства, педагогическая литература Иоганна Генриха Песталоцци, Джозефа Ланкастера; отчёты и программы учебных заведений, постановления по Воспитательному Ведомству императрицы, утверждённому Марией Фёдоровной.

10. «Языкознание». Главным образом словари и различные грамматики.

11. «Искусство и ремёсла». Этот раздел библиотеки содержал руководства по различным ремёслам, описания технических новшеств, станков, всевозможные книги по «домоводству».

12. «Романы». Один из самых больших отделов библиотеки, насчитывал около 2500 томов. Здесь находилась французская беллетристика XVIII — начала XIX века и английская литература, но во французском переводе.

13. «Изящные искусства». Раздел содержал труды по истории и теории искусства по различным его жанрам. Чрезвычайно интересны альбомы рисунков, планов и чертежей, например, Джакомо Кваренги.

14. «Археология». Раздел включал в себя сочинения учёных, иллюстрированные издания с воспроизведением античных памятников конца

XVIII — начала XIX века. Наиболее интересными были первые русские издания об открытии античных городов на юге России. В Павловске также хранились первые издания Жана-Франсуа Шампольона.

15. «Древние авторы». Представлены почти целиком во французских переводах.

16. «Политические науки». Наиболее интересным представляется первое издание «Кодекса» Наполеона.

17. «Поэзия. Театр». Здесь находились первые изданий сочинений Жана Расина, Пьера Корнеля, Мольера, Дидро, Вольтера, Никола Буало; поэзия Англии. Наиболее интересны первые издания русских поэтов и драматургов — их оригинальные произведения и переводы. Среди русских имён: Антиох Кантемир, И.И. Хемницер, Я.Б. Княжнин, М.М. Херасков, В.А. Озеров, И.И. Дмитриев, Н.И. Гнедич; первые издания «Евгения Онегина» А.С. Пушкина и «Думы» К.Ф. Рыльева. Среди немецких поэтов — произведения Христофа Мартина Виланда, Фридриха Готлиба Клопштока, Августа фон Коцебу, Шиллера, Гёте. Немало прекрасно иллюстрированных изданий.

18. «Словесность». В этом отделе находились обзоры зарубежной литературы, направляемые Марии Фёдоровне её корреспондентами из-за границы. Здесь же были каталоги разных библиотек: отчёты Императорской Публичной библиотеки, «Труды Общества любителей русской словесности», библиографические работы директора Публичной библиотеки А.Н. Оленина.

19. «Смесь». Раздел небольшой и включающий в себя французские художественные сочинения, вторые экземпляры, более поздние издания. Наибольший интерес представляли иллюстрированные издания французских мод и альбомы костюмов.

20. «Энциклопедии». Здесь помещалась «Энциклопедия...» Дидро и д'Аламбера, полный комплект с «Приложением»; другие энциклопедии, немецкие и русские. Сюда же относились периодические издания — русские журналы начала XIX века.

21. «Альманахи». В этом разделе хранились карманные книжки, придворные календари. Наибольший интерес представляли собой «Готские альманахи», дипломатические и статистические ежегодники, украшенные превосходными гравюрами.

К 1828 году Библиотека Марии Фёдоровны (Библиотека Росси) насчитывала 20895 томов. После смерти Марии Фёдоровны в 1828 году

новые владельцы Павловска, как известно, воспринимали его как «памятник покойной императрицы», и библиотека хранилась неприкосновенной, как личное собрание Марии Фёдоровны. Она мало пополнялась во второй половине XIX века. Исключением были издания, так или иначе связанные с самим Павловском и его владельцами. Коллекцией библиотеки Павловска пользовались немногие, в основном историки, такие как Е.С. Шумигорский, М.А. Корф, М.И. Семевский. Коллекцией книг по ботанике не раз интересовалась Академия наук и ходатайствовала перед владельцами о передаче на временное хранение некоторых изданий, так как их приобретение было затруднительно из-за недостатка средств.

БИБЛИОТЕКА САРАТОВСКОГО ГУБЕРНАТОРА А.А. ЗУБОВА В ИТАЛИИ

Библиотека, о которой пойдёт речь, принадлежала русскому дворянину и государственному деятелю А.А. Зубову. Вот уже более ста лет она находится в частном владении, расположенном на севере Италии, в Пьемонто, в замке Робелла под Туринном. Владелец замка любезно предоставил автору статьи возможность познакомиться с составом этого замечательного книжного собрания. Чтобы понять, как русская библиотека оказалась в Италии, расскажем о её владельце.

Алексей Алексеевич Зубов (1838—1904) происходил из дворян Нижегородской губернии, при этом был правнуком одного из крупнейших уральских промышленников XVIII века, владельца Сысертского горного округа А.Ф. Турчанинова¹. Окончил Пажеский корпус, затем Геодезическое отделение Николаевской академии Генерального штаба, служил в штабе Виленского и Рижского военных округов. Выйдя в отставку в чине генерал-майора с мундиром, А.А. Зубов в 1880 году был назначен екатеринославским вице-губернатором, а с 1881 по 1887 год находился в должности саратовского губернатора. Позднее он был товарищем главноуправляющего собственной Его Императорского Величества канцелярией по учреждениям императрицы Марии Фёдоровны, попечителем Александровского лицея, а в 1890 году уволен в бессрочный отпуск и пожалован статс-секретарём. Скончался Алексей Алексеевич в 1904 году во Флоренции, но похоронен был в Париже.

С Италией А.А. Зубов оказался связан благодаря своему тестю, русскому дипломату Н.А. Кокошкину. С начала 1830-х годов тот был поверенным в делах в Тоскане и Луке, а затем посланником в Сардинском королевстве (столица Турин). Удивительно, что его дочь Мария Николаевна, ставшая женой А.А. Зубова, тоже была правнучкой заводчика А.Ф. Турчанинова, то есть между собой супруги были троюродными братом и сестрой. Одна из дочерей Зубовых вышла замуж за выходца из аристократической семьи Пьемонта Робиланд, которой и принадлежал фамильный замок Робелла. Нынешний владелец замка — их правнук.

---

¹ См.: *Пирогова Е.П., Неклюдов Е.Г., Ларионова М.Б.* Род Турчаниновых : культурно-исторические очерки. Екатеринбург, 2008.

Теперь о библиотеке. Почти на всех русских изданиях имеются экслибрисы, всего их три. Первый литографирован на тонкой папиросной бумаге, довольно большого размера (127 x 93), с изображением герба в виде пересечённого щита (глава щита рассечена, слева полумесяц и звезда, правая часть разделена надвое: в левой — рука с мечом, в правой — лук и колчан со стрелами; в оконечности — три лилии) на фоне перекрещённых стрел, увенчан дворянской короной, внизу надпись: *Bibliothèque A.M. Zoubow*. Очевидно, он принадлежал кому-то из родственников или однофамильцев А.А. Зубова, от кого тот унаследовал (приобрёл?) библиотеку. Во всяком случае, новый владелец заклеил этот экслибрис собственным книжным знаком: ярлыком на синей бумаге с надписью *Ex libris Alexis Zoubow*. Реже на книгах встречается третий экслибрис — меньшего размера (45 x 33), с изображением того же герба, но на мантии, с надписью «Ш. | П. | №». Именно он описан в известном справочнике С.М. Богомолова¹. Редко, но встречаются книги со всеми тремя знаками сразу, чаще же их два: геральдический первый, заклеенный синим ярлыком.

Библиотека Алексея Алексеевича Зубова имела ярко выраженный гуманитарный профиль, при этом она не производит впечатления библиофильского собрания, скорее это библиотека хорошо образованного российского дворянина, человека государственного, много читавшего и следившего за книжными новинками своего времени. Её можно назвать и рабочей, в том смысле, что многие издания явно связаны тематически с должностными обязанностями её владельца. Иногда встречаются дорогие переплёты, но чаще — просто добротные или даже без них, в издательских обложках; нередко на книгах имеется штамп книжного магазина М.О. Вольфа в Петербурге.

Обширный раздел библиотеки составляет русская художественная литература. В нём можно увидеть посмертное издание «Сочинений» А.С. Пушкина (СПб., 1855), осуществлённое в семи томах П.В. Анненковым; вышедшую в Петербурге у А.Ф. Маркса шестым изданием «Шинель» Н.В. Гоголя; двухтомные «Сочинения» драматурга А.Н. Островского (СПб., 1859); «Повести и рассказы» Д.М. Григоровича (М., 1858. Ч. 1—6). Среди наиболее любимых авторов А.А. Зубова несомненно следует назвать писателя Н.С. Лескова, в библиотеке имелись его романы «Соборяне. Старгородская хроника» (М., 1872), «Владычный

---

¹ Богомолов С.М. Российский книжный знак. 1700—1918. М., 2010. С. 319. № 5945.

суд» (СПб., 1878), очерки и рассказы, вышедшие под названием «Русская рознь» (СПб., 1881). На хронике Н.С. Лескова «Захудалый род» (СПб., 1875) сохранилась запись одного из прежних владельцев библиотеки: «А.С. Зубов». Имеется пятитомное издание «Сочинений» (СПб., 1862) русско-украинского писателя, известного переводчика Пушкина на украинский язык Е.П. Гребёнки, пятитомное же издание «Рассказов» М. Горького (СПб., 1903), много изданий А.К. Толстого — от «Полного собрания сочинений» (СПб., 1882) и «Стихотворений» (СПб., 1867) до отдельных произведений («Смерть Иоанна Грозного», «Князь Серебряный», «Царь Фёдор Иоаннович», «Царь Борис»), изданных в Петербурге в 1860-е годы. Лев Толстой представлен берлинским изданием 1890 года «Крейцеровой сонаты», романами «Война и мир» (М., 1868. 2-е изд.) и «Воскресение». Последнее вышло в 1900 году и интересно тем, что было первым нецензурированным изданием романа, выпущенным в Англии близким другом и издателем Л.Н. Толстого В.Г. Чертковым. Кроме того, оно вышло с иллюстрациями художника Л.О. Пастернака на отдельных листах (всего 33 рисунка), его украшает художественный форзац, декорированный позолотой.

Из более ранних изданий укажем интересную книгу писателя-мемуариста В.А. Инсарского «Половодье. Картины провинциальной жизни прежнего времени» (СПб., 1875), написанную по воспоминаниям детства автора, происходившего из небогатой дворянской семьи Пензенской губернии. В Петербурге Инсарский был близко знаком с Белинским, Лермонтовым, Некрасовым, Брюлловым и Глинкой, о чём писал в своих ярких и обширных мемуарах и «Записках». Литературные достоинства этих произведений, включая названное «Половодье», отметил литературовед А.И. Рейтблат, писавший, что они были «заметным явлением русской мемуарной литературы» XIX века, так как в них усматривается умение «показать характер описываемого лица, пластичность описаний, тонкий юмор, широта охвата событий»¹. Наличие издания такого автора в библиотеке А.А. Зубова говорит о его хорошем читательском вкусе.

На одном довольно редком издании хочется остановиться подробнее. Его автор И.П. Мятлев — поэт и богач, неподражаемый мастер литературной игры и розыгрыша — прославился среди современников своей остроумной гротесковой поэзией, наполненной яркими, меткими остротами и пародиями. Всеобщую известность и огромный успех ему

¹ *Рейтблат А.И.* Инсарский Василий Антонович // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. Т. 2 : Г — К. М., 1992. С. 418—419.

принесла поэма «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею дан л'этранже» (Тамбов, 1840—1844. Т. 1—3), считавшаяся одной из самых смешных книг своего времени. В ней И.П. Мятлев остроумно высмеял подражание русских аристократов всему иностранному, создав комический, а порой и гротесковый образ тамбовской помещицы, которая рассказывает о собственном заграничном путешествии по Европе, описывая «свои сенсации», впечатления от европейского Запада. В библиотеке А.А. Зубова имелось второе издание книги 1856—1857 годов. Как и в первом, выходные данные на титульном листе указаны неверно в целях мистификации, на самом деле поэма была издана не в Тамбове, а в Санкт-Петербурге. Книга превосходно иллюстрирована политипажными картинками и виньетками, выполненными замечательным живописцем и графиком В.Ф. Тиммом, прославленным издателем «Русского художественного листка».

Назовём ещё три книги когда-то известных, но ныне забытых российских писателей. Первый из них — писатель-народник Н.И. Наумов из Тобольска — имел блестящий успех в 1870-е годы, его произведения печатали в журналах «Искра» и «Современник». Особую популярность автору принесли рассказы из быта сибирских крестьян, изданные в 1874 году в Петербурге под названием «Сила солону ломит». Именно это издание находится в библиотеке А.А. Зубова. Кстати, его интерес к истории Сибири не был случайным, о чём свидетельствует приобретённое им известное сочинение Н.М. Ядринцева «Сибирь как колония. К юбилею 300-летия. Современное положение Сибири. Её нужды и потребности. Её прошлое и будущее» (СПб., 1882).

Однако продолжим тему «забытых» писателей. Чем-то привлекла внимание А.А. Зубова повесть В. Микулич «Мимочка», впервые опубликованная в «Вестнике Европы» в 1883 году и вскоре переведённая на многие европейские языки. Под псевдонимом скрывалось имя талантливой писательницы Л.И. Веселитской. У Зубова было второе издание книги 1898 года. Наконец, третья книга, вышедшая отдельным изданием в 1903 году в качестве приложения к журналу «Исторический вестник», — это «Санкт-Питербурх. Историческая пьеса...» Л.Г. Жданова (литературный псевдоним Л.Г. Гельмана), романиста и драматурга, автора ряда исторических романов. Успел ли познакомиться с пьесой владелец библиотеки, умерший в марте 1904 года, неизвестно. Но эта книга вполне могла быть из числа последних, им прочитанных. Последней же, по всей видимости, стала книга «Евангелие, как основа жизни»

священника Г. Петрова (СПб., 1903), на которой сохранилась запись: «Глубокоуважаемому Алексею Алексевичу Зубову в знак преданной памяти от А. Макарова. 12-е дек[абря]1903 г.». Другая запись была оставлена на одной из книг¹ дочерью А.А. Зубова Марией (в Италии её звали Стеллой) на французском языке: «Donné par Maman à moi, Stella, après la mort de cher Papa. Florence. Avril 1904»². Запись напоминает о скорбном для семьи владельца библиотеки периоде.

Многие издания свидетельствуют об увлечении Алексея Алексеевича поэзией, среди них можно назвать «Стихотворения» Е.А. Боратынского (М., 1827), М.Ю. Лермонтова (СПб., 1842. Ч. 1—3), В.А. Жуковского (СПб., 1835. Т. 1—9), а также «Баллады и повести» последнего, изданные в Петербурге в 1821 году, — самое раннее из русских изданий в зубовской библиотеке. Отметим смирдинское издание «Сочинений» И.Ф. Богдановича (СПб., 1848), вошедшего в историю русской литературы главным образом как автор стихотворной поэмы «Душенька». Из более поздних изданий можно назвать: «Стихотворения» Н.А. Некрасова (СПб., 1879. Т. 1—4) и Кольцова (Лейпциг, 1880), «Сонеть» переводчика Данте графа П. Бутурлина (Киев, 1895), «Стихотворения» Владимира Соловьёва (предположительно изд. 5-е. М., 1900). Как правило, все поэтические сборники в библиотеке представлены экземплярами в скромных издательских обложках, без переплётов.

Обращает на себя внимание прекрасно сохранившийся экземпляр комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума», роскошно изданной в Санкт-Петербурге в 1866 году с 32 рисунками академика П.А. Соколова. На титульном листе указано, что издан «полный текст рукописи, подаренной автором Ф.В. Булгарину», приводится факсимиле автографа Грибоедова: «Горе моё поручаю Булгарину во имя дружбы 5 июля 1828 года. Грибоедов».

Вызывающий уважение интерес А.А. Зубова к древнерусской литературе демонстрируют выпущенный в 1854 году известным поэтом, переводчиком, литературоведом и издателем Н.В. Гербелем его стихотворный перевод «Слова о полку Игореве» под названием «Игорь князь Северский», а также «Памятники старинной русской литературы» (СПб., 1860—1862), изданные в четырёх выпусках Г. Кушелевым-Безбородко

---

¹ Полный русский орфографический словарь / сост. П. Ромашкович. В 2 т. Курск, 1885—1886.

² «Подарена мамой мне, Стелле, после кончины дорогого папы. Флоренция. Апрель 1904». Перевод выполнен заведующей Отделом редких книг Астраханской областной научной библиотеки имени Н.К. Крупской З.А. Малометовой.

под редакцией Н. Костомарова. О серьёзном отношении владельца библиотеки к этой теме говорит и другое имевшееся у него издание. Его автор А.С. Клеванов известен, правда, больше как переводчик древних античных классиков, но среди его сочинений есть труд под названием «Летописный рассказ событий Киевской, Волынской и Галицкой Руси от ея начала до половины XIV века». Именно этот труд, изданный в 1871 году в Москве, с приложением двух исследований — о значении русской летописи в духовном развитии русского народа и о феодализме на Руси — и приобрёл А.А. Зубов. Близко к нему по тематике имевшееся у него исследование Петра Сабурова «Торговые пути древних греков», опубликованное в Санкт-Петербурге в 1855 году.

О другом интересе владельца библиотеки — к фольклору — говорят «Русские народные пословицы и притчи», изданные русским историком, этнографом, искусствоведом И.М. Снегирёвым в Москве в 1848 году. Оно было первым и самым обстоятельным исследованием в России о пословицах, при этом связанным с русской историей, с историей права, с законами, а также с выделением пословиц общих и местных. Позднее, по-видимому, уже для своих вступивших в подростковый возраст дочерей, А.А. Зубов приобрёл ещё «Народные русские сказки в изложении П.П. Полевого» (СПб., 1874) с прекрасными рисунками И. Панова, «исполненными в Париже», как значится на титульном листе.

Остановимся ещё на одном стихотворном сборнике. Его автор — известная в своё время поэтесса Каролина Павлова, происходившая из обрусевших немцев. В юности она была невестой Адама Мицкевича, неудачная любовь и разрыв с которым стали сильным потрясением для молодой поэтессы и отразилась на многих её ранних стихах. Её поэзию и отточенное стихотворное мастерство хвалил сам Гёте, её охотно издавали в Германии (кстати, она сочиняла по-немецки и по-французски), но в России она чаще всего подвергалась нападкам со стороны представителей общественно-демократических и литературных кругов, что заставило её в конечном итоге покинуть страну. Поэма К. Павловой из библиотеки Зубова под названием «Разговор в Кремле» (СПб., 1854) была откликом на политические события того времени (Крымскую войну и оборону Севастополя) и написана в охранительном, официально-патриотическом духе.

О серьёзном отношении и о размышлениях А.А. Зубова над прочитанными книгами позволяет судить приобретённый им труд известного писателя и драматурга, переводчика, литературного критика и журна-

листа Н.А. Полевого «Очерки русской литературы», изданный в двух книгах в Санкт-Петербурге в 1839 году и объединивший статьи и рецензии автора, посвящённые сочинениям Г.Р. Державина, А.Д. Кантемира, И.И. Хемницера, балладам и повестям В.А. Жуковского, «Борису Годунову» А.С. Пушкина. «Очерки» были первым литературоведческим исследованием в России, сочетавшим биографии писателей с их творчеством. В библиотеке есть и более популярное сочинение на эту тему, написанное сыном писателя П.Н. Полевым, — «История русской литературы в очерках и биографиях» (СПб., 1878), очевидно, подаренное дочери А.А. Зубова её знакомой. На экземпляре издания имеется запись: «Хорошая моя Stella, не забывайте и любите немножко преданную вам Марусю».

Есть в библиотеке и «Сочинения» В.Г. Белинского в 12 томах (М., 1861—1862), и «Чтения о русском языке» Н.И. Греча (СПб., 1840), и знаменитый «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля — все четыре тома, изданные в 1880 году. Учебные издания — «История русской словесности» А. Галахова (изд. 9-е. М., 1900), «Русская хрестоматия (sic!) А. Филонова (СПб., 1875), «Полный французско-русский словарь» Н.П. Макарова (СПб., 1870—1874) — свидетельствуют о вполне русском воспитании детей и внуков в семье Зубовых, о желании сохранить свои корни и язык. Сделаем одно уточнение, связанное со временем приобретения одной из названных книг: на авантитуле пособия А. Галахова имеется штамп: «Книжный магазин... 16 мая 1901» (название магазина не разборчиво). А вот «Русский письмоводитель для всех», изданный в Санкт-Петербурге в 1880 году, явно был приобретён владельцем библиотеки намного раньше, в пору его губернаторства или работы в императорской канцелярии.

Намного скромнее выглядит в зубовской библиотеке европейская художественная литература, представленная в основном переводными историческими романами. Это не может, конечно, являться свидетельством меньшего к ней внимания со стороны владельца и членов его семьи. Все они прекрасно владели французским, итальянским, а возможно, и другими языками, поэтому иностранная часть библиотеки намного внушительнее русской, которую мы рассматриваем. Наибольшим количеством изданий представлен Грегор Самаров, точнее — спрятанный под этим псевдонимом популярный немецкий романист второй половины XIX века Оскар Мединг. Дипломат по профессии, он создал серию исто-

рических и авантюрных романов (всего более шестидесяти), используя для их написания секретные материалы европейских архивов, к которым имел доступ. Эти романы имели большой успех в Германии, тогда же стали известны и в России. В библиотеке Зубова имелись некоторые из тех, что были изданы в 1870-е годы в Петербурге: «Прощальный привет легионов», «Эпигоны XIX столетия», а также продолжающие друг друга романы «За скипетры и короны», «Европейские мины и контрмины», «Две императорские короны».

Другой популярный в тогдашней России автор, Сэмюэл Смайлс, — шотландский писатель и реформатор, чьи книги нравственно-философского характера изобиловали фактами из биографий великих людей. Имевшиеся в библиотеке А.А. Зубова книги «Бережливость» (СПб., 1876) и «Неутомимый труженик...» (СПб., 1877) были как раз примером простого и ясного обозначения нравственных идеалов, к которым, по мнению автора, следовало стремиться каждому человеку. Французская литература представлена в библиотеке исторической повестью «Осада Страсбурга» (СПб., 1902), авторы которой — братья Поль и Виктор Маргерит — на родине стяжали себе известность бытописателей, удовлетворяющих запросам мелкобуржуазных читателей, писали на социально-исторические темы. На русский язык их переводили мало, названное издание — одно из трёх, вышедших в дореволюционной России.

Осталось назвать английского писателя и поэта Ричарда Севиджа, представленного изданным в качестве приложения к журналу «Исторический вестник» за 1902 год (т. 89—90, июль — декабрь) произведением под названием «Измена. Американский роман из эпохи войны Севера с Югом», а также двух американских — плодовитого беллетриста Ф.М. Крауфорда и известной Г. Бичер-Стоу. Первый отмечен книгой «Две любви. Роман из истории второго крестового похода» (СПб., 1903), вторая — романом из американской жизни «Мы и наши соседи, или Летопись немодной улицы в Нью-Йорке».

Интерес владельца библиотеки к прошлому России демонстрирует богатый раздел исторических сочинений, в нём есть лучшее, что было написано и издано тогда по истории: «Сказания иностранцев о Московском государстве» (М., 1866) В.О. Ключевского, «Древняя русская история, до монгольского ига» (М., 1871. Т. 1—3) М.П. Погодина, «Сказания князя Курбского» (СПб., 1868) и «Сказания современников о Дмитрии Самозванце» (СПб., 1859) Н.Г. Устрялова, «Домашний быт

русских царей...» и «Домашний быт русских цариц XVI и XVII столетий» (М., 1872) И.И. Забелина, «Куликовская битва Д.И. Донского» (М., 1880) и «Сокращённое руководство ко всеобщей русской истории...» (М., 1872) Д.И. Иловайского. На последнем экземпляре имеется запись: «А.С. Зубовы».

Много в библиотеке трудов общественного деятеля, историка, публициста и поэта Н.И. Костомарова, от его отдельных работ «Бунт Стеньки Разина» (СПб., 1859), «Последние годы Речи Посполитой» (СПб., 1870) и «Мазепа» (М., 1882) до многотомных изданий «Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей» (СПб., 1873) в шести томах и «Исторические монографии и исследования» (СПб., 1872—1882) в шестнадцати — все в одинаковых переплётках. Крупнейший русский буржуазный историк, профессор и академик С.М. Соловьёв представлен пятым изданием своего главного труда, ставшего славой его жизни и гордостью русской исторической науки, — «Историей России с древнейших времён» (М., 1874) в 26 томах. Есть в библиотеке труды обоих историков Семевских: «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II» (СПб., 1881) В.И. Семевского и «Очерки и рассказы из русской истории XVIII века. Слово и дело. 1700—1725» (СПб., 1885) М.И. Семевского.

Имеются и менее значимые сочинения по истории. К ним можно отнести пятитомное издание директора императорского Эрмитажа, историка и искусствоведа А.А. Васильчикова «Семейство Разумовских» (СПб., 1887—1894), приобретённое А.А. Зубовым в книжном магазине М.О. Вольфа в Петербурге. Автор этого неоконченного исторического сочинения, будучи сам потомком графского и княжеского рода Разумовских, собирал документы по истории этой фамилии, а также шире — о времени правления Петра Великого. Близок по теме «Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова», составленный и в 1878 году опубликованный в двух томах его внуком В. Орловым-Давыдовым. Многими изданиями представлен в библиотеке Д.Л. Мордовцев — писатель, историк, автор популярных в своё время исторических романов на темы из русской и украинской истории XVII—XVIII веков. Литературную деятельность он начал украинскими стихами и рядом исторических монографий, посвящённых по преимуществу самозванцам и разбойничеству: «Самозванцы и понизовая вольница» (М., 1867), «Гайдамачина» (СПб., 1870), «Политические движения русского народа» (СПб., 1871). Среди сочинений Мордовцева

выделяется серия книг под названием «Русские женщины нового времени. Биографические очерки из русской истории». В библиотеке Зубова имеются как и выше названные монографии, так и все четыре книги серии, посвящённые женщинам разных исторических эпох — начиная с допетровской и заканчивая современной автору, изданные в Санкт-Петербурге в 1874 году. На экземплярах этих изданий сохранились многочисленные пометы в виде указаний-ссылок на страницы текста — читательские «следы» владельца библиотеки. Его интерес к «женской» теме просматривается и в издании сочинения С.С. Шашкова «История русской женщины» (СПб., 1879).

Заслуживает упоминания наиболее известный из исторических трудов государственного деятеля, историка и библиографа Д.Ф. Кобеко — «Цесаревич Павел Петрович» (СПб., 1883), представлявший собой биографию цесаревича до его вступления на престол. Именно эта работа была удостоена Уваровской премии, переведена на немецкий и французский языки. Можно ещё упомянуть исследования русского историка и общественного деятеля П.В. Павлова «Об историческом значении царствования Бориса Годунова» (СПб., 1863), а также работу И.А. Галактионова «Император Александр I и его царствование» (СПб., 1877), куда вошли историко-архивные материалы XIX века.

Интересно отметить, что один из историков, Е.С. Шумигорский, специалист по эпохе императора Павла I, был лично знаком с А.А. Зубовым по совместной службе в ведомстве учреждений императрицы Марии Фёдоровны. Об этом знакомстве свидетельствует запись на титульном листе экземпляра второго издания его очерка «Екатерина Ивановна Нелидова (1758—1839)» (СПб., 1902): «Глубокоуважаемому Алексею Алексеевичу Зубову от искренно преданного автора». Похожая запись, возможно, тоже от сослуживца — «...душевно преданного В. Нейдгарта» — имеется на книге: «Письма госпожи императрицы Марии Фёдоровны... к почётному опекуну А.И. Муханову. 1800—1828» (М., 1886) в богатом переплёте с золотым тиснением.

Нельзя обойти вниманием внушительный труд военного деятеля и историка Н.К. Шильдера «Император Николай Первый, его жизнь и царствование». Эта биография так и осталась незаконченной и была подготовлена к изданию уже после смерти автора редактором «Исторического вестника» С.Н. Шубинским в 1903 году. Вероятно, это сочинение воспринималось А.А. Зубовым уже не как история, а скорее, как прошедшее время его молодости, государственной службы, инте-

ресное ему по собственным воспоминаниям и оценкам, дающее возможность углубить своё историческое понимание эпохи. Тем более что труды Н.К. Шильдера были написаны увлекательно, хорошим языком, насыщены тонким психологическим анализом, с привлечением большого количества новых документов. Поэтому не удивительно, что о них хорошо отзывались современники. В зубовском книжном собрании есть издание, рассказывающее о сослуживце Николая I и одном из его доверенных лиц полководце И.Ф. Паскевиче, который был одним из четырёх полных кавалеров ордена Святого Георгия. Речь идёт о жизнеописании под названием «Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность» (СПб., 1888. Т. 1—4), составленном, судя по титульному листу, «по неизданным источникам» князем А.П. Щербатовым. Той же теме николаевской эпохи посвящена книга государственного деятеля барона М.А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I», получившая убийственно-уничижительную оценку А.И. Герцена, благодаря которой, однако, её автор стал библиографом и историком официального направления, смог сделать блестящую карьеру от председателя Негласного комитета по надзору за книгопечатанием до главы Департамента законов Государственного совета. В библиотеке имеется 3-е издание этой книги (СПб., 1857), а также другая, «Жизнь графа Сперанского», для которой характерна та же апология самодержавия и принижение М. Корфом роли Сперанского-реформатора (СПб., 1861). Насколько принималась такая позиция Зубовым-читателем, сказать трудно, никаких помет на книгах обнаружить не удалось.

Не мог не привлечь внимание А.А. Зубова как человека государственного такой автор, как Г.А. Джаншиев. Армянский общественный деятель, российский правовед и историк, он первым начал изучение реформ 1860-х годов, в частности судебной. Одно из 25 монографических исследований этого автора — «Эпоха великих реформ. Историческая справка» — выдержало при его жизни ряд дополненных переизданий. В зубовском собрании имеется восьмое из них, опубликованное в Москве в 1900 году.

Чтобы представление о богатом историческом разделе исследуемой библиотеки было полным, необходимо хотя бы перечислить имеющиеся в ней издания, связанные с античной и средневековой, а также современной владельцу библиотеки европейской политической историей. Прежде всего, это две книги: директора Керченского музея А. Ашика «Воспорское царство с его палеографическими и надгробными памят-

никами, расписными вазами, планами, картами и видами» (Одесса, 1848—1849. Ч. 1—3) и «Римские катакомбы и памятники первоначального христианского искусства» А. Фрикена (М., 1877—1885. Ч. 1—4), а также трёхтомная «История средних веков в её писателях и исследованиях новейших учёных» М. Стасюлевича (СПб., 1863). Наверное, заслуженно привлекла внимание А.А. Зубова книга русского дипломата и писателя, до 1892 года чрезвычайного посла в Бразилии А.С. Ионина «По Южной Америке». В ней описано путешествие автора вдоль восточного и западного побережья Южной Америки, даны ценные характеристики природы, хозяйства и быта населения. В библиотеке были, по-видимому, только два из четырёх изданных томов (СПб., 1892—1893), но именно за них дипломату была присуждена премия Петербургской Академии наук.

Политика царского правительства, направленная на ограничение автономии Польши и вызвавшая обострение так называемого «польского вопроса», была одной из самых обсуждаемых и «больных» тем в русском обществе. Конечно, её не мог обойти и вниманием и А.А. Зубов, в собрании которого можно видеть сразу несколько книг на эту тему: «Основания научных государственных строений и польский вопрос» (СПб., 1883) публициста К.Л. Лихтанского, «История польского восстания и войны 1830 и 31 гг.» с вложенной картой (СПб., 1863—1864. Т. 1—3) военного историка Ф.И. Смита и, наконец, книгу выдающегося юриста-правоведа, публициста, историка польской литературы В.Д. Спасовича «Жизнь и политика маркиза Велепольского. Эпизод из истории русско-польского конфликта и вопроса» (СПб., 1882). Ближе к указанной теме примыкает первое в России исследование истории освоения Литвы, вышедшее вскоре после подавления восстания 1863 года под названием «Исторические заметки о Литве» (Вильно, 1864). Её автор — историк, поэт, педагог, литератор и драматург П.В. Кукольник — пытался доказать, что благоденствие Литвы связано со степенью близости её с Россией, а не с Западом.

Истории ещё одной автономной территории царской России посвящено исследование К.Ф. Ордина «Покорение Финляндии. Опыт описания по неизданным источникам» (СПб., 1889. Т. 1—2), удостоенное премии Императорской Академии наук. Ценность этого сочинения, описывавшего историю покорения Финляндии русскими и утверждения в ней русской власти, составляли многочисленные неопубликованные источники, включая уникальную подборку шведских и финских документов,

лично найденных автором. Вполне логичным кажется и то, что саратовский губернатор Зубов приобрёл вышедшую вскоре после его вступления в эту должность книгу профессора истории Г.И. Перетятковича «Поволжье в XVII и начале XVIII в. Очерки из истории колонизации края...» (Одесса, 1882), посвящённую экономическому развитию юго-восточной окраины русского государства указанного периода, а также истории народов Нижнего и Среднего Поволжья.

Много в библиотеке мемуаров, дневников, воспоминаний, «записок» различных российских государственных и исторических деятелей прошлых веков: княгини Е.Р. Дашковой, митрополита литовского Иосифа, князя И.М. Долгорукова, сенатора И.В. Лопухина (Лондонское издание 1860 года с предисловием Искандера), драматурга А. Коцебу, знаменитого мемуариста Ф.Ф. Вигеля. Можно отметить ещё «Воспоминания» графини Шуазель-Гуфье об императорах Александре I и Наполеоне (СПб., 1879), а также «Записки» А.О. Смирновой, опубликованные редакцией «Северного вестника» в 1895 году, — сомнительные по достоверности, они стали, тем не менее, основой для «пушкинской» концепции Д.С. Мережковского¹. На обложке экземпляра «Записок» имеется автограф владельца.

Осталось упомянуть о некоторых периодических и повременных изданиях, таких как «Вестник Европы», «Древняя и новая Россия», «Исторический вестник», «Отечественные записки», «Русский архив», «Русское богатство», «Семья и школа», сохранившихся в виде годовых подборок и отдельных номеров за разные годы, начиная с 1860-х.

Невозможно в одной статье рассказать о столь значительном книжном собрании. Остановившись более подробно на художественной литературе и истории, лишь коснувшись при этом мемуарного отдела библиотеки, мы оставляем до времени без внимания другие её разделы: документальных публикаций, истории церкви и старообрядчества, философии, политики и права — менее значительные, но тоже весьма интересные и раскрывающие пристрастия и вкусы владельца. Изучение состава библиотеки должно быть продолжено, оно поможет приблизить к пониманию личности одного из представителей высокопоставленного чиновничества местного государственного аппарата царской России XIX века, каким был Алексей Алексеевич Зубов.

---

¹ См.: Андрющенко Е. Властелин «чужого»: текстология и проблемы поэтики Д.С. Мережковского. М., 2012. С. 44—51.

ОБ ОДНОЙ ЗАПИСИ В КНИЖНОМ СОБРАНИИ Н.К. МИХАЙЛОВСКОГО

В Научной библиотеке имени М. Горького СПбГУ, в книжном собрании Н.К. Михайловского, входящем в состав фонда Библиотеки Бестужевских курсов, хранится издание: *Скальковский К.А., Краевский Д.М.* Стоит ли поощрять русскую промышленность? : с 4 таблицами колебаний вексельного курса в С.-Петербурге и в Нью-Йорке и различных фондов на С.-Петербургской бирже / [Соч.] К.А. Скальковского и Д.М. Краевского. СПб.: Издание С.Ф. Соловьева, 1866. [2], 91 с. : 4 л. табл. На обороте издательской бумажной обложки запись: «русскому социалисту от русского протекциониста».

Николай Константинович Михайловский (1842—1904) — выдающийся русский социолог, публицист (в том числе в нелегальной народной печати, под псевдонимом Гроньяр, то есть Ворчун), литературный критик; постоянный сотрудник «Отечественных записок» с конца 1860-х годов, а с 1878 года до закрытия журнала в 1884-м — соредактор вместе с М.Е. Салтыковым и Г.З. Елисеевым; с 1892 года неформальный, а затем и официальный редактор «Русского богатства»; непререкаемый авторитет позднего народничества, последний из тех, кого называли «властителями дум»¹.

Константин Аполлонович Скальковский (1843—1906) — сын одесского историка Аполлона Николаевича Скальковского; горный инженер, чиновник (тайный советник, директор Горного департамента с 1891 по 1896 год), историк горного дела, а также публицист и журналист, мемуарист, путешественник, балетоман, популярный и весьма плодовитый автор и заметная общественная фигура своего времени².

Основные положения этой статьи были прочитаны в качестве доклада 24 апреля 2014 года, после чего в обсуждении были высказаны чрезвычайно ценные замечания, за что мы выражаем признательность организаторам и участникам чтений, в особенности Е.З. Панченко.

¹ Подробнее см. ст. М.Г. Петровой в кн.: Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. Т. 4 : М — П. М., 1999. С. 99—106.

² Подробнее см. статью Н.В. Кузнецовой в кн.: Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. Т. 5 : П — С. М., 2007. С. 627—629.

К.А. Скальковский и Н.К. Михайловский познакомились в 1856 году, когда оба были приняты в Горный институт в Санкт-Петербурге. Много лет спустя Скальковский писал: «В числе новичков был довольно высокого роста худощавый гимназист костромской гимназии... Это был Михайловский, впоследствии известный философ-публицист. <...> Хотя Михайловский был старше меня года на полтора, но как два единственных гимназиста в классе... мы очень скоро подружились»¹.

Скальковский вспоминал об атмосфере того времени: «В Горный институт я попал в эпоху величайшего оживления умов в русском обществе. Это конечно отзывалось и на учебных заведениях. Мы не только волновались слухами о предстоящих реформах, не только с жаром читали «Современник», «Морской Сборник» и другие модные тогда органы, а также все запрещённые заграничные и петербургские издания, но и завели свою рукописную литературу»². Характерны названия учреждённых в институте рукописных журналов — «Гласность» и «Прогресс»; в последнем Скальковскому запомнились статьи «Ротный командир и пироги с репю» и «Следует ли бить своё начальство?». Рамки рукописной журналистики казались тесными, и молодые кадеты искали возможности пробиться в «настоящую» периодическую печать; оба дебютировали в «журнале наук, искусств и литературы для взрослых девиц» под названием «Рассвет», издававшемся в Петербурге В.А. Кремпиным, — сначала Михайловский (очерк «Софья Николаевна Беловодова», по поводу напечатанного И.А. Гончаровым отрывка из романа «Обрыв»; 1860, № 4), а затем Скальковский («Герцогиня Беррийская»; 1861, № 2).

Молодых людей объединяли не только совместная учёба, не только обсуждение чужих и своих книг и статей, — жизнь кадетов была весёлой и разнообразной. «Начальство, понятно, уже косо смотрело на подобные литературные опыты и, чтобы отвлечь от политики, поощряло в нас артистические наклонности: возило часто в театр, разрешило устроить свой оркестр... помогало устройству домашних спектаклей, танцев, фейерверков»³. Совместные похождения юности, курение тайком и дружеские пирушки сближают не меньше, чем идеи и вкусы.

---

¹ Скальковский К.А. Воспоминания молодости (По морю житейскому): 1843—1869. СПб., 1906. С. 79—80.

² Скальковский К.А. Сатирические очерки и воспоминания. СПб., 1902. С. 172.

³ Там же. С. 174.

После Горного института пути-дороги наших героев разошлись. Скальковский выпустился в 1863 году поручиком Корпуса горных инженеров и начал своё постепенное продвижение по карьерной лестнице, чередуя полевые экспедиции (иногда длительные) с составлением протоколов и отчётов, а также с литературной деятельностью.

У Михайловского жизнь сложилась совершенно иначе. Он покинул Горный институт за год до окончания полного курса — осознанное решение: чтобы не получать чина и не быть определённым в службу — и пустился в свободное плавание. Свою долю наследства он употребил на организацию вместе с друзьями переплётной артели (в духе швейной мастерской из «Что делать?» Чернышевского). Впрочем, переплётчик из него получился никудышный, и вскоре это предприятие прогорело. С деньгами бывало плохо настолько, что не всегда хватало даже на еду¹. Заработка никакого не было. Зато окончательно определилось намерение посвятить себя литературной деятельности. Михайловский постепенно обзаводился знакомствами в кругу журналистов, естественно, по преимуществу демократического направления.

В 1865 году Н.С. Курочкин привлёк Михайловского к постоянной работе в журнале «Книжный вестник», где он познакомился с другими сотрудниками — В.А. Зайцевым, А.А. Стойковичем и Н.Д. Ножиным. С последним у Михайловского установились особенно близкие отношения. Николай Дмитриевич Ножин (1841—1866) окончил Александровский лицей, а затем три года посещал лекции в Гейдельбергском университете, за границей завёл обширные знакомства (и не только со студентами). Спустя много лет Михайловский писал о нём: «Это был совсем молодой ещё человек брызжущего ума, сверкающей фантазии, огромных способ-

---

¹ Н.В. Рейнгардт, тоже товарищ по Горному институту, вспоминал разговор с зашедшим к нему как-то утром Михайловским:

«— Ты не хочешь ли есть?

— Да, брат, хочу.

— Так, вот, тут булка, да чаю не хочешь ли?

— Нет, чаю не хочу, а вот нет ли огурца у тебя? С огурцом съесть хлеб было бы очень хорошо.

— Огурца нет.

— Ну, ничего, без него обойдёмся. Хорошее, однако, предзнаменование, что у тебя хлеб нашёлся, а то, вообрази, вчера, где ни был, нигде ничем не угостили, а просить, конечно, ты понимаешь, не решился и возвратился к себе голодным» (*Рейнгардт Н.В.* Н.К. Михайловский. Из личных воспоминаний и переписки с ним // Баян. 1908. № 1. С. 28).

ностей к труду и обширных знаний (по биологии)»¹. Несмотря на равенство в возрасте, Михайловский видел в нём учителя и наставника.

3 апреля 1866 года Ножин скоропостижно умер. В Мариинской больнице поставили диагноз: нервная горячка. В терминологии того времени это чаще всего означало тиф. На следующий день, 4 апреля, Дмитрий Каракозов стрелял в Александра II у ворот Летнего сада. Каракозов промахнулся и был немедленно схвачен и посажен в Петропавловскую крепость.

Следствие по делу вела специально созданная комиссия под председательством графа М.Н. Муравьёва («Муравьёва-вешателя»), получившего чуть ли не диктаторские полномочия. Начались допросы, за ними последовали обыски, а затем и аресты; число арестованных в Петербурге и Москве перевалило за две сотни; среди них были и знакомые Михайловскому известные журналисты: Н.С. и В.С. Курочкины, Г.Е. Благосветлов, В.А. Зайцев, Г.З. Елисеев и другие. С 1 июня были закрыты журналы «Современник» и «Русское слово».

На одном из первых же допросов Ножин был назван Каракозовым как соучастник; вскоре было выделено особое следственное дело «О кружке знакомых коллежского секретаря Николая Ножина и о причине его смерти». Слухи распространялись самые невероятные: по одному из них, Ножин хотел предотвратить покушение, но после того, как ему не удалось отговорить Каракозова, попытался донести, но не преуспел и в этом и отравился или умер от тяжёлого нервного потрясения; по другой версии, Каракозов сам отравил друга, побоявшись предательства.

Михайловский среди прочих попал в поле зрения следствия: «Я был лишь призываем к допросу; спрашивали о Ножине, я сказал всё, что знал, но оказалось, что интересного для следствия я ничего не знал»². Судя по всему, он на самом деле никак не был причастен ни к каким конспиративным кружкам или собраниям, но размах деятельности муравьёвской комиссии и ажиотаж в проправительственной прессе³ не давали поводов

---

¹ Михайловский Н.К. Литературные воспоминания и современная смута. Т. 1. СПб., 1900. С. 17.

² Там же. С. 18.

³ «...Некоторые органы печати сами взяли на себя роль следователей и производили вящую смуту в обществе, разыскивая виновных направо и налево и даже там, где их, очевидно, быть не могло» (Михайловский Н.К. Литературные воспоминания и современная смута. С. 18).

для успокоения. Конец весны и лето 1866 года Михайловский провёл в ожидании новых допросов, возможных обысков и ареста. Ситуация отчасти разрядилась только к осени: Каракозов казнён, Ишутин и ишутинцы отправлены на каторгу, арестованные литераторы «вредного направления» выпущены на свободу. Дело же о смерти Ножина было закрыто только в феврале 1867 года¹.

Тяжелейшая ситуация сложилась в «Книжном вестнике»: после смерти Ножина и ареста Курочкина и Зайцева Михайловский остался едва ли не единственным действующим сотрудником и вынужден был исполнять обязанности редактора. Не имея связей в литературных кругах, он искал сотрудников среди знакомых (так, к работе были привлечены В.А. Манассеин и бывший товарищ по Горному институту Н.Г. Дебольский), а не найдя авторов, писал сам рецензию за рецензией. Позднее он вспоминал об этом времени с иронией: «Как нищий испанский гидальго, гордо драпирующийся в дырявый плащ, я, полный своего редакторского достоинства, каждый день шагал в продранных сапогах на Невский проспект, в книжный магазин издателя (Влад. С. Курочкина, старшего из братьев. — *А.В.*) и сплошь и рядом на просьбу о заработанных деньгах получал предложение посидеть в магазине, — не навернётся ли, дескать, покупатель: всё, что при вас наторгуем, ваше будет. Увы! покупатели приходили редко и покупали мало...»²

Вот в это самое время К.А. Скальковский, по собственному признанию, «стал горячим протекционистом». Он пишет: «Мне попалась в это время книжка американского экономиста Кэри «Письма к президенту», и она меня ещё более утвердила в моих мнениях. Под влиянием её я написал небольшой этюд: «Стоит ли поощрять русскую промышленность?». Тогда все почти журналы и газеты даже за границею были фритредерские, напечатать мой этюд было нелегко, но вывел меня из затруднения горный инженер Белоносов... Он познакомил меня с Соловьёвым, известным откупщиком и золотопромышленником... Тот сейчас же издал на свой счёт мою брошюру, которая вызвала порядочную полемику. «Только название брошюры мне не нравится, — заметил

---

¹ Подробнее о деле Ножина см.: *Колосов Е.Е.* Н.К. Михайловский в деле Каракозова // *Былое*. 1924. № 23; см. также: *Зимин И.В.* Царская работа : XIX — начало XX в. М., 2011; *Иконников-Галицкий А.А.* Загадочная смерть литератора Ножина // *Ваш тайный советник*. 2006. № 16.

² *Михайловский Н.К.* Литературные воспоминания и современная смута. С. 19.

Соловьёв. — Лучше бы эдак: Дуй их в рыло, полуимпериял уже семь рублей!»¹

Цензурное разрешение датировано 19 мая. Вероятно, само издание не заняло много времени, по крайней мере, в руки Михайловскому книга попала в конце мая — начале июня. Подарок имел вполне практический смысл. К.А. Скальковский в то время был ещё совсем молодым, мало кому известным автором, и рецензия на его книгу в библиографическом издании (пусть даже таком скромном, каким был «Книжный вестник») могла быть существенной для его литературной репутации. (Может быть, именно поэтому на книге нет формальной дарственной записи: её вручили не «по дружбе», а «для дела»².) И рецензия действительно появилась — в очередном номере, датированном 30 июня³. Она была объёмной (больше страницы очень убористым шрифтом — едва ли не самый большой материал в номере) и весьма любопытной по композиции. Сначала автор отмечает составленное в брошюре «довольно полное собрание доказательств (впрочем, не слишком новых) против свободы торговли и в защиту покровительственной системы» и даже пересказывает некоторые из них; затем под девизом *audiat et altera pars* приводится некоторое количество контраргументов; микрополемика заканчивается выводом: «...понятно, что возьмёт верх та система, на стороне которой окажется больше материальной силы».

Завершается рецензия почти памфлетным разбором одного противоречия, содержащегося в брошюре: «На ст. 27 г. Скальковский и Краевский говорят: «Увеличились доходы с немногих предметов потребления, например, спирта, табака (что, подразумевается, очень хорошо. — [К.М.]), но это зависело скорее от лучшего устройства податной системы и от того, что в ущерб народной нравственности теперь

---

¹ Скальковский К.А. Воспоминания молодости... С. 245—246. Скальковский ни разу не упоминает имя Д.М. Краевского, значащееся на титульном листе (каталог РНБ раскрывает инициалы: Дмитрий Михайлович): нам ничего не известно об этом человеке и его роли в подготовке издания. Книжка составила Скальковскому очень своевременную репутацию, и в течение последующего десятилетия (1867—1877) он исполнял обязанности секретаря Общества для содействия русской промышленности и торговле.

² Книги, передаваемые авторами в редакции для рецензий и отзывов, обычно разбирались сотрудниками. В библиотеке Н.К. Михайловского сохранилось до полусотни изданий, имеющих соответствующую запись или штамп.

³ Книжный вестник. 1866. № 11—12. С. 342—343 (без подписи). Предыдущий номер вышел 30 мая.

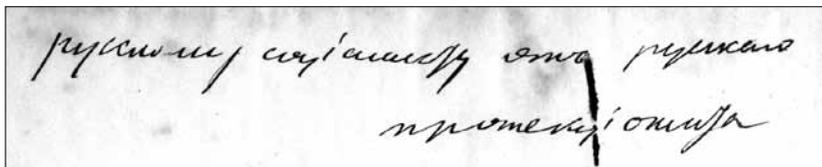

курят женщины и мальчишки (что, подразумевается, очень скверно. — [К.М.])». А на ст. 55 читаем, что, не будь правительственной монополии, существующей в большей части государств относительно табачной промышленности, мы «могли бы легко сделаться одним из важных поставщиков обработанного табаку на европейском рынке». С какой же стати мы будем эксплуатировать чужую безнравственность (ведь на западе, вероятно, тоже курят женщины и мальчишки и, вероятно, тоже в ущерб народной нравственности)? А с такой, что там хоть трава не расти, потому нам до них дела нет». Этот пассаж мог бы показаться мелочной придиркой, но воспоминания Н.В. Рейнгардта раскрывают биографический подтекст: «Я должен здесь заметить, что Н<иколаю> К<онстантиновичу> пришлось пережить печальную участь многих кадет: ему пришлось подвергнуться телесному наказанию, которому подвергались воспитанники обыкновенно за дерзость офицеру, за рукопашную расправу со служителем и за какую-нибудь грубую шалость. Во второй год пребывания в корпусе Н.К. стал потихоньку курить и однажды был пойман служителем... который отнял у него папироску, а Н.К. ударил его за это по лицу или по уху. Служитель пожаловался ротному командиру. Последний наказал Н.К., кажется, только пятью ударами, принимая во внимание хорошее поведение Н.К. за предыдущий период. ...Как ни ничтожно было наказание, оно всё же сильно подействовало на самолюбивую натуру Н.К., который потерял прежнюю весёлость и несколько дней находился в состоянии тяжёлого угнетения»¹. Понятно, что рассуждения о безнравственности курящих мальчишек оказались для Михайловского слишком личными.

Рецензия «Книжного вестника» на книгу Скальковского внешне нейтральна и даже осторожна. Запись на экземпляре, сохранившемся в библиотеке Н.К. Михайловского, позволяет раскрыть заретушированные смыслы. Сам факт дарения зафиксирован в косвенной форме, причём на первый план вынесена не обычная для дарственных записей констатация связи двух людей («в знак дружбы», «на память» и тому подобное), а наоборот, их антиномия; отсутствие имён и дат переносит акцент с события на содержание книги.

---

¹ *Рейнгардт Н.В.* Н.К. Михайловский... С. 20—21. Не исключено, что сходство заглавия книги Скальковского с вышеупомянутой статьёй из кадетского рукописного журнала («Следует ли бить своё начальство?») также напомнило Михайловскому о печальном происшествии; впрочем, Скальковский называет иной повод для написания этой статьи.

«Русскому социалисту от русского протекциониста»

В печатной рецензии, как и в собственно экономической литературе того времени, покровительственная (протекционистская) система противопоставлялась фритредерской (иначе — свободной торговли). Однако Скальковский буквально с первых страниц поставил экономическую проблему в идеологический контекст, увязав фритредерство с социализмом, пользуясь в дальнейшем частенько этими словами как синонимами, а иногда и вообще отвлекаясь от налогов и сборов¹. Именно «социалистом» и назван в записи Михайловский, никогда этого особенно не скрывавший². Поставленная первой, эта характеристика предполагает идеологическую же антиномическую пару, но в книге Скальковского таковых нет, и роль окказионального антонима «социалиста» принимает на себя экономический термин. Из равно используемых в книге «протекционизм» и «покровительство» (а также «поощрение», «помощь» и вскользь «патриотизм») предпочтение отдано первому, отягощённому негативными коннотациями: протекции по службе были постоянным объектом социальной критики; а «простой» перевод термина с иностранного предлагает нам не столько «покровительство», сколько «охрану» с однокоренными: «охранительный», «охранный»... (Напомним, что именно в 1866 году, после покушения Каракозова, при Санкт-Петербургском градоначальнике было создано «Отделение для производства дел по охранению общественного порядка и спокойствия в Санкт-Петербурге», впоследствии сокращённое до «охранки».) Таким образом, в подтексте записи (пусть неосознанно заложенном) как бы скрывается ответ на вопрос, вынесенный в заглавие книги: вся ваша помощь заканчивается взятками, доносами и полицией.

¹ Характерно начало абзаца, единственного в книге отчёркнутого карандашом на полях: «Пропаганда социализма, которую поддерживали неосторожно одно время некоторые наши журналы, имела и в этом деле своё влияние...» (с. 17). В мае 1866 года это однозначно воспринималось как донос.

² «Я был так счастлив, что крутых переломов в моем мирозерцании с тех пор, как я выступил на литературное поприще, не было» (Михайловский Н.К. Литературные воспоминания... С. 14).

В плане личных взаимоотношений Михайловского и Скальковского запись означала: социалисту — от не-социалиста. Даже: ...от уже не-социалиста. Эта брошюра, сам факт её написания обозначили окончательное расхождение товарищей по юношеским либеральным увлечениям, чуть ли не единомышленников¹. Действительно, впоследствии они уже не поддерживали приятельских отношений и если и следили друг за другом, то издали. Других книг Скальковского в библиотеке Михайловского не было.

Впрочем, библиотека эта имеет свою историю. Михайловский книг не подбирал — он ими обрастал². Библиотека никогда не была для него целью, но только средством в повседневной литературной и журнальной работе. Необходимо нужные «прямо сейчас» книги покупались или заимствовались из всевозможных источников: из редакций, от друзей и знакомых³. Видимо, так же легко он и расставался с книгами, особенно в ранние годы скитаний с одной квартиры на другую. Мы можем выделить (очень условно, на основании переплётów, физического состояния и прочего) около двух-трёх десятков (двух-трёх связок) книг, сохранившихся у Михайловского с 1860-х годов. Это в основном основополагающие для его раннего мировоззрения труды Бокля, Гексли, Гизо, Милля, Спенсера... В этом ряду практически нет второстепенных имён и случайных изданий. Ничего личного — ни «Рассвета», ни «Книжного вестника», ни произведений друзей, старых и новых. Нужны были какие-то личные причины, чтобы сохранить поверхностную и быстро устаревшую брошюру Скальковского.

С 1870-х годов, обретя более или менее устойчивое положение в обществе, обзаведясь постоянным жильём, собственным кабинетом и прочим, Михайловский избавился от необходимости регулярного освобождения от книжного балласта и стал наращивать «годовые кольца» литературы прошлых интересов. На полках собирались справочные и

---

¹ «В то время, когда юноши читают «Les amours de Faublas», я проглотил уже десятки скучнейших экономических и социалистических книг. Ш. Фурье я и до сих пор считаю гением» (Скальковский К.А. Сатирические очерки и воспоминания. С. 175).

² Подробнее см.: Книжное собрание Н.К. Михайловского в составе библиотеки С.-Петербургских Высших женских (Бестужевских) курсов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.library.spbu.ru/bbk/catalogues/mihpr.php>.

³ Об этом свидетельствует большое количество «посторонних» владельческих знаков (и даже дарственных третьим лицам), притом что собственным экслибрисом Михайловский так и не обзавёлся.

универсальные издания, тематические подборки, научные и литературные новинки. Накапливались и книги с дарственными записями, которые, кажется, вообще не подлежали вычитке¹. Михайловский был человеком кумулятивного самосознания, достаточно сентиментальным, и запись превращала книгу из единицы текущей литературы — в факт личной биографии. Книга с инскриптом обычно означает начало или продолжение личных взаимоотношений; брошюра Скальковского со знаменательной записью обозначила их окончание. Видимо, именно в таком качестве она и хранилась на верхней полке 14-го шкафа.

Нам не удалось установить, когда и кем была сделана запись. По содержанию запись представляется нам синхронной выходу книги (лето 1866 года) и соответствующей точке зрения Н.К. Михайловского. Однако очевидно, что и ситуация, и взгляд на вещи были понятны многим из тех (названных или неназванных), с кем Михайловский общался в то время и кто, соответственно, мог, зайдя в гости, повертеть в руках книгу и оставить на ней случайно родившийся *bon mot*, так идеально попавший в точку. Все они принадлежали если не к одной журнальной партии, то по крайней мере к одному лагерю; все они владели словом, в том числе и в специфическом подцензурном варианте. Сравнение почерков позволяет исключить самих К.А. Скальковского и Н.К. Михайловского, а также Н.С. Курочкина, В.А. Зайцева, В.А. Манассеина, Н.Г. Дебольского, Н.А. Демерга. В дальнейших поисках многое зависит от случая, но мы надеемся, что нам удастся установить автора афористичной реплики *à part*, благодаря которой, как нам представляется, Михайловский сохранил в своей библиотеке брошюру, поставившую точку в дружбе приятелей-кадетов, а вместе с ней воспоминание о душном лете 1866 года.

---

¹ Впрочем, и дополнению, если это оказывались разрозненные тома из собраний.

**ПЕРВАЯ НАРОДНАЯ БИБЛИОТЕКА
ГОРОДА ЯРОСЛАВЛЯ И ЕЁ ПОПЕЧИТЕЛИ ИЗ УСАДЬБЫ
Н.А. НЕКРАСОВА «КАРАБИХА»**

Юношеская библиотека имени Н.А. Некрасова является преемницей первой бесплатной народной библиотеки, основанной в 1899 году в городе Ярославле. Частично сохранился дореволюционный фонд изданий — 730 экземпляров книг. Ведётся работа по изучению этих книг, архивных материалов по истории библиотеки. Статус юношеской учреждением был получен в 1979 году, после объединения городских библиотек в единую централизованную систему. Находится библиотека по адресу: улица Вольная, дом 3. Архивные и книжные фонды библиотеки связаны с именами хозяев усадьбы «Карабиха» — Натальи Павловны Некрасовой и её мужа, Фёдора Алексеевича Некрасова, брата поэта Николая Алексеевича Некрасова.

В 1897 году в Ярославле небольшим кругом интеллигентных лиц было создано Общество содействия народному образованию и распространению полезных знаний в Ярославской губернии, задачей которого было просвещение народа. Один из первых отчётов Общества предваряли поэтические строки Н.А. Некрасова:

Чтобы благие начинанья
Могли свободно возрасти,
Разлей в народе жажду знания
И к знанью укажи пути!

Путь к знанию лежал и через создание народных библиотек. 17 октября 1899 года на средства общества в помещении народной аудитории на Власьевской улице в Ярославле была открыта первая бесплатная народная библиотека-читальня. 8 января 1901 года председатель совета общества, губернский предводитель дворянства Сергей Владимирович Михалков (брат деда знаменитого детского поэта), направил письмо на имя ярославского губернатора Бориса Владимировича Штюрмера с просьбой присвоить библиотеке имя Некрасова, и уже в начале 1901 года библиотеке было присвоено имя поэта-земляка. С 4 декабря 1899 по апрель 1903 года библиотека располагалась на благотворительной основе в одном из лучших домов города — в доходном доме

ярославского купца-промышленника Николая Петровича Пастухова на Рождественской улице. Активное участие в судьбе библиотеки в эти годы принимал известный краевед, журналист Пётр Андреевич Критский. С января 1990 года он вошёл в библиотечную комиссию, а с ноября этого года стал заведующим библиотекой.

В 1902 году в России широко отмечалось 25-летие со дня кончины Н.А. Некрасова. П.А. Критский пишет: «Почин об устройстве «Некрасовских дней» в Ярославле принадлежит Обществу содействия народному образованию в Ярославской губернии. Губернское земство и Ярославская городская дума... ассигновали 800 рублей на устройство Некрасовского юбилея; брат поэта Фёдор Алексеевич пожертвовал обществу для этой же цели 500 рублей»¹. Для проведения Некрасовских дней была создана Некрасовская комиссия, которую возглавил С.А. Мусин-Пушкин. Особое внимание комиссия уделяла сбору материалов для организации Некрасовской выставки. Предполагалось, что эта выставка будет способствовать созданию в Ярославле Некрасовского музея. «22 декабря председатель комиссии Некрасовской выставки Л.Н. Трефолев и председатель комиссии Некрасовской библиотеки П.А. Критский посетили имение Ф.А. Некрасова — село Карабаху и с любезного согласия владельца выбрали целый ряд ценных для Некрасовской выставки предметов»².

В 1902 году в Ярославле была издана брошюра Ф. Смирнова «Перед Некрасовскими днями»³. Её автор предлагает Обществу содействия народному образованию приобрести часть бывшей усадьбы Некрасовых в селе Грешнёве для устройства там просветительского учреждения — школы, читальни, библиотеки. Члены же общества возражают против этого и предлагают построить собственное помещение для бесплатной библиотеки имени Н.А. Некрасова и других учреждений этого общества. Ф. Смирнов, возражающий против этого, подробно рассказывает, как стало собственностью псковского дворянства село Михайловское: «С. Михайловское куплено у сына Пушкина правительством и подарено псковскому дворянству, — этим действием правительство имело в виду

¹ *Критский П.А.* 25-летие со дня кончины Николая Алексеевича Некрасова // Вестник Ярославского земства. 1903. № 1—2, отдел 4. С. 18.

² *Смирнов С.В.* К предыстории создания музея Н.А. Некрасова в Ярославле // Музеи Верхней Волги: проблемы, исследования, публикации. Ярославль, 1997. С. 260—261.

³ *Смирнов Ф.* Перед Некрасовскими днями : (Посвящается памяти Н.А. Некрасова). Ярославль, 1902.

ознаменовать 100-летие со дня рождения Пушкина...»¹ Предложение господина Смирнова не нашло поддержки. В 1902 году не удалось осуществить идею о строительстве дома для Некрасовской библиотеки. Не был создан в Ярославле и Некрасовский музей. И всё же важно было то, что хозяин усадьбы «Карабиха», Фёдор Алексеевич Некрасов, познакомился с заведующим библиотекой Петром Андреевичем Критским, который «взял под опеку проект по устройству в Карабихе бесплатной библиотеки-читальни»².

Мечта о собственном помещении для Некрасовской библиотеки осуществилась в 1914 году. Жена Фёдора Алексеевича Некрасова Наталья Павловна воплотила в жизнь идею членов Общества содействия народному образованию об устройстве в Ярославле достойного памятника поэту созданием собственного помещения для Некрасовской библиотеки, пожертвовав на эти цели 19 тысяч рублей. Внося пожертвование на библиотеку, Н.П. Некрасова писала: «...Я вношу эти деньги с тем непременно условием, чтобы Вы выстроили здание библиотеки только на эти мои деньги, не прибегая более ни к каким»³.

Строительство дома для библиотеки на углу Сенной площади и Пошехонской улицы было разрешено Городской Думой. Автором проекта здания стал губернский архитектор Григорий Васильевич Саренко. Согласно проекту здание библиотеки должно было отвечать мемориальные цели — на фронте здания предполагалось установить скульптуру поэта. Не по желанию ли Натальи Павловны возникла эта идея? К сожалению, эта часть проекта не нашла своего воплощения.

В октябре 1914 года здание было построено, но его сразу реквизировали для военного госпиталя: началась Первая мировая война. Несомненно, Наталья Павловна понимала, что это уважительная причина для того, чтобы отложить переезд библиотеки в собственное помещение. В 1918 году переезду библиотеки в собственный дом помешало белогвардейское восстание в Ярославле. Здание стало прикрытием для белогвардейцев, в нём были установлены пулемёты. Его обстреливали большевики, вокруг разрывались снаряды. Но дом, построенный для библиотеки дворянкой из некрасовской усадьбы, уцелел — остался неразрушенным. С 1918 по 1941 год библиотека благополучно существовала в нём. По неустановленным причинам 1 января 1941 года библио-

¹ Смирнов Ф. Перед Некрасовскими днями. С. 47.

² Рымашевский В.В. Некрасовка была не только читальней, но и музеем // Северный край. 2000. 26 мая. С. 3.

³ ГАЯО. Ф. 509, оп. 1, т. 1, д. 1696.

теку из её помещения площадью 283 кв. м перевели в комнаты размером в 55 кв. м, а в доме поместили поликлинику. Историческое здание сохранилось и сейчас. Находится оно на улице Свободы, дом 73, является частной собственностью. Многочисленные попытки вернуть это здание не увенчались успехом.

В собрании Государственного литературно-мемориального музея-заповедника Н.А. Некрасова «Карабиха» содержится 15 тысяч единиц редких книг и журналов XVIII — начала XX века, в том числе прижизненные издания поэта и несколько книг из его личной библиотеки. В фонде Некрасовской библиотеки сохранились два прижизненных сборника стихотворений Н.А. Некрасова — 1869 и 1877 годов. Как они попали в библиотеку, основанную гораздо позднее? Интересное предположение по поводу сборника «Последние песни» (1877) высказал некрасовед Вячеслав Вацлавович Рымашевский¹. Как известно, перед кончиной поэт просил родных послать пять сборников стихотворений Ивану Григорьевичу Зыкову (отцу Иоанну), настоятелю церкви в Абакумцево, который отвечал за некрасовскую школу. После смерти Зыкова в 1889 году школа пришла в упадок. По версии Вячеслава Вацлавовича, дочь Зыкова, Александра, учитель этой школы, могла прислать некрасовский сборник народной библиотеке.

В местной газете «Северный край» Рымашевский рассказал о судьбе ещё одной книги из первого фонда библиотеки: Герберт Спенсер, «Воспитание (умственное, нравственное и физическое)». СПб., 1894. При составлении картотеки дореволюционных книг сотрудник библиотеки Татьяна Александровна Ермилова в книге Г. Спенсера обнаружила надпись «Собственность К.Ф. Некрасова». Вячеслав Вацлавович высказал предположение, что это книга могла находиться в личной библиотеке Константина Фёдоровича Некрасова, племянника поэта, книгоиздателя, просветителя, коллекционера². Детство Константина Фёдоровича прошло в усадьбе «Карабиха». Фёдор Алексеевич пытался приучить сына к управлению имением, но безуспешно. Он становится известным общественным деятелем, депутатом от Ярославля в 1-й Государственной Думе, издаёт газеты «Голос», «Ярославские зарницы» (нередко в этих изданиях публикуются статьи П.А. Критского). Основывает в Ярославле «Книгоиздательство К.Ф. Некрасова», которое

¹ *Рымашевский В.В.* Служение поэта // Некрасовское наследие — юности: материалы Некрасовских чтений 18 ноября 2002 г. Ярославль, 2002. С. 7—8.

² *Рымашевский В.В.* Пропавшая библиотека // Северный край. 1998. 25 сент. С. 3.

в течение пяти лет выпускало книги высочайшего качества. Личная же библиотека Константина Фёдоровича сгорела во время белогвардейского восстания летом 1918 года. Книга, обнаруженная в библиотеке, позволила предположить Рымашевскому, что не все книги были утрачены.

Неожиданные результаты даёт изучение книг не только из первого фонда библиотеки, но и дореволюционных изданий, приобретённых в последующие годы. В год 110-летнего юбилея библиотеки краевед Наталья Викторовна Жесткова подарила нам 85-й том журнала «Современник» за 1861 год, отпечатанный в Санкт-Петербурге в типографии Карла Вульфа. На этом экземпляре журнала есть любопытная надпись. Над первым произведением, опубликованным в журнале, стихотворением Некрасова «На Волге», значится: «Граф Толстой дача «Воронцово» личная библиотека».

Изначально владельцами усадьбы «Воронцово» были князья Репнины. Затем «Воронцово» перешло к роду князей Волконских, от них — к тайному советнику Сергею Муханову, а с 1842 по 1867 год имением владели сёстры Мухановы — Мария, Анна, Елизавета и Екатерина, которые были фрейлинами императорского двора. Следовательно, в 1861 году, в год издания этого номера журнала «Современник», он мог принадлежать сёстрам Мухановым. Есть один интересный факт, связанный с романом Льва Толстого «Война и мир». В канун Бородинской битвы в одном из павильонов усадьбы «Воронцово» немецкий изобретатель из Штутгарта Франц Леппих разрабатывал оружие для русской армии — воздушный шар, который мог поднимать в воздух до 50 человек, и снаряды для бомбометания по позициям неприятеля. Об этой истории позднее узнал граф Лев Толстой. В романе-эпопее «Война и мир» он подробно описал поездку Пьера Безухова в Воронцово с целью осмотра большого воздушного шара. Возможно, эта история как-то связана с надписью на журнале. Мог ли «Современник» принадлежать графу Льву Толстому или кому-либо из рода Толстых? Чьей рукой сделана надпись на книге? Эти вопросы пока остаются открытыми.

О многом могут рассказать надписи на старинных книгах, сделанные первыми читателями библиотеки. На одной из книг английского писателя Уильяма Теккерея есть надпись: «Читал Ашкинезер, ученик класса рисования, который подарил библиотеке портрет Толстого, им исполненный». И книга, и портрет представлены на экспозиции в библиотеке. Эта надпись стала поводом для написания сценки по истории библиотеки.

В 1999 году читатель Роман Юрьевич Коновалов, изучая дореволюционные пушкинские книги, обнаружил на одном сборнике помету: «С.Г. Хренкова». Это позволило по-новому раскрыть облик Софьи Германовны Хренковой, которая заведовала Некрасовской библиотекой в 1905 году, была членом партии эсеров и любила стихи А.С. Пушкина. Её биография подробно изложена в сборнике «Ярославна», изданном к 1000-летию города Ярославля¹.

В книге «Ярославна» размещён и очерк об ещё одном незаурядном человеке — Елене Александровне Андреевой². Её судьба связана с усадьбой «Карабиха». Она внучатая племянница Н.А. Некрасова. Мать Елены Александровны, Вера Фёдоровна, была дочерью Фёдора Алексеевича Некрасова. В 1985 году Елена Александровна стала читателем и членом библиотечного актива. Была участницей Некрасовских вечеров в библиотеке. Ярославский поэт Иван Алексеевич Смирнов посвятил ей такие строки:

Представил: против вражеского танка —
Потомственная русская дворянка,
В огонь крошечный — за Страну Советов! —
Внучатая племянница поэта.
Ей так к лицу награда боевая!
А о себе: — «Всего-то рядовая...»
О, щедрость сердца фронтовой огранки,
Достойная некрасовской славянки!..

В течение десяти лет в библиотеке претворяют в жизнь совместный проект с Государственным музеем-заповедником Н.А. Некрасова «Карабиха», Ярославским государственным педагогическим университетом имени К.Д. Ушинского — научные чтения «Некрасовское наследие — юношеству» и выпуск сборников по материалам чтений. Этот совместный проект входит в целевую программу «Развитие культуры в городе Ярославле». В чтениях принимают участие как известные некрасоведы, так и молодые исследователи — аспиранты и старшеклассники. Идейным вдохновителем Некрасовских юношеских чтений долгие годы был Николай Николаевич Пайков, главный консультант по научной работе в музее-заповеднике «Карабиха», руководитель регионального цен-

¹ Климова Л.М. Живой факел : Софья Германовна Хренкова // Ярославна : история успеха ярославских женщин. М., 2005. С. 68—69.

² Климова Л.М. Достойна некрасовской славянки : Елена Александровна Андреева // Ярославна : история успеха ярославских женщин. С. 184—185.

тра некрасоведческих исследований при ЯГПУ имени К.Д. Ушинского. В октябре 2009 года, в дни празднования 110-летия со дня основания библиотеки Пайков преподнёс ей бесценный подарок из личного архива — двухтомное, изданное в 1886 году собрание произведений Некрасова, которое он приобрёл в Ленинграде в годы учёбы в аспирантуре. По материалам V и VI Некрасовских чтений был издан сборник, редактором которого был Н.Н. Пайков. В этот сборник вошёл и его доклад «Николай Некрасов: долгое возвращение на родину», и три его совместных с учениками работы. Эта книга стала прощальным напутствием учёного-некрасоведа молодому поколению читателей.

Постоянными участниками Некрасовских чтений являются Людмила Владимировна Гасанова, старший научный сотрудник ГЛММЗ Н.А. Некрасова «Карабиха» и Григорий Владимирович Красильников, кандидат филологических наук, заведующий музейным филиалом «Аббакумцево — Грешнёво».

Если чтения адресованы молодым ярославцам, то проект «Дедушка Мазай и его зайцы» предназначен для младших школьников и детей дошкольного возраста. На базе выставки фигурок — изделий народного творчества (в коллекции уже 80 экспонатов) проводятся разнообразные интерактивные занятия. Разрабатывать этот проект начали после выхода в свет книги научного сотрудника музея Татьяны Александровны Полежаевой с творческими заданиями для детей по произведению Н.А. Некрасова «Дедушка Мазай и зайцы».

В 2014 году юношеская библиотека имени Н.А. Некрасова отмечает сразу два юбилея — 115 лет со дня основания (17 октября 1899 года) и 100 лет со времени строительства исторического здания библиотеки. Юбилейный проект библиотеки «С именем Некрасова доброе дело живёт» будет претворяться в жизнь совместно с сотрудниками музея-усадьбы «Карабиха». Предстоит провести XI научные чтения «Некрасовское наследие — юношеству». Члены литературной студии «Парабола», занятия которой проходят в библиотеке, станут участниками Всероссийского Некрасовского праздника поэзии. Ведётся работа по изданию книги, посвящённой историческому зданию библиотеки, построенному Натальей Павловной Некрасовой в 1914 году. Если в прошлые годы попечителями библиотеки были родственники Н.А. Некрасова, проживающие в усадьбе «Карабиха», то сейчас это благородное дело продолжают сотрудники музея-заповедника «Карабиха».

УСАДЕБНОЕ ЧТЕНИЕ И ЕГО РОЛЬ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Л.Н. ТОЛСТОГО

Проблема усадебного чтения и его функций в произведениях Л.Н. Толстого, насколько нам известно, до сих пор не попадала в поле зрения исследователей. Более того, вопрос об «усадебном тексте» применительно к толстовскому творчеству лишь с недавнего времени стал объектом научного изучения¹.

Мотивация подобного «упущения», очевидно, должна быть достаточно весомой, так как присутствие «усадебного текста» в произведениях Толстого чётко осознаётся на разных рецептивных уровнях: от читательского до исследовательского, от непосредственно-интуитивного до научно-аналитического. Обращаясь к Толстому, инициировавший понятие «усадебный текст» в литературоведении В.Г. Шукин отмечает в его поэтике узнаваемые константы указанной структуры: «...в памяти читателя навсегда останутся семейные праздники, пение девушек в лунную ночь и долгие разговоры в диванной...»² Вместе с тем в локализованный ряд повестей с усадебной тематикой учёный не включает Толстого, сосредоточивая основное внимание на прозе И.С. Тургенева³. В другой работе он прямо пишет, что усадебные по тематике «вещи» Толстого «нельзя отнести к усадебному тексту»⁴. Аналогичным образом рассуждают и другие исследователи. Так, В.А. Доманский, предлагая выделять наряду с «уса-

---

Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда по проекту-победителю конкурса проектов в области гуманитарных наук №14-14-60001 «Русская усадьба: региональные и общекультурные аспекты».

¹ См.: *Подарцев Е.В.* Усадебный текст в творчестве раннего Льва Толстого // Филологическая наука в XXI веке: взгляд молодых : материалы первой межвузовской конференции молодых учёных. М. ; Ярославль, 2002; *Подарцев Е.В.* Мир русской усадьбы в романе Л.Н. Толстого «Семейное счастье» // Филологическая наука в XXI веке: взгляд молодых : материалы четвёртой Всероссийской конференции молодых учёных. М. ; Ярославль, 2005.

² *Шукин В.Г.* Поэзия усадьбы и проза трущобы // Из истории русской культуры. Т. V (XIX век). М., 1996. С. 586.

³ *Шукин В.Г.* Поэзия усадьбы и проза трущобы. С. 575.

⁴ *Шукин В.Г.* Усадебный текст русской литературы: основные параметры // Studia Rossica. VI. Warszawa, 1998. S. 91.

дебной повестью» и «усадебный роман» (правда, «только у И.С. Тургенева»), выстраивает следующий ряд «повестей»: «...И.С. Тургенев — «За-тишь», «Переписка», «Фауст», «Первая любовь», повести И. Панаева, М. Жуковой...»¹ Мысль о том, что жанровая разновидность «усадебной повести» может реализовать себя как компонент романа, также не прилагается к Толстому. По мнению В.Г. Щукина, «усадебная повесть вошла в состав «Евгения Онегина» (главы со второй по шестую)...»²; В.А. Доманский, вслед за «Онегиным», называет «Дубровского», а также романы И.А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв»³.

Что касается Толстого с его «усадебным текстом» — в «Детстве», «Войне и мире», «Анне Карениной», «Воскресении», «Семейном счастье», «Утре помещика», «Двух гусарах» и других, — он в этих перечнях не значитя — факт, уже сам по себе нуждающийся в объяснении.

Используя выражение исследователя, относящееся к Тургеневу-романисту, справедливо будет отметить, что Толстой в не меньшей мере преодолевал «сопротивление материала»⁴: если предположить, что обращение к усадебной тематике традиционно соотносилось с жанром повести, следует иметь в виду, что применительно к Толстому (равно как и к Достоевскому) этот жанр должен был преломляться в романном, сложно организованном многоголосье. «Диалектике» (Н.Г. Чернышевский) романных начал в художественном методе Толстого противостояла *статика* повествовательных и, не в последнюю очередь, «усадебных» структур. То, что Тургенев «всё же включил» соответствующие «образы-клише» в свои произведения, по мысли В.Г. Щукина, сказалось на качестве их «романности»: «тяготение к монологизму и ретроспекции», «достаточное количество места для обширных описаний и лирических отступлений» и тому подобное «встречается также в «Рудине», «Дворянском гнезде», «Накануне», *по сути дела являющихся большими повестями*»⁵.

¹ Доманский В.А. Русская усадьба в художественной литературе XIX века: культурологические аспекты изучения поэтики // Вестник Томского государственного университета. 2006. № 291. С. 56.

² Щукин В.Г. Поэзия усадьбы и проза трущобы. С. 575.

³ Доманский В.А. Русская усадьба в художественной литературе XIX века... С. 56.

⁴ Щукин В.Г. Поэзия усадьбы и проза трущобы. С. 560.

⁵ Там же. С. 561. Курсив мой. — Н.В. Точка зрения исследователя является спорной: так, Н.Д. Тамарченко, разбирая типологию эпических жанров, акцентирует различия канонических и неканонических жанров на примере именно произведений И.С. Тургенева — повести «Ася» и романа «Рудин» (Тамарченко Н.Д. Теория литературных родов и жанров. Эпика. Тверь, 2001. С. 47—54).

Данный вывод невозможен в приложении к жанровой поэтике Толстого: в большинстве его произведений реалии усадебного быта представлены в романной функции, а знакомая усадебная топика функционирует в ином стилевом ключе. Именно «диалектическое» изображение Толстым неизменного, замкнутого образа жизни обитателя усадьбы с наибольшей ясностью выявляет относительность будто бы неизбежной упорядоченности, но при этом утверждает и её обязательность, и непреходящую бытийную важность в человеческой судьбе.

В бытийном смысле «центр тяжести» в романе «лежит в целостном действии, в фактическом и психологическом движении сюжета», во время как в повести «основная тяжесть переносится нередко на статические компоненты произведения — положения, душевные состояния, пейзажи, описания и т. п.». «Скульптурность» в показе различных состояний и положений¹ — черта, иноприродная по отношению к задачам и методу Толстого. Об этом свидетельствует и художественная функция чтения в изображении усадебного мира, где пребывают многие толстовские герои — от Нехлюдова в «Утре помещика» (1852—1856/57) до Нехлюдова в романе «Воскресение» (1889—1898).

Кажущаяся статичность упоминаний чтения в описаниях помещичьего быта не затеняет многоуровневую романную природу данного топоса, органичную для толстовской поэтики. Оттолкнувшись от тезиса исследователя о роли интерьеров в создании образа усадьбы: «Важную роль в тексте усадебной повести играют... описание комнат, мебели, картин, посуды, библиотек и отдельных книг, фамильных портретов...» и так далее, — отметим, что изображение кабинета Нехлюдова в момент возвращения молодого барина после прогулки по деревне в «Утре помещика» далеко от традиционного «описания». Каждый предмет здесь высвечен потому, что сложно соотносён с душевным состоянием героя, причём не только в данную минуту нравственного поражения, крушения иллюзий «жизни правильной помещика образованного нашего века с рабством»². Через настоящее просматриваются недавнее, исполненное благородных устремлений прошлое и непонятное, утратившее ясные и надёжные контуры будущее. Поблеклость и обветшалость обстановки кабинета не менее красноречива, чем поясняющие ситуацию авторские

---

¹ Кожин В. В. Повесть // Литературный энциклопедический словарь / под ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева. М., 1987. С. 281.

² Толстой Л. Н. Дневник, 2 (?) авг. 1855 г. // Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. Т. XXI. М., 1985. С. 147.

комментарии: «В небольшой комнате, которую занимал Нехлюдов, стоял старый кожаный диван, обитый медными гвоздиками; несколько таких же кресел; раскинутый старинный бостонный стол с инкрустациями, углублениями и медной оправой, на котором лежали бумаги, и старинный жёлтенький, открытый английский рояль с истёртыми, погнувшимися узенькими клавишами. Между окнами висело большое зеркало в старой позолоченной резной раме. На полу, около стола, лежали кипы бумаг, книг и счетов. Вообще вся комната имела бесхарактерный и беспорядочный вид; и этот же беспорядок составлял резкую противоположность с чопорным старинно-барским убранством других комнат большого дома»¹.

«Кипы книг» — не на столе, а «на полу, около стола» — затеряны в господствующем повсюду «беспорядке». Эта деталь свидетельствует и о том, что 19-летний Нехлюдов «по книгам» намеревался разрешить крестьянский вопрос, и о том, что, вместе со «счетами и бумагами», они пока не получили действенного продуктивного употребления. Очевидно, общее впечатление некоторой ущербности кабинетного бытия Нехлюдова побудило Е.В. Подарцева указать на наличие в данном фрагменте романтических интенций, предположив, что «Толстой в этом описании подчёркивает бесхарактерность и беспорядочность комнаты, как бы сопоставляя её внутреннее убранство с положением дел на деревне, тем самым указывая на внутреннюю связь положений мужика и барина в предреформенный период»². Нам же представляется значимым указание автора на «живой», непоказной, лишённый «чопорности», присущей остальным покоям дома, характер кабинетного «беспорядка». Неопределённость «лица» владельца — в том числе и относительное нивелирование сословного признака — отражает динамику его развития, внутренних поисков, пытливости сердца и ума, не утраченных в атмосфере устойчивых предрассудков.

Неупорядоченность и постоянство чтения — две черты, в соположении определяющие строй души и миропонимания близких Толстому героев. Непрерывность процесса чтения — как метафора неустанной духовной работы — в более развёрнутом виде представлена личностью

¹ Толстой Л.Н. Утро помещика // Толстой Л.Н. Собр. соч. : в 22 т. Т. II. М., 1979. С. 369.

² Подарцев Е.В. Деревня и усадьба в повести Л.Н. Толстого «Утро помещика» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gimnasium1592.ru/index/derevnja_i_usadba_v_povesti_1_n_tolstogo_utro_pomeshhika/0-76

Левина, осложняясь романскими обертонами, соответствующими постигаемым героем сторонам бытия.

Когда Левин, возвратившись в Покровское после поездки в Москву, где ему отказала Китти, входит в свой кабинет, то, что он видит перед собой, — не интерьер в собственном смысле, а олицетворение переломного момента жизни Левина. За предметами он видит грань между «надеждами на новую, лучшую жизнь» и прошедшим, которое Левин называет «постыдным». «На столе открытая книга» — своего рода эмблема этого рубежа:

«Все эти следы его жизни... как будто говорили ему: «Нет, ты не уйдёшь от нас и не будешь другим, а будешь такой же, каков был: с сомнениями, вечным недовольством собой, напрасными попытками исправления и падениями и вечным ожиданием счастья, которое не удалось и невозможно тебе».

Но это говорили его вещи, другой же голос в душе говорил, что не надо подчиняться прошедшему и что с собой сделать всё возможно»¹.

Вместе с тем не отменяемая никакими обстоятельствами «текучесть» бытия соединяет в жизни Левина все «вещи» и «эпохи» его идеальной и повседневной жизни. Старина и новизна соседствуют в доме, который для него был «целый мир»². В «старинном» доме с устоявшимися обычаями читается новейшее сочинение Джона Тиндаля, английского физика, почти ровесника автора. Для Левина, как и для Толстого, этим высвечена не только характерная подробность времени и одна из позитивных черт дворянского усадебного быта (исследователи справедливо отмечают, что «русская усадьба в... образе жизни её обитателей ни в коем случае не уравнивается с провинцией»³). Данный факт оценивается у Толстого в цепи непрерывных человеческих исканий во все времена. Чтение Тиндаля — фон, на котором, сменяя друг друга, проходят облики жизни, оно — необъяснимым образом связующая их сквозная нить:

«Когда он вошёл в маленькую гостиную, где всегда пил чай, и *уселся в своём кресле с книгою*, а Агафья Михайловна принесла ему чаю и со своим обычным: «А я сяду, батюшка», — села на стул у окна, он

¹ Толстой Л.Н. Анна Каренина // Толстой Л.Н. Собр. соч. : в 22 т. Т. VIII. М., 1980. С. 107.

² Там же. С. 108.

³ Доманский В.А. Русская усадьба в художественной литературе XIX века... С. 58.

почувствовал, что, как ни странно это было, он не расстался с своими мечтами и что он без них жить не может. <...> *Он читал книгу, думал о том, что читал*, останавливаясь, чтобы слушать Агафью Михайловну, которая без устали болтала; и вместе с тем разные картины хозяйства и будущей семейной жизни без связи представлялись его воображению. Он чувствовал, что в глубине его души что-то устанавливалось, умиралось и укладывалось.

Он слушал разговор Агафьи Михайловны... и *читал книгу и вспоминал весь ход своих мыслей, возбуждённых чтением*. Это была книга Тиндаля о теплоте. Он вспоминал свои осуждения Тиндалю за его самодовольство в ловкости производства опытов и за то, что ему недостаёт философского взгляда. И вдруг всплывала радостная мысль: «Через два года будут у меня в стаде две голландки, сама Пава ещё может быть жива, двенадцать молодых Беркутовых дочерей, да подсыпать к ним на казовый конец этих трёх — чудо!» *Он опять взялся за книгу*.

«Ну хорошо, электричество и теплота одно и то же; но возможно ли в уравнении для решения вопроса поставить одну величину вместо другой? Нет. Ну так что же? Связь между всеми силами природы и так чувствуется инстинктом... Особенно приятно, как Павина дочь будет уже красно-пегою коровой, и всё стадо, в которое подсыпать этих трёх... Отлично! Выйти с женой и гостями встречать стадо... Жена скажет: мы с Костей, как ребёнка, выхаживали эту тёлку. Как это может вас так интересовать? скажет гость. Всё, что его интересует, интересует меня. Но кто она?»¹

Чтение мыслится как составляющая в ряду явлений, как начало развития, которое заканчивается лишь вместе с жизнью. Не случайно метафорой *книги* (одной из многочисленных «книжных» метафор Толстого) завершается земной путь Анны: «И свеча, при которой она читала исполненную тревог, обманов, горя и зла книгу, вспыхнула более ярким, чем когда-нибудь, светом, осветила ей всё то, что прежде было во мраке, затрещала, стала меркнуть и навсегда потухла»².

Чтение — это неперменный атрибут усадебной жизни: таковым оно показано в романе «Семейное счастье» (1859), по стилистике наиболее близком «усадебной повести». Действие романа начинается в усадебном мире и здесь же заканчивается: в этом мире героиня романа

---

¹ Толстой Л.Н. Анна Каренина. С. 109—110. Курсив мой. — Н.В.

² Толстой Л.Н. Анна Каренина // Толстой Л.Н. Собр. соч. : в 22 т. Т. IX. М., 1982. С. 364.

Маша обрела своё «семейное счастье», а в финале, после потери его, вновь надеется вернуть утраченное. Чтение в усадебном быту героини не имеет в себе ничего особенного — именно поэтому оно открывает Толстому возможность показать, как автоматическое, доведённое до ритуальности действие может перевоплотиться в осмысленный, живой и продуктивный процесс. О занятии чтением Маша много раз говорит как о явлении обыденном, причисляемом к другим занятиям уездной «барышни». Сергей Михайлыч, в ободрение, замечает ей: «у вас есть музыка... книги, ученье»¹; после разговора с ним Маша «занялась и Соней, и музыкой, и чтением»². В замужней жизни, по её словам, «было то же самое. Я читала, занималась и музыкой, и мамашей, и школой»³; «После обеда татап садилась в гостиную на большое кресло и растирала табак или разрезывала листы новополученных книг, а мы читали вслух или уходили в диванную к клавикордам»⁴.

По Толстому, наивное неведение может сближаться с бегством от настоящей жизни — отсюда декларативность указаний на присутствие чтения в одном ряду с составляющими усадебного быта. Сравнивая вышеприведённые фрагменты с очерком «кабинетной» жизни Еспера Иваныча Имплева в романе А.Ф. Писемского «Люди сороковых годов» (1869), чью жизнь исчерпывали «частое погружение в самого себя, чтение, музыка, размышление о разных учёных предметах»⁵, нельзя не согласиться с суждением исследователя: «Он прячется от всего иного»⁶.

Но случается так, что чтение в жизни героини «Семейного счастья» дважды становится фактором, открывающим для неё возможность освобождения от рутинности «погружения в себя» и однообразный домашний быт. В первый раз Машу окрыляет восхищение со стороны Сергея Михайлыча, обратившего внимание на необыкновенные свойства её души: «Книги, которые прежде я читывала только для того, чтобы

---

¹ *Толстой Л.Н.* Семейное счастье // Толстой Л.Н. Собр. соч. : в 22 т. Т. III. М., 1982. С. 77.

² Там же. С. 78.

³ Там же. С. 111.

⁴ Там же. С. 114.

⁵ *Писемский А.Ф.* Люди сороковых годов // Писемский А.Ф. Собр. соч. : в 9 т. Т. 4. М., 1959. С. 38.

⁶ *Смирнова Л.Л.* Образ усадьбы в романе А.Ф. Писемского «Люди сороковых годов» // Русская усадьба XVIII — начала XX веков : Проблемы изучения, реставрации и музеефикации. Материалы научной конференции. Ярославль, 2004. С. 8.

убить скуку, сделались вдруг для меня одним из лучших удовольствий в жизни; и всё только оттого, что мы поговорили с ним о книгах, читали с ним вместе и он привозил мне их»¹. Другое окно в «большой мир» Сергей Михайлыч открывает Маше словами о том, что «одно несомненное счастье — жить для других»². Любовь в её душе соединяет сказавшего это Сергея Михайлыча и всех остальных людей, включая крестьян, высоким «духовным настроением»³. Им обусловлен и непривычный выбор чтения: «Между службами я читала Евангелие, и всё понятнее и понятнее мне становилась эта книга...»⁴

Но усадебное чтение может являться и прикрытием, служащим цели самообмана и обмана других, своего рода «спасением от жизни»⁵, не имеющем к ней отношения «мёртвом» книжном знании. В этом случае чтение обычно характеризуется «всеядностью», бессмысленным наукообразием, механистичностью, сопровождаемыми нередко иллюзией пользы для других, позволяющей не замечать собственной душевной пустоты. В «Войне и мире» и «Анне Карениной» эта функция чтения значительно раздвигает границы замысла и содержания. Появляющийся в третьей части «Анны Карениной» второстепенный персонаж, своего рода «двойник» Левина Свяжский, уездный предводитель дворянства, «лучший тип земского деятеля, какой только знал Левин», примечателен тем, что всерьёз озабочен вопросами общественной пользы и к насущным проблемам подходит с позиций прогресса и новейшего образования.

В Суровском уезде, где находится усадьба Свяжского, словно сходятся все мировые вопросы, и Толстой иронизирует над этим через посредство Левина, для которого в ближайших заботах по хозяйству сосредоточено самое главное. Как бы непонимающий взгляд на Свяжского со стороны Левина открывает этот парадокс: «Свяжский был один из тех, всегда удивительных для Левина людей, рассуждение которых, очень последовательное, хотя и никогда не самостоятельное, идёт само по себе, а жизнь, чрезвычайно определённая и твёрдая в своём направлении, идёт сама по себе, совершенно независимо и почти всегда

---

¹ Толстой Л.Н. Семейное счастье. С. 84.

² Там же. С. 85.

³ Там же. С. 99.

⁴ Там же. С. 98.

⁵ Толстой Л.Н. Война и мир // Толстой Л.Н. Собр. соч. : в 22 т. Т. V. М., 1980. С. 309.

вразрез рассуждениям»¹. «Книжный» эпизод, связанный со Свяжским, выглядит почти сатирическим:

«Левин перед сном зашёл в кабинет хозяина, чтобы взять книги о рабочем вопросе, которые Свяжский предложил ему. Кабинет Свяжского была огромная комната, обставленная шкафами с книгами и с двумя столами — одним массивным письменным, стоявшим посередине комнаты, и другим круглым, уложенным звездой вокруг лампы, на разных языках последними нумерами газет и журналов. <...>

Свяжский достал книги и сел в качающееся кресло.

— Что это вы смотрите? — сказал он Левину, который, остановившись у круглого стола, переглядывал журналы.

— Ах да, тут очень интересная статья, — сказал Свяжский про журнал, который Левин держал в руках. — Оказывается, — прибавил он с весёлым оживлением, — что главным виновником раздела Польши был совсем не Фридрих. Оказывается....

И он с свойственной ему ясностью рассказал вкратце эти новые, очень важные и интересные открытия. Несмотря на то, что Левина занимала теперь больше всего мысль о хозяйстве, он, слушая хозяина, спрашивал себя: «Что там в нём сидит? И почему, почему ему интересен раздел Польши?» Когда Свяжский кончил, Левин невольно спросил: «Ну так что же?» Но ничего не было»².

Приближение катастрофы, которое уже угадывается в «счастливые» дни пребывания Анны и Вронского в Воздвиженском, осознаётся через отношение к чтению, которое становится для Анны едва ли не заменой действительной жизни и создаёт видимость значимости её в собственных глазах и во всё более граничащих с фальшью отношениях с Вронским: «Жизнь, казалось, была такая, какой лучше желать нельзя: был полный достаток, было здоровье, был ребёнок, и у обоих были занятия. Анна без гостей всё так же занималась собою и очень много занималась чтением — и романов и серьёзных книг, какие были в моде. Она выписывала все те книги, о которых с похвалой упоминалось в получаемых ею иностранных газетах и журналах, и с тою внимательностью к читаемому, которая бывает только в уединении, прочитывала их. Кроме того, все предметы, которыми занимался Вронский, она изучала по книгам и специальным журналам, так что часто он обращался прямо к ней с

---

¹ Толстой Л.Н. Анна Каренина // Толстой Л.Н. Собр. соч. : в 22 т. Т. VIII. С. 359—360.

² Там же. С. 369—370.

агрономическими, архитектурными, даже иногда коннозаводческими и спортсменскими вопросами. Он удивлялся её знанию, памяти и сначала, сомневаясь, желал подтверждения; и она находила в книгах то, о чём он спрашивал, и показывала ему»¹.

Когда Вронский приходит, чтобы сообщить ей о своём отъезде на дворянские выборы, книги выступают «заслоном» очевидного для обоих факта разрушающихся отношений, ещё более подчёркивая его:

«— Надеюсь, ты не будешь скучать?»

— Надеюсь, — сказала Анна. — Я вчера получила ящик книг от Готье. Нет, я не буду скучать»².

Вернувшись с выборов, Вронский застаёт Анну «в гостиной, под лампой, с новой книжкою Тэна». Но героиня Толстого вовсе не увлечена модной новинкой — по замечанию автора, она «читала, прислушиваясь к звукам ветра на дворе и ожидая каждую минуту приезда экипажа»³.

Следует признать справедливость наблюдения В.В. Розанова: «*Быта* Л.Н. Толстой не рисует, как темы, как задачи»⁴. Именно поэтому топос чтения, применительно к поэтике Толстого, не может быть абсолютизирован в виде тематических или стилевых пластов, в виде атрибутов, составляющих архитеконику «усадебной повести» в её каноническом облике. Обладая всеми характерными приметам времени, чтение среди этих пластов выступает как элемент романного целого, выполняя разнообразные художественные функции. «...У Толстого нет «обстановки», — пишет Розанов, — у него и мебель живёт. <...> «А из кого состоит жизнь? — спрашивает Толстой. — Разве она состоит из утончённых Метерлинков, из патетических Руссо, разве настоящую работу в ней производят говоруны Рудины и прорицатели Базаровы? Все *эти* говорят и проходят, а жизнь стоит, и на чём-нибудь она стоит же»⁵.

---

¹ Толстой Л.Н. Анна Каренина // Толстой Л.Н. Собр. соч. : в 22 т. Т. IX. С. 230.

² Там же. С. 232.

³ Там же. С. 255.

⁴ Розанов В.В. На закате дней. Л. Толстой и быт // Розанов В.В. О писателе и писательстве. М., 1995. С. 232.

⁵ Там же. С. 235.

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ В ДВОРЯНСКОЙ УСАДЬБЕ: ПРИВЫЧКИ И ПРОБЛЕМЫ

Проблема чтения, особенно детского, сегодня привлекает исследователей самых разных научных дисциплин: психологов, историков, педагогов, социологов, культурологов. Представляется, что целесообразно обратиться и к её художественным осмыслениям, в частности, нередко встречающимся в произведениях о дворянском детстве. Поскольку феномен дворянской усадьбы справедливо признан существенной составляющей русской культуры, отражение детского чтения изнутри её, возможно, позволит увидеть в одной из её специфических черт какие-то универсальные моменты, свойственные человеческой жизни, в том числе современной.

Материалом для наблюдений, изложенных в данном сообщении, послужили знаменитая повесть Л.Н. Толстого «Детство» (1852) и гораздо менее известная книга С.В. Ковалевской «Воспоминания детства» (1889), выбранные из-за сходства тематики. В обеих книгах воспроизводится и мир, и сознание дворянского ребёнка, а также отражается такое укоренившееся в сословии занятие, как чтение. Жанровые и гендерные различия между героями этих книг до некоторой степени обеспечивают широту обзора.

Образ книги в толстовской повести представлен довольно скупо. Библиотека как отдельное помещение в доме в тексте не упомянута; этим словом воспитатель и дядька Карл Иванович называет две книжных полки в классной комнате. Таким образом, в сознании читателя, узнающего от Толстого о дворянском детстве, закрепляется связь книги, прежде всего, с образованием недоросля. Безотносительно к собственно усадебной культуре, эта мысль ясно звучит в описании князя Ивана Ивановича как образцового представителя самого высшего света: «Он был хорошо образован и начитан; но образование его остановилось на

---

*Публикация подготовлена при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда по проекту-победителю
конкурса проектов в области гуманитарных наук №14-14-60001
«Русская усадьба: региональные и общекультурные аспекты».*

том, что он приобрёл в молодости»¹, далее перечисляются имена французских классицистов и отмечается незнание современных автору и взрослому герою писателей — Гёте, Шиллера и Байрона. Прочность связи между чтением и учением в сознании автора «Детства» доказывается и тем фактом, что описание классной комнаты начинается с рассказа о двух книжных полочках, принадлежащих детям и Карлу Ивановичу.

«Налево от двери были две полочки: одна — наша, детская, другая — Карла Иваныча, *собственная*. На нашей были всех сортов книги — учебные и неучебные: одни стояли, другие лежали. Только два больших тома «Histoire des voyages», в красных переплётках, чинно упирались в стену; а потом пошли длинные, толстые, большие и маленькие книги, — корочки без книг и книги без корочек, всё туда же, бывало, нажмёшь и всунешь, когда прикажут перед рекреацией привести в порядок библиотеку, как громко называл Карл Иваныч эту полочку. Коллекция книг на *собственной* если не была так велика, как на нашей, то была ещё разнообразнее. Я помню из них три: немецкую брошюру об унавоживании огородов под капусту — без переплёта, один том истории Семилетней войны — в пергаменте, прожжённом с одного угла, и полный курс гидростатики. Карл Иваныч большую часть своего времени проводил за чтением, даже испортил им своё зрение; но, кроме этих книг и «Северной пчелы», он ничего не читал»².

В этом описании обращают на себя внимание два момента: различие интересов владельцев книг и предметность детской памяти, старательно воспроизведённая автором во всех описаниях повести. Упоминание различных характеристик (цветов, размеров и переплётков) книг как предметов не выделяет их в тексте из ряда других вещных описаний, отличающихся не меньшим вниманием к подробностям: угла с печной заслонкой, клеёнки на столе, сундука Натальи Савишны или колпака Карла Ивановича. Все эти подробности призваны запечатлеть пластику и богатство окружающего ребёнка мира, идеальный образ которого создаётся в памяти, с благодарностью сохранившей его черты и детали. Умиление повествователя прямо выразилось в знаменитом авторском признании: «Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лежать воспоминаний о ней? Воспоминания эти освещают»

---

¹ Толстой Л.Н. Детство // Толстой Л.Н. Собр. соч. : в 12 т. Т. 1. М., 1987. С. 96.

² Там же. С. 43—44.

жают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений»¹.

Пластичность описаний, включающих упоминания множества мелких и милых подробностей, позволила Толстому воспроизвести уклад дворянской жизни первой половины XIX столетия. Отражённый в «Детстве» образ жизни предстаёт перед читателем как давно сложившийся, устоявшийся в своих формах. Его привычность и устойчивость кажется почти вековой, однако историческое знание об относительной молодости сословия заставляет увидеть в такой устойчивости и привычности мощь культурной традиции. Одной из её составляющих была сословность, вошедшая в кровь и плоть юного Николеньки, что стало одной из тем трилогии Толстого в целом.

Эта сторона дворянской культуры своеобразно сказывается и в освещении интересующей нас темы детского дворянского чтения. Единственным человеком, который запомнился рассказчику «с книгой в руке», был Карл Иванович, который, правда, нередко и засыпал над ней. Описание его «библиотеки» представляет разнообразие его читательских интересов, сквозь призму которых герой видится человеком, стремящимся к образованию, с некоторым уклоном (возможно, объяснимым его национальностью) к основательности оседлой помещичьей жизни и хозяйствования. В создании этого образа есть нюанс: наряду с искренней любовью, в рассказе есть лёгкая ирония повествователя, объяснимая низшим, по сравнению с семьёй, уровнем образования и культуры Карла Иваныча, который демонстрируется как раз описанием его книг и его манеры чтения. Стремление воспитателя к книжному знанию, его желание приобщиться через овладение этой ценностью к той среде, в которой он живёт, умиляет повзрослевшего Николеньку, понявшего и оценившего интенцию воспитателя. В дальнейшем повествовании повторяется мысль последнего предложения в приведённом фрагменте: Карл Иванович засыпает над книгами. Но своё назначение учителя он выполнил; не случайно ещё одна из упомянутых в тексте книг — учебник — показана именно в его руках во время рассказа о занятиях; книга же (безымянная!) фигурирует и в качестве его подарка детям; в комичном списке его трат значится: «Книга и лук, подарка детям — 8 р. 16 к.»².

---

¹ Толстой Л.Н. Детство. С. 83.

² Там же. С. 72.

Образ Карла Ивановича, наряду с другими приёмами, способствует прояснению мысли об образовании как сословной ценности дворянства; ведь в отличие от бедного немца отец Николеньки, обладая широтой интересов и самобытностью суждений, над книгами не засыпает; он, наоборот, способен чрезмерно увлекаться ими: «Часто, читая вслух, когда он доходил до патетического места, голос его начинал дрожать, слёзы показывались, и он с досадой оставлял книгу»¹. Чтение для него — одно из многих естественных досуговых занятий, приличных дворянину.

Практическое отсутствие в повести упоминаний о чтении родителей, так же как и пространство библиотеки в имении и в московском доме, можно считать своеобразным «минус-приёмом» в повести Толстого: чтение и книги — это средство образования дитяти. Для взрослых, уже освоивших богатый окружающий мир, это настолько естественно, что писать об этом не требуется в силу очевидности.

Повесть Толстого, при всей естественной автобиографичности произведений о детстве, принадлежит к художественной словесности, создающей объёмный образ взаимодействия ребёнка с миром. В произведениях эго-литературы, дневниках и воспоминаниях, по жанровому заданию более автобиографичных, авторы нередко освещают интересующую нас тему нюансированнее. Показательным примером в этом отношении и стали «Воспоминания о детстве» Софьи Ковалевской.

В этой книге проходное замечание о популярности чтения в семье («У нас в семье много читали и выписывали книг новых») не находит в тексте развёрнутого продолжения по тем же причинам, что и у Толстого. Однако, в отличие от него, индивидуальные характеристики детского чтения здесь проявлены очень резко. Проще всего объяснить это тем, что внимание автора в книге сосредоточено на девочках, домашний мир которых был, очевидно, более ограничен, даже в позднейшую, по сравнению с Толстым, эпоху (когда вышло «Детство», Софье Корвин-Круковской было два года). Хотя уроки — обязательная часть жизни девочек в Палибино, их чтение не соотносится с учёбой и носит досуговый характер, а значит, для автора важнее его индивидуализирующая, чем социализирующая функция. Однако нам интересна именно последняя.

Прежде всего, отмечу, что в воспоминаниях Ковалевской несколько фрагментов посвящено собственно библиотеке, осознаваемой местом искушения ребёнка, чтение которого строго регламентируется взро-

¹ Там же. С. 70.

слыми и воспитателями: «...положение моё становится *опасным*, так как *искушения* окружают меня со всех сторон. Рядом с залой находится библиотека, и там на всех столах и диванах валяются *соблазнительные* томики иностранных романов или книжки русских журналов. Мне строго-настрого запрещено касаться их, так как гувернантка моя очень разборчива насчёт дозволенного для меня чтения»; «а тут вдруг под рукой у меня такое богатство! Ну как тут не *соблазниться!*»¹

Мотив искушения книгами развивается в тексте и на уровне повествования, и на уровне сюжета. Упомянув в одном ряду иностранные романы и русские журналы как в равной степени нежелательные для детского чтения, повзрослевшая Софья Васильевна характерно проговорила. Судьба её старшей сестры Анны теснейшим образом связана как раз с теми и другими.

В нежном возрасте ей, так же как и Татьяне Лариной, «нравились романы», которые, правда, не «заменяли всё», однако в очень большой степени способствовали взрослению. По крайней мере, автор считает первым взрослым поступком героини именно её обращение к книгам и, начиная рассказ о запойном чтении сестры, использует очень показательное определение — «акт самостоятельности»: «Когда Анюте было всего лет пятнадцать, она проявила первый свой акт самостоятельности тем, что набросилась на все романы, какие только находились в нашей деревенской библиотеке, и поглотила их невероятное количество»². Избирательность читательских пристрастий Анны в данном случае является отличительной характеристикой; масса «старых английских романов, преимущественно исторических, в которых действие происходило в средние века, в рыцарский период»³, увлёкших пятнадцатилетнюю Аню, сформировали в ней дух рыцарства и благородства.

Качество проглоченных героиней произведений невысоко оценивается её повзрослевшей сестрой, судя по тону её замечаний; однако однозначности в оценке романного чтения у неё нет. С одной стороны, «для сестры моей эти романы были настоящим откровением. Они ввели её в неведомый ей до тех пор чудесный мир и дали новое направление её фантазии»⁴; а с другой — Аня «бессознательно начинала набивать себе

---

¹ Ковалевская С.В. Воспоминания детства. Великие Луки, 2010. С. 38. Курсив мой. — *И.М.*

² Там же. С. 64.

³ Там же.

⁴ Там же.

оскомину от рыцарских романов»¹. В любом случае очевидно огромное влияние романов на развитие её личности:

«Её воображению в первый раз в жизни ясно представились вопросы: есть ли будущая жизнь? Всё ли кончается смертью? Встретятся ли два любящих существа на том свете и узнают ли друг друга?

С той необузданностью, которую она вносила во всё, что делала, сестра вся проникнулась этими вопросами, точно она первая на них натолкнулась, и ей преискренне стало казаться, что она не может жить, не получив на них ответа»².

Этот пассаж завершает пересказ романа Булвер-Литтона «Эдуард Гарольд, последний из саксов» (1848). Сюжет романа пересказывается подробно, серьёзно и с деталями, не оставляющими сомнения в хорошем знакомстве самого автора с книгой; но ироничный тон заключительного вывода («И вот этот-то роман совершил перелом во внутренней жизни моей сестры»³) заставляет увидеть, как непросто было отношение Ковалевской к своим и сестры подростковым увлечениям. Снисходительная ирония здесь — дань взрослости автора, умиляющегося всем, чем овевяно детство, и понимающего лишь субъективную ценность описываемого.

Зато совершенно однозначно оценивается чтение русских журналов. Его эмансипирующая роль — мотив развитый и в художественной литературе того времени — совершенно очевидна для рассказчицы, точно отразившей социальную иерархию периодических изданий эпохи: «Анюта ещё могла благодаря ему получать разные книжки, недоступные ей иначе. В доме нашем из периодических журналов получались лишь самые степенные и солидные: «*Revue des deux Mondes*» и «*Atheneum*» из иностранных, «Русский вестник» — из отечественных. В виде большой уступки духу времени отец мой согласился в нынешнем году подписаться на «Эпоху» Достоевского. Но от молодого поповича Анюта стала доставать журналы другого пошиба: «Современник», «Русское слово», каждая новая книжка которых считалась событием дня у тогдашней молодёжи. Однажды он принёс ей даже номер запрещённого «Колокола» (Герцена)»⁴. Подчеркну, что в соответствии с исторической реальностью просветителем провинциальной барышни выступает при-

---

¹ Там же. С. 65.

² Там же. С. 68.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 76.

ехавший домой на каникулы попovich, образ которого сопровождается характерной деталью — «растрёпанной книжкой в кармане», и интерес к нему Анны мотивируется её потребностью в книгах, «недоступных ей иначе»¹.

История взросления Анны заканчивается её писательством, которое объявляется ею же самой целью жизни. «Так вот сбылась-таки моя заветная мечта. Теперь я русская писательница! — почти прокричала она в порыве неудержимого восторга»². Важность писательства как профессионального, то есть социально значимого, занятия в данном случае отмечена получением гонорара. Публикация повести для девушки — это не только удовлетворение амбиций и потребностей высказаться (хотя и это тоже), но и социальная адаптированность, зрелость.

Уважение к печатному слову в описываемой среде — в сущности, почти детской — объясняется автором условиями провинциальной («в деревенской глуши») жизни: «Чтобы понять, что значило для нас это слово «писательница», надо вспомнить, что мы жили в деревенской глуши, вдали от всякого, даже слабого, намёка на литературную жизнь. У нас в семье много читали и выписывали книг новых. К каждой книжке, к каждому печатному слову не только мы, но и все наши окружающие относились как к чему-то приходящему к нам издалека, из какого-то неизвестного, чуждого и не имеющего с нами ничего общего мира. Как ни странно это может показаться, однако факт, что до тех пор ни сестре, ни мне не приходилось даже видеть ни одного человека, который бы напечатал хоть единую строку»³. Литература, таким образом, независимо от качества, жанра, географии и места публикации, открывает юным читательницам «большой мир», в который они и уедут впоследствии. Мотивы отъезда из дома, весьма драматичного для отношений внутри семьи, у обеих сестёр одинаковы: они стремятся к образованию и социальной деятельности. Эмансипирующая роль чтения связана, таким образом, и с особой замкнутостью деревенской жизни. С некоторой долей условности можно сказать, что высокая значимость чтения в дворянской усадьбе обусловлена, среди прочего, и ландшафтными особенностями России, её простором и пространством. Трудно преодолимые расстояния делали печатное слово едва ли не единственным способом широкого, социально значимого общения.

---

¹ Ковалевская С.В. Воспоминания детства. С. 75.

² Там же. С. 83.

³ Там же.

Кроме того, конечно, важным фактором были психологические предпосылки. С самого начала книги Ковалевская создаёт автообраз девочки, непонятой окружающими и одинокой. Особенности характера героини — нелюдимость, застенчивость, «дикость и сосредоточенность»¹ — объясняются семейным отторжением; родители хотели мальчика, и нелюбимость младшей дочери была темой частых разговоров няни и прислуги. Этот мотив — одиночество нелюбимого ребёнка в семье — в тексте «Воспоминаний...» имплицитно связывается с тягой к творчеству, инициированной книгами: «В двенадцать лет я была глубоко убеждена, что буду поэтессой»². «Чувство безотчётной тоски» и принадлежность героини к «нервным детям» находят естественный выход в автокоммуникации. «Как у большинства одиноко растущих детей, у меня уже успел сложиться целый богатый мир фантазий и мечтаний, существование которого и не подозревается взрослыми»³.

Начиная с любви к няниним сказкам, совсем юная Соня очень внимательна к слову: «Я страстно люблю поэзию; самая форма, самый размер стихов доставляют мне необычайное наслаждение»; «самый размер стихов всегда производил на меня такое чарующее действие, что уже с пятилетнего возраста я сама стала сочинять стихи»⁴. Рассказ о чтении поэзии, желательной высокопарной, и писании собственных стихов составляет особый фрагмент книги. В нём отчётливо вырисовывается пристрастие к балладам, о чём героиня прямо говорит, называя Жуковского и приводя названия своих детских виршей: «Погоня его (мячик. — *И.М.*) перед собой, я несусь, бывало, по зале и громко декламирую два моих поэтических произведения, которыми особенно горжусь: «Обращение бедуина к его коню» и «Ощущения пловца, ныряющего за жемчугом». В голове у меня задумана длинная поэма «Струйка», нечто среднее между «Ундиной» и «Мцыри», но из неё готовы пока только первые десять строф. А их предполагается 120»⁵. Читатель, очевидно, узнает и «Песнь и Вещем Олеге», и «Перчатку», но может и подивиться специфичности мышления будущего математика, ведь маленькая Соня исчисляла сюжет количеством строф.

Но гораздо важнее для нас, что она связывает со звучащим словом и момент самоидентификации. Она начинает книгу с рассказа о том, как

---

¹ Там же. С. 15.

² Там же. С. 38.

³ Там же. С. 37.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 38.

в совсем раннем детстве не смогла ответить на вопрос о собственном имени, и в помощь ей дядючок, указывая на ворота, придумал каламбур:

«— Видите ли, маленькая барышня, на воротах висит крюк, — говорит он, — когда вы забудете, как зовут вашего папеньку, вы только подумайте: «висит крюк на воротах Крюковского» — сейчас и вспомните.

И вот, как ни совестно мне в этом признаться, этот плохой дядючковский каламбур врезался в моей памяти и составил эру в моем существовании; с него веду я моё летосчисление, первое возникновение во мне отчётливого представления, кто я такая, какое моё положение в свете¹.

Глубокое внимание застенчивой девочки к ритмически организованному звучанию слова проявляет в ней и склонности будущего математика.

Таким образом, в своей книге Ковалевская демонстрирует сильное влияние чтения на русских девочек в глуши усадьбы, которая, конечно, не осознаётся ими очагом культурного развития; при этом автор учитывает сходство обстоятельств и разность психологического склада юных читательниц. Вырастая в одной семье, то есть в одних и тех же условиях, одна — весёлая, открытая, красивая — под влиянием романов и журналов становится писательницей, затем сподвижницей борца, а другая — нервная, застенчивая и одинокая — зачитывается балладами Жуковского и убеждена, что будет поэтом, а становится математиком. Но обе, взрослея, горячо стремятся покинуть семью. Этапы их взросления настолько тесно связаны с чтением, что его можно рассматривать как растянутую во времени инициацию: это испытание, которое необходимо пройти, чтобы стать достойным членом общества.

Сложность этого испытания проясняется в книге Ковалевской образом любимого Софьей дяди, старшего брата отца, Петра Васильевича Корвин-Круковского. Особенности его характера и судьбы теснейшим образом связываются с его страстной любовью к чтению, о которой сказано: «Никогда ни у кого, за исключением разве у *иных подростков*, не встречала я такой страсти к чтению, как у него»². Сравнение с подростками подтверждается характеристиками чтения. Семантика чрезмерности в определениях этой любви становится ключевой: «страсть», «запой», «одурь», «жадно поглощал», чем и объясняется возможная опасность увлечения книгами, осуждаемого как всякая страсть, когда

---

¹ Ковалевская С.В. Воспоминания детства. С. 9.

² Там же. С. 48. Курсив мой. — И.М.

речь идёт о детском чтении. Ср.: «Но гувернантка моя этого занятия не одобряла; у неё в уме сложилось вполне определённое представление о том здоровом, нормальном ребёнке, из которого потом выйдет примерная английская мисс, и сочинение стихов с этим представлением никак не вяжется»¹. «Страстный» аспект чтения, легко воспринимаемый ребёнком с развитым воображением, может объяснить сдержанность взрослых в вопросе о детском чтении². Применительно к взрослому, казалось бы, вряд ли кому-нибудь придёт в голову негативно оценивать увлечение чтением. Однако в тексте «Воспоминаний» эта страсть дяди называется слабостью: «Чтение до запоя, до одури было его единственной слабостью»³. Об этом хотелось бы сказать подробнее.

Описывая чтение дяди, рассказчица отмечает разнообразие его интересов: «Политика очень занимала его. С жадностью поглощал он газеты, приходившие к нам раз в неделю, и потом долго сидел и обдумывал...»; ниже: «Но больше всего увлекался дядя, когда нападал в каком-нибудь журнале на описание нового важного открытия в области наук»⁴; ещё ниже: «Но не одна политика и отчёты о новейших изобретениях имели способность волновать моего дядюшку Петра Васильевича. С одинаковым увлечением читал он и романы, и путешествия, и исторические статьи. За неимением лучшего он готов был читать даже наши детские книги»⁵. Такое описание можно сравнить с фрагментом из «Евгения Онегина»: в Восьмой главе романа говорится, как герой, укрывшись в имении, «стал вновь читать... *без разбора*» (VI, 182; курсив мой. — *И.М.*). По мнению многих комментаторов этого фрагмента, достижения мировой мысли необходимы автору как фон, на котором происходит перерождение героя (он наконец понимает склад натуры Татьяны, довольно далёкий от его собственного). В тексте же Ковалевской характеристика бессистемного и обширного чтения дяди оттеняет инаковость его социальной роли по сравнению с привычной для его среды. Воспроизводя отношение к дяде старших и отражая тем самым стереотипы своей среды, рассказчица называет его «чудаком», «человеком не от мира сего», а его характер «необычайно слабым».

¹ Там же. С. 37—38.

² Этот оттенок отношения к чтению запечатлён и Аксаковым в «Детских годах Багрова-внука», где рассказывается о том, как мать героя была обеспокоена нервным состоянием ребёнка после чтения книг.

³ Ковалевская С.В. Воспоминания детства. С. 46.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 48.

Таковой слабостью воспринимаются совершенное отсутствие властности, мягкость, исключительная доброта: «Благодаря необычайной слабости его характера... он всю свою жизнь находился под чьим-нибудь гнётом, и притом под гнётом столь жёстким и самовластным, что об удовлетворении каких-либо прихотей или личных вкусов не могло быть для него и речи»¹. Замечу, что это качества, часто свидетельствующие о развитом воображении, способности поставить себя на место другого (ср.: «в действительной жизни он всех находил правыми»²), то есть как раз те, которые необходимы отзывчивому и увлечённому читателю.

Вводя героя в повествование, автор пишет: «Дядя этот был в полном смысле слова человеком не от мира сего. Хотя он был старший в роде и должен бы был изображать главу семейства, но на самом деле каждый, кому только вздумается, помышал им, и все в семье так и относились к нему, как к старому ребёнку. За ним давно установилась репутация чудака и фантазёра. Жена его умерла несколько лет тому назад; всё своё довольно большое имение он передал своему единственному сыну, выговорив себе лишь очень незначительный ежемесячный пенсион, и, оставшись таким образом без определённого дела, приезжал часто к нам в Палибино и гостил целыми неделями»³. Таким образом, слабость дяди заключается в бедности, бесприютности и отсутствии дела, то есть в социальной неадаптированности. Точнее, его мягким характером объясняется невозможность социальной адаптации в привычных формах: «Вследствие этой же слабости характера он был признан в детстве неспособным к военной службе, единственной считавшейся в то время приличной для столбового дворянина, и так как нрава он был смиренного и к шалостям не склонен, то нежные родители порешили оставить его дома, дав ему лишь настолько образования, сколько требовалось, дабы не попасть в недоросли из дворян»⁴.

Не включённый в общественную жизнь, Пётр Васильевич Корвин-Круковский, однако, выполняет иную роль. Он провоцирует активное общение в семье: «Приезд его всегда считался у нас праздником, и в доме всегда становилось как-то и уютнее и оживлённее, когда он бывал у нас»⁵; «в такие дни за столом у нас велись жаркие споры и пересуды, тогда как без дяди обед проходил обыкновенно в угрюмом молчании,

---

¹ Ковалевская С.В. Воспоминания детства. С. 48.

² Там же. С. 46.

³ Там же. С. 45.

⁴ Там же. С. 48.

⁵ Там же. С. 45.

так как все домашние, за отсутствием общих интересов, не знали, о чём говорить друг с другом»¹. Осмысление книжных знаний как повода для общения проясняет коммуникативную роль чтения и даже связано с системностью образования Петра Васильевича: «До всего, что он знал, он или додумался сам, или вычитал это впоследствии из книг. А сведения у него действительно были замечательные, но, как у всех самоучек, разбросанные и неровные. По одному предмету очень большие, по другому — совсем ничтожные»². Такое образование, обычно препятствующее профессиональной (а значит, и общественнополезной, социально значимой) деятельности, в данном случае, обеспечивая эрудицию, делает человека прекрасным собеседником. Описание спровоцированных дядей застольных разговоров занимает немалое пространство главы: «И начнёт дядя передавать присутствующим содержание только что прочитанной им журнальной статьи, невольно, почти бессознательно украшая и пополняя её и выводя из неё такие смелые заключения и последствия, которые, верно, не грезились и самому изобретателю»³.

Как было показано раньше, героини книги Ковалевской значительно более избирательны в своих читательских пристрастиях; они нацелены на формирование личности, естественны для взросления, которое связывается во всех культурах с социальной адаптацией. Богатые книжные знания, использующиеся как повод к общению, востребованы, как видим, в домашней сфере. Благое стечение исторических обстоятельств и личностного склада (о дяде говорится: «Выросши, он продолжал жить дома, в деревне, не обнаруживая ни малейшего самолюбия»⁴) позволяет ему реализоваться в ней, однако такая реализация не признаётся средой, представления которой разделяют и сёстры Круковские, стремящиеся вырваться из дома. Их личностное развитие, во многом обеспеченное активным чтением, пока они живут в усадьбе⁵, вступает в противоре-

¹ Там же. С. 46. Русская художественная литература предлагает немало образов читателей-самоучек, которые выполняют роль рассказчиков и инициаторов разговоров в дворянских домах, существенно украшая и разнообразя небогатую развлеченными жизнь. Достаточно вспомнить Рогожина из лесковского «Захудалого рода».

² Там же. С. 48.

³ Там же. С. 46—47.

⁴ Там же. С. 48.

⁵ Ср.: «И вот, можете себе представить, мне, большой двенадцатилетней девице, мне, которая за несколько минут перед тем переживала с героиней прочитанного украдкой романа самые сложные психологические драмы, мне приходится пойти и стать в угол» (Ковалевская С.В. Воспоминания детства. С. 11).

чие и с ожиданиями их родителей и воспитателей. Здесь уместно провести одну параллель. Совсем юная героиня Ковалевской решает задать своему дяде бестактный вопрос, когда они находятся в библиотеке, словно место действия оправдывает нарушение общепринятых правил. В современном романе — «Искуплении» И. Макьюэна — сцена «падения» молодых героев-англичан происходит также в библиотеке. Акцентированность места в обоих, очень далёких случаях, очевидно, имеет подоплёкой жизненную практику. Сопоставление мотивов искушения и акта самостоятельности в теме чтения девочек в книге Ковалевской указывает на двойственность отношения поместной дворянской среды в её массе к чтению как таковому.

Отражённая С. Ковалевской в «Воспоминаниях детства» проблема девического чтения вскрывает и проблемы семьи, имеющей две противонаправленные цели: развитие личности ребёнка и подготовка его к социальной адаптации. Вспомним, что обе начитанные сестры осуществили жизненный сценарий женского писательства, который, как известно, распространился в России позапрошлого столетия потому, что сфера приемлемой для женщины социальной деятельности была довольно узкой.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ И КРУГ ЧТЕНИЯ
В.Д. ФИЛОСОФОВА
(по материалам личного дневника)

История дворянского рода Философовых уходит своими корнями в глубокую древность. Многие представители этой фамилии оставили заметный след в истории России. На протяжении долгих лет проводятся исследования, посвящённые изучению культурного наследия рода Философовых. Этой темой занимаются в Бежаницком историко-культурном центре Философовых, где ежегодно проводятся Философовские чтения.

В этой статье предпринята попытка рассмотреть некоторые эпизоды жизни Владимира Дмитриевича Философова в селе Богдановском летом 1838 и 1839 года.

Хозяином имения Богдановское Новоржевского уезда Псковской губернии был Дмитрий Николаевич Философов (1790—1863). Он имел трёх сыновей — Александра, Николая и Владимира. Младший сын, Владимир (1820—1894), впоследствии был действительным тайным советником, первым Главным военным прокурором русской армии при Александре II, членом Государственного Совета¹. После смерти отца владел имением Богдановское.

Владимир Дмитриевич Философов в студенческие годы вёл дневник. В настоящее время он хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства. Записи в него заносились в период с 1838 по 1844 год. А.В. Тыркова характеризует этот дневник как «юношеские заметки, порой наивные и простодушные, в которых есть не только отголоски пробуждающихся умственных интересов, но и подкупающая душевная чистота, впечатлительность, совестливость и какая-то внутренняя нежность»².

В дневнике содержатся интересные сведения о жизни молодого человека в провинциальной усадьбе, встречаются упоминания о некоторых провинциальных происшествиях. На нескольких страницах дневника Философов приводит сводную родословную, в которой от-

¹ См.: Философовы // Псковская энциклопедия. Псков, 2007. С. 919—920.

² Цит. по: Антипова Р.Н. О дневнике Владимира Дмитриевича Философова («Сыны отражены в отцах») // Философовские чтения : сб. мат. четвёртых Философовских чтений. Псков, 2011. С. 46.

ражены переплетения родов Философовых, Чихачёвых, Креницыных, Рокотовых, Гауеров, Княжнинных, Бороздиных и так далее.

На первой странице дневника Владимир Дмитриевич делает небольшое автобиографическое вступление — «Воспоминание протекших лет». В нём указывает причину, по которой стал вести дневник, рассказывает о некоторых моментах своей биографии, упоминая о родственниках. Записки о том, что случилось с ним замечательного, он начал вести по совету профессора, священника Богословского. Самые тайные места решил писать особенными знаками, ключ которых был известен только ему самому.

В.Д. Философов писал о том, что в детские годы, проживая в имении своего отца, он стал обучаться французскому языку. «Я жил в деревне до 11-летнего возраста и на 9 году начал ходить уже в храм к Господину де Воле, доброму французу, у которого не выучился более как только болтать по-французски»¹. В 1831 году Философов был привезён в Петербург, где его экзаменовал Константин Матвеевич Бороздин. Видимо, знания, полученные в Богдановском, были недостаточно глубокими. По словам Философова, Бороздин удивился его невежеству². Поэтому для подготовки к поступлению в Императорское училище правоведения пришлось пройти дополнительный курс обучения. Философов изучал латинский язык, математику, словесность, историю и географию, и наконец в 1835 году он успешно поступил в Императорское училище. Во время учёбы Философов приезжал в Богдановское только на каникулы. Летом он продолжал вести повседневные записи, из которых мы узнаём о его занятиях и увлечениях.

Владимир в столь юном возрасте много читает и размышляет. Его духовной пищей становятся книги. «Любимыми авторами были Шекспир («Гамлет»), Гоголь («Ревизор»), Лермонтов, А. Бестужев. Стихотворение последнего «Шебутуй» он вносит целиком в текст дневника в марте 1838 года в сопровождении следующих строк: это «...лучшие стихи русской литературы. И про такого человека, как Бестужев, осмелился сказать Н., что смерть на поле битвы слишком для него хороша. Презренный деспот, ты недостоин целовать праха ног творца Шебутуя. О... может быть всевышний даст мне когда-нибудь отслужить за Бестужева, я бы с удовольствием пожертвовал жизнью для

---

¹ РГАЛИ. Ф. 1183, оп. 1, д. 5, л. 3.

² Там же.

человечества»¹. Молодой человек мечтал о литературной деятельности и славе. Дневник сохранил упоминания о трёх созданных им произведениях — «Араб», «Профессор», «Курбский», о творческом соревновании его с лучшим поэтом училища А. Жемчужниковым, о занятиях переводом. «Вместе с Сашей Княжниным, которого я очень люблю, я перевёл роман Жорж Занда под заглавием СИМОН и отпечатал на свой счёт в типографии Витбера»².

Любил Владимир Философов и театр. В воскресенье 1 мая 1838 года он был в театре и смотрел постановку «Русалка». Вот как он это комментирует: «Отправились в театр: «Русалка» Пушкина. Про стихи говорить нечего, но к несчастью она писана не для сцены. Коротенькие действия без малейшего сценического эффекта. Декорации недурны...»³

Сдав экзамены в июне 1838 года, Владимир отправился к отцу в Псковскую губернию. Маршрут следования из Петербурга в имение он описал подробно и по часам. Путешествовал Философов на своих лошадях. Выехал из Петербурга вместе со своими братьями Александром и Николаем после обеда 22 июня 1838 года на бричке. Через три с половиной часа они были уже в Царском Селе, пили чай вечером в Гатчине, а в полночь находились на станции Выра. Остановки делали довольно часто, чтобы лошади отдыхали. В три часа ночи 23 июня ели котлеты в Ящере, в девять часов утра были уже в Луге, где сделали остановку, к обеду приехали в Городец, миновали Плюсы, Новоселье, Залазы, в два часа ночи 24 июня проехали станцию Боровичи, Порхов, Дубровку, Сорокино, к обеду были в Ашево, а в три часа дня приехали домой, в Богдановское⁴. Таким образом, путь его по времени занял двое суток.

Жизнь молодого Философова в деревне была достаточно свободной, ведь здесь он прежде всего отдыхал. Владимир много читал, особенно вечерами и в дождливую погоду. В дневнике дважды упоминаются произведения известной английской романистки Анны Радклифф (1764—1823), одной из основательниц «готического» романа тайн. Философов читал её романы «Полночный колокол» и «Пустынный таинственной гробницы». Читал он не только романы, но и серьёзную историческую литературу, например, произведения Плутарха. Однажды Владимир

¹ Цит. по: *Антипова Р.Н.* О дневнике Владимира Дмитриевича Философова. С. 50.

² Там же.

³ РГАЛИ. Ф. 1183, оп. 1, д. 6, л. 31.

⁴ Там же. Л. 46.

Дмитриевич взялся за чтение энциклопедического лексикона — русской энциклопедии, издававшейся в 1834—1841 годах. Интересовался он и периодической печатью, так как встречаются в дневнике упоминания о «Литературном прибавлении». Можно предположить, что это были «Литературные прибавления к «Русскому инвалиду», которые выходили в Петербурге с 1831 по 1839 год и включали в себя следующие отделы: пересмешки, словесность, критика, смесь и моды¹.

Французская литература, несомненно, была в библиотеке Философовых. Из дневника известно, что в Богдановском он читал «*Neplameron contes de la reine de Navarre*» (Гептамерон. Новеллы королевы Наварской) — собрание новелл, автором которых была французская принцесса Маргарита Наварская (Валуа) (1492—1549). Новеллы были написаны в духе Боккаччо, поэтичные, соединяющие лёгкость сюжетов с некоторой поучительностью. Беседы кавалеров и дам, от имени которых ведутся рассказы, полны остроумия и душевной чуткости². Помимо этого, в дневнике встречаются названия и других французских книг, прочитанных Философовым, но без указания авторства.

Помимо чтения в деревне его занимали верховая езда, катание на лодках, купание, игра в бильярд и вист, прогулки и поездки в ближние города и имения. Приезд соседей и родственников привносил разнообразие в его обыденную жизнь. В дневнике В.Д. Философова то и дело встречаются упоминания о приездах соседей и родственников в Богдановское. К ним постоянно приезжали родственники Неклюдовы, Княжнины, Чихачёвы, Креницины, Рокотовы и многие другие. Да и сам Владимир Дмитриевич, живя летом в имении, совершал путешествия в соседние города и усадьбы. Так, с 11 июля по 23 июля 1838 года он постоянно находился в разъездах. Утром 11 июля он выехал из Богдановского и направился в сторону Новоржева, проехав через имение Родовое, ночевал в Новоржеве у Андрея Семёновича Стадольского. На следующий день «утром ходил по Новоржеву, потом играл в вист. После обеда тотчас отправились в Ругодево. Николай Михайлович Шушерин с огромными ногтями и ещё огромнейшей семьёй собак, из коих одна слепа. Наталия Николаевна — жена его, устаревшая кокетка со множеством портретов. Внучка их Н.Н. Мордвинова, довольно хороша, как и внук В.Р. Мордвинов очень неглупый малый, сочиняющий

---

¹ См.: Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона : в 86 т. Т. 34. М., 1991. С. 803.

² Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 36. С. 604.

стихи. Мы все вместе с ними поднимались на окрестные горы, откуда вид очаровательный»¹. Обедали в Машевицах в местной школе. Далее отправились в Остров, где ужинали у тётушек, на другой день пошли в гости к господам Неклюдовым и знакомились с городом Островом. Старинная крепость и село А.А. Валуева Жеребцово произвели на них сильное впечатление. Отобедали у Неклюдовых, а вечером наслаждались видами Родового. 15 июля 1838 года Философов отметил день своих именин. По этому случаю вечером были танцы, в которых Владимир почти не принимал участие в связи с плохим самочувствием: «Протанцевал кадрили один, ибо к тому мне воспрепятствовало нездоровье»². 17 июля отправились в Остров, а затем поехали к дядюшке в село Губеново, оттуда — в Стехново, где отслужили панихиду в Стехновской церкви, потом — в Ругодево, Новоржев и лишь 21 июля прибыли домой.

Иногда ему приходилось заниматься хозяйственными делами. Так, с 1 по 9 июля 1838 года он вместе со своими братьями был занят измерением в амбарах намолоченной ржи.

Таким образом, в Богдановском жил Владимир Философов месяц и три дня. За это время в его дневнике упоминается 12 наименований книг, им прочитанных. Уже 28 июля ему необходимо было выехать в Петербург, так как 1 августа начинались занятия.

В 1839 году, когда Владимир вновь собрался на каникулы в деревню, то отправился в путь уже на почтовых лошадях и за день до отправления получил подорожную. В этот раз путешествие Владимира Дмитриевича заняло несколько больше времени, чем в прошлом году. На это повлияли и погодные условия, а также частые поломки транспортного средства. До Богдановского он добрался за двое с половиной суток. Выехав 19 июня в 11 часов утра, он приехал 22 июня рано утром (в 4 часа). Три раза приходилось чиниться: в Ящере, Долгове и Луге. Приехав, сразу же лёг спать, а затем отправился в баню³. В Богдановском на сей раз он гостил с 22 июня по 28 июля.

Времяпровождение в деревне летом 1839 года мало чем отличалось от предыдущих каникул. Но по сравнению с 1838 годом записи в дневнике, связанные с чтением, стали появляться заметно реже. Чуть более месяца отдыхал Владимир в Богдановском, и за этот период лишь

---

¹ РГАЛИ. Ф. 1183, оп. 1, д. 6, л. 49.

² Там же. Л. 50.

³ Там же. Л. 77 об.

трижды он упоминает о прочитанных книгах. Среди них были работы бельгийского юриста и историка, профессора гражданского права в Гентском университете Франсуа Лорана¹, книга, посвящённая историческим событиям во Франции — осаде крепости Ла-Рошель, автор не указан, а также некое произведение «Чёрный рыцарь», упоминаемое тоже без авторства. Как и в 1838 году, в Богдановском Владимир предавался всем прелестям свободной деревенской жизни: путешествовал и отдыхал, набирался сил. Он по-прежнему много купался, почти ежедневно, гулял в саду, встречался с родственниками.

19 июля Владимир совершил интересную прогулку в имение Д.М. Чихачёва, которую описывает так: «Отправились в Заклюку. Там купались и удивлялись огромным деревьям, а в особенности дубам, соснам и дулям, в саду растущим. Ехавши домой, заехали в Александровское, где управитель дал нам два десятка абрикосов (кстати, Дмитрий Матвеевич водил нас по оранжереям, где множество персиков, и подал нам два падальца, разрезанные пополам). В Александровском ужасное опустошение, его берут под опеку»².

Владимир играл на бильярде и в рулетку, в которую однажды выиграл дорожную чернильницу. К прошлогодним увлечениям Философова прибавилась рыбалка. Иногда он занимался тем, что переписывал письма своего батюшки. Вот несложная, но приятная для него деревенская жизнь.

Необходимо отметить, что записи в дневнике Владимир Дмитриевич делал регулярно. В нём встречаются как подробные описания происшествий, так и просто констатация свершившихся фактов, иной раз даются сухие, краткие комментарии. Важно то, что записи делались одновременно с описываемыми событиями, хотя присутствовал и субъективный подход к их отбору. Несомненно, ценность этих повседневных записей заключается в деталях, которые дополняют уже известные факты о семье Философовых, их окружении и дают возможность представить ежедневные занятия молодого человека в провинциальном имении.

---

¹ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 35. С. 12.

² РГАЛИ. Ф. 1183, оп. 1, д. 7, л. 83.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ: ПЕРВЫЕ ФИКСАЦИИ ЭСТОНСКИХ ПОСЛОВИЦ

Вопрос о времени распространения письменности среди эстонцев остаётся пока дискуссионным. Учитывая, что в Таллинне монастырь доминиканского ордена был основан в первой половине XIII века, а доминиканцы, поддерживающие развитие образования, стали требовать от своих монахов знание языка местного населения, можно предположить, что именно этот период является значимым в распространении записей и письменных пометок на эстонском языке. Несмотря на то что наряду с немецкими и датскими священнослужителями некоторые монахи были эстонского происхождения¹, первые записи на эстонском языке можно найти на полях документов, хроник, книг, авторами и владельцами которых были иноязычные поселенцы. В статье обобщается опыт исследования некоторых источников, где сделаны записи или попытки записей на эстонском языке, отражающих, с одной стороны, местные бытовые реалии, а с другой стороны, подготовку священнослужителей к *sermones ad populum* — проповеди на языке местного народа.

Старейшие памятники эстонского письменного языка относятся к XVI веку. В них зафиксированы паремиологические единицы, бывшие в активном употреблении среди местного населения и получившие отражение в виде записей в книгах или документах. В 1973 году архивариус и историк Велло Хельк опубликовал серию статей о старинных путевых заметках и записях, сделанных в них на эстонском языке. В последней статье этой серии он представляет читателям альбом Даниэля Херманна, который хранится в библиотеке Лундского университета в Швеции и включает запись на эстонском языке от 14 августа 1583 года, сделанную помещиком усадьбы Палупера Фридрихом Дукером (первая часть записи — на латинском языке): *Cum Dies Iouat, Tunc Mamees Hebbese Iotap*². Это считается самой старой записью эстонской пословицы. В. Хельк указывает ещё на один альбом, содержащий эту пословицу, но уже в «чистом» виде. Это альбом Вильгельма Бухеля, в котором Иоганн

¹ *Talve, I. Eesti kultuurilugu*. Tartu: Ilmamaa, 2004. L. 46; *Johansen, P. Eestikeelsed märkmed kahes dominiiklaste kloostri raamatus Tallinnas*. Eesti keel. 1929, № 5—6. L. 95—96.

² Букв.: «Когда наступает день, то крестьянин лошадь поит». *Helk, V. Album Amicorum // Tulimuld*. 1974, № 1. L. 24—25

фон Дерфельден в 1623 году записал: *Kus Taywas Koypap / Sies Mames Hebbese Iotap*¹. О распространённости данной пословицы свидетельствует её отражение в других документах, в том числе счетах на соль. Об этих записях пишет П. Йохансен в 1930 году, отмечая, что некий Лоренц Беккер, выписывая счета на острове Хийумаа, подписал под счётом от 1587 года две пословицы: *Kuy Taiuas koitap, si Tallopoick hobosett jotap* и *Arro, Rickus Ikapeeuff Remus*. Йохансен называет Беккера первым эстонским фольклористом, поскольку тот указывает и от кого он услышал пословицу: *Mully in der brattpanne*. Таким образом, можно предположить, что пословицу использовала эстонская кухарка или повар². Во всех трёх случаях наблюдаются различия в орфографии. Например: *koypap / koitap* (наступает, светает), *lotap / jotap* (поит), в использовании падежных форм: *hebbese* (лошадь) — генитив единственного числа / *hobosett* — номинатив множественного числа, а также в лексическом составе, например: *mames / tallopoick* (крестьянин).

Пословица *Kui taivas koidab, siis talupoig hobosed joodab* входит в современный академический сборник эстонских пословиц³. Необходимо отметить, что в современном толковании — «у крестьянина работы много и день длинный»⁴ — пословица относится к группе «Поместье. Помещик и крестьянин». Тем не менее В. Хельк при интерпретации значения пословицы указывает на присутствующий в пословице намёк на удовлетворение утренних потребностей⁵.

Вторая записанная Беккером пословица — *Arro, Rickus Ikapeeuff Remus*⁶ — также находит отражение в академическом сборнике как *Aru, rikkus — igapeev reemus*⁷, где наряду с этой формой даётся и возможность толкования записи *Haru rikkus, igapeev reemus*⁸. Сам Йохансен к этой пословице комментариев не даёт.

¹ Букв.: «Когда светает, тогда крестьянин лошадь поит». *Helk, V. Album Amicorum*. L. 25

² *Johansen, P. Analecta Estonia. Ajalooline ajakiri*. 1930, № 4. L. 213.

³ *Hussar, A., Krikmann, A., Normann E., Pino V., Sarv I., Saukas R. Eesti vana-sõnad III*. Tallinn, 1985. L. 252.

⁴ *Hussar, A., Krikmann, A., Sarv, I. Vanasõnaraamat*. Tallinn, 1984. L. 376..

⁵ *Helk, V. Album Amicorum*. L. 25.

⁶ Букв.: «Ум, богатство — каждый день весел». *Johansen, P. Analecta Estonia*. L. 213.

⁷ *Hussar, A., Krikmann, A., Normann E., Pino V., Sarv I., Saukas R. Eesti vana-sõnad I*. Tallinn, 1980. L. 139.

⁸ Букв.: «Редкое богатство, каждый день весел».

Старые записи в книгах и документах затрагивают также религиозную тематику. Работая над старой монастырской библиотекой, Пауль Йохансен (1929) в начале XX столетия в конце двух старых инкунабул находит записи на эстонском языке. Первая из них касается книги Johannes Contractus «Sermones de tempore et sanctis per totum annum». Точную дату издания этой книги определить невозможно, но, как утверждает исследователь, книга была издана в Кёльне у книгопечатника Иоханнеса Кёльхофа — старшего, примерно в 1490 году. В конце книги сделаны записи двумя разными почерками. Одни записи — на латинском и нижненемецком языках, другие — на эстонском языке. Эстонский текст считается более старым и включает всего четыре слова: *ükspäev* (один день) — указывает на начало притчи, *külvaja* (сеятель) — выступает в качестве главной темы, *ilma* (перевод без контекста дать невозможно) и *õpetud* (страдательное причастие прошедшего времени от глагола *õpetama* — учить) — указывает на вывод, к которому должна была приводить притча. По этим заметкам можно предположить, что автор строк записывал слова для проповеди с использованием притчи о сеятеле.

Самым интересным с лингвистической точки зрения является факт, что в слове *õpetud* используется отдельная буква 'õ' для обозначения звука *õ* (ы). На эту особенность указывает и Йохансен. Дело в том, что Õ, как отдельная буква была введена в эстонский язык только в XIX веке священником и языковедом Otto Wilhelm Masing. В полной азбуке от 1823 года «Täieline ABD-Ramat, kust makele lugemist õiete õppi-da» Masing приводит букву уже с диакритическим знаком — тильдой¹. Автор же записи, датированной XV веком, старался обозначить на письме как 'õ' услышанный им странный звук, не являющийся характерным для немецкого языка и поэтому не имеющий буквенного соответствия.

Вторая инкунабула, которую исследует Йохансен (1929), была издана в Страсбурге в 1485 году («Postilla Guillermi super epistolas et euangelia de tempore et sanctis et pro defundis») и является инкунабулой монастыря доминиканцев. Записи в книге и на обложке сделаны на латинском и эстонском языках. Йохансен указывает на то, что записи на латыни сделаны другим почерком и не имеют особой значимости. Обложка книги переклеена бумагой, на которой написано слово *surnud* — умер. После этого идёт предложение *Mynna ... tha syno pera tulla* (в современном эстонском языке этому соответствовало бы *mina tahan sinu järele tulla* — «я хочу последовать за тобой»). Написанное свидетельствует о

¹ Masing, O.W. Täieline ABD-Ramat. Tartu, 1823. L. 3.

том, что перед нами фрагменты речи для утешения родных покойного. Под этими записями стоит также слово *kychwsap* — *kiusab* (искушает, соблазняет).

В конце книги, над датой и местом издания книги, имеется ещё одна запись, написанная третьим почерком, которая получила разные толкования. Например, Йохансен считает, что это следует читать как *dorrist ech sees*, и связывает запись с диалектной речью, со словом *torist*, что значит «комар»¹. Тем не менее и сам он соглашается с тем, что такое толкование не имеет связи с духовным содержанием книги. Корпус изучения старинной эстонской письменности при Тартуском университете предлагает следующее прочтение записи: *dorristkch sees*². По данным словаря эстонских диалектов³, слово *torisk* означает «сосуд» и всё выражение означало бы «внутри сосуда». Сосуды и вазы были неотъемлемой частью богослужения в католической церкви, и запись такого содержания была бы более оправданной, чем объяснение, предложенное Йохансеном.

Таким образом, авторами всех названных маргиналий были иноязычные церковнослужители и помещики. Несмотря на то что характер текстов был как религиозным, так и бытовым, маргиналии свидетельствуют о стремлении иностранцев изучать язык и культуру местного населения. Записанные в XVI веке пословицы включены и в современные сборники эстонских пословиц.

---

¹ *Johansen, P.* Eestikeelsed märkmed kahes dominiiklaste kloostri raamatus Tallinnas. L. 94—95.

² Vana kirjakeele korpus, 2007. URL: <http://www.murre.ut.ee/vakkur/Korpused/korpused.htm>.

³ *Haak, A., teis.* Väike murdesõnastik. II. Tallinn, 1989.

О СУДЬБЕ РОДОВЫХ БИБЛИОТЕК ПОТОЦКИХ И СОБАНЬСКИХ

Бывшая Подольская губерния, ныне разделённая, в основном на Винницкую и Хмельницкую области, — это земля, где в течение веков сталкивались и соединялись разные культуры и даже цивилизации: польская, еврейская, украинская, русская, где оставили свой след крымцы и турки. Подолье — родина Николая Пирогова и Михаила Коцюбинского, Баал Шем Това и Устима Кармелюка, в Немирове довелось родиться и Некрасову; это место, где складывались антироссийская Барская и пророссийская Тарговицкая конфедерации польского шляхетства. Из деятелей русской истории и культуры, чьё творчество так или иначе связано с Подолем, достаточно назвать Пушкина, Батюшкова и Чайковского. На то, какую роль эти места играли в жизни российского еврейства, указывает хотя бы обилие фамилий, свидетельствующих о происхождении из подольских городов и местечек: Немировские, Уманские, Браиловские и многие другие. Для польской культуры Правобережная Украина — Кресы — вообще одно из наиважнейших мест, часто воспринимаемое как потерянный рай; именно здесь находились владения самых крупных польских магнатов¹.

Части библиотек восточной половины Подольской губернии — той, что позже стала Винницкой областью, — после бóльших или меньших перипетий оказались в Винницкой областной библиотеке. Существовавшая в СССР политика ограничения доступа читателей к иностранной книге нуждается ещё в особом исследовании, но ясно, что она выражалась как в непоощрении знания иностранных языков, особенно в провинции, так и в изъятии из основных фондов областных библиотек массивов старых иностранных изданий (новые же туда вовсе не поступали). Винницкая библиотека оказалась в числе тех, которые с разрешения, а может быть, и по приказанию более высоких инстанций Украинской ССР решили передать невостребованный фонд в Москву, а именно во Всесоюзную государственную библиотеку иностранной литературы. Со своей стороны, ВГБИЛ в 1970-е годы довольно активно

---

¹ Основной труд об имениях польских магнатов в Подолье: *Aftanazy R. Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej. Cz. 2: Ziemie ruskie Koroony. T. 9: Województwo podolskie. Wrocław [etc.], 1996.*

пополнялась за счёт старых фондов провинциальных и ведомственных библиотек¹.

Документальная сторона дела ещё нуждается в дополнительном исследовании. Во всяком случае, инициатива передачи книг исходила от Винницы, как о том говорит письмо за подписью директора библиотеки А. Лучко от 18 ноября 1975 года:

«В фондах Винницкой областной научной библиотеки им. К.А. Тимирязева (УкрССР) находится свыше 10 тыс. книг XVIII—XIX вв. издания на английском, немецком, французском, польском языках. Многие издания являются библиографической редкостью. <...>

В условиях областного центра г. Винницы и области эта литература не используется.

Просим направить к нам специалистов Вашей библиотеки для определения ценности и отбора книг и депозитарного хранения...»

28 ноября директор ВГБИЛ Л.А. Гвишиани (Гвишиани-Косыгиной она стала писаться позже, после смерти отца) наложила на это письмо свою резолюцию, а 1 декабря подписала ответ, начинавшийся словами: «Всесоюзная государственная библиотека иностранной литературы проявляет постоянный интерес к коллекциям иностранных книг, имеющихся в фондах советских библиотек, но по разным причинам не пользующихся спросом местных читателей, в целях пополнения собственных библиотечных фондов»².

Первая командировка была очень оперативно намечена уже на 5 декабря. Сколько их было, кто именно ездил в Винницу — сейчас установить уже, видимо, невозможно. Во всяком случае, к концу 1976 года оттуда в ВГБИЛ стали поступать первые книги. В течение 1977 года «Винницкое собрание» в основном сформировалось, и ему был присвоен статус коллекции. По недоразумению, смысл которого я разъясню несколько ниже, она получила название «Коллекция Строгановых — Полторацких». Карточный каталог этих книг находился в составе читательского карточного каталога до его упразднения, но физически собрание разделилось: издания XVII—XVIII веков были переданы в фонд редких книг, прочие остались в общем фонде с добавлением пометы «КСП» к расстановочному шифру.

---

¹ Кроме Винницкой областной наибольшее число книг дали библиотеки Пермского университета и Военной академии имени М.В. Фрунзе.

² Оба документа хранятся в архиве ВГБИЛ.

В итоге общей документации на коллекцию (пока) нет; приблизительно её общий объём можно оценить в 2600 единиц хранения. В фонде редкой книги из них находится 600—700; это гораздо меньше, чем поступило из Дрезденской или Берлинской библиотек, но сопоставимо с недавно возвращённым собранием князей Эстергази и примерно столько же, сколько книг из Ганноверской библиотеки. Точно посчитаны в фонде РК книги со штампами «Biblioteka Tulczynska» (280) и «Biblioteka Wasylowiecka» (167), на остальных нет никаких владельческих признаков, кроме штампов Винницкой библиотеки, или есть единичные. Об этих двух библиотеках и пойдёт речь.

Что касается книг, оставшихся в Виннице, то в последнее время, к счастью, к ним проявился достаточно серьёзный исследовательский интерес (что характерно отнюдь не для всех областей Украины). Благодаря печатным и электронным публикациям сотрудницы Винницкой библиотеки Т.Р. Соломоновой¹, а также главе в монографии И.О. Циборовской-Рымарович², о библиотеках, части которых оказались сначала в Виннице, а потом в Москве, известно довольно много.

Тульчин, откуда происходит одна из них, в XVIII—XIX веках принадлежал знаменитому роду Потоцких, а на момент третьего раздела Польши — графу Станиславу Щенному Потоцкому (1753—1805), маршалу Тарговицкой конференции и крупнейшему землевладельцу Подольской губернии. Очевидно, фамилия Полторацкие в названии винницкой коллекции появилась по ошибке именно вместо Потоцких. Один из Строгановых, а именно граф Григорий Сергеевич (1829—1910), был предпоследним владельцем Тульчинской библиотеки. В библиотечном обиходе та же аббревиатура «КСП» расшифровывалась ещё как «Коллекция Софьи Потоцкой». Это название тоже неточно, но основано на самом частом среди винницких книг владельческом признаке: записи на французском языке *Sophie Potocka*, то есть София Потоцкая-Глявоне (1760—1822), знаменитая авантюристка, третья жена

---

¹ Соломонова Т.Р. Доля бібліотек поміщицьких маєтків Поділля за доби Української революції // Наук. зап. Вінниц. держ. пед. ун-ту ім. М. Коцюбинського. Вип. 12. Вінниця, 2007. С. 227—232; *Она же*. Родові бібліотеки на теренах Східного Поділля: книжкові знаки (за матеріалами відділу рідкісних і цінних видань Вінницької ОУНБ ім. К.А. Тімірязєва) [Електронний ресурс]. Режим доступу: http://www.library.vn.ua/publications/2009/Rodovi_bibl.html.

² Циборовська-Рымарович І.О. Родові бібліотеки Правобережної України XVIII століття (Вишневецьких-Мнішеків, Потоцьких, Мікошевських) : історична доля та сучасний стан. Київ, 2006.

графа Станислава Щенсного Потоцкого¹. Судьба Тульчинской библиотеки в основном описана в книге И.О. Циборовской-Рымарович. В 1820 году Софию выжил из Тульчина второй её сын от Потоцкого Мечислав (1799—1876)², который оставил себе, в том числе, и личные книги матери. На его бурной жизни мы сейчас не будем останавливаться³. От него бо́льшая часть библиотеки перешла к двоюродному племяннику Альфреду Юзефу Потоцкому (1817/1822 — 1889), австрийскому подданному, наместнику Галиции и Лодомерии. Около семисот книг до сих пор находятся в музее его замка Ланьцут, около пятисот после Второй мировой войны разошлись по другим польским библиотекам, включая Библиотеку Народову и вроцлавский Оссолинеум, сколько-то (неизвестно сколько) последний владелец Ланьцута вывез с собой. Меньшая часть Тульчинской библиотеки продолжала существовать у племянницы Мечислава и жены Г.С. Строганова Марии Болеславовны (1839—1882). Сын Мечислава Николай (1845—1921) продал ей Тульчин, но она продолжала жить в отцовском Немирове, в который переехала и библиотека. Болеслав Потоцкий пережил дочь на десять лет, ему наследовал зять, а тому дочь Мария Григорьевна, в замужестве Щербатова. Она и её дети были расстреляны в 1920 году, несмотря на охранную грамоту от Совнаркома Украины. Книги (наверняка не все) вывезли в Винницу, где библиотека тогда существовала на правах Всенародной библиотеки Украины в Киеве (ныне Национальная библиотека Украины). Через пару лет основную часть книг из Немирова перевезли в Киев. По отчёту 1923 года в ВБУ поступило «різних книжок бібліотеки б. кн. Щербатових у 33 ящиках вагою 253 пуда брутто»⁴, но книг собственно Тульчинской библиотеки, по данным И.О. Циборовской-Рымарович, в ней сейчас всего 169⁵, остальные, очевидно, — Строгановых и Щербатовых. Оценить

¹ Её наиболее подробную биографию см.: *Łojek J. Dzieje pięknej Bitynki*. Warszawa, 1970 (есть другие издания). К сожалению, мне не удалось ознакомиться с работой того же автора «Potomkowie Szczensnego: Dzieje fortuny Potockich z Tulczyna».

² См.: *Łojek J. Dzieje pięknej Bitynki*. Warszawa, 1972. S. 331—332. Софья осталась названная в её честь Софиевка под Уманью, но бо́льшую часть последних двух лет жизни ей пришлось провести в Петербурге (Ibid. S. 336—345).

³ «...Okazało się, że niegodziwu postępel Mieczysława z roku 1820 był tylko udanym debiutem w jego długoletniej łajdackiej karierze». (*Łojek J. Dzieje pięknej Bitynki*. S. 352).

⁴ *Ціборовська-Рымарович І.О.* Родові бібліотеки Правобережної України XVIII століття... С. 103.

⁵ Там же. С. 109.

их количество, исходя из веса брутто, конечно, трудно; приблизительно получается от трёх до четырёх тысяч. Но часть библиотеки осталась в Виннице. Сейчас Т.Р. Соломонова фиксирует свыше пятисот книг «библиотеки Потоцких — Щербатовых», как она её называет¹, из них собственно Тульчинской библиотеки — 94 тома. В Москву, как было сказано, поступило 280 книг Тульчинской библиотеки и где-то в пределах тысячи книг Строгановых — Щербатовых.

Учитывая, что около 1848 года рукописный каталог Тульчинской библиотеки фиксировал в ней около 13 тысяч томов², а затем библиотеки в Ланьцуте и Немирове пополнялись ещё 90 и 70 лет соответственно, можно считать общее количество томов в обеих библиотеках на момент их гибели — порядка 30 тысяч, а книг, местонахождение которых известно точно или с большой вероятностью, — видимо, около 6 тысяч. Как видим, хотя потери библиотеки велики, немалая часть ещё поддаётся реконструкции. Москва в такой гипотетический проект могла бы внести вклад не меньше, чем Варшава и Киев, и больше, чем Винница.

Если про библиотеку Потоцких известно достаточно много, то про другую самую приметную библиотеку «Винницкой коллекции» — Василёвецкую — гораздо меньше. Примечательно, что исследователи из Библиотеки Народовой, встретив этот штамп, когда выявляли книги из польских библиотек в Молдавии, не смогли его идентифицировать³. Теперь на сайте Винницкой библиотеки легко узнать, что речь идёт о библиотеке одной из ветвей рода Собаньских и, в частности, штамп *Biblioteka Wasyliowecka* с сопутствующим ему штампом-монограммой RS относятся к библиотеке Розы-Терезы Собаньской.

В 1787 году всё у того же Станислава Потоцкого основное поместье Собаньских — Ободовку — с большой округой, куда входило и село Василёвка близ Ладыжина, купил Михал Собаньский (1755—1832), родной брат и торговый компаньон Иеронима Собаньского — мужа знаменитой Каролины Собаньской-Ржевуской. Он был женат на Виктории Орловской (1772—1852), которая устроила в Ободовке великолепный

¹ Соломонова Т.Р. Родові бібліотеки на теренах Східного Поділля... [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.library.vn.ua/publications/2009/Rodovi_bibl.html.

² Ціборовська-Римарович І.О. Родові бібліотеки Правобережної України XVIII століття... С. 111.

³ Laskarzewska H., Balcerzak T. Dalekie lecz bliskie: Badania nad polskimi księgozbiórami w Mołdawii [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bn.org.pl/download/document/1246021149.pdf>. S. 54.

парк. В 1831 году их сыновья стали активными повстанцами и были сосланы, а невестка Роза (1799—1880) уехала за своим сосланным мужем Людвигом Собаньским в Пермь. Имения повстанцев конфисковались, но Виктории удалось найти юридические зацепки, чтобы сохранить для семьи Ободовку. Этого хватило, чтобы Феликс Людвигович Собаньский (1833—1913), став её хозяином, был едва ли не крупнейшим помещиком в губернии; папа Лев XIII дал ему графский титул. Библиотека из Василёвки также вернулась в Ободовку, объединившись, очевидно, с библиотекой Михала и Виктории Собаньских. (На одной из книг ВГБИЛ рядом со штампом Розы Собаньской есть владельческая запись Виктории.) По некоторым сведениям, в библиотеке Феликса Людвиговича числилось до 12 тысяч томов. Т.Р. Соломонова выяснила её систему шифров и на этом основании идентифицировала в Винницкой библиотеке «понад¹ 500» томов из неё. К сожалению, она не сообщает, сколько из них принадлежит также и к Василёвецкой библиотеке: скорее всего, примерно столько же, сколько в ВГБИЛ, а может быть, и меньше.

Дальнейшая судьба этой ветви Собаньских связана уже с Польшей. Каким-то образом в нашей библиотеке оказалась книга XVII века с владельческой записью внука Феликса Людвиговича — публициста Антония Собаньского (1898—1941); судя по штампу другого владельца на ней, она была вывезена из-под Калиша в Великой Польше — скорее всего, в войну. О том, что случилось с Ободовской библиотекой после революции, опубликованных сведений, насколько я знаю, пока нет. Известно, что в 1924 году Григорий Котовский основал в Ободовке сельскохозяйственную коммуну; этим можно объяснить, почему книги оттуда оказались в Молдавии (хотя Кишинёв тогда принадлежал Румынии). Ещё одно издание из Василёвецкой библиотеки зафиксировано на одном из польских антикварных сайтов. Понятно, что её реконструкция будет ещё труднее, чем реконструкция Тульчинской библиотеки, и такой проект, если он кого-то заинтересует, может быть только международным.

Опустив содержательную характеристику книг из библиотек Потоцких и Собаньских в ВГБИЛ (эти данные всё равно были бы сугубо предварительными), скажу про те культурные контексты, с которыми связаны судьбы этих библиотек.

Во-первых, и тульчинская, и ободовско-василёвецкая библиотека сложились во время разделов Польши, причём достаточно бурные собы-

¹ Свыше (укр.).

тия конца XVIII века их формированию, очевидно, никак не препятствовали. Это показывает, с какой видимой лёгкостью магнаты, лояльные к империи, вращались в неё (при всех внутренних затаённых конфликтах, прорвавшихся полвека спустя). Дальше судьбы этих семейств и, соответственно, библиотек могли складываться по-разному.

В качестве отступления не могу не указать на то, что вокруг обоих собраний есть некий пушкинский ореол. В случае Собаньских он слаб: не похоже, что Каролину связывали сколько-нибудь близкие отношения с деверем — у неё и с мужем почти никаких отношений не было, как и с влюблённым в неё Пушкиным. Зато любопытно, что её главным покровителем был не кто иной, как генерал И.О. Витт — сын Софии Глявоне-Потоцкой от первого брака¹. Что же касается Тульчина, то хорошо известно, что там находился штаб 2-й армии и Пушкин там неоднократно бывал (в частности, встречался с Пестелем); Тульчин упомянут в 10-й главе «Евгения Онегина». Сведений о знакомстве поэта с хозяином Тульчинского замка Мечиславом Потоцким нет. Но начальник штаба 2-й армии П.Д. Киселёв в 1821 году женился на сестре Мечислава Софье Станиславовне, так что брат и сестра в годы пушкинской ссылки жили по соседству. Предположить, что Пушкин не встречался в Тульчине с Киселёвыми, добрым в то время знакомым, и женщиной, в которую был более или менее влюблён, — решительно невозможно (хотя прямо и эти встречи не зафиксированы). Значит, логично думать, что он мог быть принят и в замке и видеть, если не читать, хранившиеся там книги. Что касается отношений Пушкина с Потоцкими вообще, то это отдельный сюжет, начало изучению которого положил Л.П. Гроссман².

Отмечу, что Потоцкие были из тех польских фамилий, которые рано стали родниться с русской элитой: Софья-младшая вышла за генерала, близкого к государю, её сестра Ольга — за Л.А. Нарышкина, племянника знаменитой Марии Антоновны³, а Болеслав Потоцкий женился на княжне Салтыковой. Таким образом, дочь и внучка Болеслава своими браками лишь продолжили семейную традицию, и в результа-

---

¹ Книги из библиотек первого мужа и тестя остались в составе библиотеки Софии Потоцкой (см.: *Ціборовська-Римарович І.О.* Родові бібліотеки Правобережної України XVIII століття... С. 100—101). Есть они и в ВГБИЛ.

² *Гроссман Л.П.* У истоков «Бахчисарайского фонтана» // Пушкин : Исследования и материалы. Вып. 3. Л., 1960. С. 49—100. Однако его основное предположение (что С.С. Потоцкая — та женщина, которая рассказала сюжет «Бахчисарайского фонтана») убедительно отведено О.А. Проскуриным.

³ До того к ней сватались М.А. Милорадович и П.П. Лопухин.

те среди польских магнатских владений появились крупные поместья русских аристократов, которые при этом вели примерно тот же образ жизни, что и их польские собратья: занимались, с одной стороны, коллекционированием и меценатством, с другой — самым разносторонним хозяйством. Наследницы Болеслава продолжали поддерживать основанную им Немировскую гимназию; Г.С. Строганов был знаменитым собирателем живописи (правда, его коллекция находилась в Риме); в то же время он и М.Г. Щербатова стоят у истоков знаменитого водочного бренда «Немиров». Иное дело Собаньские: в их родне никаких русских не прослеживается, но при этом хозяйство в Ободовке очень похоже на немировское.

Польское восстание 1830 года не имело такого решающего влияния на судьбы библиотек Собаньских и Потоцких, какое могло. Как уже было сказано, несмотря на причастность всех Собаньских к восстанию, им удалось сохранить Ободовку и тем спасти целостность библиотеки. Тульчинская же библиотека хотя и раздробилась, но без связи с восстанием (Мечислав Потоцкий в нём не участвовал, а Болеслав благополучно служил в Петербурге)¹.

Зато вполне однозначными для судеб дворянских библиотек оказался 1917 год: гибель или эмиграция владельцев, реквизиция и затем распыление библиотек. Самим усадьбам Потоцких и Собаньских относительно повезло: дворцы в Тульчине и Немирове целы до сих пор, а Ободовский дворец в относительно приличном состоянии достоял до 1992 года и лишь затем оказался заброшен и буквально за несколько лет превратился в руины. О ценности же книжных собраний речь не шла, хотя сами книги более или менее старались передать в государственные собрания: собрание Потоцких — Щербатовых в большей степени, собрание Собаньских, очевидно, в гораздо меньшей. В Польше примерно ту же роль сыграла Вторая мировая война, которая рассеяла ланьцутскую часть библиотеки Потоцких.

Наконец, при Советской власти в стране происходил неуклонный отрыв общества от гуманитарной культуры, и если в самых крупных центрах он сказывался в меньшей степени, то в средних, не говоря уже о малых, городах читателей, способных работать с иностранной и к тому же старинной книгой, фактически не осталось — по крайней

---

¹ Участником восстания был старший сын Софии и Потоцкого, владелец Софиевки — Александр (1798—1866), за что Софиевка была конфискована и первоначально отдана во владение императрице Александре Фёдоровне.

мере, с точки зрения начальства их число стало пренебрежимо малым. Этот процесс, который ещё не дождался своих исследователей, и привёл к последнему этапу раздробления магнатских библиотек — между Винницей и Москвой. Важно отметить, что право отбора книг оставалось за Москвой, исходившей из потребностей своего фонда; то, что московской библиотеке было не нужно, оставалось лежать на месте мёртвым грузом и в любой момент могло погибнуть. Виннице, опять-таки, повезло: этого не только не случилось, но спустя время нашлись силы, взявшиеся за историческое изучение фонда. В библиотеках других областных центров Правобережной Украины этого пока не произошло, и неизвестно или очень мало известно, чем они располагают. Возможно, в 1930—1950-е годы иностранные книги из них, как и из многих русских областных библиотек, просто изымались и увозились в неизвестном направлении.

Необходимо ещё раз подчеркнуть, что передача книг из Винницы в ВГБИЛ была не только законна, но и предпринята по инициативе винницкой дирекции — ни о каких международно-правовых претензиях здесь речи идти не может. Катастрофична была сама ситуация, которая привела к этой передаче.

Говоря коротко, обнаружив любой фрагмент какого-либо собрания культурных (в частности, книжных) ценностей, мы непременно увидим за ним следы целой цепи исторических событий, которые привели к его появлению. В каждом отдельном случае это очевидно и даже тривиально. Но в целом здесь встаёт огромная и, пожалуй, ещё недостаточно осознанная задача культурного сообщества — восстановить связи, разрушенные историей.

**КНИЖНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
КНЯЗЕЙ БЕЛОСЕЛЬСКИХ-БЕЛОЗЕРСКИХ
В ЕКАТЕРИНБУРГЕ**

Библиотека князей Белосельских-Белозерских появилась в Екатеринбурге сравнительно недавно. В 2005 году в Екатеринбургскую епархию пришли посылки с книгами из Сан-Франциско (США). На коробках, переданных из таможни, адрес не был указан, сопроводительные письма также отсутствовали. Сотрудники епархиальной библиотеки обратились с просьбой помочь установить происхождение книг к коллегам из отдела редких книг Свердловской областной универсальной научной библиотеки имени В.Г. Белинского. При осмотре изданий на некоторых экземплярах были обнаружены владельческие знаки, благодаря которым был установлен владелец книжного собрания — князь С.С. Белосельский-Белозерский. Часть книг была выделена в книжное собрание, которое получило условное название «книжная коллекция князей Белосельских-Белозерских». В эту коллекцию тогда было включено 234 экземпляра, представляющих собой отечественные и зарубежные издания XIX—XX веков. В настоящее время коллекция хранится в библиотеке «Державная» имени святого государя Николая II духовно-просветительного центра «Патриаршее подворье» (Екатеринбург).

Моё знакомство с коллекцией состоялось значительно позднее — в 2012 году.

Исследование началось с изучения рода князей Белосельских-Белозерских, биографии владельца коллекции — князя Сергея Сергеевича Белосельского-Белозерского, а также биографии священника Романа Лукьянова, так как на части книг, полученных из США, были выявлены его владельческие знаки.

Род князей Белосельских-Белозерских происходит от князей Белозерских, которые ведут свой род от Рюрика (XIX колена)¹. Александр Михайлович (1752—1809) — родоначальник рода Белосельских-Белозерских. В 1799 году по указу Павла I он, как старейший из рода князей

---

¹ См.: Потомство Рюрика. Полный относительно изданного до настоящего времени перечень князей и дворян, потомков Рюрика — первого русского князя, основателя династии Рюриковичей и русской государственности / сост. А.Н. Соколов, митрофор. протоиер. Нижний Новгород, 2007. С. 143.

Белозерских, стал первым именоваться князем Белосельским-Белозерским. Александр Михайлович был крупным дипломатом, сенатором, известным литератором, являлся членом Императорской Академии наук и Академии художеств, почётным членом ряда иностранных академий. Благодаря второму браку, который был заключён с Анной Григорьевной Козицкой (1767—1846) в 1795 году, князь Александр Михайлович становится уральским горнозаводчиком. Его супруга в качестве приданого принесла часть громадного состояния своего деда Ивана Семёновича Мясникова, известного уральского горнозаводчика.

Из этой семьи вышло несколько известных дипломатов, литераторов и генералов. Так, дочь Александра Михайловича, Зинаида Александровна Волконская, была литератором, хозяйкой популярного литературного салона, а сын Эспер Александрович (1802—1846), внук Константин Эсперович (1843—1920) и правнук Сергей Константинович (1867—1951) — генералами царской армии. По военной стезе пошёл и сын последнего — Сергей Сергеевич (1895—1878), владелец екатеринбургской книжной коллекции. После революции князь эмигрировал вместе с отцом и дедом в Финляндию, куда Белосельские-Белозерские сумели вовремя перевести свои капиталы.

Князь Сергей Сергеевич был активным участником белогвардейского движения. Он основал и возглавил Российский комитет освобождения. После поражения Белого движения жил в Англии и Франции. С 1945 года обосновался в США, где являлся организатором Славянского института, создал Русско-американский союз защиты и помощи русским вне СССР, участвовал в создании молодёжной Патриотической организации русских разведчиков (ПОРР) и так далее. Другое важное направление его деятельности — участие в жизни Русской Православной Церкви Заграницей (sic!). Князь много занимался церковной благотворительностью, был членом различных попечительских советов.

В 1943 году Сергей Сергеевич женился на американской гражданке Флоренс Робинсон (в крещении Светлана)¹. Супруги имели двух дочерей — Марину (родилась в 1945 году) и Татьяну (родилась в 1947-м). Княжна Марина Сергеевна в 1962 году вышла замуж за Владислава Емельяновича Касарду². Проследить дальнейшую судьбу дочерей, к сожалению, пока не удалось.

---

¹ См.: Генеалогическая хроника российской эмиграции (по материалам журнала «Новик») : справочник / сост.: О.Н. Наумов, С.А. Разумов. М., 2011. С. 113.

² Там же. С. 212.

Белосельские-Белозерские известны своими давними традициями книжного собирательства¹. Члены семьи любили и ценили книгу. Их библиотеки насчитывали тысячи томов, среди которых имелось немало уникальных экземпляров, в том числе рукописных книг. Особенно ценились книги богато оформленные и иллюстрированные. Известно, что князь Александр Михайлович слыл страстным ценителем искусства — словесности, музыки, живописи. Он владел интересным собранием художественных вещей, а также значительной библиотекой. У князя Константина Эсперовича, владевшего библиотекой из тысячи томов, было огромное собрание старых гравюр, литографий и лубочных народных картинок.

На части книг, присланных из США, были также обнаружены экслибрисы и записи Р. Лукьянова. Священник Роман Лукьянов (1926—2007) был настоятелем Богоявленского прихода в Бостоне. Когда в 2000 году РПЦЗ провозгласила курс на сближение с Москвой, он одним из первых выступил с призывом к сближению с Московской Патриархией и открыто об этом высказывался². Скорее всего, именно он был инициатором отправки книг на Урал.

Активная деятельность С.С. Белосельского-Белозерского в РПЦЗ, по нашему мнению, могла привести к знакомству и сотрудничеству князя с отцом Романом Лукьяновым. Княжеские книги могли быть преподнесены в дар священнику или, возможно, после смерти владельца были переданы родственниками князя.

Собранная информация позволила разработать критерии для разделения книг, присланных из Сан-Франциско, на две коллекции. Учитывались владельческие знаки, тематика изданий, биографические данные (в частности, годы смерти князя Сергея Сергеевича и отца Романа), а также особенности внешнего вида изданий (в частности, переплёт). В результате в коллекцию князя С.С. Белосельского-Белозерского было выделено 245 экземпляров, остальные книги были отнесены к собранию отца Романа Лукьянова (около 210 экземпляров).

Около трети экземпляров коллекции князя С.С. Белосельского-Белозерского имеют владельческие знаки: владельческие переплёт, суперэклибрисы, экслибрисы, записи, пометы.

---

¹ См.: *Богомолов С.И.* Российский книжный знак. 1700—1918. М., 2010. С. 81.

² См.: *Симнова И.А.* Он стоял у истоков воссоединения церквей и возвращения «Даниловского звона» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.otechestvo.org.ua>.

Владельческий переплёт имеет следующие характерные признаки: материал крытья — зелёный коленкор, реже коричневый, на корешке и крышках переплёта — золотое или блинтовое тиснение.

Суперэклибрис выполнен на корешке золотым, реже блинтовым тиснением. Нами было выявлено три варианта суперэклибриса князя: «K.N. / S.S. B.-B.», «PR. S. S. Belosselsky» и «S.S. B.».

На нескольких книгах обнаружен экслибрис владельца коллекции: «SERGE BELOSSELSKY / 79 East 79 th. st. / New York 21».

На 25 экземплярах имеются записи владельцев, авторов, дарителей и других лиц. Нами были выявлены записи 28 лиц, в том числе владельца коллекции (шесть) и девяти авторов произведений.

В книгах из коллекции также были обнаружены открытка и визитная карточка.

Кроме владельческих знаков князя Сергея Сергеевича, нами были выявлены экслибрисы и суперэклибрисы других владельцев. Например, на корешке переплёта журнала «Старые годы» за 1916 год мы видим суперэклибрис князя Сергея Сергеевича, а на корешке переплётов журнала за другие годы¹ — суперэклибрис, на котором под короной вытеснены буквы «К. Б.», а на форзаце — экслибрис «Baron von Vukhoveden». Нам удалось установить, что эти владельческие знаки принадлежали барону Карлу Карловичу фон Буксгевдену, русскому послу в Дании с 1909 по 1917 год².

Основная тематика княжеской коллекции — книги о России, Ros-sika, история страны, военно-исторические сочинения, работы по истории императорского дома Романовых, книги по истории рода Белосельских-Белозерских, энциклопедические словари.

175 экземпляров, то есть больше половины коллекции, увидели свет до 1917 года, в их числе одна рукописная книга и четыре периодических издания. В основном это издания XIX — начала XX века на русском и иностранных языках. Вопрос о том, когда эти книги появились в библиотеке Сергея Сергеевича, остаётся открытым. Они были либо вывезены князем из России, либо приобретены им уже в эмиграции. Но оформление собрания (владельческий переплёт, экслибрисы, суперэклибрисы) и тематическая подборка книг свидетельствуют о следовании

---

¹ В коллекции представлен полный комплект журнала «Старые годы» за 1907—1916 годы.

² См.: Буксгевден С.К. Жизнь и трагедия Александры Фёдоровны, императрицы России. Воспоминания фрейлины : в 2 кн. М., 2012.

владельца определённым традициям, заложенным в семье. Следует отметить, что составлением своей библиотеки Сергей Сергеевич занимался всю жизнь.

Книги более позднего периода, опубликованные после 1917 года, — в основном эмигрантские издания, вышедшие на русском языке в Европе, США и Латинской Америке. Все они посвящены России, её истории, преимущественно военной (что неудивительно, так как князь был военным в четвёртом поколении), истории дома Романовых, а также рода Белосельских-Белозерских.

Среди книг, присланных в Екатеринбург, встречаются издания вплоть до начала XXI века. Поэтому при разделении коллекций учитывались годы смерти князя Сергея Сергеевича и отца Романа Лукьянова. Книги, изданные после 1978 года (год смерти князя), были включены в собрание священника.

Отечественные издания до 1917 года представлены историческими сочинениями В. Бильбасова «Иоанн Антонович и Мирович» (М., 1908), А.В. Экземплярского «Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г.» (СПб., 1889—1891), С.М. Соловьёва «История России с древнейших времен» (СПб., 1895—1896. Кн. 1—6), а также «Сочинениями императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями академика А.Н. Пыпина» (СПб., 1911. Т. 1). Кроме того, в коллекции имеются три тома из «Полного собрания русских летописей...». Справочная литература представлена энциклопедическим словарём Брокгауза и Ефрона и 5-м изданием знаменитого энциклопедического словаря Ф.Ф. Павленкова.

Книга В.А. Верещагина «Московский Аполлон. Альбом князя А.М. Белосельского. 1752—1809» (Пг., 1916) посвящена родоначальнику Белосельских-Белозерских князю Александру Михайловичу. Это редчайшее библиофильское иллюстрированное издание с тиражом всего 300 экземпляров.

Редкие библиофильские издания представлены ещё одной работой В.А. Верещагина. Это 1-й и 3-й выпуски трёхтомника «Русская карикатура», в которые вошли произведения выдающихся художников-графиков М.В. Добужинского и Г.И. Нарбута.

Три поколения семьи Белосельских-Белозерских, в том числе князь Сергей Сергеевич, служили в лейб-гвардии Конном полку, поэтому неудивительно, что история полка вызывала постоянный интерес у собирателя коллекции. Из шести книг по истории этого полка две относятся к

дореволюционному периоду. Это единственная рукописная книга «Именной список лейб-гвардии Конного полка», который вёлся с 10 апреля 1790 года, и «Полный список шефов, полковых командиров и офицеров Лейб-гвардии Конного полка с 1731 по 1886 год» (СПб., 1886).

Большой интерес представляет 19-томное «Историческое описание одежды и вооружения Российских войск» (СПб.: В.С. Балашев и К°, 1899—1902). Это богато иллюстрированное издание содержит подробное описание военного и гражданского костюма (а также воинского обмундирования, оружия и так далее) с 862 года до царствования Николая I. Издание и по сей день является одним из самых востребованных источников сведений об истории военного костюма. Оно выходило в двух вариантах исполнения — в дорогом (с частично раскрашенными иллюстрациями) и более дешёвом, чёрно-белом. В описываемой коллекции представлен первый вариант.

В книжном собрании также имеются издания прославленного издательского дома «Товарищество Голике и Вильборг» (1902—1917), которое считалось одним из лучших полиграфических предприятий России начала XX века. Фирме удалось привлечь к работе выдающихся художников-графиков своего времени: Бенуа, Лансере, Серова, Билибина, Добужинского, Нарбута и других. Это позволило издавать печатную продукцию высочайшего полиграфического уровня. Товарищество выпускало как книги, подарочные фолианты, выпущенные к различным датам, изящные малотиражные издания, так и иллюстрированные журналы. Те и другие встречаются в княжеской библиотеке. Так, книги представлены изданием «Из прошлого. Исторические материалы Лейб-гвардии Семёновского полка» (СПб., 1911), которое богато иллюстрировано репродукциями картин, портретов, документов и исторических предметов, хранящихся в музее полка, а также редких оригиналов Императорского Эрмитажа, Московской Оружейной Палаты и некоторых частных собраний. Журналы, издаваемые «Товариществом Голике и Вильборг», представлены в княжеской коллекции «Вестником русской конницы» за 1909, 1912 годы. Этот иллюстрированный журнал издавался в 1906—1914 годах при офицерской Кавалерийской школе.

Из других периодических изданий обращает на себя внимание полный комплект журнала «Старые годы» за 1907—1916 годы. Это был один из лучших европейских художественных журналов своего времени, адресованный любителям искусства и старины. Уже упоминавшийся выше В.А. Верещагин был его главным редактором.

Книг на иностранных языках (французском и английском) в коллекции немного — 13 экземпляров, пять из них — издания, вышедшие до 1917 года. Все они также посвящены России. Например, работа Г. Нормана на английском языке «Всероссийский: путешествия и исследования современной Европейской России, Финляндии, Сибири, Кавказа и Центральной Азии» (Нью-Йорк, 1902) содержит описание Российской империи начала XX века, снабжена картами и богато иллюстрирована. Или «Специальный каталог русской секции Всемирной выставки в Париже в 1867 г.» (Париж, 1867) — книга, изданная на французском языке. (В 1867 году страны — участницы Всемирной выставки впервые начали размещать свои экспозиции в специально построенных павильонах, стремясь продемонстрировать всё самое лучшее, что есть в стране. Стоит отметить, что эту выставку посетил российский император Александр II.)

Гордостью коллекции является книга «Костюмы Российской империи, представленные серией из семидесяти трёх планшетов. С описаниями на французском и английском языках» (Лондон, 1803). Это роскошно оформленное издание (переплёт — сафьяновая кожа с золотым тиснением и золотым обрезом) включает 73 великолепно выполненных цветных изображения костюмов народов Российской империи с комментариями на двух языках.

Ещё одно издание, посвящённое Александру Михайловичу Белосельскому-Белозерскому, — книга на французском языке «Русский посол в Турине. Дешети князя Александра Белосельского-Белозерского, опубликованные княгиней Елизаветой Трубецкой, урождённой княжной Белосельской-Белозерской» (Париж, 1901). В эту книгу была вложена визитка архитектора Александра Трубецкого со следующим текстом: «Приехал в Нью-Йорк на 2 дня за святой иконой Курск. Б. М., которая на 2 месяца отбывает в Европу, и счёл приятным долгом заявиться к Вам выразить Вам моё глубокое почтение. Остановился я у Голицына. 22.IX.75». Здесь стоит пояснить, что Александр Михайлович Белосельский-Белозерский в 1789—1793 годах служил посланником в Турине (Сардинское королевство); Елизавета Эсперовна Трубецкая — внучка Александра Михайловича, а Сергей Сергеевич Белосельский-Белозерский, владелец книжной коллекции, приходился ей внучатым племянником. Александр Трубецкой в своей визитке ссылается на некоего Голицына. Мы попытались проследить связь этих двух исторических персонажей. На сайте «Международного объединённого биографического

центра»¹ была найдена информация о родителях известного французского предпринимателя Александра Александровича Трубецкого, который родился в 1947 году в семье русских эмигрантов — князя Александра Евгеньевича Трубецкого (1892—1968) и Александры Михайловны Голицыной (1900—1991). Возможно, все они имеют непосредственное отношение к автору визитки.

Обратим внимание на ещё один интересный момент. Известно, что князь Сергей Сергеевич Белосельский-Белозерский, активно занимавшийся благотворительностью, в 1949 году безвозмездно предоставил в распоряжение РПЦ своё загородное имение, находящееся около Магопака, под Нью-Йорком, где в 1951—1957 годах хранился чудотворный образ Курской-Коренной иконы Божией Матери. Икону неоднократно вывозили из США в Канаду, Европу, Латинскую Америку и даже в далёкую Австралию. И вот Александр Трубецкий специально приезжает из Парижа в Нью-Йорк, чтобы сопровождать святую икону в очередное путешествие. Вот так причудливо переплелись история семьи, история страны, время и судьбы различных персонажей!

Отметим ещё одну особенность княжеской коллекции, отличающую её от собрания священника. Помимо того, что издания коллекции лучше оформлены (имеют переплёты, экслибрисы, суперэклибрисы и так далее), они снабжены богатым иллюстративным материалом (фотографии, карты, портреты, гравюры, рисунки, прочее). Большинство же книг отца Романа Лукьянова представляют собой недорогие издания, как правило, брошюры или книги в обложках.

В целом следует подчеркнуть, что описываемая книжная коллекция является уникальной: в её составе имеются редкие издания, которые отсутствуют не только в книжных фондах Свердловской области и Урала, но и в фондах крупнейших российских библиотек.

Удивительная судьба сложилась у екатеринбургской части библиотеки Белосельских-Белозерских. Владелец собрания, князь Сергей Сергеевич, большую часть жизни прожил в эмиграции (ему было всего 23 года, когда он покинул страну), но все эти годы он, как мог, служил России, хранил семейные традиции. В результате сегодня часть его наследия хранится в Духовно-просветительном центре, построенном на месте разрушенного дома Ипатьева, где почти сто лет назад была расстреляна семья последнего российского императора.

---

¹ Режим доступа: <http://www.biograph.ru>.

КНИГА КАК ПОДАРОК

(по материалам русских автографов на книгах из библиотеки Санкт-Петербургского института истории)

Название этой публикации многим напомнит старый девиз: «Книга — лучший подарок». Но в современном обществе лучшим подарком книга быть перестала. Обыкновение надписывать книгу и хранить её всю жизнь уходит или уже ушло в прошлое и может рассматриваться лишь как одна из страниц истории повседневности. В спектакле «Прощание с бумагой» Евгений Гришковец перебирает множество ситуаций, в которых именно бумага — письма, телеграммы, записки — сохраняла память. Душевная надпись на книге — имена, обстоятельства, чувства — это тоже «бумага», с которой нужно проститься. Никто не будет вечно хранить, тем более надписывать электронный ридер. Попытаемся же хотя бы с нескольких сторон описать это уходящее явление — подаренную и надписанную книгу.

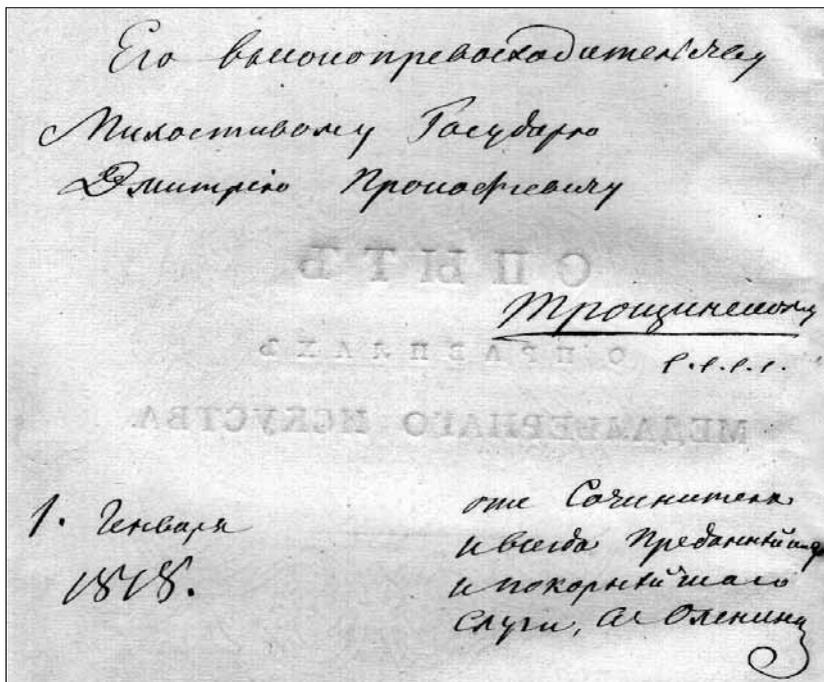
Книга — подарок, который сам себя документировал. Обычная дарственная надпись содержит сведения о том, кто, кому, когда и при каких обстоятельствах подарил книгу. Естественным нам кажется подарить книгу «в память торжественной защиты... на звание магистра истории»¹ или «в день празднования 30-летия учёной деятельности»². Но благодаря точным датам на автографах видно, что книга служила более универсальным подарком, чем мы привыкли думать. Например, подарком на новый год: «Милого Гофманна с новым годом поздравляет сочинитель. Генв. 1.1819 С.П.Б.»³; «Его высокопревосходительству Милостивому Государю Дмитрию Прокофьевичу Трощинскому [и проч. и проч.] От Сочинителя и всегда Преданнейшего и покорнейшего слуги,

---

¹ А.И. Савельев — В.Г. Дружинину. На кн.: *Picard B. Ceremonies et coutumes religieuses...* Amsterdam, 1723. Шифр (здесь и далее указаны шифры библиотеки СПб ИИ) П F 28.

² В.Т. Георгиевский — Н.П. Лихачёву. На кн.: *Георгиевский В.Т.* Рака и облачение для мощей святителя Гермогена. М., 1914. Шифр IIIг 2910.

³ На кн.: *Маслов С.А.* Путешествие в Москву во время пребывания в оной французов. М., 1813. Шифр XI 3066. Опубл.: *Панченко Е.З.* «Знак глубочайшего почтения и сердечной преданности...» (Автографы на книгах XVIII — первой половины XIX века из библиотеки С.-Петербургского института истории) // Новое литературное обозрение. 2010. № 101. С. 461. № 51.

Автограф А.Н. Оленина

А. Оленина. 1. Января 1818»¹; надпись Фаддея Булгарина: «Другу Муханову от Автора 1 Ген. 1824»².

Книга — это подарок на пасху. Церковная надпись: «Ваше Высокопреподобие, Достопочтеннейший о. Ректор! Прошу Вас принять эту книжку вместо красного яйца — пожелания полноты Вам здоровья и светлой вечной будущности. Иеродиакон Симеон, 1837 Апр. 26»³. На

¹ На кн.: *Оленин А.Н.* Опыт о правилах медальерного искусства. С описанием проектов медалей на знаменитейшие происшествия с 1812 по 1816 г. и трёх проектов памятника из огнестрельных орудий, отбитых у неприятелей в 1812 году. СПб., 1817. Шифр XI 3229. Опубл.: *Панченко Е.З.* «Знак глубочайшего почтения и сердечной преданности...» С. 462. № 60.

² На кн.: *Булгарин Ф.В.* Воспоминания об Испании. СПб., 1823. Шифр XI 3503. Опубл.: *Панченко Е.З.* «Знак глубочайшего почтения и сердечной преданности...» С. 452—453. № 8.

³ На кн.: Историческое рассуждение о постах православной восточной кафолической церкви. М., 1837. Шифр IV 14192.

книге, полученной В.Г. Дружининым от Н.П. Барсукова, написано просто «Христос Воскресе!»¹

Книга — лучший подарок на именины:

- священнослужителю: «Его Высокопреподобию Алатырского Троицкого монастыря Настоятелю, Отцу Архимандриту Иезекиилю, Любезнейшему о Господе Брату, в день его Ангела Феодотий Епископ Симбирский 21 июл. 1848»²;

- учёному-историку: «Многоуважаемому Нестору Мемноновичу Петровскому в день его ангела с наилучшими пожеланиями К. Харлампович 1 марта 912»³;

- любимой жене: «Дорогой моей Наташе в день её ангела 26 Августа 1894 года. Николай Лихачёв»⁴.

Подарок на день рождения: «Сия книга подарена... в день моего рождения, 1842 года 17-го марта в 10-й год моей жизни. Александр Руднев»⁵.

Студенты поздравляли друг друга с началом учебного года: «Студенту Николаю Григорьевичу Дроздову — Студент Голубев в знак дружбы 1844 г. Сент. 1»⁶.

---

¹ На кн.: Выписки из писем И.С. Мальцова к С.А. Соболевскому (СПб., 1904) рукой В.Г. Дружинина написано «Получ[ено] от Н.П. Барсукова». Шифр IV 5104.

² На кн.: *Филарет (Гумилевский)*. История русской церкви. Период патриаршества. 1588—1720. Рига, 1847. Шифр I 1822. Опул.: *Панченко Е.З.* «Знак глубочайшего почтения и сердечной преданности...» С. 468—469. № 92.

³ На оттиске с рецензией К.В. Харламповича на кн. В.А. Беднова «Православная церковь в Польше и Литве» (Учён. зап. Каз. ун-та. 1912). Шифр Ха 223.

⁴ На кн.: *Лихачёв Н.П.* Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888. Шифр Л 13182. Подаренная жене диссертация Н.П. Лихачёва в роскошном переплётe до недавнего времени хранилась в библиотеке его внучки О.П. Лихачёвой.

⁵ На кн.: *Валуев П.С.* Исторические сведения, из летописей отечественных и преданий изустных извлечённые о селе Коломенском, с присоединением видов и чертежа внутреннему расположению старинного царского дворца с теремами, до 1767 года там находившегося, и двум дворцовым церквям, за несколько веков сооружённым и донныне существующим. Издано в восьмое лето царствования Государя Императора Александра Первого. Москва, печатано в типографии Императорского Московского университета, 1809. Шифр XI 4893. Гравюры в этой ценной книге неумело раскрашены детской рукой.

⁶ На кн.: *Гавриил, архимандрит*. Философия правды. Казань, 1843. Шифр IV 7870.

Автограф обычно начинается с имени и краткой характеристики адресата — кому предназначался подарок. Адресат должен был быть грамотен, в других отношениях этот круг безграничен.

По старой традиции — подарок покровителю: «Его высокопревосходительству Милостивому Государю Михаилу Никитичу Кречетникову, яко Любителю Наук и Меценату учёных, в знак истинного высокопочитания, преданнейше подносит сочинитель сего слова Проф. Чеботарёв»¹.

Как знак уважения — подарок начальству. Автограф И.Ф. Крузенштерна: «A Son Excellence Monsieur le Marquis de Traverse Ministre la Marine de la part de l'Auteur comme une marque particulier de son profond respect et de sa haute consideration»²; «Боевого моего начальника под Евпаторией и в Севастополе Степана Александровича Хрулёва почтительнейше прошу снисходительно прочесть автор Константин Шварц»³.

Типичная ситуация — подарок ученикам: «Вере Григорьевне, милой ученице за охоту к учению и успехи. Учитель Н. Горчаков в час ея отъезда — 1816го Маия 13-го и в память учителя»⁴; «Моему доброму воспитаннику и духовному сыну Герману Николаевичу Барону Корфу Священник В. Жмакин»⁵; и не менее типичная — подарок учителю: «Глубокоуважаемому Николаю Петровичу Лихачёву на память от его ученика Владимира Железнова»⁶; «Усердно прошу Николая Петровича принять этот мой первый труд по генеалогии как знак глубокого моего уважения»⁷.

¹ На кн.: *Чеботарёв Х.А.* Слово о способах и путях, ведущих к просвещению. М., [1779]. Шифр XI 4740. Опубл.: *Панченко Е.З.* «Знак глубочайшего почтения и сердечной преданности...» С. 470. № 99.

² Его превосходительству господину министру де Траверсе, морскому министру, от автора как особый знак глубокого уважения и высокого почтения (*фр.*) На кн.: *Krusenstern. Mémoire sur une carte du Détroit de la Sonde et la Rade de Batavia. St. Pétersbourg, 1813.* Шифр XI 3073. Опубл.: *Панченко Е.З.* «Знак глубочайшего почтения и сердечной преданности...» С. 459. № 44.

³ На вырезке: *Шварц К.* Критическое обозрение сочинения: Восточная война. Осада Севастополя... (Воен. сб. 1860. № 3, 4). Шифр IV 16962.

⁴ На кн.: *Утренняя заря : труды воспитанников Университет. благород. пансиона. М., 1800.* Кн. 1. Шифр V 1324.

⁵ На кн.: *Жмакин В.И.* Иннокентий, епископ Пензенский и Саратовский. СПб., 1885. Шифр IV 4760.

⁶ На оттиске: *Железнов В.* Оружие русских в допетровский период (Воен. сб. 1903, дек.). Шифр IIIг 6502.

⁷ На кн.: *Власев Г.А.* Род дворян Власевых. СПб., 1905. Шифр I 1940.

Подарок другу: «В знак памяти и моей всегдашней преданности, с истинным усердием дарю Другу моему Василию Евстафьевичу Днепрову, как любителю изящного. Иван Фивизио. Смоленск, 25 мая 1831 го года»¹; «Дарю сию книгу другу моему Фёдору Фомичу Бекаревичу, умеющему понимать и ценить великих мыслителей подобных Жан-Жаку Руссо. П. Рудавский 6 июня 1888 г.»². Дружеские надписи могут быть просты и шутливы, даже если дружат большие учёные: «Другу Васе чем богаты, — тем и рады» (С.Ф. Платонов — В.Г. Дружинину)³; а иногда написаны понятным только друзьям языком: «Шуркину от Кокина» (то есть А.А. Сиверсу от Н.Н. Муханова)⁴.

Подарки членам семьи и родственникам: «дорогому брату»; «дорогой кузине»; «дорогому племяннику от дяди»; «брату и другу»; «милой тётё»; «любезной сестрице», дочери, жене...

Хотя женщины были активными читательницами, книг, подаренных женщинам, в нашем фонде оказалось сравнительно немного. Это, должно быть, связано со спецификой фонда научной библиотеки — у нас почти нет беллетристики и поэзии. Тем не менее среди женских имён «Её высокопревосходительство Милостивая Государыня Дарья Алексеевна Державина»⁵ и «Её сиятельство графиня Елизавета Ксаверьевна Воронцова»⁶. Автографы свидетельствуют, что книги преподносили покровительницам, например имеющим влияние при дворе старым фрейлинам, дамам-писательницам, подрастающим дочерям, соседкам по имению, гостеприимным хозяйкам⁷, просто приятным дамам: «Милому, давнему другу, чудесному-отзывчивому человеку, добрейшей душе, нашей общей Мадам Панаевой — привечающей писательскую братию и многих прочих неисчислимых качеств простоты, доброты и привета,

---

¹ На кн.: *Виргилиевы георгики*. М., 1821. Шифр XI 3434.

² На кн.: *Философические уединённые прогулки Ж.-Ж. Руссо, или Последняя его исповедь, писанная им самим, с присовокуплением его писем к Мальзербу*. СПб., 1802. Шифр XI 2385.

³ На отгиске: *Платонов С. Род Шереметевых*. А.П. Барсукова... [рец.] (Журн. М-ва Народ. просвещения. 1883, окт. Ч. 229. Отд. 2). Шифр IV 6254.

⁴ На кн.: *Майер А.Л.* О старом Зимнем дворце и палате, в коей скончался государь император Пётр Великий. СПб., 1872. Шифр IV 3915.

⁵ На кн., подаренной Е.И. Станевичем. Шифр XI 3548. Опубл.: *Панченко Е.З.* «Знак глубочайшего почтения и сердечной преданности...» С. 467. № 84.

⁶ На кн., подаренной А.А. Скальковским. Шифр III 8068. Опубл.: *Панченко Е.З.* «Знак глубочайшего почтения и сердечной преданности...» С. 466. № 79.

⁷ См.: *Панченко Е.З.* «Знак глубочайшего почтения и сердечной преданности...» № 12, 15, 29, 50, 57, 87.

— на вечную любовь, дружбу и память — Шуре — Александре Аникивне Мирошниченко, от Василия Краснова 2 ноября 1927 г. Москва»¹ и дамам с характером: «Милой Ведьме» (С.Н. Чернов — К.Н. Сербиной)².

Автографы, начертанные женской рукой, в XIX веке встречаются нечасто. Вот образец женского подарка от казанской поэтессы своей подруге: «В знак сердечной моей к ней приязни прошу милую и добрую Глафиру Панаеву принять сию книгу слабых трудов моих — и читая иногда вспоминать любящую её душевно Анну Наумову». Кто-то не пощадил нежных чувств и приписал рядом: «Уединенна муза / Закамских берегов! / Ищи с умом союза / И не пиши стихов»³.

Кому бы ни преподносилась книга, подарок должен был запечатлеть лучшие чувства: заботу, благодарность, уважение, любовь и дружбу и так далее. Автограф С.Т. Аксакова: «Старому милому другу и товарищу Александру Максимовичу Княжевичу от Сочинителя 1853, февраля 12 Абрамцево»⁴. «Любимому другу Александру Александровичу — друг верный и благодарный за сочувствие, воздействие и содействие Я. Элиясберг 24/1 1900»⁵.

Для выражения чувств использовались не только распространённые обращения «дорогому» или «глубокоуважаемому», но и совершенно вышедшие сейчас из употребления: достоуважаемому, достолюбезнейшему, душевноуважаемому, высокочтимейшему, истинноуважаемому, высокоуважаемому, доброму и любезнейшему, достопочитаемому, крепколюбимому, сердечнолюбимому, глубокопочитаемому и так далее. Эти слова невозможно себе представить в живой речи, по художественной литературе того времени они нам не слишком знакомы, и даже словари отражают далеко не все. Лишь иногда они встречаются в эпистолярных документах. Выскажу предположение, что эти сложные прилагательные часто сочинялись непосредственно во время надписывания книги,

¹ На кн.: *Краснов В.* Ходынка (рассказ не до смерти растоптанного). М.; Л., 1926. Шифр IV 7210.

² На оттиске: *Чернов С.Н.* Заметки о следствии по делу Максима Грека (Сб. ст. к 40-летию учён. деятельности акад. А.С. Орлова. Л., 1934). Шифр IV 20378.

³ На кн.: *Наумова А.А.* Уединенная Муза закамских берегов. М., 1819. Шифр XI 3339. Опубл.: *Лихачёв Н.П.* Генеалогическая история одной помещицкой библиотеки. СПб., 1913. С. 63—64; *Панченко Е.З.* «Знак глубочайшего почтения и сердечной преданности...» С. 462. № 58.

⁴ На кн.: *Аксаков С.* Биография М.Н. Загоскина. М., 1853. Шифр IV 5820.

⁵ На кн.: *Элиясберг Я.* Остзейская практика Гражданского кассационного департамента, Общего Собрания 1 и Кассационного департаментов Правительствующего Сената за 1891—1899 гг. СПб., 1900. Шифр К 2354.

от полноты чувств и ввиду ограниченного места. Преподнесение книги было отличным поводом выразить любовь и почтение.

Даритель обычно называет себя и в своём отношении к адресату подчёркивает уважение, любовь, преданность, благодарность плюс, если речь идёт о подарке автора книги, свою скромность и честный труд: от искреннепреданного, многообязанного, в знак искреннего почтения, искренне любящий, от трудившегося, от скромного составителя, от неопытного автора, почтительнейшее подношение, усерднейшее приношение и тому подобное.

Целью подарка, если так можно выразиться, является память: «в память прежних лет», «в память первого знакомства», «на доброе воспоминание», «на память о минувших делах и днях»... «Ивану Васильевичу Г[осподи]ну Киреевскому дарит усерднейше сочинитель сию книжку в свидетельство и на память своей приязни и доброжелательства»¹.

Подаренная книга могла хранить память о других дорогих для адресата и дарителя людях или обстоятельствах. Сын Зинаиды Волконской дарит собранный им том её избранных сочинений П.А. Муханову: «à Son Exc[ellence] Monsieur de Moukhanow... Souvenir de la Princesse Zeneide, offert par son fils le Prince Alexandre Volkonsky»². А.Т. Карпова, тёща Н.П. Лихачёва, дарит ему книгу на память о покойном муже: «На память о Геннадии Фёдоровиче Карпове Николаю Петровичу Лихачёву Анна Карпова»³. В одной из лихачёвских книг была обнаружена записка: «Книга эта посылается от имени Олимпиады Ивановны Селивановой — город Рязань, Садовая ул. собственный дом, так как муж её составитель этой книги Алексей Васильевич Селиванов скончался 7 января 1915 года в 9 часов вечера»⁴.

Всегда интересно, когда в дарственной надписи присутствуют индивидуальные детали, подробности. Это может быть характеристика

---

¹ Надпись И.М. Снегирёва на его книге «Опыт рассуждения о русских словесах» М., 1823. Шифр XI 3665. Опубл.: *Панченко Е.З.* «Знак глубочайшего почтения и сердечной преданности...» С. 466. № 80.

² Его Превосходительству господину Муханову на память о княгине Зинаиде подарок её сына князя Александра Волконского (*фр.*). На кн.: Volkonsky Z. Oeuvres choisies de la princesse Zénéide Volkonsky, née princesse Beloselsky. Paris ; Carlsruhe, 1865. Шифр II 195.

³ На кн.: Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г. Пг., 1880. Шифр IIIг 561.

⁴ На кн.: *Селиванов А.В.* Материалы для истории рода рязанских Селивановых, ведущих своё начало от Кичибя: в 3 ч. Ч. 3. Рязань, 1914. Шифр К 7505.

адресата, самого дарителя, обстоятельств, которые свели их вместе. Писатель Яков Лыкошин в 1821 году дарит свою книгу о Доне Карлосе¹ поэту Борису Фёдорову: «...Вы были Опекуном славы Д. Карлоса пред изданием его в свет — Вам, Почтенный друг, которого советами я руководствовался, Вам преимущественно принадлежит подарок моего труда!» Или: «30 мая 1912. Дорогому Товарищу и другу Николаю Петровичу Лихачёву на память наших университетских дней душевно-преданный и любящий Епископ Анастасий, прежде А. Александров»²; «Глубокоуважаемому Алексею Константиновичу Маркову на память и с вечной благодарностью за первые уроки нумизматики В. Розанов»³; «Леониду Николаевичу Майкову от старого его товарища и собутыльника. В. Макушев, Варшава, 12 Апреля 1875»⁴ (это один из книжных подарков на пасху). На книге воспоминаний А. Плетнёва: «Глубокоуважаемому Константину Адамовичу Военскому от сына друга Пушкина»⁵.

Иногда находишь не просто дарственную надпись, а неповторимое послание. Обязанность написать что-нибудь на книге даёт возможность (продуманно или экспромтом) высказаться, выразить самое важное в отношении к другому человеку. И.И. Толстой, филолог-классик, будущий академик — тоже филологу и будущему академику С.А. Жебелёву: «Полный дерзаний и, быть может, несбыточных надежд, дарю я Вам, дорогой Сергей Александрович, этот ничтожный оттиск, Вам — другу моего сердца и минувших, юношеских чаяний. И мне бы так хотелось, чтобы и Вы вместе со мною поверили в мои надежды, тому, что я смогу исполнить работу, мечту о которой Вы давно, давно заронили в душу мою...»⁶

---

¹ Шифр XI 4777. Опубл.: Панченко Е.З. «Знак глубочайшего почтения и сердечной преданности...» С. 459. № 45.

² Александров А. Служба св. Кириллу, учителю славянскому по сербской рукописи XIV века русского Пантелеймоновского монастыря на Афоне. СПб., 1895. Шифр IIIг 421. А.И. Александров, профессор Казанского университета, в 1910 году постригся в монахи.

³ На кн.: Розанов В.В. Из восточных мотивов. Вып. 1. Пг., 1916. Шифр VIIг 1.

⁴ На кн.: Makusev V. Monumenta historica slavorum meridionalium... Varsaviae, 1874. Шифр II 373.

⁵ На кн.: Плетнёв А. Воспоминания о П.А. Плетнёве. СПб., 1907. Шифр IV 4255.

⁶ На оттиске: АПАТОРО на памятнике De la Motraye (Журн. М-ва Народ. просвещения. 1909. Ч. 21, май. Отд. 5). Шифр IV 11641 Жеб.

+

Глубокоуважаемому .
Николаю Петровичу Лихачёву,
с чувством радости при мысли
о крепости России, пока живут на
ней Лихачёвы, —
Священник Павел Флоренский

1917. II. 23.
Сергиев Посад.

Лекция от
ИМТ. ИСТОРИИ
СЕРГИЕВ ПОСАД

Автограф П.А. Флоренского

Дата на автографе П.А. Флоренского придаёт его оптимистическому пророчеству горький смысл: «Глубокоуважаемому Николаю Петровичу Лихачёву, с чувством радости при мысли о крепости России, пока живут на ней Лихачёвы — Священник Павел Флоренский 1917 II/23 Сергиев Посад»¹. Стоическое отношение к гибели привычного уклада жизни в надписи Л.П. Карсавина. Он дарит свою книгу «Культура средних веков»² С.А. Жебелёву с латинским четверостишием из средневе-

¹ На оттиске: Переписка протоиереев С.К. Смирнова и... А.А. Лебедева (Богослов. вестник. 1916. № 10—12). Шифр К 5002.

² Шифр К 9092 Жеб.

ковой Кармины Бураны: «Iste mundus furibundus / falsa praestat gaudia / quae defluunt et decurrunt / Ceu campi lilia...¹ Многоуважаемому Сергею Александровичу от автора 27 марта 1919».

Даритель предполагал, что книга будет вечно напоминать о нём адресату. Однако мы знаем, что так происходило далеко не всегда, иначе не встречалось бы книг с различными дарственными и владельческими надписями. Сентиментальный учитель Горчаков подарил книжку «милрой ученице Вере Григорьевне», но эта книжка была когда-то подарена ему самому с нежной надписью «Дарю другу моего сердца, желаю и прошу принять оной подарок с взором благосклонности...»² Несмотря на то что передаривать книгу уже в наше время считалось неэтичным, цепочки дарственных надписей придают конкретным экземплярам дополнительную ценность, свидетельствуя о богатой событиями судьбе книги. Приведу два курьёзных примера.

На издании «Слов» ректора Александро-Невской духовной семинарии Иннокентия Дубравицкого есть автограф выдающегося русского государственного деятеля М.М. Сперанского: «Ксенофону Михайловичу Господину Дилекторскому Уч. Михайло Сперанский 4го Августа 1792 Санктпетербург»³. Звёздный час Сперанского ещё впереди, он недавно окончил Александро-Невскую семинарию в Петербурге и был оставлен в ней учителем (отсюда «Уч.» в автографе). Книга с автографом Сперанского могла бы стать семейной реликвией, однако господин Дилекторский уже на следующий год передарил её «Любезному другу Михайле Афанасьевичу господину Скабовскому»; тот оставил на книге владельческую надпись, но всё-таки от книги избавился, она оказалась у Григорья Алферова, а он, в свою очередь, продал её в 1848 году священнику Иоанну Грацилевскому. Книга с ценным автографом ходила из рук в руки, но владевшие ей священники или преподаватели видели в ней только материал для составления проповедей. На книге юриста и писателя В.М. Грибовского⁴ автографы вступают в диалог друг с другом. Автор пишет: «Многоуважаемому Владимиру... Проценко на

---

¹ Этот мир бешеный / ложные даёт радости / которые проходят и исчезают / словно полевые лилии...

² На кн.: *Майер А.Л.* О старом Зимнем дворце и палате, в коей скончался государь император Пётр Великий. СПб., 1872. Шифр IV 3915.

³ Шифр XI 1697. Опубл.: *Панченко Е.З.* «Знак глубочайшего почтения и сердечной преданности...» С. 467. № 83.

⁴ *Грибовский В.М.* Высший суд и надзор в России в первой половине царствования Екатерины II. СПб., 1901. Шифр I 710.

добрую память от автора». Далее идёт: «Упомянутый Проценко, сохраняя об авторе наилучшую память, решительно не располагает временем для прочтения этого интересного исследования и надеется, что эта книга найдёт лучшую участь в руках глубокоуважаемого Александра Владимировича»¹.

Ошибочно думать, что самые прочувствованные или пышные надписи делались на наиболее ценных книгах. Именно «ничтожность» оттиска, как он пишется, побудила молодого тогда ещё И.И. Толстого написать о своих несбывшихся мечтах и надеждах. В академическом кругу уважительно надписанные оттиски или вырезки из журналов дарились чаще, чем монографии. Дарились рецензии. Судя по всему, рецензент обязательно преподносил её автору рецензируемого труда. Дарились на память об учителе или коллеге некрологи².

Подарком могла служить книга любого содержания, что с нашей точки зрения иногда выглядит довольно забавно: московский врач Ф.И. Шлегель надписывает в 1823 году: «Его Сиятельству Платону Александровичу Ширинскому Шихматову посвящаю для памяти с искренним почтением...». Книга — «Краткое обозрение истинной истории венерической заразы...»³. Правда, Ширинский-Шихматов, в это время министр народного просвещения, должен приветствовать просвещение во всех областях. Молодой этнограф С.К. Кузнецов дарит статью с пугающим названием «Атамановы кости: старинное кладбище близ села Черемисского...», иронично подписывая её 19-летнему другу-студенту: «Христоролюбивому Николаю Петровичу Лихачёву»⁴.

Автографы и надписи делают интересными экземпляры даже вполне заурядных изданий, а сочетание содержания книги и надписи может образовать новый неожиданный смысл. «Правила для учеников Казанской духовной семинарии...»⁵ были подарены ученику Ивану Волкову не за хорошие успехи, а наоборот — во исправление: «Вам, Волков, следует выучить эти правила наизусть...» Кто-то из семинари-

---

¹ Личности В. Проценко и Александра Владимировича не установлены.

² Например, Г.Э. Зенгер — С.А. Жебелёву: «С приветом от автора» на оттиске с некрологом «Ф.Е. Корш» (Гермес. 1915. № 7—8, апр.) Шифр IV 11832 Жеб.

³ Шифр XI 4710. Опубл.: *Панченко Е.З.* «Знак глубочайшего почтения и сердечной преданности...» С. 471. № 103.

⁴ Шифр IV 7648.

⁵ Правила для учеников Казанской духовной семинарии как живущих в семинарии, так и помещающихся на квартирах / сост. А. Зеленецкий. Казань, 1875. Шифр IV 11168.

стов ещё раз пишет: «Волков! Тебе нужно прочесть эту книжку, потому что пороки, описываемые здесь, за тобой водятся». Волкову скучно учить правила наизусть, он с ними спорит, переправляя и надписывая слова, и в результате перед нами уже не регламент, а документ непослушания. Мы видим, чего не любил и что желал юный семинарист: утренняя молитва, по его мнению, должна начинаться не в 7, а в 8 часов, в 6 утра надо спать, а в 8 часов идти на танцы, к чаю приписан «сахар»; курение табаку, игра в карты и употребление крепких напитков «даже вовсе не запрещаются»; в строке о том, что романы и пьесы не рекомендуются учащимся, он пишет «почему?» и так далее. Ничего не удалось узнать о дальнейшей судьбе Ивана Волкова; во всяком случае, он не входит в число выдающихся выпускников Казанской духовной семинарии.

Ещё одна книга является своеобразным документом жизни советской интеллигенции.

Это «Одиссея» Гомера на древнегреческом языке, издана в немецком Галле, 1805 год. Книга в сафьяновом переплёте эпохи, с красивым рисунком золочёного тиснения на корешке и золотым обрезом. Контраст с классическим содержанием и оформлением книги составляет дарственная надпись, занимающая весь защитный лист. Среди аббревиатур, многоточий и восклицательных знаков читается:

«В Делете (то есть в универмаге ДЛТ — ДOME ленинградской торговли. — *Е.П.*) окромя блузочков нича!», «в начале ремонтной эпопеи»... Разобраться в этом сумбуре помогло то, что книга происходит из библиотеки Е.Э. Липшиц, известного ленинградского специалиста по истории Византии. «Е.Э.Л.» — это, конечно, она. 9 мая 1948 года — не только День Победы, но и день рождения Елены Эммануиловны, когда ей исполнилось 47 лет. «Окромя блузочков нича» — так могли говорить соседки по коммуналке, но «сие не голословно», «дивное изречение», «эпопея», Станиславский — язык образованного человека, да и сама книга — «Одиссея» начала XIX века — подарок изысканный. Выяснилось, что Е.Э. Липшиц жила в одной квартире, кстати, по соседству с ДЛТ, со своей подругой, Зинаидой Борисовной Шуман¹. Отсюда — от женской дружбы и соседства — зашифрованные, понятные только им одним словечки, квартирный ремонт, час ночи. З.Б. Шуман была связана с театральным миром; обе женщины состояли в переписи-

---

¹ Сведения предоставлены Е.К. Пиотровской, ученицей Е.Э. Липшиц.

Э. Э. Д.,
 бедной бедняжке, -
 Она те - т. у. б.! и те не
 по слову:
 1) в с.....ий не до...т.....!
 2) зыбкое зурение:
 !!» е. в. м. !!

О..... и м..... бл!
 (станиславский)

Везде те
 окроща бужорков тига!

Шранк аменту

9 мая 1948 г.
 12.10 м. (ноч).

В начале ремонтной эпохи.

О..... бл м..... бл!
 Сем.....

ске с актёром и режиссёром Б.А. Фердинандовым, причём в архиве Фердинандова в РГАЛИ хранится шуточная пьеска, автором которой была Зинаида Борисовна¹. Склонность к комическому, театральная эксцентричность хорошо видны и в дарственной надписи. Ироническое обращение к подруге, владеющей древнегреческим, на языке простонародья, в какой-то степени продолжает традицию скромной автоаттестации дарителя. Акцент на бытовой стороне жизни является отражением советских реалий, возможно, и выражением привычной мимикрии советского интеллигента. В то же время это может быть проявлением своего рода стыдливости — когда о глубоких чувствах молчат и, даря «Одиссею» немолодой подруге, пережившей недавно войну, пишут об «эпопее квартирного ремонта»...

---

¹ См. каталог РГАЛИ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rgali.ru/object/246063139?lc=ru>; <http://www.rgali.ru/object/245583463?lc=ru>.

**ТРИ ЭПОХИ БИБЛИОТЕКИ
ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА ЯШНЕВА**

**Личное собрание музыканта в Центре по работе
с редкими и ценными документами
Псковской областной универсальной научной библиотеки**

Василий Иванович Яшнев (1879—1962) — композитор, гитарист, педагог, общественный деятель.

Учился в Санкт-Петербургской консерватории у Н.А. Римского-Корсакова, Н.А. Соколова, А.К. Глазунова. По окончании консерватории в 1913 году занимался композиторской деятельностью, преподавал в музыкальных классах Педагогического музея, в Музыкальном институте и Академической капелле. Освоил игру на гитаре. После Великой Отечественной войны с 1945 года жил в Пскове. В 50-е и 60-е годы XX века руководил самодеятельным оперным коллективом при Доме народного творчества. Изданное в 1959 году педагогическое пособие В.И. Яшнева «30 пьес для шестиструнной гитары» и сегодня не утратило своей значимости при обучении игре на этом инструменте.

Личное книжное и нотное собрание В.И. Яшнева согласно его желанию было передано в Псковскую областную универсальную научную библиотеку друзьями после кончины музыканта в 1962 году.

Сначала библиотека В.И. Яшнева хранилась в музыкально-нотном отделе ПОУНБ, с сотрудниками которого у композитора ещё при жизни сложились почти дружеские, да и творческие взаимоотношения. С созданием же в Псковской областной библиотеке Центра по работе с редкими и ценными документами личная библиотека композитора была передана туда как отдельная коллекция; в Центре также находится систематический топографический каталог на неё. Книги и ноты описаны, сведения внесены в электронную базу данных «Редкая книга». Коллекция регионального уровня, личная творческая, условно названа «Библиотекой В.И. Яшнева».

Название этой публикации — «Три эпохи библиотеки Василия Ивановича Яшнева» — отсылает нас к перипетиям биографии музыканта. Называя В.И. Яшнева человеком трёх эпох, мы имеем в виду:

1) его жизнь до 1917 года — учёбу в консерватории, первые опыты сочинительства, работу с придворным оркестром;

2) 1920—1930-е годы — период нэпа, издательской инициативы, увлечения гитарой, активную преподавательскую деятельность;

3) послевоенный, так называемый псковский период, когда самой заметной стороной жизни Василия Ивановича становится организованная им самодеятельная опера.

Все три периода представлены и в личной библиотеке музыканта, однако, учитывая перипетии военного времени и эвакуацию, утрату жилья в Петербурге (Ленинграде) и переезд в Псков, предположим, что, вероятнее всего, бо́льшая часть собрания формировалась уже после 1945 года.

И тем не менее хронологические рамки хранящихся в библиотеке В.И. Яшнева документов довольно широки — более 100 лет, с 1852 по 1961 год.

Директор Псковского областного колледжа искусств, гитарист Егор Вячеславович Студинов, в своей статье, посвящённой В.И. Яшневу, пишет: «...коллеги не забывали Василия Ивановича, нередко гостившего в послевоенном Ленинграде, а сам Василий Иванович продолжал поддерживать профессиональные контакты с бывшими учениками, гитарными мастерами, нотоиздателями. Е. Ларионов вспоминал, как однажды Яшнев зашёл в нотный магазин на углу Садовой и Невского (теперь он отсутствует) и продавец, зная почти всех питерских гитаристов в лицо, выдавая на просмотр ноты, тихонько сказала: «А вот сидит сам Василий Иванович...» Ничего странного не было в том, что продавцы нотных магазинов, где он внимательно и подолгу знакомился с каждым новым сборником, знали Яшнева в лицо»¹.

На многих нотах в коллекции музыканта стоит штампель магазина № 37 Ленкниготорга.

Общий объём коллекции «Библиотека В.И. Яшнева» — 1902 единицы хранения.

По виду изданий это: ноты — 1504 экземпляра, из них 34 — рукописные; книги — 142; периодические издания — 252; афиши — 4; фотоальбом постановки оперы «Алеко» в 1960 году.

---

¹ Студинов Е. В.И. Яшнев — музыкант и педагог // Вопросы музыковедения и музыкального образования : сб. научных трудов. Вып. 3. Вологда, 2007. С. 234—235.

По тематическим характеристикам: музыка, музыкальный театр, художественная самодеятельность, ноты. Основная часть изданий на русском языке. В нотах вокальных произведений, особенно изданных до 1917 года, встречаются параллельные тексты на немецком, французском, английском языках. И даже латынь в издании «Реквиема» Моцарта.

Библиотеки известных людей, мастеров-профессионалов многое могут рассказать о своих владельцах. Так и нотное собрание Василия Ивановича Яшнева демонстрирует нам его музыкальные предпочтения, раскрывает исполнительские пристрастия и даже помогает обнаружить некоторые неизвестные штрихи биографии композитора.

В нотной коллекции В.И. Яшнева среди 25 клавиров крупных музыкальных произведений восемь — клавиры опер Рихарда Вагнера (причём только один «Лоэнгрин» издан в 1959 году, все остальные дореволюционные), пять — Николая Андреевича Римского-Корсакова (учителя В.И. Яшнева), два — Петра Ильича Чайковского. Остальные десять — это клавиры опер Ж. Бизе «Кармен», Дж. Верди «Травиата», Дж. Пуччини «Тоска», Ж. Массне «Вертер», П. Маскани «Деревенская честь», Р. Леонкавалло «Паяцы», М. Мусоргского «Сорочинская ярмарка», С. Рахманинова «Алеко», А. Даргомыжского «Русалка» и М. Крассе «Морозко». Последний подарен композитору благодарными учениками, о чём свидетельствует надпись: «В память о пятидесятилетии педагогической деятельности дорогому учителю Василию Ивановичу от коллектива учащихся педучилища».

Среди нот, завещанных В.И. Яшневым библиотеке, подавляющее большинство (более 1200 экземпляров из 1504, то есть почти 80%) — вокальные произведения: романсы, песни, издания отдельных оперных партий. Хозяин библиотеки собирал преимущественно вокальные произведения А. Алябьева, А. Аренского, М. Глинки, А. Гречанинова, Э. Грига, Ш. Гуно, А. Даргомыжского, С. Рахманинова, Н. Римского-Корсакова, А. Рубинштейна, П. Чайковского, Ф. Шуберта и Р. Шумана. Меньшую часть в нотном собрании В.И. Яшнева занимают песни и романсы его современников — Ю. Шапорина, М. Фрадкина, В. Соловьёва-Седого, Б. Мокроусова и других.

По всей вероятности, именно вокальная музыка была наиболее близка Василию Ивановичу, так как и сам он написал несколько романсов, рукописные и печатные экземпляры которых хранятся в его нотной коллекции.

В 2013 году при тщательном изучении библиотеки музыканта удалось установить некоторые ранее не известные эпизоды биографии В.И. Яшнева, например то, что он два года учился в знаменитой петербургской школе Карла Мая.

В нотном собрании Яшнева есть рукописный экземпляр драматической поэмы «Муза», на котором читается посвящение «Дорогому другу Бруно Рейхардт». Сначала с помощью Интернета, благодаря замечательному сайту <http://www.kmay.ru/>, нам удалось найти Бруно Рейхарта, который учился в школе Карла Мая с 1892 по 1902 год. И здесь же мы установили, что и сам В.И. Яшнев учился в этой же школе с 1897 по 1899 год.

Мы связались с сотрудниками музея школы Карла Мая, и общественный заместитель директора музея Мурат Тимурович Валиев сначала предоставил нам краткие сведения об однокашниках В. Яшнева и Б. Рейхарта, среди которых Владимир Константинович Рерих — младший брат известнейшего Н.К. Рериха, Михаил Дмитриевич Семёнов (Тян-Шанский) — внук П.П. Семёнова-Тян-Шанского, Борис Валентинович Яковенко — будущий известный философ.

В дальнейшем сотрудничество с музеем продолжилось. 24 апреля 2014 года на Яшневских чтениях, проходивших в Псковской областной универсальной научной библиотеке, М.Т. Валиев представил развёрнутый доклад «Серебряный век Школы Карла Мая». В докладе говорится о наиболее известных личностях, преподававших и учившихся в этом неординарном учебном заведении, раскрыта внутренняя атмосфера школы в годы, когда там учился В.И. Яшнев. Полный текст выступления будет опубликован в сборнике материалов Яшневских чтений.

Ещё одна деталь биографии Яшнева, раскрытая благодаря изучению библиотеки композитора. Вероятно, тёплые дружеские отношения связывали Василия Ивановича Яшнева и вокалиста Константина Степановича Исаченко. Об этом свидетельствуют посвящения некоторых вокальных произведений: «Посвящается певцу-художнику К.С. Исаченко» — и дарственные записи на изданиях романсов самого В.И. Яшнева: сильно выцветшая надпись, в которой отчётливо читается только «... милому Косте...» и дата «15/IV 915 г.», или, например, «Дорогому Косте от Васи Яшнева. 20/X 908 г. СПб».

Все издания произведений В.И. Яшнева с посвящениями «Косте Исаченко» лежат в одной коричневой папке, на которой присутствует карандашная владельческая запись: «Исаченко».

Можно предположить, что после смерти Константина Степановича Исаченко в Ленинграде в 1959 году Василий Иванович Яшнев забрал себе гораздо ранее подаренные им Исаченко произведения. Косвенным свидетельством такого предположения могут служить рукописные ноты произведений Яшнева, которые он же сам и переписывал в Публичной библиотеке в 1957—1958 годах, о чём говорят записи типа: «Переписал для концерта 3/ХII 58 г. В. Яшнев» или «Переписано 6/IV 57 г. в Библиотеке имени Щедрина. В. Яшнев». Маловероятно, что композитор стал бы это делать, если имел у себя ранее 1959 года печатные варианты.

Ну и коль скоро мы заговорили о рукописных материалах, упомянем романс «Под шум дождя», на второй странице которого В.И. Яшнев оставил запись: «...лучшему и неизменному другу с начала моей музыкальной деятельности в знак глубокой симпатии и в память концерта 3/II в Мариинском Дворце. Когда мы жили и были неизменно свыше среди холода и голода революции. В. Яшнев. 27/II 1921 г.». Очень жаль, что часть текста утрачена и мы не можем теперь установить, кому же адресованы эти слова. В качестве адресата записи можно представить и «дорогого друга Бруно Рейхардта», и «милого Костю» (Исаченко).

В процессе описания библиотеки музыканта обнаружилась и ещё одна интересная запись. С большой долей вероятности можно утверждать, что на первой странице нот романса А. Аренского «Менестрель» (П. Юргенсон, [1903]) из библиотеки В.И. Яшнева содержится автограф Ф.И. Шаляпина: «Ф Шаляпин 2/ХII 910 Москва». И хотя на нотах есть штампель магазина — видимо, В.И. Яшнев купил этот экземпляр у букинистов, — он акцентирует наше внимание на ещё одном эпизоде в биографии музыканта. Преподаватель Псковского музыкального училища певица Валентина Васильевна Фёдорова вспоминала: «Однажды Василий Иванович рассказал мне, как в одном из концертов аккомпанировал Фёдору Ивановичу Шаляпину». Факт вполне возможный, если учесть явно тёплые отношения Яшнева и Исаченко, а также то, что Исаченко многие оперные партии готовил с Шаляпиным.

Деятельная натура Василия Ивановича даёт себя знать и в годы нэпа, когда он становится инициатором создания кооперативного музыкально-издательского товарищества «Тритон». «Тритон» издаёт много вокальной музыки малых форм и педагогических пособий, в числе которых и «Школа-самоучитель для мандолины по нотной и цифровой системе» самого В.И. Яшнева, напечатанная в 1930 году.

Вокальная музыка выпускается целыми сериями: «Вокальный репертуар. Собрание вокальных пьес иностранных композиторов», «Вокальные ансамбли» и так далее.

«Тритон» просуществовал десять лет. В 1935 году был выпущен каталог, который подвёл итоги деятельности издательства. Выпущено 70 книг и брошюр и около 700 музыкальных произведений. В книге «Музыка и музыканты Ленинграда» итогам работы «Тритона» даётся такая оценка: «Принимая во внимание, что в выпуске изданий, в качестве авторов, составителей, редакторов и т. п. участвовали известные композиторы, музыковеды и педагоги, следует признать немалые заслуги «Тритона» в публикации произведений советской музыки малых форм, пополнении советского педагогического и концертного репертуара рядом ценных произведений и методических трудов, популяризации знаний о музыке и её крупнейших представителях. В меру своих сил и возможностей издательство «Тритон» содействовало развитию советской музыкальной культуры»¹.

Выпускал «Тритон» и книги по истории музыки. Одна из этих книг — «Музыка и балет в России XVIII века» Якоба Штелина — сохранилась в библиотеке Василия Ивановича².

Даже «в современной истории европейского искусствознания страницы, отведённые историографии русского искусства в XVIII веке, заполнены весьма скудно... До последнего времени считалось, что Россия в этой области была глухой окраиной... То, что совершил Якоб Штелин, не имеет аналогий в европейской литературе XVIII века по истории искусства. Никто в Западной Европе не мог тогда даже подумать о постановке подобной цели — написания «истории всех художеств» своей страны. Штелин, взявшийся за этот титанический труд, не был кабинетным учёным, глядевшим на мир из окна своего особняка и покрывавшим бисером готической вязи сотни листов ин-фолио ради перечисления сведений, почерпнутых из других источников. Пятьдесят лет он неустанно содействовал своим талантом, обширными знаниями и безмер-

---

¹ Музыка и музыканты Ленинграда : сб. ст. Л., 1972. С. 189.

² Это книга: *Штелин, Я.Я.* Музыка и балет в России XVIII века / пер. с нем. и вступ. ст. Б.И. Загурского, под ред. и с предисл. Б.В. Асафьева. Л. : Тритон, 1935. 189, [1] с. Издание включает: предисловие редактора Б. Асафьева, статью Б. Загурского «Музыкальная культура в России XVIII века» и записки Якоба Штелина — «Известия о музыке в России», «Известия об искусстве танца и балетах в России». Книгу украшают 16 иллюстраций.

ным трудолюбием развитию искусства в России и закреплял на бумаге то, что за это время увидел, узнал и услышал. Ценность и значение записок Штелина определяются прежде всего тем, что он сделал первую попытку создания истории русского искусства XVIII века. Его рукописи — единственное свидетельство современника о многих фактах и явлениях художественной жизни России того времени — позволяют проследить смену вкусов, тенденций и художественных ценностей в русском искусстве на протяжении нескольких десятилетий. Написанные ярким, образным языком, полные точных наблюдений и характеристик, хотя и довольно лаконичные, они в каждой строчке заключают большой фактический материал, который сегодня не всегда сразу поддаётся пониманию и нередко нуждается в подробном комментировании»¹, — пишет во вступительной статье к переизданию книги «Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России» ведущий специалист Российского государственного исторического архива Константин Владимирович Малиновский, который потратил многие годы на изучение наследия Якоба Штелина.

Тем значимее для отечественного музыкознания был выпуск этих «Записок» издательством «Тритон» в ныне далёком 1935 году. Значимо для нас и то, что именно эта книга сохранилась в библиотеке В.И. Яшнева на протяжении тяжёлых 30-х и 40-х годов XX века.

Среди скромного книжного собрания В.И. Яшнева наибольший интерес представляет конволют, состоящий из двух сплетённых вместе учебников по элементарной теории музыки. Первая книга — это «Учебник элементарной теории музыки в объёме курса консерваторий», составленный профессором Санкт-Петербургской консерватории А. Пузыревским и изданный в 1914 году. Второй том — «Практическое руководство к изучению элементарной теории музыки», составленное Н. Потоловским и изданное в 1909 году. На форзаце и титульном листе первой книги владельческий штампель с ошибкой: «Библиотека В.И. Яшнева»; на титуле второй — запись рукой В.И. Яшнева: «Из библиотеки Проф. Яшнева». Известно, что в Самарском областном государственном архиве социально-политической истории хранится

---

¹ Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России : в 2 т. / сост., пер. с нем., вступ. ст., предисловия к разделам и примеч. К.В. Малиновского. — М., 1990.

«Доклад проф. Яшнева о постановке музыкального дела в Самаре»¹. Таким образом, можно сделать вывод, что в период пребывания в Самаре в 1919—1920 годах Василий Иванович Яшнев титуловался «профессором».

Пяти томник трудов Б.В. Асафьева² явно не случайно попал в библиотеку Василия Ивановича, ведь с Борисом Владимировичем Асафьевым Яшнев был знаком и сотрудничал с ним в издательстве «Тритон».

В собрании В.И. Яшнева хранятся и три тома «Истории русской музыки» музыковеда, заслуженного деятеля искусств РСФСР, доктора искусствоведения Юрия Всеволодовича Келдыша — старшего брата известнейшего советского учёного-инженера, математика и механика Мстислава Всеволодовича Келдыша.

Есть в библиотеке композитора издания «Музыкального календаря» за 1958, 1959 и 1960 годы. Первый «Музыкальный календарь» вышел на 1957 год, а уже следующий, на 1958 год, Василий Иванович приобрёл в личную библиотеку. В конце издания календаря на 1959 год есть список важнейших юбилейных дат на 1960 год, где рукой владельца подчёркнуты только три: 18 января — 125 лет со дня рождения Ц.А. Кюи, 8 июня — 150 лет со дня рождения Роберта Шумана и 9 октября — 125 лет со дня рождения Камилла Сен-Санса. Без внимания владельца в этом списке остались 150-летие Шопена, 275-летие Баха, 120-летие П.И. Чайковского.

А уже в следующем календаре, на 1961 год, подчёркнуты практически все перечисленные важнейшие юбилейные даты, среди которых и 21 марта — 25 лет со дня смерти А.К. Глазунова, у которого В.И. Яшнев учился в Санкт-Петербургской консерватории, и 28 марта — 80 лет со дня смерти М.П. Мусоргского, и другие.

В 1960 году изданы очерки о жизни и творческой деятельности композиторов-современников Василия Ивановича Яшнева — Леонида Владимировича Николаева³ и Александра Вячеславовича Оссовского⁴,

---

¹ Управление государственной архивной службы Самарской области. Самарский областной государственный архив социально-политической истории [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://regsamarh.ru/sogaspi/map/parti/committee/14138/>.

² Асафьев Б.В. Избранные труды : в 5 т. М., 1952.

³ Савишинский С.И. Леонид Владимирович Николаев : очерк жизни и творческой деятельности. Л., 1960.

⁴ Бронфин Е.Ф. Александр Вячеславович Оссовский : очерк жизни и творческой деятельности. Л., 1960.

чьи имена сейчас известны, пожалуй, лишь музыковедам. В книге о Л.В. Николаеве есть пометы В.И. Яшнева, демонстрирующие его профессиональное (музыкальное, исполнительское) кредо: «Л.В. говорил своим ученикам: «Исходить следует из авторского текста. Надо быть внимательным к указаниям темпа, агогических оттенков, точек, лиг и т. п. Нужно войти во всё это, потому что несоблюдение указанного в нотах может изменить характер пьесы, лишить её необходимых и пленительных деталей и даже сделать её пьесой наполовину вашего, а не авторского сочинения... Дело не в «буквоедстве», но есть границы, которые подсказываются вкусом, тактом, уважением к автору и любовью к произведению, а не суетным желанием покрасоваться. Наиболее частой причиной невыполнения авторских указаний является даже не сознательное намерение исполнителя, а то, что он не позаботился внимательно прочесть текст, т. е. попросту небрежность, недопустимая в искусстве»¹.

О том, что именно эту исполнительскую скрупулёзность прививал своим ученикам и педагог В.И. Яшнев, говорит пианист-концертмейстер Борис Владимирович Шелков, лично знавший музыканта.

Также Яшнев особо отмечает характерное для Леонида Владимировича Николаева выражение: «Надо впеть в пальцы!» Подразумевается, что эта работа направлена на синтез игровых и слуховых восприятий, то есть впеванье одновременно означает вслушивание.

В.И. Яшнев многие годы преподавал в различных учебных заведениях, и в его библиотеке есть литература по музыкальной педагогике, в том числе и довоенные издания.

Изданий краеведческого характера в библиотеке музыканта всего два: «Русские народные песни из репертуара сестёр Фёдоровых» (1954) и «На сцене — художественная самодеятельность»² (1955). В последнем сборнике рассказывается о постановке самодеятельным оперным коллективом под руководством В.И. Яшнева «Евгения Онегина» и помещены три фотографии.

Здесь мы переходим к описанию изоматериалов, хранящихся в библиотеке Яшнева. Их немного. Это афиши опер, осуществлённых самодеятельным коллективом под руководством Василия Ивановича. Живой

¹ *Савишинский С.И.* Леонид Владимирович Николаев... С. 28.

² На сцене — художественная самодеятельность / Упр. культуры исполкома Пск. обл. Совета депутатов трудящихся, Обл. дом народ. творчества ; авт. текста Б. Березский. Псков, 1955.

интерес вызывает альбом с программой, фотографиями и газетными вырезками, посвящённый постановке оперы С.В. Рахманинова «Алеко». На двух фотографиях в альбоме присутствует и сам В.И. Яшневу. Правда, смотрит он почему-то не в объектив, а куда-то в сторону.

Значительной частью библиотеки Василия Ивановича является периодика — музыкальные газеты и журналы.

Подшивки «Русской музыкальной газеты» за 1910 и 1917 годы дополняют наше представление о музыкальных вкусах владельца библиотеки.

В подшивку за 1910 год вложен выполненный рукой Яшнева список, в котором перечисляются, видимо, интересные для него материалы из «Русской музыкальной газеты». Характерно, что это вновь Вагнер. На протяжении более чем десятка номеров в 1910 году «Русская музыкальная газета» публикует статью Эд. Шюре «Матильда Везендонк и её роль в жизни Вагнера». Вспомним, что в послевоенной России творчество «антисемита» Вагнера не жаловали.

В самих подшивках газет подчёркиваний и помет обнаружить не удалось.

Основную часть периодики в библиотеке В.И. Яшнева составляет журнал «Советская музыка» с 1933 по 1961 год.

Три последних года своей жизни Василий Иванович выписывал журнал «Музыкальная жизнь». Журнальные массивы пока подробно не исследовались.

Множественные владельческие пометы имеются на изданиях из библиотеки В.И. Яшнева. Наблюдая различие почерков, можно сделать вывод, что не все они сделаны рукой самого музыканта.

Краткое описание библиотеки В.И. Яшнева помещено на сайте «Книжные памятники Псковской области», который ведёт Центр по работе с редкими и ценными документами ПОНБ¹.

В заключение хочется заметить, что при изучении библиотеки Василия Ивановича Яшнева возникает много вопросов, создаётся впечатление, что подробная биография этого человека ещё не написана. Достаточно полно мы представляем послевоенную жизнь композитора, педагога и общественного деятеля В.И. Яшнева, некоторые сведения имеем о его работе в 20—30-е годы XX века. О жизни Василия Ивановича до

---

¹ Книжные памятники Псковской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kn-pam.pskovlib.ru/fond/collection/jashnev_v.php.

1917 года знаем, что он учился в школе Карла Мая и в консерватории, а также сочинял музыкальные произведения, которые печатались в известных столичных издательствах, — и очень мало знаем о его происхождении: о родителях, о детских годах; почти ничего нам не известно о личной жизни музыканта.

Хочется надеяться, что дальнейшее изучение библиотеки композитора добавит ещё какие-либо факты к биографии Василия Ивановича Яшнева — человека, столь много сделавшего для становления музыкальной культуры и образования в Пскове после Великой Отечественной войны.

АВТОГРАФЫ ВЫДАЮЩИХСЯ УЧЁНЫХ НА УНИКАЛЬНЫХ ИЗДАНИЯХ ИЗ ФОНДА РЕДКИХ КНИГ БИБЛИОТЕКИ СПБ ГТУРП

Санкт-Петербургский государственный технологический университет растительных полимеров создан в 1931 году, на сегодняшний день вуз является ведущим университетом в области глубокой химической переработки древесины, осуществляющим специализированную комплексную подготовку специалистов для всех направлений деятельности целлюлозно-бумажного производства, а также для энергетического комплекса России и других отраслей производства, и представляет собой многопрофильный учебно-научный инновационный центр с высоким интеллектуальным потенциалом, с уникальными учебными и исследовательскими лабораториями.

Одно из ведущих структурных подразделений вуза — Научно-информационный центр, осуществляющий комплексное информационное обеспечение управленческого, учебного и научно-исследовательского процессов в вузе, организацию научно-технической пропаганды и обмена передовым опытом по основным направлениям деятельности вуза, а также являющийся центром распространения знаний, духовного и интеллектуального общения, культуры. Научно-информационный центр СПб ГТУРП сформирован в 1992 году на базе научно-технической библиотеки, редакционно-издательского отдела, отдела интеллектуальной собственности, ОНТИ.

Университет по праву гордится своей библиотекой — старейшим подразделением вуза. Научно-техническая библиотека основана 1 декабря 1925 года как библиотека Ленинградского техникума Кустарной промышленности, вошедшего в структуру вуза при его образовании. В настоящее время общий объем библиотечно-информационных фондов составляет более 900000 экземпляров, обслуживание читателей ведётся на пяти абонементных и в двух читальных залах, электронный каталог насчитывает свыше 60000 записей. Собрание научно-технической литературы по целлюлозно-бумажному производству является крупнейшим и наиболее полным на территории России и стран бывшего СССР.

Библиотека располагает богатым фондом редких книг. В состав фонда входят редкие и ценные книги, книжные коллекции, обладающие

выдающимися этическими, эстетическими или документирующими свойствами, представляющие особую общественно-значимую научную и историко-культурную ценность. Он включает западноевропейские и российские издания XVIII—XIX веков. Особо значимым для библиотеки высшего учебного заведения является собрание первых учебников, изданных в России. Значительную часть коллекции составляют издания первых лет Советской власти и периода Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда. Особый интерес представляет коллекция (около 400 экземпляров) раритетных российских и западноевропейских книг по целлюлозно-бумажному производству. Ядро собрания редких книг по истории бумаги и целлюлозно-бумажного производства составляют труды выдающихся российских учёных Н.П. Лихачёва и Н.А. Резцова. Н.А. Резцов основал и развивал один из двух основных подходов к изучению истории бумаги и бумажного производства — историко-производственное исследование и технологическое исследование и испытание наличных образцов исторических бумаг. Творческое наследие Резцова исчисляется десятками статей и фундаментальных исследований в области техники и технологии бумажного производства, организации и функционирования целлюлозно-бумажной промышленности, а также в сфере формирования профессиональных кадров для отрасли.

Николай Александрович Резцов (12 октября 1855 — 16 января 1914) родился в петербургской купеческой семье¹. Окончив 1-е реальное училище на Васильевском острове, Николай Резцов поступает в Санкт-Петербургский технологический институт, оканчивает его в мае 1882 года со званием инженера-технолога и остаётся работать лаборантом по физике у профессора Р.Э. Ленца. В 1889 году Ленц становится управляющим Экспедиции заготовления государственных бумаг и приглашает на работу в экспедицию своих одарённых учеников, в том числе и Резцова. Николай Александрович был назначен на должность заведующего испытательным отделом, а впоследствии занял пост заведующего бумажной фабрикой экспедиции. Им был предпринят целый ряд исследований технического и научного характера по писчебумажному производству. Огромное значение при проведении исследований Резцов придавал опытам, проводимым в фабричных условиях, а не в лабораториях. Результаты этих исследований позднее были апробированы на

---

¹Здесь и ниже о Н.А. Резцове по: *Студинский В.А.* Николай Резцов: штрихи к биографическому портрету // *Бумага и жизнь.* 2006. № 9.

разных целлюлозно-бумажных производствах Российской империи, и вошли в его научные работы и в опубликованные статьи «О черпальных бумагах» и «О проклейке бумаги животным клеем». В 1896 году Министерство финансов поручает Николаю Александровичу составить очерк о писчебумажных предприятиях для Нижегородской выставки.

Также, помимо текущей работы, Н.А. Резцов осуществил два важных начинания, которые выдвинули его в число наиболее выдающихся деятелей бумажной отрасли. Это организация первого в России музея писчебумажного производства при экспедиции и открытие школы мастеров по бумажному производству, что было продиктовано возросшим спросом экспедиции и частных бумажных фабрик на высококвалифицированных специалистов в этой области.

В 1901 году Н.А. Резцов принял активное участие в деле организации Союза писчебумажных фабрикантов Российской империи и был избран председателем Распорядительного комитета союза. На этом посту он оставался на протяжении двенадцати лет, до своей кончины¹. В последние годы работы в Распорядительном комитете он разработал материалы к пересмотру российских таможенных тарифов с различными государствами, а также предложения по таможенному объединению с Финляндией. Н.А. Резцова считали лучшим специалистом в этой сфере не только в целлюлозно-бумажной промышленности, но и в стране в целом.

В 1902 году Резцов вновь приступил к работам по изучению физических свойств бумаги, для чего организовал испытательную станцию для исследования бумаги при Императорском Русском техническом обществе. В 1913 году станцию перевели в научно-учебный кабинет по писчебумажному делу при Технологическом институте, а материалы, полученные в ходе испытаний, легли в основу опубликованной Резцовым в 1908 году книги «Испытания бумаг».

С 1904 года под его редакторством начал выходить журнал «Писчебумажное дело». Это был самый авторитетный проект в сфере отраслевых изданий на рубеже XIX—XX столетий. В хорошо оформленном и логически выстроенном журнале освещались практически все вопросы и проблемы отрасли — экономические, технические, технологические, осуществлялся обзор литературы и статей по целлюлозно-бумажному производству, рассматривались исторические аспекты динами-

---

¹ Об этом: Керзум А.П., Иванова Т.К. П.М. Горбунов — создатель Фабрично-го посёлка в Красном Селе // История Петербурга. 2004. № 2 (18).

ки развития отрасли в Российской империи, Европе, Азии. Отдельного упоминания заслуживают труды «Бумага в Японии. Образцы бумаг» (1907) и «Бумага Скандинавского полуострова и Финляндии» (1909).

Особый интерес представляют работы Резцова, посвящённые истории развития отрасли на территории Российской империи. В исследовании «Бумага в России сто лет назад» Николай Александрович даёт общую оценку деятельности бумагоделательных предприятий в период 1812—1814 годов. В другой научной работе, «Водяная сила в России и её значение в писчебумажной промышленности», Резцов не только описывает и характеризует использование водных ресурсов империи в бумажном производстве, но и приводит глубокий анализ потенциальных возможностей применения силы рек в этой сфере. В статье «Основной вопрос в писчебумажной промышленности» важную роль Резцов отводит лесным запасам империи. Он считает, что древесиной страна обеспечена в полном объёме, но вся проблема эффективного использования этого ресурса для отрасли находится в плоскостях цен, таможенных тарифов и торгово-экономических договоров с европейскими странами. Эти положения не утратили своей актуальности и в начале XXI столетия¹.

Ещё одной важной заслугой Николая Александровича явилось его общественное служение на поприще Петербургского городского головы².

Достопримечательностью собрания редких книг по истории бумаги и целлюлозно-бумажного производства является экземпляр книги Н.А. Резцова «Бумага в России. Сто лет назад. III. Б. Писчебумажная промышленность» (СПб., 1912) с инскриптом — дарственной надписью автора: «Глубокоуважаемому Сергею Фёдоровичу Ольденбургу. Н. Резцов. 1912 г. сентябрь». Эта работа представляет собой одну из глав монументального труда «Бумага в России», напечатанную отдельной книгой ввиду особого интереса к эпохе Александра I перед столетним юбилеем Отечественной войны 1812 года.

Сразу после выхода в свет Н.А. Резцов подарил книгу Сергею Фёдоровичу Ольденбургу — русскому востоковеду, одному из основателей русской индологической школы, академику РАН (1908), непременному секретарю Академии наук в 1904—1929 годах. Знакомство Н.А. Резцова и С.Ф. Ольденбурга состоялось в 1906 году, в период их активной общественно-политической деятельности. В предисловии ав-

---

¹ Об этом см.: *Кириллова И.* Учёный, издатель, редактор... // Целлюлоза. Бумага. Картон. 2004. № 1.

² См.: Руководители Санкт-Петербурга. СПб. ; М., 2003.

тор приносит благодарность С.Ф. Ольденбургу и В.И. Срезневскому, благодаря разрешению и содействию которых он имел возможность работать с большим числом книг времён царствования Александра I, хранившихся в библиотеке Императорской Академии наук.

Зоя Васильевна Участкина — профессор, доктор технических наук, выдающийся отечественный специалист в области истории бумаги, бумажного производства и экономики ЦБП. В 1927 году окончила химический факультет Киевского политехнического института, защитив диплом на тему «Проект бумажной фабрики». С сентября 1947 года и до своей смерти в июне 1975-го Зоя Васильевна Участкина работала в Ленинградском технологическом институте целлюлозно-бумажной промышленности имени В.М. Молотова (ныне СПб ГТУРП). В 1958 году она защитила диссертацию на соискание степени доктора технических наук и в 1961 году получила звание профессора. С 1960 года З.В. Участкина бессменно занимала должность заведующего кафедрой экономики и организации производства ЛТИ ЦБП. В конце 1940-х — начале 1960-х годов основной сферой научных интересов З.В. Участкиной была история российского бумажного производства. В 1954 году ею был написан и представлен к защите первый вариант докторской диссертации, озаглавленный «История развития бумажного производства в России», которая, несмотря на большую научную значимость, защищена не была; в 1958 году З.В. Участкина защитила диссертацию на тему «История развития техники бумажного производства в России»¹.

Это исследование З.В. Участкиной было основано на совмещении двух подходов к изучению истории бумаги и бумажного производства, представленных именами её предшественников — Н.П. Лихачёва (филиграноведческое исследование) и Н.А. Резцова (историко-производственное и технологическое исследование образцов исторических бумаг). Впервые в отечественной практике З.В. Участкина применила спектральный и люминесцентный анализы для технологического исследования исторической бумаги. В ходе многолетних кропотливых исследований истории возникновения бумажного производства России, его техники и филиграней З.В. Участкина проявила себя как историк-филиграновед, специалист-бумажник, экономист-аналитик. В поисках

---

¹ См.: Бумага и культуре : К 100-летию со дня рождения доктора технических наук, профессора З.В. Участкиной / сост.: колл. авторов; отв. ред. А.П. Балаченкова. СПб.: СПб ГТУРП, 2006.

каждой филиграни ей приходилось пролистывать тысячи листов архивных документов, просматривать их на просвет, различать под текстом водяные знаки бумажного листа, перерисовывать их на кальку или пергамент, устанавливать авторство бумажного листа, дату его использования, а далее — производящую фабрику или мануфактуру.

Результаты изучения водяных знаков русской бумаги вместе с историко-производственным исследованием российского бумажного производства XVIII — начала XIX века были опубликованы в ряде статей в отечественных и зарубежных периодических изданиях, а также в монографии «A history of Russian hand paper-mills and their watermarks» («Из истории российских бумажных мануфактур и их водяных знаков»), вышедшей в свет в 1962 году IX томом в серии «Monumentae Chartae Papiraceae Historian illustrantia» («Собрание трудов и документов по истории бумаги»). Книга З.В. Участкиной стала единственным из созданных в послереволюционное время отечественных трудов по филиграноведению и истории бумаги, который был опубликован в этой серии, издававшейся Международной ассоциацией историков бумаги.

Международная ассоциация историков бумаги оценила труд Участкиной как уникальный и не имеющий аналогов по глубине и полноте исследования, европейские коллеги называли Зою Васильевну первооткрывателем. В монографии содержится более 386 листов иллюстраций. Атлас З.В. Участкиной, в котором собрано 815 прописей филиграней российской бумаги ручного отлива XVIII — первой половины XIX века, является одним из основных справочников в этой области. Российское филиграноведение представлено в этой серии только тремя именами — К.Я. Тромонина, Н.П. Лихачёва и З.В. Участкиной¹.

Словно в противовес тому интересу, который проявили к этому труду за рубежом, на Родине интереса к работе Участкиной не только не проявляли, но всячески указывали автору на слабую научную значимость опубликованного материала, в издании отказывали под различными предлогами. В 1972 году З.В. Участкина подготовила монографию «Развитие производства бумаги в России» — небольшой сокращённый вариант исследования, полностью опубликованного в Голландии. В монографии приводятся сведения обо всех 663 бумаго-

---

¹ См.: Актуальные вопросы истории бумаги и бумажного производства : К 40-летию со дня выхода в свет книги З.В. Участкиной «Из истории российских бумажных мануфактур и их водяных знаков» / сост.: колл. авторов; отв. ред. А.П. Балаченкова. СПб., 2003.

делательных предприятиях, функционировавших в разное время, со второй половины XVII века и по 1965 год, на территориях, входивших в состав СССР.

Библиотека гордится имеющимся в фонде экземпляром изданной в Хильверсуме монографии «Из истории российских бумажных мануфактур и их водяных знаков» с инскриптом «Библиотеке ЛТИ ЦБП от автора З. Участкиной. 4.П.60 г.». К сожалению, принимая книгу в дар, сотрудники не обратили внимания на допущенную автором ошибку в дате дарения. Запись в библиотечной инвентарной книге сделана 6 февраля 1963 года. Готовясь к 40-летию со дня выхода в свет монографии, внимательно изучая рабочие дневники Зои Васильевны, мы обнаружили несколько записей 1960 года, в которых отмечается большая помощь сотрудников библиотеки в работе по подготовке материала к публикации. Возможно, этим и объясняется указанная ошибка.

Нельзя не сказать об ещё одном подарке Зои Васильевны библиотеке. Она приобрела в букинистическом магазине и передала в фонды «Приложение начертательной геометрии къ рисованію» Я.А. Севастьянова (СПб., 1830) и 2-е издание «Основания начертательной геометрии» (СПб., 1834). Внимание Зои Васильевны привлекли владельческие надписи: «П. Пыляев, С.Петербург, / X 1876». Оказалось, что это книги, принадлежавшие Петру Пыляеву — дальнему родственнику знаменитого писателя Михаила Ивановича Пыляева.

Большую помощь в работе над переводом рукописи Зои Васильевны Участкиной на английский язык оказал профессор ЛТИ ЦБП, доктор химических наук, заслуженный деятель науки РСФСР Константин Павлович Мищенко (1901—1979).

Уже при жизни он получил известность как выдающийся учёный, отдельные его работы до сих пор цитируют как основополагающие в области знаний, которой он себя посвятил, — в науке о растворах. Константин Павлович был энциклопедически образованным человеком, свободно владел четырьмя европейскими языками, был чрезвычайно яркой, многогранной личностью.

Родился в Борисполе на Украине в 1919 году, окончил гимназию в Тифлисе. Учился в Промышленном институте в Краснодаре, в 1922 году увлёкся химией и перевёлся на химический факультет Ленинградского государственного университета. По окончании университета в 1926 году поступил в аспирантуру к выдающемуся физику-химику Михаилу

Степановичу Вревскому. Ещё студентом работал у него препаратором, лаборантом, а закончив университет — ассистентом.

В Ленинградском технологическом институте целлюлозно-бумажной промышленности имени В.М. Молотова К.П. Мищенко работал с 1951 года: с 1951 по 1976 год заведовал кафедрой физической и коллоидной химии, с 1953 по 1972 был проректором по научной работе. К тому времени, когда К.П. Мищенко был переведён приказом министерства в ЛТИ ЦБП на постоянную работу, это был уже учёный с мировым именем. В институте он организовал школу по термодинамике и строению растворов, гремевшую своими успехами на всю страну и широко известную за рубежом. Трудно переоценить и его вклад в развитие научных основ целлюлозно-бумажной промышленности и подготовку кадров всех уровней для отрасли. В 1957 году совместным приказом двух министерств (высшего образования и ЦБП) на его кафедру была возложена обязанность по подготовке инженеров-исследователей для отрасли.

В 1958 году К.П. Мищенко организовал в ЛТИ ЦБП проблемную лабораторию физики и химии целлюлозы, в составе этой лаборатории до 1984 года была группа, разрабатывавшая фундаментальные основы концепции растворов. Итогом этих усилий стала монография «Термодинамика и строение растворов», написанная К.П. Мищенко и его учеником Г.М. Полторацким. Эта книга вышла двумя изданиями (в 1968 и в 1976 году), переведена в США и Японии, цитируется до сих пор во всех учебниках физической химии и электрохимии.

К.П. Мищенко входил в состав множества редколлегий научных журналов, вёл большую общественную работу на городском и общесоюзном уровне: с 1959 года и почти до самой кончины он был председателем Ленинградского областного правления Всесоюзного (теперь Российского) химического общества имени Д.И. Менделеева¹.

Библиотеке ЛТИ ЦБП К.П. Мищенко подарил более двухсот изданий из богатейшего личного собрания. Некоторые экземпляры имеют владельческие пометы, позволяющие более точно судить о широте интересов учёного.

Большой интерес представляет учебник коллоидной химии, написанный профессором Геттингенского университета Р. Зигмондом и изданный в Лейпциге издательством Отто Шпамера в 1920 году, —

---

¹ См.: ЛТИ ЦБП — СПб ГТУРП 75 лет. История и судьбы / сост.: колл. авторов; под ред. проф. В.А. Сулова. СПб., 2007.

«Kolloidchemie. Ein Lehrbuch von Richard Zsigmondy». Этот учебник К.П. Мищенко купил в 1926 году во время стажировки в Германии, в Мюнхене, которую проходил после окончания Ленинградского университета. Молодой аспирант оставил на титульном листе книги владельческую надпись с датой приобретения (примечательно, что Мищенко делает надпись на украинском языке).

Благодаря Мищенко в фонде библиотеки появился и учебник 1904 года издания: *Грець Л.* Краткій курсъ электричества. Переводъ съ нѣмецкаго В.М. Филиппова. На титульном листе инскрипт: «Многоуважаемой Елене Константиновне Бентковской от переводчика». Е.К. Бентковская — тётушка К.П. Мищенко, получила образование в Смольном институте, активно занималась преподавательской и переводческой деятельностью. Константин Павлович передал библиотеке ЛТИ ЦБП несколько учебников начала XX века из личного собрания Е.К. Бентковской с владельческими надписями. Это, в частности, «Основы математического анализа для инженеров и физиков» (Париж, 1905), «Руководство по элементарной математике» (Берлин, 1902).

О широте и разнообразии личных интересов К.П. Мищенко свидетельствует подбор книг его личной библиотеки. В собрании СПб ГТУРП находится в настоящее время несколько книг Сванте Аррениуса, космогоническими сочинениями которого Мищенко, по его собственному признанию, очень увлекался в конце 1920-х годов. На титульном листе книги Аррениуса «Жизненный путь планет» имеется владельческая надпись и дата приобретения: 1928 год.

Константин Павлович, очень любивший и ценивший музыку, игравший на скрипке и фортепиано, передал в вузовскую библиотеку и уникальное издание 1922 года — «Орфей. Книги о музыке. Книга первая». На экземпляре владельческая надпись, содержащая дату приобретения: 1928, апрель. Книга была издана тиражом в 1500 экземпляров и стала библиографической редкостью. Напомню, что эта первая книга в серии открывается посвящением великому поэту — А.С. Пушкину.

**О РАБОТЕ С ЗАПИСЯМИ НА КНИГАХ
В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ОТДЕЛЕ
РЕДКИХ КНИГ (МУЗЕЕ КНИГИ)
РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ**

Работа с записями на книгах, которые хранятся в отделе редких книг РГБ, ведётся не одно десятилетие, однако назвать её реализованной в полной мере нельзя. Записи собраны в несколько картотек, которые в настоящее время содержат в совокупности более 9000 карточек. Это прежде всего картотека записей XVI—XIX веков на книгах кирилловской печати XVI—XVII веков, собранная в основном А.С. Зерновой (1883—1964) и Т.Н. Каменево́й (1909—1985); здесь принят хронологический принцип расположения карточек. Вторая картотека организована в алфавитном порядке и включает записи XIX—XXI веков на русском языке. Записи того же периода на иностранных языках включены в картотеку, состоящую из трёх коробов. Ещё в одном коробе хранятся карточки, фиксирующие записи на книгах из коллекции Н.П. Смирнова-Сокольского, и три короба заключают в себе карточки с записями на книгах из коллекции А.К. Тарасенкова. Ещё одна картотека — «Записи на русских книгах XVIII века» — создавалась И.М. Полонской и Т.И. Кондаковой; она также существует и в виде текстового файла, но неполна. В ходе работы над Сводным каталогом русской книги первой четверти XIX века под руководством И.Ю. Фоменко, студенты, проходившие производственную практику в отделе в 1990-е годы, фиксировали записи на книгах и формировали картотеку записей; к сожалению, она также неполна. Некоторые книжные фонды отдела остаются ещё не полностью обследованными на предмет выявления записей.

По результатам изучения записей научными сотрудниками отдела опубликовано несколько статей и каталогов¹ (часть записей отражена

¹ *Зернова А.С.* Надписи на книгах московской печати XVI—XVII вв. в собрании отдела редких книг Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина / публикация А.А. Гусевой // Книга: исследования и материалы. Сб. 62. М., 1991. С. 111—131; Автографы советских поэтов из коллекции А.К. Тарасенкова : каталог / [сост. Е.И. Яцунок и др.]. (Русская книга XX века в собрании Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина : каталоги. Вып. 3.) М., 1981; Автографы поэтов «серебряного века» : Дарств. надписи на кн. / [сост. Т.В. Аветисова и др.; вступ. ст. Е.И. Яцунок]. М., 1995.

в сводных каталогах и каталогах коллекций). Однако источниковедческий и культурологический потенциал этих записей полностью пока не раскрыт, а многие записи остаются вне поля научного изучения. Так, например, из десяти автографов А.П. Чехова мы встретили опубликованными два¹.

Описание записей XIX—XXI веков на карточку проводилось по следующим правилам: на лицевой стороне карточки указано полное имя автора записи, дано библиографическое описание, шифр и инвентарный номер экземпляра, на котором имеется запись, воспроизведён сам текст записи, который сопровождается сведениями о её местонахождении на экземпляре, ниже приведены сведения о владельческих книжных знаках экземпляра.

На обороте карточки помещены рубрики, которые заполняются при наличии соответствующих данных: 1) автор записи, 2) адресат, 3) язык, 4) дата — век, 5) дата — год, 6) раздел предметизации. Ниже в форме краткой энциклопедической справки даны сведения об авторе и адресате. Эта схема не всегда выдержана, обратная сторона ряда карточек вообще не заполнена, что свидетельствует о сбоях в работе над карточкой.

Более 2000 записей на карточках из этого массива в 1990-е годы были введены в базу данных «Электронный каталог автографов», на основе которой подготовлен и издан каталог «Автографы поэтов «серебряного века», куда вошли все хранящиеся в РГБ автографы двадцати поэтов этого времени — от А. Ахматовой и А. Блока до М. Цветаевой и Г. Чулкова. Необходимо учитывать, что это был один из первых опытов использования информационных технологий в исследованиях отдела редких книг.

Из-за сокращения штатов и нехватки сотрудников работа над формированием базы данных была остановлена, а компьютерные технологии за это время уже несколько раз обновились; всё же, благодаря Т.В. Аветисовой, к настоящему времени удалось сохранить содержимое этой базы данных.

Учитывая важное значение записей на книгах для науки и культуры, сотрудники сектора предполагают возобновить эту работу. При этом исходной позицией стало комплексное (сложившееся на основе анализа

---

¹ Отечественные издания XIX — начала XX в. (до 1917 г.) : каталог. (Книжные сокровища Гос. б-ки СССР им. В.И. Ленина. Вып. 3). М., 1980. С. 31; *Рейфилд Д. Жизнь Антона Чехова*. М., 2006. С. 292.

историографии¹⁾) понимание записи как исторического источника, особого жанра словесного творчества и элемента книжной конструкции. Особенно интересно будет проследить генезис и развитие форм записей из исторически многослойного собрания, каким является фонд Музея книги.

Сложность этой работы предполагает стратегию её поэтапного выполнения. Сначала требуется разработать модель базы данных, затем записать в базу данных сохранившиеся записи и перенести записи из картотек. На следующем этапе надо выделить группы фондов, в которых следует просмотреть книги и разыскать «новые» записи, и включить их в базу данных. Проект должен быть рассчитан на годы и выполняться рабочей группой сотрудников отдела редких книг и отдела развития компьютерных технологий, а не единичными исследователями. Реализация проекта позволит представить автора и читателя определённой исторической эпохи, понять различные стороны научной, литературной, политической и культурной жизни, осветить картину развития книгоиздания и книжного рынка России и других стран.

Сейчас в модель базы данных закладывается не только текстовое, но и изобразительное воспроизведение записи. Точный образ записи позволит избежать её ошибочных интерпретаций и вместе с тем привести наглядное доказательство расположения записи на странице, что важно для понимания смысловой и эстетической стороны этого «малого жанра» словесности. Каждая запись в базе данных будет соответствовать одному автографу. Итак, машиночитаемая запись при наличии соответствующих данных будет содержать: изображение ав-

---

¹ См.: *Асафов К.М., Протасьева Т.Н., Тихомиров М.Н.* Записи на книгах старой печати XVI—XVII вв. // Археографический ежегодник за 1961 г. М., 1962. С. 276—344; *Богданов В.П.* Создание базы данных «Записи на книгах печатной кириллицы XVI—XVIII вв.»: первые результаты // Фёдоровские чтения. 2011. М., 2012. С. 67—75; Корпус записей на старопечатных книгах / сост. Л.И. Киселёва. Вып. 1. СПб., 1992; *Немировский Е.Л.* Читатель изданий Ивана Фёдорова. Опыт анализа владельческих записей // Фёдоровские чтения. 1976. М., 1978. С. 55—64; *Поздеева И.В.* Записи на старопечатных книгах кирилловского шрифта как исторический источник // Фёдоровские чтения. 1976. М., 1978. С. 39—54; *Сапунов Б.В.* Изучение приписок на старопечатных книгах с применением элементов математической статистики // Фёдоровские чтения. 1978. М., 1981. С. 152—158; *Яцунок Е.И.* Дарственные надписи на книгах как особый жанр словесного творчества // Румянцевские чтения. 1996. Ч. 2. М., 1996. С. 255—256 и др.

тографа, воспроизведение текста в соответствии с археографическими правилами публикации исторических документов, сведения об авторе и адресате, библиографическое описание книги, в которой помещён автограф, её шифр и инвентарный номер, сведения о времени создания записи и материалах письма, географические и топонимические данные, упоминаемые в тексте записи, указания на язык текста, цену книги, запись будет рубрицирована тематическими рубриками, касающимися сословной, профессиональной, этнической, гендерной принадлежности упомянутых лиц.

Определение вида машиночитаемых записей, состава элементов базы данных, а также правила вывода результатов намечены на нынешний год.

Юрий Мудров, Анна Мудрова

ДАРИТЕЛИ. ПОД ЗНАКОМ ИСКУССТВА И ПУШКИНА. АНДРЕЙ И ЛАРИСА ЯКОВЛЕВЫ

Фонды редкой книги Пушкинского Заповедника пополнились книгой Ричардсона

Книга передана музею в соответствии с пожеланием её прежних владельцев Андрея и Ларисы Яковлевых. Народный художник России, академик РАХ, лауреат Государственной премии РСФСР имени И.Е. Репина Андрей Алексеевич Яковлев (1934—2012) и его супруга Лариса Владимировна (1933—2009), известный искусствовед, член Союза художников, более сорока лет — научный сотрудник Русского музея, ещё при жизни полагали справедливым передать книгу в музей¹. Однако болезни, затем кончина — сначала Ларисы, а затем и Андрея — отсрочили передачу. И вот всё состоялось.

Андрей Яковлев... Творческие судьбы художников складываются по-разному: одни почти сразу находят излюбленную тему и на протяжении жизни развивают её, добиваясь образной глубины и профессионального мастерства; другие находятся в вечном поиске.

Знакомство с биографией Андрея Алексеевича Яковлева убеждает в том, что трудно найти в истории нашей страны второй половины XX века какое-либо яркое событие, не нашедшее отклика в его творчестве. Выдающийся мастер живописи Евсей Евсеевич Моисеенко говорил о своём ученике Андрее Яковлеве как о художнике, «который пришел в искусство внезапно и прочно занял в нём видное место»².

Москвич по рождению, Андрей учился в родном городе у П.П. Оссовского и Н.К. Соломина. Затем прервал учёбу и направился в Ленинград, чтобы... вновь учиться. В мастерской Е.Е. Моисеенко, в академическом Институте живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина, в 1956—1960 годах (время учёбы Андрея Яковлева) преподавали П.П. Белоусов и П.Т. Фомин. У первого он получил навыки крепкого владения рисунком, второй научил истинному пониманию красоты русского пейзажа.

---

¹ *Мудров Ю.В.* Отзвучало многоголосие... // Яковлева Л.В. Я прожила интересную жизнь, как хотела. СПб., 2010. С. 157.

² Цит. по: Андрей Яковлев. Каталог выставки произведений. / вст. ст. Е.Е. Моисеенко. М., 1975.

Ощущение современного ритма жизни, динамичного, содержательного, всегда отличало Андрея Яковлева как художника. Сразу по окончании Репинского института в Ленинграде он начинает свою увлекательную «жизненную и творческую Одиссею».

Одно только перечисление длительных творческих командировок, нередко тяжёлых по жизненным условиям, свидетельствует о том, что художник будто проверял себя на прочность. Так, в 1960—1961 годах молодой живописец, только что вышедший в самостоятельный творческий путь, работает на острове Шпицберген. Здесь он создает серию картин. Потом будет участие в зверобойной экспедиции по Белому морю и первая поездка на Чукотку. Чукоткой он «заболеет» на долгие годы, будет возвращаться в эти суровые края вновь и вновь.

Одна из первых работ серии — «Возвращение охотников» (1964) — вошла в собрание Русского музея и в 2011 году — в его обновлённую постоянную экспозицию. В картине есть то понимание темы, которое будет в целом характеризовать северные циклы Андрея Яковлева и то, что он определял словами: «Ничего лишнего в холсте... На Севере всё лишнее заматывается снегом»¹. В 1966 году он отправляется в поездку на полуостров Таймыр. Итогом этой поездки были новые работы художника.

О глубине понимания темы Севера Андреем Яковлевым проникновенно сказал писатель Юрий Рытхэу: «Север — полярная оторочка нашей планеты и может многое открыть пытливому глазу художника, но чтобы понять Север, надо ощутить его сердцем, почувствовать собственной кожей, услышать нежный шепот полярного сияния и звериный вой ураганных зимних буранов»². По мнению этого замечательного писателя, Север «открылся» для Андрея Яковлева. Неслучайно он ставит его произведения в один ряд с работами Рокуэла Кента. Последний в одном из своих обращений к Андрею Яковлеву выражал восхищение его творчеством, говорил о его художественных и литературных трудах: «...покорен ими, причём их достоинства заставили меня позавидовать Вашему глубокому пониманию и точному восприятию красоты Крайнего Севера и его жителей»³.

¹ Цит. по: Мудров Ю.В., Мудрова А.Ю. Творческая «Одиссея» Андрея Яковлева // Петербургский художник. 2013. № 1 (19). С. 59—60.

² Цит. по: Андрей Яковлев. Каталог выставки произведений / вст. ст. Ю. Рытхэу, А. Губарев, А. Дмитренко. М., 1974.

³ Цит. по: Яковлев А. Рокуэл Кент // Аврора. 1982. № 9. С. 157.

Андрей Яковлев умеет увидеть и донести до зрителя душевную красоту, чистоту и искренность чувств своих героев. Такова его картина «Счастливая». Северные циклы его работ заслужили признание. За картину «Счастливая» (1969, Государственная Третьяковская галерея) художник получил Государственную премию Российской Федерации имени И.Е. Репина. Его полотна поступают в Третьяковскую галерею, Русский музей, другие хранилища.

Важнейшей вехой в творчестве художника стала поездка на Байкало-Амурскую магистраль. Впервые там он побывал в 1977 году и с той поры на протяжении семи лет ежегодно проводил в этих местах многомесячные командировки. Их результатом стал большой цикл работ, объединенный в серию «Ленинградские километры БАМа» (1977—1983).

В последние годы жизни Андрея Яковлева всё чаще волновала личная тема. Он продолжал много и интенсивно работать, но на смену дальним экспедициям пришли поездки в любимую деревню Павшино, расположенную на живописном берегу реки Оредеж. Впервые в этих местах Андрей Яковлев побывал в середине 1970-х годов. Живописец вместе с женой, верным другом, историком искусства Ларисой, приехал в гости к художнику Генриху Багрову, обитавшему здесь. Деревня Павшино на берегу реки Оредеж — маленькая, всего в четырнадцать домов — оказалась на редкость живописной и в чём-то родной. Он мечтал здесь творчески трудиться и поэтому уже вскоре старый хлев превратил в светлую просторную мастерскую. Однако работа шла трудно. Художнику было сложно перестроиться и понять, как именно следует писать пейзажи этой земли. Он обратился к опыту предшественников — пейзажистов реалистического направления, которые умели передать своеобразие лишенных экзотических красот природного мотива.

Каждый год Яковлевы приезжали в Павшино. Постепенно Андрей научился видеть и запечатлеть этот новый для него мир. За тридцать с лишним лет художник создал не одну сотню работ, изображающих эти места. Впрочем, река Оредеж и прибрежные леса и раньше привлекали внимание художников. Известно, что И.И. Шишкин снимал неподалёку от Павшино дачу, что здесь работали И.Н. Крамской, А.А. Рылов. Для каждого художника эти места открывались по-своему. Андрей Яковлев не только видит их первозданную красоту, но и помнит о недавнем прошлом — о Великой Отечественной войне, оставившей свой трагический след на Лужской земле. Поэтому в его пейзажах, натюрмортах появляются свидетельства пережитого.

В Павшино появляются картины, бытовые по звучанию. Это не удивительно. Деревенька на берегу Оредежа многие годы была любимым местом творчества и отдыха художника и его жены, искусствоведа Ларисы Яковлевой. Проникновенно пишет Андрей Яковлев супругу — у окна, с книгой в руке, ему дорого всё, что окружало здесь их мир. Пишет деревенскую кошку, «приходящую» собаку, ёжика у тарелки с молоком на веранде их дома, утренние натюрморты — завтраки на небольшом столе у окна, накрытые заботливыми руками Ларисы.

Серия «Наше Павшино» — это сама жизнь в её сиюминутных проявлениях, в её памяти и вечности. Закономерно, что художник, обретая жизненную и творческую зрелость, начинает видеть и ценить жизнь по-новому и возвращаться в те места, где «всегда вольно дышится, спокойно думается, сладко спится и хорошо работается». Такими словами завершал каталог своей выставки «Картины из коллекции Государственного Русского музея» Андрей Яковлев несколько лет назад¹. Очевидно, что и до самых последних дней жизни эти места не меньше волновали художника, вдохновляли его, дарили ему душевный покой.

Этот цикл был показан зрителю в 2012 году, когда отмечалось 50-летие членства мастера в Союзе художников России, незадолго до его кончины. Цикл включает в себя 12 полотен, которые, в свою очередь, разбиты на четыре триптиха, соответствующих временам года. Полиптих так и называется — «Наше Павшино. Времена года». В известной степени этот цикл — дань памяти жене Ларисе, уход из жизни которой в 2009 году стал для художника огромной трагедией. «Наше Павшино» — это воспоминание о том лучшем и светлом, что было связано с этими местами, где они жили в покое, добрососедских отношениях с деревенскими жителями, растворяясь в красоте мироздания.

Композиционное решение цикла необычно. Как уже отмечалось, картины объединены идеей триптиха. За единственным исключением — в триптихе «Лето» — все остальные картины объединяет один и тот же пейзаж, который мы видим в его развитии за окнами дома. Андрей Яковлев был человеком высокообразованным, хорошо знавшим мировое искусство, а главное, видевшим много произведений старых мастеров во время своих творческих поездок по Европе. Может быть, столь необычная композиция является итогом его зрительных впечатлений, а может быть — искусствоведческой «натяжкой», но в искусстве ро-

---

¹ Андрей Яковлев. Картины из коллекции Государственного Русского музея : каталог. СПб., 2004.

маннизма существует такое понятие, как «взгляд из окна». Говорить об этом хочется потому, что в этих пейзажах присутствует не только лирическое, поэтическое, но и романтическое начало. Серии «Наше Павшино» при всей красоте мироощущения присуще и некое трагическое звучание.

Трудно сказать, что Андрей Яковлев тяготел к аллегии, создавая свои живописные полотна. Однако в данном случае отчётливо явлена тема зарождения жизни, её расцвета, щедрой зрелости и тихого увядания, а благодаря таланту художника, его особому чувству композиции и зритель становится сопричастным подобным метаморфозам.

Андрей Яковлев в этом цикле работ демонстрирует умение работать на пленэре. Он передаёт красочное богатство окружающей среды, которая проявляется с природной естественностью. В его пейзажах нет эффектных красот, но они привлекают убедительностью воплощённого мотива. Очевидно, что пейзажи писались на открытом воздухе, — так умело переданы тончайшие рефлексy, переходы, нюансы цветовых отношений в сочетании с чистым сияющим колоритом.

Каждая часть полиптиха имеет своё содержание, тонко передаёт природное состояние, доносит до зрителя, насколько разнообразен пейзаж Павшино. В одной картине Андрей Яковлев пишет уголок деревни, во второй — заросли деревьев и кустарников, а в третьей — берега Оредежа. Он повторяет этот природный ряд в следующих картинах серии, но продумывает иной ритм пейзажных мотивов, плавными горизонталями уводит взгляд в глубину: пологий левый берег, лента реки и высокий дальний берег с тёмной кромкой леса.

Особое внимание художник уделяет натюрморту.

Одна из картин — «Сентябрь» — посвящена памяти жены Ларисы, возможно, потому что именно в этом месяце почти полвека назад они соединили свои судьбы. К оконной раме прислонена фотография, на которой она совсем юная. Рядом любимец семьи пудель. Неслучайно художник включает в этот натюрморт мольберт с красками и кистями. Лариса Яковлева была историком искусства, но Андрей считал её своим соавтором — так равнодушно она относилась к работе мастера.

Духовная близость Яковлевых проявлялась во многих аспектах. Не только любовь к искусству объединяла их, но и творчество А.С. Пушкина — их кумира. Осень была самым плодотворным временем года для Пушкина. Вероятно, поэтому средняя часть триптиха — «Октябрь» — вызывает ассоциации с той эпохой, в которую жил вели-

кий поэт. Предметный мир натюрморта на подоконнике так или иначе связан с пушкинским временем: часы-каретник, бронзовый колокольчик с золотым петушком, игральные карты, графин гранёного стекла, а рядом — старинный бокал. Там же две книги, одна из которых — томик Ричардсона, принадлежавший Яковлевым. Нетрудно предположить, что такую же книгу могла читать и Татьяна Ларина¹.

Полиптих «Наше Павшино. Времена года» — последняя крупная работа Андрея Алексеевича Яковлева. Это, повторим, его дань памяти жене Ларисе, но ещё и завещание художника и гражданина, для которого любовь к Родине воплотилась в том, что нередко называют «малой родиной». Для семьи художника таким стало «их Павшино» — уголок России, где они сумели увидеть истинную красоту, понять, что такое настоящая любовь к родной земле.

Вспоминая этих замечательных людей, нельзя не сказать об их огромной любви к Пушкину. Даже выбор места их жительства в Ленинграде (Петербурге) во многом определился близостью к «главному» пушкинскому месту города на Неве. Их друг, народный артист СССР, легендарный танцовщик Кировского театра Сергей Васильевич Викулов, вспоминая гостеприимный дом Яковлевых, писал: «За четыре десятилетия их совместной жизни, в двух шагах от Мойки, 12, где «закапилось солнце русской поэзии», кто только у них не побывал»².

«Дом Яковлевых всегда был полон гостями. Здесь, в дружеской беседе, в добром застолье сживали Виктор Петрович Астафьев и Семён Степанович Гейченко, Михаил Константинович Аникушин и Василий Иванович Белов, Евсей Евсеевич Моисеенко и Пётр Тимофеевич Фомин, Василий Алексеевич Пушкарёв и Юрий Сергеевич Рытхэу, Олег Константинович Комов... И многие, многие вместе с частицей души оставляли здесь частицу таланта.

Рукотворные свидетельства — холсты, графические листы — на стенах квартиры. Это — дружеские подношения, дары «сердечные». Плоды творческих раздумий на «подступах» к большим полотнам, задушевные пейзажи России, дружеские шаржи и этюды, эскизы, напи-

---

¹ Полотно «Октябрь» из полиптиха «Времена года» (цикл «Осень»). 2011. Холст, масло. Частное собрание, Санкт-Петербург. Воспроизведено в кн.: Андрей Яковлев. Живопись // вст. ст. Ю.В. Мудров, А.Ю. Мудрова; сост. Ю.В. Мудров. М., 2014.

² Викулов С.В. Так или приблизительно так... // Яковлева Л.В. Я прожила интересную жизнь... С. 208.

санные друзьями-художниками не для публики, не для зрителя, а для себя и собратьев по цеху. Некоторые создавались адресно: для Ларисы и Андрея»¹.

Вспомним некоторые произведения из домашнего собрания Яковлевых: псковские пейзажи Петра Тимофеевича Фомина, этюды и эскизы Петра Павловича Оссовского, написанные на островах Псковского озера, пушкинскую Мойку Дзовинар Бекарян и Владимира Рогозина. И конечно же — рисунок Михаила Константиновича Аникушина с профильным портретом великого поэта, и Александр Сергеевич в кругу друзей в рисунке Дмитрия Арсенина, и вновь портрет поэта — работы Анатолия Зыкова, и яркий эскиз пушкинского памятника работы Олега Константиновича Комова²...

P.S. И уж совсем личное воспоминание: незадолго до кончины Андрей Алексеевич лежал в больнице и в памятный день, 10 февраля, не мог, как обычно, прийти на Мойку. (Андрей с Ларисой на протяжении многих десятилетий неизменно, будучи в Ленинграде — Петербурге, 10 февраля и 6 июня посещали дом на Мойке, 12, а 6 июня — ещё и аникушинский памятник на площади Искусств.) Андрей позвонил мне и дрожащим голосом сказал, что только что прослушал по радио выступление Галины Михайловны Седовой, заведующей Музеем-квартирой поэта. Она читала главы из своей новой книги. Андрей попросил добыть эту книгу, она его чрезвычайно взволновала. Я рассказал об этом Галине, и она сочла возможным передать ему книгу. Приехал я в больницу, Андрей принял книгу от меня со слезами на глазах...

Юрий Мудров

---

¹ Мудров Ю.В. Отзвучало многоголосие... С. 157—158.

² Воспроизведены в кн.: Яковлева Л.В. Я прожила интересную жизнь... С. 162—167, 176—177, 186.

III. Из научных изысканий сотрудников Пушкинского Заповедника

Дарья Плотникова

«СЕЛЬЦО БАРБИЗОНЦЕВО»: УСАДЬБА ГЛАЗАМИ ХУДОЖНИКА

Михайловское неисчерпаемо, а Пушкинская тема — она как мир бесконечна и безгранична. Только была бы у художника настоящая душа, хорошая оптика, большое хотенье и духовная простота.

С.С. Гейченко — В.М. Звонцову.
Письмо от 8 марта 1959 года

Усадьба — хранительница собраний художественных произведений и книжных памятников, семейных архивов, хранительница памяти, колыбель великой русской литературы и философской мысли, источник художественного вдохновения. В начале XX века русская усадьба исчезнет в огне, обернувшись через несколько десятилетий усадьбой-музеем. В возрождении-преображении решающую роль играли подвижники музейного дела, посвятившие и подчинившие свою судьбу и судьбу близких — русской усадьбе. Заданный ими созидательный импульс определил развитие усадебных музеев на многие годы.

Михайловское обрело Семёна Степановича Гейченко. Пушкинские строки, воспоминания современников, иконографический изобразительный материал, а ещё талант художника и экспозиционера, глубокое знание и понимание Пушкина, проникновение в пушкинскую эпоху — позволили создать художественный образ усадьбы, в которой присутствие Пушкина ощущается физически. Чайниями Семёна Степановича документальные свидетельства современников, как в драгоценную

Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда по проекту-победителю конкурса проектов в области гуманитарных наук №14-14-60001 «Русская усадьба: региональные и общекультурные аспекты».

оправу, оденутся изобразительным материалом, смогут визуализировать слово, обернуться художественным образом.

Живописные и графические произведения — иконографический материал, накопленный русским искусством на протяжении XVIII—XX веков, — станут основой будущих музеев Пушкинского Заповедника и основой музейного собрания изобразительного искусства.

Усадьба как феномен русской культуры влекла к себе художников — и любителей, и профессионалов. Особый интерес представляет «домашняя история», но Михайловское осталось не запечатлённым ни самим Пушкиным, ни его сестрой Ольгой, которая, как известно, прекрасно рисовала.

Уже после смерти поэта стараниями друзей и членов Опекунского совета над детьми и имуществом Пушкина псковский губернский землемер Илья Иванов зафиксировал вид михайловской усадьбы. В том же 1837 году по его рисунку Павел Александров исполнил литографию, вошедшую в альбом «Галерея видов города Пскова и его окрестностей» (1838). Это изображение Михайловского 1830-х годов определит на долгие годы художественный образ родового имения Пушкина для тысяч паломников, в числе которых и художники. Так, к середине — второй половине XIX века относится ряд любительских живописных работ из собрания музея, ориентированных на упомянутую литографию.

С середины XIX века для музея настает время профессиональных художников. В 1874 году в Михайловское приезжает Николай Николаевич Ге. Жанровое полотно «Пушкин в селе Михайловском» спустя десятилетия станет прообразом существующей экспозиции кабинета поэта¹. Художник встречается с обитательницами Тригорского, интересуется пушкинскими мемориями, впитывает каждое свидетельство о жизни поэта в михайловской ссылке. На тот момент пейзаж находится вне интересов художника.

Развитие пейзажного жанра, наступление «пейзажного периода» в русском искусстве относится к последней трети XIX века. К этому времени пейзаж вышел на одно из первых мест в живописи; он становится необходимой составляющей портрета, бытовой и исторической картины.

В поздний период своего творчества всё чаще обращается к пейзажу и Василий Максимович Максимов (1844—1911). По словам доче-

---

¹ См.: Карлова Э.Ф. Пушкин в Михайловском. Картина художника Н.Н. Ге // Пушкинский край. 1976. № 101.

ри, последней его работой был тоже пейзаж. В предъюбилейном 1898 году он совместно с педагогом и литератором Виктором Петровичем Острогорским (1840—1902) посещает пушкинские места Псковской губернии. Итог их совместной творческой поездки — серия живописных этюдов, ставших иллюстрациями к альбому «Пушкинский уголок», изданному в Москве в 1899 году. В предисловии к юбилейному альбому Острогорский писал:

«У составителя текста настоящего издания и художника-академика Василия Максимовича Максимова явилась мысль съездить летом в те места, которые так любил поэт, где он так много жил и переживал, где за два года ссылки в Михайловское так расцвёл и окреп его дивный гений и где, наконец, в Святогорском монастыре в уготованной им самим могиле покоится его прах. Хотелось самим повидать эти дорогие каждому русскому места; узнать, сохраняется ли здесь память о поэте, жив ли ещё кто-нибудь из знавших его, знает ли его грамотный народ, как содержится могила...

В этот-то уголок и ездил я с художником В.М. Максимовым в июле прошлого года. Результатом поездки, о которой я рассказываю в заключении книги, явился со стороны В.М. Максимова ряд работ, снимков, этюдов и рисунков, выставленных ныне на передвижной выставке¹.

Серия живописных этюдов Михайловского, Тригорского, Святогорского монастыря с могилой Пушкина и уголка Святых Гор была воспроизведена в альбоме. Здесь семь произведений, выполненных в жанре усадебного пейзажа: «Общий вид из Тригорского с любимого места А.С. Пушкина», «Домик няни в селе Михайловском (с северной стороны)», «Домик няни в селе Михайловском (с юго-восточной стороны)», «Баня, в которой жил А.С. Пушкин в с. Тригорском», «Вид из Тригорского на р. Сороть», две работы со сходным названием — «По пути из Св. Гор в Михайловское»... Камерные работы, полные света и воздуха, говорят о пленэрных достижениях художника.

9 июля 1898 года Василий Максимович и Виктор Петрович с семейством П.Ф. Карпова посещают Михайловское. «В самом Михайловском не видел я буквально ничего, сохраняющего память о Пушкине, кроме природы и общего красивого вида на озёра с террасы большого барского дома, где живёт уже много лет и поныне сын поэта, отставной генерал Григорий Александрович Пушкин. Всё здесь перестроено в шестидесятых годах. Не сохранился даже и «опальный домик, где жил поэт со

¹ *Острогорский В.П.* Альбом «Пушкинский уголок». М., 1899. С. 1—2.

своей бедной няней»¹. Из Михайловского «уехал я с самым тяжёлым чувством какой-то острой неловкости, полученным от поразительного равнодушия к дорогой памяти величайшего русского поэта»², — писал В. П. Острогорский. «Печальнейшее запустение» — основная характеристика усадеб в 1898 году. Отсюда особое внимание к ландшафту как главному пушкинскому современнику.

По прошествии юбилейного 1899 года, отмеченного появлением ряда портретов поэта и иллюстраций к его произведениям разных лет, художники на время покидают Михайловское. О следующем приезде известно из воспоминаний писательницы Варвары Васильевны Тимофеевой-Починковской (1850—1931) «Шесть лет в Михайловском» (Из записных тетрадей 1911—1918 гг.), хранящихся в Рукописном отделе Пушкинского Дома. Варвара Васильевна жила в Колонии престарелых литераторов — благотворительном учреждении для престарелых и неимущих литераторов и учителей, организованном в память А.С. Пушкина в Михайловском.

«1—7 августа. Гостивший у нас художник В.В. Мешков, сын известного московского профессора, ученик Моро и Моннэ, всё время писал здесь этюды Тригорского и Михайловского. Особенно хорош был этот вечер в Тригорском, когда мы ужинали и пили чай в «доме Лариных» при открытом окне... Старинный дом с старинной обстановкой... Старинные окна с солнцем выжженными стёклами выходят на лужайку и пруд с качающимися на нём белыми кувшинками... Старинный парк мечтательно дремлет за ним в отдалении... Луна в серебряных лучах бросает фантастические тени...

— «Тут ходил ведь сам Пушкин!» — неожиданно вслух замечает художник. А я мысленно продолжаю:

— И сидел, и смотрел вот в это окно, на тот же луг, и тот же пруд...»³

Память об этих встречах — живописный этюд «Дом Лариных». Тригорское», представленный в постоянной экспозиции с момента открытия Дома-музея Осиповых и Вульфов⁴.

¹ *Острогорский В.П.* Альбом «Пушкинский уголок». С. 97.

² Там же. С. 98—99.

³ Цит. по: *Бурченкова Р.В.* Усадьбы пушкинской поры по воспоминаниям В.В. Тимофеевой-Починковской // Михайловская пушкиниана. Вып. 37. Пушкинские Горы; М., 2005. С. 124—125.

⁴ Об этюде см.: *Плотникова. Д.С.* Материалы к иконографии Осиповых и Вульфов в Тригорском (усадебный пейзаж 1900—1930-х годов из собрания Пушкинского Заповедника) // Михайловская пушкиниана. Вып. 60. Сельцо Михайловское, 2013. С. 170—171.

В следующем, 1917 году, после поездки в Псков, Михайловское и Тригорское, Василий Васильевич Мешков (1893—1963) окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Двадцатитрёхлетний художник в то время имел возможность непосредственно общаться с рядом прославленных национальных живописцев, мастеров реалистического искусства. Среди его учителей — отец, В.Н. Мешков, К.А. Коровин, С.В. Малютин — самобытные мастера пейзажной живописи. У Константина Коровина он прошёл школу пленэра, учился «музыке колорита», живому цвету природы, свежести и полноте непосредственного чувства. Непрерывное общение с природой, поиски её типических и сложных состояний помогали пониманию пейзажа, умению быстро ориентироваться на пленэре, вырабатывать черты профессионального мастера пейзажной живописи. Спустя годы в «Записках пейзажиста» Мешков скажет о национальной пейзажной школе: «Не только кистью, но и знаниями, умом, наблюдательностью, сердцем, честным отношением к делу создаётся картина. Я часто думаю о том, чем же отличается наша национальная пейзажная школа? Ведь и за границей с природы работали, и страну свою там тоже любят. Своеобразие русской пейзажной школы обусловлено особым характером природы. Колорит нашей страны не похож на колорит, скажем, Франции или Италии, да и культура нашего народа отлична от культуры других народов и понастоящему самобытна. Эта самобытность и определяет самобытность нашей пейзажной живописи. К тому же и переживания наших художников всегда глубоко человечны. Не только своё, личное, привносит мастер в картину, но и частицу общего, народного»¹.

Пушкинские места Псковской губернии для плеяды художников — представителей пейзажной школы — воплощение национального пейзажа.

Об особом воздействии Михайловского на художника Семён Степанович Гейченко писал другу — петербургскому графику Василию Михайловичу Звонцову: «Для Вас здешняя деревня, заповедная пушкинская, живая и мёртвая, может оказаться тем, что французы у себя называли сельцо Барбизонцево»².

¹ Сокольников М.П. Творческое кредо живописца // Сокольников М.П. Пейзажи Родины. Очерки о мастерах живописи. М., 1980. С. 65—66.

² «А у нас, в Михайловском, или Домашняя история Пушкинского заповедника в письмах Семёна Степановича Гейченко Василию Михайловичу Звонцову». Псков, 2002. С. 28.

Деревня Барбизон близ Парижа — место известное в мировой истории искусства. Эта географическая точка стала колыбелью французской пейзажной школы, значительно обогатившей пейзажный жанр в целом. «Барбизонцы, барбизонская школа — группа французских живописцев, работавших в 1830—1860-х гг. преимущественно в жанре пейзажа (часто на пленэре в деревне Барбизон близ Парижа). На их полотнах реалистически запечатлённый обыденный пейзажный мотив сочетался с возвышенно-романтическим восприятием природы в целом»¹. Эта черта, столь тонко подмеченная и глубоко понятая Семёном Степановичем, стала характерной для пейзажных работ художников — друзей музея. Михайловское стало для них, как и для Пушкина, творческой лабораторией.

Известно, что становление живописца невозможно без работы с натурой. В этом отношении барбизонцы предвосхитили пленэр — работу не в мастерской, а прямо на природе. Но «...барбизонцы ещё только «ходили на мотив», делая лишь эскизы, а картины, как правило, продолжали писать в *ателье*. К тому же их живопись оставалась в границах *академической* традиции *валёров* — *нюансов* одного цвета по *светлоте*»².

Подобно барбизонцам, погрузившимся в мир французской провинции, поражённым ею, художники XX века открывали для себя Михайловское, «тот уголок земли», который давал возможность не только прикоснуться к пушкинскому слову, но и почувствовать неяркую красоту природы северо-запада, уловить удивительную гармонию спокойных тонов местного пейзажа. Краски, обрётённые здесь, для многих надолго остаются, звучат в их палитре: «...художники, условно объединяемые понятием «барбизонцы», создавали свои картины в разных уголках Франции, но неизменно изображали родную природу. Поэтому «барбизонская школа» в строгом смысле неверное определение, это не региональное, а историко-художественное понятие. Общим для столь разных художников был интерес к живописным проблемам передачи *света и цвета*, взаимодействия *объёма и пространства*»³.

Несмотря на неизбежную разность национальных пейзажных школ Франции и России, их объединяет отношение художника к натуре. Эта черта роднит с барбизонцами плеяду живописцев, открывших Михайловское как во второй половине XIX века, так и в XX веке.

---

¹ Аполлон. Изобразительное и декоративное искусство. Архитектура : Терминологический словарь. М., 1997. С. 66.

² Власов В. Большой энциклопедический словарь изобразительного искусства : в 8 т. Т. 1. СПб, 2000. С. 557.

³ Там же.

Михайловское стало истинным «сельцом Барбизонцевым» для ряда мастеров пейзажа. Послевоенный период жизни музея стал «золотым веком» пейзажной школы Михайловского. Тема «Художник и усадьба» в полной мере разовьётся трудами С.С. Гейченко. Музей немислим без художника. Художник принимает непосредственное участие в разработке музейной экспозиции, её воплощении, создаёт сам образ музея, занимается музейным этикетажом, реставрацией, мастерит по музейным образцам мебель, делает копии живописных работ, пишет по заказу директора жанровые и пейзажные произведения, дарит их музею, изготавливает аутентичные времени рамы и паспарту, ищет узор для обоев, становится исследователем, созидателем, соавтором. Всё это С.С. Гейченко открыл в Василии Михайловиче Звонцове, Всеволоде Петровиче Смирнове, Борисе Михайловиче Козмине, Владимире Александровиче Самородском, Петре Ниловиче Быстрове...

В Михайловское стремятся живописцы и графики, среди которых такие известные мастера, как Б.В. Щербаков, А.И. Лактионов, В.Е. Попков, А.А. Мыльников, В. А. Ветрогонский, В.М. Звонцов, В.Ф. Алексеев, С.Н. Репин... Все произведения этих художников из собрания Пушкинского Заповедника — как новеллы одного сборника, объединённого светлым именем Пушкина. Из множества полотен, как из кусочков драгоценной смальты, складывается широкая картина национальной пейзажной школы. А в 1957 году в Пушкинском Заповеднике пройдёт первая летняя практика студентов Академии художеств, которая станет традиционной. Выставки по её итогам каждый год подтверждают плодотворность обучения молодых художников на примере пушкинского пейзажа.

Для музея-заповедника, где природа — и полноценный герой повествования, и музейный объект, жанр пейзажа в собрании изобразительного искусства является основным. Художники всех поколений стремятся запечатлеть современный «портрет» той или иной пушкинской усадьбы, пытаясь найти свой художественный образ, который расширил бы имеющуюся иконографию и со временем приобрёл статус бесценного документа для грядущих поколений.

**«...ПОД МИРНЫМ КРОВООМ
СТАРЕЙШИИ САДА ВЕКОВЫХ...»**

**Об опыте сохранения старовозрастных и мемориальных
деревьев в Пушкинском Заповеднике**

Старые деревья всегда привлекали внимание поэтов. Дуб Тассо в Риме, гинкго билоба Гёте в Гейдельберге, тутовое дерево Шекспира в Стратфорте-на-Эйвоне, три сосны Пушкина на границе Михайловского и Тригорского... Этот список можно продолжать до бесконечности. К сожалению, ни одно из них не дожило до нашего времени. Но в парках и рощах Пушкинского Заповедника ещё достаточно деревьев, которые помнят Пушкина. В этой статье хотелось бы обратить внимание читателей на мемориальные деревья Пушкинского Заповедника и в первую очередь на способы сохранить их и продлить их жизнь.

Дворянские гнёзда — усадьбы, имения, которые замышлялись и строились владельцами земель для существовавших и последующих поколений. Каждую усадьбу украшал парк. Их разбивка и различные составляющие отдалённо напоминают друг друга, что объясняется модой на момент их планирования и строительства. Прежде всего, как при основании парков, так и теперь, по прошествии многих и многих лет, главной их составляющей была древесно-кустарниковая растительность. И сейчас, когда усадьбы пережили столько потрясений, уцелевшие деревья представляют огромный интерес. Они нам рассказывают о годах минувших, о вкусах и пристрастиях своих хозяев, о пережитом...

Старые парковые деревья, большая и важная часть летописи усадебного дворянства, — то, что напоминает об утраченном пласте русской дворянской культуры. Парки Пушкинского Заповедника стоят в чередѣ сохранившихся и изучаемых усадебно-парковых комплексов и

---

*Публикация подготовлена при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда по проекту-победителю
конкурса проектов в области гуманитарных наук №14-14-60001
«Русская усадьба: региональные и общекультурные аспекты».
В качестве заголовка взяты строки из стихотворения Н.М. Языкова
«Тригорское».*

представляют огромный интерес не только для специалистов-парковедов, но и для любителей и исследователей поэзии.

Пушкинский Заповедник, пушкинское Михайловское, — столь известный объект изучения наследия великого русского поэта — снискал свою известность не только благодаря тому, что это родовое гнездо Ганнибалов и Пушкиных и место, вобравшее в себя историю и культуру усадебной и крестьянской жизни, но также благодаря тому, что это уникальное *природное* наследие.

Парки и леса являются одним из важнейших структурообразующих элементов мемориального пространства заповедника.

Среди зелёных насаждений на территории заповедника основное внимание привлекают Михайловские рощи, в которых преобладают хвойные деревья — царица северных лесов сосна, перемежающаяся елью. Широко распространены здесь берёза, осина, липа, клён, дуб. Все эти породы деревьев присутствуют в зелёном убранстве пушкинских усадеб. Им сопутствуют вяз, ясень, ива, черёмуха, рябина, плодовые деревья и ягодные кустарники в садах. Среди этого многообразия особо выделяются деревья — живые современники поэта: вековые ели, «патриархи лесов» дубы, липы, сосны, высаженные в парках более двухсот лет назад.

Общая площадь лесного массива — 335 гектаров, из них примерно 130 гектаров входят в экспозиционную зону, непосредственно примыкающую к усадьбе Михайловское и маршрутам передвижения посетителей. Парки и леса музея-заповедника тесно связаны с жизнью и творчеством А.С. Пушкина и фактически представляют собой музеи под открытым небом. Они в значительной степени формируют восприятие образа поэта.

Парки и леса Пушкинского Заповедника — это сложный организм, включающий деревья разных возрастов. Заповедный лес, или, как здесь принято его называть, Михайловские рощи, занимает площадь 430 гектаров. Старых исторических парков в музее-заповеднике три, общая их площадь — 70 гектаров. Предметом особой заботы специалистов лесоводов и парковедов являются деревья-ветераны — старовозрастные и мемориальные. Все они пронумерованы, на каждое заведена карточка, с 1968 года ведётся учёт состояния дерева, отмечаются мероприятия по лечению, вырезке сухих ветвей в кроне, подкормках.

В настоящее время в список мемориальных включено 689 деревьев. Из них 132 находятся в парке Михайловского. В их числе так называе-

мые «ганнибаловские ели» (на Еловой аллее всего сохранилось девять деревьев в возрасте 210—220 лет). Аллею Керн образуют 26 мемориальных лип, этим липам 210—230 лет. На склоне при входе на усадьбу со стороны Большой поляны растут мемориальные липы, 23 дерева в возрасте 210—220 лет; 11 деревьев составляют мемориальный фонд непосредственно вблизи усадебных построек. 135 мемориальных деревьев находятся в Петровском, это девять деревьев Главной липовой аллеи, 32 — Большой липовой аллеи (их возраст 210—220 лет), три дерева аллеи карликовых лип; 91 мемориальное дерево растёт в парковом массиве. В Тригорском парке произрастает 422 мемориальных дерева. На площадке «Скамья Онегина» можно увидеть дубы и липы в возрасте 180—220 лет; оформление «Зелёного зала» составляют 170—220-летние липы; «патриарху лесов» — «Дубу уединенному» — порядка 230 лет. В партере около господского дома сохранились ива белая 170 лет и 200-летняя липа, в западной части парка, включая Аллею Татьяны, растут липы 240-летнего возраста, в других частях парка — 220-летние деревья.

Своеобразие парка-музея состоит в том, что он представляет собой живой организм: деревья живут, растут, происходит естественное отмирание, смена пород, болезни. На сохранность деревьев влияют как социальные потрясения, так и природные катаклизмы.

В разные годы, на разных этапах жизнь всех трёх парков музея-заповедника складывалась не одинаково. Были периоды расцвета, запустения, подъёма, забвения, возрождения. Содержание парков стоит дорого, и поэтому, часто в силу финансовых причин, у хозяев не было возможности содержать парковый ансамбль в надлежащем виде; работы сводились к минимуму, газоны начинали зарастать самосевной растительностью, насаждения не получали должного ухода, количество цветников уменьшалось. Такая участь постигла все российские парки.

17 марта 1922 года Михайловское и Тригорское решением правительства были объявлены заповедником. И с тех самых пор, с 1922 года, специалисты следят за состоянием заповедных лесов и парков. В разные годы зелёному убранству Пушкиногорья наносили огромный вред события революционных лет, война, вспышки вредителей и болезней древесных пород.

Глобальные работы по возрождению парков начались в 1936 году; оно и понятно: приближалась дата — февраль 1937 года, 100 лет со дня гибели А.С. Пушкина. 11 апреля 1936 года в Кремле состоялось первое

заседание всесоюзного Пушкинского комитета, на котором был намечен широкий план реставрационных работ в пушкинских местах. О том, что и как делалось в связи с этим, как в зарослях кустарника, затянувшего усадьбу и парк, отыскивались места нахождения отдельных парковых элементов, есть интереснейшие свидетельства очевидцев и участников работ.

«Материальных памятников в Пушкинском Заповеднике осталось очень мало, — читаем мы в газетах того времени. — Однако окружающий усадьбу пейзаж не потерпел каких-либо существенных изменений, если не считать естественный рост и смену деревьев. Основные черты пейзажа, современного Пушкину, в Михайловском сохранились»¹. «Пока что ландшафты, «знакомые вдохновению» поэта, остаются основными сокровищами заповедника»². «Основное затруднение в реставрационной работе — это скудность данных. Если о доме Пушкина есть воспоминания современников, опись опеки 1838 года и литографированное изображение, то о парке нет совершенно никаких документов. Поэтому все детали, оставшиеся от старины: холмы, пни, старые деревья, следы запущенных аллей, клумб и дорог, представляются реставратору ценнейшим руководством при восстановлении всего комплекса села Михайловского, где каждый уголок связан с поэзией и жизнью А.С. Пушкина»³.

И всё же работы велись. На месте частично уничтоженных Михайловских рощ к середине октября был посажен молодой сосновый лес на площади 38 гектаров. Заложено два питомника деревьев и декоративных кустарников для восстановления аллей в Петровском. В Тригорском восстанавливают «Солнечные часы». Реставрированы три пруда, две плотины в Михайловской усадьбе. Восстановлены берёзовая и липовая аллеи, Остров уединения. Долгое время, до предъюбилейного 1936 года, в зарослях кустарника и молодых деревьев не удавалось найти местоположение островка, и только беседа работников заповедника с Г.Ф. Богдановым, который был управляющим имением в 1899 году, помогла обнаружить его. На острове росли старая сосна и вековые ели.

А вскоре наступил 1941 год. Уже в середине июля заповедник оказался на оккупированной фашистами территории. Захватчики не пощадили ни построек, ни насаждений. Здания были сожжены, пло-

---

¹ Литературная газета. 1936. 20 июля.

² Литературный Ленинград. 1936. 12 июня.

³ Пролетарская правда. 1936. 15 июля.

тины разрушены, многие деревья в Михайловских рощах вырублены. Фашистский «порядок» был направлен не только на уничтожение или порабощение русских людей — гитлеровцы пытались стереть с лица земли русскую культуру и в том числе — воспетый поэтом «приют спокойствия, трудов и вдохновенья».

Усадьбу Михайловское освободившие Пушкиногорский район советские войска нашли как огромное пепелище.

Тяжёлыми для музея-заповедника были послевоенные годы. Огромный объём неимоверно трудных работ предстояло выполнить небольшому коллективу сотрудников музея — в штате состояло 16 человек. Невозможно представить всю тяжесть труда музейщиков и жителей Пушкиногорского района, работавших на расчистке усадебных парков и Михайловских рощ. Наряду с восстановлением усадебных построек в Михайловском в должный порядок приводили усадьбу и парк. Зарывали траншеи, окопы, снимали колючую проволоку, намечали аллеи, высаживали многочисленные деревья, кустарники, цветы. Работали, что называется, день и ночь, всё преодолели. Один за другим восстанавливались и открывались музеи, принимали гостей под свою сень парковые деревья.

Исследуя архивные материалы, узнаём, какие парковые проблемы решались в те, первые послевоенные годы. На первом плане стояли работы по устранению на лесных площадях и в парках последствий пребывания здесь немецких оккупантов: корчёвка высоких пней от срубленных деревьев, снятие проволочных заграждений с парковых деревьев, а также засыпка окопов, траншей, оставшихся в результате военных действий. Было проведено обследование и подсчёт погибших во время войны в Михайловском парке деревьев. Их оказалось 291. Подсадку новых деревьев взамен погибших в первую очередь производили на липовой Аллее Керн и на Еловой аллее. В 1948 году проведено пломбирование лип на газоне перед домом-музеем в Михайловском, а также закрытие дупел на липах Аллеи Керн, ремонт парковых дорожек (подсыпка гравия).

В больших объёмах проводили санитарные рубки, уборку сухостойных деревьев, повреждённых артиллерийскими снарядами до прекращения роста, штамбов (деревьев без кроны). Одновременно осуществлялась выкладка ловчих деревьев для привлечения насекомых-вредителей, обработка ядохимикатами как насаждений, так и отдельных особо ценных и охраняемых деревьев, подкормка мемориальных деревьев минеральными удобрениями. В 1947 году был восстановлен

известный и очень поэтичный уголок заповедника, непосредственно связанный с творчеством А.С. Пушкина, — «Три сосны». На месте погибших во время Великой Отечественной войны сосен посажены другие, которые и сейчас растут там.

1960-е годы запомнились как период борьбы сотрудников, учёных-лесоводов Псковского управления лесного хозяйства, учёных Ленинградской лесотехнической академии имени С.М. Кирова за спасение, возможное продление жизни пушкинской Ели-шатра. Работы велись с 1962 года, но, несмотря на это, 15 мая 1965 года доцент кафедры энтомологии Ленинградской лесотехнической академии имени С.М. Кирова Олег Александрович Катаев сделал заключение о гибели дерева. Сейчас на этом месте растёт другая ель — в память о погибшей красавице-ели и в светлую память поэта.

В 1972 году на наши места обрушилась страшная засуха. Сколько сил, терпения проявили сотрудники заповедника, чтобы в этот тяжёлый для природы, всего живого год сохранить зелёное убранство парков! Зима 1978/1979 годов. Температура воздуха понизилась до – 43... – 46 °С. В Михайловском погиб фруктовый сад. Очень плохо чувствовал себя «Дуб уединенный», ведь дуб — порода теплолюбивая. Это дерево-памятник, сильно пострадавшее в годы Великой Отечественной войны, всегда было предметом особой заботы сотрудников, специалистов — учёных-лесоводов, агрономов — заповедника. После войны из бункера, устроенного фашистами в корневой системе дуба, извлекли все брёвна, доски и эту огромную яму забивали землёй, навозом. Очень плохо чувствовал себя дуб и в 1979 году. И снова его кормили органикой, поливали.

С 1991 года в парках музея-заповедника ведут работы в кронах деревьев верхолазы кооператива «Возрождение» из Павловска (Санкт-Петербург). Ими неоднократно обрезаны сухие ветви и сучья на мемориальных и старовозрастных деревьях в парках Петровского и Тригорского, причём в Тригорском парке особое внимание руководитель фирмы Анатолий Борисович Воробьёв уделяет «Дубу уединенному». Не один год верхолазы работали на усадьбе Михайловское.

Специалисты из «Возрождения» установили стяжки на деревьях в парках Петровского и Михайловского. Одновременно с работами в кронах верхолазы осуществляют уборку опасно растущих деревьев. В 2001 году большой объём работ с мемориальными насаждениями был выполнен в Святогорском Свято-Успенском монастыре, по склону Синичьей горы и вокруг Успенского собора.

На протяжении ряда лет, с 1993 по 1999 год, лечением мемориальных и старовозрастных деревьев в парках музея-заповедника занимались специалисты дендрологи, энтомологи, фитопатологи московской фирмы «Дендродоктор». Ими вскрыты, обработаны, задекорированы дупла и полости лип Аллеи Керн, клёна около Домика няни, лип по склону в восточной части усадьбы и около дома С.С. Гейченко в Михайловском, множества лип, дубов в Тригорском, в том числе «Дуба уединенного», лип на аллеях Петровского парка. В 2002 году нашими рабочими-умельцами в Михайловском вычищены и обработаны дупла в 29 липах.

Всем, кто работает с историческими мемориальными парками, знакома проблема сохранения мемориальных и старовозрастных деревьев. Большой частью деревья эти больные, ослабленные; лиственные имеют многочисленные, порой огромные, дупла; хвойные поражены раком-серянкой, корневой губкой. Однако и аллеи, и отдельно растущие старовозрастные деревья в парках представляют огромную ценность: это те мемориальные экспонаты, которые пережили своих хозяев, пережили все катаклизмы прошедших лет и событий, выстояли при ураганных ветрах, сильнейших морозах, засухах. Этим почтенным ветеранам в Пушкинском Заповеднике специалисты ландшафтно-парковой службы уделяют особое внимание и заботу.

С каждым годом проблем не уменьшается. Стареют парки, стареют парковые деревья... В настоящее время за парками и прилегающими ландшафтными территориями ведут уход специалисты и рабочие службы музейных лесов и парков, выросшей из отдела лесопаркового хозяйства, созданного по инициативе С.С. Гейченко в 1990 году.

Пушкинский Заповедник расположен в зоне частых ураганных ветров, которые наносят непоправимый урон зелёным насаждениям. Стоит только вспомнить ураганы 1987 и 1989 годов, когда погибли сотни деревьев в парках и Михайловских рощах! Осенью 1999 и весной 2000 года ураганный ветер сломал два дерева на Аллее Керн: одно до прекращения роста, другое на высоте порядка 10 метров.

В результате наблюдений за аллеиными липами специалистами парковой службы музея-заповедника было сделано заключение о том, что:

- 1) липы находятся в возрасте более 200 лет;
- 2) липы имеют большие, протяжённостью до 6—10 метров по длине ствола, дупла, образующие полости в нижней части стволов;
- 3) верхняя часть стволов полнодревесная;

4) кроны деревьев высоко подняты, в результате того что аллея многие десятки лет находилась на границе лесного массива, насаждения в котором представлены преимущественно елью обыкновенной;

5) таким образом, в облиственном состоянии кроны этих лип имеют огромный вес, большую парусность и, раскачиваясь при сильных порывах ветра, ломаются в нижней, полой части стволов;

6) липы Аллеи Керн представляют собой деревья угрозы, так как после проведения ремонтно-восстановительных и реставрационных работ по аллею проходит главный экскурсионный маршрут.

*Аллея Керн
до снижения крон аллеиных деревьев*

Появилась мысль уменьшить парусность и вес верхней части деревьев. Сделать это было возможно, снизив высоту крон.

В Михайловском есть и другие проблемные деревья: на усадьбе имеется рядовая посадка старовозрастных лип (предположительно посаженных в годы, когда усадьбой владел Г.А. Пушкин), они находятся в непосредственной близости от усадебных построек (Дом управляющего и Дом приказчика), на маленьком пятачке, где собирается большое количество посетителей. Липы эти также являются деревьями угрозы, поэтому вопрос о них решался в то же время, что и вопрос о липах Аллеи Керн.

На совместном заседании специалистов биологов музея-заповедника «Михайловское» и специалистов Совета хранителей парков Санкт-Петербурга было сделано заключение о состоянии деревьев и даны рекомендации по работе с липами Аллеи Керн и липами, растущими вдоль усадебных построек в Михайловском. Весной 2001 года специалисты кооператива «Возрождение» выполнили работы по снижению и облегчению крон на липах.

*Деревья Аллеи Керн
через год после проведения работ
по снижению крон*

*Деревья Аллеи Керн
в июне 2014 года*

Надо заметить, что это не первый опыт снижения крон деревьев в усадьбе Михайловское. В 1999 году Ю.В. Петерсоном таким же образом были обработаны ивы вокруг пруда с Горбатым мостиком. Часть ив пришлось убрать совсем, а у тех, которые ещё более или менее прилично выглядели, обрезали сухие вершины, сформировали, насколько это было возможно, кроны.

Все эти деревья сейчас прекрасно себя чувствуют, у них обросли кроны, на четвёртый год липы обильно цвели. Так солидного возраста деревья отозвались на сильную обрезку. Уже трижды проводились работы по формированию новых крон.

9 января 2005 года в Пушкиногорье случился ураган. В это время была сильная оттепель, снег сошёл, почва оттаяла. В результате в Тригорском парке было вывернуто с корнем и сломано до прекращения роста 56 деревьев, в Михайловском — 77, в Петровском — 2. Администрацией и специалистами-биологами музея-заповедника было принято решение: с целью сохранения старовозрастных деревьев и

Деревья в партере Тригорского до снижения крон. 2005 год

уменьшения угрозы жизни посетителей и сотрудников музея-заповедника провести работы по снижению крон с одновременным их формированием на части старовозрастных парковых деревьев.

*Деревья в партере Тригорского после проведения работ по снижению крон.
Апрель 2005 года*

Деревья в партере Тригорского в июне 2014 года

В марте — апреле 2005 года эти работы были выполнены: в Тригорском снижены кроны на деревьях в партере около дома-музея Осиповых и Вульфов, около северного крыльца дома, в «Зелёном зале»; в Петровском — на деревьях у входа в парк, на дерновом овале.

Следует отметить, что первое впечатление посетителей старых парков — это восприятие природно-архитектурного ансамбля в целом. Затем взор «выхватывает» отдельные элементы парка. Что касается аллейных деревьев, то про них можно смело сказать, что в данном случае здесь «работает» ствол, а не крона или дерево в целом. И, конечно, следует своевременно убирать из крон парковых деревьев усохшие ветви, которые создают неухоженный вид и являются распространителями грибных болезней. Большинство старых деревьев таких пород, как липа, ива, вяз, хорошо переносят стрижку и обрезку.

Главная задача любого музея — сохранять культурное наследие прошлых лет. Парки и рощи Пушкиногорья, несомненно, являются таким наследием. Ещё одна из задач Пушкинского Заповедника — дать возможность посетителю приобщиться к поэтическому наследию поэта и воочию увидеть места, где были созданы лучшие его произведения, узнать и идентифицировать пейзаж, отражённый в поэзии Пушкина. И в этом ему не в последнюю очередь помогут старые деревья, являющиеся частью подлинного пушкинского поэтического ландшафта.

Краткие сведения об авторах сборника
«Михайловская пушкиниана»

Ая Урве — учитель, Magister Artium Нарвской Кренгольмской гимназии (Эстония).

Бакалова Светлана Леонидовна — главный специалист Центра по работе с редкими и ценными документами Псковской областной универсальной научной библиотеки.

Боленко Константин Григорьевич — кандидат исторических наук, заведующий отделом редких книг, рукописей и фотофондов Государственного музея-усадьбы «Архангельское» (Москва).

Вершинина Наталья Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой литературы Псковского государственного университета.

Востриков Алексей Викторович — заведующий сектором, хранитель библиотеки Бестужевских курсов научной библиотеки имени М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета.

Грачёва Жанна Владимировна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой издательского дела Воронежского государственного университета.

Жучков Константин Борисович — кандидат исторических наук, учёный секретарь Пушкинского Заповедника (Пушкинские Горы Псковской области).

Зубков Николай Николаевич — кандидат филологических наук, главный научный сотрудник Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы имени М.И. Рудомино (Москва).

Игнатъев Денис Юрьевич — кандидат философских наук, доцент кафедры эстетики и этики факультета философии человека Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена (Санкт-Петербург).

Карпова Ирина Леонидовна — кандидат исторических наук, заведующая сектором формирования и научной обработки фонда НИО редких книг (Музей книги) Российской государственной библиотеки (Москва).

Климова Людмила Михайловна — заслуженный работник культуры РФ, заведующая Юношеской библиотекой имени Н.А. Некрасова муниципального учреждения культуры «Централизованная библиотечная система города Ярославля».

Козаровецкий Владимир Абович — литературный критик, литературовед (Москва).

Козмина Любовь Владимировна — кандидат филологических наук, почётный работник общего образования РФ, хранитель музея-усадьбы Ганнибалов «Петровское» Пушкинского Заповедника (Пушкинские Горы Псковской области).

Копанева Наталья Павловна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской Академии наук (Санкт-Петербург).

Кузнецова Наталия Владимировна — магистр этнологии Европейского университета в Санкт-Петербурге, старший преподаватель, заведующая учебным отделом Петербургского института иудаики (Санкт-Петербург).

Летягин Лев Николаевич — кандидат филологических наук, декан факультета философии человека РГПУ имени А.И. Герцена, заведующий кафедрой эстетики и этики (Санкт-Петербург).

Манкевич Ирина Анатольевна — доктор культурологии, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов.

Мельцин Максим Олегович — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северо-Западного института печати Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна.

Мотейонайте Илона Витаутасовна — доктор филологических наук, профессор, заместитель декана по научной работе филологического факультета Псковского государственного университета.

Мудров Юрий Витальевич — руководитель Санкт-Петербургского Общественного Фонда по содействию развитию культуры и искусства, председатель секции искусствоведения и художественной критики Санкт-Петербургского Союза художников, член комиссии по искусствоведению Союза художников России, член Международного Совета музеев (ИКОМ) (Санкт-Петербург).

Мудрова Анна Юрьевна — искусствовед, старший научный сотрудник Государственного музея истории Санкт-Петербурга, член Международной Ассоциации искусствоведов, член Международного Совета музеев (ИКОМ).

Новикова Дарья Геннадьевна — учитель русского языка и литературы гимназии № 13 города Минска (Белоруссия).

Панченко Елена Залковна — главный библиограф отдела Библиотеки Российской Академии наук при Санкт-Петербургском институте истории РАН.

Перцов Николай Викторович — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН (Москва).

Перцова Наталья Николаевна — доктор филологических наук, заслуженный научный сотрудник МГУ, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва).

Пиврик Галина Николаевна — главный хранитель музейных лесов и парков Пушкинского Заповедника (Пушкинские Горы Псковской области).

Пирогова Елена Павловна — кандидат исторических наук, доцент Российского государственного профессионально-педагогического университета (Екатеринбург).

Плотникова Дарья Сергеевна — главный хранитель музейных фондов Пушкинского Заповедника (Пушкинские Горы Псковской области).

Симонова Вера Михайловна — кандидат филологических наук, учёный секретарь Юсуповского дворца на Мойке (Санкт-Петербург).

Таборисская Евгения Михайловна — доктор филологических наук, профессор кафедры издательского дела и книжной торговли Северо-Западного института печати Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна.

Узенёва Юлия Николаевна — старший специалист музея-усадьбы «Михайловское» Пушкинского Заповедника (Пушкинские Горы Псковской области).

Фадеева Ирина Ивановна — кандидат педагогических наук, доцент, начальник Научно-информационного центра Санкт-Петербургского государственного технологического университета растительных полимеров.

Фёдорова Екатерина Владимировна — научный сотрудник научной библиотеки Пушкинского Заповедника (Пушкинские Горы Псковской области).

Хмелевских Ирина Васильевна — кандидат искусствоведения, научный сотрудник НИО редкой книги Библиотеки Российской Академии наук (Санкт-Петербург).

Цветкова Нина Викторовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Псковского государственного университета.

Черненко Валентин Андреевич — научный сотрудник реставрационной фирмы ОАО «Возрождение Петербурга» (Санкт-Петербург).

Шевцова Наталья Андреевна — студентка III курса филологического факультета Челябинского государственного педагогического университета.

Шумкова Ирина Анатольевна — главный библиотекарь отдела редких книг Свердловской областной универсальной научной библиотеки имени В.Г. Белинского.

СОДЕРЖАНИЕ

Список сокращений в сборнике «Михайловская пушкиниана» 4

I. Материалы

научных Михайловских Пушкинских чтений «КОГДА Б Я БЫЛ ЦАРЬ...». ХУДОЖНИК И ВЛАСТЬ»

Жанна Грачёва. О «ВЛАСТИ» ВООБЩЕ И О «ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ»
В ЧАСТНОСТИ: КОГНИТИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ 5

Николай Перцов. О ДВУХ «НИКОЛАЕВСКИХ»
СТИХОТВОРЕНИЯХ ПУШКИНА. Историко-литературные
и текстологические заметки 12

Владимир Козаровецкий. ПУШКИН И ВЛАСТЬ.
От истоков «Гавриилиады» до «диплома рогносоца» 25

Любовь Козмина. СТАНОВЛЕНИЕ ПУШКИНА-ЖУРНАЛИСТА
В ПЕРИОД МИХАЙЛОВСКОЙ ССЫЛКИ 40

Валентин Черненко. «МЕДНАЯ БАБУШКА».
Статуи Екатерины II в жизни Гончаровых и Пушкина 50

Ирина Манкевич. ЦАРЬ И ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОГО ГЕНИЯ 65

Николай Перцов. ЕЩЁ РАЗ ОБ АВТОРСТВЕ СКАЗКИ
«КОНЁК-ГОРБУНОК» 77

Наталья Кузнецова, Максим Мельцин. СТИХОТВОРЕНИЕ
КНЯЗЯ И.М. ДОЛГОРУКОВА «НА ОСВОБОЖДЕНИЕ КНЯЗЯ
СИБИРСКОГО» КАК ОДА, ПОСВЯЩЁННАЯ ВОСШЕСТВИЮ
НА ПРЕСТОЛ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I 99

Нина Цветкова. ПЁТР I В ВОСПРИЯТИИ С.П. ШЕВЫРЁВА
(1830—1860-е годы) 112

Наталья Вершинина. КОЛЛИЗИЯ «ПОЭТ И ЦАРЬ»
В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ А.Н. ЯХОНТОВА 123

Юрий Мудров. ЛИЦЕЙСТ. ПОЭТ. ВОИН.
Князь Олег Константинович Романов. Страницы биографии 132

<i>Наталья Перцова.</i> ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ И ВЛАСТЬ	146
<i>Евгения Таборисская.</i> ПУШКИНСКИЙ «ВООБРАЖАЕМЫЙ РАЗГОВОР С АЛЕКСАНДРОМ I» КАК ВОЗМОЖНЫЙ ПРЕТЕКСТ СТИХОТВОРЕНИЯ ДАВИДА САМОЙЛОВА «СВОБОДНЫЙ СТИХ» («В ТРЕТЬЕМ ТЫСЯЧЕЛЕТЬЕ»).....	158
<i>Дарья Новикова.</i> ПРОБЛЕМА «ХУДОЖНИК И ВЛАСТЬ» В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ВСЕВОЛОДА НЕКРАСОВА	166
<i>Константин Жучков.</i> КНИГА И ВЛАСТЬ. Перемещение дворянских библиотек Советским государством на примере книжного собрания Пушкинского Заповедника	176
<i>Наталья Шевцова.</i> ПРЕЗЕНТАЦИЯ ИГРЫ «РУССКИЙ МИР»	183

II. Материалы научно-практических чтений
«...НА ИХ ПОЛЯХ ОНА ВСТРЕЧАЕТ ЧЕРТЫ ЕГО КАРАНДАША...»
(«Библиотека в усадьбе»)

<i>Лев Летягин.</i> «СИЛОВЫЕ ПОЛЯ» МАРГИНАЛИЙ В ЦЕННОСТНОМ ПРИТЯЖЕНИИ КЛАССИЧЕСКОГО ТЕКСТА	185
<i>Денис Игнатьев.</i> ПОЛЯ ПЕРЕВОДИМОСТИ: АКСИОСФЕРА СВОБОДНОГО ЛОГОСА	201
<i>Ирина Хмелевских.</i> ГАБРИЕЛЬ НОДЕ, БИБЛИОТЕКА ПЕТРА ВЕЛИКОГО, ИЛИ ОТКУДА ВЗЯЛАСЬ ИДЕЯ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ.....	207
<i>Наталья Копанева.</i> УСАДЕБНЫЙ НАУЧНЫЙ КАБИНЕТ ГРАФА Я.В. БРЮСА.....	221
<i>Наталья Кузнецова, Максим Мельцин.</i> МАРГИНАЛИИ НА ЭКЗЕМПЛЯРЕ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ КНЯЗЯ И.М. ДОЛГОРУКОВА.....	228
<i>Вера Симонова.</i> ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗЕРКАЛО КНЯЗЕЙ ЮСУПОВЫХ: КНИГИ, РУКОПИСИ, АВТОРЫ	243
<i>Константин Боленко.</i> БИБЛИОТЕКА Н.Б. ЮСУПОВА. По запискам В.М. Голицына	255

Константин Жучков. ТЕМАТИЧЕСКИЕ ЗАПИСИ НА ПОЛЯХ КНИГ КОЛЛЕКЦИИ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ В СОСТАВЕ ФОНДОВ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА.....	274
Константин Жучков. «DER FELDZUG IN UNGARN UND SIEBENBÜRGEN IM SOMMER DES JAHRES 1849» В СОСТАВЕ ФОНДОВ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА. Книжный памятник или исторический источник?	285
Екатерина Фёдорова. КНИГИ БИБЛИОТЕКИ КНЯЗЕЙ БАРЯТИНСКИХ В СОСТАВЕ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА	294
Алексей Востриков, Елена Панченко. КНИГИ ЗАКУПСКОЙ БИБЛИОТЕКИ В ФОНДЕ БИБЛИОТЕКИ САНКТ- ПЕТЕРБУРГСКОГО ИНСТИТУТА ИСТОРИИ РАН.....	302
Юрий Мудров. БИБЛИОТЕКА ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЁДОРОВНЫ В ПАВЛОВСКЕ (так называемая «Библиотека Росси»).....	305
Елена Пирогова. БИБЛИОТЕКА САРАТОВСКОГО ГУБЕРНАТОРА А.А. ЗУБОВА В ИТАЛИИ.....	312
Алексей Востриков. ОБ ОДНОЙ ЗАПИСИ В КНИЖНОМ СОБРАНИИ Н.К. МИХАЙЛОВСКОГО.....	325
Людмила Климова. ПЕРВАЯ НАРОДНАЯ БИБЛИОТЕКА ГОРОДА ЯРОСЛАВЛЯ И ЕЁ ПОПЕЧИТЕЛИ ИЗ УСАДЬБЫ Н.А. НЕКРАСОВА «КАРАБИХА»	335
Наталья Вершинина. УСАДЕБНОЕ ЧТЕНИЕ И ЕГО РОЛЬ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Л.Н. ТОЛСТОГО	342
Илона Мотеюнайте. ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ В ДВОРЯНСКОЙ УСАДЬБЕ: ПРИВЫЧКИ И ПРОБЛЕМЫ	352
Юлия Узенёва. ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ И КРУГ ЧТЕНИЯ В.Д. ФИЛОСОФОВА (по материалам личного дневника)	365
Урве Ая. ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ: ПЕРВЫЕ ФИКСАЦИИ ЭСТОНСКИХ ПОСЛОВИЦ.....	371
Николай Зубков. О СУДЬБЕ РОДОВЫХ БИБЛИОТЕК ПОТОЦКИХ И СОБАНЬСКИХ.....	375

Ирина Шумкова. КНИЖНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ КНЯЗЕЙ БЕЛОСЕЛЬСКИХ-БЕЛОЗЕРСКИХ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ	384
Елена Панченко. КНИГА КАК ПОДАРОК (по материалам русских автографов на книгах из библиотеки Санкт-Петербургского института истории)	392
Светлана Бакалова. ТРИ ЭПОХИ БИБЛИОТЕКИ ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА ЯШНЕВА. Личное собрание музыканта в Центре по работе с редкими и ценными документами Псковской областной универсальной научной библиотеки.....	406
Ирина Фадеева. АВТОГРАФЫ ВЫДАЮЩИХСЯ УЧЁНЫХ НА УНИКАЛЬНЫХ ИЗДАНИЯХ ИЗ ФОНДА РЕДКИХ КНИГ БИБЛИОТЕКИ СПБ ГТУРП	417
Ирина Карпова. О РАБОТЕ С ЗАПИСЯМИ НА КНИГАХ В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ОТДЕЛЕ РЕДКИХ КНИГ (МУЗЕЕ КНИГИ) РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ.....	426
Юрий Мудров, Анна Мудрова. ДАРИТЕЛИ. ПОД ЗНАКОМ ИСКУССТВА И ПУШКИНА. АНДРЕЙ И ЛАРИСА ЯКОВЛЕВЫ	430

III. Из научных изысканий сотрудников Пушкинского Заповедника

Дарья Плотникова. «СЕЛЬЦО БАРБИЗОНЦЕВО»: УСАДЬБА ГЛАЗАМИ ХУДОЖНИКА	437
Галина Пиврик. «...ПОД МИРНЫМ КРОВОМ СТАРЕЙШИН САДА ВЕКОВЫХ...».....	444
Краткие сведения об авторах сборника «Михайловская пушкиниана».....	455

Научно-популярное издание
МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 63

«Когда б я был царь...»

МАТЕРИАЛЫ

Михайловских Пушкинских чтений
«Когда б я был царь...». Художник и власть»
(21—25 августа 2013 года)
и научно-практических чтений
«Библиотека в усадьбе»
**«...На их полях она встречается
Черты его карандаша...»**
(23—27 апреля 2014 года)

Руководитель издательских проектов
Пушкинского Заповедника Н.Б. Василевич

Редактор Л.А. Токарева
Технический редактор Р.П. Васильева
Корректор Т.П. Николаева
Компьютерная верстка: И.Г. Александрова

На первой странице обложки:
Ю.М. Игнатьев. «Пушкин в Михайловском».
Вторая половина XX века. Из фондов Пушкинского Заповедника.

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный мемориальный историко-литературный
и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина
«Михайловское» (Пушкинский Заповедник)
181370, Псковская область, пос. Пушкинские Горы, селцо Михайловское.

Распространяется бесплатно

Подписано в печать.20.10.2014. Формат 60x88 ¹/₁₆.

Гарнитура Times New Roman.

Печать офсетная. Объем 29 печ. л.

Заказ № 107. Тираж 300 экз.

Отпечатано в ГППО «Псков-Полиграф».

180004, Псков, ул. Ротная, 34